ОРГАНИЗАТОРЫ:

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

КАФЕДРА СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА СЕРВИСА И ЭКОНОМИКИ

ПОДДЕРЖКА И УЧАСТИЕ:

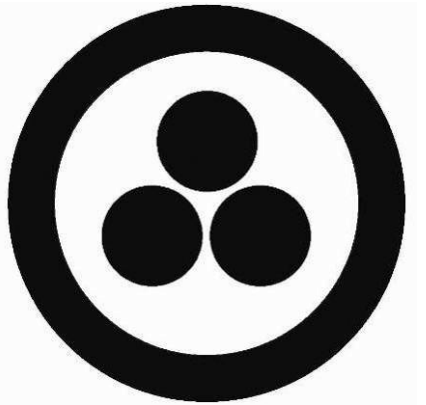
ВСЕМИРНЫЙ КЛУБ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ Н. К. РЕРИХА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ФОНД «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

К 1150-летию зарождения Российской государственности

ДВЕНАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»



НАЧАЛО РУСИ. СЛАВЯНЕ И ВАРЯГИ
ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ВЫСОКОГО РУССКОГО СТИЛЯ

Санкт-Петербург
2014

ББК 70

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Редакционная коллегия:
Е. В. Бакалдина, А. А. Бондаренко (председатель), И. А. Бондаренко, Ю. Ю. Будникова, Д. В. Делюкин, Т. В. Коренева, А. К. Мазаева-Каненга (ответственный секретарь), В. Л. Мельников, В. А. Шуршина

Ответственные редакторы
А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников

Редакционная коллегия благодарит Даниила Энтина и Гвидо Трепшу (Нью-Йорк)
за помощь в подготовке издания и неизменную поддержку

ББК 70 **Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Том XII: Начало Руси. Славяне и варяги. Прошлое и будущее высокого Русского стиля.** – СПб.: Издание СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2014. – 520 с.

ISBN 978-5-906782-06-9

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1
Тел./факс: +78123230885; http://www.roerich.spb.ru/;
http://www.roerich-heritage.org/;
e-mail: ab@roerich.spb.ru; vm@roerich.spb.ru; science.misr@gmail.com

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов», 2014
© Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

XII Международная научно-практическая конференции «Рериховское наследие» проходила в год 110-й годовщины со дня рождения Ю. Н. Рериха и в дни празднования 138-й годовщины со дня рождения Н. К. Рериха. Конференция была посвящена 1150–летию Русской государственности. Главные темы – **«Славяне и варяги»** и **«Прошлое и будущее высокого Русского стиля».**

В 2012 году конференция проходила в два этапа.

Пятнадцатого июня в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов состоялось Пленарное заседание Летней сессии конференции «Русский стиль. "И открываем врата"», приуроченное к открытию выставки «Врата Русского стиля. Феодоровский городок в Царском Селе». В заседании приняли участие музейщики, искусствоведы, иконописцы, художники, архитекторы, культурологи, историки, библиографы и многие другие.

По традиции, Осенняя сессия конференции прошла в дни празднования очередной годовщины со дня рождения Н. К. Рериха на трёх площадках организаторов.

Девятого октября в Санкт-Петербургском государственном университете состоялись Пленарное заседание и семинар «Рериховское наследие и естественные науки».

Десятого октября в Государственном Эрмитаже прошли Пленарное заседание и Круглый стол «Принципы реставрации художественного наследия семьи Рерихов». Там же состоялась Торжественная церемония награждения лауреатов Международной премии имени Николая Рериха за 2012-й год.

Одиннадцатого октября в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов прошли завершающие заседания и сопутствующие мероприятия.

В рамках культурной программы конференции состоялись экскурсии для участников, включая автобусную экскурсию по Рериховским местам нашего города с традиционным посещением памятника Н. К. Рериху на Васильевском острове.

На конференции обсуждались следующие темы: «"Варяжский вопрос" как культурный феномен»; «Отражение темы "Славяне и варяги" в культуре Европы»; «Феннославоника и фенноскандика»; «Серии картин и отдельные произведения Н. К. Рериха, посвящённые начальному периоду Русского государства» *(«Начало Руси. Славяне»*, *«Город строят»*, *«Памятники русской старины»*, *«Викинг»* и др.); «Симфонизм как творческий метод Н. К. Рериха»; «Прошлое, настоящее и будущее высокого Русского стиля»; «Музеи и собрания, хранящие наследие семьи Рерихов и их окружения»; «Проблемы и перспективы сохранения Рериховского наследия»; «Принципы реставрации художественного наследия семьи Рерихов»; «Рериховское наследие и естественные науки»; «Актуальность Рериховского наследия, формы и опыт его использования в музейной, научной, педагогической и другой работе».

В дни работы Осенней сессии конференции в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов открылась выставка «Начало Руси. Славяне и варяги».

К традиционным организаторам конференции – Комитету по культуре Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургскому государственному университету, Государственному Эрмитажу и Санкт-Петербургскому государственному музею-институту семьи Рерихов – в этом году присоединилась кафедра сохранения и музеефикации культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики. Конференция проводилась при поддержке и участии Всемирного клуба петербуржцев, Санкт-Петербургского художественного училища имени Н. К. Рериха и Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие».

На конференции выступили 58 человек, представивших более 60 докладов, сообщений и приветствий – представители 5 стран. В конференции приняли участие учёные и общественные деятели Беларуси, Израиля, Новороссии, России, США и Украины. Выступили докладчики из Ариэля, Бостона, Брайтона, Донецка, Минска, Могилёва, Москвы, Новосибирска, Омска, села Поляны Рязанской области, Санкт-Петербурга, Сызрани и других мест. Конференцию «Рериховское наследие» посетило более 150 гостей из разных регионов России и мира.

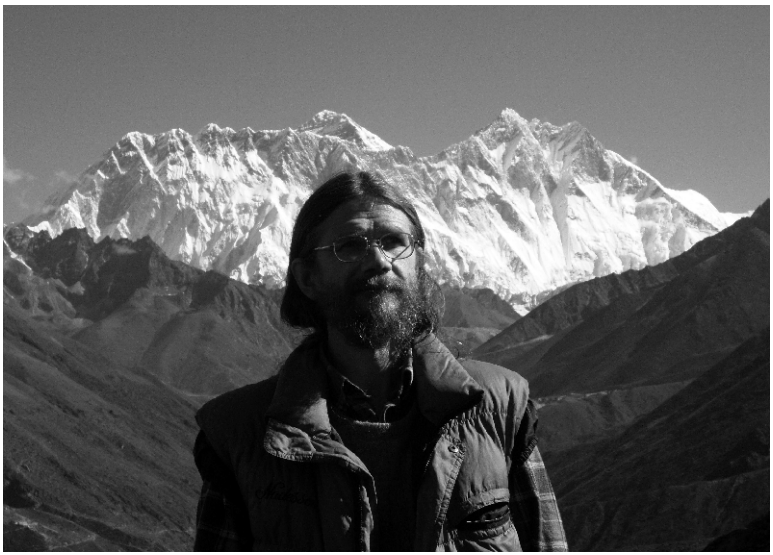
* * *

Пленарное заседание Летней сессии **«Русский стиль. “И открываем врата”»** вёл кандидат культурологии, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» **Владимир Леонидович Мельников.** Открыл Летнюю сессию конференции своим благословением и приветствием иерей **о. Николай Николаевич Мочалкин**, который, в частности, сказал:

«Мне довелось провести в Феодоровском городке три года. Там была попытка возродить монашеское подворье Троице-Сергиевой лавры. Но эта идея не осуществилась. В Городке 15 лет назад появилась Царскосельская иконописная мастерская. Гуляя с художниками иконописной мастерской по Феодоровскому городку, посещая пещеры, рассматривая своды, мы проникли в какую-то тайну. Мы рассматривали фрески, они давно стали разрушаться, не без участия невежественных людей. Прежде эти фрески были замазаны мелом. Когда мел с оставшихся фресок начал осыпаться, проявились остатки символических изображений. Есть у Николая Клюева стихотворение “Белая Индия”, которое завершается строками:

Искал пегоухих отцовских ослиц
И царство нашёл многоценней златниц:
Оно за печуркой, под рябым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком.

У нас было такое же состояние, как у Клюева, когда он в простой русской избе обрёл тайну мироздания, открывшуюся ему и в том, как построена эта изба, в её архитектуре, символических изображениях в ней. Его идея посетить Индию тоже свершилась, а в то время этими же идеями жили многие. Например, те, кто бывал



Иерей Николай Николаевич Мочалкин (1954—2013) в Гималаях. 2006

непосредственно в Городке: Сергей Есенин – посетил Персию; Николай Рерих – Индию... Для нас тайна тоже открылась: тайна величия Русской культуры. Когда пытались сделать подворье в Феодоровском городке, в нём планировалось сделать культурный центр, в котором хотели отразить историю Русской Церкви. Любая Церковь строится на основе национальной культуры. В пятьдесят первом году нашей эры на Первом Апостольском Соборе был поставлен вопрос: надо ли принимать обычай Моисеев или можно народу сохранить свою культуру? И тогда постановили, что не нужно перенимать чужой закон, а можно оставить свои законы и традиции, при этом, как известно, решив отказаться от жертвоприношений, обрядов с кровью, удавлины и т. д. Значит, нужно остановиться на национальной культуре и на ней можно строить Церковь.

И когда была попытка восстановить наш Русский городок, его начали восстанавливать на евро-стандартах. На это неловко было смотреть. Сразу было видно, что храм начал восстанавливаться не на основе Русской культуры, а на основе новых каких-то веяний. Это привело бы к тому, что и Церковь существовала бы, но была бы не национальной, а глобалистической. Мы вдруг осознали, что этого делать не следует, необходимо это делать только на основе Русской культуры, потому что восстанавливается Русская Православная Церковь. Благодаря этой идее мы начали исследовательскую деятельность, осознанную с духовных позиций. Наше время оказывается близким в духовных поисках исканиям начала XX в., когда происходило осознание духовных сакральных сущностей. Церковное учение было распространено, но в духовной жизни его было недостаточно, хотя возможно было постижение Истины через Святоотеческое учение. Но для обретения этого человек интеллигентный должен был всё оставить и начать изучать Святых отцов. Для

этого необходимо было жить в Святоотеческой традиции, и тогда, через такое изучение, открылись бы духовные высоты. Но интеллигенция идёт другим путём, а возможно, это к счастью для окружающих простых и верующих людей, что интеллигенция получает высокие знания через изучение культуры. Позже появляется произведение Есенина "Ключи Марии". Оно очень похоже на то произведение, которое оставил Рерих – "Листы сада Мории". Есенина никто неверующий сейчас не читает. И для Рериха пришло время, когда его надо реабилитировать как глубоко религиозного и верующего человека. Все эти идеи были обсуждаемы в Феодоровском Русском городке. Там общались Есенин, Рерих, Клюев, изучали проявления духовности в русской жизни. Существовали в то время и сектантские учения, но не все сектанты были тёмными фанатиками, многие были ищущими знания, не только церковного, но из разных культурных источников. Вот суть их деятельности. Дмитрий Николаевич Ломан, который тоже был церковным и глубоко религиозным человеком, привечал и Есенина, и Клюева, хотя кто-то последнего считал сектантом, но он был старообрядцем. Так нами была открыта такая духовная составляющая возрождения Русской культуры. Я рад, что имел возможность участвовать в этом движении. Поэтому сейчас мы не оправдываемся, когда приходится объяснять, почему мы занимаемся изучением Русской народной культуры, ведь она-де "языческая". Язычество от слова язык. Его можно перевести как народность. Без традиционной народной культуры нельзя строить Церковь. Я на всех тружеников в этом духовном делании призываю Божье благословение. Да поможет вам Господь».

Конференцию поприветствовала доктор искусствоведения, профессор кафедры рисунка Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, заведующая сектором Государственного Русского музея **Елена Пантелеевна Яковлева**:

«Замечательно, что Музей-институт семьи Рерихов предлагает нам новую форму заседаний в дополнение к традиционным осенним заседаниям, мы встретились в самую замечательную пору для Петербурга, в период Белых ночей, цветения сирени. Даже если большинство петербуржцев привыкло к этой красоте, но к этой красоте привыкнуть невозможно. Те, кто приехал в этот период, получают удовольствие не только от участия и работы на конференции, но и от того, что нас окружает этот великолепный город. Город, в котором сменились разные стили, в том числе почти сто лет существовал нео-стиль, включающий ветвь Русского стиля в архитектуре. Прекрасно то, что музей-институт обратился к такой теме – Русский стиль, его прошлое и будущее, предложил поразмышлять над этой темой в рериховском контексте – это знаменательно, круг смыкается.

Желаю конференции успехов.

В данный момент я тоже погрузилась в этот период в своей работе, охватив период 1903-го, 1904-го, 1905-го годов, накануне читала тексты самого Н. К. Рериха. Идёт работа над очень интересным материалом, в результате которой я планирую сделать сообщение на конференции, это будет даже открытие. Этот материал созвучен теме, о которой говорил в своём сообщении В. Л. Мельников "Н. К. Рерих и воз-

рождение русских традиций культуры", я и эту тему внутренне поддерживаю и развиваю. В связи с этим, хочу сказать, что художественным наследием Н. К. Рериха занимаюсь с 1983 г., это довольно давно. Сначала это было исключительно театрально-декорационное искусство, затем темы расширялись. Теперь приходится углубляться в различные отдельные темы. И по поводу темы "Рерих и Церковь", уже стало очевидно, что нет там никакого противостояния. С годами, чем больше занимаешься творчеством и личностью этого художника, чем больше погружаешься и изучаешь его наследие, тем больше понимаешь, какая это могучая, потрясающая фигура, какая личность! Занимаясь Русским стилем и вообще Русским народным искусством (ведь Русский стиль – это уникальное соединение живого народного плюс традиции древнерусского искусства), он настолько глубоко ими проникался, выражая в своём творчестве, в своих писаниях, словно бил в колокол. Например, то, что его волновало, когда проходила реставрация Церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. Здесь Рерих написал несколько живописных картин в 1903 г., как раз тогда, когда завершалась реставрация, в рамках которой всего лишь необходимо было укрепить фундамент, чтобы не было перекосов в стенах. Но по чьему-то "доброхотному" рвению в последний момент добавили ещё работы по смыванию росписей, и это его ранило, он "кричал" об этом в прессе, писал статьи, выступал на заседании Петербургского Общества архитекторов-художников, говорил, что это варварство, что так нельзя. И такое неравнодушие, активное включение заставляло общество обратить внимание, даже высокопоставленных лиц, которые где-то что-то и предпринимали. Что касается иконописи, интерес пробудился в 1900–1910-е гг., тогда появлялись первые древнерусские коллекции. При Рерихе был мальчик Сергей Оцуп, который в 1910-е гг., будучи молодым человеком, стал собирать коллекцию икон здесь в России. В 1920-е гг. он уехал в Германию, как и вся семья, потому что в Петербурге уже расстреляли брата, одарённого санскритолога. Сначала уехал его брат писатель Сергей Горный (Александр Оцуп), директор Днепровского гвоздильного завода, а затем – вице-председатель Общества заводчиков и фабрикантов Екатеринославской губернии. В 1912–1917 гг. в Петербурге были изданы его четыре книги юмористических рассказов, опубликованы и за границей. Уехал брат Николай Оцуп, поэт, последователь Николая Гумилёва, после того, как того расстреляли. Переехав со своей коллекцией, Сергей Оцуп обосновался в Германии, затем перебрался в Испанию, и постепенно его коллекция расширялась. Сегодня под Мадридом в городке Торрехон-де-Ардос существует музей древнерусских икон с X по XIX в. на основе коллекции русского эмигранта Сергея Оцупа. Корни этой коллекции отчасти связаны с Рерихом. Общий круг людей и всё их движение вылилось, в том числе, в такие замечательные результаты. Рекомендую всем посетить этот музей под Мадридом при возможности.

Итак, дорогие друзья, желаю интересного проведения конференции, надеюсь на то, что её материалы будут опубликованы. Хорошо, если будут опубликованы статьи тех, кто профессионально занимается Русским стилем, и я уверена, что материалы этой конференции добавят что-то новое в дело его изучения».

На Летней сессии также выступили представители Феодоровского Русского городка и Царскосельской иконописной мастерской, общественных организаций,

частных фирм, уделяющих много внимания возрождению и воссозданию художественных и архитектурных форм Русского стиля. Заседания прошли в большом зале Музея-института семьи Рерихов на выставке «Врата Русского стиля. Феодоровский городок в Царском Селе».

* * *

Осенняя сессия конференции прошла в дни празднования 138-й годовщины со дня рождения Н. К. Рериха. Главная её тема: **«Начало Руси. Славяне и варяги»**.

Пленарное заседание 9 октября 2012 г. в Петровском зале Главного здания СПбГУ вели кандидат физико-математических наук, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» **Алексей Анатольевич Бондаренко** и кандидат культурологии, его заместитель **Владимир Леонидович Мельников**.

Конференцию приветствовал доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета **Николай Генрихович Скворцов**:

«На 2012-й год выпадает немало исторических дат. Помимо 1150-летия Российской государственности это и 200-летие победы в Отечественной войне 1812-го года, и юбилей реформатора и государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина. Это стало поводом для того, чтобы указом Президента Российской Федерации этот год был объявлен Годом Российской истории.

Главная тема XII Международной научно-практической конференции "Рериховское наследие" – "Начало Руси. Славяне и варяги".

Необходимо отметить, что юбилей Российской государственности празднуется в 2012 г. после длительного перерыва. Полтора века назад инициатором торжеств по поводу 1000-летия Российской государственности стал император-реформатор Александр II. Уже в годы царствования его отца, императора Николая I, в 1852 г., 862-й год получил официальный статус "начального события Российской государственности". Согласно "Повести временных лет", именно в этом году восточные славянские племена, чтобы положить конец междоусобной брани, призвали на княжение варягов, которые и явились родоначальниками первой русской династии.

Конечно, эта дата носит отчасти символический характер. Государственность не возникает ни за год, ни за два, ни за десять лет. Но именно в тот период на Руси и в Европе начинали зарождаться и развиваться города, что, по сути, является признаком формирования государств.

Тысячелетие назад зарождалась и уникальность Российского государства. Его развитие шло не по пути дробления, а через объединение многочисленных племён и народов. Это один из серьёзных фундаментальных исторических уроков, поскольку вхождение в одно государство способствовало формированию общих ценностей.

События древней русской истории всегда были предметом дискуссий в среде историков, исходы которых во многом зависели от политической ситуации в стране и

правящей идеологии. Также они нашли своё образное воплощение и в художественной культуре России: в творчестве писателей, композиторов и художников.

Творчество Н. К. Рериха – художника, философа, археолога, общественного деятеля – тесно связано с изучением русской истории, и особенно переходных периодов. С сюжетами на тему русских древностей он пришёл в художественную культуру и продолжал исследовать разные грани этих событий в своём творчестве на протяжении всей жизни. Н. К. Рерих не стремится воссоздавать определённые исторические события. И хотя он воскрешает минувшее на основе научных данных археологии, сущность его работ не в реконструкции далёкой эпохи, а в поэтическом воплощении. Для творчества Н. К. Рериха характерны богатая фантазия, эмоциональное восприятие старины, умение передать особый аромат древней эпохи.

Уверен, что на конференции мы будем много и детально говорить как о разных произведениях Николая Константиновича – образцах его исторической живописи, так и о той философии, которую он вкладывал в них. Желаю конференции плодотворной работы».

Вторым в этот день конференцию приветствовал **Алексей Анатольевич Бондаренко:**

«Дорогие друзья и коллеги!

Николай Генрихович сказал о замечательных юбилеях, которые празднуются в этом году и один из них – это 1150-летие образования Российской государственности. Второй юбилей связан с событиями 1812-го года. И та, и другая дата, так или иначе, связаны с семьёй Рерихов. Сейчас у нас в музее открыта выставка "Голенищевы-Кутузовы. Военная доблесть и творческий гений". Мы знаем, что Елена Ивановна была внучатой племянницей Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова и в крови Рерихов течёт кровь этих замечательных деятелей русской культуры.

Я бы хотел сказать ещё вот о чём: в святом для всех универсантов коридоре Двенадцати Петровских Коллегий висит портрет Николая Константиновича Рериха. Я прочту короткую реплику из надписи под этим портретом. Там написано: "Н. К. Рерих. Живописец, театральный художник, археолог, писатель, общественный деятель, философ. Учился в Петербургской Академии художеств и на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета". Санкт-Петербургский государственный университет является образцовым учреждением, где хранится, изучается память выдающихся выпускников и вообще универсантов. Один из главных университетов страны является не только образовательным и научным центром, но и мощным культурным центром. И проведение таких конференций, как конференция "Рериховское наследие", и других мероприятий, связанных с наследием выдающихся универсантов – это обычное явление для Санкт-Петербургского университета, заметное не только в нашем городе. Такое отношение нашей alma-mater к наследию своих выпускников и сотрудников – образец для многих других образовательных учреждений, университетов, академий, институтов и т. д. С Петербургского университета можно и нужно брать пример. В изучении Рериховского наследия роль Петербургского университета уникальна, её невозможно пере-

оценить. Мы можем вспомнить не только те годы, когда здесь учились Н. К. Рерих, В. К. Рерих, С. С. Митусов и плеяда близкого круга сотрудников и последователей, но и, скажем, конец 1950-х гг., когда в Советский союз возвратился Юрий Николаевич Рерих. И тогда участие университета вместе с Географическим обществом и Восточной комиссией Географического общества в создании Музея Н. К. Рериха было весьма заметным. Начиная с 1998 г., уже более 15 лет Санкт-Петербургский государственный университет на регулярной основе поддерживает масштабные исследования наследия Н. К. Рериха и его семьи в Петербурге. И XII конференция "Рериховское наследие" ещё одно этому доказательство. Я хочу всех Вас поприветствовать, поздравить с открытием нашей конференции и пожелать успехов. Спасибо большое университету!».

В день открытия Осенней сессии **А. А. Бондаренко** также сказал несколько слов об одной из главных тем XII конференции:

«Русское государство, сообщает "Повесть временных лет", начало устраиваться в 862 г. Тогда славянские и финские племена (словене, кривичи, чудь, весь, меря, в вариантах – русь) по общему решению, на добровольной основе пригласили "во власть" из соседних заморских земель княжеского родственника "варяга" Рюрика с братьями. Н. К. Рерих начал свой творческий путь с осмысления этого важнейшего события в ранней истории нашего Отечества. Всю жизнь он творил свою "Славянскую симфонию" – серию живописных, графических, монументально-декорационных, сценографических произведений в контексте его археологических, этнографических, искусствоведческих, историко-юридических и общеисторических исследований на темы начала Русской государственности.

Нам было очень легко готовиться к конференции, потому что мы отталкивались от творчества Н. К. Рериха, от его картин, от его литературных работ, археологических изысканий, а также от наших музейных фондов. Наши сотрудники смогли представить целый ряд очень интересных докладов, охватить большой круг вопросов. Н. К. Рерих утверждал, что влияние скандинавской культуры на процесс формирования русской культуры должно быть охарактеризовано как умное и красивое. Мы можем говорить достоверно – зарождение нашего государства связано с призывом варягов. Сейчас возникло много спекуляций и неточностей, связанных с современным восприятием национальной самоидентичности. Для Н. К. Рериха же это был непраздный вопрос самоопределения. Он был представителем русского народа и культуры в высшем её измерении – приятии других культур, её открытости другим культурам».

Конференцию приветствовал **Владимир Леонидович Мельников:**

«Я очень рад, что мы в двенадцатый раз собираемся в этих стенах. За этот год произошло много знаковых событий, которые нашли отражение и в программе этой конференции. Алексей Анатольевич об этом не сказал, но теперь и эта деятельность музея-института получила своё воплощение: постоянная тяга к научной работе, образовательной деятельности привела к тому, что с этого года музей-институт стал базой для кафедры "Сохранение и музеефикация культурного наследия". В этом

году мы побывали в США, посмотрели, как хранится и используется Рериховское наследие в этой стране. Нам было очень интересно увидеть, как в Нью-Йоркском музее Рериха работают над сохранением художественного наследия Рерихов – Николая Константиновича и его сыновей, Юрия Николаевича и Святослава Николаевича. Там работает небольшая реставрационная мастерская. И тогда же возникла идея провести Круглый стол "Принципы реставрации художественного наследия семьи Рерихов". Надеюсь, завтра он состоится, и будет очень интересно. Впервые мы обозначим в сжатом виде все основные сложности и достижения в этой сфере. Традиционным для нашей конференции уже стал и второй Круглый стол "Рериховское наследие и естественные науки". Как это может быть ни парадоксально, на первый взгляд, но в наследии художника и его семьи, особенно в философском наследии, нашлось немало места и для естественных наук: математики, физики, химии, биологии. В Учении Живой Этики есть интересное представление о тройственной пространственной структуре мироздания, которое находит самый живой отклик среди учёных нашего времени. Этот Круглый стол состоится именно в Петербургском университете под руководством профессора, доктора физико-математических наук, старшего научного сотрудника Института математики имени С. Л. Соболева Сибирского отделения Российской Академии наук Александра Владимировича Левичева и заместителя директора нашего музея-института Юлии Юрьевны Будниковой. Наша конференция имеет самые разные измерения. Впервые на третий день конференции состоятся "Музейные гастроли" – Музей-институт семьи Рерихов принимает Государственный Исторический музей – крупнейший музей России, посвящённый истории нашего Отечества. Мы пригласили сотрудников этого музея показать интерактивные образовательные программы в стенах Музея-института семьи Рерихов. Поэтому конференция не имеет монографической структуры, но с каждым годом развивается в сторону практики и реальных дел. Фонд "Рериховское наследие" постоянно курирует целый ряд программ. По-прежнему одной из важнейших программ этого фонда является Международная премия имени Николая Рериха. Награждение лауреатов Премии тоже состоится в дни работы конференции, то есть завтра, в 14.00 в Зале Совета Государственного Эрмитажа. Я ещё раз всех приветствую, благодарю всех, кто откликнулся, прислал заявки, надеюсь, Вам будет интересно выступать, общаться и участвовать. Спасибо!».

На утреннем Пленарном заседании прозвучали интересные доклады, подняты вопросы, касающиеся темы начала Руси, славян и варягов. Затронуты и темы высокого Русского стиля и Русской темы в творчестве Н. К. Рериха.

* * *

После обеденного перерыва конференция продолжила свою работу. Заседание вели доктор искусствоведения **Елена Анатольевна Боровская** и кандидат исторических наук **Елена Вячеславовна Бакалдина.** В этой части конференции были также затронуты темы "Славянской симфонии" Н. К. Рериха и прозвучали доклады, посвящённые различным деятелям из орбиты его семьи.

Затем состоялся семинар **«Рериховское наследие и естественные науки»**, на котором были подняты вопросы, соприкасающиеся с областями естествознания, психологии, высшей математики, истории и антропологии, включая темы исследований психических феноменов. Семинар вели доктор физико-математических наук **Александр Владимирович Левичев** и заместитель директора Музея-института семьи Рерихов по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе **Юлия Юрьевна Будникова**.

* * *

Десятого октября 2012 г. состоялось Пленарное заседание в Зале Совета Государственного Эрмитажа. Вели заседание **А. А. Бондаренко** и **В. Л. Мельников.**

Прозвучали доклады, приуроченные к 110-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха, и сообщения о современниках семьи Рерихов.

После перерыва здесь же прошёл Круглый стол «Принципы реставрации художественного наследия семьи Рерихов», привлёкший широкое внимание общественности и специалистов. Его вели доктор искусствоведения **Е. П. Яковлева** и кандидат физико-математических наук **А. А. Бондаренко**. Помимо основных докладчиков, заявленных в программе, в работе Круглого стола приняли участие сотрудники Лаборатории научной реставрации восточной живописи Государственного Эрмитажа (далее – *ГЭ*), Отдела реставрации смешанных живописных техник Государственного Русского музея (далее – *ГРМ*), Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов (далее – *СПбГМИСР*), Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (далее – *МНР*), Санкт-Петербургского государственного музея истории религии (далее – *ГМИР*) и других музеев. Среди них: Хелена Бруш (Австрия), А. О. Городишенина (ГЭ), А. О. Дивлеткильдеева (ГЭ), М. В. Коротков (ГЭ), Н. Р. Рахманкулова (ГЭ), Н. Г. Федотова (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени барона А. Л. Штиглица), А. Н. Цепкова (ГЭ), Г. П. Цивирко (СПбГМИСР), Е. В. Чудайкина (ГЭ), Е. Г. Шишкова (ГЭ), Е. Ю. Щукина (ГРМ), Н. Д. Перова (ГМИР), А. Н. Агарков (ГМИР), А. К. Чернякова (ГМИР) и другие. Многие реставраторы высказали пожелание провести Круглый стол ещё раз в расширенном тематическом формате.

По окончании Круглого стола в Зале Совета Государственного Эрмитажа состоялась Торжественная церемония награждения лауреатов Международной премии имени Николая Рериха за 2012 г.

* * *

Октябрь – традиционно знаменательный месяц для памяти семьи Рерихов: 9 октября 1874 г. родился Николай Константинович, 23 октября 1904 г. родился второй сын Н. К. и Е. И. Рерихов Святослав Николаевич, 5 октября 1955 г. ушла из жизни Елена Ивановна. Стало доброй традицией проводить в октябре Торжественную церемонию награждения лауреатов **Международной премии имени Николая Рериха**, учреждённой в канун юбилея нашего города Государственным Эрмитажем, Санкт-Петербургским государственным университетом, Всемирным клубом петербуржцев, Музеем-институтом семьи Рерихов, Санкт-Петербургским художественным

училищем имени Н. К. Рериха, Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие». Среди лауреатов премии – художники, музыканты, педагоги, деятели культуры и науки.

Премия имени Николая Рериха присуждается по номинациям: «художественное творчество», «педагогика и просветительство», «сохранение культурных ценностей и миротворчество», «сохранение Рериховского наследия», «формирование культурного образа России в мире». Среди лауреатов прошлых лет Валентина Матвиенко, Валерий Гергиев, Энна Романовская, Людмила Вербицкая, Михаил Пиотровский, Владимир Троян, Мстислав Ростропович, Людмила Митусова, Никита Благово, Шагдарын Бира, Х. К. Шри Кеджривал, Татьяна Елизаренкова, Владимир Топоров, Тамара Чижова, Борис Соколов, Даниил Энтин, Роллан Сергиенко, Этти Кагаров, Наталия Тоотс, Евгений Маточкин, Ольга Румянцева, Борис Мессерер, Шалва Амонашвили, Леонид Рошаль и другие.

Согласно Положению о Международной премии имени Николая Рериха, она присуждается видным представителям отечественной и мировой культуры и творчески ярким, не обязательно знакомым широкой публике художникам, педагогам, научным и творческим работникам, общественным деятелям, вносящим особый вклад в сохранение и развитие творческих традиций, культурных и нравственных основ. Премия присуждается решением Оргкомитета на основании представлений от организаций вне зависимости от национальной, религиозной или социальной принадлежности кандидатов. Стать лауреатом премии можно не более одного раза. Лауреаты премии награждаются памятным дипломом, медалью «Лауреат премии имени Николая Рериха», памятным знаком и денежным призом, сформированным Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие» в рамках специальной благотворительной программы на основе пожертвований меценатов и спонсоров.

В 2012 г. Торжественная церемония награждения лауреатов проходила 10 октября в Санкт-Петербурге, в Зале Совета Государственного Эрмитажа. По результатам совещания Оргкомитета премии из десятков кандидатов были отобраны десять номинантов. Награды вручали доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа, президент Всемирного клуба петербуржцев, председатель Оргкомитета премии **Михаил Борисович Пиотровский,** доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой геофизики Санкт-Петербургского государственного университета **Владимир Николаевич Троян** и кандидат физико-математических наук, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие», директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов **Алексей Анатольевич Бондаренко** в присутствии многочисленных гостей и представителей СМИ. Председатель правления Всемирного клуба петербуржцев **Валентина Трофимовна Орлова** вела церемонию.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2012 г. в номинации «Художественное творчество» стала **Валентина Петровна Баранова** (Зеленогорск, Красноярский край, Россия). Известный мастер самобытной авторской гли-

Торжественная церемония награждения лауреатов Международной премии имени Николая Рериха Санкт-Петербург. Зал Совета Государственного Эрмитажа. 10 октября 2012. *Слева направо:* В. Л. Мельников, Б. К. Сарахатунов, И. Б. Обухов, Н. А. Теплякова, М. К. Мусаев, В. Т. Орлова, М. Б. Пиотровский, В. П. Баранова, А. М. Маркова, В. Н. Троян, А. А. Бондаренко, Ю. А. Ушаков

няной игрушки. Родилась 22 апреля 1934 г. в городе Магнитогорск Челябинской области. Трудовая биография началась с детской музыкальной школы, где Валентина Петровна прошла путь от педагога фортепиано до завуча. С 1978 г. полностью погрузилась в художественное творчество, создала неповторимый стиль, ставший визитной карточкой Зеленогорска. В 1986 г. в результате творческого сотрудничества художницы и руководителя Красноярского государственного ансамбля танца Сибири М. И. Годенко появился танец с шестьюдесятью свистульками «Красноярский сувенир», исполненный на закрытии первых Игр доброй воли в Москве в 1986 г. В. П. Баранова проводила лекции и мастер-классы для слушателей Открытого народного университета. Валентина Петровна – автор коллекции самобытных предметов народных промыслов России, которые она собирала на протяжении многих лет в экспедициях. Игрушки мастера хранятся в музеях России и за рубежом. В 2010 г. имя В. П. Барановой было внесено в Большой энциклопедический словарь Красноярского края, как человека, оставившего заметный след в истории края, создающего его духовное наследие.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2012 г. в номинации «Педагогика и просветительство» стала **Алла Мееровна Маркова** (Нью-Йорк, США). Главный редактор журнала «Маленькая компания» А. М. Маркова имеет большой опыт сохранения русского языка у детей вне русской языковой среды. Алла Мееровна и её семья издают в Нью-Йорке детский литературный журнал для русскоязычных детей, растущих вне России, и их семей. Журнал «Маленькая компания» знакомит детей с культурным наследием России. При журнале действует детская театральная студия, проводятся ролевые игры «Стрелки Робин Гуда», кон-

курсы и олимпиады. Издание зарегистрировано в Библиотеке Конгресса США. Алла Мееровна является организатором Олимпиады по русскому языку в Нью-Йорке. В Олимпиаде могут участвовать школьники от 7 до 18 лет, постоянно проживающие в США. 20 мая 2012 г. состоялась IV Олимпиада по разговорному русскому среди детей из русскоговорящих семей. В Олимпиаде приняли участие пятьдесят семь школьников из Нью-Йорка, Нью-Джерси, Коннектикута и Мэриленда.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2012 г. в номинации «Сохранение культурных ценностей и миротворчество» стал **Мансур Карибович Мусаев** (Грозный, Чеченская республика, Россия). Родился 4 января 1993 г. в Грозном. Заслуженный артист Чеченской Республики (2010), лауреат Премии Президента Российской Федерации для молодых деятелей культуры за вклад в развитие и пропаганду национального искусства, реализацию миротворческих проектов (2011), 22-кратный обладатель Гран-при и 9-кратный абсолютный чемпион мира по танцам и инструментальному исполнению, 25-кратный лауреат российских и международных конкурсов детского и юношеского творчества, лауреат ряда общественных премий, стипендиат Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова, участник международных благотворительных программ. Первое выступление Мансура Мусаева состоялось в три года. В 1999 г. Мансур открывал юбилейный вечер мэтра танца Махмуда Алисултановича Эсамбаева. В 2008 г. в Чеченской Республике в рамках проекта «Дети мира за мир» Мансур Мусаев провёл Международный детский фестиваль «Во имя мира, дружбы и добра цвети и процветай, республика моя». Мансуру Мусаеву присвоен титул «Юный посол мира» ЮНИСЕФ. Участвует в международных форумах, фестивалях и конкурсах с пропагандой национального искусства Чеченской Республики. Мансур Мусаев – одарённый артист, обладающий яркой творческой индивидуальностью и высоким уровнем исполнительского мастерства, достойный продолжатель традиций чеченского танцевального искусства. Достойно уважения и признания его стремление выступать в качестве посланца доброй воли и представлять культуру Кавказа как части общечеловеческой мировой культуры, что способствует пропаганде национальной культуры за рубежом, вносит весомый вклад в укрепление культурных связей и повышение престижа российской культуры в мире.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2012 г. в номинации «Сохранение Рериховского наследия» стал Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Индия **Александр Михайлович Кадакин**. Родился 22 июля 1949 в г. Кишинёве. Российский советский карьерный дипломат, академик Российской Академии естественных наук. В 1972 г. с красным дипломом окончил Московский государственный институт международных отношений и поступил на дипломатическую службу. Опубликовал более пятидесяти статей в периодических изданиях России и Индии, является автором ряда книг, а также занимается переводами с английского и хинди. Кроме хинди и английского, владеет урду, французским и румынским языками. Александр Михайлович является членом Попечительского совета Международного Мемориального треста Рерихов, членом правления общественной организации «Международный Центр Рерихов».

Внёс большой вклад в сохранение наследия Рерихов в Индии ещё при жизни своих друзей Святослава Николаевича Рериха и Девики Рани Рерих. Удостоен государственных наград.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2012 г. в номинации «Формирование культурного образа страны в мире» стал **Борис Константинович Сарахатунов** (Москва, Россия). Родился 28 ноября 1924 г. в Тбилиси. В 1946 г. поступил во ВГИК на сценарный факультет (мастерская А. П. Довженко). По окончании института работал редактором, режиссёром и директором Дальневосточной студии кинохроники (1951–1969), затем художественным руководителем на киностудии «Беларусьфильм» (1969–1979). С 1979 по 2000 г. работал на Центральной студии документальных фильмов в Москве. Заслуженный деятель искусств, член Союза кинематографистов Российской Федерации. В настоящее время продолжает творить как автор и режиссёр документальных фильмов. За 55 лет в документальном кино в качестве сценариста и режиссёра снял более 400 фильмов, многие из которых награждены на международных, всесоюзных и российских кинофестивалях.

Дипломы номинантов Международной премии имени Николая Рериха 2012 г. получили:

– в номинации «Сохранение культурных ценностей и миротворчество» **Дарима Цыденовна Цыденова** (младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета; Новосибирск, Россия) и **Николай Георгиевич Проданчук** (доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Национальной Академии медицинских наук; Киев, Украина);

– в номинации «Художественное творчество» **Игорь Борисович Обухов** (член Союза художников России, преподаватель Дальневосточной государственной академии искусств; Владивосток, Россия);

– в номинации «Педагогика и просветительство» **Нина Алексеевна Теплякова** (преподаватель биологии Межевской средней общеобразовательной школы; село Георгиевское, Межевский район, Костромская область, Россия) и **Татьяна Александровна Ершова** (педагог дополнительного образования, руководитель структурного подразделения ИЗО и ДПИ Дворца детского творчества; Кириши, Ленинградская область).

После церемонии всем присутствующим было предложено принять участие в автобусной экскурсии по рериховским местам Санкт-Петербурга с посещением памятника Н. К. Рериху и Музея-института семьи Рерихов на Васильевском острове.

* * *

Одиннадцатого октября 2012 г. в выставочной зале Музея-института семьи Рерихов прошло заключительное Пленарное заседание, которое вели кандидат физико-математических наук **А. А. Бондаренко** и кандидат культурологии **В. Л. Мельников**. Звучали доклады о проблемах и перспективах актуализации Рериховского наследия. По окончании работы конференции вниманию участников и гостей конференции была представлена историко-музыкальная программа Государственного

«Музейные гастроли» Государственного Исторического музея. Рабочий момент исторической игры «Из Варяг в Греки» («Мимо острова Буяна»). Санкт-Петербург. СПбГМИСР. 12 октября 2012

Исторического музея (далее – *ГИМ*), посвящённая 1150-летию зарождения Российской государственности: «Музыка сквозь века». Данная программа состоялась в рамках впервые представленного формата сотрудничества и обмена опытом между двумя музеями – гастролей ГИМ в СПбГМИСР. Эти «Музейные гастроли» продолжились и после завершения работы XII конференции «Рериховское наследие».

С 11 по 13 октября 2012 г. на площадке Музея-института семьи Рерихов прошли интерактивные игры для детей и взрослых, которые подготовили и провели сотрудники московского музея. Сотрудники ГИМ представили несколько апробированных в стенах своего музея игр и программ, специально адаптировав их к условиям гастролей. Во время программ в исполнении музыкальных коллективов прозвучали произведения русского фольклора и сочинения русских композиторов XIX–XX вв.

Одиннадцатого октября прошла историко-музыкальная программа «Музыка сквозь века» с демонстрацией памятников из коллекции ГИМ, в которой принял участие Фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова под управлением руководителя Евгении Сергеевны Редьковой. Ведущей программы выступила музыковед Московской государственной филармонии Татьяна Юрьевна Васильева.

Двенадцатого и тринадцатого октября прошла интерактивная историческая игра «Из Варяг в Греки» («Мимо острова Буяна») в рамках образовательно-игрового проекта «Путешествие на Поезде времени». Участникам интерактивной

игры – «купцам», предлагалось пройти путь «Из Варяг в Греки» и преодолеть сложности пути, отвечая на вопросы ведущих по теме образования Древнерусского государства. Маршрут исторической игры создан при поддержке занимательного, познавательно-прикладного, красочно иллюстрированного детского исторического журнала «Матушка», адресованного детям 6–11 лет и их родителям. Принцип «Матушки» – деликатное вовлечение ребёнка в пространство истории России. Игра проходила в залах, где работала выставка «Начало Руси. Славяне и варяги», посвящённая 1150-летию зарождения Российской государственности. На выставке экспонировались подлинные картины Н. К. Рериха, посвящённые ранней истории нашей страны. Организация этой выставки и послужила импульсом для возникновения «Музейных гастролей». На Международном фестивале музеев «Интермузей-2012» в Москве представители наших музеев обнаружили, что вместе могут рассказать об истории нашей страны и дополнить работу друг друга.

Об этом на XII конференции «Рериховское наследие» говорила заместитель директора СПбГМИСР по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе **Юлия Юрьевна Будникова**:

«О такой форме музейного сотрудничества – "Музейных гастролях" – ранее мы не слышали и рады, что наша идея понравилась и нашим коллегам из Москвы. Может быть, и другие музеи захотят использовать наш опыт».

Заведующая отделом образовательных программ ГИМ **Ирина Олеговна Лебедева** сказала, что событие в музейной практике уникальное, но очень радостное:

«Нас впервые пригласили на гастроли, и мы очень рады, что можем приехать в Петербург и показать свои программы».

Методист ГИМ **Алла Николаевна Трегубова** выразила надежду, что программы найдут отклик в сердцах посетителей:

«Такая форма оправдывает себя, и мы хотим, чтобы и родители приходили сюда вместе с детьми, не только организованные группы, чтобы провести вместе время и пообщаться. Мы возвращаем детей в музей, к нашей истории, к возрождению национально-культурного самосознания».

* * *

К началу XII конференции «Рериховское наследие» был подготовлен сборник тезисов. Во время работы конференции её участники имели возможность свободно посетить музейные экспозиции СПбГУ, ГЭ и СПбГМИСР. В частности, в СПбГМИСР во время работы Летней сессии были открыты выставки «Пермский иконостас Николая Рериха», «Врата Русского стиля. Феодоровский городок в Царском Селе» и «Поэзия мифа. Живопись и графика Мехти Бедерханова». Во время работы Осенней сессии также работали выставки «Начало Руси. Славяне и варяги» и «Голенищевы-Кутузовы. Военная доблесть и творческий гений».

XII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

XII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»
Санкт-Петербург - 2012

ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИИ

К 1150–летию зарождения
Российской государственности

Начало Руси. Славяне и варяги
Прошлое и будущее высокого Русского стиля

Санкт-Петербургский государственный
Музей-институт семьи Рерихов
2012

Обложка сборника тезисов конференции

На заключительном заседании Оргкомитета конференции были утверждены темы следующей, XIII конференции «Рериховское наследие», которая будет проводиться в год 400–летия Дома Романовых, 100–летия балета И. Ф. Стравинского – Н. К. Рериха – В. Ф. Нижинского «Весна священная», 100-летия первой поездки Н. К. Рериха на Кавказ, 90-летия начала Первой Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха 1923–1928 гг.: **«Театрально-декорационное искусство и этнография. Серебряный век и современность»**, **«История изучения Азии. Новые открытия»**, **«Санкт-Петербург и Кавказ. К истории культурных связей»** и **«Династия Романовых и вопросы культурной жизни России»**.

В настоящем издании воспроизведены избранные доклады и выступления, прозвучавшие на XII конференции «Рериховское наследие». Отдельные тексты публикуются в редакции 2014 г.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Сопредседатели:

М. Б. Пиотровский, доктор исторических наук, профессор, декан Восточного факультета, заведующий кафедрой музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, действительный член Российской академии художеств, президент Союза музеев России, председатель Оргкомитета Международной премии имени Николая Рериха;

Н. Г. Скворцов, доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета.

Члены Оргкомитета:

Н. В. Благово, заведующий Музеем истории школы К. И. Мая в Санкт-Петербурге;

А. А. Бондаренко (заместитель председателя Оргкомитета), директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, заведующий кафедрой сохранения и музеефикации культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Ю. Ю. Будникова, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе;

С. Д. Иванов, директор Санкт-Петербургского художественного училища имени Н. К. Рериха;

С. Н. Иконникова, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств;

А. А. Ковалёв, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга;

В. Л. Мельников (заместитель председателя Оргкомитета), заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

В. Т. Орлова, председатель правления Всемирного клуба петербуржцев;

Б. С. Соколов, доктор геолого-минералогических наук, академик РАН;

И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, директор Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета;

В. Н. Троян, профессор, доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой геофизики Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель председателя Оргкомитета Международной премии имени Николая Рериха

Е. П. Яковлева, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

В. Н. Троян, профессор, заведующий кафедрой геофизики Санкт-Петербургского государственного университета.

Члены Программного комитета:

Н. В. Благово, заведующий Музеем истории школы К. И. Мая в Санкт-Петербурге;

А. А. Бондаренко, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, заведующий кафедрой сохранения и музеефикации культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Ю. Ю. Будникова, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе;

П. И. Крылов, заведующий библиотекой, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов;

Е. П. Маточкин, почётный член Российской Академии художеств, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай имени А. В. Анохина (Новосибирск);

Е. П. Медведева, пресс-секретарь Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов;

В. Л. Мельников, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

К. И. Новосельский, профессор, доктор экономических наук, кандидат географических наук, действительный член Русского Географического общества;

Е. П. Яковлева, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

I. НАЧАЛО РУСИ. СЛАВЯНЕ И ВАРЯГИ

В. А. ШУРШИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

КРУГ ТЕМ ВЫСТАВКИ «НАЧАЛО РУСИ. СЛАВЯНЕ И ВАРЯГИ»

Выставка «Начало Руси. Славяне и варяги» стала центральной частью масштабного проекта Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов (далее – *СПбГМИСР*) в 2012 г., связанного с празднованием 1150-летия зарождения Российской государственности. Датой основания Русского государства принято считать 862-й год. «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»[1]. Такими словами, согласно «Повести временных лет», славянские и финские племенные союзы призвали на княжение варяжского князя Рюрика, ставшего основателем правящей династии «Рюриковичей». С деятельностью князей этой династии связывают укрепление старых и строительство на Руси новых городов – центров государственности, а также создание правовой базы государства – принятие законов и общегосударственного устройства.

В выставке приняли участие целое сообщество замечательных отечественных музеев, общественные организации и некоторые частные коллекционеры. Благо-

На открытии выставки 29 июня 2012 г.

даря такому плодотворному сотрудничеству, на выставке были представлены более полутора сотен экспонатов, четверть из которых составляют подлинные работы Н. К. Рериха.

За три месяца работы выставку посетило более двух с половиной тысяч человек. Несмотря на то, что месяцы эти были летние, когда обычно у нас затишье.

Для оживления внимания посетителей на выставке проводились некоторые мероприятия, согласующиеся с ней по теме.

Задача данного доклада лишь очертить круг тем, которые были представлены на выставке. Некоторые из них будут подробнее раскрыты в выступлениях других докладчиков.

Основная цель выставки – представить творчество Н. К. Рериха и его интерпретацию вопроса о начале Руси. Тем более что обращение Н. К. Рериха к древней истории славянских народов имело принципиальное значение для становления его творческого направления в искусстве. С этой темой он пришёл в профессиональную деятельность. Его первым учителем был скульптор М. О. Микешин – автор памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, – воплотивший в этом произведении события русской истории. Уже в 1897 г. в письме к В. В. Стасову студент Н. К. Рерих делится планами грандиозного замысла. Он задумал написать цикл картин, раскрывающих «*знаменательный исходный пункт русской истории*», связанный с «*установлением общего Государственного устройства*»[2]. Рерих подробно разрабатывает сюжетный ряд этой серии или «*Славянской симфонии*», как сам художник её называет. А по сути, этот замысел выглядит как культурологическая концепция формирования Российской государственности, выраженная в художественной форме. На её основе строится и выставка, которая начинается с показа некоторых значительных работ Н. К. Рериха из «Славянской серии». Однако нам показалось важным отобразить и тот научный контекст, в котором сформировалась и развивалась культурологическая концепция Н. К. Рериха.

Поэтому отправной темой развития драматургии выставки и одновременно её фоном стала тема исследования так называемого «варяжского вопроса» – вопроса о происхождении государственной власти на Руси. Он всегда был одним из самых острых в начальной русской истории. Летописное предание о варягах, о том, «откуда есть пошла Русская земля», стало предметом дискуссий со вре-

Диспут между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным о происхождении Руси
Карикатура из журнала из коллекции Музея истории СПбГУ

Г. Т. Харитонов. Рюрик. Призвание варягов. 1783. Из серии медалей
к сочинению Екатерины II «Выпись хронологическая из «Истории Русской»
© Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств (Санкт-Петербург)

мён первых русских историков В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. В XVIII в. в русской историографии сформировалось две противоположные позиции.

Норманисты приписывали честь создания Древнерусского государства скандинавам (норманнам). В IX столетии у скандинавов развернулось так называемое «движение викингов» – миграционный процесс, охвативший северные народы (предков датчан, шведов и норвежцев). Их дружины регулярно совершали набеги на континентальную Европу. Часто вслед за военными нападениями викинги оседали на той или иной территории (в качестве либо завоевателей, либо вассалов местных правителей). В Англии норманны на долгий срок покорили северо-восточную часть страны, в устье Сены было создано герцогство Нормандия в составе королевства Франции. Пришли норманны к власти и в южной Италии, ими были заселены Исландия, юг Гренландии, норманнские мореходы достигли побережья Северной Америки.

Таким образом, варяги были истолкованы сторонниками «норманнской теории» как те же викинги-норманны, но действовавшие на востоке Европы. В пользу этого говорило и скандинавское звучание имён первых русских князей – основателя династии Рюрика, его преемника Олега (Хельги), сына Рюрика Игоря (Ингвар) и жены Игоря княгини Ольги (Хельга).

Антинорманисты считали, что варяги были западными славянами, жителями южного побережья Балтийского моря, или же выходцами из финских, венгерских, хазарских племён.

Споры между сторонниками этих точек зрения длятся уже три столетия. Вехами их истории стали три публичных дискуссии: М. В. Ломоносова с Г. Ф. Миллером (XVIII в.), Н. И. Костомарова с М. П. Погодиным (XIX в.), И. П. Шаскольского с Л. С. Клей-

ном (XX в.). Во многом эти споры имели под собой политическую основу, связывались с определёнными государственными задачами в России. Только с развитием отечественной археологической науки наступил качественно новый этап в осмыслении «варяжского вопроса». Самыми значительными в этой области были исследования славянских курганов Л. К. Ивановского, вскрывшего около шести тысяч курганов на территории древней Водской пятины Великого Новгорода, раскопки Н. Е. Бранденбурга в Старой Ладоге, работы А. А. Спицына и его ученика Н. К. Рериха, которым первым по курганным находкам и летописям удалось проследить расселение древнерусских племён. Археологические исследования, проводимые в конце XIX – начале XX в., показали, какие ценные результаты могут дать раскопки славянских курганов по изучению истории Древней Руси, прочтению рукописных памятников, пониманию старинных легенд и преданий.

События древней русской истории перерабатывались и интерпретировались не только в науке, но и в литературе и искусстве. Многие художники обращались к изображению этих исторических событий, чаще всего вставая на одну из позиций историографии.

Интересный цикл медалей был создан русским гравёром Г. Т. Харитоновым (1767 — начало XIX в.). Они должны были стать иллюстрациями к историческому труду Екатерины II «Выпись хронологическая из “Истории Русской”». В этих работах просматривается доктрина «Москва – Третий Рим». Художники-классицисты неоднократно воспроизводили на своих полотнах события начала Русского государства, уподобляя своих героев греческим или римским образцам, подобно тому, как это можно видеть на полотнах художников XVIII–XIX вв., представленных на выставке.

Дальнейшее развитие темы связано с зарождением в XIX в. так называемой «художественной археологии», родоначальником которой принято считать художника Ф. Г. Солнцева (1801—1892)[3]. В результате его многочисленных поездок по старинным русским городам и монастырям многие

В. В. Суслов. Проект реставрации Собора Святой Софии в Новгороде. Предварительный вариант. Восточный фасад 1890-е. © Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств (Санкт-Петербург)

А. А. Спицын на раскопках со студентами в Санкт-Петербургской губернии. Лужский уезд Деревня Малый Удрай. 1910. © Музей истории СПбГУ

памятники истории и культуры были тщательно зафиксированы в пяти тысячах акварелей и рисунков. Часть их вошла в издание «Древности Российского государства» (1849–1853)[4]. В этом же направлении развивалась деятельность старших современников Н. К. Рериха, работы которых представлены на выставке: архитектора, археолога В. В. Суслова (1857—1921), автора проекта реставрации Софийского собора в Великом Новгороде, и Г. Г. Шмидта (1861—1917) – художника, оставившего нам изображения храмов Москвы и Поволжья.

В этом контексте творчество Н. К. Рериха можно рассматривать как развитие методов художественной археологии. Археология была для него как методом изучения исторических явлений, так и важным источником художественного вдохновения.

Совсем юным художник участвовал в раскопках древних поселений славян в окрестностях семейного имения в Изваре. Будучи в последнем классе гимназии, в 1892 г. Николай Рерих произвёл первые самостоятельные раскопки курганов между погостом Грызовым и деревней Озертицы бывшего Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии. Ещё учась в университете, Николай Рерих, по рекомендациям А. А. Спицына и С. Ф. Платонова, к тому времени хорошо знакомых с результатами его почти десятилетней работы в области археологии, становится членом Императорского Русского Археологического общества (далее – *ИРАО*). С тех пор исследование древностей становится делом всей жизни Н. К. Рериха. В течение многих лет, вплоть до 1907 г., он принимал самое активное участие в деятельности ИРАО: производил раскопки и разведочные работы по заданию Общества, выступал с докладами о проведённых исследованиях, выносил на обсуждение разработанные им методы археологических раскопок и реконструкций, датирования и интерпретации памятников. В 1899 г. Н. К. Рерих по поручению ИРАО одним из первых среди археологов обследовал современное состояние объектов археологии, расположенных на Великом торговом пути «из Варяг в Греки»[5]. Его научные изыскания были весьма плодотворными и давали ему богатый материал для творческой деятельности[6].

С первых же художественных произведений Н. К. Рерих ставит перед собой цель – «пролитие света, иллюстрацию родной истории»[7]. Причём художника с ар-

Н. К. Рерих. Ведун. 1897. © Государственная Третьяковская галерея (Москва). Инв. № 7651
Воспроизведено: Всемирная иллюстрация. – СПб., 1897. – 22 ноября. – Т. 58. – № 22. – С. 509

хеологическим мышлением заботит точное в самых мелких деталях воспроизведение реалий этих исторических событий. Поэтому на картинах его «Славянской серии» столько археологических деталей и даже интуитивных открытий.

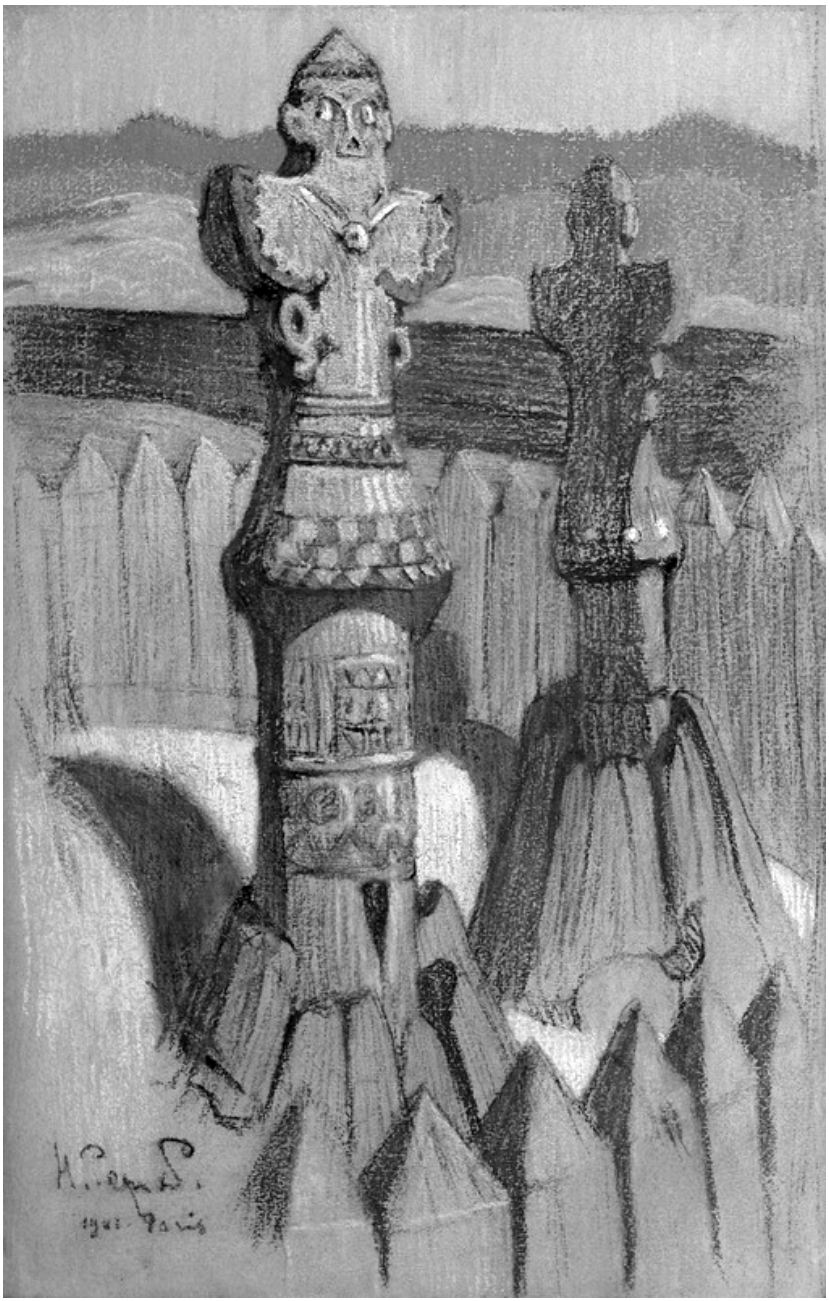
«*Гонец. Восстал род на род*» – это дипломная работа Н. К. Рериха 1897 г. В ней ярко проявилось не только знание художником археологического материала, бла-

годаря которому тщательно проработаны такие детали, как лодка-однодеревка, изгородь с конскими черепами, окружающая славянское поселение, тип древней славянской избы, но и воплотилось редкое качество художника – ощущение духа времени. Умело используя его, Рерих «заставил нас поверить, что жизнь в те далёкие времена была именно такою и иною не могла быть»[8]. С целью буквально погрузить зрителя в мир прошлого, художник изготавливает для картины авторскую раму, используя в её оформлении образцы древнего изобразительного искусства. Накладки в виде «собачек» и «зайчиков» – это изображённые художником подлинные археологические находки X–XIII вв., которые исследователи относят к образцам «звериного стиля»[9]. Они были известны по материалам исследований предшествующих археологов и собственных раскопок Н. К. Рериха, опубликованных в его статье «Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца» (1899).

Развивая свой замысел широкого показа славянской жизни, Н. К. Рерих идёт дальше задач «художественной археологии». Он стремится показать не сухие факты исторических событий, а осмыслить их как бы изнутри, преподнести с позиций проживания их людьми и в целом народом. Не случайно частью «Славянской симфонии» становятся сюжеты из разных областей славянской жизни. Здесь и «*Сходятся старцы*» (1898–1904) и «*Поход*» (1899) – картина, поразившая публику неожиданным показом войны «как тягостного вынужденного занятия для славян»[10]. Тему, несомненно, дополняют и картины «*Волокут волоком*» (1915) и «*Город строят*» (1902), изображающие сцены человеческого труда и строительства – те нелёгкие пути, которыми славяне укрепляли свои государственные устои. Кроме этого, Рериха как художника-философа и поэта интересует мир духовных представлений, выраженный в преданиях и обрядах народов, задействованных в изображённом им историческом процессе. Это важный раздел рериховской культурологической концепции, ведь именно на этом фоне происходило складывание Русского государства.

К «Славянской сюите» тематически примыкают произведения Н. К. Рериха, в которых художник использует сказочные, мифические представления о старине, дополняет их своей фантазией и создаёт своеобразную живописную «сказку Севера». Некоторые из них представлены на выставке: «*Языческое капище*» (1900-е), «*Добрые травы (Василиса Премудрая)*» (1941), «*Отшельник. (Неведомый старик)*» (1941). Многие произведения строятся на материале древних народных легенд и культов. В частности, картина «*Человечьи праотцы*» (1911) показывает культ почитания медведя, который существовал на территории современного Ярославля в местечке «Медвежий угол». Этот культ дожил здесь до XI в., когда, как повествуется в «Сказании о построении града Ярославского», князь Ярослав Мудрый, усмиряя язычников, покорил древнее поселение и зарубил священного зверя. Причём художника интересовал как славянский духовный мир, так и скандинавский. В это же время им создаются полотна «*Дочь викинга*» (1910), «*Варяжское море*» (1910), «*За морями земли великие*» (1915).

Интересно, что именно в области духовных представлений и религиозного искусства художник усматривал тенденции органичного проникновения скандинавской культуры в славянскую.



Н. К. Рерих. Идолы. Париж. 1901. Картина происходит из собрания Л. Ф. Ильичёва. © Краснодарский краевой художественный музей им. Ф. А. Коваленко. Инв. № 46695

В 1898–1899 гг. в Санкт-Петербургском Археологическом институте Н. К. Рерихом был прочитан оригинальный курс, объединивший науку и художественное творчество, – «Художественная техника в применении к археологии». Слушателями курса были изданы конспекты лекций, одна из частей – «Художники Древней Руси» (1899)[11]. Здесь автор представляет собственную позицию, своё видение истории русского искусства. Он анализирует обширный материал: акты Археографической экспедиции, старинные указы и уставы, книги историков и искусствоведов И. Е. Забелина, Д. А. Ровинского, Н. В. Покровского, В. В. Стасова, собирает и приводит свидетельства летописей, записки иностранцев, грамоты и акты, наконец, материалы самой живописи и архитектуры.

Исследуя развитие русского искусства, Н. К. Рерих касается такого распространённого сюжета религиозного искусства, как славянские идолы. Он приходит к выводу, что первые славянские скульптурные произведения, идолы, имеют северное происхождение.

Н. К. Рерих. Три варяга приближаются. 1906. © Собрание Джона Стюарта (Лондон)

«Собственно Русские славяне в древности не знали более развитой религии, чем простое жертвоприношение силам природы. Если бы они поклонялись кумирам, то Нестор вряд ли прошёл их молчанием <…>. Служение лично представляемым мифологическим существам является в его повествовании только постепенно при господстве варяжских князей»[12].

Таким образом, Н. К. Рерих соглашается с теорией В. В. Стасова о параллелях между идолами руссов и изображениями, которые ставили финны на могилах. Вопрос о происхождении варягов Н. К. Рерих оставляет открытым, указывая на множество теорий, но связывает его со временем появления ваяния на Руси, оно совпадает с установлением варяжской власти, то есть с IX в.

В своих очерках «Радость искусству» и «Древнейшие финские храмы» (1908) Н. К. Рерих более подробно анализирует черты скандинавского влияния в европейской культуре. Именно среди задач художественных предлагает он решать варяжский вопрос. И при таком рассмотрении «нет никакого основания считать северян дикими поработителями родоначальников Новгорода». И далее: «Доказательство простое – всё оставленное ими умно и красиво. Культура северных побережий, богатые находки Гнёздова, Чернигова, Волховские и Верхне-Поволжские – всё говорит нам не о проходной культуре севера, а о полной её оседлости. Весь народ принял её, весь народ верил в неё»[13].

В зрелые годы Н. К. Рерих в своём творчестве поднимает ещё одну важную тему, связанную с зарождением Русской государственности – тему формирования государственной правящей элиты в России. Художник неоднократно воспроизводит на своих полотнах образы первых русских правителей. Они предстают в его интерпретации «носителями одного из лучших и самых здоровых влияний, которое везде оставили после себя скандинавы. Это драгоценное качество – чувство собственного достоинства, которое проникало в государственность народов вслед за северянами»[14]. Первые русские князья у Н. К. Рериха – добросовестные труженики. Именно с их деятельностью художник связывает становление и развитие государства на Руси. Они предстают перед нами мудрецами, несущими русскому народу справедливые государственные законы, как Ярослав Мудрый. Суровыми строителями новой веры, как святая Ольга. Князьями – святыми, подвижниками, утверждающими собственной жизнью и смертью идеалы миролюбия, христианской любви и жертвенности, как Борис и Глеб.

Н. К. Рерихом создаются и образы князей-воинов, главным своим достоинством считавших дело защиты родной земли, как на картине «*Александр Невский*» (1942). «Хочется оставить памятки народу русскому о всех мономахах, о великих поединках за славу Русской Земли. Может быть, друг-мозаичист каменно сложит эти памятки, а молодёжь ещё раз вспомнит, о чём всегда нужно держать в сердце», – писал художник в разгар Великой Отечественной войны[15].

Важным моментом изучения Н. К. Рерихом русской старины стали его путешествия по древним городам. В 1903–1904 гг. Н. К. Рерих вместе со своей женой, Еленой Ивановной, осуществил уникальную для того времени поездку по древнерусским городам, в ходе которой были обследованы памятники старины более тридцати го-

Н. К. Рерих. Александр Невский (Русская война). 1942. © Собрание Х. К. Кеджривала (Бангалор, Индия)

родов. В результате были написаны более 100 живописных полотен *«Архитектурной серии»*. В них широко показано многообразие и богатство древнерусского зодчества. Критики назвали эти произведения «Пантеоном нашей былой славы».

Творчество Н. К. Рериха – синтетическое по своей сути и художественным методам. Он исследовал тему происхождения Руси, используя методы и науки и художественного творчества. Славянскую серию картин художника можно считать художественным ответом на споры между норманистами и антинорманистами. Образы, созданные художником, говорят об историческом сплетении судеб, о взаимодополняемости славянской и скандинавской культур, об отсутствии противоречий в их слиянии, что и обусловило особенности Русского государства. Н. К. Рерих не сомневался, что зарождение государственности связано с норманнским влиянием. Однако славянский мир, изображённый им, не выглядит убогим, тёмным. Призвание варягов, по мнению художника, было не навязанной извне экспансией, а тем редким актом взаимопомощи в человеческой истории, который он предлагал акцентировать в противовес историографии войн и конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. – СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1871. – С. 11.

[2] Записи о сюжетах серии картин по начальному периоду Русского государства см.: ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 49. Л. 6.
[3] *Солнцев Ф. Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. – 1876. – Т. 15. – № 1. – С. 109–128. – № 2. – С. 311–323.
[4] Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Государя императора Николая I: В 6 отд. и доп. к отд. III. – Репринтное издание 1849–1853 гг. – СПб.: Альфарет, 2006.
[5] Подробнее об археологических исследованиях Н. К. Рериха: *Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа // Петербургский Рериховский сборник. – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – Вып. I. – С. 102–108; Николай Рерих. Археология. Книга первая: Материалы Императорской Археологической комиссии (1892–1918) // Петербургский Рериховский сборник. – Самара: Агни, 1999. – Вып. II–III. – 800 с.; *Лазаревич О. В., Молодин В. И., Лабецкий П. П.* Н. К. Рерих-археолог. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. – 116 с.
[6] Подробнее об этом: *Маточкин Е. П.* Археологические мотивы в творчестве Н. К. Рериха // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. II–III. – Самара: Агни, 1999. – С. 729.
[7] ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 14. Л. 2.
[8] *Панов Н. З.* Николай Константинович Рерих // Живописное обозрение. – 1904. – 14 ноября. – № 46. – С. 725–729.
[9] Это хрестоматийное произведение изучалось многими исследователями. С. П. Дягилев сразу обратил внимание на новую лирическую трактовку исторического жанра (*Дягилев С. П.* Ученическая выставка // Новости и биржевая газета. – СПб., 1898. – № 309). П. Ф. Беликов и В. П. Князева писали, что «пейзаж картины переносит зрителей в далёкое прошлое… захватывает воображение и делает зрителей как бы соучастниками изображённой сцены» (*Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. – М.: Молодая гвардия, 1972. – С. 34–35). Е. И. Полякова связала сюжет картины не только с событиями «начальной летописи», но и с раздумьями о России и тревожной судьбе её народа (*Полякова Е. И.* Николай Рерих. – М.: Искусство, 1973. – С. 42). Л. В. Короткина отметила умение создать настроение в картине, а также стремление к обобщённому решению (*Короткина Л. В.* Николай Константинович Рерих. – СПб.: Художник России; Золотой век, 1996. – С. 6).
Е. П. Маточкин изучал картину в совокупности с рамой и выявил археологические основы её замысла (*Маточкин Е. П.* К столетию «Гонца» // Петербургский Рериховский сборник. – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – Вып. I. – С. 191).
[10] *Свиньин В. Ф.* Письмо М. В. Нестерову // Автограф. РГАЛИ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 11.
[11] *Рерих Н. К.* Художники Древней Руси. Лекции курса «Художественная техника в применении к археологии». Издание слушателя С. Н. Чельцова. – СПб.: Литография Н. С. Егорова, 1899.
[12] *Там же.* – С. 5–11.
[13] *Рерих Н. К.* Радость искусству // Вестник Европы. –СПб., 1909. – Апрель. – № 4. – С. 511–512.
[14] *Рерих Н. К.* Древнейшие финские храмы // Старые годы. – 1908. – Февраль. – № 2. – С. 75–86.
[15] *Рерих Н. К.* Чайка // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР и др., 2002. – Т. III. – С. 79.

Е. П. МАТОЧКИН
(Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина; Новосибирск)

Н. К. РЕРИХ: ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ

Любовь к Северу, к его далёкому прошлому была у Николая Константиновича Рериха в крови. С юности его интересовали сведения о смелых и бесстрашных ва-

рягах – путешественниках, неутомимых искателях новых земель и воинской славы. Художник в своих замыслах возрождал не отдельные частности, а сам дух того времени. Созданные им в начале XX в. произведения были восприняты как свежая струя в русском искусстве, пленявшая красотой и бодростью.

Самые ранние полотна о варягах окрашены трагическими интонациями и посвящены теме прощания (*«На чужом берегу»*, 1897) [*ил. 1*]. Однако с начала 1900-х гг. ожившая история виделась в звонкой цветовой гамме.

Считается, что в *«Варяжском море»* (1909) [*ил. 7*] художник изобразил сцену «вручения единственной дочери приплывшему из-за моря жениху-чужестранцу» [*Рамазанова Г.*, 1998]. Во всём у Рериха просматривается верность историческим реалиям. С некоторыми изменениями предстаёт фрагмент ковра XI в. из Байё (Bayeux Tapestry) с наблюдателем, прикрывающим глаза от солнца [*ил. 8*]. Персонаж, написанный рядом с мачтой, под парусом, столь же близок воину вышитого гобелена, который, стоя, раскинув руки, словно дирижирует хором варяжской дружины [*ил. 9*]. От древнего памятника в живописи – и характерная аппликативность цвета.

Замысел крупного произведения *«Выступление в поход (Варяжское море)»* (1910) [*ил. 10*] некоторые исследователи связывают со сватовством норвежского конунга Харальда Сурового к дочери Ярослава Мудрого Елизавете [*Сойни Е. Г.*, 2001]. Другие видят сцену «прощания» тех же героев [*Иванова Т. А.*, 2010].

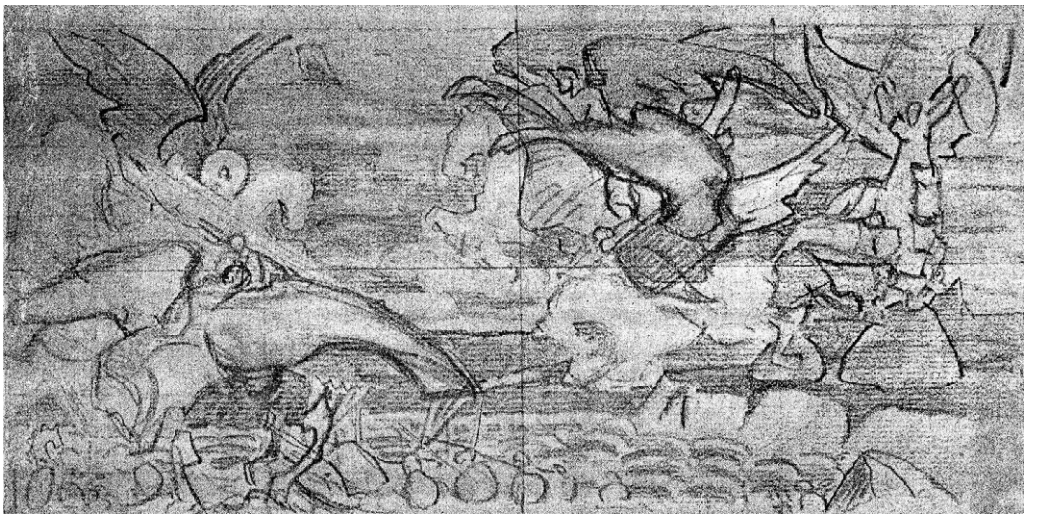
Произведения Рериха, как правило, многозначны, символичны [*ил. 2–6, 11–13*]. Вероятно, и здесь художественный образ не сводится только к жанровому сюжету; он значительно глубже, шире. Главное в нём – само Варяжское море, воспринимаемое в его временном, историческом и в планетарном, географическом масштабах. Это море знало и яркие победные страницы, и драматические, окончившиеся для викингов и Харальда Сурового поражением. Предчувствие гибели передано художником иносказательно – взглядом героини и старца на выделенное белым цветом остриё копья, указывающее на рисунок ладьи (буквальное повторение петроглифов и гравировок на орнаментированных бритвах из Дании эпохи бронзы) [*ил. 14*]. Археологи интерпретируют подобные изображения как образы кораблей, направляющихся в страну мёртвых [*ил. 15*]. Конунг словно отплывает на этой ладье смерти, написанной ярким красным в траурном обрамлении.

Живопись произведения, богатая оттенками, тяготеет к триаде трёх основных цветов, что сближает полотно Рериха с работами старых мастеров. Сама композиция следует картинам художников кватроченто: выделенный экран сценической коробки с главными героями и дальний план, построенный по правилам линейной перспективы. Богато украшенная одежда героини и конунга вызывает в памяти узорочье Джентиле да Фабриано или Беноццо Гоццоли, а мелкая зыбь на воде – боттичеллиевские волны. Рерих, недавно совершивший паломничество по Италии, несомненно, был под впечатлением от шедевров эпохи Возрождения. Их мощный дух явственно ощущается в его полотне. У Николая Константиновича он усилен бескрайней панорамой неба и моря. Там, на горизонте всё блещет радостным солнечным светом. Дали пространства и времени смыкаются. В цельном торжественном восприятии истории и природы – символика рериховского полотна.

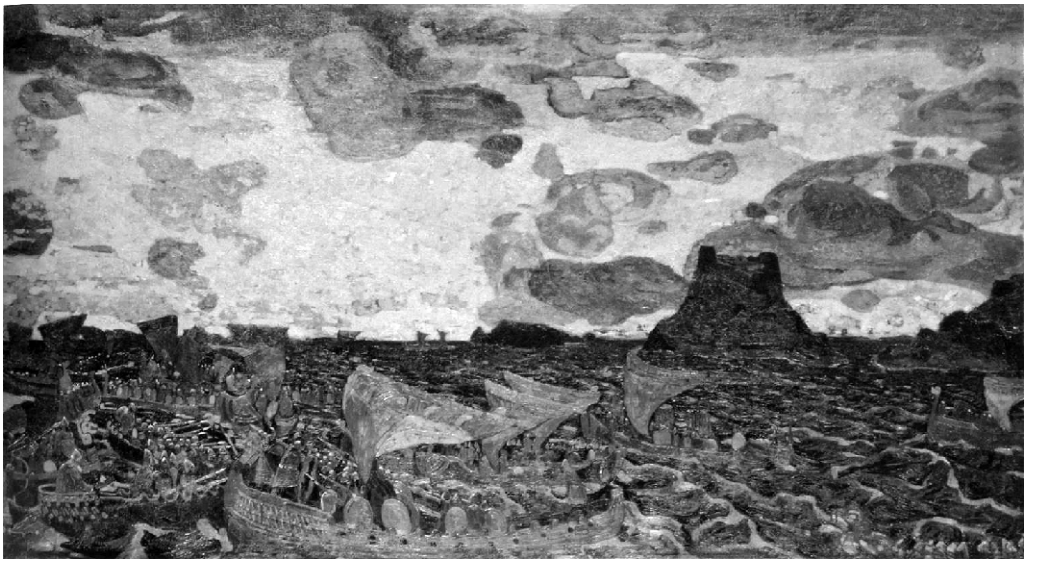
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ил. 1. Н. К. Рерих. На чужом берегу. 1897
© Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева. Инв. № Ж-1162

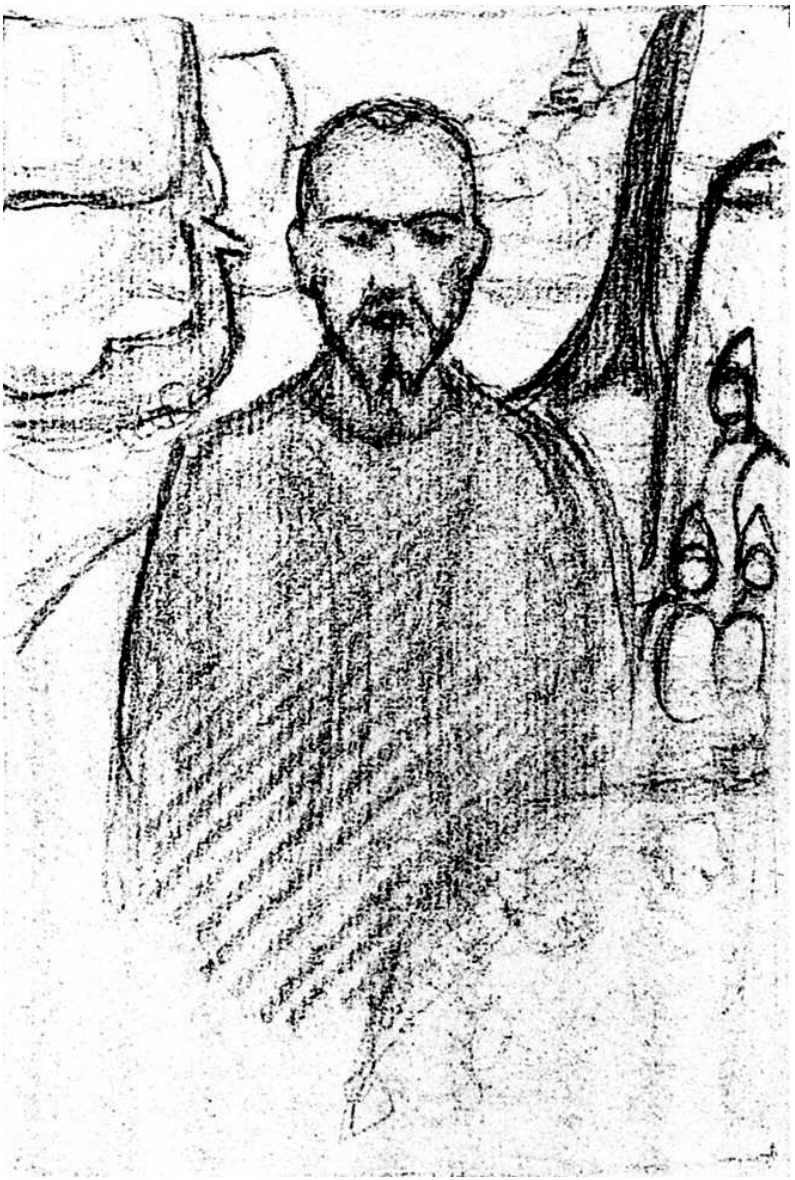
Ил. 2. Н. К. Рерих. Заморские гости. 1901. © Государственная Третьяковская галерея. Инв. № Ж-494



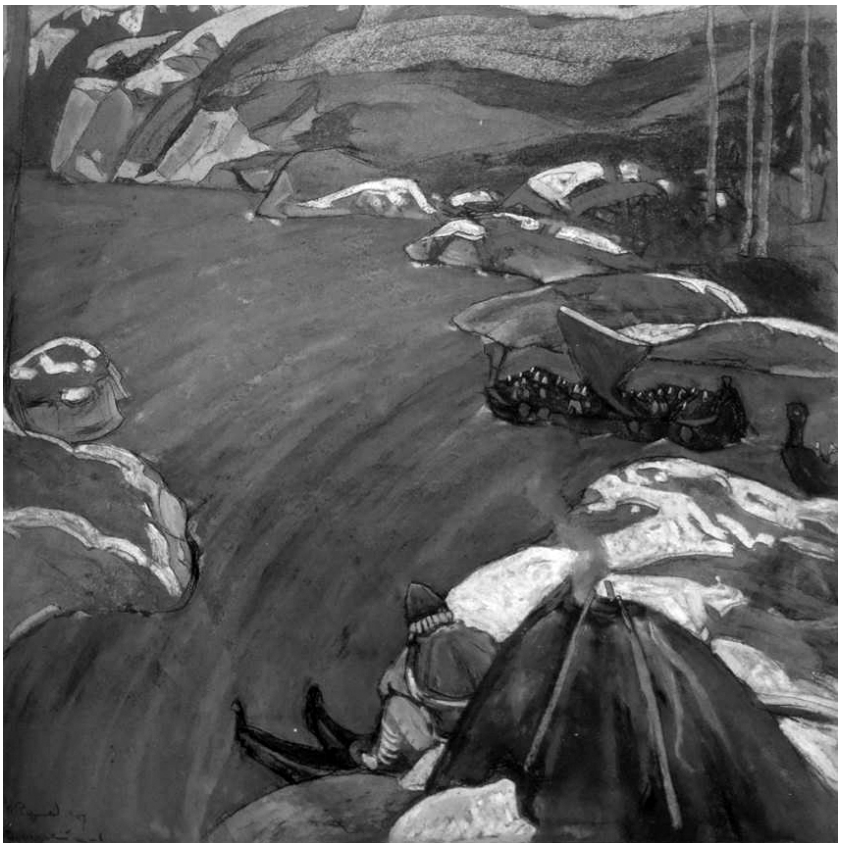
Ил. 3. Н. К. Рерих. Летящие Валькирии. Набросок к первоначальной композиции картины «Бой» 1906 г. © Государственный Русский музей. Инв. № Р-50523



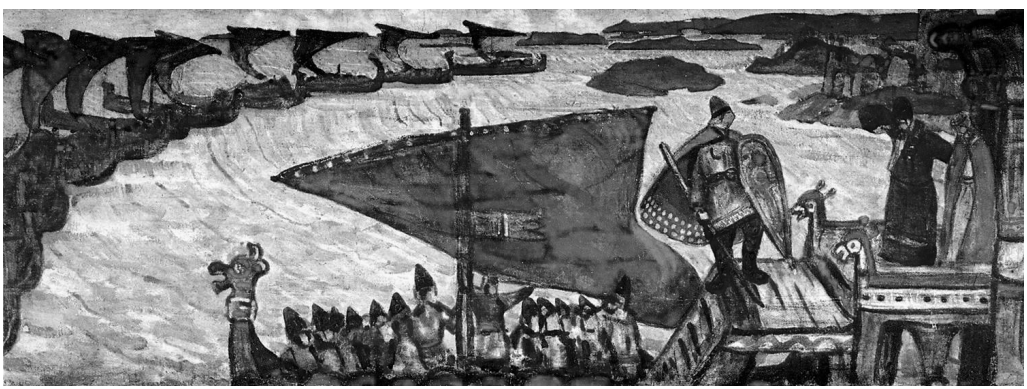
Ил. 4. Н. К. Рерих. Бой. 1906. © Государственная Третьяковская галерея. Инв. № 1619



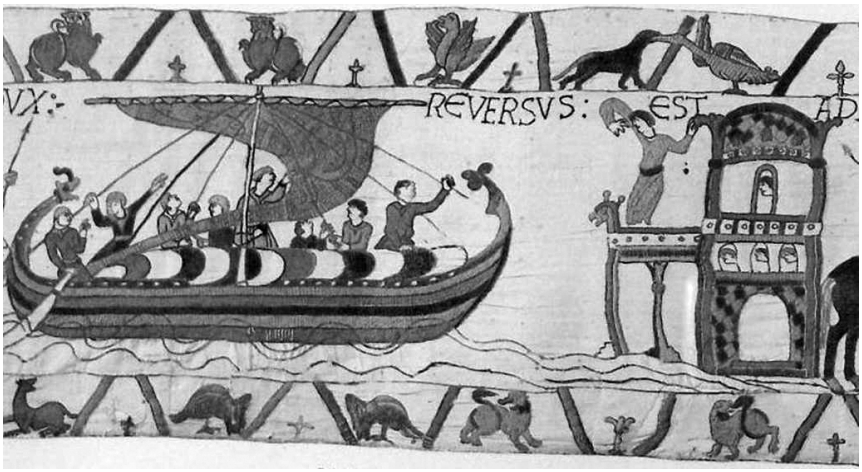
Ил. 5. Н. К. Рерих. Автопортрет. 1906. © Собрание Музея Николая Рериха (Нью-Йорк)



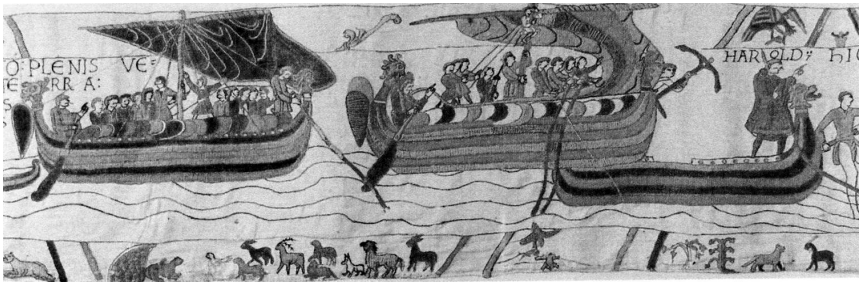
Ил. 6. Н. К. Рерих. Варяжский путь. 1907. © Собрание С. Н. Валка (Санкт-Петербург)



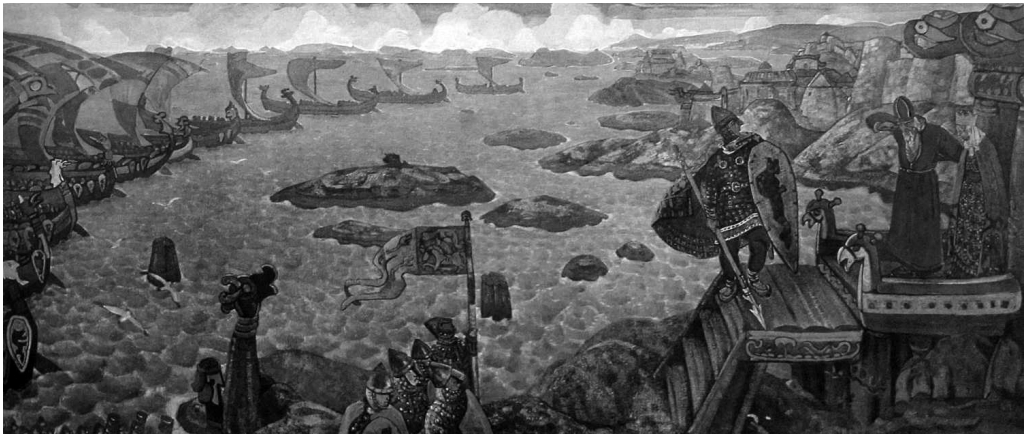
Ил. 7. Н. К. Рерих. Варяжское море. 1909. © Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань). Инв. № Ж-104



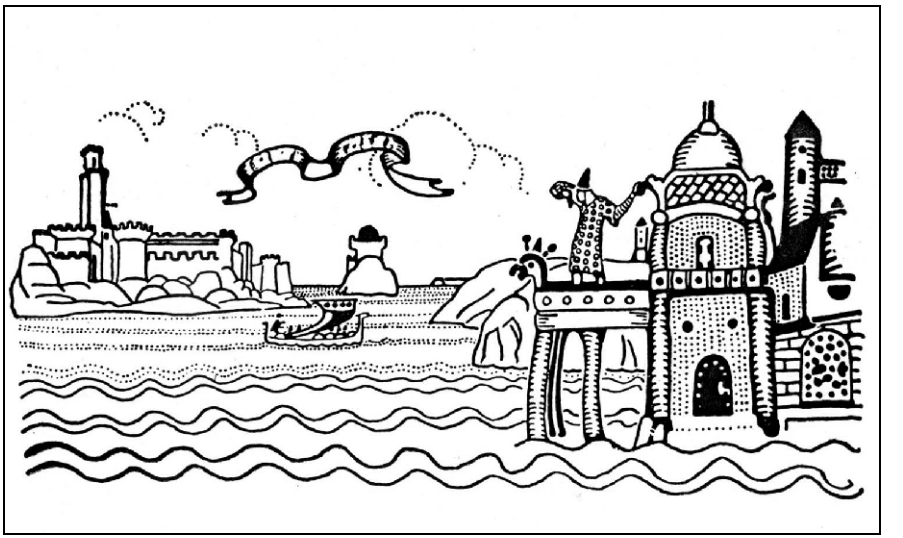
Ил. 8. Наблюдатель встречает Харальда. Гобелен из Байё. XI в.



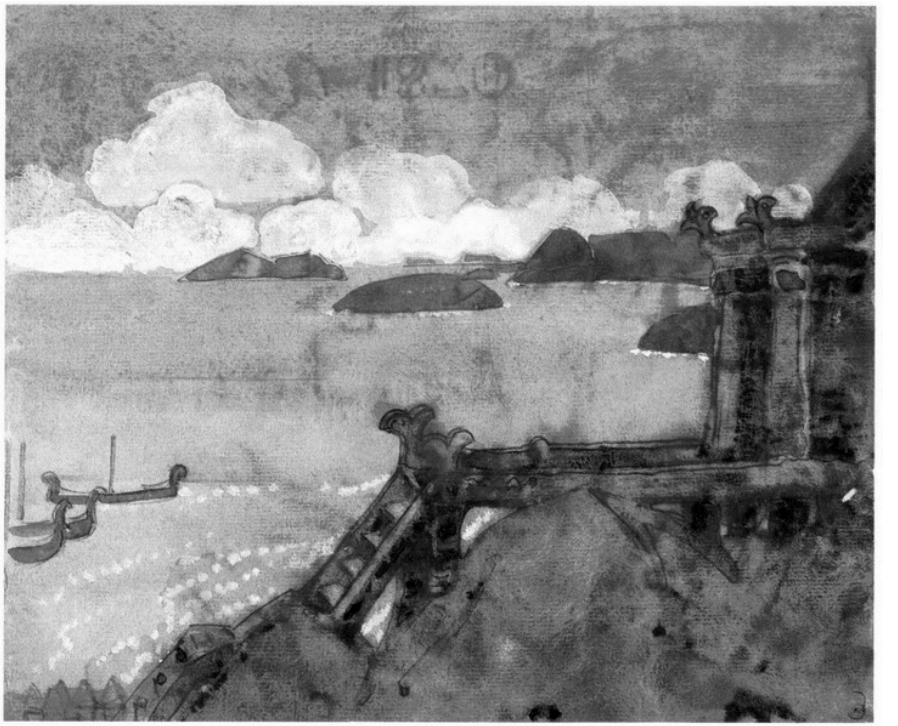
Ил. 9. Ладьи в битве при Гастингсе. Гобелен из Байё. XI в.



Ил. 10. Н. К. Рерих. Выступление в поход (Варяжское море). 1910
© Международный Центр-Музей им. Н. К. Рериха МЦР (Москва). КП-1383

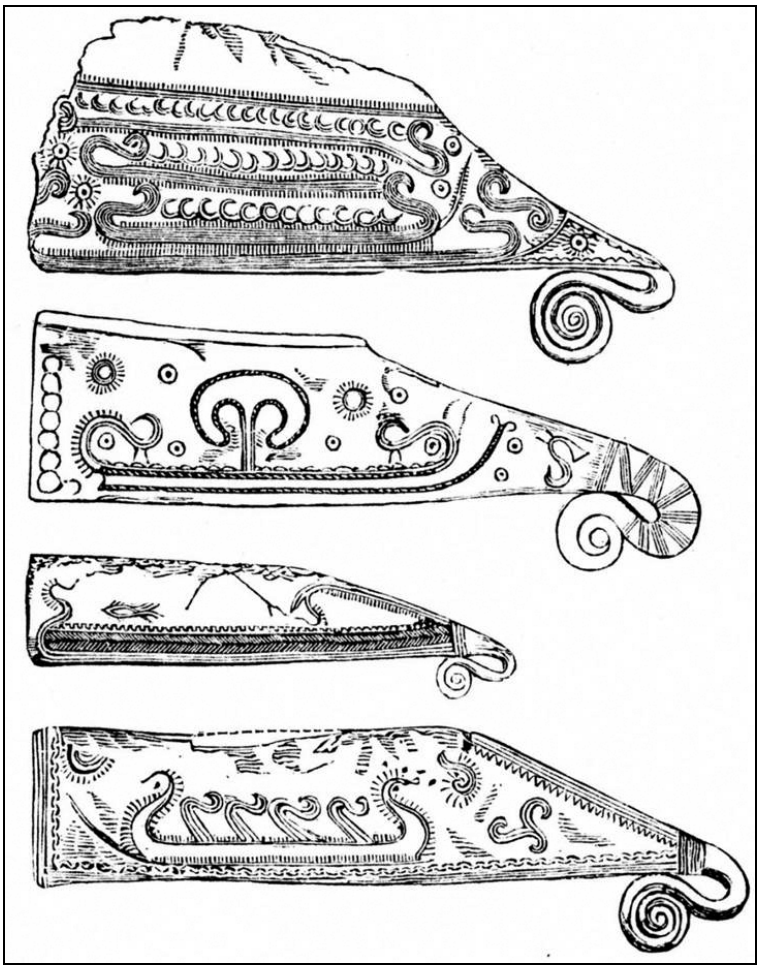


Ил. 11. Н. К. Рерих. Наблюдатель. 1907. Воспроизведено: Рёрих. – Пг.: Свободное искусство, 1916

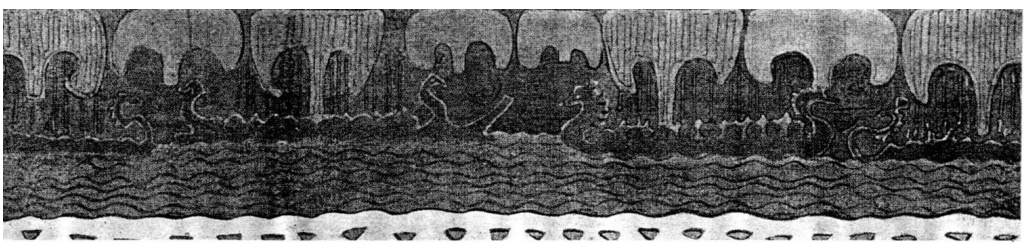


Ил. 12. Н. К. Рерих. Замок у моря. Эскиз. 1910. © Государственный Русский музей. Инв. № Р-50511

Ил. 13. Н. К. Рерих. Воин. Рисунок для картины. 1910
© Собрание Музея Николая Рериха (Нью-Йорк)



Ил. 14. Датские бритвы. Эпоха бронзы



Ил. 15. Н. К. Рерих. Ладьи под парусами. 1910-е
Воспроизведено: Рёрих. – Пг.: Свободное искусство, 1916

А. А. САВКИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

«СЛАВЯНСКАЯ СИМФОНИЯ» Н. К. РЕРИХА

Творческий путь Н. К. Рериха – художника, философа, писателя, учёного, общественного деятеля поражает интеграцией искусства и науки, художественного творчества и объективного знания. Интерес к истории и литературные способности у него проявились, пожалуй, даже раньше художественных, а начиная с девяти лет, он участвует в археологических раскопках.

На первых курсах Академии художеств Н. К. Рерих сочиняет эскизы на «сюжеты чисто археологического содержания», его привлекает история России, но не сухое перечисление событий, а живые и яркие образы старины. Рерих-студент пишет *«Плач Ярославны»*, *«Курганы»*, *«Вече»*, *«Пушкари»*, *«Ушкуйник»*, *«Псковичъ»*. В 1896 г. выходит очередной «Литературный сборник произведений студентов Императорского Санкт-Петербургского университета», где Н. К. Рерих выступает автором большинства иллюстраций. В «Литературном сборнике» публикуются репродукции его работ *«“В греках”. Варяг»*, *«Воевода»*, *«Иван-царевич наезжает на избушку убогую»*.

В 1897 г. в письме к В. В. Стасову художник делится планами грандиозного замысла: написать цикл картин, раскрывающих историю Древней Руси. Начало было положено небольшими картинами *«Утро богатырства Киевского»* (1895) и *«Вечер богатырства Киевского»* (1896). В черновых записях Н. К. Рериха мы читаем: «Начало Руси совпадает с установлением в ней общего Государственного устройства, взамен господствовавшего до той поры исключительно родового быта. Устройство это возникает на русской почве, но при содействии не русского иноземного рода, по летописи Нестора, варяжского. Так представляется знаменательный исходный пункт русской истории»[1]. И этот «исходный пункт» художник планирует показать в «Славянской симфонии», как он её называет в письме к Стасову, создавая картины на «сюжет “Славяне и варяги”».

Н. К. Рерих неоднократно редактирует список картин. В одном из рукописных планов серия первоначально называлась «Славяне и варяги. Мотивы из культурной жизни новгородских славян конца IX века». Начинать серию должна была картина *«Славянский городок. Гонец: восстал род на род»*. Основываясь на записях художника, сопоставив аналогичные сюжеты и выстроив их в хронологическом порядке, славянскую серию в целом можно представить таким образом:

1. Славянский городок. Гонец: восстал род на род.

2. Славяне (Посёлок. Сходка. Говорит выборный. Взаимные отношения старого и молодого элементов).

3. Гадание (Перед походом. Старики и кудесник у Дажьбоговой криницы).

4. После битвы (междоусобной).

Н. К. Рерих. Гонец. Восстал род на род. 1897. © Государственная Третьяковская галерея. Инв. № 1616
Съёмка на выставке «Начало Руси. Славяне и варяги» (СПбГМИСР, 2012)

5. Победители (с первым снегом – домой, с добычей).

6. Побеждённые (На рынке в Царьграде. Параллель между пышными византийцами и большим живым куском мяса – толпою пленных. Купцы арабы. Служилые варяги).

7. Варяги (в ладьях – на море).

8. Полунощные гости (Весенний наезд варягов в славянский посёлок).

9. Князь (Приём дани. Постройка укрепления. Идолы).

10. На волоке (Варяги перетаскивают ладьи между рек).

11. Апофеоза. Курганы.

В том же 1897 г. Н. К. Рерих представляет на академической выставке дипломную работу *«Гонец. Восстал род на род»*. Она была восторженно принята критикой, её отмечают И. Е. Репин и С. П. Дягилев, покупает для своей галереи П. М. Третьяков, а впоследствии патриарх русской культуры Л. Н. Толстой напутствует молодого художника: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда пра-

вить выше того места, куда вам нужно, иначе снесёт. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь всё снесёт. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывёт»[2].

Картина «Гонец» интересна также тем, что при оформлении рамы Рерих использует археологические образцы, буквально погружая зрителя в мир прошлого.

Н. К. Рерихом были написаны *«Сходятся старцы»* (1898–1904), *«Поход»* (1899), *«Зловещие»* (1901–1902), *«Город строят»* (1902), то есть художник следовал своему творческому плану, но вскоре перешёл к другим темам. Весь цикл картин славянской серии не был осуществлён, в 1898 г. умер П. М. Третьяков, одобрявший замысел[3].

В 1907 году Н. К. Рерих вновь возвращается к своему проекту, развивая тему истории Руси. В письме председателю Комитета по устройству военно-исторического музея Н. Н. Сухотину[4] он предлагает 16 картин для создания музея: *«Заморские гости»*, *«Викинг (Из Варяг в Греки)»*, *«Нападение на славянский городок»*, *«Поход Древней Руси»*, *«Поход Владимира на Корсунь»*, *«Князь отправляет дружину на бой»*, *«Строят город»*, *«Победители строят храм (время Ярослава)»*, *«Александр Невский поражает Ярла Биргера»*, *«Строят боевые ладьи»*, *«Подкоп»*, *«Стрельба в цель»*, *«Тревога»*, *«Илья едет от гроба Святогора»*, *«Как перевелись богатыри на Руси»*, *«Поединок»*. Если в планах Славянской серии 1897 г. Н. К. Рерих придерживается описания быта славянского посёлка, варяжского войска, то в проекте 1907 г. автор обращается к историческим вехам, вся серия носит более масштабный характер, объединяя реальных лиц и былинных героев.

В письме к Н. Н. Сухотину 1908 г.[5] Н. К. Рерих дополняет свой список тремя сюжетами: *«Славянский городок»*, *«Ольга перед Искоростенем»* и *«Сыновья Владимира строят город»*. Он раскрывает сюжеты, дополняя названия картин комментариями, так, «Славянский городок» представляет собой не пейзаж или жанровую картину, а трагический эпизод русской истории:

«Славянский городок. Сборы к защите. Момент необходимый, чтобы показать начало общественности, приведшее к понятию Государственности, когда для самосохранения сходились родичи под защиту земляных валов городка».

Рерих описывает эпизод, следующий за событиями, происходящими в его дипломной картине «Гонец. Восста род на род».

«Ольга» также лишена созерцательности:

«Ольга перед Искоростенем. Справедливый гнев Ольги, не чуждый великому колонизаторскому инстинкту. Пожар города».

Наконец, «Строительство города» обобщённо представляет созидательную деятельность русских князей:

«Сыновья Владимира строят город. Этот момент Государственной обороны составляет страницу деятельности князя Св. Владимира. Его упорные работы и вехи достижений в пустынных местах инородцев заслуживают отдельной картины».

Н. К. Рерих пишет слово «Государственность» с заглавной буквы. Это также, как и выбор сюжетов, является знаковым. Художник представляет различные аспекты

государственности: объединение во имя общей идеи, в данном случае – сохранения жизни, «колонизаторский инстинкт», ведущий к расширению границ государства, и, пожалуй, самое значимое, созидание, строительство не только физическое, но и культурное.

В целом, художник предлагает грандиозный замысел, его серия включает в себя как значительные исторические этапы, так и «малые картины», изображающие «боевую древнюю жизнь».

В этом письме Н. К. Рерих выражает свою позицию художника и исследователя: «*Иметь возможность высказаться по периоду отечественной истории, составившему основной предмет моих археологических исследований и художественных трудов представляет для меня искреннюю радость. <…> Должно стать ясным, что времена начала Руси не есть времена дикие, но сложилось это время особою культурою высокою и со стороны мощи духа, и со стороны художественных красот. Великая культура скандинавская и пышная роскошь Византии и Востока принесла Руси дары свои, наилучшие*».

На протяжении всей жизни Н. К. Рерих реализует свой творческий план. Он пишет картины *«Сходятся старцы»* (1898–1904), *«Собирают дань»* (1908), *«Волокут волоком»* (1915), несколько вариантов картин *«Заморские гости»* и *«Идолы»*. В своём творчестве художник обращается к образам русских князей (*«Святая Ольга»*, 1915; *«Борис и Глеб»*, 1942; *«Ярослав Мудрый»*, 1944), былинам и легендам (панно из цикла *«Богатырский фриз»*, 1910; *«Василиса Премудрая»*, 1941). В 1910-е, а позднее в 1920-е, 1930-е и в 1940-е гг. Н. К. Рерих воссоздаёт образы языческой Руси в декорациях и костюмах к балету И. Ф. Стравинского «Весна священная», создавая и либретто для спектакля.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Записи о сюжетах серии картин по начальному периоду Русского государства // ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 49. Л. 6.

[2] Цит. по: *Полякова Е. И.* Николай Рерих. – М.: Искусство, 1985. – С. 43.

[3] В листе дневника «Начало» 1937 г. Н. К. Рерих пишет:

«*На конкурсную выставку приехал Третьяков. Наметил для Москвы Рущица, Пурвита и моего “Гонца”. Было большое ожидание. Наконец, Третьяков подходит: “Отдадите «Гонца» за 800 рублей?” А он стоил тысячу, о чём говорить! Пришёл Третьяков ко мне наверх в мастерскую. Расспрашивал о дальнейших планах. Узнал, что “Гонец: восстал род на род” – первая из серии “Славяне”. Просил извещать, когда остальные будут готовы. Жаль, скоро умер и серия распалась.*

“Сходятся старцы” – в Калифорнии. “Зловещие” – в Русском Музее. “Поход” – не знаю, где. Только “Город строят” Серовым и Остроуховым куплен в Третьяковку уже с Дягилевской выставки. Сколько шуму было при этой покупке. Ругали, ругали – потом привыкли. Розанов хорошо написал» (Рерих Н. К. Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР и др., 2002. – Т. II. – С. 102).

[4] *Рерих Н. К.* Письмо Н. Н. Сухотину. – Санкт-Петербург. 22 декабря 1907 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – *ВИМАИВиВС*). Ф. 52. Оп. 110/1. Д. 16. Л. 136–137.

[5] *Рерих Н. К.* Письмо Н. Н. Сухотину. – Санкт-Петербург. 16 февраля 1908 г. // *Там же.* Л. 10.

О. В. КИРЕЕВА
(Государственная Полярная академия; Санкт-Петербург)

ВАРЯГИ И НАЧАЛО ГОРОДОВ РУССКИХ

Возник ли бы город, если бы не от кого было отгораживаться, защищать свою жизнь и имущество, как если бы не было этнического и культурного разнообразия и противодействия? Ответ будет отрицательным, так как город, как и любой другой феномен культуры, рождается при взаимодействии человека с природой, либо человека с человеком как носителя различных культурных традиций. Так и «диалог между субъектами города ведёт к культуротворчеству»[1]. Столкновения оседлых и кочевых культур (соответственно земледельческих и скотоводческих), а также взаимодействия внутри племён одной культурной общности вынуждают народы оберегать свои материальные ценности. Таким образом, стремление людей защититься становится одним из факторов образования огороженных поселений и ограждённости как таковой как одного из признаков будущего города. Оседлость в культуре (оседлый вид хозяйствования) – также один из первичных факторов возникновения города. У варваров средневековой Европы только тогда появилась потребность в замках, феодах, градах и т. д., когда им необходимо было закрепить за собой завоеванные территории, а значит и «осесть» на них.

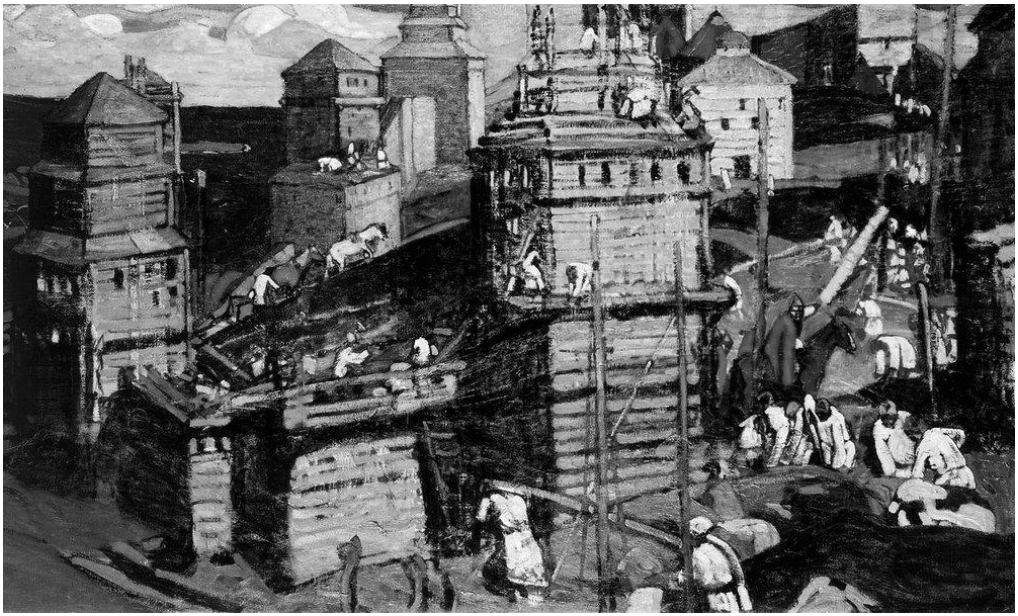
Города появились задолго до прихода варягов на Русь, а культура вождя-предводителя, впоследствии названная княжеской, сложилась до внедрения в славянскую среду варяжского компонента, однако невозможно недооценивать роль наших скандинавских соседей в культурной дифференциации городского пространства, а также в формировании особого типа городов на Руси.

Обращаясь к истокам древнерусских протогородов, необходимо отметить, что одним из факторов формирования городской культуры была необходимость в укреплении поселений окончательно осевших на земле крестьян. В соответствии с этим возникает следующая картина зарождения города. В период родоплеменного строя славянин жил как часть коллектива на открытых, либо укреплённых поселениях, занимался животноводством, земледелием, а в свободное от сезонных работ время – ремеслом. Совокупность родов образовывала племя, в котором выделялся свой вождь, обеспечивающий безопасность племени и политическую стабильность в обществе. Источниками подтверждается наличие власти у славян: помимо старейшин, упоминаемых Феофилактом Симокаттой в начале VII в. н. э.[2], упоминаются также вожди племени или союза племён со славянскими именами Ардагасть, Божь и другими, стоящие во главе славянских войск. Старейшины родов сходились на народные собрания, называемые в летописях вечем, для обсуждения важнейших вопросов. Вождь племени выполнял функцию военного и религиозного предводителя. В военных делах ему помогала дружина, набранная из молодого населения племени. В моменты опасности необходим был созыв народного войска, решение о созыве принималось на собрании. Город, огороженное поселение, главным признаком которого являлась защищённость, использовался как место, куда в момен-

ты опасности могло укрыться сельское население вместе с продовольственными запасами, ремесленной продукцией, словом, место, где можно было спрятать самое ценное. Если воспринимать князя как одного из старейшин, тогда становится понятным, почему города ставили именно князья-вожди. Однако если же присваивать князю только военную функцию, то тогда он не имел права на такую инициативу, то есть на решение о создании города. Вопрос о строительстве городов, очевидно, изначально решался на народном собрании с участием старейшин и вождя племени. Говоря о княжеском элементе древнерусской культуры, необходимо выделять доваряжский период, когда не было ещё самого слова «князь», а были вожди племён и союза племён, и, собственно, период после внедрения в древнерусские административные круги варяжского субстрата.

Изначально, в общинно-племенной среде князь выделился как старейшина рода, а позднее и племени (в болгарском языке «кнез» – «старейшина», ср.: герм. «kuning» первоначально означало старейшину рода)[3]. В славянской культуре, как и в скандинавской, основной привилегией князя изначально было право на распределение добычи и первоочередное право получения своей доли. На заре своего существования это воинское сословие вобрало в себя многие элементы других национальных культур: помимо славянского наследия оно включало восточные, нордические, византийские элементы.

Особого описания заслуживает процесс образования городов у самих северных соседей славян – варягов. Скандинавы, носители так называемой ясторфской культуры, после миграции II–IV вв. н. э. к середине I тыс. переходят к пашенному земле-



Н. К. Рерих. Город строят. 1902. © Государственная Третьяковская галерея. Инв. № 1618

делию. Население занимается также скотоводством, охотой, рыболовством, добычей и обработкой металлов, их поселения представляют собой большие хуторские дворы численностью 50–100 человек[4]. Усадьба и прилегающие к ней территории: пашни, луга, лесные и водные угодья, наследственные владения общины носят название «одаль». Органом власти является народное собрание – тинг (коллективный орган родовых союзов). Тинг можно сопоставить с древнерусскими собраниями старейшин (позднее вече), которые также играли административно-правовую роль в родоплеменной среде. На территории Скандинавии к V в. относятся клады золота и каменные общинные укрепления, что свидетельствует о необходимости обороняться от внешней опасности. Так же, как и на Руси, основополагающим фактором протогородских поселений здесь выступает стремление защититься. Первое поселение не аграрного типа здесь зафиксировано на о. Хельге в Упланде, которое, примерно с V в., становится торгово-ремесленным центром. Интересно также, что позднее, в эпоху викингов в VIII–XI вв., единицей социальной общности считается двор – hús или garðr – «усадьба», «ограда». Таким образом, первоначальное огороженное поселение у скандинавов отождествлялось с имением родовой общины, так же, как и у восточных славян Древней Руси.

В VIII–XI вв. в Древней Руси из агломерации поселений сельского типа начинают вырастать крупнейшие города. Р. Г. Скрынников, исследуя истоки Древней Руси, приписывает огромную роль в формировании русских городов именно норманнам. Он пишет, что на захваченных славянских землях норманны-руссы заводили «торговые места» – вики, которые стали историческими предшественниками городов в Северной Европе[5]. Вики – это открытые торгово-ремесленные поселения на севере и востоке Европы, не имеющие укреплений. Р. Г. Скрынников приводит в качестве примеров Ладогу, Тимерёво (около будущего Ярославля) на Волге, Рюриково городище на Волхове под Новгородом и Гнёздово на Днепре под Смоленском. Но сведения археологии говорят о масштабном появлении викингов в районе Старой Ладоги только в середине VIII в.[6], а основание городища – Ладоги относят к концу VII – началу VIII в. Неоспоримо влияние, оказанное скандинавской культурой на древнерусскую, но с натяжкой можно говорить о норманнских виках как о прообразе русских городов. Дополняет данные археологии и лингвистика: в условиях славяно-скандинавских контактов возникла особая модель названия древнерусских топонимов – X-gardr. Ни в Скандинавии, ни в Западной Европе названия городов, построенные по этой модели, неизвестны. Так скандинавы называли Новгород – Homgardr, Киев – Kaenugardr, по этой же модели образовано название Константинополя – Miklagardr («Великий город»). Ладогу же называли Aldeigjuborg, по скандинавской модели X-borg, так как Ладогу норманны, скорее всего, освоили раньше остальных городов Древней Руси (скорее всего, исходный гидроним – финск. *Alode-jogi (joki) – «Нижняя река», от древнего названия реки Ладожки).

Большинство древнерусских стольных городов образовалось по модели сращивания из нескольких поселений или, как их называет ряд авторов, «концов»[7]. В дальнейшем после прихода варягов на Русь города строились по другой модели. Они не вырастали из открытых поселений, а «ставились» специально для админи-

стративного контроля над территорией. Недаром в датированной части «Повести временных лет» можно встретить высказывания о том, что князья «нача города ставити»[8]. Таким образом, такой тип городов образовывался как административный центр, пограничный пункт и т. д. В результате чего складывалась прямо противоположная по сравнению со сращиванием модель, то есть сначала закладывался город, затем к нему прирастал окольный град и посад. Такие города появляются с X в. и начинают составлять превалирующую модель образования древнерусского города. В этом, бесспорно, есть заслуга князей варяжского происхождения. Будучи изначально представителями чужеродной культуры, варяги взялись за покорение русских земель со всей амбициозностью людей, не связанных с местным населением кровнородственными интересами. В дальнейшем новые для Руси особенности административного устройства городов прослеживаются в период правления обрусевших потомков Рюрика уже как культурная традиция.

Появление княжеской и дружинной культур в составе городской культуры ознаменовало собой рождение нового типа личности: человека-воина, защитника города, которому покровительствуют небесные силы. Именно такой образ князя и его дружины складывается на основе русского былинного эпоса, закрепившего народную славу и признательность за сохранение мира и спокойствия в государстве. Однако стоит заметить, что далеко не все князья заслужили народную благодарность и любовь, в былинах не упоминаются князья-нарушители традиций, как, например, Святополк Окаянный, совершивший братоубийство, чтобы взойти на престол, или Святослав Игоревич, не защитивший свой город в трудную минуту. Княжеская культура в период становления городов Древней Руси претерпевает значительные изменения: из народных избранников – порождения общинно-племенной культуры – они превращаются в чужеродный элемент (особенно на восприятии княжеской культуры сказывается появление варягов в княжеской среде).

Неугодного князя на Руси могли убить (как это часто происходило в Новгороде), либо изгнать из города. Хотелось бы также отметить, что с XI–XII вв. князь стал играть большую роль в судебной практике Руси. Это стало повседневной обязанностью князя, а также появились агенты, занимавшиеся судебными разбирательствами. Суд князя вершился гласно в присутствии представителей местных общин. Отсюда большая роль так называемых видоков, послухов, поручников в судебном разбирательстве. В XI–XII вв. появляются зафиксированные письменно правды, княжеские и церковные уставы и т. д., которые составлялись в присутствии глав общин. Однако правовые документы писались на основе изустного народного права (как и у скандинавов). До принятия христианства князья также зачастую возглавляли и религиозные действа, однако с приходом новой религии эта функция переходит к специально обученным священнослужителям.

В. В. Седов отмечает, что «формирование единой дружинной культуры стало мощным консолидирующим явлением в постепенном создании общности культуры и языка славянского населения Древней Руси»[9]. Мотивируется это тем, что дружина зачастую состояла из представителей различных племён. А в пространстве города княжеская, дружинная, а также купеческая культура (не менее сложная

по этническому составу) стали импульсом к развитию городской культуры в целом, за счёт чужеродного компонента культура обогащалась. Был преодолён традиционный стереотип «свои – чужие», присущий родоплеменному селу, и, таким образом, снят «барьер» замкнутости в культуре.

Если сравнивать средневековые крепости с древнерусскими градами, необходимо отметить, во-первых, что европейские короли ставили крепости для контроля над прилегающей территорией и раздавали земли своим дружинникам в обмен на воинскую повинность. На Руси же князья очень долго не обладали правом собственности на землю и на город, а были наёмниками, которые заключали «ряд» с градскими старцами на несение охранительных и административных функций. Право владения землёй князья получили гораздо позднее, чем европейские короли. Наследование власти в одном городе также очень долго приживалось на Руси. Право собственности на землю закрепилось за князьями сравнительно поздно (согласно исследованиям И. Я. Фроянова, после татаро-монгольского нашествия).

По подсчётам М. Н. Тихомирова в IX–X вв. летописи свидетельствуют о существовании в Древней Руси 25 городов, в XI в. упомянуто 64 новых города, а в источниках XII в. появились ещё 134 города[10]. Но эти данные явно неполны, так как основаны только на письменных источниках без привлечения археологии. Тихомиров считает, что ко времени монгольского нашествия количество русских городов близко

Н. К. Рерих. Собирают дань. 1908. © Собрание Л. А. Федуна (Москва)

подходило к 300. Для примера, в одной Англии уже к концу XI в. насчитывали не менее 100 городов и местечек. Однако возросшая скорость строительства городов на Руси после XI в. говорит об усилении княжеской власти и об изменениях в функциональном предназначении городов. Отныне города не просто форпосты территорий и торгово-ремесленные центры, но и места административного контроля над прилегающей территорией, а также места сбора податей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Яковенко И. Г.* Город в пространстве диалога культур и диалог города // Социокультурное пространство диалога. – М.: Наука, 1999. – С. 93.
[2] Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 2. – М.,1994. – С. 17.
[3] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 2. – М., 2004. – С. 266.
[4] См.: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. – Л., 1985.
[5] См.: *Скрынников Р. Г.* Русь X–XVII вв. – СПб.,1999.
[6] *Лебедев Г. С.* Указ. соч. – С. 185.
[7] Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978. – С. 45; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. – М.,1980. – С. 228.
[8] Повести Древней Руси. – Л., 1983. – С. 33.
[9] *Седов В. В.* Славяне: историко-археологическое исследование. – М., 2002. – С. 561.
[10] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. – М., 1956. – С. 15.

И. И. САВОСИНА
(Белорусский союз журналистов, газета «Толока»; Могилёв)

МОГИЛЁВ НА ПУТИ «ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

«Нам нужны всякие показатели скандинавского движения на восток», – писал Николай Рерих («Древнейшие финские храмы», 1908). Так называемый «варяжский след» можно искать через письменные источники, археологические раскопки и легенды. Но находки эти невелики.

О времени возникновения Могилёва древние письменные источники не сообщают, и только к 1320 г. относится первое упоминание о нём. И всё же датой основания принято считать 1267 г., когда, возможно, был заложен замок на холме, где урочище Могила [*ил. 1–2*]. В 1887 г. наш земляк Н. Г. Гортынский приводит эту дату при издании найденной им рукописи «Хроника белорусского города Могилёва» Трофима Сурты и Трубницких. «Некогда в здешних лесах над Днепром, – пишет Н. Г. Гортынский, – имели притон разбойники Гвозд и Машека». Урочища до сих пор сохранили названия Гвоздовка и Машековка. Могилы погребаемых жертв дали название замку с деревнею при нём: Могилав или Могилёв. Также живёт легенда о том, что сам разбойник Машека по прозвищу Лев после гибели покоится на этой горе. «Легенда о святых разбойниках имеет в основании дух, заострённый необычным», – сказано в Учении Живой Этики («Община», 1926. § 52). А Николай Рерих

Ил. 1. Могилёв. Площадь Славы. Вид на Днепр и урочище Могила (*справа*)

отмечал, что фольклор составляет интересную научную область, и писал в одной из статей: «Кто возьмётся отделить, где легенда граничит с фантастикой, а где в основе её лежит действительность. Не так давно доказывалось, что герои так называемых легенд были существовавшими людьми, героическими деятелями, дела которых, выходя за пределы общечеловеческого разумения, сплетались в чудесные, вдохновляющие легенды» («Камень», 31 марта 1935). Происходил ли Машека-Лев из кривичей или варягов, неизвестно.

Город Могилёв был долгое время малоизвестен, о чём сообщал ещё в 1662 г. немецкий барон Августин Мейерберг в своих путевых записках «Путешествие в Московию». Он отметил, что «белорусские купцы, привлечённые удобством места, переселились в него и, умножавшись в числе, построили там множество домов, а сто лет тому назад так населили его, что дали ему вид обширной пристани, знаменитой по всем Россиям». Далее он утверждал, что город «исповедует христианскую веру по еретическому греческому обряду, хоть и имел две римско-католические церкви». О смысле названия места барон А. Мейерберг записал, что слово Могилёв «означает усыпальницу какого-нибудь рода».

По другой версии название могло прийти из финно-угорского наречия: «Моги» – гора, холм, «лей» или «ляй» – вода, река, овраг с водой, то есть, «Холм у воды» или «Гора у реки». «Кто дал первые названия городам и местностям? – спрашивал Н. К. Рерих. – Только иногда доходят смутные легенды об основаниях и наименованиях. При этом нередко названия относятся к какому-то уже неведомому, неупотребляемому языку. Иногда название неожиданно соответствует наречию из со-

всем иных стран. Значит, путники, переселенцы или пленники запечатлели на пути свои имена» («Истоки», 18 марта 1935).

Известный белорусский учёный В. Ф. Копытин в монографии «Археологические памятники Могилёва и окрестностей» (1993) пишет: «Моделирование передвижения и деятельности дружин древних руссов и викингов IX–XI вв. по легендарной Волховско-Днепровской магистрали показало, что этот торговый и военно-стратегический путь надёжно прикрывался укреплёнными городищами». И Могилёв мог возникнуть как сторожевой град-крепость в окружении открытых ремесленных и сельских поселений ещё в начале XI в. Учёный полагает, что Могилёв в тот период своей истории, от которого не дошли письменные свидетельства, представлял собой город-замок, поставленный оберегать южные рубежи Полоцкого княжества, причём обилие курганов вокруг древнего ядра Могилёва он рассматривает как доказательство существования здесь феодального центра.

На горе Могила была стоянка железного века, частично разрушенная при строительстве замка.

Из «Повести временных лет» известно, что в год 859-й послали представителей от чуди, словен, веси и кривичей за море к варягам, прозываемым русью, чтоб пришли те владеть ими. И стал править Рюрик и раздавать своим мужам города, в частности, Полоцк. Коренное население в Полоцке – кривичи, которые жили вдоль Днепра и на территории нынешней Могилёвской области, так же, как и радимичи, жившие вдоль реки Сож, о чём свидетельствуют многочисленные городища и курганы. А варягов называли в этих местах находниками.

Пресловутые сообщения Нестора о приглашении иноземцев самими славянами исследователь Неовиус вкладывал в уста колонистов-скандинавов, уже мирно осевших по берегам Волхова и Днепра. Странная для славян формула приглашения, подчёркивал Николай Рерих, становится вполне типичной со стороны колонистов-пришельцев, зовущих своего фрайхерра в «свою» землю, где они осели, зовущих для порядка, для защиты торгового пути («Древнейшие финские храмы», 1908).

Двое бояр-варягов отпросились у Рюрика в Царьград со своим родом и некоторые из них сели в Киеве, как сообщает та же «Повесть временных лет». Вполне возможно, что кто-нибудь из варягов-находников мог облюбовать живописное и стратегически удобно расположенное урочище Могила над Днепром, который в этом месте делает резкие виражи: сначала поворачивает с востока на запад, а потом – с юга на север. С высоких холмов правого берега река отлично просматривается, а ладьи могут быть запертыми, как в ловушке!

В год 887-й царствовал Леон, прозванный Львом, и брат его Александр. Олег предпринял переговоры о мире с этими греческими царями и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида. В договоре, заключённом между греками и русскими в 912 г., говорилось: «Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и [хозяин] соберётся снабдить ладью товаром своим и отправить вновь в Греческую землю, то проводим её через всякое опасное место, пока не придёт в место безопасное…». «И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет [из них], не

Ил. 2. Вид на Могилёв и старое замчище с запада

распорядившись своим имуществом, а своих [в Греции] у него не будет, то пусть возвратится его имущество на Русь ближайшим младшим родственникам».

Именно тогда, в IX в. был сокрыт клад из 1300 серебряных дирхемов Арабского Халифата, найденный в Могилёве уже в XIX в., как свидетельство былой активной торговой жизни [*ил. 3*]. Кстати, Могилёва, по официальной версии, в IX в. ещё не было. «Становится необходимым настоящее "знание", – настаивал Рерих-археолог. – Не извращённое, не предумышленное знание! С ужасом мы видим, как мало, как приблизительно знаем мы всё окружающее, всю нашу жизнь. Даже очень недалёкую. От случайных (непрошенных) находок потрясаются самые твёрдые столпы кичливой общепризнанности» («Земля обновлённая», 1911).

В 944 г. собрал Игорь многих варягов, русь, полян, кривичей и пошёл на греков в ладьях и на конях. На следующий год Роман, Константин и Стефан прислали послов к Игорю восстановить прежний мир. И в договоре вновь утверждалось законное поведение на водах, в частности, на Днепре. «Если же кто-нибудь из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву». Кстати, присягу Игорь и люди его давали на холме у Перуна, а христиане русские присягали в соборной церкви святого Ильи, ведь много было среди варягов христиан, как сообщает та же «Повесть временных лет».

Киевские князья призывали варягов и кривичей во многие военные походы. Князь Владимир, сев в Киеве, выбрал из варягов мужей добрых, умных и храбрых и

Ил. 3. Арабский дирхем

Ил. 4. Человек с лошадью

Ил. 5. Человек с кругом

© Могилёвский областной краеведческий музей им. Е. Р. Романова

роздал им города, остальные же отправились в Царьград к грекам. Но прежде князь отправил послов к царю с предупреждением, чтоб не оставлял их в столице, а расселил их по разным местам, чтоб зла не натворили, как в земле Русской. Беспокоился Владимир, что мало возле Киева городов, и в 988 г. стал ставить города, и набрал мужей лучших от славян, от кривичей, и населил ими эти города. Увы, летописец не упоминает названия этих поселений. Мог ли быть среди них Могилёв, пока утверждать не можем. Самые упоминаемые в то время города на Днепре – Киев и Смоленск.

«Русская древность тоже обновляет и укрепляет сознание, – писал Н. К. Рерих. – Каждая экспедиция, каждая раскопка, каждое внимание к народному эпосу – всё лишь говорит о новых возможностях, да о каких возможностях! Шире широкого! “Город строят”! И нет конца этому городу» («Русскость», март 1940).

Известно, что всё, что окружалось оборонительной стеной, в те времена называлось город или городок. С такими укреплениями связано много легендарных сказаний. Например, в 1892 г. в Городке Мстиславского уезда Могилёвской губернии крестьяне рассказывали участникам научной экспедиции, что давным-давно жили здесь богатыри, защищали местное население от неприятеля, а в свободное время перебрасывались с укрепления на укрепления топорами и ловили их на лету. Ещё рассказывали, что если кто заходит на вершину, то богатыри начинают сердиться, обыкновенно поднимается сильный ветер и сбрасывает взошедших. Раз поднялась сильнейшая буря, разметала скошенную траву и самих косцов. Вот и во время рассказа при начале поверхностных раскопок на кургане прилетевший сильный порыв ветра сбросил шапку с крестьянина. «Вот, начинается…» – произнёс кто-то из местных жителей. И стоило больших трудов уговорить крестьян продолжить работу.

Появившийся в Могилёве при Статистическом комитете музей получил в дар коллекцию вещей, найденных той летней экспедицией 1892 г. в пяти уездах губер-

нии по берегам Днепра, Сожа, Ипути. Один из руководителей экспедиции Александр Чоловский писал тогда в отчёте: «Значение Могилёвского музея для края, который вынес столько ударов судьбы за православие и народность, должно быть особенно важно и плодотворно для подрастающего и грядущих поколений, которые, изучая старину наглядно, привыкнут ценить доблестные дела предков и найдут в них указания для жизни в русском духе и на русских началах».

«Всё, что найдёт народ русский, будет к украшению и прославлению. Русь захороненная, Русь подземная, покажись во всем величии!», – писал Н. К. Рерих в очерке «Народность» (14 февраля 1940).

Многие города и местечки Могилёвской области, расположенные на великом когда-то пути «из Варяг в Греки», получили названия, как свидетельствуют легенды, благодаря торговцам, разбойникам и богатырям.

Например, город Быхов, по преданию, получил название от могилы защитника древней крепости на Днепре ремесленника-силача Быховца, геройски погибшего в бою с неприятелем.

Шклов тоже стоит на Днепре. Название в незапамятные времена произошло от слова «шкло», которое эмоционально повторял торговец, чей корабль, увы, потерпел крушение возле этих берегов. «Шкло» по-белорусски стекло.

Пропойск или Пропошеск (ныне – Славгород). Торговцы оставляли в этом живописном местечке на реке Сож все свои деньги, пропивая их, гуляли до упаду.

Из самых известных артефактов, найденных в Могилёвской области и определяемых как продукция скандинавских ремесленников, можно указать на бронзовые фигурки, хранящиеся теперь в Могилёвском областном краеведческом музее. Первая [*ил. 4*] изображает человека с бородой, как бы привязанного к вздыбившейся лошади (найдена в кургане в Костюковичском районе), вторая [*ил. 5*] – мужчину с мечом у пояса и кругом в правой руке (из курганного могильника у деревни Лудчицы Быховского района).

Во время раскопок 1994 г. доктором исторических наук И. А. Марзалюком на территории могилёвского замчища и урочища Могила [*ил. 1–2*] были найдены фрагменты керамики, по своей профилировке характерные для XI в. А на одном донце знак, который идентифицирован российским учёным, доктором исторических наук С. В. Белецким как принадлежащий князю Всеславу Изяславовичу из Рюриковичей – внуку Владимира и полоцкой княгини Рогнеды.

«С древнейших времён очистились горизонты, – отмечал Н. К. Рерих. – Мы открыли сокровища переселения народов. Мы связали эти вещи с таинственными обитателями городищ. Мы подошли к славянским и варяжским древнейшим насельникам» («Слово напутственное», 1916). Так и основание Могилёва, как считают многие исследователи, может быть отнесено не к XIII в., а к X или даже ранее.

В заключение напомним высокие речения Учения Живой Этики:

«Если вы слышали теорию вихревых колец, теорию волн, теорию магнетизма, притяжения и отталкивания, то вы должны понять, что на Земле существуют места очень разного значения. Даже тупые головы задумывались о странной судьбе многих городов. Комбинация физика, астрохимика, биолога и астролога дала бы

лучший ответ без всякой мистики. Создание больших городов должно быть определено осмотрительно» («Озарение», 1925. § 328).

«Нужно отдать справедливость, что в древности обращали много внимания на изучение психической природы человека. Мы можем доказать, что такое изучение происходило не только в храмах, но и в особых школах, которые впоследствии в Греции назывались академиями. Там наряду со многими предметами изучали также и народные сказания, среди них находили указания, пришедшие из глубокой древности» («Надземное», т. I, 1938. § 359).

«Потому не будем презирать легенды истины, но посмотрим зорко и позаботимся о словах действительности. В легенде выражается воля народа, и мы не можем назвать ни одной лживой легенды. Духовное устремление мощного коллектива запечатлевает образ истинного значения, и оболочка символа означает мировой знак, как мировой язык, который неминуем в эволюции.

Правы искатели общего языка. Правы созидатели легенд мира. Трижды правы носители подвига» («Агни Йога», 1929. § 19).

Ю. Ю. БУДНИКОВА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

«РУССКАЯ ТЕМА» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. К. РЕРИХА

Выступая на июньской сессии конференции, автор развивала мысль о том, что можно говорить об особой рериховской историософии, сопоставимой с мировоззрением русских авторов XII–XVII вв. – летописцев, писателей, историков, видевших в последовательно разворачивающихся событиях земной истории отражение вневременной вселенской мистерии. И если сегодня взгляды Н. К. Рериха многими инстинктивно отторгаются, вызывают настороженность и враждебность, то не оттого ли это происходит, что сами мы, современные русские интеллигенты (включая церковные круги), находимся на данный момент на противоположном полюсе мироощущения, что бы мы на словах не декларировали. Небеса для нас немы. Но эти мои размышления – так, к слову.

Тема настоящего выступления другая. «Нутряная» любовь Рериха к Древней Руси*, побуждавшая его ездить по городам и весям, производить археологические раскопки, привела его к созданию уникальной панорамы русской культуры и быта. Основанные на глубоких знаниях историка «русские сюиты» разбросаны по станковому и театральному творчеству художника, начиная с ушкуйников, странников и схимников студенческих работ и заканчивая русскими богатырями, князьями и святыми последних картин мастера.

* Вспомним восклицание художника в статье «По старине» (1903): «…не в деньгах дело; денег на Руси много; история реставрации Ростовского кремля и некоторых других памятников, наконец, сейчас переживаемое нами время ясно свидетельствует, что если является интерес и сознание – находятся и средства, да и немалые. Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви».

Серия *«Начало Руси. Славяне»* должна была стать своего рода антологией или энциклопедией в картинках древнерусской жизни. Причём наряду со славянами внимательному изучению подвергся «этнографический портрет» и других племён и народов, населявших территорию, ставшую позднее государством Российским. Незаконченная, эта серия, тем не менее, породила множество вариаций в творчестве мастера и, возможно, наиболее щедрые в чисто художественном плане плоды принесла в театрально-декорационном искусстве. Это и понятно, если учесть, что «визитной карточкой» эпохи является архитектура, а «визитной карточкой» человека минувших эпох – костюм, и он же стал играть первостепенное значение в новом театральном искусстве, духовным отцом и «мотором» которого стал С. П. Дягилев с его Русскими сезонами. Художники начала XX в. провозгласили принцип единства музыки, действия и оформления, а для этого требовались уже не бутафорские тряпки и условные задники, а основанные на подлинном культурном субстрате декорации и костюмы. И, наверное, ни о каком другом театральном художнике той эпохи, оформлявшем спектакли на «русские сюжеты», мы с таким полным правом, как о Н. К. Рерихе, не можем сказать: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Причём Русью не лубочной, а глубоко историчной в своей поэтичности.

Особенно хорошо эту «подлинность» почувствовали иностранцы. Известен успех, выпавший на долю костюмов к «Весне священной» в Париже и к «Снегурочке» в Чикаго. Славянские и времён московских великих князей декоративные мотивы вошли тогда в сезонную моду. Вообще, успех Русских сезонов в целом является хорошим подтверждением рериховского тезиса и рериховского призыва посмотреть на русскую старину «не скучным взором археолога, а тёплым взглядом любви и восторга». В статье «По старине» (1903) Н. К. Рерих отметил: «Почти для всего у нас фатальная дорога “через заграницу”, может быть, и здесь не миновать общей судьбы».

Эпиграфом для всей нашей сегодняшней работы пусть послужат слова самого художника из той же статьи, который как бы отвечает на вопросы, напрашивающиеся сами собой: зачем знать и любить старину, что искал в ней он и можем найти мы?

«Я могу ожидать вопрос: “Вы дали неутешительную картину дела старины русской, но что же вы укажете как ближайший шаг к нравственному исправлению этого сложного дела?” Что же мне оставалось бы ответить на такой прямой вопрос? Ответ был бы очень старый: пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели ещё отвести должное место, что заменит серые будни весёлою, красивою жизнью. Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение её. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими. Пора зло высмеивать сухарей-археологов и бесчувственных педантов. Пора вербовать новые молодые силы в кружки ревнителей старины, пока, наконец, этот порыв не перейдёт в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна» («По старине», 1903).

А. А. АЗИЗЯН
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

«БЕС» ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И ДРЕВНЕЙШИЙ ПРОТОТИП БАБЫ-ЯГИ С БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Ил. 1. «Бес». Петроглиф (прорисовка) Восточное побережье Онежского озера, Карелия. Сер. – посл. четв. IV тыс. до н. э.
Воспроизведено: *Столяр А. Д.* Вертикальное погребение (мезолит) как предтеча монументального антропоморфного образа // Древности Подвинья: исторический аспект. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – С. 168. – Рис. 1–IV

Петроглифы Карелии – один из нескольких крупнейших кластеров такого рода в мире. До полного понимания их смысла и функций всё ещё далеко. Не является исключением и самый известный из них – «Бес» с полуострова Бесов Нос на восточном побережье Онежского озера [*ил. 1*], который, по мнению А. М. Линевского и А. Д. Столяра, был выбит в данном месте первым ввиду своего чрезвычайно крупного размера (2,46 м) и центрального положения на самой оконечности мыса[1]. По сегодняшним оценкам время создания «Беса» относится к хронологическому уровню середины – последней четверти IV тыс. до н. э.[2]

Однако толчком к настоящей работе для автора послужил не «Бес», широко известный ещё с 1848 г., а сравнительно недавно раскопанная на II слое памятника Гюбекли Тепе (15 км от г. Урфа / Шанлыурфа, Турция) известняковая плита с процарапанным на ней изображением сидящей на корточках «женщины» (40 см – максимальный размер плиты, 30 см – изображения) IX – начала VIII тыс. до н. э.[3] – времени, составляющего часть периода докерамического неолита Б (PPNB) – *ил. 2*. Никаких намерений в отношении «Беса» изначально не существовало хотя бы потому, что семантически как один, так и второй объект равно неопределённы, а найти одно неизвестное через другое ещё никому не удавалось. В математике в таких случаях пользуются системой уравнений, привлекая дополнительную информацию о неизвестных. Поэтому оставим на время упомянутые памятники и обратимся к Бабе-яге – персонажу, о котором известно почти всё благодаря работам В. Я. Проппа.

Ил. 2. Обнажённая женщина на корточках. Резьба на каменной плите «Здание со львиными стелами», Гюбекли Тепе II, Турция. IX – нач. VIII тыс. до н. э.

Воспроизведено: Neolithic in Turkey. The cradle of civilization. New discoveries. Plates / M. Özdoğan and N. Başgelen (eds.). – Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari, 1999. – P. 55, fig. 35 (цв.); *Шмидт К*. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе / Пер. с нем. А. С. Пащенко, отв. ред. Т. В. Корниенко. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 231, рис. 104 (ч/б)

Владимир Яковлевич Пропп (1895—1970)[4] в книгах «Морфология волшебной сказки»[5] и «Исторические корни волшебной сказки»[6] получил результаты, которые свою подлинную инструментальную силу способны показать именно сейчас, с развитием доисторической археологии и соответствующим углублением хронологии. Многие археологические тексты читаются или существенно разъясняются в свете этих результатов. Как важнейший из них выделим установленное Проппом в «Исторических корнях» структурное и содержательное тождество волшебной сказки и обряда инициации юношества – мальчиков, подходящих к возрасту половой зрелости: «Эти соответствия [соответствия мотивов / структурных единиц волшебной сказки и обряда инициации. – *А. А.*] позволяют нам утверждать, что цикл инициации – древнейшая основа сказки»[7]. И далее: «Что же мы нашли? Мы нашли, что композиционное единство сказки кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенности художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого. То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе. <…>. Исчезновение обряда связано с исчезновением охоты как единственного или основного источника существования»[8]. Иными словами, волшебная сказка имеет корни в палеолитической реальности и позволяет реконструировать обряд инициации в тех звеньях, где он мог быть утрачен или недостаточно ясен. Обряд инициации, постепенно (тысячи лет) «исчезая» из жизни в течение неолита и эпох металла, переходил в мифологию, фольклор, театр, литературу, становясь их важнейшим структуро- и сюжетообразующим механизмом.

В сравниваемых Проппом линейных последовательностях волшебной сказки и обряда инициации имеется ключевой и обязательный блок: лес – избушка – Баба-яга (в сказке); лес (кустарник, любое дикое труднодоступное место) – избушка – жрец (-ы) / шаман (-ы) / учитель (-я) (в обряде). Без него нет ни действия, ни возможности достигнуть цели. Таким образом, реальная фигура жреца или жрицы, или тех, кто им предшествовал в более архаических обществах, но выполнял ту же функцию в обряде инициации, с течением времени трансформировалась в фантастическую фигуру Бабы-яги. Но будем использовать и обратный ход: по теории Проппа внешность и поведение Бабы-яги должны соответствовать внешности и поведению жреца или жрицы в обрядах инициации. Все атрибуты и окружение Бабы-яги (избушка, ступа, кот, ворон, гуси-лебеди, волки и пр.) должны соответствовать обстановке обрядов инициации. Пропп свободно использовал одно-однозначные соответствия любых частных элементов обеих структур – как в том (перспективном: от обряда к сказке), так и в другом (ретроспективном: от сказки к обряду) направлениях, руководствуясь тождеством их функций. Кроме того, он систематически проводил основополагающий принцип научной реконструкции на базе таких источников, как сказка, миф, обряд: то, что в синхронном описании (в сюжете данной конкретной сказки или мифа, в представлении данного обряда) дано как множество (избушка, яга, кот, ступа и т. д.), в своём древнейшем истоке сводится к единице (избушка = яга = ступа = кот = и т. д. = ?). «То, что некогда играло роль самого бога, впоследствии становится его атрибутом (орёл Зевса и т. д.). То же имеем и здесь: то, что некогда было самой хатой (животное), становится атрибутом хаты и дублирует её, выносится к выходу»[9].

О том же другими словами писала и О. М. Фрейденберг в курсе лекций «Введение в теорию античного фольклора», записанных ею во время блокады Ленинграда в 1941–1943 гг. Первый закон первобытного мышления здесь формулируется так: «…Отсутствие причинно-следственного ряда. <…>. Одна мысль повторяет другую, один образ вариантен другому; различие их форм создаёт кажущееся разнообразие»[10]. «Второй закон – симбиоз прошедшего с настоящим. <…>. В симбиозе старого с новым не следует видеть рутины. Речь идёт о закономерном состоянии примитивного сознания, которое ещё не умеет преодолевать пройденного. Именно благодаря этому закону создаётся целая многообразная система мифа, сюжета, мифического персонажа и всего того, что скажется потом в культе: топтание одних и тех же мотивов, соединённых между собой без причинно-следственной нити, разнящихся лишь стадиально. Простейший пример – атрибуты богов, вещные, звериные, растительные, сопутствующие богу-человеку»[11]. Мультиплицирование нескольких образов, представляющих один мотив или даже один персонаж, происходило, по Фрейденберг, также из-за особенностей языкового мышления, оперировавшего в палеолитические времена преимущественно именами существительными: «Тотемистическое мышление не способно создать прилагательное имя, а не только глагол. В эту эпоху имеется лишь имя существительное, и “молодой”, “старый”, “хороший”, “дурной” – не качественные категории, а предметные…»[12]. Иначе говоря, если хотели сказать «летящий человек», то из-за отсутствия прилагательных, причастий и прочих «качествообразующих» частей речи, говорили «птица-человек»; чтобы выразить идею «дремучий лес», «вне жилья», говорили «медведь-лес» или «леопард-лес», «кабан-лес», «волк-лес» и т. п. Несколько существительных ставились рядом и одни из них являлись качествами для другого, а это другое, таким образом, уравнивалось с ними. В процессе же, например, исполнения обряда весь этот ряд существительных надо было воочию показать: прикрепить «птицу» к одному «актёру», а «человека» к другому «актёру» – получался человек, сопутствуемый птицей, или птица, сопутствуемая человеком, или комбинированный (ряженный, маскированный) птицечеловек. Учитывая вышеупомянутую неспособность сознания избавиться от старого образа, когда уже создан новый, происходило нарастание снежного кома из нескольких образов, обозначающих одно и то же: птица, человек и птицечеловек фигурировали вместе и в обряде, и в мифе, а позже перешли в сказку как самостоятельные отдельные персонажи.

Для удобства будем называть этот снежный ком веером полиморфных звеньев или просто веером, имея в виду, что разные по форме персонажи имеют аналогичную семантическую функцию наподобие того, как веер в закрытом состоянии показывает одно – первое – звено, а в открытом состоянии – N звеньев, повторяющих эту же функцию и исходящих из этой же начальной точки. Модель сложенного веера, соответствующая древнейшему образу, отражает, вероятно, тотем, рождающий (жизнь) и поглощающий (смерть). Раскрытый на тот или иной угол веер – мультиплицированные мифологическим сознанием образы, выражающие качества древнейшего образа (тотема) и его стадиальные варианты, возникавшие в течение тысячелетнего функционирования мифов и обрядов. Всем известный простейший

пример такого веера – компания из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова, где Воланд, кот Бегемот, Азазелло, Коровьев, Гелла, Маргарита действуют как отдельные персонажи – переговариваются, встречаются. Однако мало кто сомневается, что все они выражают разные лики одной и той же функции Дьявола, поэтому вместо одного легко из воздуха материализуется другой. Воланд = Бегемот = Азазелло = Коровьев = Гелла = Маргарита. Животное (кот) или признак животного (кабаний клык у Азазелло) легко сочетаются в таком веере как с женскими, так и с мужскими образами, но, разумеется, животное-тотем – древнейший исходный образ любого полиморфного веера.

Вынужденное отступление с остановкой хода изложения и напоминанием широко известных теоретических тезисов В. Я. Проппа и О. М. Фрейденберг сделано постольку, поскольку **модель веера** образов-персонажей, представляющих один древнейший образ, – необходимый инструмент в последовательности наших дальнейших рассуждений. Теперь вернёмся к выводам В. Я. Проппа о Бабе-яге в «Исторических корнях волшебной сказки» с намерением визуализировать Бабу-ягу. Как бы она выглядела, если бы её портрет был восстановлен из текста В. Я. Проппа? В. Я. Пропп выделяет два типа её качеств: яга-мертвец и яга-старуха-мать[13]. Яга-мертвец или, точнее, полу-мертвец определяется своей костяной ногой (часть скелета мертвеца), своей временной слепотой (то видит, то не видит: видит мёртвых, так как сама мертвец, не видит живых), своим лежанием в тесной избушке-гробу или полётом в ступе (мертвецы или лежат в гробу, или летают в качестве приведений-духов). Таким образом, Баба-яга – это Хозяйка мёртвых, Хозяйка «того света». В яге-старухе-матери подчёркивается «резкая женская физиологичность»[14]: огромная висящая грудь, которая в некоторых сказках забрасывается на крюк; свисающие до земли сопли; высунутый язык, которым она «сажу загребает»[15]; растрёпанные седые волосы-космы; видимый в некоторых сказках «срам» – вульва. На последнюю по понятным причинам в печатных текстах указывалось посредством пропусков-отточий, но в устных версиях широко применялись матерный жаргон и нецензурная лексика: «<…> …нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит». Или ещё более откровенно: «Из избушки выскочила баба-яга, костяная нога, ж… жилена, м… мылена» (Онч. 8)»[16]. Тут В. Я. Пропп ставит резонный вопрос: Баба-яга показывается не просто как женщина-мать, но обязательно как «старуха-мать», вызывающая отвращение и не способная уже к материнству, – так чья же она мать? И отвечает: мать диких животных, Хозяйка зверей, Хозяйка леса[17], то есть сама в определённом смысле животное. Постоянным напоминанием об этом является кот, живущий с Бабой-ягой. В силу рассмотренного выше правила семантического веера Кот = Баба-яга, и это прямое указание на её тотемическое происхождение. Интересно, что в некоторых описаниях даже во внешности Кота акцентируются признаки, по которым легко распознаются его аналогии со сказочной Бабой-ягой. Например, в христианском тексте представлен этот самый Кот-яга: «<…> в момент изгнания Домиником дьявола из группы еретичек “из самой их середины выскочил ужасный кот, величиной с большую собаку, с огромными горящими глазами и длинным, широким и крова-

вым языком, свисающим до пупа. У него был короткий хвост, задранный кверху, так что виднелся его зад во всем его безобразии... из которого исходила ужасная вонь" <…>»[18]. Свисающий язык, открытый «срам» и вонь характеризуют его ярко физиологически – как и Бабу-ягу в сказках.

Кот – ближайший к Бабе-яге, но не единственный представитель животных: здесь и волки, и гуси-лебеди, и козёл и пр. Таким образом, Баба-яга = Кот (Волк, Медведь, Козёл, Птица, … N). В этом перечне зверей отложились животные-тотемы различных палеолитических общин и / или существительные-качества (будущие прилагательные), характеризующие Хозяйку не только прыгучей и кровавой (Кот), но и быстрой и безжалостной (Волк), сильной (Медведь), рогатой (Козёл) и т. п. Особняком в этом ряду стоит одно животное – Хищная птица (Ворон, Орёл, Гриф, Сокол и пр.). Она объединяет в себе оба основных блока внешних признаков яги – мертвец (питается мертвечиной, летает как привидение-дух) и старуха-мать животных (древнейший родитель – прародитель, то есть тотем). В качестве таковой хищная птица выражает универсальную суть Бабы-яги и её недостижимые для человека «волшебные» качества – способность к свободному преодолению пространства и времени. То, что Баба-яга – прежде всего Хищная птица, понимает каждый ребёнок, интуитивно чувствуя, что седые космы – не что иное, как оперенье, горбатый нос – клюв, летающая ступа и избушка на «курьих ножках» – дополнительные намёки из птичьего ассоциативного ряда. Но в палеолитических дородовых общинах была ли именно Хищная птица каким-то особенным тотемом? Можно предполагать, что из всех тотемов в силу выделяющей её способности летать (ей подвластны небо и земля – жизнь (верх) и смерть (низ), время и пространство) она стала одним из наиболее готовых к мифологизации, мифологически-распространённых образов. Широко известно мнение крупнейшего отечественного специалиста в области фольклора и мифологии Е. М. Мелетинского, считавшего вороньи мифы палеоазиатов Чукотки и Камчатки и на-денеязычных индейцев Северо-Западной Америки одними из типологически древнейших, если не древнейшими. В них ворон выступает как первопредок-тотем, демиург-культурный герой и плут-трикстер, при этом первая его роль наиболее архаична. Сложение ядра вороньих мифов он относил не позднее 10 тысяч лет тому назад – ко времени до перехода предков индейцев на-дене из Азии в Америку, то есть до окончательного затопления Берингова пролива[19]. (С учётом дене-кавказской лингвистической гипотезы[20], раскапываемого сейчас в Турции памятника Гюбекли Тепе X–VIII тыс. до н. э., откуда и происходит рассматриваемое здесь изображение сидящей на корточках женщины, современного датирования конца затопления Берингова пролива не VIII, на что ссылался Е. М. Мелетинский, а IX тыс. до н. э.[21], появляется реальная историческая основа хронологического углубления не только вороньих мифов, но вообще мифов о хищных птицах). Также и В. Я. Пропп, говоря о древнейшей изначальной природе жреца-шамана, руководившего обрядом инициации, приводит этнографические материалы H. Nevermann'а по учителю-жрецу могущественного мужского союза Дук-Дук в Меланезии, согласно которым «он первоначально был духом-птицей, но это почти исчезло из сознания туземцев»[22]. Наконец, в этнографических

материалах об инициации и в наследующей идеологию инициации волшебной сказке огромная роль отводится лесной избе, теми или другими чертами напоминающей хищную птицу, о чём даже нет специальной необходимости упоминать, поскольку это широко известное общее место. По закону семантического веера: жрец / Баба-яга = Избушка на «курьих ножках» = Хищная птица[23].

И последнее замечание к портрету Бабы-яги у В. Я. Проппа, точнее, к портрету жреца-шамана – её исторического прототипа – касается её / его половой принадлежности. Уверенный ответ, что жрец – мужчина, а Баба-яга – женщина, как выяснил В. Я. Пропп, имеет хронологические ограничения и не всегда был корректен в отношении первого. Древнейшим жрецом-шаманом была всё-таки женщина, о чём сохранены рудиментарные исчезающие напоминания в этнографической реальности в виде, например, сообщений о переодевании жреца на время церемонии в женщину и / или о жрецах с фаллосом и грудью одновременно и т. п., то есть об их нарочитом гермафродитстве[24]. Уже в палеолите женская природа жреца-шамана и, в конечном счёте, тотема стёрлась и забылась бы, если бы не некоторые внешние сакрально закреплённые женские атрибуты обряда, изображения, позы танцев и фольклор, дошедшие до современных учёных, но уже не понимаемые самими пользователями. Во всяком случае, в наскальных изображениях мезолита и неолита, в скульптуре и керамике неолита тема двуполых существ является уже дежурной и давно знакомой, а в государственный период функция жреца (верховного жреца) уже прочно закреплена за мужчиной, хотя и не без некоторых рудиментов-исключений.

В сказке сохранились лишь осколки другого блока признаков, характеризующих не столько внешность, сколько способности, диапазон власти Бабы-яги. Об этих признаках также пишет В. Я. Пропп. Учитывая связь яги с печью, огнём, упоминаемые в некоторых сказках «ключи от солнца», которые у неё находятся (свет, день)[25], её умение вызывать ветер, метель[26], в исторической ретроспективе она вырастает в фигуру абсолютной властительницы мира и позднейшего главу пантеона богов типа Зевса, что применительно к дородовому обществу соответствует тотему. Тотем, собственно говоря, и мыслился началом жизни и смерти мира, причиной природных явлений в системе координат данной общины, в которой люди занимали рядовые места составных частей. Другое дело, что в сказке, спустя тысячелетия, пропорция резко меняется в пользу людей – персонажей, движущих сюжет, а природа играет роль задника, фона, – в этом выразилась антропоморфизация и театрализация художественного мышления позднейших эпох. Поэтому власть Бабы-яги над природой в сказке – из разряда фокусов ряженого на ярмарке: развлекает и только. Эту однобокость, недостаточность Бабы-яги в сказке вследствие наслоений прошедшего времени надо иметь в виду и мысленно восстановить её образ до «фигуры» тотема-Вседержителя.

Итак, по В. Я. Проппу, исторические корни Бабы-яги – это а) жрец-шаман (женщина >> мужчина) в обряде инициации и б) тотем по материнской линии. Противоречия здесь нет, оба тезиса верны. Жрец-шаман участвует в практическом воплощении неких мыслительных конструкций, он физически, телесно реален. Тотем же умозрителен как центральный образ идеологии (размытый в своих границах, в

пространстве и во времени). Разница между ними – это разница замысла (тотем) и воплощения (жрец-шаман), сочинённой в уме и сыгранной на сцене «пьесы». Упрощая, можно определить жреца-шамана как актёра, представляющего образ тотема в обряде. Отсюда Баба-яга позднейших сказок – наследница их обоих, их единой функции.

Анализируя выдающуюся работу В. Я. Проппа, мы отфильтровали набор внешних и внутренних признаков, обязательных для описания Бабы-яги и её исторических предшественников. Но словесный текст не даёт строгой **иконографии** – нельзя представить (нарисовать, вылепить) Бабу-ягу по данному описанию одним и только одним знаком-изображением. Каковы должны быть положение рук, ног, одежда, поворот головы и т. п.? От словесного портрета яги необходимо двигаться ретроспективно к реальным, научно зафиксированным изображениям с тем же набором признаков. Их названия, как правило, совершенно произвольны и даются исследователями по первым ассоциациям или аналогиям (например, известные «Рожающая богиня», «Леопардов храм» Дж. Меллаарта для неолитического поселения Чатал Хююк в Турции, «Великая Мать» и прочие устоявшиеся словосочетания). Их функции и содержание скрыты или невнятны, равно как и содержание окружающего археологического контекста. Однако, твёрдо зная, что Баба-яга – это жрец-шаман обряда инициации и тотем, мы неизбежно должны её, в конечном счёте, найти и увидеть, поскольку известно, что изображения жрецов и тотемов делались и продолжают делаться в традиционных обществах как ритуальные объекты. Будем последовательно забрасывать сети назад в историю, доисторию, предысторию, ища функциональные и визуальные аналогии пропповской Бабе-яге. В сети неизбежно попадутся давно и широко известные и многократно изученные образы (в том числе и в их связях с Бабой-ягой) и не попадутся те, которые там должны были бы быть – ведь в мифологии, фольклоре, литературе огромное количество параллелей яге. Антология мировой «дьяволиады» никак не вписывается в формат данного сообщения, всякий желающий может к ней обратиться и расширить ряд. Цель сообщения ограничивается раскрытием содержания некоторых археологических памятников бесписьменных периодов, в частности тех, что представлены на *ил. 1* и *2*.

Первый шаг назад самоочевиден в рамках заседания конференции, посвящённого славянско-скандинавским связям. Это древнегерманская мифология, одна из самых молодых и достаточно разветвившихся в ходе развития её носителей, но сохранившая облик культурного продукта бронзового и железного веков, произведённого людьми родовых общин, не объединённых в централизованное государство. Военная демократия, дружина викингов как вариант «мужского воспитания», «мужского союза», то есть структурированной группы молодых людей до и после обряда инициации, оставили в мифологии большой пласт инициационных мотивов и персонажей. Среди них явная параллель яги – богиня Фрейя. Она – предводительница летающих дев валькирий, подбирающих души павших воинов (половина которых принадлежит Фрейе), мчащаяся на коте или на упряжке, запряжённой двумя котами, имеющая рукавицы на кошачьем меху (все валькирии и колдуньи владеют такими же рукавицами или плащами), соколиное оперенье

(превращается в сокола), домашнего питомца – кабана, и отождествляемая в некоторых версиях с супругой Одина Фригг (по другим версиям она – любовница Одина), а также с тотемным животным Одина – вороной. Одину, как известно, принадлежит вторая половина душ павших воинов, что само по себе заставляет сложить эти две половины в один образ-веер: Фрейя / Фригг – Один: он (они) владеет (-ют) верхним царством мёртвых воинов Валхаллой, то есть соответствует (-ют) жрецу-учителю в обряде инициации и главе мужского союза. Явные рудименты образа такого жреца сказались в том, что Фрейя ещё и, во-первых, учительница волшбы и колдовства (скандинавских магических практик – сейда) и, во-вторых, покровительница музыки. Выше уже упоминалось, что жрец-шаман в обряде инициации является обязательным «актёром», играющим роль тотема, он – знаток и исполнитель тайных ритуальных песен и танцев. Поэтому «любовь Фрейи к музыке» акцентирует её шаманское происхождение. Разумеется, Фрейя – богиня плодородия, с одной стороны, и войны / смерти, с другой, в чём, как и в тотемных животных кошке, вороне, кабане, соколе и др., строго зафиксировался её тотемный генезис. При этом ярчайшей характеристикой Фрейи является её сексуальность.

Под дву- или трёхглавым очень поздним и относительно «цивилизованным» образом Фрейи / Фригг – Одина лежит более архаичный аналог-предшественник: дремучая Хель, имя которой (Преисподня, Ад) говорит само за себя и, видимо, восходит ко временам общегерманского единства и каменного века. Она симметрична стадиально более позднему образу Фрейи / Фригг – Одина как Хозяйка нижнего мира мёртвых, как физиологически уникальный персонаж, но асимметрична природой этого физиологизма, в котором акцентируются безобразные признаки: согбенная спина, растрёпанные волосы, а главное – пополам сине-белое или сине-красное лицо («сине-белая Хель», то есть полуживая-полумёртвая) и разлагающееся в нижней части тело-труп. Она свирепа и бессмертна. Аналогии с полуживой-полумёртвой, полуслепой-полузрячей Бабой-ягой с костяной ногой самоочевидны. Так же очевидно, что отрицательные (безобразная Хель) и положительные (прекрасная Фрейя) качества внешнего облика требуют сложения и восстановления единого образа: Хель – Фрейя / Фригг – Один. Сестра Хель – Мировой Змей, брат – Мировой Волк, отец Хель Локи может превращаться в сокола – здесь мы наблюдаем ещё один «семейный» веер: Хель = Сокол = Змея = Волк. Общая промежуточная рабочая формула выглядит так: Хель – Фрейя / Фригг – Один = Сокол / Ворон (Кот, Змея, Волк, Кабан, … N).

Сделаем ещё один шаг не только вглубь истории, но и в пространстве: шаг на запад, на Британские острова. Здесь, в медвежьем углу Европы, гнездятся десятки персонажей, стадиально, типологически параллельных Хель и Бабе-яге, но связанных не только с древнегерманским, но и с кельтским наследием. Впрочем, до сих пор не ясно, с кельтским или с каким-то иным до-англосаксонским, в том числе, возможно, и с до-индоевропейским (пиктским?). Т. А. Михайлова, специалист по до-англосаксонским языкам Британских островов, отметила «возможность существования на Британских островах в целом и в Ирландии – особенно, своего рода этнического “сплава”, образовавшего с точки зрения языковой некую “ностратическую помойку” с

размытыми языковыми границами, послужившую удобрением для изначально простых индоевропейских кельтских языков, взошедших там в своей экзотической островной форме»[27]. В пиктских словах она фиксирует параллели и влияния из уральских (финского, саамского, эстонского, коми, карельского и др.), афразийских (семитских, берберского), индоевропейских (хеттского, армянского и др.), картвельских, тюркских, кавказских, баскского и некоторых других языков, что предполагает несколько волн заселения островов и многочисленные субстраты[28].

Среди интересующих нас мифологических персонажей, восходящих к неопределённому, но до-англосаксонскому прошлому, выделяются «ведьмы», называемые обобщённым словом «Кайлих» (Cailleach). Собственно, кайлих – это не личное имя, а категория – «карга», «старуха». Здесь – полная аналогия с Бабой-ягой, которая, прежде всего, «баба». К категории кайлих относятся всяческие её локальные варианты типа Чёрной Эннис, Келли Бэри, Кальях-ни-Гроумах, Старухи из Бэра, Синей Хэг, Гир-Карлинг и пр. Общие их свойства – древнейший возраст, идущий от момента рождения всего сущего (это сущее они и создали!); власть над стихиями и погодой – ветром, дождём, морем, зимой; проживание на горных вершинах, курганах или любовь к ним, сон на них («горные матери»); плодовитость в прошлом (наличие многих детей во многих поколениях) и способность при случае превращаться в молодых и красивых девушек[29]; синее (= мёртвое) лицо; свободное перемещение в пространстве; любовь к оленям (в том числе и пастушеские функции) и диким лесным животным. Здесь мы ясно видим британский вариант Бабы-яги за исключением того, что кайлих уединённо живут не в лесу, а на горных вершинах, что легко объясняется спецификой местного ландшафта, но также заставляет предполагать, что в самой хронологически глубокой точке, во времена тотемической идеологии, возможен и горный вариант инициации, так как главное в семантике места здесь – его отдалённость от людского жилья, принадлежность к дикой природе, то есть к миру тотема. (Аналогично представляют ворона на верхушке дерева или орла на гребне скалы – это мир, где они могут спать, их «престол», с которого они взирают вниз). То есть не исключено, что горы для территорий, где они имеются, – более древнее или столь же древнее место инициации, как и лес.

Как для образа Фрейи и её предшественников и наследников, так и для образов кайлих мы вновь имеем лишь словесные (письменные, либо устные) параллели, а не иконографически устоявшиеся изображения, необходимые для дальнейшего рассмотрения проблемы. Однако есть здесь один персонаж, который, возможно, относится к группе кайлих, но резко отличается от неё использованным «строительным материалом», – Шила-на-гиг – образ с богатейшей иконографией на Британских островах (Ирландия, Великобритания) и в континентальной Европе (Испания, Франция, Норвегия, Швейцария, Чехия, Словакия). Именно он может послужить мостом от словесных текстов к изобразительным, в том числе и дописьменного времени [*ил. 3* и *4*]. Шила-на-гиг (Sheela / Sheila / Sheelagh-na-gig) – общее имя для рельефных изображений обнажённой женщины, помещавшихся на стенах средневековых церквей, замков, крепостей, на надгробиях[30]. Рельефы делались либо на тех же камнях, что и всё сооружение (то есть одновременны сооружению),

Ил. 3. Шила-на-гиг. Рельеф на камне. Церковь Св. Мартина в Фиддингтоне, Англия. Романский период (?)
Воспроизведено: Сайт фотографа Жаклин Росс (Jacqueline Ross) Дата фотографии: 02.05.2010. Режим доступа: http://www.flickr.com/photos/jacquiross/4571141332

Ил. 4. Шила-на-гиг. Рельеф на камне Килтинэнская церковь в Фетарде, Ирландия. Романский период (?)
Воспроизведено: Сайт города Фетарда / Историческое общество. Дата фотографии: не позднее 09.01.1990. Режим доступа: http://fethard.com/histor/sheela.html

либо на более древних, вставленных в позднейшую кладку (не одновременны сооружению), и помещались преимущественно над входами разного рода (двери, окна, арки и пр.). Иконография включает несколько типов, однако в них общим ядром остаются обнажённость, уродливость и старость женщины; её расставленные ноги или, чаще всего, поза «на корточках»; открытая и в большинстве своём увеличенная вульва (иногда свисает до земли и соразмерна голове); расставленные от тела руки; лысая голова (подобие волос – редчайшее исключение). Шила-на-гиг всегда изображалась худой, истощённой и довольно часто это подчёркивалось специально вырезанными в районе грудной клетки линиями рёбер. Вариативность иконографии зависит от положения рук: обе могут быть симметрично подняты вверх; опущены вниз; одна поднята, другая опущена; опущенная (-ые) рука (-и), как правило, касается (-ются) колен или вульвы, раздвигая её. Также нестабильно выражение то угрюмого и «мёртвого», то смеющегося лица, вообще наличие тех или иных частей головы (уши, брови, рот). Не постоянным признаком являются и грудные мышцы: иногда их нет вовсе, в экстремальных вариантах их более двух или от одной груди отходят несколько сосков. Грудь иногда передавалась резными линиями в пределах силуэта торса, иногда так же, но рельефом, иногда – вне его пределов, свисающей справа и слева от торса[31].

Книга Барбары Фрейтаг, лектора межкультурных исследований Дублинского городского университета, содержит каталог всех британских и ирландских Шил

(156 фактических экземпляров и 11 упоминаемых в различных изданиях, но не обнаруженных на своих местах, – всего 167, среди которых абсолютно доминируют ирландские – 111) по состоянию на 2004 г. с подробным описанием каждого экземпляра[32]. В главе 3 она даёт обзор вариантов происхождения и этимологии имени «Шила-на-гиг», включая наиболее популярные «Шила / карга на корточках», «Шила / карга с грудью / сосками»[33]. Здесь же упоминается и одноимённый ирландский танец-джига, зафиксированный в XVIII в.[34] В русле нашего вопроса о жрецешамане связь танца, музыки с фразой «Шила-на-гиг» (если Шила – также один из вариантов яги-жреца-шамана) представляется ожидаемым подтверждением природы этого образа.

Выбранные нами здесь для иллюстраций две Шилы-на-гиг чрезвычайно близки по своей иконографии к исследуемому образу обнажённой женщины на корточках из турецкого Гюбекли Тепе IX – начала VIII тыс. до н. э. Шила из церкви Св. Мартина в Фиддингтоне (графство Сомерсет, Англия) [*ил. 3*] вырезана на камне размером 33 × 39 см, имея высоту 30 см: широко расставленные ноги в приседе «на корточках», правая рука (слева) согнута вниз и касается колена, левая (справа) поднята вверх к голове, грудь не изображена, возраст неопределим из-за эскизного грубого характера резьбы, но при этом на лице изображены все положенные части (выпуклые, без зрачков, «нашлёпки» круглых глаз, брови, нос; рот широко открыт, уголки его подняты вверх, что в целом даёт впечатление улыбающейся уродливой маски), уши не показаны. При всей относительности точных определений с учётом общей недоделанности изображения[35], уникальной чертой данного экземпляра являются «волосы» (если их можно так идентифицировать) в виде короткой стрижки, обозначенной закруглёнными линиями справа и слева от лица. Из района гениталий между ног свисает нечто в виде хвоста (вульва? плацента?)[36]. Вторая Шила из Килтинэнской церкви в Фетарде (графство Южный Типпэрэри, Ирландия) [*ил. 4*][37] имеет аналогичную, но более «дерзкую» иконографию: правая рука не упирается в колено, а раздвигает щель большой вульвы; на торсе обозначены две ромбовидные груди, при этом левая из них (справа) – с двумя сосками; голова лысая и безухая; шея гротескно тощая и длинная. Джеймс О'Коннор, автор брошюры «Шила-на-гиг», описывая фетардских Шил, назвал её «шокирующе грубой»[38] – однако таковы все Шилы. Следует заострить внимание не на грубости, а на карикатурной гротескности данного экземпляра, автор которого явно выделялся в провинциальной средневековой среде чувством юмора и остроумием, доведя каждую деталь до издевательства и откровенного осмеяния не только самого персонажа, но и ханжествующего зрителя. Система диспропорций, непараллельностей, асимметричностей была им виртуозно разработана, но изображение при этом выполнено вполне совершенно и закончено – в отличие от предыдущего. Шила из Килтинэнской церкви Фетарда даёт повод взглянуть на этот ирландский городок-поселение как на стандартную средневековую ситуацию: здесь кроме неё было ещё три других (они сохранились на своих местах) на различных сооружениях, – и все они изображены с видимыми рёбрами[39]. Данный «скелетный» признак символизирует не только старость («карга»), но и принадлежность к «тому свету», к смерти – так же, как костяная нога Бабы-яги.

Ил. 5. Тип Шилы-на-гиг: обнажённая женщина на корточках со львами. Рельеф на камне (капитель колонны). Собор Дуомо (?), Пьяченца, Италия. XI–XIII вв.
Воспроизведено: *Weir, Anthony.* From sermons in stone to the petrified hag. Female figures – part I / Satan in the groin. Exhibitionist carvings on medieval churches. – Сайт Энтони Вейра. Режим доступа (20.01.2013): http: //www.beyond-the-pale.org.uk/sheela1.htm

К типу Шилы-на-гиг Энтони Вейр относит изображение старой обнажённой женщины, сидящей на корточках, демонстрируя свою вульву, и смеющейся большим щелевидным ртом, с капители романского собора в Пьяченце (Италия)[40] [*ил. 5*]. Здесь имеется важнейшее дополнение к британо-ирландским персонажам: женщина, подняв обе руки вверх, обхватила ими шеи двух симметричных львов – идеальная геральдическая композиция. (Львы, впрочем, в нижней своей части, передачей лап и шерстиперьев напоминают хищную птицу). Существо же дела состоит не в геральдике, а в фигурах кошачьих, ассистирующих старухе, и не предусмотренных в соответствующей иконографии на Британских островах. «Кошки», с одной стороны, делают связь этого персонажа с Бабой-ягой более надёжной, а, с другой стороны, открывают простор в поиске иконографических параллелей, поскольку геральдические кошачьи – одна из древнейших изобразительных композиций в мире. Интересно, что морды кошачьих, прижатые к голове итальянской Шилы, сделаны намеренно похожими на неё саму посредством использования одинаковых приёмов резьбы и пропорций (выпуклые круглые глаза-«нашлёпки» под мощными надбровными дугами и узким лбом, длинные массивные носы, акцентированно вырезанные группой параллельных линий носогубные складки у женщины и соответствующие им усы у кошачьих), то есть зрителю преподносится ряд из трёх голов, заставляя сопоставить их все как «сестёр», как сущности одной и той же природы. Между сближающими животных и «человека» признаками отметим гривы-волосы, линия которых одинаковыми мысками врезается в лбы как тех, так и другой. Итак, опять имеем: Кот = Шила («старая распутная карга»).

От этой композиции прямой путь ведёт к более древней – сделаем очередной хронологический шаг назад – к этрусской бронзовой панели с изображением Медузы Горгоны со львами середины VI в. до н. э. [*ил. 6*][41]. Рельеф значительного размера 39,9 × 56,4 см найден в Кастель Сан-Мариано близ Перуджи (провинция Умбрия, Италия) и хранится в Античном собрании Мюнхенских государственных музеев[42]. Раймон Блок описывает сцену как Горгону, «отбивающуюся от двух львов»[43]. По нашему мнению, столь бытовое объяснение здесь не уместно, и сцена представляет собой не что иное, как полный аналог предыдущей композиции из Пьяченцы, только

выполненной в более плоскостной графической манере, низком рельефе и положенной на прямую несущую поверхность. Известно, что панель с Горгоной служила облицовкой передней стенки этрусской колесницы, то есть Горгона выполняла функцию фигуры-апотропея на носу корабля. Её строго центральное положение и геральдика всей композиции при указанной функции естественны. Интрига состоит в иконографии, которая для данного персонажа в античный период преимущественно давалась как асимметричный «бег Горгоны» с правым преклонённым коленом (слева), левым поднятым коленом и левой ступней, касающейся земли (справа). Здесь же мы видим типичную «этрусскую Шилу»: смеющаяся обнажённая «карга» присела на корточки, демонстрируя область гениталий, висящие грудь, волосы и высунутый язык. Она не отбивается ото львов, а победным жестом хозяйки держит их за шеи, «когтит» львов, в свою очередь, «когтящих» Горгону[44]. В этой однотипности действий животных и Горгоны (она и они взаимно «когтят» друг друга) видно то же самое равенство-сходство, которое выше было неоднократно выражено формулой: Кот = Баба-яга / Шила-на-гиг / Горгона[45]. Из всех известных изображений эта этрусская Горгона максимально близка сказочной славянской Бабе-яге и можно уверенно сказать: иконография яги, наконец, найдена. Идеально акцентирует это сходство функция рельефной панели как передней облицовки колесницы, ведь хорошо известно, что под ступой сказочной Бабы-яги понимали именно колесницу. Таким образом, если мысленно восстановить этрусский рельеф в виде круглой скульптуры, мы получим Горгону-ягу, несущуюся в колеснице-ступе с двумя львами-котами![46] Кроме того, «украшенная» Горгоной колесница в этрусские времена – это транспорт на «тот свет», принадлежность воинов-мужчин, идущих на смерть или возвращающихся после временной смерти – боя. Горгона, как и Баба-яга, – наследница образа жреца-тотема, главное действующее лицо инициации.

Чуть раньше рассмотренной этрусской композиции, в начале VI в. до н. э., выполнена одна из наиболее известных Горгон – гигантская, почти трёхметровая Горгона с западного фронтона (3,18 × 17,0 м – размер фронтона) храма Артемиды в Керкире (остров Корфу, Греция), находящаяся сейчас в Археологическом музее Керкиры [*ил. 7*][47]. Расположенной в центре треугольника Гор-

Ил. 6. Горгона со львами. Рельеф на бронзовой плите. Кастель Сан-Мариано, Перуджа, Италия. Сер. VI в. до н. э.

Воспроизведено: *Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Искусство Этрурии и Древней Италии. Очерки / Серия «Из истории мирового искусства». – М.: Искусство, 1988. – С. 229, ил. 225

Ил. 7. Горгона со львами. Рельеф на камне (прорисовка). Фронтон храма Артемиды в Керкире, остров Корфу, Греция. Нач. VI в. до н. э.

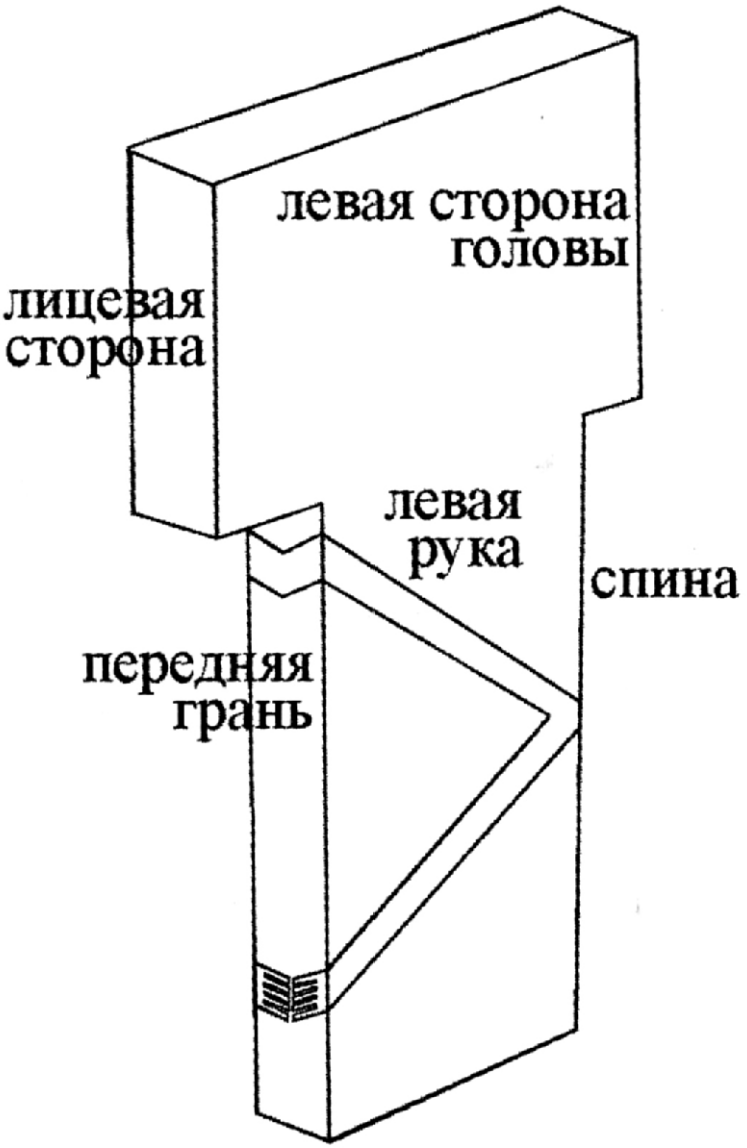
Воспроизведено: *Савостина Е. А.* Фронтон архаического храма: образ универсума – Медуза Горгона // Образ-смысл в античной культуре / Сост. Л. И. Акимова. – М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. – С. 304, ил. 2

гоне ассистируют два леопарда, лежащих по её сторонам и примерно равных своими горизонтальными размерами её высоте: это равенство двух положенных и одного поставленного силуэтов-пятен конструктивно необходимо для монолитности не только фронтона, но и всего храма. Силуэты сомасштабны его основным несущим и несомым частям (колоннам, стереобату и пр.) и сопоставимы только с архитектурой, с окружающим храм пространством (мелкие фигурки других персонажей на фронтоне воспринимаются как декоративное заполнение и «шум»). Близкое равенство трёх силуэтов продолжает линию уже отмеченного внутреннего сходства Бабы-яги / Шилы / Горгоны с кошачьими – они комплиментарны друг другу как звенья всё того же самого «тотемического» веера. В Керкире Горгона дана в классической греческой иконографии «коленопреклонённого бега», монтирующего профиль нижней и фас верхней половин тела – аналогично и у львов тело дано в профиль, а голова анфас, чем вновь подчёркивается их сродство. Бег Горгоны – такой же семантически птичий рудимент, как и колесница или ступа, сообщающие человеческой форме утерянное птичье движение, полёт. Впрочем, гораздо более грандиозной птицей, чем Горгона, является сам греческий храм. Так, каждому, кто изучал историю искусства, хорошо известно, что окружённый колоннадой храм назывался периптером, двумя колоннадами – диптером, где «птерон» означает «крыло»[48] (современное φτερό) и относится именно к колоннаде. Таким образом, архитектурная форма храма есть геометрически трансформированная птица, в этом смысле Горгона с фронтона храма Артемиды – только указывающий знак, напоминание, поздняя «плоская» версия мифа о тотеме, а сам греческий храм генетически восходит к птице-избушке в обряде инициации и семантически ничем не отличается от «избушки на курьих ножках». Птица-храм проглатывала входящих в тёмный желудок-наос, где жрецы оперировали разворачивающейся во времени, представляющей действие версией мифа о тотеме. Птица-храм нередко ставилась на возвышенных скалистых местах (лучшим напоминанием чего служит Парфенон) – это хорошо соотносится с «горными матерями»-кайлих Британских островов и с горами как древними площадками инициаций.

По сравнению с предыдущими рассмотренными, в древнегреческой иконографии образа происходит сбой: появляется одежда (короткая рубаха и высокие сандалии-сапоги)[49]; ноги не расставлены симметрично и образуют позу «на корточках» только одной своей половиной; вульвы не видно; зато у Горгон всегда высунут язык.

Что касается «коленопреклонённого бега», то он остался эпизодом, веянием «восточной моды»[50]. VII–VI вв. до н. э. – этап ориентализма греческой культуры, включавшей фрагменты древневосточной культуры, идущей к завершению своего цикла. В частности, «коленопреклонённый бег» чётко зафиксирован в новохеттских (сирохеттских) рельефах, среди которых прямым прототипом – в том числе и смысловым! – служит известная композиция пьедестала скульптурной фигуры сидящего на троне бога-громовника из Каркемыша (провинция Газиантеп, Турция) IX в. до н. э.[51] На базальтовом пьедестале демон в позе «коленопреклонённого бега» держит за гривы (как этрусская Горгона за шеи) двух симметричных львов с широко открытыми рычащими пастями, клыками и свисающими языками; на нём хеттская одежда (короткая подпоясанная рубаха выше колен и, кажется, мягкие сапоги), – всё это (бег и одежда) и перешло в иконографию Горгоны в архаической Греции. И наоборот: то, что в Греции стало маркером самой Горгоны (высунутый язык), передано здесь львам, в то время как демон имеет не только бег в качестве имманентного птичьего признака, но и настоящий птичий клюв. Эротическая символика открытой свисающей вульвы и в хеттском Каркемыше, и в греческой Керкире заменяется открытым ртом / пастями и высунутым языком (-ами)[52], при этом функциональной семантической разницы между кошачьими и демоном в Каркемыше также нет никакой: они – это он, он – это они, поэтому не принципиально, кому именно передан данный эротический признак. В целом статуя из Каркемыша – типичнейший пример веера, в котором некогда одно мыслимое существо-тотем расслоилось на бога-громовника, кошачьих и птицеголового демона.

Отметим ещё две детали. Первая: глаза Горгоны из Керкиры переданы в виде круглых выпуклых преувеличенных «нашлёпок» без чётко выраженных зрачков. Этот приём фиксировался выше уже не раз, он создаёт ассоциацию с бельмом, скрывающим живой зрачок, со слепотой, чем вновь полностью подтверждается характеристика, данная В. Я. Проппом Бабе-яге с её временной слепотой. Вторая: мужская одежда хеттского демона и греческой Горгоны ставит вопрос о половой принадлежности рассматриваемого образа в данный период: теперь это мужчина, «маскированный» как страшная змееволосая старуха (Горгона) или как птица (демон)[53]. Такие переодевания практиковались жрецами и раньше, о чём уже говорилось. Однако инновацией древнегреческой культуры стал специализированный и формально отделённый от обряда театр. Но и в нём актёры, кого бы они ни играли, действовали по модели жрецов в обряде инициации, а сюжеты представляемых трагедий, о чём бы те ни были написаны, двигались по шаблонам обряда инициации. Прото-сюжет, частично стёртый из памяти и из жизни, продолжал моделировать культуру[54]. Обоснование этого тезиса можно найти даже в современной театральной практике, несколько наблюдений из которой приводятся ниже. Они сделаны 15–17 сентября 2011 г. на мастер-классах «Тело и голос в театре Древней Греции» греческого театрального педагога и режиссёра Теодороса Терзопулоса, состоявшихся в Александринском театре Санкт-Петербурга[55]. Целью мастер-классов было научить петербургских студентов театральных вузов актёрской технике древнегреческого театра, прежде всего, дыханию и движению.



Ил. 8. Т-образный столб с рельефными руками. Графическая схема
Невали Чори и Гюбекли Тепе, Турция. X – VIII тыс. до н. э.

Воспроизведено: *Шмидт К.* Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века
Археологические открытия в Гёбекли Тепе / Пер. с нем. А. С. Пащенко, отв. ред. Т. В. Корниенко. –
СПб.: Алетейя, 2011. – С. 116, рис. 43а

Студенты из зала приглашались на сцену и делились на пары, в которых один был актёром, а другой – его ассистентом. Начальное упражнение: актёры ложились на спину и оставались абсолютно неподвижными, явно изображая труп (все семантические и иконографические ассоциации здесь и далее принадлежат автору, комментарии такого рода на мастер-классах не давались). Работали над ними ассистенты, подготавливая актёров к первому звуку и первому движению. Ассистент должен был обязательно принять следующую позу у «тела» актёра: он опускался на пол, подвернув одну ногу (то есть касаясь коленом пола и упираясь в пол пальцами ноги) и отставив вторую в сторону с согнутым коленом и опирающейся на пол ступнёй. Но это не что иное, как поза «коленопреклонённого бега»! Почему так и только так должен был присесть ассистент, не удобней ли было бы ему опуститься на обе подвёрнутые ноги? Ответ нам не известен, но Т. Терзопулос требовал неукоснительного выполнения этой позы.

Далее ассистент, постоянно находясь в описанной позе, начинал наклоняться над актёром, совершая волнообразно раскачивающиеся направо и налево движения и проводя руками по каждой его руке, ноге, тем самым как бы оживляя каждую часть тела (хотя желающие могут считать это банальным массажем). Ассистент брал руку актёра, поднимал её и резко опускал – рука падала на пол, это же проделывалось последовательно со всеми конечностями, при этом ассистент мог передвигаться вокруг «оживляемого тела», но обязательно либо вновь принимал позу Горгоны, либо двигался, оставаясь в ней. Со стороны движения ассистента над лежащим телом воспринимались как движения хищной птицы, то и дело наклоняющейся к трупу, перепрыгивающей вокруг него с места на место. Последним этапом был «запуск» дыхания лежащего актёра: при выдохах ассистент одновременно нажимал ладонями обеих рук на низ живота актёра – симметрично справа и слева.

Следующее упражнение: актёр поднимался с пола и, стоя, начинал дышать самостоятельно. Дышать следовало только брюшной диафрагмой, запуская вздохом воздух в самый низ тела, в тазобедренную область, и очень медленно выдыхая. Основной тезис Т. Терзопулоса: главное в правильном дыхании – низ тела и диафрагма, их надо почувствовать и заставить работать как бесперебойный механизм, голос родится именно здесь. В какой-то момент, не переставая правильно и ритмично дышать, актёр пробовал произнести первый звук[56]. При этом обе ноги слегка сгибались в коленях (получался очень небольшой присед), а обе согнутые в локтях руки ладонями со сложенными вместе пальцами одновременно давили на диафрагму в момент выдоха, подбородок держался несколько приподнятым вверх, и с выдохом появлялся звук, который был тем длиннее и сильнее, чем глубже вниз актёр запускал воздух и дольше выдыхал. Большие пальцы рук, симметрично лежащих на животе, были отодвинуты от соединённых остальных примерно под прямым углом и концами касались пупа, видимо, отмеряя нужное положение ладони. Поза актёра в полу-приседе с приподнятым подбородком и давящими на низ живота согнутыми в локтях руками близко напоминала позу присевшей птицы перед взлётом, возможно именно она частично отражена памятниками искусства Средиземноморья: приседающими и глядящими вверх фигурами Кикладских ост-

ровов (Эгейское море, Греция) III тыс. до н. э., среди которых выделяются музыканты, выдувающие звуки «флейтами»; существами с открытыми ртами на поднятых «лицах» и симметрично прижатыми к животу руками на булыжниках Лепенского Вира (район Железных Ворот на р. Дунай, Сербия) VII–VI тыс. до н. э.; застывшими с симметрично прижатыми к животу и согнутыми в локтях руками «людьми» на ранненеолитических каменных стелах X–VIII тыс. до н. э. из Невали Чори и Гюбекли Тепе (провинция Санлиурфа, Турция) [*ил. 8* и *9*][57].

Последующие упражнения тренировали сопровождаемые голосом и исходившие из описанной начальной позы (полу-приседа с руками на животе) конкретные движения на основе шагов, поворотов, прыжков. Тезис Т. Терзопулоса: движение исходит вместе со звуком из тазобедренной части тела. Каждое движение имело строго фиксированный силуэт и совершалось акцентированно, в соответствии с определённым счётом шагов и поворотов. Движения группировались в блоки с заданной последовательностью внутри блока. Освоенным репертуаром блоков движений-поз затем и оперировал актёр, его перемещения по сцене ни в коей мере не были случайными. (Многие позы напоминали позы фигур расписной греческой керамики).

Таким образом, по нашему мнению, мастер-классы Т. Терзопулоса продемонстрировали сохранившуюся до сих пор преемственность актёрской техники от шаманско-жреческой, идущей с неизвестной хронологической глубины и складывающейся из строго фиксированных действий. Древнейший прототип разыгрываемой «пьесы» поставлял диапазон обязательных поз и движений, которые затем в Древней Греции использовались не только на сцене, но и в памятниках искусства[58]. Сходство некоторых из них с «горгоньими», птичьими, инициационный смысл упражнений (прежде всего, начального, имитирующего оживление жрецом трупа, то есть временную смерть посвящаемого) подтверждают предположение о совершающей обряд инициации тотемической птице-жреце как о вышеупомянутом древнейшем прототипе, а также об образе Горгоны как о промежуточном этапе в истории эволюции обряда инициации. Обе «дамы» – Баба-яга и Горгона – правопреемницы жреца-тотема в обряде инициации и именно поэтому унаследовали его облик, ритуальные движения, сформировавшие изобразительную и словесную иконографию.

Итак, опуская некоторые памятники Средиземноморья и Востока периода халколита и неолита, мы приближаемся к главной цели – процарапанному рисунку обнажённой женщины на корточках из II слоя турецкого Гюбекли Тепе IX – начала VIII тыс. до н. э. [*ил. 2*]. Все иконографические составляющие данного памятника и их принципиальные комбинации, делающие иконографический тип узнаваемым, мы уже видели в несравнимо более поздних изображениях: расставленные в приседе тощие ноги-спички (в том числе и не симметричные), выделенную вульву с чем-то свисающим из неё, расставленные тощие же руки, согнутые в локтях вверх и вниз, висящую грудь, длинную шею, голову с подобием короткой стрижки, круглящейся на концах справа и слева. У автора определённо был специальный реалистический умысел – стремление передать худую старуху посредством заострения всех углов,

вертикализации пропорций, гротескного утоньшения конечностей. Этот умысел содержал ещё и важный аспект показа отвращения, о котором писал В. Я. Пропп, приводя этнографические данные по обряду инициации[59]. Он выражен намеренной асимметрией рук и ног, свисающих из вульвы «лент», что даёт общее впечатление экстатически дёргающихся конечностей. В остальном же изображение выполнено минималистически, как современный дорожный знак, понятный каждому при первом взгляде. В чём смысл дорожных знаков? В том, что их нельзя понять по-разному, они содержат только одно высказывание. Этот момент надо акцентировать, поскольку речь идёт о времени, отстоящем от нас на 10 тысяч лет. Но и тогда уже это был «дорожный знак», то есть изображение с необходимым и достаточным набором элементов, отфильтрованных временем. Таким образом, его иконография имела свою долгую историю уже к тому моменту.

Отдельно необходимо сказать о голове, поскольку изображение короткой женской причёски в древнем и средневековом искусстве (не считая египетских париков) уникально и настораживает само по себе. Немецкий археолог Клаус Шмидт, ведущий раскопки Гюбекли Тепе с 1995 г., замечает следующее: «Между тем похожее по форме на перевёрнутое сердце изображение головы нашей дамы наводит на некоторые размышления. Это либо объёмная причёска, показанная по обе стороны лица, либо голова животного, возможно, змеи»[60]. Дело в том, что в нижнем слое III Гюбекли Тепе найдено большое количество рельефных изображений змей, по одной или в группах, у которых головы всегда давались графически стандартизировано как наконечник стрелы / треугольник с закруглёнными углами / сердце. Голова женщины только внизу напоминает именно такую схему змеиной головы, но на макушке у неё отсутствует имеющийся там острый угол, что говорит, скорее, о намёке автора на змею, чем о прямом желании её передать. Само наличие чего-то звериного ожидается именно на голове, поскольку мы уже видели демона с птичьим клювом, змееголовую Горгону, вообще, подобных изображений в мировом искусстве много по причине того, что с палеолитических времён практиковались звериные маски, одевав-

Ил. 9. Т-образный столб с рельефными руками («голова» утрачена). Южная стена «Здания со львиными стелами», Гюбекли Тепе II, Турция. IX – нач. VIII тыс. до н. э. Воспроизведено: см. сноску 57

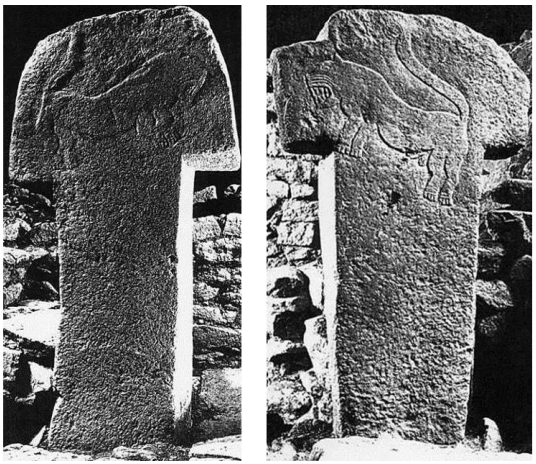
шиеся не только на лицо, но и на всю голову. Если догадка К. Шмидта верна, то она абсолютно вписывается в образ жреца-тотема, который по этнографическим материалам в обряде носил маску[61], и в таком случае можно уверенно назвать «даму» змееголовой прото-Горгоной (прибавив ещё типичное для Горгоны положение рук: правая (слева) согнута вниз, левая – вверх).

Плита с изображением женщины лежала горизонтально на каменной ступени, примыкающей к скамье-платформе, выстроенной вдоль восточной торцовой стены сооружения, известного как «Здание со львиными стелами» [*ил. 10*][62]. Две каменные Т-образные стелы (надземной высотой около 1,5 м) с рельефными изображениями львов на параллельных внутренних поверхностях [*ил. 11*] вмонтированы в упомянутую скамью так, что плита с женщиной оказывалась примерно между ними на ступени (ближе к северной стеле). У западной торцовой стены симметрично львиным стелам – вторая пара Т-образных стел без изображений. В середину южной стены вмонтирована стела с обломившейся верхней частью, изображающая человека с прижатыми к животу ладонями и сложенными вместе пальцами [*ил. 9*] – симметрично ей в противоположную северную стену включён выступ-пилястра. Стены прямоугольного сооружения без окон и дверей очень хорошо сохранились и «поднимаются на высоту до 2 м, очевидно, до уровня крыши»[63]. К. Шмидт, однако, не был уверен (по крайней мере, в 2008 г., когда он писал предисловие к русскому изданию своей книги о Гюбекли), существовала ли эта крыша, каково было функциональное назначение сооружения и его изначальный внешний вид: «Действительно ли Здание со львиными стелами представляет собой однокомнатную постройку с внешними фасадами, является ли оно частью комплекса помещений, или это углублённое в землю сооружение, напоминающее склеп?»[64].

Ил. 10. «Здание со львиными стелами»
Вид сверху от восточного торца
Гюбекли Тепе II, Турция. IX – нач. VIII тыс. до н. э.
Воспроизведено: *Schmidt K.* Op. cit. – S. 17, ab. 2;
Шмидт К. Указ. соч. – С. 233, рис. 105

На основе всей совокупности рассмотренных материалов можно ответить по крайней мере на вопрос о функции сооружения. Образ жреца-шамана, проводящего обряд инициации и исполняющего в нём роль тотема, прослежен выше пунктирно от почти современных письменных и устных памятников к древнейшему изобрази-

тельному. Но даже на уровне IX–VIII тыс. до н. э. он уже успел превратиться в полиморфный веер, расслоившись на стандартные составляющие: страшная худая старуха на корточках в маске тотема (в данном случае, вероятно, змеи) и пара кошачьих справа и слева от неё, дополняющих характеристику тотема. Заметим, что львы изображены в агрессивной позе прыжка с открытыми рычащими пастями, выпущенными когтями, поднятыми упругими змеевидными хвостами, их прыжок происходит в направлении с востока на запад, то есть от скамьи к свободному центру. Внизу, на ступени между львами, «сидит» / «летит» на корточках старуха, сзади львов остаётся узкое пространство перед восточной стеной. Старуху и львов необходимо обязательно рассматривать в комплексе – только так они составляют композицию, уже известный нам текст. В этот текст здесь активно входят архитектурные элементы – прежде всего пара столбов с рельефами львов, но входят теперь уже не своими изображениями, а семантикой образуемых ими ворот, семантикой входа и выхода, то есть смерти (вход) и жизни (выход). По сути дела, достаточно было бы и просто пары симметрично стоящих столбов без каких-либо изображений вообще, чтобы передать основной смысл всей церемонии и задать направление движения посвящаемым неофитам. Становится понятной взаимозаменяемость расставленных на корточках ног (= «ворот») и реальных ворот. Рельефы львов и процарапанная женщина сделаны для «перевода», для большей «доходчивости». Их, равно как и тотема, можно было бы представить в воображении или передать живым исполнением, ворота же – трёхмерная реальность, то есть главная деталь и в функциональном, и в выразительном плане. Сооружение, таким образом, несомненно предназначалось для обряда инициации, так как именно в нём (в обряде) основное структурное звено – ситуация временной смерти и последующего оживления, проводимая через имитацию входа в тотем (>> жреца) и выхода из него. Отсюда открытые пасти львов и открытая (впускающе-выпускающая) поза старухи.



Ил. 11. Симметричные Т-образные «львиные стелы» (разворот на одну плоскость). Рельеф на камне «Здание со львиными стелами», Гюбекли Тепе II, Турция. IX – нач. VIII тыс. до н. э.

Воспроизведено: *Schmidt K.* Op. cit. – Taf. 8–2, 9–1; *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 226, рис. 102 и 103

Церемонию можно было бы восстановить так. Вариант 1: посвящаемый мальчик каким-то, пока неясным, образом появлялся в постройке и подводился от её центра к скамье с львиными стелами, между которыми он должен был пройти, предварительно перешагнув (наступив на?) изображение обнажённой женщины-

старухи – этот проход символизировал вход в тотем, то есть смерть. (Не исключено, что на ступеньке или скамье ему делали обрезание – важную часть инициации). Далее он проводился по узкому пространству вдоль половины восточной, северной / южной и половины западной стены к западным воротам, через которые вновь проходил к центру – этот проход символизировал выход из тотема, то есть новое рождение. Стела с прижатыми к животу ладонями в кладке южной стены, возможно, символизировала начало «самостоятельного дыхания» мальчика в качестве взрослого человека, «отверзание его уст», или демонстрировала намёк на жреческие действия, сопровождавшие обряд (жрецы, как известно, обучали мальчиков танцам, пению). Западные ворота (без рельефов), вообще говоря, в этом варианте не кажутся обязательными, так как мальчик всё равно каким-то образом был бы выведен из постройки – возможно, у них была иная функция. Вариант 2: все действия происходят в зеркально симметричном порядке: мальчик проходит из центра через западные ворота (вход, смерть), далее вдоль длинной стены движется на восток и проходит сквозь восточные ворота по направлению восток – запад (выход, рождение). В таком случае открытые пасти львов символизировали бы «выплёвывание» из живота, а свисающие из вульвы женщины «ленты» почти наверняка изображали бы плаценту – родовой послед. Более древний и универсальный вариант – вариант 3 – предполагает наличие одних ворот, в которые и входит, и выходит мальчик. Поэтому нельзя однозначно трактовать изображения женщины и львов – они и впускающие, и выпускающие. Кстати, на вопрос К. Шмидта о внешнем виде «Здания со львиными стелами», исходя из нашего вывода, наиболее логично было бы ответить, что, как и сейчас, оно изначально было углублённым в землю, хотя данный ответ абсолютно умозрителен. Почему он логичен? Обряд инициации предполагает стрессовое воздействие на психику молодых людей, в этом смысле опускание их в «яму», в этакий «львиный ров», в тёмный «живот», где нет или почти нет естественного освещения, но поджидают испытания и жрец (-ы), находится в русле возможной реконструкции. Подождём, совпадёт ли это предположение с результатами раскопок.

Надо заметить, что с момента первых публикаций раскопок во второй половине 1990-х гг., основываясь на археологических материалах К. Шмидта, не содержащих признаков постоянного проживания людей в сооружениях и на прилегающей территории, высказывалась гипотеза о том, что не только «Здание со львиными стелами», но весь Гюбекли Тепе является специально построенным горным культовым центром без жилых и погребальных функций. На симпозиуме «Неолит Центральной Анатолии» (Стамбул, 23–24 ноября 2001 г.), где впервые широко обсуждались как артефакты, так и концепция уникального, построенного на горном плато высотой 800 м над уровнем моря, в отрыве от жилых поселений, комплекса сооружений Гюбекли Тепе X–VIII тыс. до н. э., Дамьен Бишофф из Французского института анатолийских исследований в Стамбуле изложил гипотезу о том, что непосредственным его назначением были обряды инициации, совершаемые охотниками-собирателями окружающих территорий, которые для этого периодически приходили на горное плато, но не жили на нём постоянно (Бишофф ссылался на ранее

сделанное профессором Жаном Перро предположение о доисторических культовых местах как местах именно для инициации и обрядов перехода)[65]. При этом никаких практических доказательств (артефактов из Гюбекли), говорящих о том, как конкретно могла производиться здесь инициация и как его гипотеза поддерживается колоссальным корпусом собранных по инициации этнографических данных, он не привёл. В своём выступлении и последующей дискуссии Д. Бишофф зачем-то разделил сферы шамана (поддержание космического порядка) и тотема (поддержание социального порядка), объяснил постройки Гюбекли Тепе со стелами-столбами внутри, на которых изображены разнообразные дикие животные, как относящиеся к сфере преимущественно тотема: сами столбы с Т-образными верхушками служат одновременно фаллическими символами и символами умерших людей-предков, скрепляющих социум, а животные на них – этническими маркерами тотемов различных общин, проводивших здесь обряды. Только иерархия животных на одном и том же столбе (их взаимное расположение выше – ниже) свидетельствует о шаманском аспекте вертикально устроенного космоса, с его точки зрения. (Однако, показ иерархически, по уровням-регистрам расположенных зверей на столбах сравнительно редок[66], то есть из рассуждений Бишоффа невольно выходит, что материально «сфера шамана» выражена весьма скудно – скуднее «сферы тотема»). Вход в сооружение, по Бишоффу, символически соотносится с вульвой и представляет собой момент нового рождения[67] (ср.: по Проппу, вход в лесную избушку равен входу в живот хищной птицы и равен смерти).

Клаус Шмидт, обладатель бесценного права первым увидеть каждое новое изображение Гюбекли Тепе в его подлинном контексте, размере и деталях, придерживается мнения о том, что сооружения Гюбекли Тепе служили культу мёртвых[68]. При том, что, с нашей точки зрения, Д. Бишофф принципиально прав в соотнесении построек Гюбекли Тепе с обрядами инициации, а К. Шмидт не прав, при том, что оба учёных сделали массу ценных замечаний по интерпретации археологического материала, скепсис вызывает механистический подход обоих, столь далёкий от классически ясных методов В. Я. Проппа и О. М. Фрейденберг, обоснованных гигантским материалом и свободно текущей, но трезвой, подвергшейся многократной перекрёстной перепроверке, мыслью. Умерев задолго до открытия этого памятника, оба ленинградских профессора по сути дела предсказали и объяснили его логически неопровержимо – так, как будто они его видели[69]. В качестве апогея «наивных» высказываний, роботизирующих, обстругивающих древнее мышление до образцов жанра фэнтази, можно привести мнение К. Шмидта в отношении разбираемой каменной плиты с женщиной на корточках. В одном месте он пишет о ней: «Кроме того, кажется, что более чем грубое содержание изображения скорее обезображивает, чем украшает Здание с львиными стелами»[70]. Разве десять тысяч лет назад здесь работали выпускники философских факультетов с категориями прекрасного и безобразного в головах? Выдержка из другого места: «Возможно, изображение дамы в Здании с львиными стелами, <…>, было знаком протеста – тому процессу, который Гордон Чайлд представляет, <…>, как “неолитическую революцию”. Почувствовали ли люди той эпохи важнейший исторический перелом?

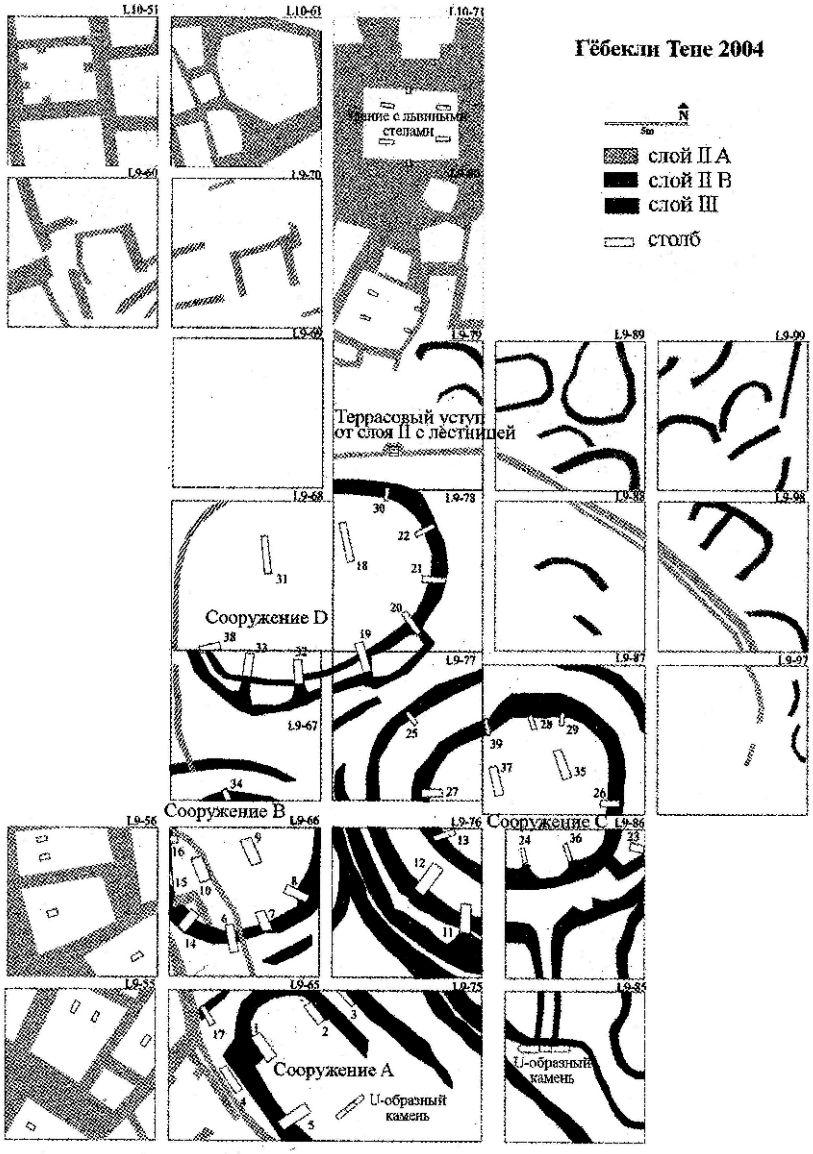
Приветствовали ли они начало нового времени действительно с радостью?»[71]. Вряд ли «неолитическая революция» земледельцев совершалась в строго фиксированные два дня, наподобие 25–26 октября 1917 г., и предполагала тайных контрреволюционеров из числа охотников-собирателей.

В раскопанной части древнейшего нижнего слоя Гюбекли III периода X – нач. IX тыс. до н. э., то есть докерамического неолита A (PPNA), пока никаких женских изображений, относящихся к рассматриваемому иконографическому типу, не найдено[72]. В то же время вскрыты более 40 вертикальных Т-образных столбов-стел, встроенных в стены или попарно стоящих внутри круглоплановых сооружений A, B, C и D, – на боковых гранях некоторых из столбов рельефно изображены согнутые в локтях тощие человеческие руки (столбы 18, 31 в сооружении D)[73], столбы также покрыты рельефами диких животных (мужские особи). В некоторых сооружениях преобладают изображения кабанов (C), в других доминирующая пара центральных столбов несёт прыгающих с открытыми пастями (аналогично львам) лисиц-самцов (B), в-третьих, имеются неоднократно повторяющиеся змеи (A, D). Впрочем, чемпионы по частоте изображения – змеи, кабаны, лисы, водоплавающие и прочие птицы (журавли, лебеди (?), гуси / утки) – рассеяны везде, не локализуясь строго в одном сооружении. Обязательной чертой всех сооружений являются ворота из одной пары центральных параллельных столбов [*ил. 12*][74]. Имея в виду отношение к рассматриваемому образу, заметим несколько важных моментов. Во-первых, тощие, согнутые в локтях руки типа *ил. 8* ассоциируются с такими же руками-спичками на плите с сидящей женщиной из «Здания со львиными стелами», следовательно, возможны их семантическое соотнесение и интерпретация (= старуха), тем более, что никаких доказательств мужского пола людей, воспроизводимых столбами-стелами, нет, да они и не нужны из-за несущественности реального пола в обряде. Жрецу существенно было переодеться женщиной или считать себя женщиной, внешне оставаясь гермафродитом или мужчиной. Во-вторых, мужской пол изображённых на столбах диких животных хорошо коррелируется с мальчиками-охотниками, воинами, посвящаемыми, достигшими половой зрелости. Они и размещаются на столбах, то есть на Ней, принадлежат Ей. Они – дети старухи, Хозяйки зверей. Вместе они моделируют (в сегодняшнем восприятии) мужской союз во главе с жрецом-учителем (некогда – жрицей). Особенно показательна композиция на внутренней стороне столба 18 (один из пары гигантских центральных столбов сооружения D, надземная высота которых – около 5 м), где в локтевом изгибе правой руки притаился лис[75] – возможно, это древнейшее изображение матери с ребёнком. В-третьих, везде присутствуют центральные столбы-ворота, маркирующие главный элемент описанной выше церемонии обряда – вход-выход. Наличие ворот делает излишним изображение «ворот» в виде расставленных ног сидящей женщины, то есть в виде изучаемой композиции. Чем древнее эпоха, тем лапидарнее средства выражения и более закрыт семантический веер. Таким образом, основные структурные элементы архитектуры и скульптуры указывают на всё ту же функцию – обряд инициации. (При этом ничего не мешает воспринимать столбы как фаллические символы и вырастающих из-под земли предков, а зверей – то-

темами соответствующих общин. Это никак не отменяет главного обряда). Мы видим (если не будет обнаружено иного), что в Гюбекли Тепе традиция изображать жреца / жрицу на корточках родилась в период между слоями III и II, то есть ближе к середине IX тыс. до н. э. В древнейшем слое III люди удовлетворялись тем, что видели воочию драматическое представление обряда в его / её исполнении и не дублировали это изображением на плоскости, как произошло позже, в слое II[76].

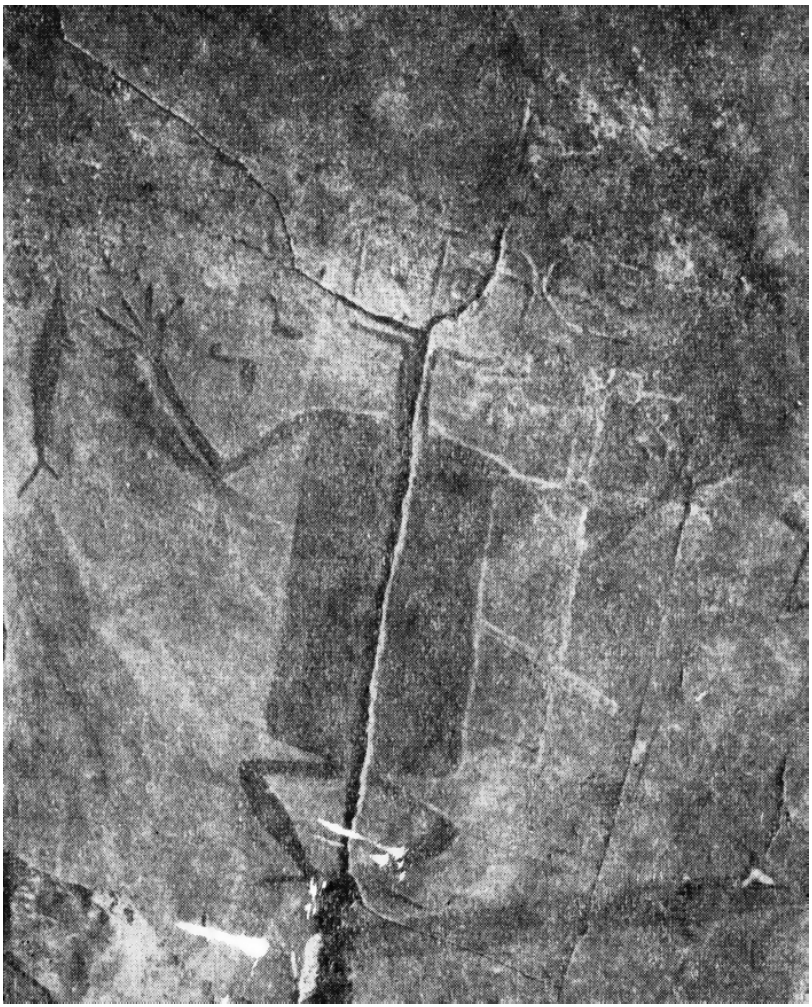
В заключение вернёмся к «Бесу» – наскальному рисунку на берегу Онежского озера [*ил. 1*]. Несмотря на абсолютную хронологическую разницу примерно в 4,5 тыс. лет (возможно, и больше) между ним и женщиной на корточках из Гюбекли Тепе II, стадиально эти памятники близки, соответствуя каждый в своём регионе переходу от мезолита к неолиту, то есть в широком смысле периоду инерционного преобладания палеолитической идеологии и обрядовой практики. В обоих случаях изображения сделаны в удалённых от жилья местах – у озера в лесу и на горном плато. Однако в пределах этой стадии человеческого развития «Бес» даже типологически древнее, поскольку здесь реальное окружение – всё ещё естественный природный контекст, а не опосредующая его архитектура, как в случае Гюбекли Тепе. «Архитектурой», включающей фигуру, служит полого спускающийся к озеру скальный язык (его почти горизонтальная площадка – оконечность языка около 100 квадратных метров) и собственно вода Онежского озера, касающаяся ступней лежащего на голом камне «Беса». Принципиальным, намеренно выбранным элементом гранитной скалы, стала глубокая прямая трещина, воронкообразно расширяющаяся на границе воды и скалы (между ступнями «Беса»), к которой (к трещине) и приурочено изображение [*ил. 13*]. А. М. Линевский доказывал древнее происхождение трещины (с развилкой на лице «Беса»), существовавшей до того, как на неё было наложено изображение. В частности, он зафиксировал её специально обработанные каменными орудиями боковые края, сделанные для их расширения, и заметил, что там, где линии развилки выходят за пределы лица «Беса», они вновь становятся узкими, так как дальше их уже не расширяли. Выбор и последующее расширение трещины А. М. Линевский связывал с жертвенным кормлением «Беса», происходившим предельно реалистично как вливание питья и вставление пищи в рот. Последний обведён как раз вокруг точки разветвления трещины. Длинный прямой участок трещины вдоль тела в этом случае служил, по его мнению, пищеводом[77].

Так или иначе, мы видим настойчивое сращивание «Беса» с каменным массивом скалы за счёт придания изображению плоско-углублённой формы. Можно сказать, что в системе окружающего пространства не щель удачно дополняет рисунок, а рисунок «Беса» оформляет щель как вход в скалу. По аналогии с Гюбекли: ворота и сам объём ограниченного стенами архитектурного пространства были главными подразумеваемыми предметными звеньями обряда, а рельефы львов и старухи на корточках только растолковывали и напоминали. На Бесовом Носу главным предметом, видимо, был сам гранитный полуостров – язык, вдающийся на полкилометра в воду и имевший место-вход. Тогда изображение «Беса» – «доступная» иллюстрация-указание (= «дорожный знак»).



Ил. 12. Общий план раскопанных сооружений Гюбекли Тепе по состоянию на 2004 г. Прорисовка
Младший слой II с прямоугольным «Зданием со львиными стелами» – в верхней части,
старший слой III с круглыми сооружениями A, B, C и D – в нижней части

Воспроизведено: *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 164, рис. 76



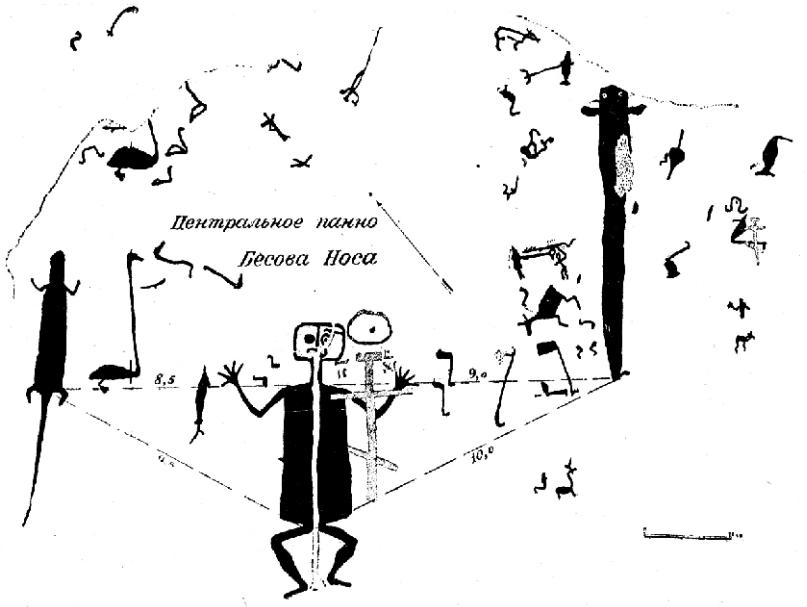
Ил. 13. «Бес». Петроглиф и щель. Довоенное фото
Восточное побережье Онежского озера, Карелия. Сер. – посл. четв. IV тыс. до н. э.
Воспроизведено: *Линевский А. М.* Петроглифы Карелии. – Ч. 1. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. – С. 123, табл. 38, фиг. 1

Углублённый рисунок присевшей антропоморфной фигуры с согнутыми в коленях ногами и согнутыми в локтях руками строится симметрично по сторонам широкой прямой трещины. Его иконография относится к рассматриваемому типу обнажённой женщины на корточках, хотя стилистически сильно отличается от предыдущих примеров. Отличия вызваны спецификой периферийного лесного региона и его населения, но также техникой и материалом: на голове и шее это выбивка контура, в остальном – выемка камня по всему силуэту («закраска»). При

тощих ногах, руках и шее, странной квадратной голове (это – уже привычно на головах-масках), здесь иная система пропорций и взаимных соотношений «торса» и конечностей – явно в пользу удлинённого «торса», к которому внизу неловко приделаны-подставлены ноги. Манера изображения ног от колен вниз резко отличается от способов передачи всего остального тем, что там вдруг вполне реалистически видны выпуклые мышцы икр – никаких намёков на реалистические детали в других частях фигуры нет. С момента, когда Дж. Меллаарт признал в таком несоответствии человеческие ноги переодетого жреца, выглядывающие из-под маскарадного «костюма»[78], остаётся идти в данном вопросе за ним. Все исследователи отмечали намеренную разницу в изображении правого (выбит сплошным силуэтом, слева) и левого (выбит контуром со зрачком, справа) глаза, широко открытый рот, – семантически обязательные признаки нашего типа. Наличие зрачка говорит о способности видеть, отсутствие – о слепоте, что ассоциируется с аналогичным признаком Бабы-яги (временно слепой, полуживой-полумёртвой), её многочисленных «сине-белых» коллег из европейского фольклора и Горгоны, взгляд которой превращает в камень, одна половина крови оживляет, а вторая половина – умерщвляет (живое < > мёртвое). Если продолжить семантическую корреляцию изображённых выбивкой контура частей тела (голова, шея, левый глаз, рот) с живым, а выбивкой силуэта (торс, конечности, правый глаз) с мёртвым, то получаем в «Бесе» близкого прототипа уже упоминавшейся древнегерманской Хель, которая в разных источниках делилась на живую-мёртвую не только по вертикали (сине-белое или сине-красное лицо), но и по горизонтали (до пояса – живое тело, от пояса вниз – труп). Канал трещины выходит из тела вниз и свисает между ног так же, как свисали «ленты» из вульвы женщины в Гюбекли, очевидно, неся идентичное значение (здесь уже о «пищеводе» говорить невозможно).

Справа и слева от «Беса» выбиты изображения соответственно налима и выдры, такие же крупные и вертикальные, как и он [*ил. 14*]. Известно, что А. М. Линевский (вслед за ним и некоторые другие учёные) считал все три больших петроглифа сделанными в одно время и связанными по смыслу и композиционно[79]. Если бы это было непреложно доказано, мы бы имели ситуацию, номинально близкую к трёхчастным композициям, состоящим из центральной фигуры старухи и львов по сторонам, то есть Хозяйки зверей со своими детьми (= тотема-жреца). В таком случае отсутствие строгой симметрии двух одинаковых ассистирующих животных объяснялось бы здесь до-архитектурным мышлением, оперирующим свободно текущим, неограниченным пространством, не требующим жёсткого структурирования в виде абсолютной зеркальной симметрии. Можно говорить о близком внешнем сходстве «Беса» и выдры, включая хвост, с одной стороны, и висящий канал трещины, расширяющейся на конце, с другой, одинаково длинные и узкие туловища и пр. – дано намеренное сближение животного и «человека», что наблюдалось во всех разбиравшихся выше иконографических версиях.

Какие конкретные действия здесь могли происходить при совершении обряда? Продолжим аналогии с Гюбекли: там мальчик входил в ворота, наступив на горизонтально лежащее изображение женщины или переступив его, то есть символи-



Ил. 14. «Бес», налим и выдра. Петроглиф. Прорисовка
Восточное побережье Онежского озера, Карелия. Сер. – посл. четв. IV тыс. до н. э.
Воспроизведено: *Линевский А. М.* Указ. соч. – С. 111, табл. 36

чески соединялся с ней; здесь из-за 2,5-метрового размера жреца / жрицы-тотема можно было соединиться практически, лечь в силуэт. Что-то должно было происходить на скамье в Гюбекли, что-то должно было происходить и в щели «Беса» – в противном случае они были бы не нужны, так как древнее сознание не воспроизводило фикций, не украшало. Щелевидный канал, очевидно, предназначался для стока крови посвящаемого мальчика, например, при обрезании, отсечении пальца и других описываемых этнографами ритуальных операций. Вот это-то и было подлинным входом в тотем, только в этом смысле (в смысле инициационного проглатывания тотемом мальчика) можно, по нашему мнению, говорить о «кормлении» «Беса», но не о задабривающем ритуальном приношении еды и питья (оно могло происходить значительно позднее, когда инициация отошла в прошлое). Гравитация (при небольшом наклоне скалы) требует, чтобы ритуальный вход был вверху (рот), а выход – внизу (конец щели, воронка), в таком случае, «выходили» прямо в воду, хотя направление движения, как и в Гюбекли, может быть дискуссионным. Если, например, ориентироваться на масштаб всего побережья, на обращённость языка полуострова к воде, озеру (с берегов озера Бесов Нос виден «за два, за три десятка километров»[80]), то можно представить подъезд неофитов по воде к невысокому скалистому берегу и высадку на него как проглатывание, вход.

Итак, в статье принята комбинация двух принципиальных допущений: 1. Баба-яга в выдающемся исследовании В. Я. Проппа – семантический эквивалент фигур

бесписьменных памятников из Гюбекли Тепе и Бесова Носа; 2. Шила-на-Гиг – изобразительный эквивалент фольклорных ведьм-кайлих Британских островов. Эти допущения, по нашему мнению, оправдались, поскольку позволили непротиворечиво обосновать реальность существования в памятниках материальной культуры линии, уходящей через античность на древнейший Ближний Восток и демонстрирующей историю изображения жреца-тотема (жреца-шамана-тотема) на протяжении как минимум десяти тысяч последних лет. Это тот срок, в течение которого иконография данного изображения уже работала как «дорожный знак», известный разным народам в разные периоды и не нуждающийся в словесном тексте. Как велик был предшествующий период формирования этой иконографии (до IX тыс. до н. э.), насколько это формирование происходило в изобразительных памятниках, а не в драматических представлениях и устных текстах, – вопрос для отдельной большой работы. В настоящей же работе пришлось ограничиться «лежащими на поверхности» примерами (Баба-яга – Фрейя-Хель – кайлих – Шила-на-гиг – Горгона – прото-Горгона Гюбекли Тепе – «Бес»)[81]. Ещё одним результатом можно считать попытку последовательного прочтения архитектурных или находящихся в естественном ландшафте памятников материальной культуры, особенно бесписьменных периодов, в русле материалов и выводов В. Я. Проппа. Последние оказались прямо применимы не только к славянскому фольклору, но и к древнейшим археологическим объектам Ближнего Востока, в том числе находящимся в процессе текущих раскопок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Линевский А. М.* Петроглифы Карелии. Ч. 1. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. – С. 109–110; *Столяр А. Д.* Вертикальное погребение (мезолит) как предтеча монументального антропоморфного образа // Древности Подвинья: исторический аспект. По материалам круглого стола, посвящённого памяти А. М. Микляева (6–8 октября 1999 г.). – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. – С. 174.

[2] *Столяр А. Д.* Указ. соч.

[3] *Thissen L.* Appendix I. CANeW ^{14}C databases and ^{14}C charts, Anatolia, 10000 – 5000 cal BC // The Neolithic of Central Anatolia. Internal developments and external relations during the 9th – 6th millennia cal B. C. Proceedings of the international CANeW *Table Ronde*, Istanbul, 23 – 24 November 2001 / F. Gerard and L. Tissen (eds.). – Istanbul, 2002. – P. 328. – См. на таблице датировку Young Phase. (*Тиссен Л.* Приложение I. База радиоуглеродных данных и диаграммы по ^{14}C CANeW, Анатолия, 10000 – 5000 калиброванные гг. до н. э. // Неолит Центральной Анатолии. Внутреннее развитие и внешние связи в течение 9 – 6 тыс. до н. э. Труды международного круглого стола CANeW, Стамбул, 23–24 ноября 2001).

[4] Основатель Музея-института семьи Рерихов Л. С. Митусова была ученицей В. Я. Проппа в Единой советской трудовой школе № 102 на Греческом пр. «Один из самых любимых моих педагогов – преподаватель русского языка и литературы Владимир Яковлевич Пропп…», – писала она в книге своих воспоминаний: *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб. – Вышний Волочёк, 2004. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. I). – С. 57–58.

[5] *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 144 с.

[6] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 333 с.

[7] *Там же.* – С. 308.

[8] *Там же.* – С. 309.
[9] *Там же.* – С. 46–47.
[10] *Фрейденберг О. М.* Введение в теорию античного фольклора. Лекции / Миф и литература древности. – 2-е изд. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 28–29.
[11] *Там же.* – С. 29.
[12] *Там же.* – С. 70.
[13] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – С. 52–60.
[14] *Там же.* – С. 56.
[15] *Там же.*
[16] *Там же.* – С. 56–57.
[17] *Там же.* – С. 57.
[18] Цитата из сочинения «Золотая легенда» Якоба Ворагинского, архиепископа Генуи (*Jacques de Voragine.* La legende doree / Trad. de J.-B. Roze. – P., 1967. – Vol. 2. – P. 55: «Св. Доминик»), даётся по статье: *Махов А. Е.* Обнажённый язык дьявола как иконографический мотив // Одиссей. Человек в истории. 2003 / Гл. ред. А. Я. Гуревич. – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 350.
[19] *Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона // Исследования по фольклору и мифологии Востока. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. – С. 17, 193.
[20] Сино-кавказская языковая макросемья достаточно надёжно обоснована С. А. Старостиным. Его работы с прасеверокавказской, прасинотибетской, праенисейской реконструкциями, разбросанные по различным изданиям, сейчас собраны в посмертном сборнике: *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. – М.: Языки славянских культур, 2007. К сино-кавказскому ядру он позже добавил генетическое родство с языками индейцев на-дене, постулировав дене-кавказскую гипотезу языкового родства. Сюда же включают языки басков на Пиринеях и бурушаски в горах Кашмира, правомочность чего требует последовательного обоснования.
[21] Учёные определили возраст Берингова пролива // Электронный портал «Cyber Security». Дата публ.: 23.10.2006. Режим доступа (07.01.2013): http://www.cybersecurity.ru/prognoz/15186.html.
[22] *Пропп В. Я.* Указ. соч. – С. 88.
[23] К. Д. Лаушкин считал, что древнейшее животное, лежащее в истоке образа Бабы-яги – змея, а не хищная птица, соответственно полёт яги на ступе он рассматривал не как птичий рудимент, а как самый поздний «литературно-фантастический» этап её трансформации – см.: *Лаушкин К. Д.* Баба-яга и одноногие боги. (К вопросу о происхождении образа) // Фольклор и этнография / Отв. ред. Б. Н. Путилов. – Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1970. – С. 181–186.
[24] *Пропп В. Я.* Указ. соч. – С. 86–88.
[25] *Там же.* – С. 57.
[26] *Там же.*
[27] *Михайлова Т. А.* К проблеме реконструкции языка пиктов (предварительные замечания) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции 29 мая – 2 июня 2000 г. / Сост. Г. С. Старостин, С. А. Старостин. – М.: РГГУ, 2000. – С. 131–132.
[28] *Там же.* – С. 126–131.
[29] Интересно, что среди реконструируемых Т. А. Михайловой слов присутствуют два, обращающие внимание своим не только внешним, но и смысловым сходством со словом «cailleach». Это «caile» >> «cailin» (девушка, девочка, служанка – с параллелями из картвельских языков [груз. *kal-*женщина, чан. *kale!* девушка], древнетюркского [*kälin* сноха, невестка, девушка] и пр.) и «céile» (лицо, принадлежащее роду в целом; обозначение родства посредством брака – с параллелями из вепсского [*kälü* жена брата мужа, брат мужа], коми [*kel* жена брата], тувинского [*kelin* сноха, жена брата] и пр.) – см.: *Там же.* – С. 128. Разумеется, данное замечание остаётся сугубо дилетантским

и требует лингвистической экспертизы, которая, возможно, никакой связи упомянутых слов с «cailleach» и не установит.

[30] Э. Вейр и Дж. Джермен считают, что датировка Шил «должна быть установлена не ранее XI в.»: *Weir A., Jerman J.* Images of Lust. Sexual carvings on medieval churches. Reprint from 1st edition (1986). – London and New York: Routledge, 1999. – P. 15. (*Вейр Э.*, *Джермен Дж.* Образы Похоти. Сексуальные резные изображения на средневековых церквях. Перепечатка с 1-го изд. (1986)).

[31] Обильными источниками разнообразных иконографических вариантов Шилы-на-гиг служат специально посвящённые ей англоязычные сайты: http://www.sheelanagig.org и http://www.beyond-the-pale.org.uk. Второй из них создан одним из крупнейших знатоков данного вопроса Энтони Вейром, соавтором книги, первое издание которой появилось в 1986 г. (см. *примеч. 30*). И в книге, и на сайте Э. Вейр исследует проблему появления образа Шилы-на-гиг на Британских островах, выводя его преимущественно из Испании и Франции. В связи с этим он даёт многочисленные сравнительные изобразительные аналоги Шилы из Европы и стран средиземноморского бассейна.

[32] *Freitag B*. Sheela-na-gigs. Unravelling an enigma. – London: Routledge, 2004. (*Фрейтаг Б.* Шилы-на-гиг. Разгадывая загадку).

[33] *Ibid.* – P. 52–67; см. также: P. 171, note 2.

[34] *Ibid.* – P. 57 ff.

[35] В отношении низа фигуры, района гениталий, Б. Фрейтаг высказала мнение, что он «выглядит намеренно смазанным» – см.: *Ibid.* – P. 150. Возможно, и вся фигура была намеренно недоделанной, изрытой грубыми сколами – в духе христианского порицания греховности.

[36] На вопрос «что там может висеть?», кроме преобладающего ответа «вульва», даются и другие, потенциально интересные ответы. Так, Б. Фрейтаг приводит ссылку на работу Эрлинга Рампа, в которой он видит на этом месте висящую плаценту – см.: *Ibid.* – P. 179, note 138.

[37] Рельеф был похищен 9 января 1990 г. и не найден до сих пор, судя по сообщению на сайте города Фетарда. Режим доступа (20.01.2013): http://fethard.com/histor/sheela.html.

[38] Выдержки из: *O'Connor J.* Sheela na gig. – Fethard: Fethard Historical Society, 1991. – Режим доступа (20.01.2013): http://fethard.com/histor/sheela.html. (*О'Коннор Дж.* Шила на гиг).

[39] *Ibid.*

[40] Судя по всему, речь идёт о кафедральном соборе Дуомо, построенном в романский период XI–XIII вв. К сожалению, не удалось идентифицировать место в нём данной композиции, нам она известна только по иллюстрации на сайте Э. Вейра. – Режим доступа (20.01.2013): http://www.beyond-the-pale.org.uk/sheela1.htm.

[41] Прорисовка этрусского рельефа также присутствует в книге Э. Вейра и Дж. Джермена (P. 26, fig. 10a), которые считали данное конкретное изображение Горгоны одним из античных предшественников Шилы-на-гиг; прочие изображения Горгон, семантика Горгоны вообще, более древние, чем античность, периоды ими серьёзно не затрагивались. Композиция этой этрусской плиты с Горгоной как важнейший иконографический источник при интерпретации древнейших археологических памятников, в том числе и рассматриваемой плиты из Гюбекли Тепе, приводилась также и в нашем докладе «Ближневосточные археологические источники и некоторые мифологические параллели о "Вóроне" – официальной эмблеме Музея-института семьи Рерихов» в апреле 2008 г., сделанном на Культурологическом семинаре в Музее-институте семьи Рерихов, в то время как с книгой Э. Вейра и Дж. Джермена удалось познакомиться только поздней осенью 2012 г. Таким образом, независимо друг от друга и с разных концов (от Шилы, с одной стороны, и от «дамы» из Гюбекли, с другой) мы пришли к одному и тому же памятнику, что, как кажется, укрепляет правильность рассмотрения Шилы-на-гиг в качестве удалённой аналогии древнейшего жреца-тотема.

[42] *Блок Р.* Этруски. Предсказатели будущего / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 96–97, фото 44; *Лосева Н. М., Сидорова Н. А*. Искусство Этрурии и

Древней Италии. Очерки / Серия «Из истории мирового искусства». – М.: Искусство, 1988. – С. 229–230, ил. 225.

[43] *Блок Р.* Указ. соч. – С. 185. Позы львов, упирающихся всеми лапами в Горгону, и Горгоны, притягивающей-душащей львов за шеи, не имеют ничего общего со случайным повествовательным элементом, равно как и львов, обнимаемых Шилой на капители в Пьяченце. Это объясняют этнографические материалы Х. Невермана из Новой Гвинеи по обряду инициации племени маринданим, которые в этой части цитируются В. Я. Проппом: «Мужчины, переодетые старухами, с женскими передниками, пёстро раскрашенные и с клыками над ртом <…>, приблизились к майо-аним (т. е. посвящаемым). Последние обхватили шеи “праматерей” и те стали тащить их в потаённое место. <…>» (*Nevermann 1933*; 74). Мы имеем не что иное, как мимическое изображение похищения в лес старухой-женщиной». – См.: *Пропп В. Я.* Указ. соч. – С. 87.

[44] Совершенно аналогично шумерский львиноголовый орёл Анзуд (ранее называвшийся Имдугудом) в строго геральдической композиции бронзового рельефа из Эль Убейда «когтит» двух оленей, создавая классический символ власти, подчинения, и, кстати, также семантически предшествуя Горгоне. См. ил., например, здесь: *Lloyd S.* The art of the ancient Near East. – 2nd edition. – London: Thames & Hudson, 1974. – P. 82–83, il. 45. (*Ллойд С.* Искусство древнего Ближнего Востока).

[45] Н. М. Лосева и Н. А. Сидорова недоумевают по поводу архаичности данной композиции, считая её этрусским провинциальным пережитком, а позу Горгоны «странной фронтальной» – см.: Указ. соч. – С. 230. Однако думается, что этрускам хорошо знакома была древняя семантика даже не столько самой Горгоны, а её предшественницы прото-Горгоны – Хозяйки животных, которую они здесь и воспроизводили «по старой памяти».

[46] Колесница, ступа – очень поздние атрибуты соответствующих мифологических текстов, внедрившиеся в древнейший «птичий ряд» и несущие семантику полёта.

[47] *Савостина Е. А.* Фронтон архаического храма: образ универсума – Медуза Горгона // Образ-смысл в античной культуре / Сост. Л. И. Акимова. – М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. – С. 134–150, 304 –306. На с. 304–305 даются графические реконструкции пяти древнегреческих фронтонов, в том числе и Артемисиона в Керкире (с. 304, ил. 2): с Горгоной (ил. 1–3), подразумеваемой Горгоной (ил. 4) и одной из мифологических преемниц Горгоны Афиной на прежнем центральном месте Горгоны (ил. 5). Нельзя вполне согласиться с Е. А. Савостиной, считающей голову главной семантически значимой частью Горгоны, которая появляется на изображениях поэтому самостоятельно и раньше, чем вся фигура: «Но вскоре во фронтонных изображениях голове Медузы придаётся тело…» – см.: *Там же.* С. 137. Рассмотрение Горгоны в ряду подобных ей образов типа яги, восходящих к жрецу-тотему, ясно показывает, что в соответствующих изображениях нельзя «отделять голову от тела» и что в известном (инициационном) смысле ноги-ворота в иконографии даже важнее. В случае фронтона храма С в Селинунте с отдельной головой Горгоны (с. 304, ил. 1) её телом мыслился сам храм, восходящий к «лесной избушке», то есть к модели Хищной птицы-тотема. Отсюда и огромные размеры головы, соответствующие размерам храма. Таким образом, при анализе архаического мышления некорректно также отделять архитектурный объём от плоскостного изображения на нём и от окружающего ландшафта – только в этой буквальной привязанности смысла к вещам и проявляется «универсум». Его матрица и в случае древнегреческого храма периода архаики – обряд инициации.

[48] *Колпинский Ю. Д.* Искусство Древней Греции / Всеобщая история искусств: В 6 т. – Т. I / Под общ. ред. А. А. Чегодаева. – М.: Государственное издательство «Искусство», 1956. – С. 166.

[49] Горгона из Керкиры одета, однако, одежда не стала обязательным атрибутом Горгон, например, другая архаическая Горгона на метопе храма в Селинунте обнажена – см.: *Там же.* – Ил. 120 б.

[50] Поза «коленопреклонённого бега» трудно объяснима с точки зрения своей асимметрии и усложнённости, избыточных для показа простого бега-полёта. Почему одна нога касается коленом земли?

Возможно, этот изобразительный аргумент подкрепляет мнение К. Д. Лаушкина, обосновывавшего одноногость как принципиальное свойство персонажей типа Бабы-яги, происходящих от «одноногой» змеи – см.: *Лаушкин К. Д.* Указ. соч. К одноногости же он относил всевозможные дефекты какой-нибудь ноги (хромоту, «костяную ногу»), делающие образ физически асимметричным. Не исключено, что «коленопреклонённый бег» отражает такого рода «одноногость» (= хромоногость, припадание на одну ногу) – в таком случае, идентичность Горгоны с Бабой-ягой только усиливается.

[51] *Lloyd S.* Op. cit. – P. 221, il. 179. Высота – около 1,6 м. Статуя громовника утрачена, голова одного из львов хранится в Британском музее (Лондон), оставшийся пьедестал – в Археологическом музее Анкары (Турция) – см.: *Ibid.* – P. 290.

[52] Взаимозаменам такого рода и в целом симметрии эротической символики языка (вверху) и вульвы (внизу) посвящена вышеуказанная работа А. Е. Махова. Многочисленные примеры, не попавшие в сферу рассмотрения в его статье, дают всё те же Шилы-на-гиг, некоторые из которых руками растягивают не вульву, а рот. На вебсайте и в книге Э. Вейра собраны соответствующие экземпляры из Ирландии, Шотландии, Франции, Испании – не только женские, но и мужские – см.: http://www.beyond-the-pale.org.uk/zCastletown.htm (28.01.2013) и *Weir A., Jerman J.* Op. cit. P. 100–110. Весь комплекс эротических деталей разного рода и времени является также полиморфным веером, восходящим к одному значению – вход (= выход), ворота – ключевому в обряде инициации.

[53] К мужским (или львиным?) признакам Горгон относятся и бороды, иногда отчётливо изображаемые, например, на антефиксах кровель – см.: *Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Указ. соч. – С. 78, ил. 53. Трудно сказать, изображали ли античные народы именно Медузу Горгону, в которую всё ещё верили как в реальность, или уровень сознания уже позволял изображать переодетого жреца-мужчину в маске Горгоны.

[54] Обобщённо позиции pro и contra инициации как древнейшего сюжетного архетипа изложены в изд.: *Левинтон Г. А.* Инициация и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – 2-е изд. – Т. 1 / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 543–544.

[55] Голос и тело в театре Древней Греции. Мастер-класс под руководством Теодороса Терзопулоса / Шестой международный театральный фестиваль «Александринский». 15 сентября – 27 октября 2011 г. Режим доступа (28.01.2013): http://www.alexandrinsky.ru/aboutfest/afisha.

[56] Совершенно аналогично описывает Л. И. Вайнштейн, ученик знаменитого певца и вокального педагога XIX в. Камилло Эверарди (кстати, у него училась и бабушка Л. С. Митусовой, княгиня Е. В. Путятина, передавшая внучке начальные вокальные навыки, включая управление диафрагмой), методы обучения своего учителя. Во-первых, он отмечает, что Эверарди, воспринявший старинную школу постановки голоса мастеров Ламперти, Гарсиа, восходящую к итальянской школе XVII–XVIII вв., признавал только грудобрюшное пение, позволяющее вдохнуть максимальное количество воздуха и долго держать звук: «<…> его метод преподавания возбуждал много толков. Говорили, что он учит “дышать животом”. Впрочем, то же в своё время говорили и о Ламперти, который в последние годы жизни давал, по старости лет, уроки лёжа, вооружённый длинной тростью. Когда ученик дышал неправильно, то Ламперти тыкал тростью в брюшную полость и приговаривал: “Canta da qui, bestia” – “пой отсюда, бестия”». – См.: *Вайнштейн Л. И.* Камилло Эверарди и его взгляды на вокальное искусство. Воспоминания ученика. – Киев: Трест «Киев-Печать», 1924. – С. 13–14. О тренинге дыхания Эверарди: «Из физических упражнений для развития дыхания Эверарди рекомендовал только одно, о котором, впрочем, говорили Ламперти и другие педагоги. Следует ежедневно утром и вечером, непременно лёжа, медленно вбирать воздух (через ноздри и через рот) до отказа, несколько секунд задержать и, затем, как можно медленнее, выдыхать воздух, – так медленно, чтобы, например, пламя свечи, поставленной около рта, не колыхалось от движения воздушного столба. Эти упражнения надо проделывать сперва беззвучно, а потом на разные гласные, по 3–5 минут, но не доводить себя до утомления. Хорошее долгое дыхание необходимо для певца так же, как для водола-

за, шутя говорил maestro, и таким упражнением можно так развить дыхание, что певец сможет держать звук на дыхании целую минуту, а то и больше, – а минута на сцене ведь это вечность. Повторяю, это единственное физическое упражнение, которое Эверарди рекомендовал». – См.: *Там же.* – С. 17. О голосовых возможностях певцов прошлого: «Часто они [ученики итальянского педагога Mazocci, 1636 г. – *А. А.*] ходили также к старинным воротам Porta Angelica, где было превосходное эхо, и пели там, чтобы из ответов последнего, узнавать свои ошибки. <…>. Другой великий певец Ферри обладал таким продолжительным дыханием, что пел хроматические гаммы в две октавы и, притом в трелях все, на одном дыхании. Мыслимо ли это теперь или даже в то время, когда учился Эверарди, т. е. в первой половине XIX столетия? Конечно, нет. Ясно, что при такой системе преподавания можно было развить феноменальную, непонятную нам вокальную технику и такое продолжительное дыхание, которое давало возможность легко выдерживать длиннейшие фразы – от паузы до паузы <…>». – См.: *Там же.* – С. 16–17. В числе прочего из цитат видно, что ученики проверяли себя по эху, на почти открытом пространстве ворот, в расчёте на естественный, природный «театр», то есть сохранялась древнейшая средиземноморская традиция достигать предельно мощного и долгого звука необъяснимого для профанов, но когда-то обязательного для «всё мóгущего» жреца.

[57] *Schmidt K.* Frühe Tier- und Menschenbilder vom Göbekli Tepe – Kampagnen 1995–1998. Ein kommentierter Katalog der Großplastik und der Reliefs // Istanbuler Mitteilungen. – 1999. – Bd. 49. – Taf. 9–2; *Шмидт К.* Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе / Пер. с нем. А. С. Пащенко, отв. ред. Т. В. Корниенко. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 224, рис. 101 (ч/б).

[58] Н. Н. Ерофеева убедительно анализирует генезис трагемата – еды, раздававшейся зрителям во время представлений древнегреческой трагедии, – от приносимого в жертву и совместно поедаемого общиной человека в древнейшем обряде. Такой человек был прототипом трагемата, а действие вокруг его смерти и поедания его общиной – прототипом трагедии. – См.: *Ерофеева Н. Н.* Образы еды в античной драматургии как ключ к смыслу театральных жанров // Образ-смысл в античной культуре / Сост. Л. И. Акимова. – М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. – С. 151–163. Автор обозначает этот древнейший обряд как жертвоприношение, однако последнее может быть включено как обязательное, но частное звено (= временная или реальная смерть неофита) в более длительный сложносоставной сюжет инициационного представления. Если так, то трагематы в архаическом театре дают дополнительные доказательства зависимости его именно от обрядов инициации.

[59] Отвращение к жрецу-учителю намеренно вызывалось у проходящих обряд инициации с целью их полного подчинения и зомбирования: так, мальчики должны были пить мочу своего учителя, их сажали в яму с навозом и водой и обсыпали испражнениями животных. – См.: *Пропп В. Я.* Указ. соч. – С. 69. Кроме того, ясно, что сам полу-животный вид учителя постоянно действовал на посвящаемого в том же направлении.

[60] *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 232.

[61] Маска как тип предмета достоверно функционировала в Гюбекли, где, по известной нам информации, найдены две каменные маски человеческого лица: в 1995 г. – размером больше натуры и в 2001 г. – миниатюрная. – См.: *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 94; *Hauptmann H.* Upper Mesopotamia in its regional context during the Early Neolithic // The Neolithic of Central Anatolia. Internal developments and external relations during the 9th – 6th millennia cal B. C. Proceedings of the international CANeW *Table Ronde*, Istanbul, 23 – 24 November 2001 / F. Gerard and L. Tissen (eds.). – Istanbul, 2002. – P. 267–268. (*Хауптманн Х.* Верхняя Месопотамия в региональном контексте в течение раннего неолита).

[62] *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 228–229.

[63] *Там же.* – С. 228.

[64] *Там же.* – С. 229.

[65] *Bischoff D.* Symbolic worlds of Central and Southeast Anatolia in the Neolithic // The Neolithic of Central Anatolia. Internal developments and external relations during the 9th – 6th millennia cal B. C. Proceedings of the international CANeW *Table Ronde*, Istanbul, 23 – 24 November 2001 / F. Gerard and L. Tissen (eds.). – Istanbul, 2002. – P. 237–240, 245, 247–249, 269–270. (*Бишофф Д.* Символические миры Центральной и Юго-Восточной Анатолии в неолите).
[66] О регистровом расположении животных на стелах Гюбекли Тепе см.: *Азизян А. А.* Львы и быки Майкопа в контексте новых археологических открытий в Турецкой Месопотамии // Рериховское наследие: Труды конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. I / Отв. ред. А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 431–445.
[67] *Bischoff D.* Op. cit. – P. 239.
[68] *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 125 и др.
[69] Стоит держать в голове ещё одно замечание В. Я. Проппа по обряду инициации, возможно, применимое к Гюбекли Тепе. Опираясь на фольклорный и этнографический материал, он подчёркивает запрет мытья в ходе инициации и после неё, то есть в период до вступления в брак, обозначая его мотивом «неумойки». Он пишет: «Таким образом, неумывание есть очень сложное явление, связанное с невидимостью и слепотой, с животным обликом и с неузнаваемостью. Связано оно также с пребыванием в стране смерти». – См.: *Пропп В. Я.* Указ. соч. – С. 111. К Гюбекли неумывание может иметь прямое отношение, так как до сих пор никаких источников воды здесь не найдено, что говорит либо о намеренном выборе безводного места (места для «неумоек», то есть посвящаемых неофитов) основателями комплекса, либо об исчезновении некогда существовавших источников. Возможно, дальнейшие раскопки принесут какое-то решение вопроса. – См.: *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 137.
[70] *Там же.* – С. 232.
[71] *Там же.* – С. 234.
[72] По состоянию на 2006–2008 гг.
[73] *Шмидт К.* Указ. соч. – С. 161–168.
[74] Описание слоя III см.: *Там же.* – С. 109–184.
[75] *Там же.* – С. 161 и рис. 75, 80. К сожалению, на рисунках показана не внутренняя (с лисом), а внешняя сторона столба 18.
[76] В. Я. Пропп считал драматическое действие древнее мифа как рассказа: «В этом сообщении кроется предпосылка, что мифы первичнее драматических действий – “миф драматизируется”. Нам кажется – дело происходило наоборот. Первично – драматическое действие, миф же развивается позднее». – См.: *Пропп В. Я.* Указ. соч. – С. 83.
[77] *Линевский А. М.* Указ. соч. – С. 110, 120–122. Здесь же (с. 110) выражено несогласие с В. И. Равдоникасом, считавшим трещину позднейшей порчей рисунка.
[78] *Mellaart J.* Çatal Hüyük. A Neolithic town in Anatolia. – New York: McGraw – Hill Book Company, 1967. – P. 167. (*Меллаарт Дж.* Чатал Хююк. Неолитический город в Анатолии).
[79] *Линевский А. М.* Указ. соч. – С. 109–118.
[80] *Там же.* – С. 109.
[81] Связь фольклорно-мифологических образов в этом ряду уже давно установлена специалистами. Так, в хрестоматийном издании «Мифы народов мира» говорится о семантической идентичности Бабы-яги и Горгоны: «…ср. также образ “коршуновзорой” горгоны, женщины с птичьим лицом у Гомера; птичьи черты бабы-яги, албасты и др.». – См.: *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – 2-е изд. – Т. 2 / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 346. Наша же задача была показать их изобразительные аналоги, повсеместно функционировавшие посредством специальной иконографии.

Н. Г. КРАСНОДЕМБСКАЯ, Н. Е. МАЗАЛОВА
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)

ВЕЛЕСОВА КНИГА В СВЕТЕ РЕРИХОВСКОГО НАСЛЕДИЯ

Идеи родства русских с индийцами волнуют многих наших современников, как в России, так и в Индии. И словосочетания *веды славян* и *Велесова книга* особенно будоражат их чувства. Чувства эти у русских «наследственны»: уже давно наши предки с особым интересом и даже любовью относились к далёкой удивительной стране, пересказывали легенды о ней, мечтали найти свой путь к ней. Петр I, например, разрабатывал идею дороги в Китай и Индию через Северный Ледовитый океан. Как известно, интерес этот был и «в крови» членов семьи Рерихов.

«Веды славян»[*] – нечто новое в данном контексте. И нам хочется в целом обдумать этот феномен, понять не только его историю, но и тот живой отклик, который он находит в душах многих наших современников. Возьмём для примера хотя бы одно из подобных изданий. На обложке вверху стоит имя: Александр Асов (выглядит как имя автора). Общее название – Веды. Подразделы – Веды Руси (Велесова книга. Ярилина книга. Белая крыница) и Веды булгар (Летопись Волжской Булгарии. Веда славян). На титульном листе, правда, имя А. Асова поставлено уже в самом низу, с пометой: переводы и пояснения. Книга снабжена некоторым количеством иллюстраций, которые явно тенденциозны, заранее воплощают главную идею составителя о «первичности славянской мифологии» и фактически изображают характерные индуистские сюжеты (триада верховных богов, Шива на быке, Кали на льве) в, так сказать, «славянизированном» виде: три мудреца на крылатом коне, некое божество с луной в волосах на крылатом быке, воительница с изготовленным к стрельбе луком – на крылатом льве. У индолога уже эти рисунки не могут не вызвать удивления. Образы индуистских божеств в их современном виде складывались в течение долгого периода времени, имеют длительную и сложную историю. И такой наивный параллелизм уже является явным анахронизмом.

Что касается содержания сборника, то оно, безусловно, многосоставное, с включением разнородных и разновременных фольклорных текстов, а также и возможных фальсификаций. По научной оценке, такой свод сведений никак нельзя назвать составленным по строгой методике. Подлинность некоторых текстов подтверждена в истории науки: так, известно, что в 1881 г. в Санкт-Петербурге вышла книга Стефана Ильича Верковича *«Веда славянъ. Обрядныя песни языческаго времени, сохранившіеся устнымъ преданіемъ у македонскихъ и фракійскихъ Болгаръ-Помаковъ»*. Ряд французских и итальянских исследователей того времени лично проверяли изложенные в

[*] Мы приняли в данном случае это название как обобщающее для серии сводов различных славянских текстов, которые обычно подаются как аналог известных древнеиндийских священных текстов брахманизма и индуизма, ***вед***. Так же обобщенно мы говорим пока и о различных публикациях разных авторов упомянутых текстов.

ней сведения, организовав экспедиции в Родопские горы. Они подтвердили подлинность этой публикации. Кроме того, в XIX в. великое множество подобных устных народных преданий было записано в России, Украине, Белоруссии исследователями П. А. Безсоновым, Н. Е. Романовым, П. В. Шейном, А. А. Потебнёй. Но даже подобный подлинный источник, как известно специалистам, требует специальных методов изучения, содержание его само по себе может оказаться разновременным, и его нельзя воспринимать как некий законченный и самодостаточный текст.

Название «веды славян» можно воспринимать только как метафорическое. Никакого параллелизма с индийскими ведами быть не может. Индийские веды (Ригвела, Самаведа, Яджурведа и «примкнувшая к ним» Атхарваведа), складывавшиеся в устной традиции на территории Северо-Западной Индии «на стыке» II и I тыс. до н. э., каждая имела свою историю и в своё время была записана. Это – письменные канонические тексты, имеющие совершенно особую структуру, специфическое содержание, канонизированное многовековыми ритуалами. Это воистину – завершённые в своих пределах ***памятники***, чего никак нельзя сказать о выбранных нами для рассмотрения сборниках славянского (разнородного) фольклора (да ещё и с домыслами). Разумеется, можно сопоставлять отдельные сюжеты, мифологические персонажи (индийские веды, можно сказать, тоже когда-то были основаны на фольклоре), что время от времени и делают и делали учёные (как, например, крупнейший индолог и славист В. Н. Топоров). Но при этом необходимо соблюдать определённую осторожность, а главное – строго пользоваться научными методами. Нам как учёным-этнографам привычен научный способ познания, но мы не отрицаем и интуитивно-художественного. Кстати сказать, в самой семье Рерихов были «в ходу» и тот, и другой. Про Н. К. Рериха можно сказать, что он совмещал в своих трудах и подходах к действительности оба способа. Ю. Н. Рерих, как известно, избрал строго научный, С. Н. Рерих – чисто художественный. Однако всегда надо понимать, какой подход и метод применяешь.

Мы постараемся дать некоторую научную характеристику рассматриваемого объекта. При этом сосредоточимся на одном из самых популярных текстов из «славянских вед» – *Велесовой книге* (далее – *ВК*). Надо сказать, что ВК – один из наиболее спорных объектов археологии. По мнению большинства отечественных учёных, это – литературный памятник середины XX в., который был создан конкретным автором на основе русских летописей и широкого круга фольклорных материалов (вероятно, здесь в какой-то мере можно провести параллель с «Калевалой»).

Как известно, все сведения об истории текста до момента публикации исходят от российского эмигранта, автора художественных произведений и любительских сочинений по славянскому фольклору Ю. П. Миролюбова. Согласно рассказам Ю. П. Миролюбова, он списан им с утерянных во время войны деревянных дощечек, якобы созданных примерно в IX в. Содержит предания, молитвы, легенды и рассказы о древней славянской истории примерно с VII в. до н. э. до IX в. н. э. Этот письменный текст, впервые был опубликован Ю. П. Миролюбовым и Ал. Куром (А. А. Куренковым) в 1950-е гг. в Сан-Франциско. Большинство учёных предполагают, что он и был написан самим Ю. П. Миролюбовым. В тексте этом много «нестыковок».

Уже другими исследователями отмечалось, что ВК излагает историю восточных славян (именуемых, в частности, русичами) от мифологических праотцов до варяга Эрека (некоторыми комментаторами отождествляемого с Рюриком). Собственно история излагается непоследовательно, народы разных эпох сводятся в одно время, игнорируются западная и южная ветви славянских племён, используются литературные названия исторических персонажей (известные по римско-византийским источникам боспорский царь Митридат, готский вождь Германарих, вождь антов Мезамир). Имена древних героев имеют позднеславянскую этимологию, отличную от раннеславянских имён (известных из синхронных римско-византийских источников), в текстах также используются историко-географические термины, возникшие в позднем времени. География представлена в расплывчатых границах, соединяет отдалённые друг от друга местности в единый театр действия. Большую часть текстов занимает прославление самих русичей с противопоставлением им византийцев и готов, перечисляются языческие боги, поверхностно описываются обряды руссов. Можем добавить и другие доказательства того, что эта книга создавалась на основе русских летописей и фольклорных памятников: мы можем обнаружить там следы духовных стихов («Голубиной книги»), заговоров и др.

Из древнейшей русской летописи «Повесть временных лет» взяты имена князей (Аскольда, Дира, Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбедь, превращённой в преемника Кия – Лебедяна), оттуда же взяты названия племён (древляне, поляне, дулебы и др.), сведения о нашествии хазар. Другие персонажи – Рус, Славуна и Скиф – восходят к легендам XVII в., где говорится о братьях Славене и Скифе, или о Славене и Русе, имя Бравлина заимствовано из Жития Св. Стефана Сурожского и т. д.

Одним из источников ВК было также «Слово о полку Игореве». Русичи в ВК неоднократно именуются «Даждьбожьими внуками» (см. дощечки 1, 3а, 7б, 7в). Если в «Слове» говорится: *«Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дэвою на землю Трояню»*, то в ВК есть фраза: *«зме* [т. е. землю. – *Н. К. и Н. М.*] *Трояню сме не дахом сен ромиема а да не встане обиденосще Дажбовем внуцем»* (дощечка 7б).

В ВК, как и в других сочинениях её «публикатора» Ю. П. Миролюбова утверждается, что «славяно-русы… являются древнейшими людьми на Земле», что «прародина их находится между Сумером [Шумером? – *Н. К. и Н. М.*], Ираном и Северной Индией», откуда «около пяти тысяч лет тому назад» славяне двинулись в «Иран, в Загрос, где более полувека разводили боевых коней», затем «ринулись конницей на деспотии Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет». В Европу, согласно Ю. П. Миролюбову, славяне вступили в VIII в. до н. э., составляя авангард ассирийской армии: «ассирийцы подчинили все тогдашние монархии Ближнего Востока, в том числе и Персидскую, а персы были хозяевами Северных земель до Камы. Ничего нет удивительного, если предположить, что славяне были в авангарде ассирийцев, оторвались от главных сил и захватили земли, которые им нравились».

Вторая идея Ю. П. Миролюбова состоит в том, что религия древних славян – это «испорченный временем, обстоятельствами, событиями и переменой местожительства ведизм». После того как предки славян покинули прародину, их «жрече-

ство огрубело», забыло «одический язык», который «стал быстро меняться», и «скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски». Ю. П. Миролюбов считает, что славяне должны были обладать, хотя бы вначале, своей письменностью: «Не могло ведь быть, чтобы, выйдя из арийских степей, зная и даже сохраняя ведизм, славяне не знали бы письменности, на которой веда была писана». Таким образом, важный вывод основан лишь на ничем не доказанном отождествлении древних славян с древними индийцами. В ВК есть боги, которые не встречаются ни в одном из русских памятников: Вышень (вероятно, Вишну), Крышень (Кришна) и др.

Не удивительно поэтому, что учёному трудно принять идеи «публикатора» ВК Ю. П. Миролюбова и других насчёт древнейшей истории и религии славян.

Вряд ли правильно и плодотворно выдавать мечту или наитие за научную истину. Это – не плодотворный и весьма уязвимый метод. Именно наука первой опровергнет подобные построения с помощью своих устоявшихся методов и доказательств. Такие построения, догадки, прозрения вполне могут существовать сами по себе и быть фактом человеческой мысли, вне науки. И в этом смысле Александра Асова вполне можно считать автором его книги «Веды», только определить её жанр следует не как научный, а, положим, научно-фантастический, или *научно-мечтательный*. Можно подумать и о более точном определении.

Мы сказали, что, кроме всего, для нас, именно как для учёных, важно понять то, почему *«веды славян»* так популярны в наши дни, что ищут (и находят) в ней наши современники, почему так привлекательны идеи о родстве русских с индоевропейцами. Нам кажется, что в этом явлении проявляется общая ныне мировая тенденция, характерная для многих современных народов и этносов, а именно яркое стремление к самоидентификации, подтверждению своей самобытности и поиску её доказательств.

Кажется, мы недалеки от истины, если учесть хотя бы такой факт: один из сайтов, пропагандирующий «азы сокровенных учений славян» и утверждающий, что индийские ***веды*** – это древнее учение славян, оставленное «чернокожим жителям Индии нашими предками», называется *probudilis.ru* и имеет девизом фразу «мы пробудились».

Характерно, между прочим, что следующим сайтом в списке посвящённых «ведам славян» идет чисто рекламный: «Русь и Веды: славянские ведические практики Золотого века. Волшебный познавательный этно-тур в Индию! Индия, Индия, волшебная страна!..».

Во всяком случае, эту тему нельзя оставлять без внимания, особенно, если учесть, что она весьма актуальна и в связи с современным поиском русской национальной идеи. Очевидно, что такие произведения, как *«славянские веды»*, придают большую значимость происхождению русского этноса. А в период нестабильности, перемен у людей, испытывающих неосознанное беспокойство по поводу будущего, возрастает потребность к самоидентификации, и тогда человек, естественно, стремится опереться на примеры из прошлого, нередко даже вымышленные или носящие мифологический характер.

Е. С. СОБОЛЕВА
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)

ВКЛАД МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ОРГАНИЗАЦИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Создание Отделения доисторической археологии

Изучение археологических памятников всегда вменялось в обязанности академическим музеям. Двадцать четвёртого октября 1878 г. академики Л. Шренк и А. Штраух в Записке по Физико-Математическому отделению Императорской Академии наук (далее – *ИАН*) «Об учреждении при Академии Наук Музея Антропологии и Этнографии преимущественно России» напомнили, что академик А. А. Шифнер *«шестнадцать лет тому назад, ввиду недостаточности Этнографического Музея, вместе с покойным К. М. Бэром, тогдашним директором Анатомического Музея, высказался в пользу учреждения у нас особого Музея для находимых в России этнографических предметов доисторического периода»*[1]. В другой записке от 5 декабря 1878 г. академики А. А. Шифнер, А. Штраух, Л. Шренк и Ф. В. Овсянников уточняли задачи нового музея: *«По возможности более полные коллекции предметов <…> без сомнения дадут немного разъяснений относительно доисторического человека, тем более, стольких народов и по настоящее время не выступивших ещё из своего каменного века»*[2]. В то время *«Отдел каменных орудий до-исторических эпох» вновь* созданного Музея антропологии и этнографии (далее – *МАЭ*) был весьма невелик и представлял *«интерес лишь для учёных специалистов и немногих любителей»*[3]. Тем не менее, МАЭ получал археологические предметы из России и из-за рубежа (перуанские древности д-ра Шренка).

Академик В. В. Радлов, избранный директором МАЭ, докладывал 21 марта 1894 г. Историко-Филологическому отделению (далее – *ИФО*) ИАН, что музею предстоит «дать сколько-нибудь полную картину постепенного развития человеческого рода и разнообразного культурного положения различных племён», в том числе культур и древностей, найденных в России. Он просил ИАН *«обратиться в Императорскую Археологическую Комиссию с просьбой помогать нам пополнять Археологический отдел нашего Музея. Собранные там коллекции распределяются, отправляются в Москву и др. города, т. к. в Санкт-Петербурге нет Археологического Музея»*. Одновременно он просил ИАН *«дать мне право войти в сношение с лицами, живущими в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, представить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально назначены корреспондентами Музея по Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук с выдачей на это звание диплома...»*[4].

В 1909 г. МАЭ состоял из трёх самостоятельных частей – Отделение физической антропологии, Отделение доисторической археологии (далее – *ОДА*) и Отде-

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург

ление общей этнографии. *«Для учёного Музей – лаборатория, в которой он находит научно подобранный материал по тому или другому вопросу физической и расовой антропологии, археологии, материальной культуры, истории первобытного искусства, религии и т. д.».* Педагогический персонал и учащиеся требовали экскурсионного обслуживания, демонстрации коллекций, чтения особых лекций по этнографии. В научном отношении МАЭ оставался единственным общеимперским учреждением, изучающим культуру всех народов России. *«Румянцевский Музей (Москва) и Этнографическое Отделение Музея Александра III преследуют узкие задачи, не имеют Отделений Антропологии и Археологии»*[5]. Этнографические сборы в пределах Европейской России не должны были входить в задачи МАЭ, так как этим занимался Музей императора Александра III, но фотографические снимки и археологические коллекции МАЭ продолжал приобретать.

Археологические экспонаты концентрировались в профильных учреждениях: МАЭ передавал их в Императорскую Археологическую комиссию (далее – *ИАК*), копии снятых с памятников надписей – в Азиатский музей, а в МАЭ поступали антропологические материалы.

Одиннадцатого февраля 1909 г. В. В. Радлов ввиду обильных в последние годы новых поступлений, как по коллекциям чисто этнографическим, так и археологическим и антропологическим, привлёк для помощи постоянному учёному персоналу МАЭ археологов Владимира Ивановича Каменского и Клавдия Васильевича Щенникова. Присовокупляя при этом, что оба лица работают при музее уже второй год и оказались музею очень полезными, академик В. В. Радлов просил ИФО разрешить выдавать обоим лицам ежемесячно вознаграждение из сумм музея в размере Каменскому – 50 руб., Щенникову – 35 руб.[6] В ОДА работал также Иван Тимофеевич

Савенков[7]. И. Т. Савенков сотрудничал с МАЭ с 1898 г. в сфере археологии и музейного дела. Пятнадцатого января 1914 г. он был избран и утверждён в звании корреспондента МАЭ[8].

После кончины 13 января 1912 г. заведующего ОДА В. И. Каменского Отделение с 11 февраля 1912 г. было передано в заведование младшему этнографу Яну Викентьевичу Чекановскому, среднеазиатские коллекции – Самуилу Мартыновичу Дудину[9]. Я. В. Чекановский был избран и назначен профессором Императорского Королевского университета во Львове, и с 1 августа 1913 г. оставил должность в МАЭ[10]. Витольд Максимилианович Лемешевский-Любецкий, прослушавший курс естественных наук в Императорском Петербургском университете, действительный член Петроградского Археологического института, с 1911 г. работал безвозмездно в ОДА МАЭ по регистрации и выставлению коллекций и в январе 1915 г. стал заведующим этим Отделением[11].

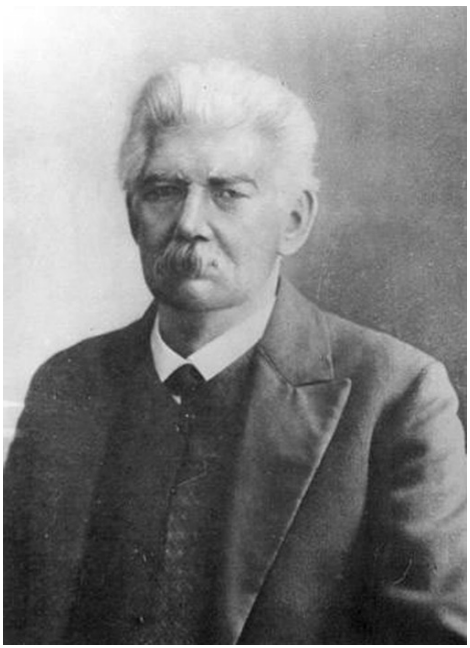
МАЭ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ И КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

Эти меры позволили МАЭ объединить широкий круг лиц, практически занимающихся этнографией, археологией, антропологией. Скудный бюджет и огромный объём текущей работы не позволяли малочисленному штату музея вести длительные полевые исследования. Штатные и приглашённые «по вольному найму» сотрудники МАЭ занимались разборкой и регистрацией старых и вновь поступающих экспонатов, разрабатывали новые музейные и экспедиционные проекты. Они сумели превратить МАЭ в методический и консультационный центр, к которому отечественные специалисты и любители обращались по разным вопросам (атрибуция находок, методика сбора коллекций, разработка проектов и программ, устройство музеев на местах и т. п.).

МАЭ с согласия ИФО ИАН высылал в провинциальные музеи и учебные заведения академические издания. Особым спросом пользовались путеводители по экспозициям (издававшиеся с 1891 г.), «Сборники Музея Антропологии и Этнографии» (это издание выходит с 1900 г.) и др. Постепенно росло число заявок на изготовление копий с экспонатов МАЭ и даже на передачу экспонатов из его дублетных коллекций в местные и общественные музеи. В МАЭ начинается производство реплик – спрос на первобытные предметы заметно усилился с 1908 г.

Предпринятые В. В. Радловым меры по устройству музея и организации сбора коллекций в поле дали результаты[12]. Об этом он докладывал ИФО ИАН 5 сентября 1901 г., подчёркивая *«то обстоятельство, что Музей с каждым годом более и более посещается учениками и ученицами средних и низших учебных заведений под руководством своих наставников и наставниц, и что при настоящем преобразовании средних школ, где отечествоведению будет отведено одна из главных ролей, Музей по Антропологии и Этнографии должен будет позаботиться об увеличении своих коллекций, в особенности по этнографии России, в каковом отделе более всего ощутительны пробелы»,* и просил распространить на МАЭ *«права, подобно Азиатскому музею (утверждённый 2 июня 1899 г. штат) обращать остатки от сумм, отпускаемых на пополнение коллекций и на учёные командировки (4750 р.) в специальные средства Музея по*

Антропологии и Этнографии»[13]. В 1908 г. И. Т. Савенков, заведующий Минусинским Городским Мартьяновским музеем, возбудил ходатайство о принятии этого музея под покровительство ИАН[14]. По поручению Непременного Секретаря ИАН С. Ф. Ольденбурга Комиссия директоров академических музеев – Ф. Н. Чернышёв (председатель), В. В. Радлов, И. П. Бородин, Н. В. Насонов, В. И. Вернадский – рассматривала этот вопрос. 3 апреля 1913 г. Комиссия заключила, что богатые материалы Минусинского музея имеют огромное культурное значение в богатом, обширном и быстро развивающемся крае, важны для отечественных и зарубежных учёных, и постановила поддерживать ходатайство о дополнительных средствах (2 тыс. руб.), помимо внесённых в смету Министерством внутренних дел 1500 руб., для энергичного развития и преуспеяния музея. ИФО ИАН согласилось предварительно рассматривать кандидатуру заведующего музеем, помогать составлять планы его работы, давать поручения экспедициям музея, рассматривать отчёты, принимать материалы, требующие специальной обработки и, по возможности, оказывать содействие их научным исследованиям, при этом Минусинскому музею возвращаются дублеты обработанных коллекций[15].



Академик Василий Васильевич Радлов (настоящее имя *Вильгельм Фридрих Радлов*) (5 (17) января 1837 — 12 мая 1918)

В 1909 г. сотрудники МАЭ разработали проект положения и штатов для Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки[16].

Опыт МАЭ в области сбора, регистрации, экспонирования, управления коллекциями, подготовки персонала и прочего изучался и применялся другими музеями России. Сотрудники МАЭ инструктировали каждого своего корреспондента, консультировали коллекторов устно и письмами. Наконец, 24 февраля 1916 г. В. В. Радлов представил на утверждение ИФО инструкцию для регистрации коллекций, разработанную на основе принятой в музее системе регистрации. Она была напечатана в приложении к протоколу заседания ИФО ИАН и отдельной брошюрой тиражом в 100 экземпляров[17]. Эта инструкция была реализована и во многих провинциальных музеях.

Археологи применяли полученные в МАЭ знания и опыт в других городах и музеях. Служивший при МАЭ по вольному найму с 1 сентября 1913 г. Бернгард Эдуардович Петри был зачислен на службу в МАЭ с 10 сентября 1914 г. на должность сверхштатного младшего этнографа[18]. В 1916 г. он был прикомандирован к специальной экспедиции, снаряжённой Байкальской комиссией при ИАН для обследова-

ния озера Байкал, в том числе в археологическом отношении[19]. Командированный в 1918 г. в Иркутскую губернию Б. Э. Петри не смог вернуться в Петроград в годы разрухи; он собрал в Иркутском университете кружок из сотрудников и слушателей, сумел снарядить экспедицию для исследования Иркутской губернии в этнографическом и археологическом отношениях[20], организовал Областной музей народоведения «по образцу академического» и также Кабинет археологии и этнографии при Иркутском университете[21].

Экспонирование археологических коллекций

Уже в первых экспозициях МАЭ для некоторых археологических древностей нашлось место в отделениях физической антропологии и общей этнографии. Но выставочные площади МАЭ были весьма малы, возможности выделить специальную комнату для работы с вещами не было. В 1903 г., когда музей после реконструкции был открыт для публики, археологические и антропологические коллекции оставались доступны только для специалистов[22].

В 1904 г. выбранная III Отделением ИАН Комиссия в составе академиков В. В. Радлова, В. В. Латышева и С. Ф. Ольденбурга обсудила вопросы, возбуждённые в письме великого князя Георгия Михайловича касательно разграничения в будущем сфер деятельности Этнографического отдела Музея императора Александра III и состоящего при ИАН Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого, и постановила, что в своей деятельности они должны идти параллельно друг другу и чем возможно оказывать друг другу взаимно содействие. *«Академический музей по важнейшим отраслям этнографии может служить лабораторией для самостоятельных научных исследований, ограничивает собираемые им объекты исключительно по степени их важности для истории эволюции культуры»*[23]. Поэтому в МАЭ собирали образцы археологии доисторической и исторической, демонстрирующие развитие общечеловеческой культуры.

Археологи поддерживали политику музея. Так, директор Школы Императорского Общества поощрения художеств Н. К. Рерих 24 декабря 1909 г. ответил В. В. Радлову: *«Вследствие Вашего письма ещё раз подтверждаю Вам моё согласие выставить мои собрания по каменному веку в Музей Императорской Академии наук. Пользуюсь случаем ещё раз приветствовать Ваши высокоценные труды по расширению такого замечательного хранилища, каким является, благодаря Вашему руководству, Музей Императорской Академии наук. Прошу принять чувства моего искреннего почтения и уважения.* ***Н. Рерих****»*[24].

Напомним, что ещё в 1907 г. археолог А. А. Спицын передал в дар МАЭ три предмета *«из коллекции художника Рёриха»* из раскопок в Новгородской губернии (осколки керамики из кургана). Они составили коллекцию МАЭ № 1183, зарегистрированную Б. Ф. Адлером в 1907 г.

Первая собственно археологическая экспозиция 1912 г. строилась по коллекционному принципу и включала западноевропейские артефакты, подобранные согласно классификации археологических культур, и аналоги, открытые на территории России и, что особенно важно, в Сибири. Б. Э. Петри, сын старейшей сотруд-

ницы МАЭ Е. Л. Петри, со студенческих времён участвовал в археолого-этнографических экспедициях. Поступив на службу в МАЭ, составил в 1914 г. «Путеводитель» («Археология»: этаж III, зал 5), который вышел из печати в сентябре 1916 г. тиражом 100 экз.[25] Подробно сообщалось, кто из специалистов обнаружил стоянку и произвёл раскопки, кто определял и классифицировал находки (с указанием важнейших выводов), кто готовил вещи к экспонированию; приводились выходные данные публикаций.

В 1914 г. коллекций было собрано много, и В. В. Радлов планировал значительно расширить музей. В переданное под экспозиции МАЭ в 1913 г. здание Кунсткамеры (после выезда оттуда Библиотеки Академии наук) предстояло перевести к 1917 г. часть отделов, в том числе антропологии и археологии, изготовить для них новые шкафы и витрины. Переезд состоялся в 1924 г. В это время ОДА и отдел древностей Восточного и Западного Туркестана составили Археологическое отделение МАЭ, для его экспозиции был выделен весь третий этаж расширенного музея[26]. МАЭ РАН ставил своей задачей представить эволюцию человечества в соматико-антропологическом и культурном отношении, начиная с самой глубокой древности вплоть до новейшего периода европейской цивилизации[27]. На базе комплекса археологических и этнографических коллекций планировалось подготовить новый Отдел эволюции и типологии культуры.

Начало экспедиционных исследований МАЭ: роль Попечительного совета

Арт-дилеры предлагали МАЭ покупать у них археологические коллекции. Многие учёные присылали вещи в дар ИАН из-за рубежа. Так, в 1900 г. британский исследователь Генри Сетон-Карр послал в МАЭ ящик с египетскими и сомалийскими археологическими предметами[28]; в 1925 г. они были выставлены в Археологическом отделении в отдельной витрине № 77 с надписью: «Египетская коллекция, представленная г-ном Сетон-Карром», с соответствующим текстом в «Путеводителе» по Археологическому отделению, о чём дарителю сообщалось специальным благодарственным письмом[29].

Помещений не хватало ни для экспонирования, ни для хранения, ни для распаковки предметов. Собирателям приходилось обрабатывать свои коллекции за пределами МАЭ. Так, И. Т. Савенков в 1902 г. с этой целью забрал на время свои материалы по первобытной археологии Восточной Сибири в Российский Исторический музей в Москву, и МАЭ в 1903 г. выделил ему для работы с коллекциями дополнительное помещение[30].

С 1906 г. В. В. Радлов добивался устройства Попечительных советов для публичных музеев ИАН, и на пожертвования попечителей впоследствии удалось наладить покупку коллекций, оплату труда коллекторов и отправку экспедиций.

До 1907 г. МАЭ не организовывал самостоятельных экспедиций, хотя директор понимал, что это – единственная рациональная форма собирательства. Во многом изменило ситуацию создание Попечительского совета музея в 1909 г. На пожертвование первого его почётного члена Ф. Ю. Шотлендера был надстроен и оборудован третий этаж для вновь созданного Памятного Отдела императора Петра Вели-

кого. Новые площади позволили показать весь спектр коллекций, которые прошли регистрацию в МАЭ.

Двенадцатого июня 1913 г. членом Попечительного совета МАЭ был избран Э. Л. Нобель. Он финансировал масштабные проекты МАЭ, в том числе покупку крупных коллекций, отправку экспедиционных отрядов на длительный срок. В частности, от Товарищества нефтяного производства братьев Нобель помощь на раскопки, соответственно, под Красноярском и под Астраханью, получили археологи И. Т. Савенков и Туре Арне (Ture Johnsson Arne) – хранитель Археологического музея в Стокгольме[31].

ИАН поддерживала усилия академических музеев по расширению масштаба экспедиционных исследований. Конференция ИФО предоставила директорам музеев право инициативы в деле сборов коллекций, выдачи Открытых листов командированным[32]. Были подтверждены условия применения на казённых железных дорогах льготного тарифа № 27 1904 г., установленного на перевозку коллекций для музеев при Академии наук: коллекции должны быть адресованы на имя Правления ИАН[33]. Решением Государственного Совета от 22 апреля 1906 г. посылки весом до одного пуда и закрытые письма до одного фунта, адресованные на имя ИАН и её учреждений, принимались на почту без оплаты веса сбором. Грузы доставлялись в МАЭ на судах Добровольного и других флотов с оплатой по льготному тарифу. Проезд лиц, снабжённых командировочным листом, по предварительной договорённости осуществлялся бесплатно. Эти меры способствовали активизации собирательской деятельности в поле.

Выдача Открытых листов

МАЭ работал в сотрудничестве с ИАК и Петербургским Археологическим институтом. Археологический институт (1877–1923) был основан в 1877 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Н. В. Калачова, ставшего его первым директором. Он создавался как научно-учебное учреждение для подготовки археологов и архивистов. Слушатели (лица с высшим образованием) изучали археологические дисциплины и вспомогательные исторические науки. До 1908 г. обучение прошли 1048 выпускников (действительных членов, окончивших два года курса, и членов-сотрудников – вольнослушателей), в 1910–1911 гг. – 526 слушателей и вольнослушателей. В 1898–1902 гг. среди его сотрудников был и Н. К. Рерих.

Императорская Археологическая комиссия была создана в 1859 г. Открытые листы, являвшиеся разрешением на археологические раскопки и реставрационные работы, были кодифицированы в 1889 г.[34], а отчёты по ним в обязательном порядке требовалось сдавать в централизованный архив ИАК[35]. Подобные документы – пропуска (laissez passer) – выдавались разными ведомствами для командирования служащих для исполнения миссий в России и за рубежом, текст их варьировался. Научные общества могли ходатайствовать перед ИАК о получении некоего количества Открытых листов при условии предоставления научного отчёта и ископаемых вещей (по описям находок). Учреждение или общество несло нравственную ответ-

ственность за лицо, которому испрашивало Открытый лист. Срок авторского права для публикации результатов составлял пять лет[36].

С 1862 г. Открытые листы неоднократно получал сам В. В. Радлов, тогда преподаватель Барнаульского окружного училища, и вёл раскопки в Западной Сибири. С 1868 г. это право получил и Минусинский музей. Открытые листы от ИАК получали будущие сотрудники и корреспонденты МАЭ А. В. Адрианов, В. И. Анучин, Н. Ф. Арепьев, С. М. Дудин, П. П. Ефименко, А. А. Захаров, В. И. Каменский, Н. В. Кириллов, Д. А. Клеменц, Б. Э. Петри, В. В. Радлов, С. И. Руденко, И. Т. Савенков, А. В. Фрич, С. В. Широкогоров и другие. Многие археологи (и Н. К. Рерих в их числе) в течение десятилетий были связаны с музеем, их коллекции обрабатывались в МАЭ и передавались туда на хранение.

С 1895 г. ИФО ИАН много делало для принятия мер по сохранению памятников в Восточном Туркестане, тогда ИАК дала согласие на организацию археологических экспедиций в Центральной Азии под руководством В. В. Радлова, К. Г. Залемана и других учёных, содействовала раскопкам отечественных и зарубежных исследователей (Альберта Грюнведеля, Рафаэля Пампелли и др.).

С 1899 г. МАЭ включился в систему выдачи собственных Открытых листов. Получали их сотрудники музея, отправляемые в командировки, а также лица, работавшие на музей в России – собиравшие коллекции, делавшие рисунки и фотографировавшие типы, сцены, виды из народной жизни. Позже для работы за рубежом Открытые листы стали печатать как на русском, так и на иностранных языках (английском, французском).

С 1902 г. сотрудники, получившие Открытый лист, помогали в работе в России иностранным учёным, прежде всего, немецким, финским и шведским.

С 1906 г. МАЭ стал ходатайствовать об Открытых листах на проведение археологических раскопок. Первый получил студент Д. Т. Янович, командированный за счёт МАЭ на лето в Тверскую и Новгородскую губернии «для раскопок неолита, разведки, сбора этнографических коллекций», также ему выдано было 200 руб. из сумм МАЭ[37].

По ходатайству МАЭ ИАК в мае 1913 г. выдала Открытые листа на право производства в текущем году археологических раскопок И. Т. Савенкову и шведскому археологу Туре Арне[38].

Одни и те же лица – и любители древностей, и получившие специальное образование специалисты – в разные годы работали как по Открытым листам ИАК, так и по выданным от имени МАЭ. Судьба собранных ими конкретных коллекций требует изучения. Так, А. В. Адрианов оставил в Томском университете на хранение археологическую коллекцию, составленную им для МАЭ. В годы гражданской войны С. И. Руденко поручил С. А. Теплоухову её охрану, для чего от Академии наук из Петрограда было переведено по телеграфу 10 млн. руб. (по курсу 1922 г.)[39].

Межмузейное сотрудничество и обмен археологическими коллекциями

В 1907 г. В. В. Радлов писал, что современному музею, если он желает стоять на научной высоте, приходится не только беспрерывно увеличивать свой сравнительно-научный материал, черпая его иногда в самых отдалённых частях света, но

и быть постоянно готовым на значительные затраты (или даже жертвы), *«дабы спасти вовремя такой материал, который, будучи в данный момент упущен, может либо совсем погибнуть, либо попасть в руки коллекционеров или даже аферистов»*[40]. Одной из форм пополнения фондов был обмен коллекциями с зарубежными музеями.

В этот период были собраны коллекции и для межмузейного обмена. Запросы зарубежных музеев на археологические предметы из России в начале XX в. были весьма часты. Им требовались предметы каменного и бронзового века России, археологическая и этнографическая туркестанская керамика, антропологический материал. В начале 1906 г. в МАЭ поступила большая коллекция неолитической керамики из раскопок В. И. Каменского в Нижегородской губернии. Из дублетов формировались коллекции для обменов с музеями Западной Европы. МАЭ же требовались образцы доисторической археологии Скандинавии, которые предложил Археологический отдел Национального музея в Копенгагене (Дания)[41]. Обмен дублетами из коллекций В. И. Каменского был предложен музеям Мюнхена, Вены, Рима, Флоренции, Парижа, Нью-Йорка, Сантьяго-де-Чили, Буэнос-Айреса и др.

Для МАЭ заказывались муляжи каменных орудий во Франции (фирме Ch. Schleiher, Сен-Жерменскому Музею) и Германии (Dr. F. Krantz). В самом МАЭ с 1900 г. также наладили формовку и отливку гипсовых копий и реплик – этнографических экспонатов, антропологических бюстов, археологических предметов (каменных орудий, черепков, надписей и пр.). Муляжи по истории первобытной культуры заказали в МАЭ Пермский Научно-Промышленный музей, Антропологический кабинет Императорского Санкт-Петербургского университета, Императорский Российский Исторический музей императора Александра III в Москве, восьмиклассное коммерческое училище Н. Н. Алафузовой (г. Вятка) и др.

По мере расширения масштабов и объёмов собирательской работы ужесточались меры регулирования прав директоров академических музеев и компетенция Конференции ИАН при решении вопросов о возможности заключения учёными учреждениями соглашений с частными предпринимателями. Опыт показал, что такое сотрудничество было чревато серьёзными юридическими и этическими проблемами. С 1912 г. устройство экспедиций совместно с частным капиталом рассматривалось руководством ИАН как мера исключительная и дозволялось с ведома Общего собрания и соответствующего Отделения ИАН[42]. Музеям было рекомендовано приступить к составлению фонда материала для обмена с другими музеями, и о каждом случае обмена полагалось особо докладывать Конференции[43].

Российско-шведское сотрудничество в области археологии

В начале XX века петербургский Музей антропологии и этнографии установил дружеские отношения с музеями Стокгольма и оказывал помощь шведским этнографам и археологам. Этот эпизод истории МАЭ пока изучен недостаточно. Документы Санкт-Петербургского филиала архива РАН, а также документы при коллекционных описях МАЭ проливают некоторый свет на роль музея в организации

серии полевых исследований, в том числе археологических. Их итоги имели первостепенное значение для развития исторических наук.

Первый директор (1900) Этнографического отдела Национального музея Стокгольма Яльмар Столпе (Hjälmar Stolpe; 1841—1905) начал серию контактов с другими музеями мира. С 1891 г. началась его научная переписка с МАЭ.

До 1914 г. сотрудники МАЭ неоднократно посещали Стокгольм (Б. Ф. Адлер, В. В. Радлов, Л. Я. Штернберг). В 1907 г. В. В. Радлов, Н. И. Воробьёв и С. М. Дудин посетили вместе Стокгольм. Они изучили приёмы экспонирования, зарисовали витрины в Nordiska Museet[44], договорились об отмене публикациями.

Первыми иностранцами, которые получили Открытый лист по ходатайству МАЭ, были шведские учёные. Доктор Б. Салин (Dr. B. Salin), директор Северного музея в Стокгольме, в 1908 г. обратился к В. В. Радлову с просьбой о снабжении Открытым листом от Академии ассистента Музея естественной истории в Стокгольме Густава Хальстрёма (Gustav Hallström), предпринимающего путешествие по Лапландии, Архангельской и Вологодской губерниям для археологических и этнографических целей. 21 мая 1908 г. академик В. В. Радлов просил ИФО ИАН, *«принимая во внимание постоянную предупредительность Стокгольмских музеев в сношениях с академическими музеями, удовлетворить просьбу д-ра Салина о выдаче Открытого Листа г. Гальстрему и уведомить Архангельского и Вологодского губернаторов о желательном содействии означенному лицу. Положено: сообщить в Правление* [ИАН. – *Е. С.*] *для распоряжения и просить губернаторов о содействии»*[45]. 21 мая 1908 г. были выданы два Открытых листа № 56 и № 57 на производство в 1908 г. археологических раскопок члену-сотруднику Императорского Археологического института В. И. Каменскому – в Костромской губернии, Г. Хальстрёму – в Архангельской и Вологодской губерниях. Департамент общих дел Министерства внутренних дел препроводил 16 июня 1908 г. удостоверение за № 12988 на имя Г. Хальстрёма, которое было передано по принадлежности 26 июня 1908 г.[46]

Густав Хальстрём (1880—1962), археолог и антропогеограф, во время своих путешествий по Европейскому Северу в 1907–1926 гг. сделал более 10 тыс. фотографий. МАЭ получил в мае 1908 г. от него две фотографии шаманского лапландского бубна (вид спереди и сзади). Коллекция МАЭ № 1289 зарегистрирована К. В. Щенниковым 20 апреля 1909 г. Сам бубен пополнил собрание стокгольмского Этнографического музея.

На новую просьбу выдать Открытый лист ИАК ответила МАЭ, что Открытый лист д-ру Хальстрёму на 1909 г. может быть выдан лишь по представлении им отчёта и вещей из раскопок по прошлогоднему Открытому листу, с возвращением самого листа (от 24 мая 1908 г. № 866)[47]. Второго июня 1910 г. Г. Хальстрёму был выдан Открытый лист № 1097 на раскопки в пределах Архангельской и Олонецкой губернии[48]. В 1910 г. Г. Хальстрём стал первооткрывателем петроглифов на Онежском озере («Бесов нос»). Краткие сведения о поездке, фотографии находок, местностей сданы им в ИАК.

Двадцатого марта 1912 г. МАЭ ответил на запрос ИАК от 30 января 1912 г. № 236: *«Вследствие смерти* [13 января 1912 г. – *Е. С.*] *члена-сотрудника Импера-*

торского Археологического Института Владимира Ивановича Каменского, разыскать выданный ему в 1908 г. Открытый лист до сих пор не удалось»[49]. В 1910 г. Открытый лист № 790, выданный В. И. Каменскому, возвратили. К доктору же Г. Хальстрёму В. В. Радлов 8/21 марта 1912 г. отправил письмо с просьбой возвратить по требованию ИАК Открытый лист и прислать отчёт о его деятельности, которые по получении будут препровождены по назначению[50].

Старший этнограф МАЭ Лев Яковлевич Штернберг в 1909–1916 гг. вёл интенсивную переписку (на английском и немецком языках) с Карлом Вильгельмом Хартманом, главным хранителем, затем – директором Этнографического отдела Королевского Музея естественной истории (Etnografiska Afdelningen Naturhistoriska Riksmuseet) в Стокгольме. Он также переписывался с Й. Стадлингом (Mr. J. Stadling), Г. Хальстрёмом (Dr. G. Hallström), Т. Арне (T. J. Arne), профессором Уппсальского университета К. Б. Виклундом (Prof. Dr. K. B. Wiklund) и др.

Второго августа 1911 г. К. В. Хартманн писал Л. Я. Штернбергу, что «Арне и Альмгрен едут на Археологический конгресс в Новгород и, возможно, посетят Ваш музей по пути»[51]. МАЭ оказал серьёзную помощь молодому учёному Туре Арне (1879—1968), выпускнику Уппсальского университета, сотруднику Государственного Исторического музея (Statens Historiska Museum) Швеции, в изучении культурных контактов викингов со странами Востока. Рассмотрим подробнее некоторые архивные материалы по данному сюжету.

В поисках варяжской Руси

В 1911 г. Туре Арне, Оскар Альмгрен и Густав Хальстрём участвовали в работе XV Археологического съезда в Новгороде. Т. Арне выступил там с докладами «Сношения Швеции с Россией в эпоху викингов по свидетельствам археологии» и «Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью», передал в Новгородское общество любителей древности фотокопии трёх планов Новгорода 1611 г. из Королевского военного архива в Стокгольме, которые являются самыми древними из известных иностранных планов Новгорода, и был избран членом этого общества.

В конце 1912 г. Туре Арне вместе с женой Идой отправился в исследовательскую поездку по России для изучения археологических памятников. За 15 месяцев он осмотрел Михайловский могильник в Ярославской губернии, побывал в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ольвии, Саратове, Астрахани. Согласно визитной карточке, датированной 13 декабря 1912 г.: *«д-р Туре Иванович Арне, хранитель Археологического Музея в Стокгольме»*. Санкт-Петербургское Шведское общество (располагавшееся в нашем городе по адресу: Невский проспект, д. 24) дало ему рекомендацию в различные города европейской и азиатской России для археологических и архивных изысканий[52].

Пятого февраля 1913 г. Б. Э. Петри отправил доктору Т. Арне в Стокгольм письмо при коллекции керамики из раскопок В. И. Каменского[53]. Четвёртого марта 1913 г. доктор Т. Арне писал из Москвы о возможности работы по археологии России[54].

Директор МАЭ академик В. В. Радлов 1 мая 1913 г. обратился в ИАК: *«Командируя д-ра Туре Ивановича Арне для археологических раскопок некоторых курганов в губерниях: Астраханской (местность Шареный Бугор), Вятской (Глазовский уезд, с. Полом), Ярославской (ок. Михайловского, в 5 верстах от Ярославля), Олонецкой (по р. Свири), Петербургской (Ново-Ладожский уезд), имеет честь обратиться к Археологической комиссии с покорнейшей просьбой не отказать в выдаче Открытого листа на имя г. Арне для производства раскопок в указанных местностях и в присылке означенного листа в Музей»*[55]. Одиннадцатого мая 1913 г. ИАК препроводила в МАЭ два Открытых листа на право производства Т. Арне и И. Т. Савенковым в текущем году археологических раскопок[56].

Туре Иванович Арне (Ture Johnsson Arne) (7 мая 1879 — 2 августа 1965)

Судя по письмам Т. Арне от 29 мая, 20 и 29 июня 1913 г., он в это время находился в Киеве[57]. В. В. Радлов телеграфировал ему 26 июля 1913 г. в Киев в гостиницу «Европейская»: «Можете получить Открытый лист»[58].

Девятого декабря 1913 г. Товарищество нефтяного производства братьев Нобель в городе Астрахань уведомило В. В. Радлова, что *«по просьбе г-на Д-ра Т. Арне из Стокгольма, имеем честь препроводить при сем дубликат накладной ж/д за № 009499 на отправленные вещи, найденные им при раскопках недалеко от Астрахани»*[59]. Пятого ноября 1913 г. из пятисотрублёвого аванса МАЭ за доставку коллекции Арне по накладной было заплачено 8 руб. 7 коп.[60]

Шестого декабря 1913 г. Л. Я. Штернберг информировал Т. Арне, что директор Херсонского музея Виктор Иванович Гошкевич предлагает ему участвовать в его раскопках[61]. Другим письмом Т. Арне поздравлял Л. Я. Штернберга с Новым 1914-м годом[62]. В 1914 г. Т. Арне выпустил книгу «Швеция и Восток», в которой разработал концепцию норманнизма в археологии. Он считал, что государство, основанное норманнами в Восточной Европе, было частью Великой Швеции.

Часть археологических материалов была временно увезена Т. Арне в Швецию для обработки. Об их судьбе МАЭ докладывал в ИАК 8 мая 1915 г.*: «Раскопочный материал (1 ящик), присланный г-м Арне, с просьбой не вскрывать без него, хранится в Музее. Предполагаемый приезд его в текущем году для разборки материала не состоялся. О сделанном ныне Императорской Академией наук запросе одновременно с сим г-н Арне оповещён»*[63]. Двенадцатого мая 1916 г. в Стокгольм было отправлено письмо: *«Милостивый Государь Туре Иванович, Императорская Археологическая Комиссия отношением от 4 с[его] Мая обратилась во вверенный мне Музей с просьбой доставить ей отчёт о произведённых вами с разрешения Императорской Археологической*

Комиссии в 1913 г. по ходатайству Музея раскопках в Астраханской, Вятской, Ярославской, Олонецкой и Петроградской губерниях. Так как Музей до сих пор ещё не получил означенный отчёт, то покорнейше прошу доставить таковый в Музей вместе с открытым листом Императорской Археологической Комиссии, посланного Вам 5 июня 1913 г., в возможно скором времени для препровождения в Археологическую Комиссию. Вместе с тем Музею желательно было бы знать о судьбе раскопочного материала, временно увезённого Вами в Швецию для разработки. С совершенным почтением Директор действительный тайный советник академик ***В. В. Радлов****»*[64].

В МАЭ РАН зарегистрирована археологическая коллекция № 2693 от д-ра Т. Арне, получившего Открытый лист от МАЭ в 1913 г. (командировка от МАЭ в Ярославскую губернию, с. Михайловское). Могильный инвентарь (94 №, 94 пр.) зарегистрировал В. В. Лемешевский в 1918 г. При описи хранится два письма на французском языке, отчёт о раскопках 18 курганов 12–18 августа 1913 г. (русский текст, кальки с рисунками). Коллекция использована в публикации «Ярославское Поволжье X–XI вв.» (М., 1963) и книге И. В. Дубова «Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья» (М., 1982).

Приведём письма Т. Арне в МАЭ[65].

Стокгольм
31 июля 1915 г.[66]

Господин директор,

Я имею честь отправить Вам в этом письме описание части моих раскопок в России летом 1913 г. В ноябре (27-го) того же года я вернулся в Стокгольм и собирался привезти результаты моих раскопок в Петроград через год по случаю Археологического съезда в Пскове. К сожалению, из этого ничего не вышло, так как с начала войны почта работала плохо, и я предпочёл оставить мои записи здесь в напрасной надежде скоро возобновить археологические исследования в России и привезти их лично.

Благодаря Вашему посредничеству я смог проводить раскопки в Вятской, Олонецкой, Ярославской и Астраханской губерниях. Недостаток времени не позволил мне провести раскопки в первых двух. Поэтому я работал только в Астраханской и Ярославской губерниях. В этом письме Вы найдёте описание раскопок в Ярославской губернии. Как только я буду убеждён, что это письмо было получено, я также отправлю описание раскопок в Шареном Бугре около Астрахани и небольшие предметы из бронзы, найденные в Михайловском и ещё не переданные музею Академии. В этом описании Вы не найдёте предметов, которые уже отправлены в Петроград, например, надгробия 1.

Раскопки недалеко от Астрахани принесли мало результатов. Господин Спицын говорил, что в XIII–XIV вв. здесь находилось татарское поселение. Я надеялся отыскать следы хазарского города Итиль, но мне это не удалось. Все предметы, найденные в раскопках, были отправлены в Петроград, в Ваш музей. Я сохранил у себя лишь несколько татарских монет, купленных у крестьянина.

Я также вышлю Вам некоторые фотографии. Этим летом господин Хальстрём проводил раскопки в жилище эпохи каменного века и обнаружил значительное

количество керамики, которая будет отправлена Вам в ответ на переданную в прошлом году нашему музею керамику из Балахны.

В прошлом году и этим летом я был мобилизован на три месяца, что также повлияло на позднее получение этих записей.

Желаю Вам крепкого здоровья.

Прошу принять уверения в моём искреннем почтении.

Т. Й. Арне.

Стокгольм,
2 апреля 1917 г.[67]

Его Превосходительству В. В. Радлову, Петроград.

Я имею честь рекомендовать Вам молодого гражданина Швеции, кандидата филологических наук, господина Люнгдала, у которого есть желание изучать собрания древности Музея Академии наук. В то же время, я направляю Вам результаты моих раскопок в Михайловском, Ярославская губерния. В 1915 г. я Вам отправил описание раскопок, но я предпочёл не отправлять с почтой небольшие предметы, которые могут легко потеряться. Что же касается моих раскопок в Карантинном Астраханской губернии, то результаты находятся уже в Академии наук. Я с удовольствием отправлю Вам моё описание, которое я не решился выслать, потому что мне кажется, что мои письма не доходят, во всяком случае, я не получил ответа[68].

К сожалению, я не мог воспользоваться возможностью начать раскопки в Олонецкой и Вятской губерниях, надеюсь, что после этой войны у меня появится возможность продолжить мои исследования доисторического прошлого России. Я прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять заверения в моём глубоком почтении, желаю Вам крепкого здоровья и счастья ещё долго служить Вашему дорогому музею.

Преданный Вам, *Туре Арне*.

Ещё несколько эпизодов российско-шведского межмузейного научного сотрудничества в начале XX века

За эти годы Т. Арне стал крупным специалистом по русской истории. В книге «Великая Свитйод» (1917) он писал о русско-шведских культурных связях с древнейших времён до XIX в. В мае 1924 г. было создано Шведско-русское культурное общество с центром в Стокгольме и филиалами по всей стране, его вице-председателем, а затем и председателем стал Т. И. Арне.

С 1923 г. стали восстанавливаться связи Академии наук с заграницей. В конце 1924 г. Л. Я. Штернберг был командирован для участия в XXI Конгрессе американистов в Гётеборге. В Стокгольме он провёл переговоры со Шведской Академией наук о получении для МАЭ собранных ещё до 1914 г. совместно с *Etnografisk Afdelningen Naturhistoriska Riksmuseum* коллекций из разных стран и произвёл отбор наиболее важных для музея объектов, отобрал в порядке обмена в Историческом отделе Национального музея большую археологическую коллекцию[69].

По возвращении он написал доктору Т. И. Арне и его супруге[70].

28 февраля 1925 г.

Мои дорогие господин и госпожа Арне.

Надеюсь, вы поверите, что я вам ранее не писал не потому, что мне нечего вспомнить. Ваше гостеприимство и ваша доброта ко мне за всё время в Стокгольме остаются и навсегда останутся в моей благодарной памяти. Не так давно я полностью оправился от моего нездоровья, которое за границей ухудшилось. Более того, нагрузка по работе накопилась за время моего отсутствия из Ленинграда, и множество других не очень приятных обстоятельств удерживали меня в настроении воздержания от писания писем, не очень приятных для друзей. Вот почему я молчал, хотя и «очень чувствовал»

Лев (Хаим-Лейб) Яковлевич Штернберг
(21 апреля (3 мая) 1861 — 14 августа 1927)

Ныне я в порядке и выполнил много сложных работ, и могу возобновить моё общение с друзьями. Сначала моя наибольшая благодарность за археологическую коллекцию. Мы ныне думаем о том, что выбрать для Вас в обмен. Литературу из Археологической комиссии, из Русского музея и нашего музея, я надеюсь, вы получили вовремя. Что касается научных новостей, то их не так много. Экспедиция Козлова привезла интересные экземпляры из могильников в Монголии, датируемых I в. н. э. или немного позже, включая удивительные истинные китайские предметы и прекрасные экземпляры эллинистического искусства, и, что весьма удивительно, палочки для добывания огня типа чукотских. – Эллинистические экземпляры имеют много общего со скифским искусством, особенно в орнаменте. Ныне, кажется, что даже китайский спиральный орнамент был внесён с запада. В районе Алтая обнаружены прекрасные экземпляры на кости или слоновой кости сассанидского типа. Находки в Южной России я не видел и не могу о них судить. В любом случае я не слышал ничего примечательного о них. – Очень немного сообщений было сделано по археологическим вопросам. <…> Вчера я сделал сообщение в Географическом обществе о том, что я видел в Швеции. Все здесь очень интересуются материалом Хальстрёма! Есть ли надежда, что их скоро опубликуют?

Моё письмо становится слишком длинным. Вновь прошу не поминать меня как неблагодарное существо, не помнящее добрых друзей. Мои наилучшие пожелания доктору Хальстрёму и доктору Клейну. Если Вас не затруднит, прошу черкнуть иногда пару строк о том, как вы и как у Вас дела! Ваш благодарный друг

[Л. Я. Штернберг].

В 1926 г. Т. Арне посетил СССР и принял участие в археологической конференции в Керчи, в 1928 г. он посетил Ленинград, Москву, Киев, Чернигов и описал свои впечатления в книге «Современная Россия» (1929), в 1929 г. – Среднюю Азию.

14 августа 1927 г. скончался Л. Я. Штернберг, переписка прервалась, межмузейный обмен приостановился. В конце 1920-х гг. на территории СССР полевые экспедиционные исследования для иностранных учёных были уже практически невозможны.

* * *

Как видим, археологическое собрание МАЭ в конце XIX – начале XX в. целенаправленно пополнялось из разных источников. Академия наук, научные общества и комитеты, университеты, музеи и другие учреждения нередко совместно организовывали и финансировали научные экспедиции, в том числе археологические. Находки распределялись между организациями-участниками исследований. Межмузейное сотрудничество в начале XX в. протекало в самых разных формах и дало положительные результаты. Полевые экспедиционные исследования разворачивались как на территории России, так и за рубежом. Показателен пример российско-шведского сотрудничества, в результате которого ведущие музеи этих стран пополнили свои фонды, а специалисты получили доступ к уникальным материалам.

Организационные усилия дирекции МАЭ по развёртыванию этнографических, археологических, антропологических исследований встречали положительный отклик на местах. К систематическому изучению России были привлечены новые кадры, мотивацию которых усиливала возможность показать и опубликовать свои материалы в изданиях Академии наук. Поддержка государства, продуманная система вознаграждений и поощрений, льготного проезда экспедиций и транспортировки грузов также способствовали пополнению фондов академических музеев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – *СПбФА РАН*). Ф. 2. Оп. 1 (1878). Ед. хр. 6. Л. 3.
[2] *Там же.* – Л. 6.
[3] *Там же.* – Л. 33об.
[4] СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1894). Ед. хр. 24. Л. 2–3 об.
[5] СПбФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 92–93 об.
[6] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 2 (1909). Ед. хр. 26. Л. 38.
[7] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 66. Л. 251.
[8] СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1914). Ед. хр. 8. Л. 2.
[9] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1912). Ед. хр. 159. Л. 343.
[10] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 632. Л. 51–52 об.
[11] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 5354. Л. 3 об. – 4.
[12] См.: *Попова Т. А.* Археологическое собрание Кунсткамеры и его шедевры // Курьер Петровской Кунсткамеры. – Вып. 4–5. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 229–238.
[13] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901). Ед. хр. 86. Л. 1.

[14] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1910). Ед. хр. 157. Л. 53.
[15] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1913). Ед. хр. 160. Л. 31.
[16] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1909). Ед. хр. 156. Л. 50 об.
[17] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1916). Ед. хр. 163. Л. 390–393 об.
[18] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 445. Л. 33.
[19] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1916). Ед. хр. 163. Л. 419 об.
[20] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1921). Ед. хр. 3. Л. 107–108.
[21] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1920). Ед. хр. 2. Л. 48, 51 об.
[22] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 55. Л. 1.
[23] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 55. Л. 15.
[24] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 57. Л. 154.
[25] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1914). Ед. хр. 161. Л. 445 об.
[26] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1922). Ед. хр. 5. Л. 9.
[27] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 5. Л. 68–78.
[28] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 50. Л. 230.
[29] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 8. Л. 60.
[30] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 51. Л. 104, 133.
[31] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 65. Л. 157.
[32] СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1910). Ед. хр. 54. Л. 37.
[33] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Ед. хр. 95. Л. 2 об.
[34] *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской Империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: ИА РАН, 2011. – С. 91.
[35] Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – С. 21.
[36] *Там же*. – С. 121.
[37] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 59. Л. 65.
[38] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 65. Л. 157.
[39] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1922). Ед. хр. 170. Л. 203.
[40] СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а – (1907). Ед. хр. 154. Л. 34.
[41] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 59. Л. 50 – 50 об.
[42] СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1912). Ед. хр. 8. Л. 38 об. – 39.
[43] СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1912). Ед. хр. 8. Л. 66.
[44] Северный музей (также Скандинавский музей, Музей Северных стран) – музей шведской культуры и этнографии, расположенный на острове Юргорден в Стокгольме.
[45] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Ед. хр. 72. Л. 46 – 46 об.
[46] *Там же*. – Л. 49, 50.
[47] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 57. Л. 144.
[48] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 56. Л. 387 об.
[49] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 202.
[50] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 199.
[51] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 62. Л. 109.
[52] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 339.
[53] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 385.
[54] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. (до 1918). Ед. х. 65. Л. 101–102, 118–119.
[55] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 492.
[56] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 65. Л. 157.

[57] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 65. Л. 171, 201 – 202 об., 209.
[58] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 64. Л. 238.
[59] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 65. Л. 304.
[60] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 2 (1913). Ед. хр. 26. Л. 254 об.
[61] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 422.
[62] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 67. Л. 9.
[63] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 69. Л. 111.
[64] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 69. Л. 113.
[65] На бланке *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien / Statens Historiska Museum och Kungl. Myntkabinettet*. Пер. с франц. И. В. Гребенщикова.
[66] Коллекционная опись МАЭ № 2693. С. 30.
[67] Коллекционная опись МАЭ № 2693. С. 27–29.
[68] Здесь помета карандашом: *Письмо это не было получено*.
[69] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 5. Л. 148.
[70] СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 7. Л. 30. На бланке *Academie des Sciences de Russie, Leningrad*. Пер. с англ. Е. С. Соболевой.

II. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ВЫСОКОГО РУССКОГО СТИЛЯ

В. А. БУЛКИН
(Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург)

ЗАМЕТКИ О НАЦИОНАЛЬНОМ СТИЛЕ В АРХИТЕКТУРЕ

В XIX – начале XX в. проблемы «национального стиля» активно обсуждались учёными и архитекторами. После революции эта тема для архитекторов-практиков по известным причинам была закрыта. После возобновления храмового строительства в конце XX в. прежние темы и проблемы, связанные с «национальным стилем», обрели новую актуальность. Мои заметки о некоторых из них.

1. Формирование «национального стиля» началось в 30–40-е гг. XIX в. и происходило в условиях обострённого интереса русского образованного общества к особенностям отечественной средневековой культуры. Правительственная установка на «православие, самодержавие, народность» санкционировала этот процесс и способствовала его успешной реализации. Обращение к древнерусской архитектуре как средству обновления исчерпавшего себя классицизма было явлением перспективным и многообещающим. Обнадёживали и первые опыты К. А. Тона, В. П. Стасова, Н. Е. Ефимова и других зодчих второй четверти – середины XIX в.

2. Сложности обращения к древнерусскому источнику образов, принципов и форм осознавались постепенно и весьма отчётливо отразились в архитектурной практике и теоретических суждениях исследователей второй половины XIX – начала XX в.

Целый ряд обстоятельств историко-архитектурного характера определяли своеобразие ситуации, в которой началось и развивалось национальное направление в зодчестве. Судьбы древнерусской архитектуры свершались в начале XVIII в., в дальнейшем происходил лишь распад и затухание традиции. Полное торжество европейских начал в архитектуре и забвение отечественных относится как раз к тридцатым годам XIX в., когда волею обстоятельств, в основном внехудожественного порядка, был реанимирован «русско-византийский стиль».

3. Продолжать процесс развития архитектуры, оборванный в начале XVIII в., было невозможно, такая задача не ставилась, да и не могла ставиться. Органическое развитие архитектуры было прервано навсегда. Зодчество XI–XVII вв. стало своего рода резервуаром, откуда волею заказчика или зодчего можно было извлекать образы и формы по собственной прихоти и формировать их в любых сочетаниях.

Такая практика находилась в полном противоречии с древнерусской традицией. Известно, что татаро-монгольское нашествие было причиной почти полного прекращения строительной деятельности в середине – второй половине XIII в. Однако возобновление строительства в конце XIII – начале XIV в. в Новгороде, Пскове, Владимиро-Суздальской земле было обращением к прежней традиции и конкретно к образцам построек, которые были возведены перед самым нашествием.

Архитектор М. М. Перетяткович, при участии Н. В. Покровского и С. Н. Смирнова
Церковь Христа Спасителя в память Гефсиманского борения и святителя Николая Чудотворца («Спас-на-Водах»). Вид с Невы. Санкт-Петербург. 1910-е

Иная ситуация возникла в начале XIX в. XVIII в. был временем торжества европеизма в образованных слоях общества, понимание архитектуры и её содержание стало иным, изменились запросы заказчиков, изменился образ мыслей и образование архитекторов, новый облик обрели города, эволюционировали строительные материалы и техника. Древнерусское архитектурное наследие оказалось лицом к лицу с новой градостроительной ситуацией, в которой торжествовали совсем иные принципы, типы зданий, техника и стилистика. В первую очередь это касалось Санкт-Петербурга, но и другие города существенно изменились во второй половине XVIII – начале XIX в. Своё ярко выраженное национальное в образах и формах архитектуры приходилось в этих условиях осваивать почти как чужое.

4. Негативное влияние на развитие «национального стиля» оказывало отсутствие науки о древнерусском зодчестве. Не было представления об основных этапах развития архитектуры XI–XVII вв., своеобразии ключевых памятников. Даже Н. М. Карамзин называл церковь Покрова на Рву (собор Василия Блаженного) «готическим». Самые смутные представления имелись о зодчестве домонгольской поры, памятниках XIV–XV вв. Первая «История русской архитектуры» А. М. Павлинова появилась только в 1894 г., издание многотомной «Истории русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря завершено не было. Новое направление в архитектуре и наука о древнерусском зодчестве развивались параллельно, но с явным опережением архитектурной практики. Показательно, что освоение наследия началось и долгое время продолжалось с обращения к образцам XVI–XVII вв., то есть постройкам позднего средневековья. Успехи исторической науки и реставрации памятников древнего зодчества лишь к началу XX в. открыли строителям архитектуру домонгольской эпохи. Вследствие этого картина развития «национального стиля» является до известной степени обратным отражением процесса развития архитектуры средневековой, впрочем, весьма сбивчивым: в начале XX в. храмами-современниками оказались постройки, обязанные своим обликом древнерусским образцам XII, XV–XVI, XVII вв. («Спас-на-Водах», Фёдоровский собор в Царском Селе, «Спас-на-Крови»). Поэтому, пожалуй, предпочтительнее говорить не о «национальном стиле», а о «национальном направлении» в архитектуре XIX – начала XX в.

5. Актуальным для нашего времени остаётся вопрос о приемлемости форм средневековой архитектуры для городской среды, сформировавшейся в иных принципах. В первую очередь это относится к Петербургу.

Храм в XI–XVII вв. существовал в особой градостроительной среде. Массовая застройка была деревянной, невысокой, улицы были далеки от строгой прямолинейности, а градостроительная структура не отличалась геометрической упорядоченностью. Над деревянной застройкой доминировал городской собор, приходские и монастырские храмы играли главную роль в ансамблях улиц, были ведущим градостроительным фактором. Вернуть храмам, построенным в древнерусском духе, прежнюю доминирующую функцию в таких городах, как Петербург, практически невозможно.

Петербург изначально был чужеродным «русскому стилю». Это проявлялось в планировке города, пропорциях улиц, стилистике зданий, их высотности, далеко

превосходящей средневековую. Конечно, это не останавливало строительство храмов в древнерусском стиле, но проблема их органического включения в городскую среду остаётся актуальной и по сей день. Особая ситуация складывается в новых районах и пригородах.

6. Иное дело – сельская местность, бескрайняя территория Православной Руси. Здесь за годы Советской власти традиционный исторический ландшафт резко изменился к худшему. До революции его своеобразие определялось храмами и колокольнями многочисленных деревень и сёл. Они были не просто украшением земли, они утверждали её христианский смысл как Творения Божия.

Ныне деревни пустеют, угасает сельская жизнь, но перспективы её возрождения, наверное, в иных, чем прежде, формах, несомненно, существуют. Тяга к природе, к естественному образу жизни в России огромна уже сейчас. В этой связи открываются новые возможности культового строительства в национальном, древнерусском духе. Храм, выполняя свою основную функцию, будет, кроме того, способствовать восстановлению и обновлению исторического ландшафта.

Храм не только дом молитвы, но и памятник значимым событиям общественной жизни. Так было на Руси. Самым грандиозным событием для нашего народа в XX в. стала Великая Отечественная война. Лучший способ почтить места ожесточённых боёв, больших и малых захоронений, героических подвигов и трагических поражений – постройка храма и, конечно, целесообразнее всего избрать для него формы «национального стиля». Картографический свод таких мест мог бы стать основой осуществления совместной долгосрочной программы государства и церкви, которая позволила бы, хотя и с большим запозданием, увековечить память о жертвах самой кровопролитной войны в нашей истории.

А. К. КРЫЛОВ

(Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина; Санкт-Петербург)

ВРАТА РУССКОГО СТИЛЯ

Мой доклад посвящён теме нашей сегодняшней выставки – «Врата Русского стиля». Здесь впервые так объёмно представлен Фёдоровский Государев Русский городок в Царском Селе. Выставка готовилась сотрудниками трёх общин единомышленников – Санкт-Петербургским государственным музеем-институтом семьи Рерихов, Царскосельской иконописной мастерской и Мастерской церковно-исторической живописи Российской Академии художеств.

В наше время переосмысливаются с самых разных сторон подчас хрестоматийные события не такого уж далёкого прошлого. То, о чём мы раньше не думали, даже не осознавали, становится ясным. Вот, например, знаменательное событие в русской жизни – освобождение крестьян в 1861 г. Ранее оно освещалось на поприще марксизма-ленинизма в виде невразумительной смеси передержек вроде «салатов оливье с винегретом», для большинства простых людей непонятно и невнятно. Однако именно освобождение крестьян имело огромное значение для

нашей культуры, стало поворотным моментом для неё, и не только в виде лирически-грустного финала пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад». Всё, что затронуто пьесой, конечно, связано с этими событиями, но как всё это долгие годы преподносилось – вот вопрос. Сейчас мы это осознаём по-иному.

Во второй половине XIX – начале XX в. в культуру нашего государства возвращался извечно таинственный русский, славянский дух. Эпоха художественного импорта завершилась, и на два-три последующих десятилетия Россия стала культурным спасением Европы. Не случайно современная малограмотная Америка всё-таки знает Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Произведения тех лет, особенно литературные, говорят о насущности и глубине осознания собственных духовных корней, о поисках и возвращении к истокам и рождении высокого Русского стиля. Одним из столпов и основателем этого Возвращения, несомненно, был Н. К. Рерих, в начале XX в. – духовное чадо святого отца Иоанна Кронштадтского.

И всё это чудо русского осознания, весь свет русской мысли опалил 1917-й год. После 1917-го года в научных трудах того времени стало приличным тоном поносить высокий Русский стиль, отвешивая ему не только «банно-вокзальные» ярлыки и прозвища (как иногда имел смелость определять сам И. Э. Грабарь), но и такие якобы научные термины, как неорусский, псевдорусский, квасно-патриотический, православно-черносотенный и т. д., что имеет последствия до сих пор. Заклеймённые политически-ангажированными прорицателями от культуры, памятники высокого Русского стиля в Советской России были списаны!

Памятники подлинной Русской культуры не признавались явлениями существенными, чему поспособствовали вышеупомянутые термины и ярлыки, отпугивающие и так затерроризированных граждан страны, хорошо знающих о том, что бывает с тем человеком или явлением, к которому прилепляют ярлык. Неслучайно имя Н. К. Рериха почти не упоминалось до конца пятидесятых годов XX в.

Великие культурные феномены Российской империи после 1917-го года ушли в небытие, и даже девяностые годы XX в. промчались мимо Русского стиля. Причины, конечно, были. Это и «перестройка», и «гласность», и «перезагрузка», и обнищание, и голод. Внимание обывателя обращено на «героику» недавно запрещённого андеграунда, на дутую «романтику» бродячего фантома «свободы», несмотря на очевидные факты и многие опубликованные материалы о фальшивости всего этого. Мы до сих пор не желаем прозреть суть прошедших страшных явлений нашей культуры, суть эстетического выражения «красного террора». Именно после него народ стал апатичен. Всё, что активно навязывалось, было народу безразлично. Поэтому многие теперь равнодушны не то что к Русскому стилю, а вообще ко всему Высокому, будь то современные выставки или музыкально-симфонические и театральные инновации. Зато букеровские премианты подсчитываются у эскалаторов метро!

Ещё и поэтому оправданы наши усилия, несмотря на санкционность Русской культуры, искажения её ценностей после 1917-го года, уничтожение произведений, распыление по антикварному рынку. Правомерно выстраивать парадигму истории Российской культуры в контексте эволюции величайшей Православной империи. Необходимо мыслить о будущем собственно Русской культуры. От этого нам не уйти.

Несмотря на войны, революции и репрессии, всё же жила память о художественном Возрождении Руси. Деятельность, развёрнутая в Фёдоровском городке в Царском Селе, показала, что чудо явленного Китежа может объединить деятелей Русской культуры, Культурного ареопага, Православного ренессанса. Сразу за этим духовным торжеством Серебряного века последовала эпоха новомучеников российских. Возможно, в ней и следует искать главный результат Возрождения высокого Русского стиля в XX в.

Насаждённый волей монарших правителей XVIII–XIX вв. западный стиль принёс России официоз и духовный холод. Но время сохранило и явило национальные произведения иной красоты и сакральных явлений, никем до сих пор не разгаданных, которые неожиданно для всего мира и составили то, что можно и должно называть Русским стилем. Это тот красивый и плодотворный Русский стиль, который созидался русскими людьми под духовным Водительством святого Сергия Радонежского, который начале XV в. явил миру преподобного Андрея Рублёва и который удивительным образом замер в начале XVIII в. в эпоху Петра Великого.

На всё воля Божья!

Спасибо Н. К. Рериху, который ещё в детстве понял ущербность и неполноту всего западного и увлёкся Древней Русью. Он «продолжил» подлинную русскость через ломоносовское подвижничество, екатерининский победоносный век, труды княгини М. К. Тенишевой. Целых два века ушло на культурное возрастание, преодолевшее всё чужеродное.

Накануне Октябрьской революции произошло чудо великого обретения Русского стиля в Фёдоровском Государевом Русском городке в Царском Селе. Здесь роль Н. К. Рериха была значимой, хотя он держался немного в тени. В воспоминаниях Юрия Дмитриевича Ломана, крестника императрицы Александры Фёдоровны, сына инициатора и активного участника строительства Фёдоровского городка Дмитрия Николаевича Ломана, мы находим бесценные сведения об участии Н. К. Рериха в обустройстве Фёдоровского городка. В его памяти он остался одним из духовных руководителей созидания нового Китежа.

Заканчивая своё сообщение, я выражу мысль, что именно высокий стиль Фёдоровского городка, подобно другим высоким стилям – вавилонскому, египетскому, коринфскому, японскому, китайскому и т. д., следует считать собственно Русским стилем. Изучение и принятие его даст в будущем множество открытий.

В Фёдоровском городке высокий Русский стиль преодолел все потрясения западноевропейской культуры, все культурные смятения от Первого Рима до Третьего. Со строительством Фёдоровского городка возродились художественные формы, соответствующие XV–XVI вв., те недостаточно оценённые культурные «пласты», за исследованиями которых огромное будущее для нашей науки, причём не науки для диссертаций, а той науки, которая служит всем людям.

В высоком стиле Фёдоровского городка воссоединилась Православная содержательность и вновь обретённая исконно-эпическая Славяно-Русская идея, которая мучительно блуждала в течение веков в замысловатом лабиринте заморского «просвещения» и наконец-то обрела Спасение.

Приложение

Каталог работ Мастерской церковно-исторической живописи Российской Академии художеств, представленных на выставке «Врата русского стиля» её руководителем, профессором Александром Константиновичем Крыловым

Санкт-Петербургской государственный музей-институт семьи Рерихов. 27 апреля – 17 июня 2012 г.

Живопись и графика

1. Г. А. Абрамишвили. Западные ворота. Фёдоровский городок. 2010. Холст, масло. Руководитель проф. А. К. Крылов.
2. Г. А. Абрамишвили. Копия фрагмента росписи Башенной палаты Фёдоровского городка. Фрагмент композиции «Сибирское царство» (верхняя половина). 2010. Бумага, темпера. 216 × 154. Руководитель проф. А. К. Крылов.
3. Г. А. Абрамишвили. Лето в Пушкине. Фёдоровский городок. Северо-западная башня. 2000. Холст, масло. 45,0 × 49,5. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
4. Т. В. Андреенкова. Копия стенописи тёплых сеней Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 75 × 45. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
5. Т. В. Андреенкова. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка (правая створка). 2009. Бумага, темпера. 170,0 × 96,5. Руководитель проф. А. К. Крылов.
6. Т. В. Андреенкова. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка (южная стена). 2009. Бумага, темпера. 150 × 100. Руководитель проф. А. К. Крылов.
7. Т. В. Андреенкова. Факсимильная копия-фрагмент росписи тёплых сеней Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 75 × 54. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
8. С. В. Батурина. Фёдоровский собор в Царском Селе. 2011. Холст, масло. 45 × 55. Руководитель проф. А. К. Крылов.
9. С. В. Батурина, А. В. Бобылькова. Копия фрагмента росписи Башенной палаты Фёдоровского городка в Царском Селе (Нижняя половина). 2010. Бумага, темпера. 179 × 242. Руководитель проф. А. К. Крылов.
10. А. В. Бобылькова. Белокаменная палата Фёдоровского городка. 2010. Холст, масло. 46 × 55. Руководитель проф. А. К. Крылов.
11. А. В. Бобылькова. Трапезная палата Фёдоровского городка. 2011. Холст, масло. 35 × 57. Руководитель проф. А. К. Крылов.
12. А. В. Бобылькова. Фёдоровский городок в Царском Селе. 2011. Холст, масло. 50 × 60. Руководитель проф. А. К. Крылов.
13. И. Денисова. Копия стенописи холодных сеней Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 108 × 102. Руководители А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
14. И. Денисова. Копия фрески росписи Трапезой палаты Фёдоровского городка в Царском Селе. 2009. Бумага, темпера. 108 × 106. Руководитель проф. А. К. Крылов.
15. И. Денисова. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка. 2009–2010. Бумага, темпера. 153 × 215. Руководитель А. К. Крылов.
16. И. Денисова. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка (левая створка). 2009–2010. Бумага, темпера. 170 × 96. Руководитель проф. А. К. Крылов.

17. И. Денисова. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка (северная стена). 2009–2010. Бумага, темпера. 150 × 100. Руководитель проф. А. К. Крылов.
18. И. С. Зайцев. Башенная палата Фёдоровского городка. 2011. Холст, масло. 35 × 50. Руководитель проф. А. К. Крылов.
19. И. С. Зайцев. Фёдоровский городок. Западный балкон. 2011. Холст, масло. 45 × 60. Руководитель проф. А. К. Крылов.
20. Иван Зайцев, Анна Аксёнова. Фрагмент росписи Башенной палаты «Сибирское царство». 2011. Бумага, темпера. 176 × 257. Руководитель проф. А. К. Крылов.
21. Е. С. Зацемирная. Копия стенописи Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 68 × 77. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
22. Е. С. Зацемирная. Копия стенописи Лестницы Круга солнечного Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 76 × 108. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
23. Е. С. Зацемирная. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 191 × 171. Руководитель проф. А. К. Крылов.
24. Е. С. Зацемирная. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка (восточная стена). 2009. Бумага, темпера. 150 × 102. Руководитель проф. А. К. Крылов.
25. Е. С. Зацемирная. Фёдоровский городок. Западный балкон Белокаменных палат. 2009. Дерево, масло. 68 × 60. Руководитель проф. А. К. Крылов.
26. Е. С. Зацемирная. Юго-западные ворота Фёдоровского городка. 2009. Холст, масло. 50 × 50. Руководитель проф. А. К. Крылов.
27. М. С. Карпова. Московское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.
28. М. С. Карпова. Сибирское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.
29. А. К. Крылов. Портрет Ю. Д. Ломана. 1979. Холст, масло. 112 × 78.
30. А. К. Крылов. Фёдоровский собор Царского Села. 1981. Холст, масло. 52 × 47.
31. Л. Р. Полунова. Владимирское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.
32. Л. Р. Полунова. Казанское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.
33. С. А. Родиков. Копия стенописи лестничной клетки Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 133 × 40. Руководитель проф. А. К. Крылов.
34. С. А. Родиков. Копия стенописи лестничной клетки Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 50 × 60. Руководитель проф. А. К. Крылов.
35. С. А. Родиков. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка. 2009–2010. Бумага, темпера. 153 × 214. Руководитель проф. А. К. Крылов.
36. С. А. Родиков. Проект росписи Свято-Сергиевской церкви Фёдоровского городка (западная стена). 2009. Бумага, темпера. 150 × 100. Руководитель проф. А. К. Крылов.
37. А. В. Смирнова. Астраханское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.
38. А. В. Смирнова. Киевское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.

39. И. Фирулёв. Копия фрагмента росписи входа в Белокаменную палату. 2010. Бумага, темпера. 96 × 204. Руководитель проф. А. К. Крылов.
40. Н. А. Хабаров. Копия фрагмента росписи Башенной палаты «Казанское царство». 2010. Бумага, темпера. 204 × 145. Руководитель проф. А. К. Крылов.
41. Н. А. Хабаров. Вид с балкона Белокаменных палат Фёдоровского городка в Царском Селе. 2011. Бумага, темпера. 50 × 40. Руководитель проф. А. К. Крылов.
42. Н. А. Хабаров. Вид с востока на Трапезную палату Фёдоровского городка в Царском Селе. 2011. Бумага, темпера. 40 × 50. Руководитель проф. А. К. Крылов.
43. Н. А. Хабаров. Вид Фёдоровского городка с крыши Белокаменных палат. 2011. Бумага, темпера. 40 × 44. Руководитель проф. А. К. Крылов.
44. Н. А. Хабаров. Новгородское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.
48. Н. А. Хабаров. Резные белокаменные врата Фёдоровского городка. 2011. Бумага, темпера. 40 × 47. Руководитель проф. А. К. Крылов.
49. Н. А. Хабаров. Тверское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011. Бумага, темпера. 150 × 80. Руководитель проф. А. К. Крылов.
50. Н. А. Хабаров. Трапезная палата Фёдоровского городка в Царском Селе. 2011. Бумага, темпера. 40 × 50. Руководитель проф. А. К. Крылов.
51. А. Ширина. Картограмма фрагмента росписи Лестницы Круга солнечного. 2009. Бумага, темпера. 40 × 50. Руководитель проф. А. К. Крылов.
52. А. Ширина. Копия росписи Трапезной палаты Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 67 × 30. Руководитель проф. А. К. Крылов.
53. А. Ширина. Копия стенописи холодных сеней Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 55 × 66. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
54. А. Ширина. Картограмма холодных сеней Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 16 × 80. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.
55. А. Ширина. Картограмма холодных сеней Фёдоровского городка. 2009. Бумага, темпера. 77 × 42. Руководители проф. А. К. Крылов и Х. В. Савкуев.

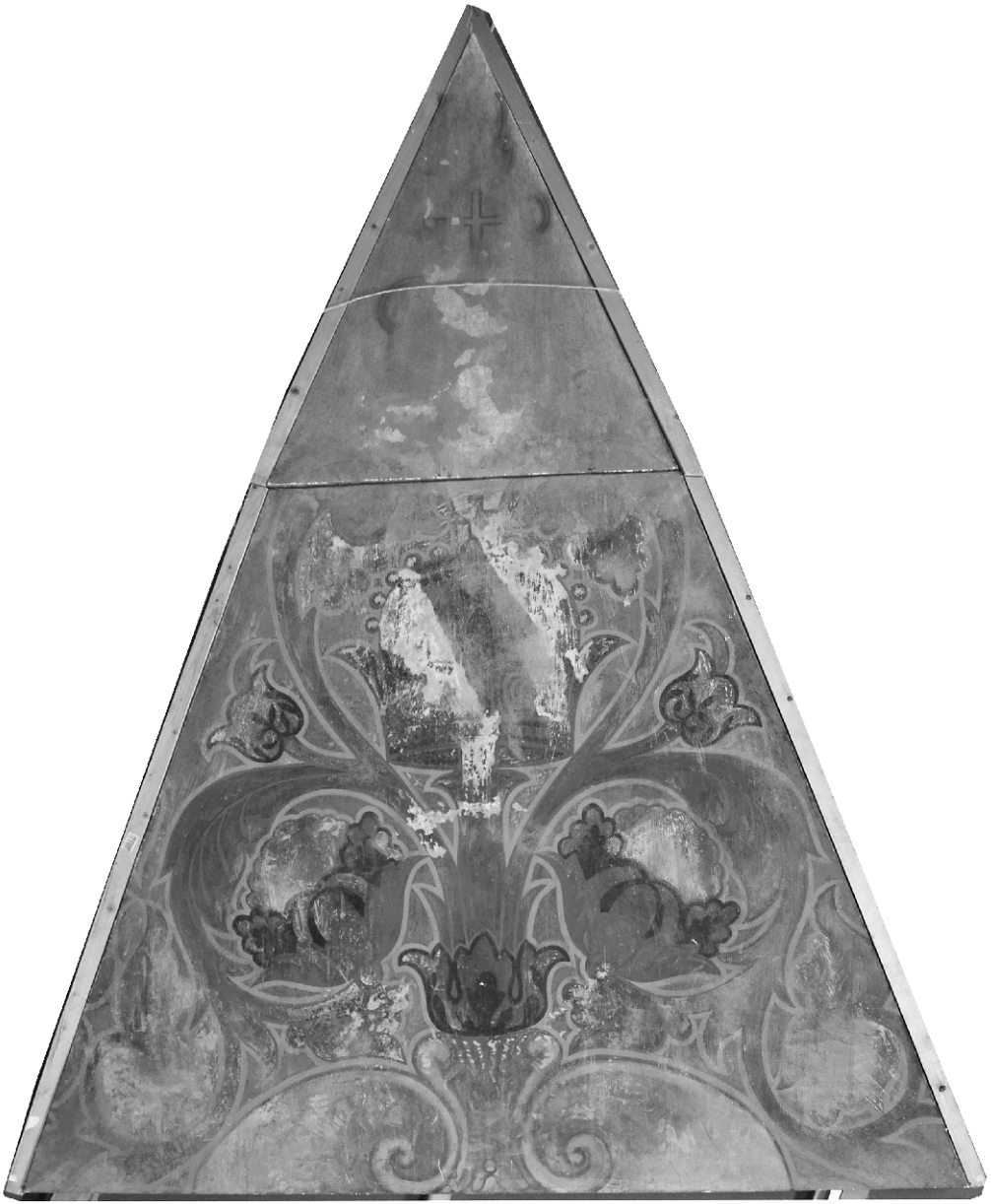
Фотографии

56. Интерьер Покровского храма в Невском лесопарке под Санкт-Петербургом. Руководитель проф. А. К. Крылов. Исполнители: С. Жукова (2009) – роспись «Неба», И. Васильянов (2009) – иконостас. 62,0 × 92,5.
57. Интерьер Покровского храма в Невском лесопарке под Санкт-Петербургом. Руководитель проф. А. К. Крылов. Исполнители: С. Жукова (2009) – роспись «Неба», роспись иконостаса: И. Васильянов (2007–2009), С. Николаев (2007–2009), И. Александров (2009). 62,0 × 92,5
58. Покровский храм в Невском лесопарке под Санкт-Петербургом. Воссозданный храм конца XVII в. из села Анхимово Вытегорского погоста Вологодской области. 62,0 × 92,5.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

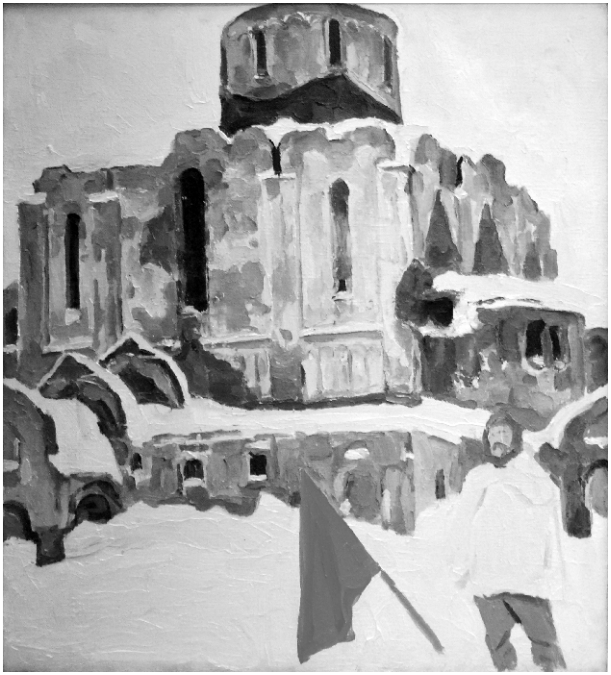
Кат. 3. Г. А. Абрамишвили. Лето в Пушкине. Фёдоровский городок. Северо-западная башня. 2000

Кат. 19. И. С. Зайцев. Фёдоровский городок. Западный балкон. 2011



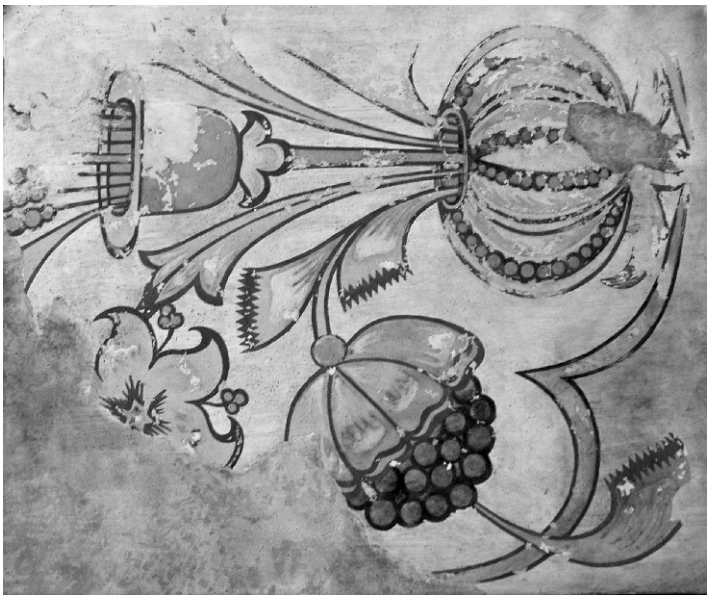
Кат. 20. Иван Зайцев, Анна Аксёнова. Фрагмент росписи Башенной палаты «Сибирское царство». 2011

Кат. 26. Е. С. Зацемирная. Юго-западные ворота Фёдоровского городка. 2009

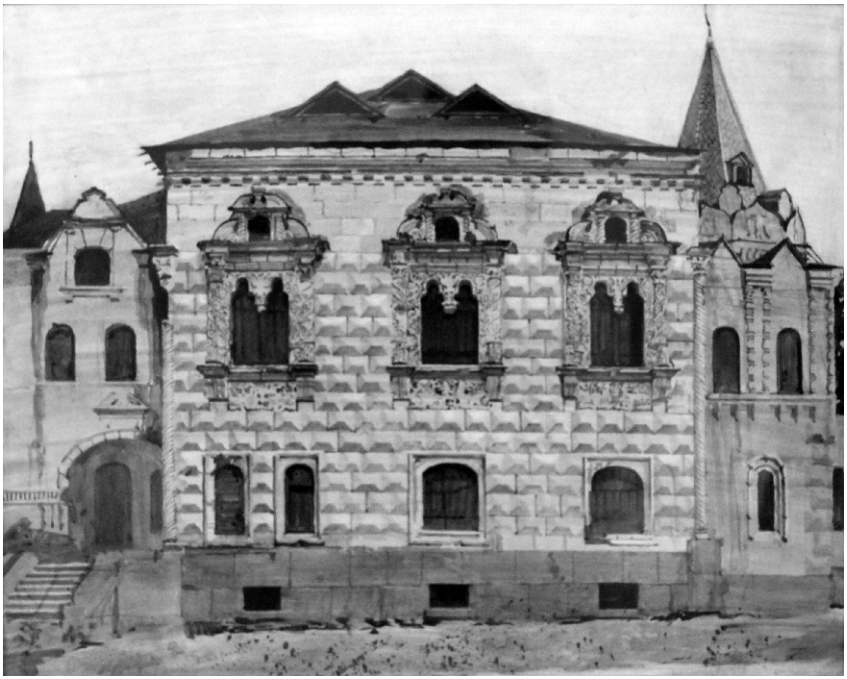


Кат. 30. А. К. Крылов. Фёдоровский собор Царского Села. 1981

Кат. 32. Л. Р. Полунова. Казанское царство. Фрагмент росписи Башенной палаты. 2011



Кат. 34. С. А. Родиков. Копия стенописи лестничной клетки Фёдоровского городка. 2009



Кат. 50. Н. А. Хабаров. Трапезная палата Фёдоровского городка в Царском Селе. 2011

Кат. 52. Александр Шириня. Копия росписи Трапезной палаты Фёдоровского городка. 2009

М. П. КАПРАЛОВ
(Царскосельская иконописная мастерская; Санкт-Петербург)

Н. К. РЕРИХ И ФЁДОРОВСКИЙ ГОРОДОК В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

О деятельности Николая Константиновича Рериха в Фёдоровском городке известно из воспоминаний Юрия Дмитриевича Ломана, хранящихся в архиве родственников, частично изданных [**4**; **5**], в настоящее время переданных Санкт-Петербургскому государственному музею-институту семьи Рерихов. Его отец, полковник Дмитрий Николаевич Ломан был ктитором Феодоровского собора и организатором строительства Русского городка при нём [**1**; **3**].

В 1978 г в Государственном Русском музее состоялась выставка картин Н. К. и С. Н. Рерихов. Юрий Дмитриевич Ломан в письме от 3 января 1979 г к С. Н. Рериху писал:

«*Уважаемый Святослав Николаевич!*

Недавно побывал на выставке в Русском музее Ваших и Николая Константиновича работ и воспоминания детства нахлынули на меня.

Захотелось поделиться с Вами.

Фамилия Рерих часто произносилась в нашей семье. Мой отец, полковник Дмитрий Николаевич Ломан, был инициатором создания в Царском селе Фёдоровского городка, он же руководил строительством, доставал деньги для финансирования работ, осуществляемых без участия казны. <…>

В обсуждении и разработке проекта деятельное участие принимали: Н. К. Рерих, архитекторы А. В. Щусев, В. А. Покровский, М. В. Красовский, [П. П.] Покрышкин, архитектор-археолог В. В. Суслов, академики Н. П. Лихачёв, А. И. Соболевский, художники В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, И. С. Остроухов, И. Я. Билибин.

По инициативе Николая Константиновича из Верхотурья были доставлены сто саженцев кедров. Их высадили напротив здания Трапезной на берегу прозрачного проточного пруда» [**2**, 201].

В наши дни сохранилось 10 кедров.

Насколько значимым было участие Н. К. Рериха в строительстве Фёдоровского городка видно из «Воспоминаний крестника Императрицы» – Ю. Д. Ломана [**5**]:

«Фёдор и Костя Прибытковы частенько дома, один из них шофёр, другой – то кучер, то посыльный. Костя возит пакеты архитектору Кричинскому, Н. К. Рериху на Морскую улицу, его брату Б. К. Рериху на Васильевский остров и там же, на Васильевском острове он заносит пакеты Н. Н. Арбатову».

Далее в письме к С. Н. Рериху читаем:

«*Как-то Дмитрий Николаевич взял меня с собой в Славянскую гимназию, где состоялся концерт в пользу братьев-славян. В концерте принимали участие гимназисты, пел чешский хор. В антракте к нам подошёл какой-то господин, поздоровался с отцом, спросил, сколько мне лет, где я учусь. Когда он отошёл, отец сказал, что это архитектор Борис Константинович Рерих, брат Николая Константиновича*» [**2**, 203].

А. К. Крылов. Портрет Ю. Д. Ломана. 1979. Холст, масло. 112 × 78. © СПбГМИСР. КП-7210

Далее в своём письме Ю. Д. Ломан пишет об участии Н. К. Рериха в судьбах художников и артистов в годы первой мировой войны, когда в городке был открыт лазарет для раненых:

«По рекомендации Вашего отца в качестве санитара был зачислен преподаватель училища поощрения художеств и Высших женских архитектурных курсов

П. С. Наумов. Вместе с ним проходил службу поэт Сергей Есенин, в котором принимал участие Николай Константинович» [**2**, 203].

Затем Ю. Д. Ломан пишет о годах Великой Отечественной войны:

«В сентябре 1941 г., будучи ополченцем-пулемётчиком, я окопался на Пулковских высотах, в нескольких километрах от Фёдоровского городка. Пожалуй, именно на Пулковских высотах, где на каждом шагу ожидала смерть, перед мысленным взором промелькнула вся прожитая жизнь. Вспомнились люди, встреченные в детстве, их рассказы о далёких и близких предках, защищавших родную землю от иноземных захватчиков, вспомнились картины Николая Константиновича» [**2**, 203].

В своём письме Юрий Дмитриевич развёрнуто сообщает основные вехи созданного при участии Н. К. Рериха Общества возрождения художественной Руси:

«*В 1915 г. было создано Общество возрождения художественной Руси. В числе его учредителей значатся Николай Константинович и мой отец. <...>*

Деятельное участие в работе Общества принимали сотрудничавшие с И. Э. Грабарём в написании "Истории русского искусства" Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, В. А. Покровский, В. В. Суслов, В. К. Трутовский, А. В. Щусев, А. И. Успенский.

Членами Общества стали многие профессора Московского и Петроградского Археологических институтов. Среди членов Общества встречаются лица, рекомендованные Вашим отцом. В их числе В. А. Щавинский, работавший вместе с ним над получением новых темперных красок. <…>

10 марта 1916 г. состоялось общее собрание Общества. С докладами выступили: академик А. И. Соболевский – "Древние памятники художественной Руси", академик Н. К. Рерих – "Пути творчества", В. Т. Георгиевский – "Хождение по Руси" <…>. <…>

После революции, летом 1918 г., закончив сверку расчётов, связанных со строительством городка, мой отец обратился с письмом к тогдашнему наркому просвещения А. В. Луначарскому с предложением своих услуг для организации охраны памятников. По-видимому, в связи с этим письмом он не раз выражал сожаление, что не может посоветоваться с Николаем Константиновичем» [**2**, 203, 205].

И в заключительной части своего длинного письма к С. Н. Рериху Ю. Д. Ломан вспоминает:

«Когда-то Николай Константинович писал: "Пусть памятники не пугают нас, но живут и вносят в жизнь лучшие стороны прежних эпох"» [**2**, 207].

В других воспоминаниях Ю. Д. Ломан тоже писал о деятельности Н. К. Рериха в Обществе возрождения художественной Руси, которое курировало Фёдоровский городок [**5**, 20, 35, 177–181]:

«Н. К. Рерих рекомендовал в члены Общества Н. Н. Арбатова, который, будучи членом Общества искусства и литературы, предоставил Станиславскому и Немировичу-Данченко сарай в своём именьице для репетиций труппы будущего Художественного театра».

«Общество объединяло людей разных политических взглядов и художественных устремлений. Для царских сановников понятие "национальное русское искусство" отождествлялось с идеями монархическими и казённо православными. Для Васнецова, Рериха, Нестерова, Суслова, Щусева подлинным истоком национального начала в русском искусстве являлся народ, создавший изумительные по красоте и поэзии сказания, песни, художественные изделия».

Насколько значимой была деятельность Н. К. Рериха в этом Обществе говорит тот факт, что он не только был одним из шестидесяти четырёх его учредителей, но и был избран одним из восемнадцати в Совет Общества, причём из художников в Совет вошёл, кроме Н. К. Рериха, только В. М. Васнецов. Поскольку Виктор Михайлович жил в Москве, понятно значение Николая Константиновича для решения художественных вопросов Общества [**6**; **7**; **8**].

Воспоминания Ю. Д. Ломана о Н. К. Рерихе [**4**; **5**] проливают новый свет на его деятельность на почве возрождения понимания русских национальных корней и Русского стиля в архитектуре и искусстве в начале XX в. Ведь после революции доступ к документам, отражающим эту деятельность, был закрыт, поскольку инициатором этого движения был сам Государь Николай II.

В живописи Н. К. Рериха периода 1909–1917 гг., то есть периода деятельности Комитета по строительству Феодоровского собора и Русского городка и деятельности Общества возрождения художественной Руси, русская тема является основной. В это время на его картинах как предчувствие революции и упование на твердыню духовных основ часто появляется образ града, окружённого крепостной стеной, обречённого на заклание или объятого пламенем, но спасаемого молитвой святого угодника.

Значение вклада Н. К. Рериха в дело возрождения Русского стиля особенно возросло в наше время, на новом витке русского национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *[Капралов М. П., Мельников В. Л.]* Феодоровский городок в Царском Селе и Николай Рерих: Буклет выставки в Главном здании СПбГУ («Двенадцать Петровских коллегий»). – СПб., 2008. – 16 с.: ил.

2. *Капралов М. П., Мельников В. Л.* О выставке «Феодоровский городок в Царском Селе и Николай Рерих» // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура; Восток глазами Запада. – СПб., 2011. – С. 198–211.

3. *Крылов А. К.* Фёдоровский городок – «Китеж» русской культуры // Программа «Храм» Санкт-Петербургского Фонда культуры. – Вып. 9. – СПб., 1995.

4. *Ломан Ю. Д.* Воспоминания крестника Императрицы // Программа «Храм» Санкт-Петербургского Фонда культуры. – Вып. 7. СПб., 1994. – 144 с.

5. *Ломан Ю. Д.* Воспоминания крестника Императрицы: Автобиографические записки: 2-е изд., доп. / Сост. А. К. Крылов; Российская Академия художеств; Санкт-Петербургский государственный институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина; Всероссийское общество памяти святителя Макария. – СПб., 2010. – 304 с.

6. Николай Рерих. Археология: Книга первая. Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918 / Сост., примеч. и коммент. В. Л. Мельникова. – Самара: Агни, 1999. – (Петербургский Рериховский сборник. – Вып. II–III). – С. 661–663, 704–705.

7. Русский городок Царского Села – Китеж XX века: Иллюстрированная история Фёдоровского городка и Общества возрождения художественной Руси; Сост.: Н. Н. Королёв, Ю. В. Шабарова. – СПб. – Царское Село, 2011. – 192 с.: ил.

8. *Федотов А. С.* Н. К. Рерих и Общество возрождения художественной Руси // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 298–314.

Г. И. АВЕРИНА

(Областное государственное бюджетное образовательное учреждение «Полянская школа-интернат»; Рязанская область, село Поляны)

МОЙ ФЕОДОРОВСКИЙ РУССКИЙ ГОРОДОК

Книга «Семь великих тайн Космоса», составленная С. В. Стульгинскисом, с 31 декабря 2002 г. стала настольной не только для меня, но и для моего сына Марка. Слова: «Случайно ничто не бывает. Случай – страница будущего. Спокойно и бодро трудитесь», – помогают идти по предначертанному пути. А 77 лет до этого дня, 31 декабря 1925 г., состоялись похороны С. А. Есенина. В Москву тогда на один день вернулась весна – знак на новое рождение. Наши пространственные пути с С. А. Есениным пересеклись весной 1975 г.

В тот год я, студентка четвёртого курса Ленинградского Педагогического института, поехала с двумя однокурсниками в Царское Село. Пройдя Египетские ворота, увидели разрушенный архитектурный комплекс, выполненный в Русском стиле, и выбрали его для своих работ. Только хотела начать писать этюд, подошёл уже немолодой человек и начал рассказывать, что я стою напротив здания, где жил, будучи санитаром, поэт С. А. Есенин, что архитектурный комплекс называется Феодоровский городок, что в строительстве этого детища Николая II принимали участие известные художники братья А. М. и В. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих, и С. А. Есенин был с ними знаком… Этим человеком оказался Юрий Дмитриевич Ломан, сын полковника Д. Н. Ломана, способствовавшего прохождению военной службы С. А. Есенина в Царском Селе. Так появилась тема моей дипломной работы «Есенин и художники», а в 2000 г. вышла книга.

Первые встречи в ходе работы над дипломом состоялись с родственницами Елены Ивановны Рерих Татьяной Степановной и Людмилой Степановной Митусовыми. Они дали адрес исследователя Павла Фёдоровича Беликова. На мой вопрос о связи Н. К. Рериха с Феодоровским городком он ответил так: «Н. К. Рерих был близко знаком с архитектором В. А. Покровским и много с ним сотрудничал, но я нигде не нахожу сведений, чтобы это сотрудничество имело место в строительстве Феодоровского городка». Однако через два года, в 1978 г., он написал мне: «Просматривая както свои архивы, я обнаружил в письме Н. К. Рериха к жене упоминание о работе в городе Пушкине».

Феодоровский Государев Русский городок. Трапезная и Башенная палаты. 1917

Ещё 9 октября 1975 г. в газете «Вечерний Ленинград» вышла статья жены Ю. Д. Ломана Любови Ивановны Кушариной, из которой я узнала:

«В феврале 1665 г. верхотурский воевода, выполняя Государев указ, отправил в Москву 67 кедров… Известный художник и археолог Н. К. Рерих заинтересовался верхотурскими кедрами и подал мысль доставить их из Верхотурья в Царское Село… Деревья были посажены на холме у проточного пруда» («В Фёдоровском городке»).

Сёстры Митусовы познакомили меня и с М. Н. Потоцким, сыном А. В. Щекатихиной-Потоцкой и приёмным сыном И. Я. Билибина. Мстислав Николаевич подарил мне чайную пару старинной работы. В 1990-е гг. в Александровском дворце я увидела чайный сервиз Царской семьи и удивилась. Моя чайная пара – копия их чайных пар по форме. Роспись другая, но она разная на всех чайных парах.

Из Александровского дворца пошла в Феодоровский Государев собор, там от монахини Натальи получила в подарок икону Феодоровской Богоматери. Она в прозрачном футляре, на нём текст «Спаси, Господи, люди Твоя». Икону получила 22 августа, в День Государственного флага России. Прошло время – узнала, что в 8 мая 1904 г. Николай II был в Рязани, и учитель Мариинской гимназии подарил ему своё переложение тропаря Богородицы «Спаси, Господи, люди Твоя». Через 100 лет, 8 мая 2004 г., я привезла своих учеников в Петербург…

Двадцатого августа 1909 г. Николай II от Александровского дворца шагами отмерил место для закладки Феодоровского Государева собора, в первый день от праздника Преображения Господня. Через 93 года, 20 августа 2002 г., в Петербурге, в Троицком соборе Александро-Невской лавры, я начала проект «Сергей Есенин. Рязань – Петербург», посвящённый установке памятника С. А. Есенину в городе на Неве. Однажды записала название проекта инициалами и, получив удивительный знак – *серп*, вспомнила слова предков: «Что посеешь, то и пожнёшь».

В 2009 г. на пересечении улицы С. А. Есенина и Северного проспекта на деньги строительного треста открыли памятник рязанскому поэту. В 2007 г. благодаря сотрудничеству рязанцев и петербуржцев на улице С. А. Есенина в средней школе № 518 открыли его музей. В 2010 г. на средства, собранные мною в Рязани, Петербурге и Москве, в Феодоровском Русском городке открыли мемориальную доску С. А. Есенина. С моей встречи с Ю. Д. Ломаном прошло 35 лет…

В 2012 г. в селе Константиново, в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина, появилась новая экспозиция «Мемориальные места Сергея Есенина в Петербурге». Семь работ маслом выполнил Олег Попов, девять цветных фотографий сделал Александр Максимов – мои однокурсники, с которыми я была в Феодоровском городке в день знакомства с Ю. Д. Ломаном.

Теперь я знаю, что С. А. Есенин и Н. К. Рерих входили в одну поэтическую группу «Краса». Цель создания группы – возврат к древним традициям, национальным корням. Эту же цель преследовали создатели Общества возрождения художественной Руси. Центр Общества находился в Русском Феодоровском городке в Трапезной палате. А рядом – шатёр Башенной палаты, увенчанный гербом Древней Руси – образом Святого Георгия Победоносца. Только завершение этой башни не пострадало в годы Великой Отечественной войны.

Г. Б. МАЙОРОВА

(Царскосельская иконописная мастерская; Санкт-Петербург)

ПЛАНИРУЕМАЯ РОСПИСЬ ФЕОДОРОВСКОГО ГОСУДАРЕВА СОБОРА ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Май – октябрь 1913 г.

Можно предположить, что идея расписать Феодоровский Государев собор [*ил. 1*] возникла у Государя императора Николая II во время его путешествия по Волге с цесаревичем и великими княжнами весной 1913 г. Увидев величественные по своей красоте русские храмы, расписанные лучшими художниками своего времени, он изволил перенести эту красоту во вновь построенный храм в Царском Селе.

Феодоровский Государев собор строился как генотип русского храма, поэтому без росписи его не представить. Сплошь украшенные живописью архитектурные формы – стены, арки, своды, полукружья и т. д. – это наш национальный образ прекрасного. В концепцию древнерусского храма входит понятие живых стен, когда живопись, «разрушая» плоскость, становится пространством и переходит в другое качество. Это переводит молящегося в сверхреальный «инаковый» мир – Небо и Рай. Создаётся самая благодатная среда для церковного «возрастания» русского человека.

«Во время Высочайшего путешествия по Волге, весною минувшего 1913 года, при посещении городов Ярославля и Ростова Великого, покойный Дворцовый Комендант Генерал Адъютант Дедюлин имел счастие получить личные Его Императорского Величества указания о предполагаемой росписи Царскосельского Феодоровского Со-

бора, в качестве образцов таковой Государю Императору благоугодно было наметить Ярославский храм Иоанна Предтечи на Толчкове и храм Воскресения Христова в Ростовском Кремле»[1].

Третьего сентября 1913 г. в целях «правильной организации успешности дела» с Высочайшего одобрения Его Величества учреждается Комитет для составления проектов росписей Феодоровского Государева собора во главе с дворцовым комендантом, генерал-адъютантом Владимиром Александровичем Дедюлиным [*ил. 2*] в составе членов:

1. Члена Государственного Совета, гофмейстера князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова, члена Императорской Археологической комиссии [*ил. 3*].

2. Члена Государственного Совета, гофмейстера графа Алексея Александровича Бобринского, председателя Императорской Археологической комиссии [*ил. 4*].

3. Командира Собственного Его Величества конвоя, свиты Его Величества генерал-майора, князя Юрия Ивановича Трубецкого [*ил. 5*].

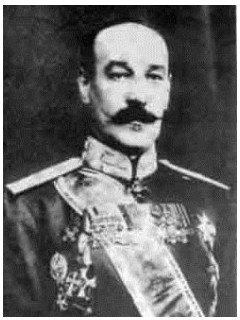
4. Командира Собственного Его Величества Сводного пехотного полка, свиты Его Величества генерал-майора Владимира Александровича Комарова [*ил. 6*].

5. Ктитора Царскосельского Феодоровского Собора, полковника Дмитрия Николаевича Ломана [*ил. 7*].

6. Члена Императорской Археологической комиссии, тайного советника Николая Васильевича Покровского [*ил. 8*].

Церковь Собств. Его Величества Конвоя и Собств. Его Величества Своднаго пѣх. полка въ г. Царскомъ Селѣ.
Проект. и стр. В. А. ПОКРОВСКІЙ, академ. архит. С.П.Бургъ.

Ил. 1. Феодоровский Государев собор вскоре после освящения



Ил. 2

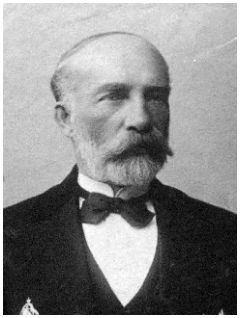
Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

Ил. 7



Ил. 8

Ил. 9

Ил. 2–9. Комитет для составления проектов росписей Феодоровского Государева собора

7. Архитектора Высочайшего Двора, академика архитектуры Владимира Александровича Покровского [*ил. 9*].

Обязанности делопроизводства Комитета были возложены на Бориса Алексеевича Надеждина. Двенадцатого октября 1913 г. проходит первое заседание Комитета, и ввиду особой важности начатого дела заказывается модель-макет Воскресенской надвратной церкви Ростовского кремля 1670 г.[2] Восемнадцатого октября 1913 г. снаряжается ознакомительная экспедиция-поездка по храмам, указанным Государем. В архиве хранится телеграмма в дирекцию железной дороги с просьбой о билетах для шести лиц: В. А. Дедюлина, Д. Н. Ломана, Б. А. Надеждина, В. А. Покровского и Н. В. Покровского[3]. Так спустя десять лет после «паломничества за стариной» Н. К. Рериха по его маршруту отправились влиятельные радетели Фёдоровского Государева собора…

Октябрь 1913 г. – 1 марта 1914 г.

Поездка была осуществлена 18–20 октября 1913 г. Во время неё были осмотрены: в Ростове Великом – кремль и особо Воскресенская надвратная церковь; в Ярославле – церковь Иоанна Предтечи в Толчковской слободе.

На четвёртом заседании Комитета, состоявшемся 26 октября 1913 г. в помещении Императорского Православного Палестинского общества под председательством князя А. А. Ширинского-Шихматова в присутствии князя А. А. Бобринского, горячо обсуждался вопрос о производстве хорошей цветной фотосъёмки росписей ростовской Воскресенской церкви. Архитектору В. А. Покровскому было поручено сделать и её чертежи[4].

На заседаниях Комитета рассматривались художники-кандидаты и их проекты росписей: Н. С. Емельянов[5], В. С. Щербаков[6], Н. П. Пашков[7], В. Т. Перминов[8], М. В. Тюлин[9] и М. Х. Судаковский[10].

Десятого января 1914 г. Н. С. Емельянов через Д. Н. Ломана послал на рассмотрение Комитета эскиз росписей в стиле ростовского Воскресенского храма.

С Высочайшего соизволения на заседания Комитета был приглашён священник О. Г. Щавельский с правом решающего голоса[11]. Комитет являлся образцом полноты и соборности.

В январе-феврале 1914 г. на заседаниях бурно обсуждались возможные кандидаты руководителей росписи.

Для эскизов росписи стали изготавливать чертежи в $^{1}/_{20}$ величины: разрезы по осям, развёртки перекрытия церкви, алтарей, развёртки столбов, коридоры, развёртки стен хоров, ризницы, переходов, стен молельни императрицы и т. д.

Было намечено расписать почти все потолки и стены храма на общей площади 453,82 кв. м[12]. К концу февраля 1914 г. уже были сделаны три пробных росписи в соборе, исполненные выбранными Комитетом кандидатами: В. С. Щербаковым [*ил. 10*], Н. П. Пашковым [*ил. 11–13*] и Н. С. Емельяновым [*ил. 14*]:

«В настоящее время Комитет позволяет себе обратить внимание Ваших Величеств на пробные росписи, исполненные художником Щербаковым (новый Царский ход в Пещерную церковь), иконописцем Пашковым (в Пещерном храме) и иконописцем Емельяновым (северная часовня верхнего храма).

Краткость срока, в который произведены эти работы, не могли не отразиться на продуманности, совершенстве их исполнения, но с такою оговоркою, они могут дать понятие о характере работ этого рода.

Обращаясь в частности к иконописцу Емельянову нельзя отметить, что если бы производство росписи благоугодно было поручить ему, его работа имела бы преимущество, в смысле связи с имеющейся уже в храме иконописью, которая исполнена им же»[13].

На субботу 1 марта 1914 года в 21.30 вечера в полукруглом зале Александровского дворца было назначено представление всех собранных материалов по росписи Государю и членам Комитета для обсуждения.

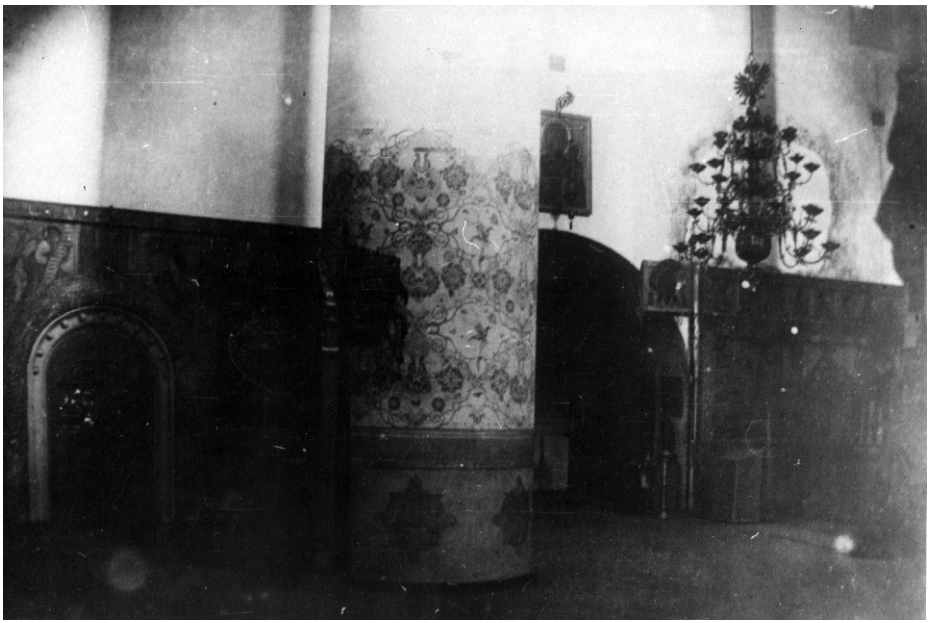
После непосредственного осмотра пробных росписей в храме [*ил. 15–16*] перед Государем был зачитан доклад с демонстрацией снимков росписей ярославских храмов Святого Ильи Пророка и Спасского монастыря[14], а также ростовской церкви Спаса-на-Сенях. Снимки с этих церквей предоставил художник В. Т. Перминов, им же были подготовлены копии с орнаментов ярославских и ростовских церквей[15].

Ил. 10. Феодоровский Государев собор. Царская лестница в Пещерный храм. Снимок до 1917 г.

Ил. 11. Пещерный храм Царскосельского Феодоровского собора
Церковь Преподобного Серафима Саровского. Левая половина иконостаса. Снимок до 1917 г.

Ил. 12. Пещерный храм Царскосельского Феодоровского собора
Церковь Преподобного Серафима Саровского. Северо-восточная стена. Снимок до 1917 г.

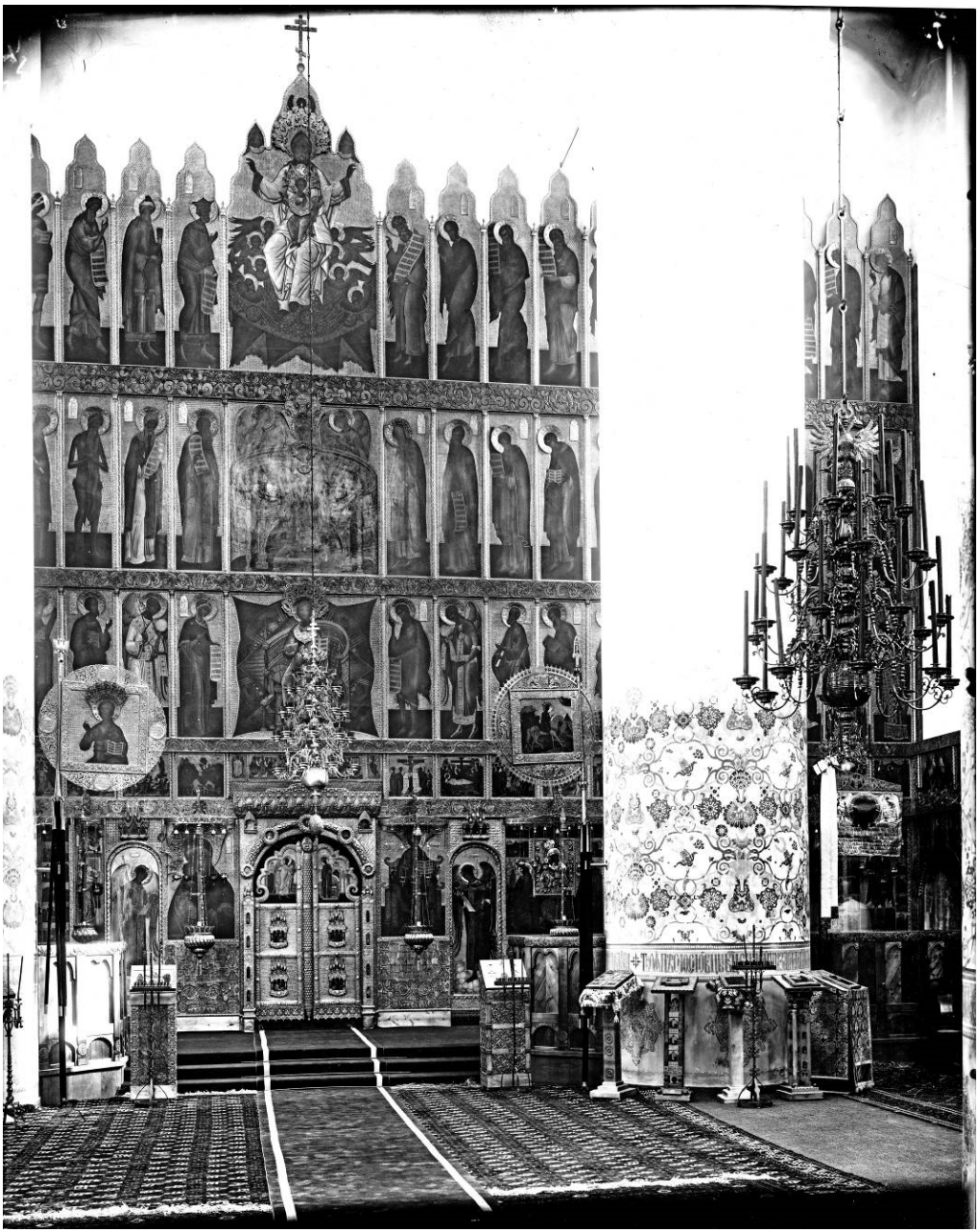
Ил. 13. Пещерный храм Царскосельского Феодоровского собора
Церковь Преподобного Серафима Саровского. Северная стена. Снимок до 1917 г.



Ил. 14. Феодоровский Государев собор. Северная сторона. Снимок до 1917 г.

На обозрение Государю была представлена модель Воскресенского храма в Ростове, изготовленная мастером И. И. Овешниковым совместно с художником, исполнителем чертежей моделей и росписей храма Н. Ф. Павловым. В западной стене модели было сделано окно, через которое был виден иконостас, алтарь и вся передняя часть храма. Для обозрения западной стены храма отнималась стенка со стороны алтаря и, раздвинув модель, можно было увидеть всю стенопись в миниатюре. Посмотреть бы сейчас на эту модель! К сожалению, она пострадала при пожаре в доме И. И. Овешникова.

Надвратная церковь Воскресения в ростовском Архиерейском доме, известном ныне как Ростовский кремль, построена в 1670 г. по заказу ростовского митрополита Ионы Сысоевича, выдающегося русского церковного деятеля XVII в. Сооружение этой церкви над северными Святыми воротами кремля стало начальным этапом формирования его архитектурного ансамбля. В церкви сохранилась стенная роспись, исполненная лучшими ярославскими и костромскими мастерами второй половины XVII в. Митрополитом Ионой был выстроен величественный ансамбль церквей, дворцов, садов, административных зданий, жилых келий и многочисленных служб, обнесённый высокими стенами с мощными башнями. Архитектурное оформление основных построек и стенные росписи этого ансамбля были выдержаны в едином стиле. Весь ансамбль уподобляется «огромному дому Божию»[16]. Ансамбль пережил времена и блистательного процветания, и пожаров, и бедственного положения, и нескольких удачных и менее удачных реставраций. К концу XIX в. Ростовский кремль был признан церковно-историческим памятником и имел музейный статус.



Ил. 15. Феодоровский Государев собор. Интерьер верхнего храма. Вид на иконостас и северо-восточную часть. Снимок до 1917 г. © ЦГАКФФД СПб.

Ил. 16. Феодоровский Государев собор. Интерьер верхнего храма с пробными росписями
Фрагмент предыдущего снимка. © ЦГАКФФД СПб.

Ил. 17–18. Посещение императором Николаем II Ростовского кремля. Ростов Великий. 22 мая 1913

В мае 1913 г. Ростов Великий посетил император Николай II с «августейшими детьми» и осмотрел Ростовский кремль с Успенским собором и Музеем церковных древностей, а также Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь [*ил. 17–18*]. День царского посещения совпал с праздником Вознесения Господня, и праздничную всенощную Государь пожелал слушать не в Успенском соборе, не в монастыре, а в кремлёвской церкви Воскресения[17], которую Государь потом неоднократно приводил как пример росписей для Феодоровского Государева собора.

Разнообразные мнения высказывались об авторах стенописи церкви Воскресения. После реставрации и исследований В. Г. Брюсовой утвердилось мнение, что роспись была исполнена теми же мастерами, что расписывали в 1670 г. ростовский Успенский собор.

Как известно, для его украшения митрополит Иона Сысоевич пригласил лучших мастеров стенного писания, специально просив об этом царя, среди которых были костромичи Гурий Никитин и Сила Савин, ярославцы Дмитрий Григорьев, Лаврентий Севастьянов, Константин и Василий Ананьины и другие[18].

Лёгкая, светящаяся изнутри роспись, построенная на сочетании противоположных цветов: спокойных охристо-гематитовых и ярко-голубых. Примеряет их между собой цвет позема: серебристый глауконит. Синий цвет для фона был взят очень спокойный, на фоне которого могут легко доминировать другие цвета. Довольно ярко взят цвет белый – в одеждах, платах и других деталях. Замечательная по сложности и тонкости разработка богословской и иконографической программы росписей церкви Воскресения.

Март 1914 г.

При обозрении модели ростовского Воскресенского храма императором Николаем II «благоугодно было отметить, что преобладающий в росписи Воскресенской церкви синий тон не удовлетворяет Их Величеств, и что роспись Феодоровского собора желательно сделать в весёлых золотисто-жёлтых красках»[19].

Вероятнее всего, Государю не понравился синий цвет фона потолка. Исполняя волю Государя, члены Комитета осуществили ещё одну поездку в Ростовский кремль и с особым вниманием осмотрели церковь Спаса-на-Сенях[20], роспись которой исполнена в более жёлтых тонах. С её фресок иконописец Н. С. Емельянов приготовил три снимка, которые должны были быть показаны Государю.

«При этом, прежде всего, было обращено внимание на то, что фон представленных снимков также синий. В объяснение сего участвовавшие в поездке члены комитета отметили, что на снимках фон получился значительно резче, чем в подлиннике, где он не только не бросается в глаза, но совершенно теряется, в общем сочетании с изображениями, которые написаны в тёмных тонах. Это сочетание необходимо иметь в виду, для верного суждения об общем красочном впечатлении от росписи, так как и в Соборе придётся иметь дело не с отдельными изображениями, а с общей картиной»[21].

Комитет единогласно заказал Н. С. Емельянову накладки на фон снимков – одну ослабленного синего цвета и другую – золотистого, чтобы дать Императорской семье наиболее исчерпывающий пробный материал, и для этих же целей члены Комитета захотели воспроизвести эти снимки на стенах в какой-нибудь части храма. Однако осуществлению этого намерения серьёзно препятствовала сырость стен.

В ходе заседания Комитета возникла ещё одна идея – включение в росписи Феодоровского Государева собора композиций на основе части росписей храма Феодоровской иконы Божией Матери в Ярославле, так как они бы гармонично дополнили богословско-иконографическую программу храма[22].

По поводу фотоснимка, запечатлевшего росписи с событиями из истории Феодоровской иконы Божией Матери, был возбуждён вопрос, в какой степени в настоящее время оправдано копировать изображение XIV в. с сохранением неточностей, а иногда и несообразности в деталях, на что в ответ было сказано о том, что:

(1) «точные копии этих фресок вполне уместны в храме, где во всём остальном воспроизведено древне-русское церковное искусство, напротив того изменение и поправка изображений лишило бы снимки ценности копий и в корне изменило бы характер росписи, так как привело бы в более или менее широкую область произвольных изображений»;

(2) «все неточности и ошибки главным образом исторического характера, почему встречаются преимущественно в подробностях изображений церковно-исторических событий, не имеющих значения икон»;

(3) «точное воспроизведение не исключает в отдельных случаях возможности опустить ту или иную подробность, когда к тому явились бы достаточно уважительные причины»[23].

Вопрос и для нас актуальный! Можно ли делать точную копию древнего изображения, если она с ошибками или с неточностью в характере живописи? В данном

случае копия включается в концепцию росписей и отмечено, что воспроизведение её не исключает возможности опустить ту или иную подробность.

«Фрески этого храма, построенного в честь той же иконы Божией Матери, что и Собор, содержат изображения, связанные с нею, воспроизведение коих в росписи собора было бы весьма целесообразно. Роспись Ярославской Феодоровской церкви вполне согласуется с характером фресок храма Воскресения»[24].

Апрель 1914 г. – июль 1915 г.

Ещё одну идею сохранило письмо В. П. Гурьянова к Д. Н. Ломану от 28 июля 1915 г. В. П. Гурьянов предложил написать на стенах храма Святых – собирателей Русской земли. На передней стене – Покров или Знамение Божией Матери, на боковых – Святых, а на западной стене – Явление Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому[25].

Ещё одна церковь, которая упоминалась Комитетом как пример для росписи, это церковь Святого Ильи Пророка в Ярославле – жемчужина ярославской архитектуры и живописи XVII в. Храм возведён в 1647–1650 гг. В нём почти полностью сохранились росписи 1680 г., выполненные под руководством выдающихся костромских живописцев – Гурия Никитина и Силы Савина. Фрески Ильинской церкви – лучший русский стенописный ансамбль XVII в., в котором соединяется богатство сюжетов, красота и изысканность живописных решений, яркость национальных традиций, отмеченные в 1903 г. и Н. К. Рерихом.

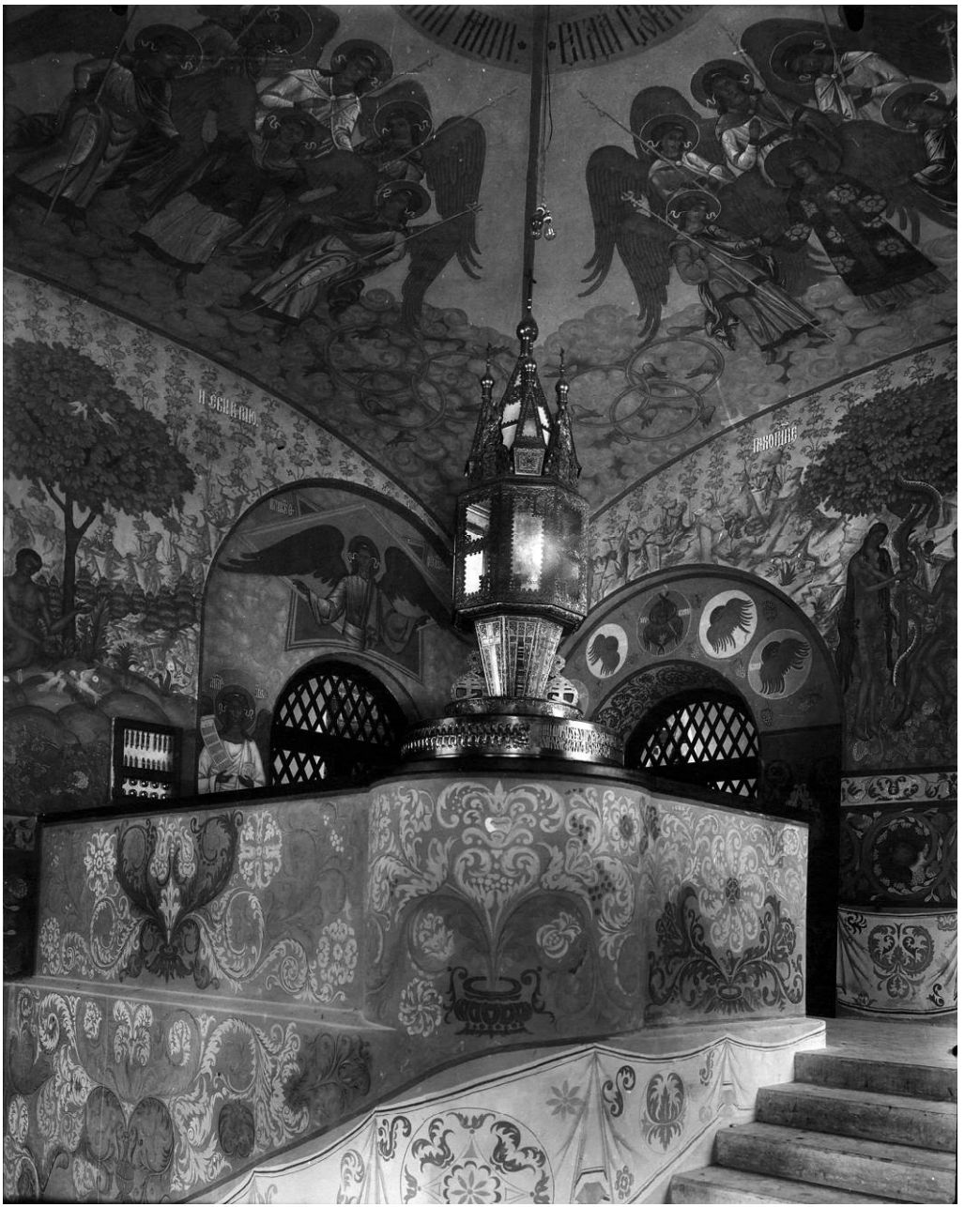
Напряжённые обсуждения членами Комитета по росписям Феодоровского Государева собора всколыхнули широкое общественное мнение и заставили вновь обратиться к изучению стенные росписей прошлого.

По поводу сравнительного достоинства сохранившихся древнерусских росписей, которые могли бы служить образцом для росписи Феодоровского Государева собора, В. Т. Георгиевский, член Высочайше учреждённого Комитета попечительства о русской иконописи, высказывал своё мнение:

«Не входя в обсуждение того соображения, что Ярославские фрески относятся к периоду уже значительного упадка чистоты древне-русского стиля, когда наша иконопись подвергалась сильным влияниям западных гравюр и западных художников, все исследователи, изучавшие Ярославские фрески, согласны в том, что и в колорите их уже нет того блеска и изящества, которыми отличались стенописи более древние.

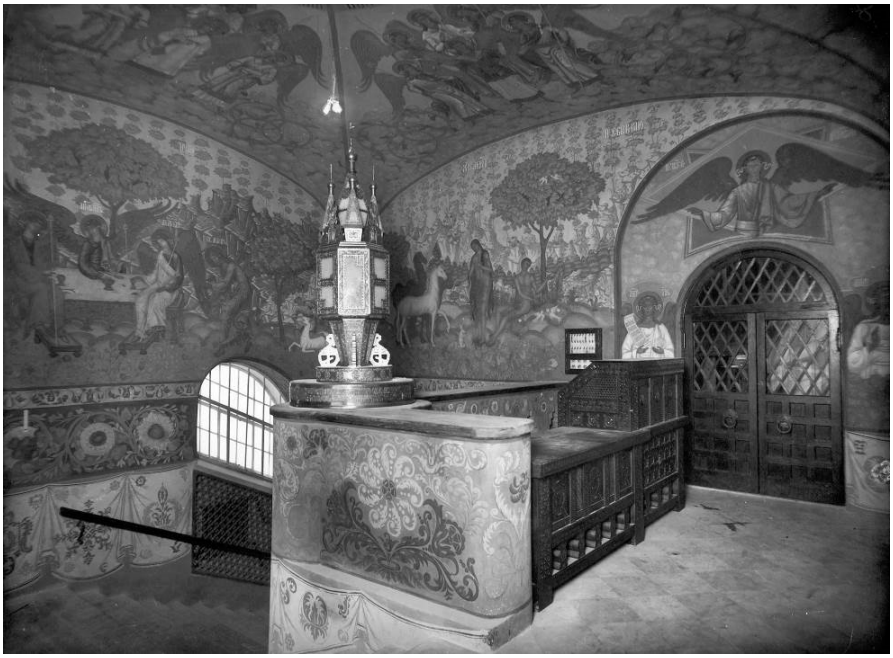
Ввиду того, что архитектура Феодоровского собора имеет в основе своей образцом Московский Благовещенский храм, нам, казалось бы, более естественным и во внутреннем украшении Собора взять за образец стенопись, выполненную одновременно с этим храмом.

Мы имеем в виду произведение кисти знаменитого художника Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира, расписывавших Успенский и Благовещенский соборы в Москве в конце XV в. и в начале XVI в., – это сохранившиеся во всей своей первобытной красоте фрески Ферапонтова монастыря»[26].



Ил. 19. Художник В. С. Щербаков. Росписи собора Феодоровской иконы Божией Матери у Московского вокзала в Санкт-Петербурге. Снимок до 1917 г.

Ил. 20. Художник Н. П. Пашков. Росписи Феодоровского Государева городка. Снимок до 1917 г.



Ил. 21. Художник В. С. Щербаков. Росписи собора Феодоровской иконы Божией Матери у Московского вокзала в Санкт-Петербурге. Снимок до 1917 г.

Ил. 22. Художник В. С. Щербаков. Росписи собора Феодоровской иконы Божией Матери у Московского вокзала в Санкт-Петербурге. Снимок до 1917 г.

Собор Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря расписан Дионисием и его сыновьями в 1502 г. Это единственная сохранившаяся роспись выдающегося представителя московской иконописной школы рубежа XV–XVI вв. Ферапонтов монастырь с росписью Дионисия является редким образцом сохранности и стилевого единства русского северного монастырского ансамбля XV–XVII вв. Индивидуальность настенной живописи Дионисия – в неповторимом тональном богатстве мягких цветов, ритмической гармонии многочисленных сюжетов в сочетании с архитектурными членениями собора. Особенности взаимосвязи между сюжетными циклами (Акафист Богородице, Вселенские соборы, Страшный суд и другие) и отдельными композициями, как внутри собора, так и снаружи, колористическое многообразие и философская глубина определяют выдающееся значение стенописи собора Рождества Богородицы.

Поиски в области стенописи, осмысление древних образцов можно увидеть в росписях, сделанных в Царском Селе вблизи Феодоровского Государева собора под непосредственным наблюдением членов Комитета для составления проектов росписей, и их тоже можно считать «пробными» при подготовке главной росписи:

(1) ***Ратная палата.*** 1913–1917. Архитектор С. Ю. Сидорчук. Художники Н. П. Пашков и С. И. Вашков, предположительно, по оригиналам И. Я. Билибина.

(2) ***Царский вокзал***. 1912. Архитектор В. А. Покровский. Художник М. И. Курилко.

(3) ***Церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»***. 1912–1913. Архитектор С. А. Данини. Художники Г. П. Пашков и С. И. Вашков, по оригиналам В. М. Васнецова.

(4) ***Феодоровский Государев городок*** [*ил. 19–22*]**.** 1913–1917. Архитектор С. С. Кричинский. Художник Г. П. Пашков. Керамист П. К. Ваулин.

К осени 1914 г. планировалось закончить все подготовительные работы: особую иконографическую программу росписи собора, собственно, сам проект росписи по точным чертежам собора и подготовку поверхности стен к работе. Начать роспись хотели с алтаря и потом планировали приступить к центральной части храма, а завершить работу намеревались к осени 1915 г. За основу были взяты самые лучшие фрески русского письма XVI–XVII вв. К сожалению, первая мировая война и последующая Февральская революция остановили всё едва начатое дело. Поражает, с какими тщательностью, трепетом к старым образцам и любовью к русской старине была проделана вся подготовительная работа! Уверена – если бы всё получилось – Феодоровский Государев собор был бы воистину наиболее полным воплощением идеи Святой Руси, идеи Храма – Древнерусского ковчега!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГИА. Ф. 489. Оп. 1 Д. 11. Л. 6.
[2] *Там же*. Л. 9.
[3] *Там же*. Л. 18.
[4] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 38.
[5] **Николай Сергеевич Емельянов** – реставратор и иконописец, написавший иконостас в Феодоровском Государевом соборе.
[6] **Валентин Семёнович Щербаков** (1880—1957) – ученик И. Е. Репина. Окончил Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в 1909 г. Выполнял заказы по росписи церквей под руководством архитектора А. В. Щусева. Художник, к этому времени расписавший вход в Феодоровского собор у Московского вокзала в Санкт-Петербурге и частично Собор Святой Троицы в Почаевской лавре РГИА. См.: Ф. 489. Оп. 1 Д. 11. Л. 20.
[7] **Николай Павлович Пашков** (1880—1960) – потомственный иконописец.
[8] **Василий Тимофеевич Перминов** (1866—?) –художник, выпускник Петербургской Академии художеств, работал над росписями храмов в Пархомовке, в Дармштадте (вместе с В. М. Васнецовым), в Варшаве, в Софии. См.: *Там же*. Л. 29, 36, 38.
[9] **Михаил Васильевич Тюлин** – иконописец и реставратор, владелец больших иконописных мастерских в Москве и Петрограде, которые исполняли «подстаринные» иконы. Принадлежал к многочисленному и очень известному роду мстёрских иконописцев, реставраторов и торговцев древностями. См.: *Там же*. Л. 88.
[10] *Там же*. Л. 91.
[11] *Там же*. Л. 43.
[12] *Там же*. Л. 48.
[13] *Там же*. Л. 37.

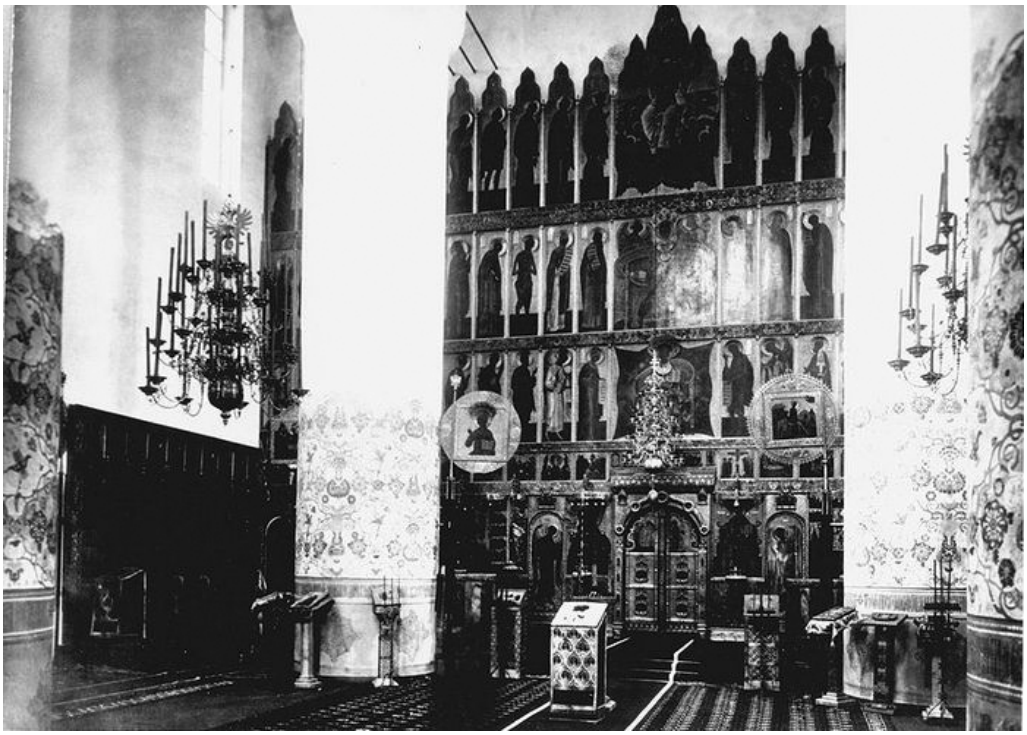
[14] Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря – древнейший из дошедших до нас каменных храмов Ярославля. Основанный ещё в домонгольское время, он был выстроен заново в 1515–1516 гг. Росписи собора – один из немногих фресковых ансамблей времени Иоанна Грозного, сохранившихся до нашего времени без существенных утрат. Росписи 1563–1564 гг. при участии московских мастеров.
[15] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 11. Л. 64.
[16] *Шамурин Ю. И.* Ростов Великий. Троице-Сергиева лавра. – М., 1913. – С. 54–55.
[17] Архив Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». Д. А-3. Л. 17 – 17 об.
[18] *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII века – М.,1984. – С. 84.
[19] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.
[20] Церковь Спаса-на-Сенях – главный храм ростовского Архиерейского дома. Построена в 1675 г. Стены храма украшает роспись, исполненная в 1675 г. ярославскими мастерами.
[21] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.
[22] Пятиглавый каменный холодный храм сооружён в 1687 г. В 1715–1716 гг. был расписан ярославскими мастерами во главе с Фёдором Игнатьевым и Фёдором Фёдоровым.
[23] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.
[24] *Там же*. Л. 24.
[25] *Там же*. Л. 113.
[26] *Там же*. Л. 39.

О. В. САВЧЕНКО
(Царскосельская иконописная мастерская,
Союз художников России; Санкт-Петербург)

ФЕОДОРОВСКИЙ ГОСУДАРЕВ СОБОР В ЦАРСКОМ СЕЛЕ. ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ПРАЗДНИЧНОГО И МЕСТНОГО РЯДОВ ИКОНОСТАСА

Второго сентября (20 августа по старому стилю) 2012 г. исполняется 100 лет со дня освящения Феодоровского Государева собора в Царском Селе. Велико его историческое и архитектурно-художественное значение. В первые годы после революции художественные достоинства собора высоко оценила и советская власть. Ему был присвоен особый статус храма-музея наравне с кремлёвскими соборами, после чего он был передан в ведение Отдела охраны дворцов и музеев[1]. Собор являлся одновременно воинским храмом, возведённым для Собственных Его Величества конвоя и Сводного пехотного полка, и Царским – домовой церковью императора Николая II и членов его семьи – «приходом Их Императорских Величеств»[2]. Это обстоятельство повлияло на сложение общего идейно-художественного замысла собора, отразившегося в его архитектуре, декоративном убранстве фасадов, художественном оформлении интерьера.

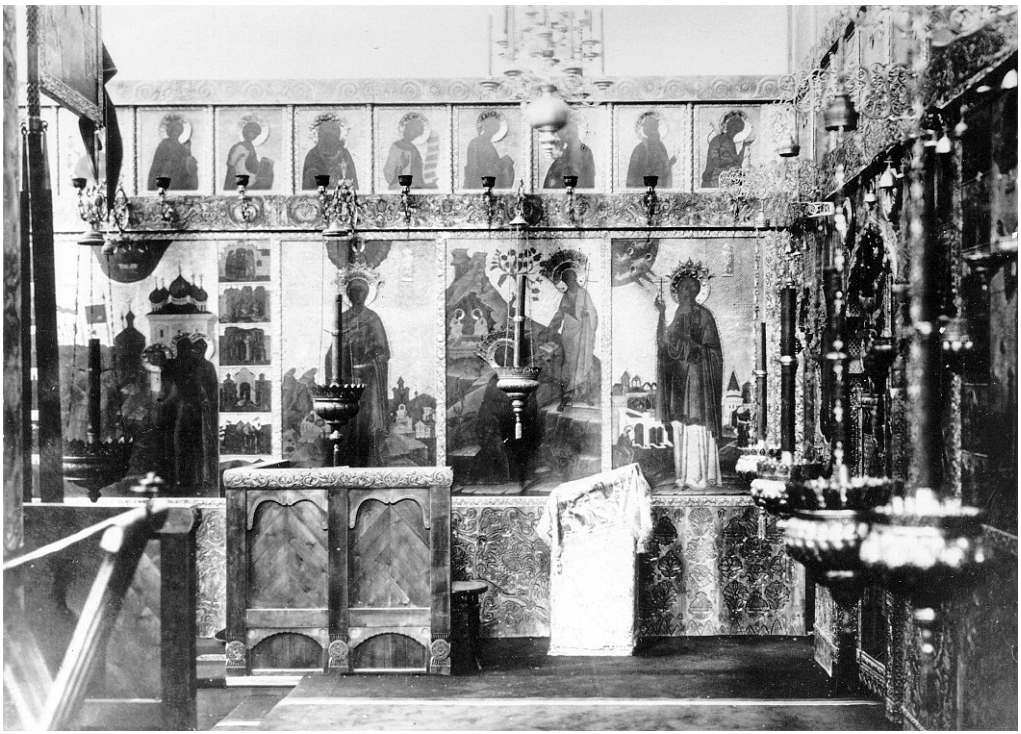
С одобрения Государя проект собора был выполнен архитектором В. А. Покровским по «образцу древних церквей»[3]. Им же осуществлялся и авторский надзор за его строительством. Однако, в первую очередь, ответственность за все дела по возведению храма возлагалась на Строительный Комитет, организованный под пред-



Феодоровский Государев собор. Интерьер верхнего храма. Вид на иконостас и юго-восточную часть. Снимок до 1917 г.

седательством командира Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка генерал-майора В. А. Комарова. Активное участие в деятельности Комитета принимал полковник Д. Н. Ломан, впоследствии назначенный ктитором собора. Комитет занимался организацией всего строительного процесса, решением художественных и технических задач, но окончательное решение принималось только после одобрения его Государем. В одном из документов Строительного Комитета он и его супруга названы Августейшими созидателями храма[4]. Одобрение, выбор или решение Государя по тому или иному вопросу воспринимались как его участие, руководство и даже соавторство в этом строительстве.

Одной из главных задач Строительного Комитета являлась разработка проекта художественного оформления интерьера Феодоровского собора, где иконостасу, как важной принадлежности храма, придавалось особое значение. По инициативе Комитета первоначальный проект иконостаса, разработанный В. А. Покровским, был изменён[5]. Значительно расширены его местный и праздничный ряды, внесены существенные дополнения в иконографическую программу иконостаса, благодаря которым помимо традиционного богословского содержания он стал включать ряд тем исторического характера.



Феодоровский Государев собор. Интерьер верхнего храма
Боковая сторона иконостаса. Снимок до 1917 г.

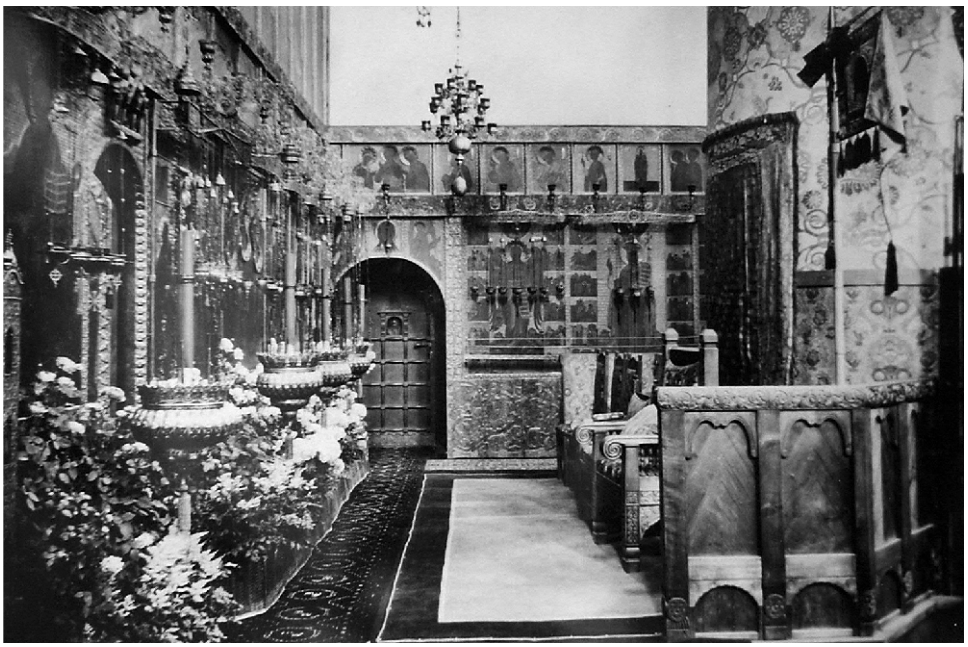
Особенно показательны в этом отношении праздничный и местный ряды[6]. Они, в отличие от остальных ярусов иконостаса, занимают не только восточную стену собора, но переходят на южную и северную, окаймляя, таким образом, клиросы. В праздничном ряду вдоль восточной стены расположены 23 иконы, передающие события новозаветной истории. Далее, вдоль южной и северной стен, этот ряд продолжают иконы, которыми тоже отмечены события, но уже не новозаветной, а русской истории.

Изображения святых на южной боковой стороне иконостаса относят нас к эпохе непосредственно предшествовавшей воцарению династии Романовых, обозначают важную веху в истории их родословной. Так в составе праздничного чина здесь находятся поясные иконы Святого преподобного Романа Сладкопевца и Святого праведного Филарета Милостивого – небесных покровителей Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева (XVI в.) и патриарха Филарета (1553—1633). Их личности явились важными звеньями в истории рода Романовых. Первый из них – Роман Юрьевич, дал фамилию всему роду, второй – патриарх Филарет, был отцом Михаила Феодоровича – первого царя из династии Романовых.

Не случайна в этом ряду икона благоверного царевича Димитрия Угличского. Частица его мощей находилась в Феодоровском соборе. Он был братом и наследником последнего царя из рода Рюриковичей – Феодора Иоанновича. Жизнь царевича Димитрия оборвалась в преддверии Смутного времени, приведшего к воцарению новой династии, не потерявшей, однако, родственной связи с прежней.

Далее следует икона патриарха Гермогена. Он хорошо известен по истории Смутного времени как человек, до смерти отстаивавший интересы Отечества. Патриарх Гермоген первым выдвинул кандидатуру Михаила Романова на Русский престол. В царствование императора Николая II он был прославлен в лике святых. Частица мощей святителя находилась в Феодоровском соборе.

Иконами праздничного ряда на северной боковой стороне иконостаса отмечены события из жизни семьи императора Николая II. В дни памяти изображённых здесь святых совершились особенно значимые для Царской семьи события. Такие дни назывались Царскими, они входили в годичный круг богослужений, их полагалось отмечать торжественной церковной службой. Бракосочетание, восшествие на Престол, коронация императора Николая II и императрицы Александры Феодоровны совпадают соответственно с днями памяти апостола Филиппа (14/27 ноября), Ярославской иконы Богоматери (14/27 мая) и преподобного Иллариона Великого (21октября / 3 ноября). Празднование остальных семи святых этого ряда связано с днями рождений членов Царской семьи.



Феодоровский Государев собор. Интерьер верхнего храма
Боковая сторона иконостаса. Снимок до 1917 г.

Таким образом, в праздничном ряду иконостаса Феодоровского собора изображения новозаветных евангельских событий объединены с событиями русской истории, которые обозначены здесь через образы святых, в день памяти которых эти события произошли. Русская история как бы продолжает новозаветную, она объединяется с ней в единый праздничный ряд. Причём события, отмеченные здесь из русской истории, празднуются Церковью наряду с новозаветными, их празднование было введено в годичный богослужебный круг, такие дни полагалось отмечать торжественным богослужением.

В местном ряду иконостаса были установлены три особо чтимые иконы Богоматери: Феодоровская, Владимирская и Казанская. Они прочно вошли в русскую историю, хорошо известна благодатная помощь от этих икон в деле укрепления Русского государства, в защите его от вражеских нашествий.

Храмовая Феодоровская икона Богоматери была принесена в дар собору от граждан города Костромы[7]. Её выполнил иконописец Н. С. Емельянов на средства, собранные жителями города. Икона имела сложную композицию. Находившийся в центре её образ Богоматери представлял точную копию Костромской Феодоровской иконы. В верхней части композиции размещались клейма, повествующие об обретении и чудотворениях прославленного образа. По бокам изображены предстоящие Богоматери святые, слева – преподобный Никон Печерский, справа священномученик Иерофей Афинский. Их изображения здесь не случайны. Преподобный Никон Печерский – небесный покровитель Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка. В день его памяти 23 марта 1881 г. был сформирован этот полк. Священномученик Иерофей – небесный покровитель Собственного Его Императорского Величества Казачьего конвоя. Этот святой избран небесным покровителем конвоя потому, что в день его памяти казакам в битве под Лейпцигом 4/17 октября 1813 г. удалось остановить натиск французских войск, а затем и выиграть сражение.

Значительную часть местного ряда занимают иконы святых тезоименитых членам семьи последнего русского императора, что ещё раз напоминает о принадлежности храма Царской семье.

Стену под иконами местного ряда закрывает резная деревянная панель. На ней, среди декоративной резьбы и надписей, установлены 10 барельефов со сценами из жизни Владимира Мономаха. Тематически они связаны с рассмотренным содержанием праздничного и местного рядов. Барельефы представляют копии клейм, украшающих Царское место Иоанна IV, находящееся в Успенском соборе Московского Кремля. Их основная тема – преемственность и законность Царской власти, её богоустановленность.

Многое в идейно-художественной программе Феодоровского Государева собора определялось его назначением – быть храмом царским. Это обстоятельство повлияло и на содержание праздничного и местного рядов иконостаса. Через образы святых покровителей Царской семьи, иконы Пресвятой Богородицы, чья благодатная помощь не раз спасала Отечество, здесь представлена история Русского царства, неотделимая от истории её царей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 121. Л. 11.
[2] Феодоровский Государев собор в Царском Селе. – М., 1915. – С. 91.
[3] *Там же.* – С. 31.
[4] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5. Л. 252.
[5] Иконостас достигал 11 м. в высоту, в его составе насчитывалось более 150 икон. Все они были исполнены московским иконописцем Н. С. Емельяновым, следил за художественной стороной его работы Виктор Михайлович Васнецов.
[6] Сведения о составе иконостаса Феодоровского Государева собора находятся в ЦГА СПб. Ф. 132. Оп. 10. Д. 7. Л. 242–249.
[7] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5. Л. 418.

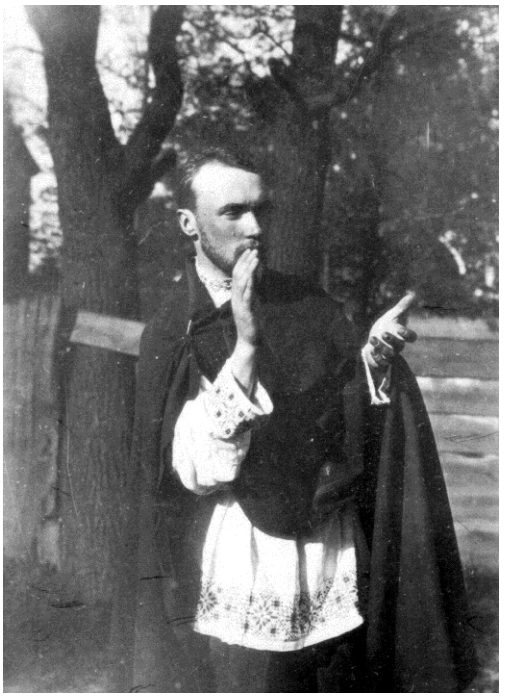
В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

Н. К. РЕРИХ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКИХ ТРАДИЦИЙ КУЛЬТУРЫ

Глубокоуважаемые коллеги и друзья, позвольте мне здесь лишь тезисно напомнить о вкладе Н. К. Рериха в возрождение русских традиций культуры. Я очень рад, что до меня выступили столь уважаемые докладчики, которые избавили меня от необходимости пояснять многие вещи. Мы услышали, как на излёте Серебряного века нашей культуры обсуждались программы росписи и иконостаса Феодоровского Государева собора в Царском Селе, и фактически прозвучали важнейшие вехи маршрута путешествий Рерихов по древним русским городам. Именно Н. К. Рерих стал тем «спусковым механизмом» русской жизни, который запустил неумолимый процесс вхождения ценностей древнерусской культуры в нашу действительность. Этот процесс мы отчасти наблюдаем до сих пор, несмотря на все проблемы, которые существовали в советское время и существуют сейчас. Но именно в советское время были реализованы многие научные идеи, которые были сформулированы в начале XX в. Впрочем, каждое время имеет свои плюсы и минусы. И самое лучшее время – это то, в котором мы живём.

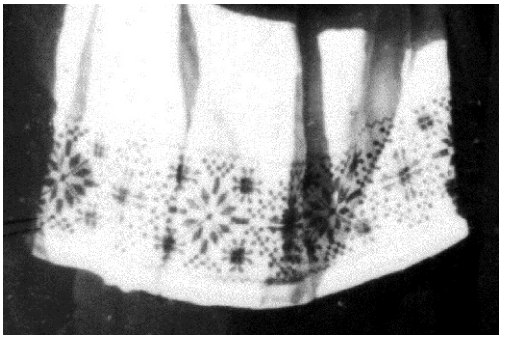
Далее я хотел бы обозначить ряд примеров, которые раскрывают перед нами тему Н. К. Рериха как человека, активно продвигавшего идею возрождения русских традиций культуры.

1. Мы все хорошо знаем **Извару** как место становления Н. К. Рериха. Обращаю ваше внимание на изварский снимок, где он в русской рубахе (СПбГМИСР, КП-1259: *ил. 1*). Можно отдельно исследовать эту рубаху, выяснить, какая она – быть может, с ижорским или водским орнаментом [*ил. 3*], к какой области России относится или какого она покроя. Лично я думаю, что это русская рубаха, так как русская культура была понятна и близка Н. К. Рериху, ведь в Петербургской губернии в тот период уже преобладало коренное русское население. Здесь русские люди жили с XII в. (от этого времени в окрестностях мызы Извара фиксируются древнерусские памятники). Первое упоминание деревни *Взвар* относится к XV в. Деревня описыва-



Ил. 1. Н. К. Рерих в Изваре. Конец 1890-х

Ил. 2. Изварская девушка. Кон. XIX – нач. XX в.



Ил. 3. Вышивка на рубахе Н. К. Рериха

Ил. 4. Вышивка на одежде изварской девушки

ется в Переписной оброчной книге Водской пятины Великого Новгорода 1500 г. в составе Покровского Озеретцкого погоста Копорского уезда. И Н. К. Рерих надел русскую рубаху не для того, чтобы кому-то позировать или кого-то удивить. Он надел её потому, что гордился тем, что он – русский.

В середине 1970-х гг. Людмиле Васильевне Мищенко удалось получить у потомков жителей изварской мызы уникальные фотографии. По ним мы можем представить крестьян Извары и её окрестностей. Например, на одном из снимков –

улыбающаяся девушка (СПбГМИСР, КП-3517: *ил. 2*), возможно, прототип будущей задумчивой *«Ункрады»*, в совершенно оригинальном местном наряде, украшенном яркими узорами [*ил. 4*]. На двух групповых фотографиях из сборов Л. В. Мищенко (все они поступили в дальнейшем в собрание СПбГМИСР) мы видим людей, по-видимому, не только русских, возможно, есть среди них местные финно-угорские элементы. Мыза Извара – это место сплава разных культур и разных народов на протяжении более 500 лет, но, конечно, преобладали русские, и для молодого, бодрого, подтянутого Николая Рериха было естественным надеть русскую рубаху и обуться в настоящие хромовые сапоги.

Таким образом, в Изваре произошло первое осознание им отличий русской культуры от иной, в данном случае – ингерманландско-финской или водской. Отчасти осознание этих отличий и составило содержание обширной археологической деятельности Н. К. Рериха на Ижорском плато в конце XIX в.

2. Местом, где окончательно сформировалось его понимание традиций русской культуры, стало **Бологое**. Здесь произошла встреча с будущей супругой, Еленой Ивановной Шапошниковой. Здесь произошло полное погружение Н. К. Рериха в мир русской усадьбы. Усадьба, изначально иноземное явление, внешне чужеродное для России, постепенно по своей сути стало глубоко русским. Именно в русской усадьбе сформировался особый тип подвижника из высшего общества, который самоотверженно, в духе христианских идей, идей самообразования самой чистой пробы, сохраняет, изучает и представляет культуру. Если говорить о XVIII в. – это усадебный мир времён Андрея Тимофеевича Болотова. Если вспоминать середину XIX – начало XX в. – это бологовская усадьба князя Павла Арсеньевича Путятина. (Есть, конечно, и другие примеры). Это, несомненно, русское явление, влиявшее на жизнь и творчество Н. К. Рериха на протяжении более 15 лет. Сам он пишет, что по-настоящему открыл для себя мир русской усадьбы в Порховском уезде Псковской губернии, где побывал в 1899 г. во время археологических раскопок. Как мы знаем, сразу после Порховского уезда, потрясённый порховскими находками, красотой порховского Вышгорода, порховским хлебосольным гостеприимством, усадебными

Ил. 5–6. Мемориальные доски в Бологом – важнейшем пункте символической «Державы Рериха» Съёмка автора 6 июня 2012 г.

галереями и библиотеками, Н. К. Рерих направился в Бологое, где провёл несколько дней в общении с князем П. А. Путятиным и его многочисленными родственниками, включая обворожительную Елену Ивановну. Он понял, что где-то вне обеих столиц лежит бескрайний бездонный океан русской традиционной жизни на земле, жизни в самых разных, порой прекрасных, а порой и причудливых, «странных» формах. На многие годы эта традиционная русская жизнь стала для него отдохновением и магнитом. Каждый год он отправлялся в русскую усадьбу, чтобы открыть новые культурные сокровища и… самого себя. Напомню только одно его поэтическое откровение, принесённое из валдайской усадьбы Сменцово в 1916 г.: «Стража у врат» [*ил. 7*]. Но на весь мир русскую культуру славят следующие строки из очерка «Чаша неотпитая», написанные тогда же в Сменцово:

«Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озёр. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменные. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинуты. Белые с зелёным, лиловые, красные, оранжевые, синие, чёрные с жёлтым... Любой выбирай. Всё нетронуто. Ждёт…

Точно неотпитая чаша стоит Русь.

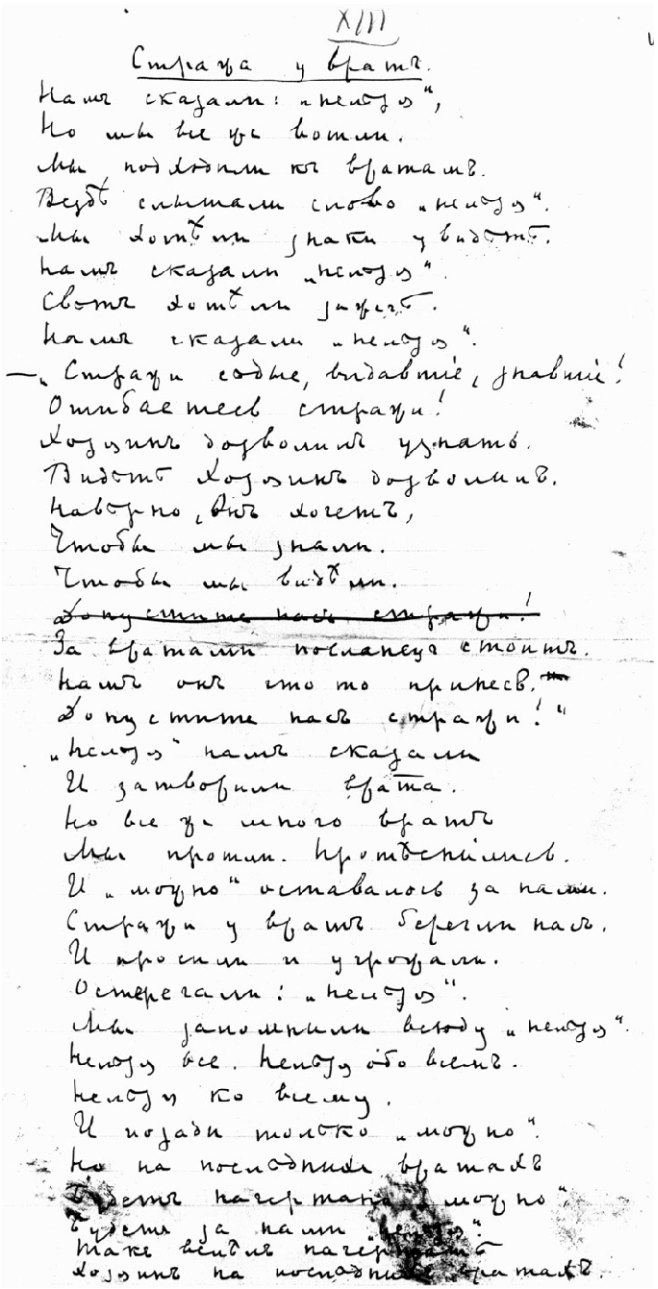
Неотпитая чаша – полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждёт».

Сейчас и места от этого Сменцово не осталось. Ориентир – станция Николаевской железной дороги Лыкошино в получасе езды от Бологого.

Как мы знаем, и от путятинской усадьбы в Бологом тоже почти ничего не осталось – лишь оригинальным образом представленная *память*. На месте главного усадебного дома, где более полувека находился усадебный музей, ныне – торговая площадь, и прямо на ней доброхоты поставили так называемый «Камень любви» с рериховской мемориальной доской, время от времени оскверняемой местными вандалами. Рядом с «Камнем любви» причудливо выросло титановое «Дерево любви», на металлических ветвях которого новоиспечённые молодожёны навешивают символические замки. Поразительная реминисценция неистребимого язычества!

Согласно высказыванию Н. К. Рериха, отлитом в чугунной мемориальной доске [*ил. 6*], именно здесь он встретил спутницу и вдохновительницу всей своей жизни. Будем помнить, что Е. И. Шапошникова – явление уникальное, и она именно *русское явление*: и по крови, и по духу. По отношению к быту и культуре она – русская женщина. В своих письмах 1900-х гг. Николай Константинович упоминает о её внимании к простым людям в Бологом, о том, как она выходила к ним во время эпидемий, чтобы дать милостыню. Общение с народом и общение с Богом происходило в традиционном месте – в (слава Богу!) устоявшей в советское лихолетье Троицкой церкви, построенной не позже 1808 г. Могильные камни Путятиных и других их современников на погосте возле храма напоминают об особой бологовской странице жизни Рерихов. Быть может, не навсегда утрачен этот *благой* усадебный остров нашей культуры, и он ещё всплывёт из небытия, чтобы и нам дать отдохновение и защиту.



XIII

Стража у врат.

Нам сказали: „нельзя",
Но мы все же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово „нельзя".
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали „нельзя".
Свет хотели зажечь.
Нам сказали „нельзя".
— „Стражи седые, видавшие, знавшие!
Ошибаетесь стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет,
Чтобы мы знали.
Чтобы мы видели.
~~Допустите нас стражи!~~
За вратами посланец стоит.
Нам он что то принес.
Допустите нас стражи!"
„Нельзя" нам сказали
И затворили врата.
Но все же много врат
Мы прошли. Протеснились.
И „можно" оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.
И просили и угрожали.
Остерегали: „нельзя".
Мы запомнили всюду „нельзя".
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему.
И позади только „можно".
Но на последних вратах
Будет начертано „можно".
Будет за нами „нельзя".
Так велел начертать
Хозяин на последних вратах.

Ил. 7. Автограф стихотворения Н. К. Рериха «Стража у врат», написанного на Валдае в 1916 г.
© Государственная Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 44. Д. 46. Л. 40

3. Следующая веха – **первая длительная совместная поездка Рерихов по исторической Руси в 1903 г.** Эта была не просто «туристическая» поездка, продолженная Н. К. Рерихом самостоятельно и на следующий год, это было настоящее *паломничество*, которое сразу же дало качественно новый уровень понимания и вхождения в русскую культуру. То, что было до этого у Н. К. Рериха (а это огромный объём работы в качестве исторического живописца – его картины приобрела Третьяковская галерея; в качестве учёного – в Петербургском университете он защитил диплом «Правовое положение художников Древней Руси» и затем в Петербургском Археологическом институте он прочёл курс «Художественная техника в применении к археологии»), всё же было ещё в значительной мере книжным и теоретическим. Даже те летописи и лицевые подлинники, которые В. В. Стасов открывал и показывал Н. К. Рериху в Публичной библиотеке, – всё-таки это дистанционное ощущение, подобное ощущениям того, кто приезжает в Петербург, – кажется, что ты приехал в Россию, а на самом деле до России ещё не доехал. Именно такое ощущение сквозит у Н. К. Рериха до того, как он отправился с молодой женой в путешествие по России. Ему и ранее, ещё в изварский период, доводилось совершать длительные поездки, о которых он вспоминает в очерке «Чутким сердцам» (23 февраля 1935):

«В 1894-м – Троице-Сергиева Лавра, Волга, Нижний Новгород, Крым. В следующем году – Киево-Печерская Лавра. Тайны пещер, "Стена Нерушимая". Стоит ли? Не обезображено ли?

В 1896-м и 1897-м, по пути из Варяг в Греки – Шелонская Пятина, Волхов, Великий Новгород, Св. София, Спас Нередецкий, все несчётные храмы, что, по словам летописца, "кустом стоят". В 1898-м – статьи по реставрации Святой Софии, переписка с Соловьёвым, Стасовым, а в 1899-м – Псков, Мирожский монастырь, погосты по Великой, Остров, Вышгород. В 1901–1902-м – опять Новгородская область, Валдай, Пирос, Суворовское поместье. Мста со многими храмами древними от Ивана Грозного и до Петра Великого».

Но почти все эти поездки были передвижениями *одинокого путника*, так или иначе, они имели более личное, локальное значение. Благодаря обретённой *семейной полноте* паломничество 1903 г. явило совсем иной уровень погружения. Воздействие на эстетическое и нравственное начала оказалось столь сильным, что все мы до сих пор это чувствуем через знаменитую *«Архитектурную серию»*, через целый ряд последовавших следом других картин и этюдов, а также через серию фотографий Елены Ивановны. Больше всего о русской народности, о русской культуре Николай Константинович написал именно по итогам этой поездки. Его отчётная статья «По старине» (1903) стала настолько востребованной обществом, что претерпела сразу четыре издания. Самое известное издание состоялось в журнале Императорского Санкт-Петербургского Общества архитекторов «Зодчий» в 1904 г. под названием «Старина на Руси» [*ил. 8*]. Это – квинтэссенция русского духа в эпоху Серебряного века. Иллюстрации к этому изданию были подготовлены самой Еленой Ивановной, очевидно, она же записывала и воспроизведённые тут же их названия. В них чувствуется местная традиция восприятия запечатлённого.

1904 годъ.
XXXIII годъ изданія.

27 Іюня.
№. 26.

ЗОДЧІЙ.

ЖУРНАЛЪ АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ
ОРГАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО СПБ. ОБЩЕСТВА АРХИТЕКТОРОВЪ.

Старина на Руси.

I.

Пріятно дѣлиться впечатлѣніями старины съ лицами, сочувствующими этому дѣлу, но обращаться и апеллировать къ общественному мнѣнію пока еще у насъ является занятіемъ совершенно безплоднымъ.

Мы признали значительность и научность старины; мы поучили пропись стилей; мы даже постѣснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначимъ въ продажу съ торговъ за 28.000 рублей для слома чудный ростовскій кремль съ росписными храмами, съ княжескими и митрополичьими палатами, какъ это было еще на глазахъ живыхъ людей, когда только случайность, пепмѣніе покупателя спасли отъ гибели гордость всей Руси *).

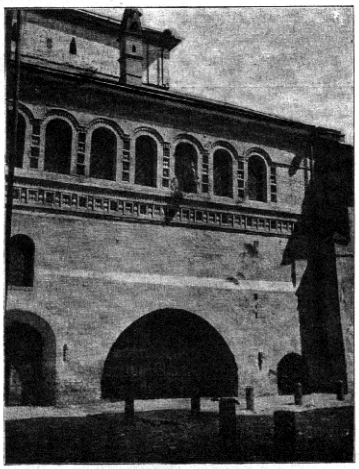


Рис. 1. Терема въ Ростовѣ Великомъ.

И ничего больше нашему благополучному существованію не нужно; и никакого мѣста, по прежнему, въ жизни нашей старина не занимаетъ. По прежнему далеки мы отъ сознанія, что общегосударственное, всенародное дѣло должно держаться всею землею, внѣ казенныхъ суммъ, помимо обязательныхъ постановленій.

Правда, есть и у насъ немногіе исключительные люди, которые, подъ гнетомъ и насмѣшками «сплоченнаго большинства», все же искренно любятъ старину и работаютъ въ ея пользу, но такихъ людей мало, и всѣ усилія ихъ только кое-какъ удерживаютъ равновѣсіе, а о поступательномъ движеніи нельзя еще и думать.

А между тѣмъ, въ отношеніи древности мы переживаемъ сейчасъ очень важное время. У насъ уже немного остается памятниковъ доброй сохранности, нетронутыхъ неумѣлымъ подновленіемъ, да и тѣ какъ-то дружно запросили поддержки. То оказывается неблагополучнымъ Спасъ въ Нередицѣ, то даетъ трещины Иванъ Предтеча ярославскій, то бѣдствуютъ смоленскія стѣны,—и не перечтешь всѣхъ несчастій, да все съ такими первостатейными памятниками. Кстати замѣтить, о необходимости поддержанія высокохудожественнаго Спаса въ Передицѣ мой голосъ въ печати былъ едва-ли не первымъ въ 1899 году. Теперь слышу, что мечтанія оправдываются,—Спасъ будутъ реставрировать. Но съ какихъ дѣлъ должно начаться это подновленіе? Прежде всего Спаса обезглавятъ; вмѣсто прежней главы, на вѣковыя плечи Спаса одѣнутъ чистенькій мѣдный котелокъ византійскаго фасона..... Какой ужасъ! Конечно, эта реставрація могла бы быть и цѣлесообразною, и новая глава имѣла бы не только старыя формы, но и старое впечатлѣніе, чтобы не нарушилось общее обаяніе старины, которое несомнѣнно вѣетъ теперь надъ этимъ уголкомъ; но на это ли надѣяться..... этого-ли ждать? И ужаснутся мужи новгородскіе, когда на любимомъ, свято чтимомъ Спасѣ засверкаетъ новенькій котелокъ.

Гдѣ бы ни подойти къ дѣлу старины, сейчасъ же попадешь на свѣдѣнія о трещинахъ, разрушающихъ роспись, о провалѣ сводовъ, о ненадежныхъ фундаментахъ. Кромѣ того, еще и теперь внимательное ухо можетъ въ изобиліи услыхать разсказы о фрескахъ подъ штукатуркой, о вывозѣ кирпичей съ памятника на постройку, о разрушеніи городища для нуждъ же-

Ил. 8. Начало публикации отчёта о паломничестве по Руси в 1903 г.
Текст – Н. К. Рериха, иллюстрации – Е. И. Рерих

Н. К. Рерих писал в своей отчётной статье:

«Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда археология будет сухо-научною, до тех пор без пророчества можно предсказать отчуждённость её от общества, от народа».

Друг нашего музея-института, глубоко уважаемый нами профессор Александр Константинович Крылов, говорит, что и сейчас в университете наука часто убивает отношение к старине, а не насаждает к ней любовь. Это же было прочувствовано Н. К. Рерихом, как, быть может, никем из его современников. Ведь он в течение десяти лет делал именно «сухо-научные» отчёты для Императорской Археологической комиссии и остро чувствовал нехватку ответного интереса и любви, всё время утыкаясь в стену равнодушия:

«…Пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора светским людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели ещё отвести должное место, что заменит серые будни весёлою, красивою жизнью».

Какие это актуальные, насущные слова! И сказаны они глубоко воцерковлённым человеком, о чём свидетельствует определение *«светским»*, в следующем издании опущенное. Именно светским в значительной части было петербургское общество, в котором Николаю Константиновичу суждено было проявлять себя около 40 лет. В чём же конкретно он видел перспективы возбуждения интереса и любви к старине, продолжение всей работы по возрождению русских традиций культуры? Прежде всего, в том, чтобы создать естественные условия свободного развития всех сфер бытия русского духа.

Например, о костюме он писал:

«Костюм не надо придумывать; века сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народ мог жить национальным течением мысли, чтобы он вокруг себя находил всё необходимое для этого образа жизни; надо, чтобы в область сказаний отошли печальные факты, что священники сжигают древние кички, "ибо рогатым не подобает подходить к Причастию". Необходимо, чтобы высшие классы истинно полюбили старину» («По старине», 1903).

Последняя в этом фрагменте интенция явно отнесена к императору Николаю II. Эта статья в одном из первых изданий была набрана в виде приложения к годовому Отчёту Императорского Общества поощрения художеств. Н. К. Рерих в то время был секретарём этого Общества, и в его обязанности входило раз в год составлять и лично представлять императору утверждённый Комитетом Общества отчёт. В 1904 г. он применил «аппаратную уловку» – приложил к Отчёту свою статью, и, таким образом, донёс до самодержца мысли о Русской культуре. Известно, что Николай II знакомился с Отчётами Императорского Общества поощрения художеств, оставляя на их титульных листах простые записи типа *«Читал»* или просто – ставя крестик. Теперь эти документы хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, в фонде 448.

Далее император Николай II мог прочитать следующее:

«Отчего фабрики не дают народу красивую ткань для костюмов, доступную, не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и песне, и музыке, и пляске, и радости. Пусть растёт старинная песня, пусть струны балалаек вместо прекрасных древних ладов не вызванивают пошлых маршей и вальсов. Пусть и работает русский человек по-русски, а то ведь ужасно сказать: в местностях, полных лучших образчиков старины, издавна славных своею финифтью, сканным и резным делом, в школах можно встречать работы по образцам из "Нивы"».

В то время «Нива» – это самый популярный «тонкий» журнал в России, распространявший по стране каждую неделю большими тиражами своего рода шаблоны пошлости. Увы, сейчас таких журналов стало гораздо больше.

«Часто говорится о старине и, в особенности, о старине народной, как о пережитке, естественно умирающем от ядовитых сторон неправильно понятой культуры. Но не насмерть ещё переехала старину железная дорога, не так ещё далеко ушли мы, и не нам судить: долго ли ещё может жить старина, песни, костюмы и пляски?».

Мы видим, что, подводя итоги своей первой длительной совместной поездки, Рерихи продемонстрировали комплексный подход к представлению собранного ими материала. В их «паломничестве за стариной» 1903 г. – истоки того *«панорамного метода»*, который явился идейной основой научной программы будущих центральноазиатских экспедиций 1920–1930-х гг.

И здесь – чистое любование не только русским народом, оставшееся с великими русскими людьми на всю жизнь во время их скитаний на чужбине. Они всегда с большим уважением и восхищением относились ко всякому подлинному проявлению культуры любого другого народа. И начало этой «всемирной отзывчивости» (выражение Ф. М. Достоевского) тоже фиксируется во время поездки 1903 г. Вновь встретив знакомых с детства *полуверцев* (малый эстоноязычный православный народ *сету* в приграничных с Эстонией районах Псковской губернии, откуда родом его мать Мария Васильевна Рерих, рождённая Коркунова-Калашникова), Николай Константинович словно кистью выписывает нахлынувшие радостные чувства:

«Издали толпа – вся белая: и мужики и бабы в белых кафтанах; рукава и полы оторочены незатейливым рисунком чёрной тесьмы. Странно думать, что так близко от нас, презирающих всякую самобытность, ещё уцелела подлинная характерность и несколько сот полутёмных людей дорожат своими особенностями от прочих».

4. Следующее место – **Талашкино**. В каком-то смысле, начиная с Талашкина, с 1904 г., паломничество Н. К. Рериха «за стариной» стало непрерывным. Жизненная парадигма Рерихов очень быстро из *«Жизнь и Служение»* перешла в область «*Жизнь как Служение»*. Со времени андреевской «Державы Рериха» (март 1919) эта область подвижничества разрослась до беспредельной максимы *«Жизнь есть Служение»*.

После посещения более 50 городов в 1903 г., в 1904-м Николай Константинович оставил беременную вторым сыном Елену Ивановну в усадьбе села Берёзки под Вышним Волочком и отправился по Волге, посетил Углич и другие поволжские

города, многие подмосковные усадьбы, Можайск, Звенигород, Саввино-Старожевский монастырь. В конце концов, он приехал в Смоленск, где был буквально «взят в полон» практической работой по воплощению современных образцов русской культуры, которую вели две подвижницы, две русские княгини – Мария Клавдиевна Тенишева и Екатерина Константиновна Святополк-Четвертинская. Они же явили миру чудо Талашкина.

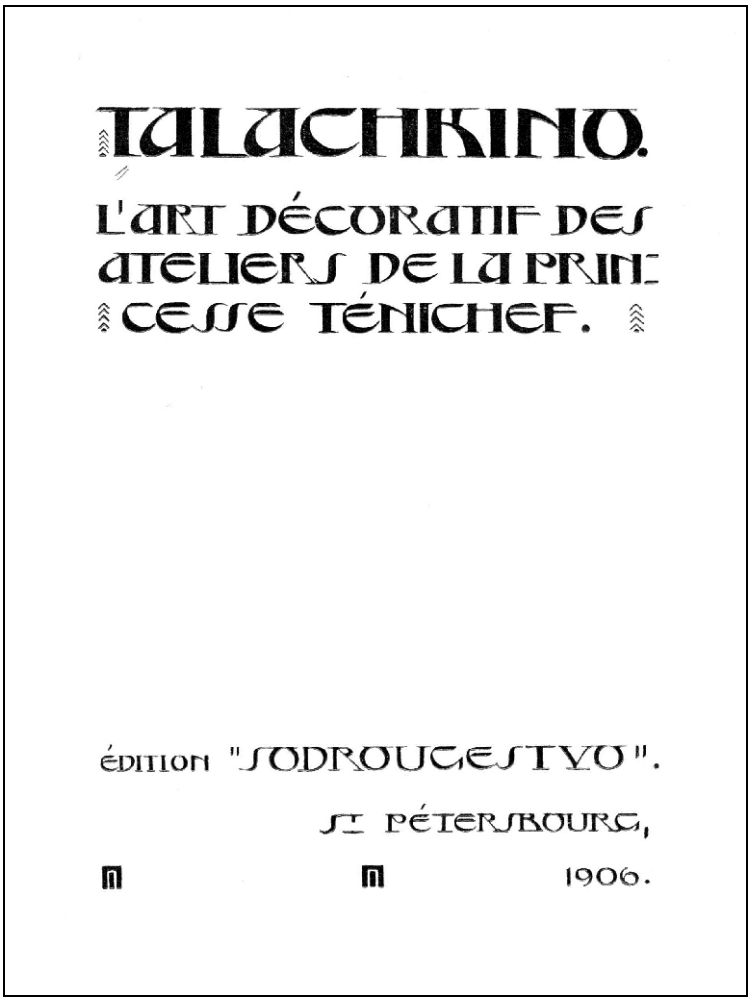
В семье Митусовых сохранился бесценный талашкинский снимок, который я долгое время не мог правильно атрибутировать*. Теперь мы знаем, что он собрал участников спектакля «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» (опера Н. П. Фомина по мотивам известной поэмы А. С. Пушкина), состоявшегося в имении княгини М. К. Тенишевой в июле 1904 г. На снимке – Н. К. Рерих в роли королевича Елисея (5-й слева) и княгиня М. К. Тенишева в роли царевны (11-я справа). Не сомневаюсь, что определение других участников даст в будущем повод для написания новых статей. Устремление к глубинам русской культуры было настолько велико, что Николай Константинович не удержался от участия в постановке на сцене усадебного театра. Мы видим его облачённым в специально вышитый талашкинскими мастерицами русский костюм.

Весь опыт Талашкина, включая храмостроительство, стал для Н. К. Рериха настоящим *краеугольным камнем* возводимого им здания культуры будущей России. К нашему времени на эту тему уже написана целая «библиотека» различных изданий. И первой книгой в этой «библиотеке» явилась рериховская по форме и содержанию монография «Талашкино», изданная петербургским объединением «Содружество» на следующий год после первой поездки Н. К. Рериха в Смоленск. Это прекрасно иллюстрированное издание, целиком посвящённое талашкинским мастерским княгини М. К. Тенишевой, открывалось статьями С. К. Маковского и Н. К. Рериха. Примечательно, что Николай Константинович называет свой текст *«Воспоминания о Талашкине»*, демонстрируя своё желание *помнить* и *не забывать* о том, что было едва ли не *сегодня.* Так подстрочно он отнёс явленное чудо Талашкина в разряд неоспоримых ценностей, к *Вечной памяти*. И писал пророчески, переносясь в своих мыслях через весь муторный XX век:

«Конечно, в настоящее время, а может быть, и в ближайшие дни искусство будет особенно далёким от нас, заслонённое другими событиями жизни. Может быть, ещё никогда русская мысль не удалялась так от искусства, как сейчас. Но тем приятнее в эти дни мечтать об искусстве. Приятно сознать, что, может быть, хотя бы путём временного удаления, мы ближе подойдём к нему, к его жизненной сущности. Может быть... И глаза наши, полузакрытые, откроются на многое вечное.

К этому сроку нужна работа. Нужны усилия не только отдельных личностей, лишённых ли дела, уходящих ли "в горы", подавленных ли в своих лучших стремлени-

* См. его воспроизведение в публ.: *Мельников В. Л.* Пантеон древнего Искусства. К 100-летию первых персональных выставок Н. К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 124.



Ил. 9. Титульный лист монографии «Талашкино», изданной объединением «Содружество» в Санкт-Петербурге в 1906 г. на французском языке. Текст С. К. Маковского и Н. К. Рериха

ях. Нужны явления сильные, с широким размахом. Такое и дело княгини Тенишевой, крепкое в неожиданном единении земляного нутра и лучших слов культуры».

Разве не о себе предвидел Н. К. Рерих, когда написал здесь об «уходящих “в горы”»? Разве не был весь сталинский период наполнен лагерями «лишённых дела», «подавленных» подвижников исконно русской культуры? Эти пророчества Н. К. Рерих записал в феврале 1905 г., когда наше общество окончательно «сдвинулось» от кровавых событий первой революции. И он без страха продолжил свой путь, чтобы *глаза наши, полузакрытые,* смогли в будущем открыться *на многое вечное.*

В 2012 г., изучая в библиотечных фондах Стэнфордского университета наследие семьи Рерихов, мы обнаружили французское издание «Талашкино» 1906 г. [*ил. 9*]. Именно с этого момента началась рериховская *Русская культурная экспансия* на Запад, чтобы в дальнейшем обратиться на Восток и заполнить весь мир. Русская весть понеслась по миру через, казалось бы, простую книгу с изящно расставленными иллюстрациями. Книга эта «выстроена» настолько стилистически безукоризненно, настолько грамотно и изысканно, что, можно не сомневаться, своего читателя она нашла, и ещё не один век найдёт. В ней Русская культура представлена в контексте разнообразия культуры европейской, и её авторы не являются «куликами», восхищающимися своим «болотом».

Слово «Запад» упоминается только в статье Н. К. Рериха пять раз – одновременно в убедительном и уважительном тоне:

«В Талашкине неожиданно переплелись широкая хозяйственность с произволом художества; усадебный дом – с узорчатыми теремками; старописный устав – с последними речами Запада. Многое непримиримо. И в непримиримости этой особый пульс, который выявляет нашу многогранную странную жизнь.

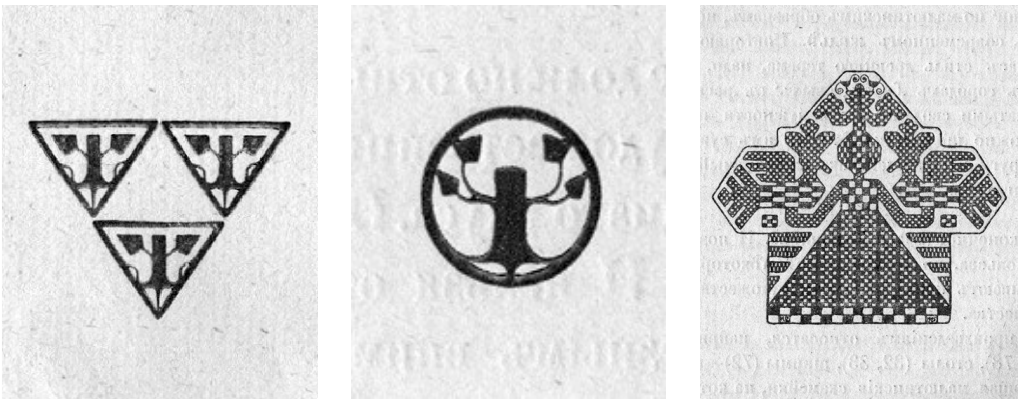
Этот пульс во всех силах Талашкина. Особый уклад получает и сельскохозяйственная школа, и художественная мастерская. В учениках и молодых мастерах пробуждается пытливый взгляд. На окрестное население, всегда близкое художественному движению Талашкина, ложится вечная печать вечного смысла жизни. Тысячи окрестных работниц и работников идут к Талашкину – для целой округи значение огромное; так протянулась бесконечная паутина лучшего заживления».

Подбирая иллюстрации этой книги, Н. К. Рерих впервые в своей издательской практике продемонстрировал всю «всемирную отзывчивость» русской души. Для него русское – это не обязательно нечто узконациональное. *Быть русским* для него – это значит уважать и любить не только свою Родину большую, общую, но и свою *малую родину*, чтить всех предков, включая незапамятных *забуду́щих родителей**, невзирая на их локальную этническую принадлежность, порой теряющуюся в веках. *Быть русским* для него – это значит понимать русский язык, историю своего рода и государства, и при этом с почтением относиться ко всем соседям и ко всем народам, населяющим или когда-либо населявшим нашу страну. Поэтому очень часто у Н. К. Рериха *русское* имеет не только славянское или древнерусское содержание, русское включает (его выражения) и *финскую фантасмагорию*, и *пермский звериный стиль*, и *чарующие формы Востока*, и многое другое – весь наш бесконечно разнообразный концерт культур.

Обо всём этом Н. К. Рерих напишет ещё не раз позже – уже в Европе, в США, в Китае, в Индии, напишет о том, что он воспринимает русскую культуру как *всемирную*.

---

* О традиции почитания *забуду́щих родителей* Н. К. Рерих слышал на Новгородской земле. И сейчас на самом севере Боровичского района Новгородской области, на берегу реки Удина около деревни Зихново существует урочище *Забыду́щи*. История почитания этой сельской святыни представляет собой пример «освоения» церковью народной паломнической практики.



Ил. 10–12. Н. К. Рерих. Книжные украшения. 1905. Воспроизведено: Талашкино / Текст С. К. Маковский и Н. К. Рериха. – СПб.: Содружество, 1905 (на русском) и 1906 (французском)

Но первой его книгой, книгой-вершиной, задавшей такую высокую планку, навсегда останется «Талашкино» 1905–1906 гг.

В подтверждение этого тезиса отмечу здесь лишь несколько иллюстраций, возможно, имеющих значение для понимания символики взаимодействия различных народных традиций в пределах русской культуры. Две из них [*ил. 10* и *11*] художник, видимо, выполнил в угоду своему другу, соученику по Петербургскому университету, дальнему родственнику барону Михаилу Александровичу Таубе. На первой заставке [*ил. 10*] Н. К. Рерих трижды повторил в одной композиции геральдический образ древесного пня*. В 1920–1930-е гг. именно юрист-международник барон М. А. Таубе принципиально сдвинул с «мёртвой точки» рериховскую идею Пакта о защите культурных ценностей во время войн, поддержав и триединый символ его Знамени Мира.

Ещё один рисунок Н. К. Рериха в этой книге часто пропускают каталогизаторы его художественного наследия [*ил. 12*]. Он вновь «маркирует» неподдельный, ещё с изварского времени, интерес мастера к простой русской вышивке. Хотя, быть может, именно этот образец кто-то назовёт вепсским или марийским, но ведь и эти народные наследия – тоже часть нашей общей Русской культуры.

Наконец, на нескольких страницах книги представлены интерьеры известного Теремка, выстроенного на хуторе Флёново по проекту С. В. Малютина. Мы видим не только рериховские картины и рисунки, но и мебель, выполненную по оригинальным эскизам Н. К. Рериха, – особый вклад мастера в развитие русского декоративно-прикладного искусства.

---

* Барон М. А. Таубе мог прекрасно «прочесть» этот рисунок, поскольку профессионально занимался генеалогией. Сам он принадлежал к старинному германскому роду, известному с XIII в. Именно на гербе его рода запечатлён в золотом поле как бы вырванный из земли древесный пень, с каждого бока которого висит по одному (в других вариантах – по два) зелёному листу.

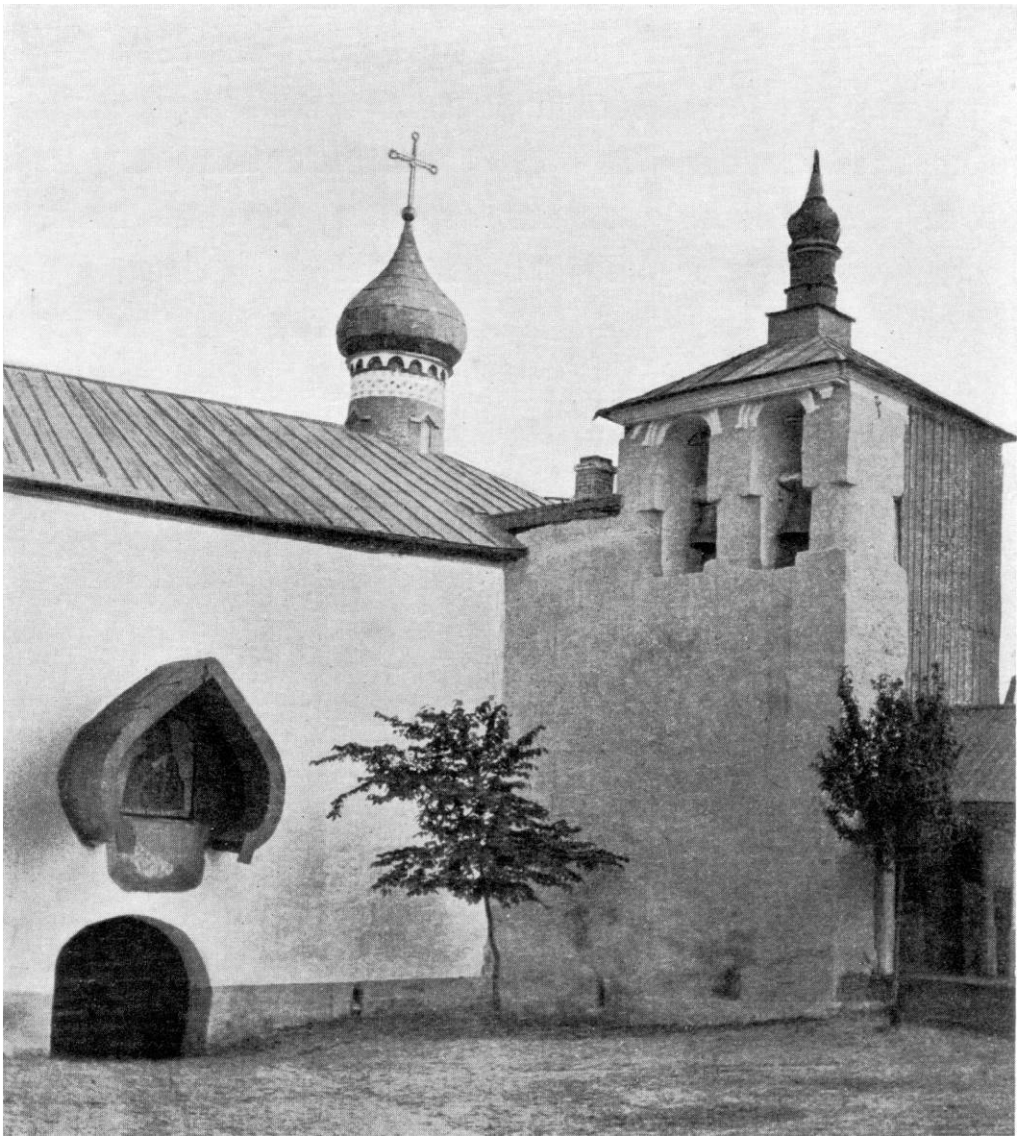
5. Ещё один важный этап, хорошо известный всем, обозначу так: **«История русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря.** Этот проект не стал проходным для Н. К. Рериха, отняв у него немало творческих сил в 1910–1914 гг. Художник входил в Совет издания, вышедшего в разных вариантах, от увражных, в твёрдом тиснёном переплёте, до самых малобюджетных, в мягкой обложке, выпусков. Для издания было подготовлено несколько сотен рериховских фотографий. Н. К. Рерих работал над текстом отдельной статьи для издания, желая представить русское искусство в развитии и во взаимодействии с различными культурными элементами. Об этом этапе Николай Константинович неизменно упоминал в контексте продолжения своего паломничества за подлинно русской стариной:

«Большое это было хождение по разным историческим местам. Всюду писались этюды, Елена Ивановна всюду снимала фотографии. Часть её снимков вошла и в "Историю искусства" Грабаря, и в другие труды, посвящённые памятникам старины» («Литва», 1936).

Издание выходило в московской печатне И. Н. Кнебеля в 1910–1913 гг., но из-за начавшихся во время первой мировой войны немецких погромов окончено не было. Вышло только двадцать три выпуска из намеченных сорока. Выпуски должны были объединяться в шесть томов: выпуски 1–4 это том I, выпуски 5–8 – том II, выпуски 9–12 – том V, выпуски 13–17 – том III, выпуски 18–22 – том VI и, наконец, выпуск 23 – это целый том IV.

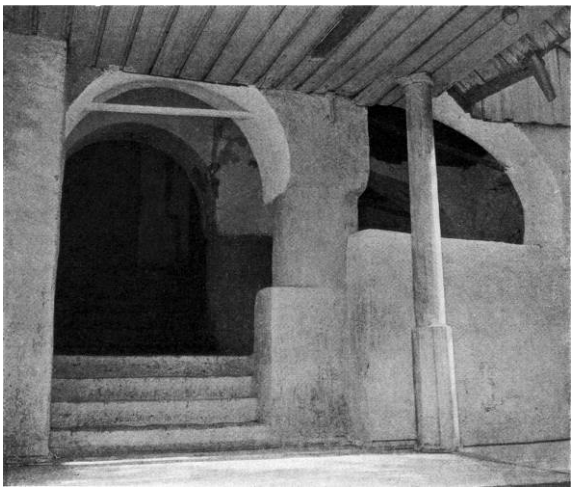
В издании были прекрасно изданы фотографии, созданные в результате сотрудничества трёх Рерихов: Елены Ивановны, Николая Константиновича и его брата Бориса Константиновича. О степени участия каждого в этой общей работе остаётся ещё много вопросов. Очевидно, что из-за ошибок публикаторов некоторые снимки при воспроизведении потеряли своих подлинных авторов, именем Б. К. Рериха подписаны лишь семь снимков, вышедших во втором и третьем выпусках [*ил. 13–19*]. Об этой странице истории семьи Рерихов необходимо написать отдельное масштабное исследование на основе тщательного сопоставительного изучения ряда музейных и архивных собраний, таких, как фотоархив Института истории материальной культуры РАН (материалы Н. К. и Б. К. Рерихов), архив М. В. Бабенчикова в Российском архиве литературы и искусства (фонд 2094), Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева (материалы Б. К. Рериха), архив Н. К. Рериха в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (фонд 44) и т. д.

На композиционно безупречных снимках можно видеть многие исконно русские православные святыни, любимые Рерихами, такие, как церковь Спаса Преображения на Нередице, Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, комплекс псковского погоста Сенно (с церковью Святого Георгия, звонницей и ставшими известными на весь мир благодаря Н. К. Рериху «лебедиными» воротами), псковскую церковь Успения с Пароменья, собор Василия Великого в Овруче, собор Георгия Победоносца в Юрьеве-Польском, а также гражданскую архитектуру. Разглядывая фотографии, мы можем следовать за мыслью Н. К. Рериха, который предлагал не забывать о том, что русская гражданская архитектура не менее значительна, чем палаты в Венеции.

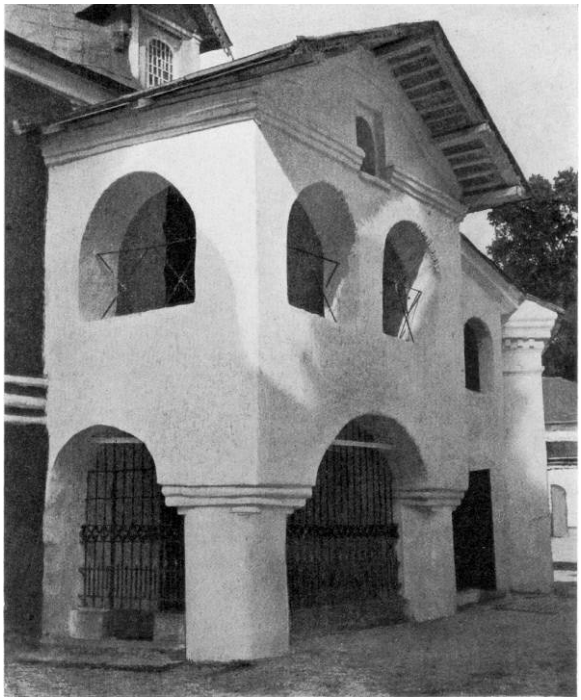


Ил. 13. Печоры. Успенский Псково-Печерский монастырь. Малая звонница обители Надвратная церковь Николы Ратного. Построить церковь предложил игумен Корнилий, а воплотил идею в 1564–1565 гг. архитектор Пётр Заболотный. Воспроизведено: *Грабарь И. Э.* История русского искусства. – М.: изд. И. Н. Кнебеля, [1910]. – Вып. 2 (т. I). – С. 261
Это место запечатлено Н. К. Рерихом на нескольких его этюдах и картинах 1903–1922 гг.

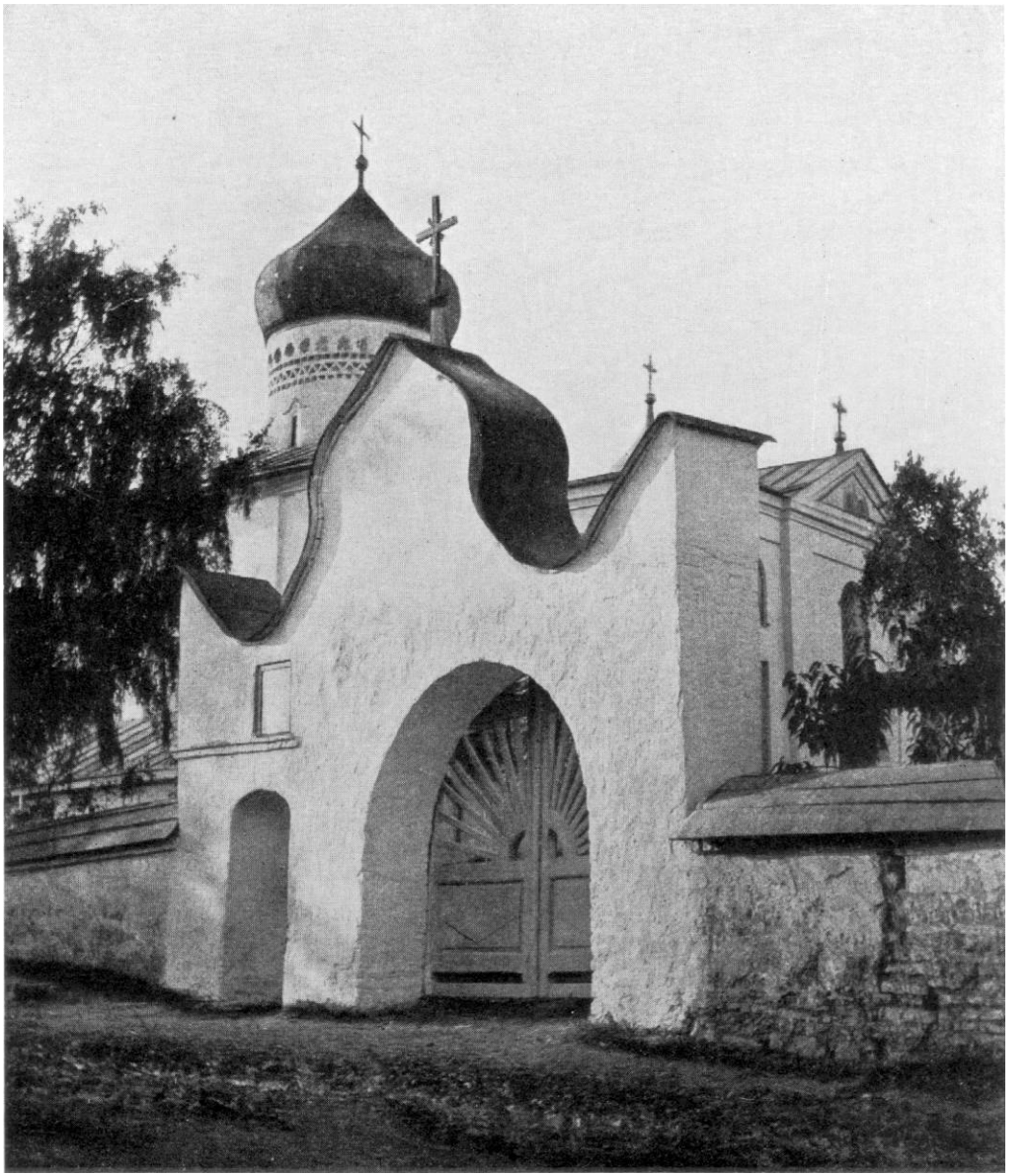
Ил. 14. Печоры. Успенский Псково-Печерский монастырь. Большая звонница обители 1523–1800 (датировка точно не определена). Воспроизведено: *Там же*. – С. 269
Это место запечатлено Н. К. Рерихом на картине «Дом Божий» и этюде 1903 г.



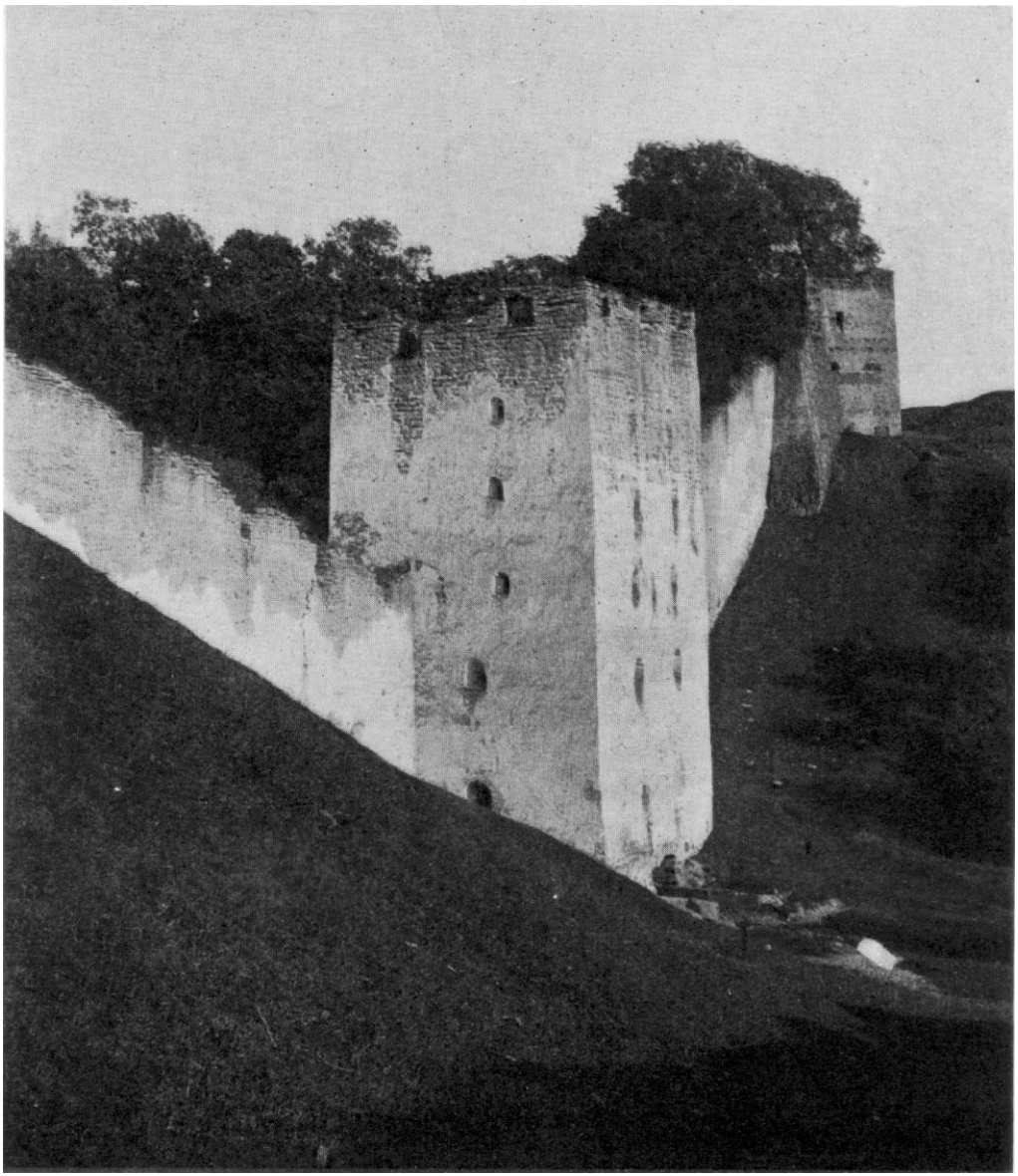
Ил. 15. Печоры. Успенский Псково-Печерский монастырь
Вход на малую звонницу обители. Воспроизведено: *Там же*. – С. 279



Ил. 16. Печоры. Успенский Псково-Печерский монастырь
Крыльцо на южном фасаде ризницы. XVI в. Воспроизведено: *Там же*. – С. 280
Это место запечатлено Н. К. Рерихом на картинах «Дом Божий» и «Псковский погост» 1903–1904 гг.



Ил. 17. Церковные ворота в погосте Сенно близ Пскова. XVIII в.
За ними – церковь Св. Георгия Победоносца (1562) с пределом в честь Святителя Феодосия, архиепископа Черниговского (1899). Воспроизведено: *Там же*. – С. 282
Данный памятник был запечатлён Н. К. Рерихом на нескольких вариантах полотна «Псковский погост» (1903–1904) и в других его произведениях

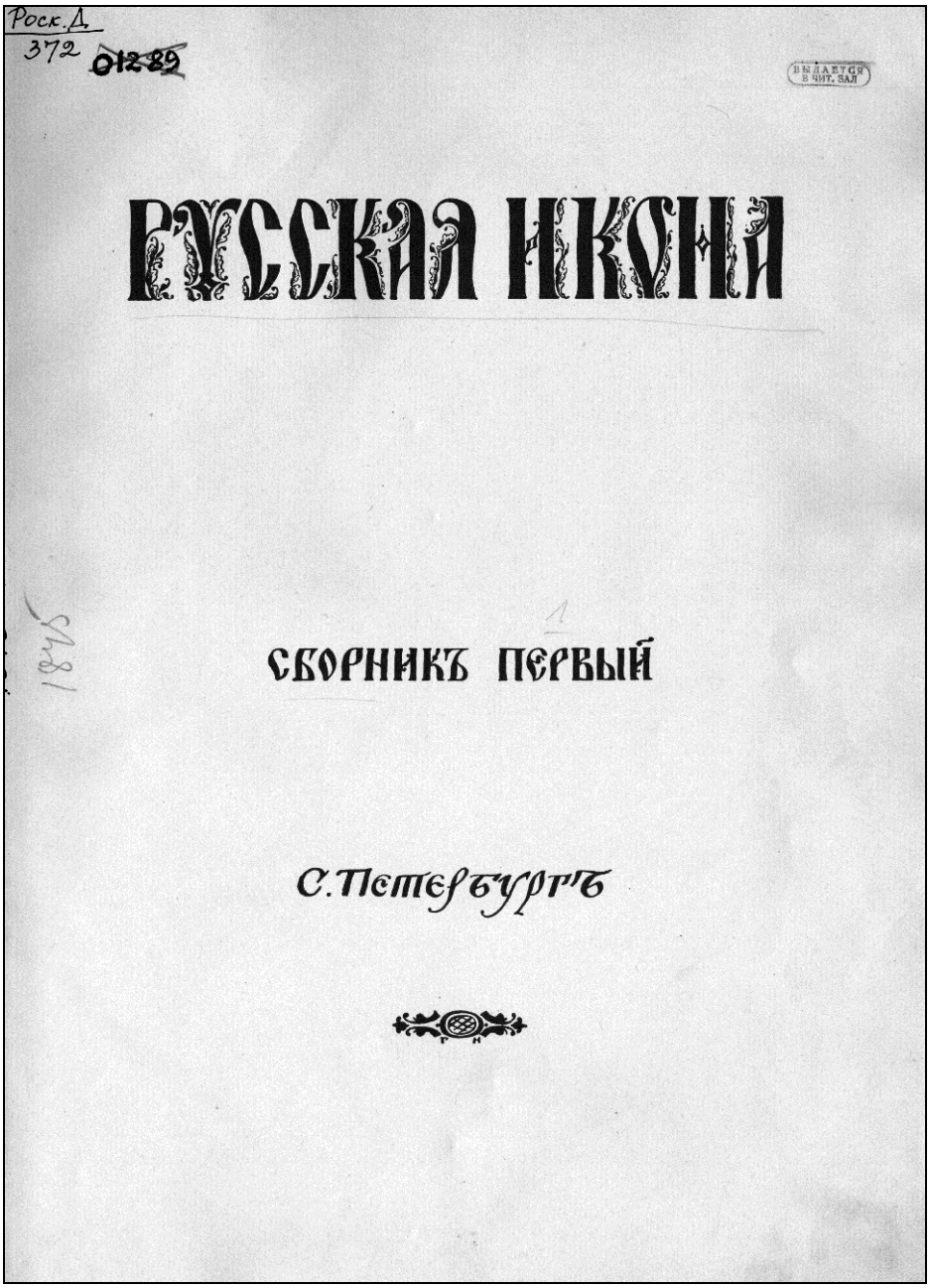


Ил. 18. Печоры. Крепостные стены Успенского Псково-Печерского монастыря
Башня верхних решёток. Воспроизведено: *Там же*. – Вып. 3 (т. I). – С. 283
Это место запечатлено Н. К. Рерихом на его этюде 1903 г.

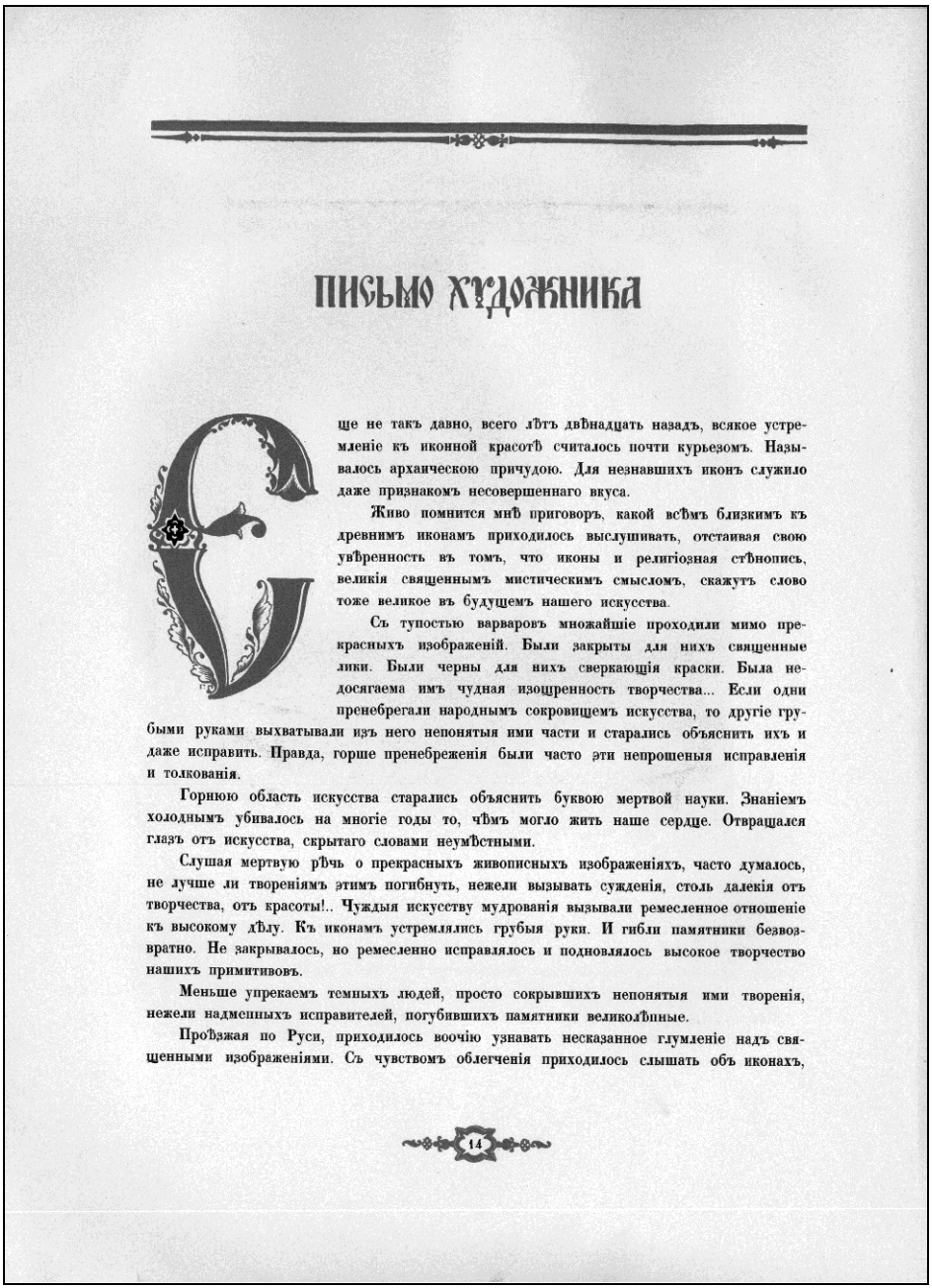
Ил. 19. Псков. Обработка окон в доме И. И. Сутоцкого. Конец XVII в.
Воспроизведено: *Там же*. – Вып. 3 (т. I). – С. 291
Это место запечатлено Н. К. Рерихом на его рисунках 1903 г.

6. Следующее знаковое начинание, естественное для Н. К. Рериха, – это **«Русская икона»** [*ил. 20*]. Возможно, кто-то заметит, что перед нами лишь одно из многих изданий того времени, посвящённых русской иконе, но для Николая Константиновича это было очень важное выступление. Здесь мы приводим его целиком [*ил. 21–26*].

Издание выпускалось петербургским Товариществом Р. Голике и А. Вильборг в 1914 г. Редактором его выступил С. К. Маковский. Всего вышло три выпуска (I том). Издание выходило каждые два месяца и, как и предыдущее начинание, прекратилось в связи с началом первой мировой войны. Но мы всё равно не можем не восхищаться единственным томом роскошного, крупноформатного (34,8 × 26,0 см), богато иллюстрированного издания, отпечатанного на бумаге верже. Иллюстрации воспроизведены в технике автотипии, фототипии, литографии и цветной печати. За художественное оформление издания отвечал Г. И. Нарбут, выполнивший обложки, титулы, инициалы, заглавия, концовки, рамки и другие украшения. Издание выходило ограниченным тиражом – менее 1000 экземпляров, 50 комплектов печатались на голландской бумаге нумерованными, а по желанию подписчиков – именными.



Ил. 20. Г. И. Нарбут. Титульный лист первого сборника «Русская икона» (СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1914). © Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)



ПИСЬМО ХУДОЖНИКА

Еще не такъ давно, всего лѣтъ двѣнадцать назадъ, всякое устремленіе къ иконной красотѣ считалось почти курьезомъ. Называлось архаическою причудою. Для незнавшихъ иконъ служило даже признакомъ несовершеннаго вкуса.

Живо помнится мнѣ приговоръ, какой всѣмъ близкимъ къ древнимъ иконамъ приходилось выслушивать, отстаивая свою увѣренность въ томъ, что иконы и религіозная стѣнопись, великія священнымъ мистическимъ смысломъ, скажутъ слово тоже великое въ будущемъ нашего искусства.

Съ тупостью варваровъ множайшіе проходили мимо прекрасныхъ изображеній. Были закрыты для нихъ священные лики. Были черны для нихъ сверкающія краски. Была недосягаема имъ чудная изощренность творчества... Если одни пренебрегали народнымъ сокровищемъ искусства, то другіе грубыми руками выхватывали изъ него непонятыя ими части и старались объяснить ихъ и даже исправить. Правда, горше пренебреженія были часто эти непрошеныя исправленія и толкованія.

Горнюю область искусства старались объяснить буквою мертвой науки. Знаніемъ холоднымъ убивалось на многіе годы то, чѣмъ могло жить наше сердце. Отвращался глазъ отъ искусства, скрытаго словами неумѣстными.

Слушая мертвую рѣчь о прекрасныхъ живописныхъ изображеніяхъ, часто думалось, не лучше ли твореніямъ этимъ погибнуть, нежели вызывать сужденія, столь далекія отъ творчества, отъ красоты!.. Чуждыя искусству мудрованія вызывали ремесленное отношеніе къ высокому дѣлу. Къ иконамъ устремлялись грубыя руки. И гибли памятники безвозвратно. Не закрывалось, но ремесленно исправлялось и подновлялось высокое творчество нашихъ примитивовъ.

Меньше упрекаемъ темныхъ людей, просто сокрывшихъ непонятыя ими творенія, нежели надменныхъ исправителей, погубившихъ памятники великолѣпные.

Проѣзжая по Руси, приходилось воочію узнавать несказанное глумленіе надъ священными изображеніями. Съ чувствомъ облегченія приходилось слышать объ иконахъ,

Ил. 21. Страница 14 первого сборника «Русская икона» (СПб., 1914)
© Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

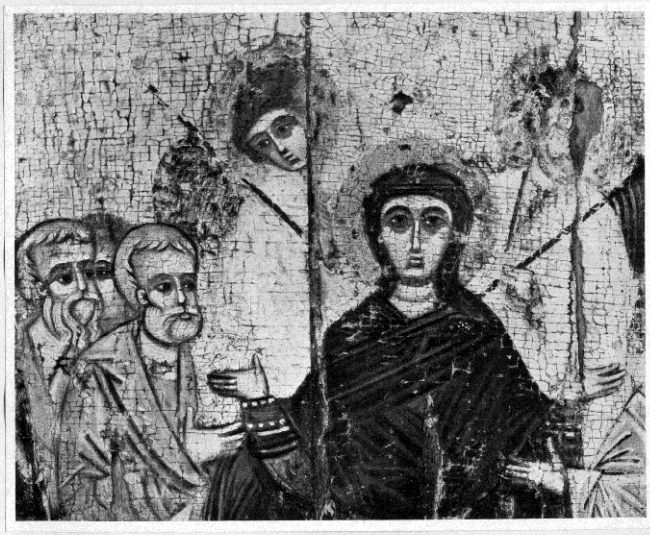
Божія Матерь съ Младенцемъ. Итало-греческихъ писемъ. XV в.
La Sainte Vierge et l'Enfant. Style ital$_o$-grec. XV s.

просто вынесенныхъ въ кладовую, и видѣть неопасно замазанныя фрески... Однако, какъ бы ни была несовершенна культура страны, какъ бы ни были скудны познанія духовныхъ лицъ и начальствующихъ въ мірѣ, — среди людей, преданныхъ иконамъ, жила твердая увѣренность въ томъ, что въ самое скорое время мы все таки познаемъ высокую цѣнность иконописныхъ памятниковъ. Молодые поймутъ, что истинное, смѣлое искусство древнихъ художниковъ болѣе не можетъ лежать подъ спудомъ, въ темныхъ углахъ.

Конечно, движенія общественныя всегда неукротимы. Отъ обиднаго незнанія мы быстро перескочимъ даже въ снобизмъ. На ряду съ прежними, уже рѣдкими, отрицаніями можно слышать увлеченіе новоявленное, смѣшное...

15

Ил. 22. Страница 15 первого сборника «Русская икона» (СПб., 1914)
© Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)



Вознесеніе (деталь). Новгородъ. XIV в. Fragment d'une Ascension. Nowgorod. XIV s.

Но лучше, пусть увлеченіе, пусть ослѣпленіе свѣтомъ, нежели мракъ. Снобы, зашедшіе посмотрѣть на икону, пройдутъ. Ихъ увлеченіе не надолго. Имъ, скучнымъ, все наскучитъ, но и изъ ихъ ряда выйдетъ кто нибудь и глубоко проникнется красотою стараго творчества и узнаетъ—какіе широкіе, блестящіе пути будущаго даетъ русская икона.

Послѣдніе годы для нашихъ священныхъ изображеній были особо опасными. Слишкомъ многое стало искажаться. Какъ будто заторопились вандалы въ своемъ мерзкомъ дѣлѣ. Испорченное ими стало осыпаться. Многое оказалось предварительно смытымъ и сбитымъ.

Приходила на умъ страшная мысль. Неужели будущимъ поколѣніямъ придется изучать древность по фальшивымъ и грубымъ подновленіямъ? Что же тогда могло бы запечатлѣться въ неясныхъ умахъ, если бы даже подлинная красота ими не была узнана?

Появились лишенныя вкуса и пониманія иконописныя артели. Стала искажаться твердая традиція мстерскихъ и холуйскихъ мастеровъ. Къ тому же, подъ личиной «улучшенія дѣла» ихъ начали учить рисовать античные гипсы и тѣмъ отрывать ихъ отъ исконнаго твердаго

16

Ил. 23. Страница 16 первого сборника «Русская икона» (СПб., 1914)
© Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

знанія. Немногіе голоса понимающихъ звучали одиноко, и прекрасныя иконныя собранія ничто не преображали.

Иноземцы намъ и тутъ помогли. Рядъ лучшихъ художниковъ Запада началъ усиленно указывать на наше забытое сокровище. На Западѣ объ иконахъ зашумѣли. Стали завидовать.

И вотъ, вмѣсто одинокихъ голосовъ, на защиту иконы поднялись толпы. Понесли иконы въ музеи. Понесли на площади, да увидятъ!

Пусть иконы поставятъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Пусть на перепутьяхъ, на площадяхъ водрузятъ ихъ, да свѣтятъ всѣмъ, но пусть помнятъ, что не по всѣмъ улицамъ иконы носить подобаетъ. Мѣра правильная установитъ на нашемъ камнѣ искусства и грань правильную.

Это будемъ помнить. О прежнихъ укоризнахъ навсегда забудемъ.

Св. Димитрій Селунскій (деталь). Новгородъ. Начало XIV в. (?)
St. Démétrius (Dmitri) de Thessalonique (détail). Nowgorod. Commencement du XIV s. (?)

Научимся смотрѣть глазомъ добрымъ. Будемъ помнить, что намъ нуженъ не споръ, но строительство.

Въ пониманіи иконъ за послѣдніе дни произошли оцѣнки правдивыя. Наконецъ то поняли, что не простыя темныя силы творили иконы, а художники, подлинные художники своего времени!

Вспомнимъ экстазъ написанія иконы:

... «дали ему святую воду и святыя мощи, чтобы, смѣшавъ святую воду и святыя мощи съ красками, написалъ святую и освященную икону. И онъ писалъ сію святую икону и только по субботамъ и воскресеніямъ пріобщался пищи и съ великимъ радѣніемъ и бдѣніемъ въ тишинѣ великой совершилъ ее»...

Вспомнимъ еще разъ, какъ возревновалъ объ иконѣ Стоглавъ и Соборъ царя Алексѣя Михаиловича:

Библиотека Академии Наук СССР

Ил. 24. Страница 17 первого сборника «Русская икона» (СПб., 1914)
© Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

... «съ превеликимъ тщаніемъ писати образъ Господа Нашего Іисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и Святыхъ Пророковъ... по образу и по подобію и по существу, смотря на образъ древнихъ иконописцевъ. И знаменовати съ добрыхъ образцовъ».

Соборъ царя Алексѣя Михаиловича разъясняетъ:

... «да иконы лѣпо, честно, съ достойнымъ украшеніемъ, искусстнымъ разсмотромъ художества пишены будутъ, во еже бы всякаго возраста благоговѣйная очеса си на тя возводящимъ къ сооруженію сердца къ любви Божіи и Святыхъ Его Угодниковъ, подражанію житію ихъ благоугодному возбуждатися и предстояще имъ мнѣти бы на небеси стояти себѣ предъ лицы самихъ первообразныхъ»...

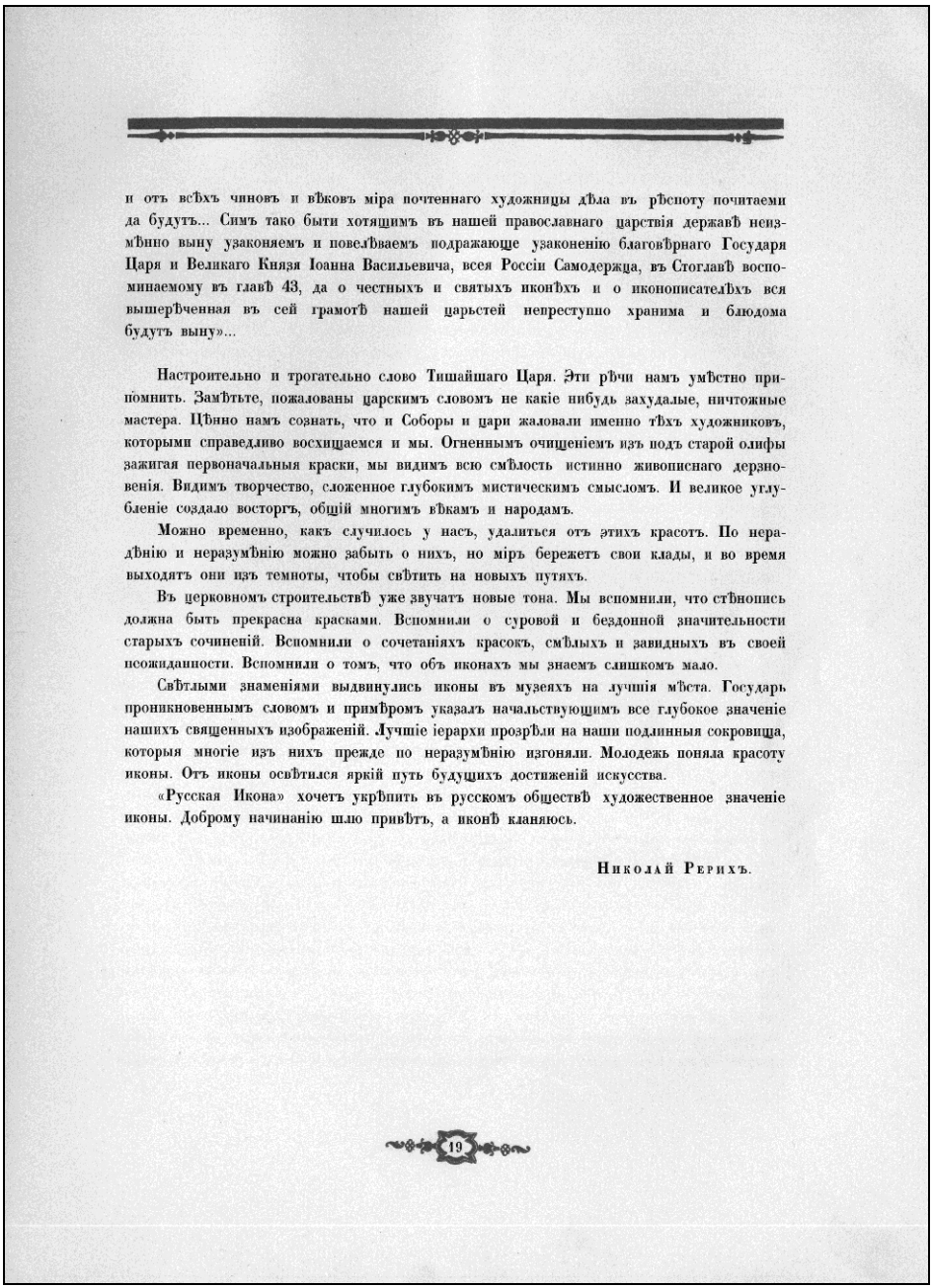
Не полѣнимся вспомнить еще разъ, какимъ словомъ Окружной Граматы Тишайшій Царь иконы и мастеровъ иконописцевъ пожаловалъ:

... «и яко при благочестивѣйшемъ и равноапостольномъ Царѣ Константинѣ и по немъ бывшихъ царѣхъ правовѣрныхъ церковницы... веліею честью почитаеми бяху, со сигклитомъ царьскимъ и прочіими благородными равенство почитанія повсюду пріимаху, тако въ нашей царьстей православнѣй державѣ иконъ святыхъ писателіе тщаливіи и честніи, яко истинные церковнаго благолѣпія художницы, да почтутся, всѣмъ прочіимъ предсѣданіе художникомъ да воспріимутъ и кисть различноцвѣтно употреблена тростію или перомъ писателемъ, да предравенствуютъ; достойно бо есть отъ всѣхъ почитаемыя хитрости художникомъ почитаемымъ быти.

«Почтежеся образотворенія дѣло отъ самого Бога, егда во ветхомъ завѣтѣ повелѣ ангельская лица въ храмѣ си и надъ кіотомъ завѣта вообразити. Пріятъ честь и въ новой Благодати отъ Самаго Христа Господа, егда изволилъ лице свое на обрусѣ Авгарю царю безъ писанія начертати. Почтеся отъ святыхъ Апостолъ, ибо святый Евангелистъ Лука святыя иконы писаше. Почтеся отъ всея православныя каѳолическія церкве, егда на седмомъ вселенскомъ соборѣ иконамъ святымъ должное утвердися поклоненіе. Почтеся и отъ Ангелъ святыхъ, ибо многажды сами святыя иконы Божіимъ написаху повелѣніемъ, яко во святой великой лаврѣ Кіево Печерской, вмѣсто иконописца Алимпія святого и иногда многащи.

«Непреобидимо и пренебрегомо сіе православное рукодѣліе и отъ начальствующихъ въ мірѣ во вся предѣтекшіе вѣки бяше: не точію бо благородныхъ чада, гонзающе праздножительства и бездѣлнаго щапства, многошарною любезно труждахуся кистію, но и самѣмъ златый скипетръ держателемъ изряднѣйшая бываше утѣха, кистію и шары различноцвѣтными художества хитродѣліемъ Богу и естеству подражати. Кто бѣ въ древнемъ Римѣ преславный отъ Павелъ Емилій, его же похвалами вся книги историческія исполнишася: сей взыска въ Аѳинѣхъ Митродора иконописца, купно и философа, во еже бы научити юныя си краснѣйшему преславныхъ побѣдъ своихъ начертанію. Коль славный родъ Фавіевъ Римскихъ: сихъ праотецъ Фавій не меншую стяжа похвалу иконною кистью, яко прочіе мечемъ и копіемъ острымъ. А Гречестіи премудріи законополагателіе толь честно сіе судиша быти художество яко же завѣтъ имъ положити, да никто отъ рабъ и плѣнникъ иконнаго писанія вданъ будетъ изученію, но точію благородныхъ чада и совѣтничіи сынове тому преславному навыкнутъ художеству. Толико убо отъ Бога, отъ церкве

Ил. 25. Страница 18 первого сборника «Русская икона» (СПб., 1914)
© Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)



и отъ всѣхъ чиновъ и вѣковъ міра поченнаго художницы дѣла въ рѣспоту почитаеми да будутъ... Симъ тако быти хотящимъ въ нашей православнаго царствія державѣ неизмѣнно выну узаконяемъ и повелѣваемъ подражающе узаконенію благовѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, въ Стоглавѣ воспоминаемому въ главѣ 43, да о честныхъ и святыхъ иконѣхъ и о иконописателѣхъ вся вышерѣченная въ сей грамотѣ нашей царьстей непреступно хранима и блюдома будутъ выну»...

Настроительно и трогательно слово Тишайшаго Царя. Эти рѣчи намъ умѣстно припомнить. Замѣтьте, пожалованы царскимъ словомъ не какіе нибудь захудалые, ничтожные мастера. Цѣнно намъ сознать, что и Соборы и цари жаловали именно тѣхъ художниковъ, которыми справедливо восхищаемся и мы. Огненнымъ очищеніемъ изъ подъ старой олифы зажигая первоначальныя краски, мы видимъ всю смѣлость истинно живописнаго дерзновенія. Видимъ творчество, сложенное глубокимъ мистическимъ смысломъ. И великое углубленіе создало восторгъ, общій многимъ вѣкамъ и народамъ.

Можно временно, какъ случилось у насъ, удалиться отъ этихъ красотъ. По нерадѣнію и неразумѣнію можно забыть о нихъ, но міръ бережетъ свои клады, и во время выходятъ они изъ темноты, чтобы свѣтить на новыхъ путяхъ.

Въ церковномъ строительствѣ уже звучатъ новые тона. Мы вспомнили, что стѣнопись должна быть прекрасна красками. Вспомнили о суровой и бездонной значительности старыхъ сочиненій. Вспомнили о сочетаніяхъ красокъ, смѣлыхъ и завидныхъ въ своей псожиданности. Вспомнили о томъ, что объ иконахъ мы знаемъ слишкомъ мало.

Свѣтлыми знаменіями выдвинулись иконы въ музеяхъ на лучшія мѣста. Государь проникновеннымъ словомъ и примѣромъ указалъ начальствующимъ все глубокое значеніе нашихъ священныхъ изображеній. Лучшіе іерархи прозрѣли на наши подлинныя сокровища, которыя многіе изъ нихъ прежде по неразумѣнію изгоняли. Молодежь поняла красоту иконы. Отъ иконы освѣтился яркій путь будущихъ достиженій искусства.

«Русская Икона» хочетъ укрѣпить въ русскомъ обществѣ художественное значеніе иконы. Доброму начинанію шлю привѣтъ, а иконѣ кланяюсь.

Николай Рерихъ.

19

Ил. 26. Страница 19 первого сборника «Русская икона» (СПб., 1914)
© Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

Н. К. Рерих был приглашён в состав редколлегии и авторского коллектива, куда, кроме него, вошли выдающиеся художники и искусствоведы Серебряного века, такие, как С. К. Маковский, П. И. Нерадовский, Н. Н. Пунин, А. И. Соболевский, И. Я. Билибин, П. П. Муратов. «Русская икона» вышла при ближайшем участии Общества изучения древнерусской иконописи и крупнейших коллекционеров и исследователей русской иконы того времени: А. Ф. Гауша, И. С. Остроухова, С. П. Рябушинского, Б. И. и В. Н. Ханенко, М. К. Ушакова и других. В книге представлены выдающиеся образцы византийской, новгородской, московской, ярославской, строгановской иконописных школ. Будучи первой после редакторского вступления, статья Николая Константиновича открыла весь исследовательский ряд книги. Впервые после лекционного курса «Художественная техника в применении к археологии», куда вошли отдельным блоком лекции «Художники Древней Руси» (1898–1899), Н. К. Рерих затронул ближайшие задачи изучения иконописи, упомянул проблемы восприятия в обществе средневекового культового искусства. Вместе с другими авторами издания он поучаствовал в общем обзоре развития русского культуры в связи с изучением иконописи, в котором были затронуты и проблемы взаимодействия художественных традиций эллинизма и Ближнего Востока, выразившиеся в отечественном искусстве. Момент, когда Н. К. Рерих сказал своё высокое слово о столь любимом им явлении русской культуры как икона, был очень важен.

«Государь проникновенным словом и примером указал начальствующим всё глубокое значение наших священных изображений» («Письмо художника», 1914).

Значит, накануне величайших потрясений дошла мысль художника до руководства страны, значит, ему удалось запустить иной «спусковой механизм» русской жизни, отодвигающий народ от пропасти и распада. Это упоминание императора Николая II становится ещё более знаковым, особенно в свете того, что мы услышали сегодня в докладах сотрудников Царскосельской иконописной мастерской, упомянувших поездки Государя по Волге и в Ростов Великий накануне принципиального решения о программах украшения Феодоровского Государева собора и Феодоровского Государева Русского городка в Царском Селе.

На что было упование мастера? На широкие, блестящие пути будущего, которые даёт русская икона. На творчество, сложенное глубоким мистическим смыслом. И на великое углубление, создавшее восторг, общий многим векам и народам.

7. В годы перед отъездом из России возникло ещё несколько воззваний Николая Константиновича, связанных с памятниками русской культуры. Он активно участвовал в судьбе Спаса-на-Нередице и Рюрикова Городища в Великом Новгороде, его беспокоили грубые реставрации и ремонты в ярославских, псковских и костромских храмах. И попытки переименовать простую русскую **деревеньку Боровёнку** также не оставили его равнодушным.

Вместе с Анатолием Лядовым и Сергеем Городецким он публикует в «Биржевых ведомостях» письмо в редакцию под звучным названием *«Опомнитесь!»*, в котором напоминает о непреходящем значении **русского языка.** Если И. С. Тургенев определил наш язык как *великий* и *могучий*, то Н. К. Рерих назвал его *мудрым* и *красивым*.

«Горько и страшно становится всякому русскому сердцу от мысли, что имена селений, из которых многие и многие имеют смысл исторический, из которых многие являются единственными источниками исторических исследований, стали доступны произволу забывающих родину и родное» («Опомнитесь!», 28 апреля 1912)*.

В этом воззвании обращает на себя одна деталь – нарочито русский способ написания места и даты. В 1912 г. три русских человека обозначили свой текст так: *Петроград. Цветень, 28.* Если первое обозначение относилось к будущему (Петроград возник на волне антинемецких настроений лишь 18 (31) августа 1914 г. и просуществовал до 26 января 1924 г.), то второе – к далёкому прошлому. Обозначая весенний месяц старинным и, увы, почти забытым русским словом, авторы воззвания сознательно пошли на то, чтобы напомнить соотечественникам смысл многого утерянного нашим языком за века его безудержного европеизирования. Теперь мы даже не помним, что и само слово «календарь» в русском языке известно лишь с конца XVII в. До этого его называли мудро «месяцесловом». Апрель – «снегогон», «цветень». Каждый месяц «говорил» о себе незаменимые слова.

С соавторами воззвания Н. К. Рериха сближало общее обращение к исконно народной символике. Для композитора А. К. Лядова в 1910 г. он написал эскиз декорации к его сюите «Кикимора». Для С. М. Городецкого – выполнил обложку к первому сборнику его стихотворений «Ярь» (1907), в дальнейшем называл его «ведуном русского слова», «автором особенно близких для меня песен», «чутким художником» и «сердечным человеком» (20 ноября 1913). Во втором сборнике С. М. Городецкого «Перун» (1907) Н. К. Рериху посвящено стихотворение «Проводы», насыщенное древнеславянской образностью:

Скорее, жрец,
Зажги костёр!
Кричит птенец,
Кремень остёр.

В этих чеканных строках присутствует не только поэтическое впечатление, не только образный символизм. Здесь и буквальная, сермяжная правда жизни. В своём творчестве и научных занятиях Н. К. Рерих погружался в самые ранние эпохи человеческой культуры, он изображал на своих полотнах идолов, языческих жрецов, слушавших *веления Неба*, дававших заклятия – *земное, водное*, *огненное*. Наконец, и кремни – орудия каменного века – стали на много лет предметом его археологических изысканий во многих местах Валдая, как раз неподалёку от защищаемой ими Боровёнки…

8. Рядом с Боровёнкой ещё одна станция Николаевской железной дороги – Алёшинка. От неё четыре километра через посёлок Корыхново до следующего важного пункта на карте символической «Державы Рериха» – **села Мшенцы**, также когда-то «открытого» Н. К. Рерихом. Это небольшое местечко в бывшем Валдайском уезде

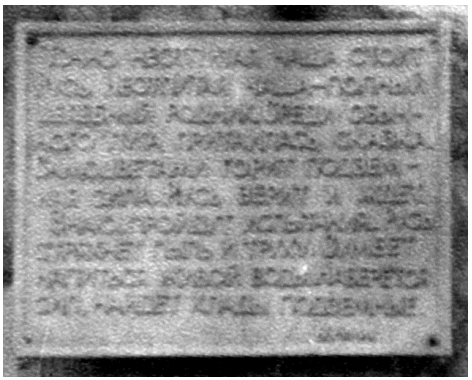
* Биржевые ведомости. СПб., 1912. – 7/20 мая. – Вечерний выпуск. – № 12924. – С. 7.

Новгородской губернии (ныне – в Бологовском районе Тверской области), как и прошлые века, – центр трепетного потаённого паломничества.

Всемирным русским магнитом Мшенцы стали благодаря единственному упоминанию в очерке художника. Сам он мог обратить на это место внимание, листая иллюстрированный путеводитель по Николаевской железной дороге, изданный Управлением железных дорог в Петрограде в 1914 г. В сведениях о хорошо знакомой ему станции Лыкошино указано: «В 5 верстах село Пирос. К югу в 6 верстах при озере деревня и погост Мшенцы. Там когда-то была мужская пустынь, в 1764 г. пустынь была обращена в приходскую церковь Святой великомученицы Параскевы Пятницы». До конца XIX в. это было подворье Киево-Печерской лавры. Деревянная церковь, построенная в 1826 г., сгорела, и на её месте, на пожертвования многих, в том числе московской семьи Аркановых, в 1864 г. по образцовому проекту в стиле архитектора К. А. Тона был построен каменный однопрестольный храм во имя Святой великомученицы Параскевы. Цоколь церкви сложен из тёсаного валунного камня. Один из таких камней теперь – *рериховский*, с мемориальной доской, лежит на лугу неподалёку между церковью и одним из родников.

Этот валун благодаря Н. К. Рериху стал для многих воистину *священным камнем*, прибежищем рериховской мысли. Вот уже век он хранит его касания и касания

Ил. 27. Основатель Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов Л. С. Митусова во Мшенцах. 2000. Фотография В. И. Разумова. © СПбГМИСР. КП-3714



Ил. 28–29. Изменение внешнего вида мемориальной доски на священном камне во Мшенцах
Слева – снимок 1970-х гг. из архива П. Ф. Беликова (Эстония), справа – снимок 6 июня 2012 г.

многих других подвижников русской культуры, потянувшихся к этому месту вслед за ним [*ил. 27*]. Мемориальная доска, установленная на камне, то исчезает, то появляется вновь [*ил. 28–29*]. Мы наблюдаем её с 1970-х гг., сначала по фотографиям из архива Павла Фёдоровича Беликова, со времени, когда она появилась здесь по инициативе этого видного мыслителя, последователя Н. К. Рериха, потом по собственным ежегодным поездкам. Священный камень стоит, целебные родники бьют…

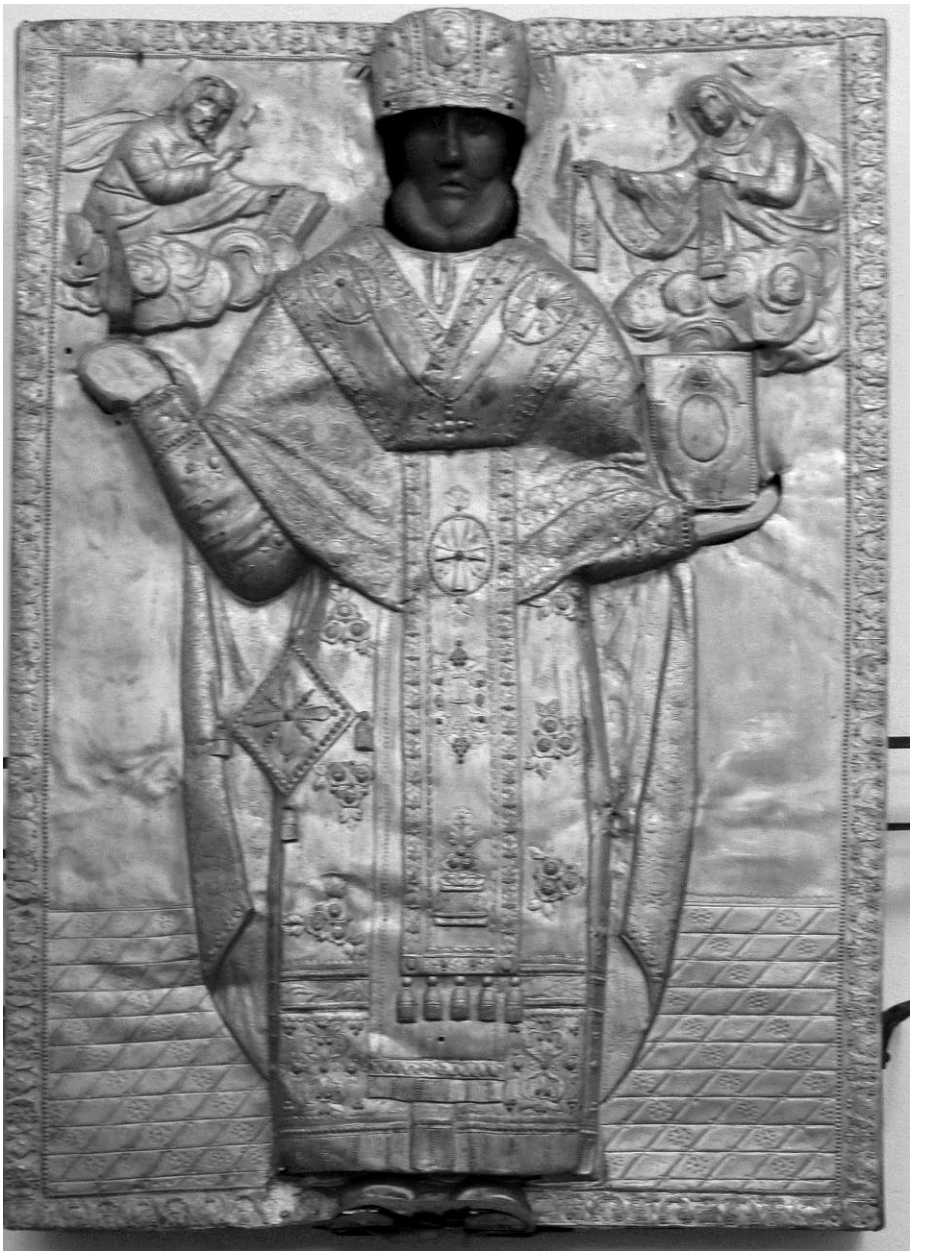
«Не то чудо, что ещё живы русалки. Жив ещё "честной лес". По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время ещё.

А вот чудо. Среди зелёного, мшистого луга, около овечьего стада, наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина. Чаша неотпитая. Яма – сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям всё заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлётов. Бьёт мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом и пить трудно. Сильно бьёт родник по камням. Бежит в поле речкой. Никому и дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах» («Чаша неотпитая», 1916).

В церкви, видимо, ещё со времён Н. К. Рериха хранится чудотворный резной образ Святого Николая в прекрасной серебряной ризе [*ил. 30–33*]. Не сомневаюсь, что этот образ, исполненный на липовой доске высотой в два аршина, вдохновил художника на создание нескольких произведений, посвящённых святителю. Он здесь представлен во весь рост в архиерейском облачении, умело украшенном знаками Троицы [*ил. 33*]. В верхних углах ризы в облачном сегменте изображены полуфигуры Христа и Богоматери. Христос правой рукой благословляет, а левой держит Евангелие. В руках Марии омофор. Мне довелось видеть образ ещё до реставрации [*ил. 30*]. Ныне все главы украшают венцы, подобные лубочным, в правой руке святителя – стальной меч, в левой – дарохранительница [*ил. 31* и *32*]. В вариантах образа в левой руке святитель держит град или храм.



Ил. 30. Резной образ Николая Чудотворца в серебряной ризе до реставрации
Церковь Святой великомученицы Параскевы-Пятницы. Село Мшенцы
Бологовский район Тверской области. Снимок автора 11 сентября 2005 г.

Ил. 31. Резной образ Николая Чудотворца в серебряной ризе после реставрации
Церковь Святой великомученицы Параскевы-Пятницы. Село Мшенцы
Бологовский район Тверской области. Снимок автора 6 июня 2012 г.

Ил. 32. Фрагмент резного образа Николая Чудотворца в серебряной ризе после реставрации
Церковь Святой великомученицы Параскевы-Пятницы. Село Мшенцы
Бологовский район Тверской области. Снимок 6 июня 2012 г.

Ил. 33. Фрагмент резного образа Николая Чудотворца в серебряной ризе до реставрации
Церковь Святой великомученицы Параскевы-Пятницы. Село Мшенцы
Бологовский район Тверской области. Снимок автора 11 сентября 2005 г.

Однажды в рождественские дни 1914 г. у Н. К. Рериха был сон-видение, в котором вместо желанных «волхвов со звездою» к нему пришли Прокопий Праведный и Никола-святитель. После речи Прокопия Праведного вышел седоватый Никола и поднял меч, а к нему придвинулись люди, их было много, и они молились:

«Никола милостивый! Ты – чудотворец! Ты – могучий! Ты – святитель! Ты – воинствующий!

Ты – сердца побеждающий! Ты – водитель мыслей истинных! Силы земные ты знающий!

Ты – меч хранящий! Ты – городам заступник! Ты – правду зрящий! Слышишь, владыко, моления?

Злые силы на нас ополчились. Защити, владыко, пречистый град! Пречистый град – врагам озлобление!

Прими, владыко, прекрасный град! Подвигай, отче, священный меч! Подвигни, отче, всё воинство!

Чудотворец! Яви грозный лик! Укрой грады святым мечом! Ты можешь! Тебе сила дана!

Мы стоим без страха и трепета».

Но трепет испытает каждый, кто сможет добраться в этот Богом хранимый уголок исконной России. В храме находится и икона святой Параскевы Пятницы, чтимой на Руси так же горячо, как и образ Николая Чудотворца. А у одного из самых обильных родников, у края карстового провала, глубину которого не могут точно определить и сейчас, у той самой *чаши неотпитой*, устроена часовня Казанской иконы Божией Матери. Как говорит семейное предание Митусовых, именно образ Казанской иконы чтился не только в семьях Голенищевых-Кутузовых и Митусовых, но и у Рерихов, находящихся с ними благодаря Елене Ивановне в близком родстве.

Старожилы передают из уст в уста, что один из списков Казанской иконы был обретён перед началом Отечественной войны 1812 года именно в селе Мшенцы. Икона лежала на дне водоёма, и при каждой попытке поднять её на поверхность образ терялся. Местные жители рассказали об этом своему священнику. И только после того, как батюшка совершил Божественную литургию, икону Богородицы достали из воды и торжественным крестным ходом перенесли в тогда ещё деревянный храм великомученицы Параскевы. Там Казанский образ Божией Матери находился более ста лет. А на месте чудесного обретения иконы построили часовню.

Так и стали для Н. К. Рериха Мшенцы символом России и залогом его духовного подвига.

В год обретения этой национальной святыни Николай Константинович написал программную статью «Слово напутственное» (1916). Уже в её названии чувствуется, что, с одной стороны, он прощается с родной страной, а с другой – готовится к новому этапу борьбы за ценности русской культуры за её пределами.

«На далёких русских равнинах подчас вообще ещё не знают, что такое картина».

Именно тогда появились десятки картин в контексте этого ощущения. Художник словно торопится донести до русского народа озарившие его образы святых

Ил. 34. Н. К. Рерих. Князь. 1916. Дерево, темпера. 35,5 × 44,5
© Государственный музей искусств Узбекистана (Ташкент)

угодников, князей-воителей, неведомых старцев, тружеников, волокущих огромные ладьи, всех тех мощных деятелей прошлого, которые и составили русскую культуру. Он даже берётся за несвойственный ему жанр – пишет портрет *«Князь»* (1916) [*ил. 34*], которого в этой жизни никогда не видел. Получился совершенно новый тип *портрета-припоминания*, – скорее всего, из его нового художественного озарения, – наполненный подлинно русской стилистикой, в которой сплавлены в типично рериховском единстве варяжские детали одеяния, византийская орнаментальность фона и древнерусская разработка лица, напоминающего облики храмовых декораций соборов Владимира и Юрьева-Польского.

9. О **Фёдоровском Государеве городке**, который его подвижник М. П. Капралов всегда уважительно величает **Русским**, здесь я подробно говорить не стану. О нём уже прекрасно сказали другие докладчики и высокочтимый отец Николай.

Отмечу одну нереализованную в Городке рериховскую идею – печать, предложенную художником. В этом предложении – суть отношения Н. К. Рериха к тому, что делалось в Фёдоровском городке под покровительством Николая II.

В «Записи третьего заседания Совета Общества возрождения художественной Руси» от 24 апреля 1915 г. читаем в шестом по порядку пункте:

«Рисунок печати Общества

Членом-учредителем Н. К. Рерихом изготовлен рисунок печати Общества с изображением града Китежа, знаменующим собою возрождение Древней Руси. Не касаясь художественных достоинств этого изображения и приняв лишь во внимание, что воплощение в таком рисунке мысли о "возрождении" оказалось бы не вполне ясным для большинства и прямо непонятным для широких слоёв народа, Совет не счёл возможным остановиться как на рисунке Н. К. Рериха, так и вообще на изображении для печати Общества града Китежа, оставив вопрос о печати временно открытым»[*].*

При этом присутствовали: председатель Общества возрождения художественной Руси (далее – *ОВХР*) князь А. А. Ширинский-Шихматов, члены Совета: протоиерей отец А. П. Васильев, Н. В. Покровский, В. В. Суслов; председатель Разряда словесности Д. П. Голицын-Муравлин; член-учредитель Д. Н. Ломан; правитель дел М. М. Пуришкевич, действительный член Е. Э. Метцгер…

Парадокс в том, что, отвергнув идею Китежа, единомышленники Николая Константиновича не предвидели судьбы своего драгоценного детища. Но именно новым Китежем явился Фёдоровский городок для русской культуры. Большая часть собранного и воздвигнутого в нём поглотило суровое лихолетье XX века.

Как известно, вторая часть известного «Китежского летописца» («Книга, глаголемая летописец…») повествует о спасительном значении града Китежа для верующих и недосягаемости для сомневающихся:

«Если же пойдёт, и сомневаться начнёт, таковому закроет Господь град. И покажется он ему лесом или пустым местом... И сей град Большой Китеж невидим стал и оберегаем рукою Божиею... по молению и прошению тех, кто достойно и праведно к нему припадает».

Основным источником данной части «Летописца» является сочинение «Послание к отцу от сына из одного сокровенного монастыря» (1702). В нём град Китеж предстаёт как поучительный пример.

Фёдоровский Государев городок – аналогичный весьма поучительный пример для нас всех. Участие Н. К. Рериха в его созидании – ещё во многом не исследованная глава его жизни. Он примкнул к общему начинанию, желая всеми силами актуализировать русскую культуру: брать лучшее из её прошлого, раскрывать в настоящем и передавать в будущее. К тому же, он как практик, человек конкретного дела не мог сидеть, сложа руки. И если, например, он видел, что Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (было и такое!) способно

[*] Цит. по: Общество возрождения художественной Руси и Фёдоровский городок Царского Села (сборник документов и материалов) / Сост., предисловие и комментарии Ю. В. Шабаровой. – СПб.: Общество русской традиционной культуры, 2013. – С. 96.

спасти хоть один храм в нашей стране, то он участвовал в его начинаниях, входил в его Совет (с 1909 г.), помогал, писал, взывал.

К слову сказать, вместе с В. Т. Георгиевским в рамках обоих отмеченных обществ, Николай Константинович организовал ряд публичных мероприятий в пользу разрушающегося собора Рождества Пресвятой Богородицы Ферапонтова монастыря с гениальными фресками Дионисия. Десятого марта 1916 г. в помещении петроградского Русского Собрания состоялось собрание членов ОВХР, на котором выступили с сообщениями академик А. И. Соболевский – «Древнейшие памятники художественной Руси», академик Н. К. Рерих – «Путь творчества» и В. Т. Георгиевский – «О хождении по Руси»*.

В «Слове напутственном» (1916) Николай Константинович отмечал:

«…Всякое общественное воздействие, всякий объединённый порыв, направленный к насаждению на Руси искусства и знания, неотложно необходим выше всякой меры».

По инициативе князя А. А. Ширинского-Шихматова летом в 1916 г., в самый разгар первой мировой войны, ОВХР удалось выпустить первое (увы, оказавшееся единственным) «более или менее доступное для широких слоёв издание русских древностей»**. Был представлен вид древних предметов, который ещё никем не был издаваем: изделия из железа. В альбом в мягкой обложке, украшенной художником С. П. Яремичем [*ил. 35*], было собрано в итоге лишь десять таблиц с изображениями. Эти разнообразные предметы, наполненные богатым художественным, этнографическим и историческим содержанием, радуют глаз и сегодня.

Н. К. Рерих предложил при обращении учебных заведений непосредственно в ОВХР отпускать это издание в половину его продажной цены, и это его предложение было поддержано.

Под эгидой ОВХР в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств (её в Петербурге даже члены Дома Романовых называли «школой Рериха»), Н. К. Рерих организовал введение древнерусских образцов в учебный процесс подготовки художников, причём не только Рисовальной школы, но и других художественных школ.

За всеми этими начинаниями уже брезжила чаемая эпоха Возрождения русской культуры, обозначался следующий этап изучения русской старины, который был в одночасье сорван трагедией 1917 г.

Удивительно, но при этом музейное дело и научное искусствоведение стали расти именно в советскую эпоху. Предшествующим поколением был дан настолько сильный импульс в *отечествознании*, что остановить поток любящих культуру и интересующихся ею было уже невозможно. Как и мечтал Н. К. Рерих, разработавший в 1917 г. проект «Народной Академии», к культуре подошли слои населения, которые прежде о ней даже не помышляли.

---

* *Там же.* – С. 120.

** *Там же.* – С. 128.

Ил. 35. С. П. Яремич. Обложка альбома «Древности России. Вып. 1. Железо», изданного в 1916 г. Обществом возрождения художественной Руси
© Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)

Ил. 36. Ю. Н. Рерих. Головной убор женщин в кочевье Рати. Северный Тибет. 28 марта 1928

Воспроизведено: *Мельников В. Л.* По лицу Земли. Географические карты XVI–XX веков в Музее-институте семьи Рерихов: [Каталог выставки] / Отв. ред. А. А. Бондаренко. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2007. – С. 85. – Табл. LXVII

И сейчас мы живём в такое время, когда нужно ещё раз переосмыслить наследие Н. К. Рериха и его современников. Нужно возродить рериховское отношение к высокому Русскому стилю. Нужно «количественные» научные результаты по исследованию русского культурного наследия наконец-то перевести в «качественные».

* * *

Уехав из России, Николай Константинович не растерял своего отношения к русской культуре и свежести её восприятия. Посетив ненадолго Алтай, он обнаружил там давно чаемый им мир удивительных староверов – хранителей традиционной русской культуры. Сохранилась целая серия ещё неопубликованных фотографий, сделанных Рерихами и их сотрудниками в 1926 г., во время Первой Центральноазиатской экспедиции. Из Верхнего Уймона – редкие кадры крестьян, включая групповые снимки целой семьи, предметы искусства и быта, угодья, дом, где останавливалась экспедиция. Семья Вахромея Семёновича Атаманова настолько прониклась доверием к петербургскому старцу (Николай Константинович тогда уже носил бороду), что делилась с ним всем самым насущным – и в материальном, и в духовном смысле. Елене Ивановне на письменный стол постоянно приносили букеты цветов, всем играли на балалайке и пели. Мы видим, что алтайские фотографии не постановочны, в них чувствуется отношение снимаемых к тем, кто снимает.

Уже в Тибете руководитель научной части экспедиции Н. К. Рериха, его сын Ю. Н. Рерих делает удивительный рисунок женской фигуры в… кокошнике [*ил. 36*]. Разглядывая его, соглашаешься с Н. Н. Королёвым и Ю. В. Шабаровой, авторами-составителями замечательного альбома «Русский городок Царского Села – Китеж XX века» (СПб.: Издание Общества русской традиционной культуры, 2011), предложившими следующий вывод:

«Рерих был продолжателем дела Николая II не только по возрождению русского стиля, но и по изучению самобытности культур индоевропейских народов. Он прошёл по маршруту Алтай – Гималаи до Дарджилинга, который считался воротами для европейцев к Тибету (во время своего путешествия на Восток Николай II не попал туда из-за заболевшего в Индии младшего брата Георгия)»[*].

Идея поиска русских корней где-то в глубинах Азии никогда не оставляла художника и мыслителя. В этом свете всемирность русской души получала совершенно иное измерение, объединяла разные народы, эпохи, страны в сердце русского Человека с большой буквы – Н. К. Рериха.

И последнее. Всем маловерам, сомневающимся в том, что Н. К. Рерих жил и умер православным, нужно увидеть фотографии, которые обычно не показывают и не публикуют. На них – на смертном одре великий человек в свой последний час. В изголовье у него – иконы Божией Матери и Святого преподобного Сергия Радонежского. О каком отходе от русской культуры можно говорить?!

---

[*] Цит. по: *Там же.* – С. 467.

А. А. САВКИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ВЫПУСКНОМ СОЧИНЕНИИ Н. К. РЕРИХА, ПОСВЯЩЁННОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ДРЕВНОСТЯМ РУСИ

Творческий путь Рериха-художника, философа, писателя, учёного, общественного деятеля поражает интеграцией искусства и науки, художественного творчества и объективного знания. Уже в петербургский период А. Н. Бенуа, его соученик по гимназии К. И. Мая и собрат по «Миру искусства», пишет: «Ведь Рерих целен… Нет вовсе двух Рерихов, а есть всего один Рерих – издатель “Стоглава”»[1].

Показательно начало этого пути, первые значительные работы – *дипломы*, как их назвали бы сегодня. Заканчивая Высшее Художественное училище при Императорской Академии художеств (1897) и юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1898), он создаёт не только обязательные «зачётные» работы, но и самостоятельные произведения, полотно *«Гонец. Восстал Род на род»* и научное исследование «Правовое положение художников Древней Руси».

В этих работах отразился интерес Николая Рериха к истории и археологии, но, пожалуй, самое главное – живое чувство, восприятие старины как лично пережитого. Именно оно помогает создать живописную работу, которую сразу же, на Академической выставке, отмечают И. Е. Репин и С. П. Дягилев, её восторженно принимает В. В. Стасов, покупает для своей галереи П. М. Третьяков, а впоследствии патриарх русской культуры Л. Н. Толстой напутствует молодого художника «высоко держать руль» нравственных требований[2]. И непосредственное переживание истории заставляет Николая Рериха, собирая материал для «историко-правового обзора», как он сам его называет, обратиться в 1896 г. с письмом к московскому историку и археологу И. Е. Забелину с просьбой указать «какие-либо колоритные юридические (прежде неизвестные) случаи из жизни художников»[3].

Н. К. Рерих выделяет для себя в русской истории вопрос «о быте и положении русских художников, как приезжих, так и местных. Вопрос совсем не исследованный»[4]. Рерих обращается к обширному материалу: документам Археографической экспедиции, старинным указам и уставам, трудам И. Е. Забелина, Д. А. Ровинского, Н. В. Покровского. Он собирает и приводит свидетельства летописей, записки иностранцев, грамоты и акты, наконец, материалы самой живописи и архитектуры. При этом Н. К. Рерих бережно сохраняет язык оригинала, передавая дух старины:

«Не удерживаюсь от дословного сказывания некоторых подлинников – никакой пересказ не даст такой колоритной картины, как слог самого памятника. Чем-то старым, забытым веет от этих строк; неизвестно, что значат многие слова? – Для меня они значат одно, для другого – другое, быть может, вернейшее»[5].

И в материалах научной работы мы видим художника, в данном случае – художника слова, для которого была важна стилистика всего произведения в целом. И в приведённом документе, и в работах Рериха, которые мы рассмотрим далее, свидетельства о правовом, социальном положении художников рассматривается в контексте развития русского искусства, и свидетельства современников дополня-

ют и оживляют авторскую концепцию зарождения и становления искусства Древней Руси.

В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи сохранились записи, датированные 20 марта 1896 г.[6], сделанные, видимо, в процессе подготовки университетского выпускного сочинения. Их же он использовал как черновики к лекциям по программе курса «Художественная техника в применении к археологии», прочитанного вскоре в Санкт-Петербургском Археологическом институте. Среди этих записей художника – материалы к сочинению «Художники времени Стоглава и Государева Иконного терема», которое состояло из трёх частей. Первая часть, по-видимому, до нас не дошла, а в третьей утрачено окончание. Исходя из названия, можно предположить, что автор ограничивал своё исследование XVI–XVII вв.

Стоглав или Стоглавый Собор – церковно-земский Собор, который прошёл в Москве с 23 февраля по 11 мая 1551 г. с участием царя Ивана Грозного и представителей Боярской думы. Как считает Рерих, *Государев Иконный терем* – это «золотой век нашего старого искусства или, точнее, наших художников, времени Михаила Фёдоровича и особенно Алексея Михайловича», это иконописцы XVII в., находившиеся под руководством Оружейного приказа. *Шестнадцатый и семнадцатый века*, которые он рассматривает – это время становления собственно русского искусства. Николай Константинович отмечает: «Интересные постановления Стоглавого Собора, касающиеся художников, как известно, совпадают с важным художественным периодом Руси, когда средоточие искусства из пошатнувшегося самосудного Новагорода было привлечено в Москву её Великокняжеским и Святительским престолами».

В своём исследовании Рерих выходит за пределы собственно юридических вопросов, в проспекте к лекциям он так раскрывает их содержание: «Русское живописное дело – положение художников, их быт, жалованье, права, обязанности». В процессе своего труда он углубляется в историю древнерусской культуры и приходит к выводу: «В древней и самой Древней Руси много знаков культуры: наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как её хотели представить западники».

О законченной университетской работе трудно судить, в отличие от живописного «Гонца», полностью она до нас не дошла, однако в 1898–1899 гг., вскоре после окончания университета, Рерих начинает читать упомянутый выше курс, материалов которого сохранилось гораздо больше[7]. В письмах к директору Археологического института, профессору церковной археологии Н. В. Покровскому, датированных 26 февраля и 13 марта 1898 г. Н. К. Рерих излагает свою программу, подразделяя её на теоретическую и практическую части. В теоретическую входят: 1. историческое основание и развитие художественных техник; 2. знакомство с иностранными изданиями; 3. общие понятия перспективы и масштаба. Практическая часть включает в себя: 1. рисование, черчение, копирование, калькирование; 2. основы письма красками; 3. техника репродукции, в том числе и гравюра; 4. лепка; 5. «производство из бумажной массы»; 6. мозаика. Разрабатывая программу для слушателей Археологического института, Рерих пишет статью о взаимодействии искусства и археологии, творчества и науки. Названная «Искусство и археология», она была издана в декабре 1998 г. в журнале Императорского Общества поощрения худо-

жеств «Искусство и художественная промышленность». В ней, помимо утверждения образовательной миссии искусства, Рерих определяет значение исторической достоверности для живописи:

«Для того, чтобы историческая картина производила впечатление, необходимо, чтобы она переносила зрителя в минувшую эпоху; для этого же художнику нельзя выдумывать и фантазировать, надеясь на неподготовленность зрителей, а в самом деле надо изучать древнюю жизнь как только возможно, проникаться ею, пропитываться насквозь»[8].

Это – кредо художника на всю последующую жизнь. Позже, собираясь расширить теоретический курс, в письме к Н. В. Покровскому он пишет:

«Теоретические занятия начались знакомством с бытом и общественным положением художников Древней Руси. Эти сведения, хотя на первый взгляд и не представляются существенно относящимися к данному предмету, но являются необходимым дополнением к последующим картинам той или иной древней техники»[9].

В дальнейшем Рерих составляет подробный план «предмета по истории искусства»[10], обозначая круг вопросов и общетеоретических (цели искусства, его национальность, понятие картины, эскиза и этюда, творчество), и раскрывающих основные этапы развития русского искусства (с древности до XVII в.; иконописные школы и техника; эпохи Елизаветы Петровны, Александра I и Николая I; новаторство А. А. Иванова и передвижников). Он подробно останавливается также на современном положении искусства и художественных объединениях.

Слушателями курса «Художественная техника в применении к археологии» были изданы три цикла лекций Рериха, в частности, «Художники Древней Руси»[11]. Таким образом, более полно с содержанием университетского зачётного сочинения можно ознакомиться именно по изданным стенограммам лекций. В них Рерих раскрывает возникновение и развитие искусства в России до XVII в., когда реформами Петра I самобытное русское искусство было подменено следованием западноевропейским образцам. Помимо значительных сведений о социальном положении художников в России, истории живописи и архитектуры, Рерих высказывает и собственную позицию. Он не согласен с официальной версией возникновения изобразительного искусства:

«“Единственным началом искусства на Руси и средоточием была христианская вера…”, – читаем мы в “Древностях Российского государства”. Так ли это? <…> Сама природа была единственным началом искусства. В доисторические времена из природы рождались искусства, из жизни; они тогда не имели настоящего значения, были следствием потребностей естественных и нравственных. Так, не между Греками, прибывшими с Владимиром на Русь, следует искать первых наших носителей искусства, а там далеко, в паутине седой древности»[12].

Конечно, это текст Рериха-учёного, и не столько правоведа, сколько археолога, но мы слышим в этих строках и Рериха-художника, чувствовавшего гармонию природы и заимствующего у неё выразительные средства живописи, любящего рус-

скую старину и отстаивавшего её самодостаточность. Возможно, поэтому он ограничивается XVII в., временем правления «тишайшего царя» Алексея Михайловича.

«А что потом ожидало художников? <…> Слово художник забывается; художники опять мастера, без которых только обойтись невозможно. Развитие их жизни делает шаг назад почти на столетие. Национальное искусство останавливается. Грозная туча надвигается с Запада»[13].

Исследования Н. К. Рериха – выпускное сочинение «Правовое положение художников Древней Руси», заметки «Художники времени Стоглава и Государева Иконного терема» и очерк «Художники Древней Руси» – интересны, прежде всего, с точки зрения истории искусства. Автор обращается к вопросу зарождения изобразительных искусств в русской культуре, рассматривая их в единой связи с климатическим и политическим положением государства. По Рериху, в нашей стране архитектура появилась прежде других видов искусств: «…Климатические условия России прежде всего повлияли на развитие строительного искусства, приближающегося к понятию зодчества»[14]. При этом автор проводит параллели между храмами восточных славян с храмами прибалтийскими, упоминает церковь Святого Илии Пророка, уже стоявшую во время правления язычника князя Игоря. Так изучение истории язычества[15] и юридических документов прошлого (таких, как договор Игоря с византийским императором) приводят Рериха к изучению истоков русского искусства. Он подробно рассматривает первые архитектурные памятники, в том числе и светского характера («Ольгин терем», крепостные сооружения, белые башни – «вежи»). Существование сложных по конструкции построек подводит автора к заключению о существовании «опытных мастеров»[16].

За архитектурой следует скульптура: «Как у народа языческого, у нас ваяние естественно предшествовало живописи»[17]. Первые скульптурные произведения – *идолы* – имеют северное происхождение.

«Собственно Русские славяне в древности не знали более развитой религии, чем простое жертвоприношение силам природы. Если бы они поклонялись кумирам, то Нестор вряд ли прошёл их молчанием <…>. Служение лично представляемым мифологическим существам является в его повествовании только постепенно при господстве варяжских князей»[18].

Изготовление идолов не требовало специальных знаний. Здесь Рерих опирается на «Заметки о Руссах» арабского путешественника и писателя первой половины X в. Ибн-Фадлана, который описывает идол как столб, имеющий лицо, похожее на человеческое. Руссы Ибн-Фадлана, считает Н. К. Рерих, возможно, были финны или скандинавы, и соглашается с теорией В. В. Стасова о параллелях между идолами Руссов и изображениями, которые ставили финны на могилах. Вопрос о происхождении варягов Рерих оставляет открытым, указывая на множество теорий, но им выясняется время появления ваяния на Руси, совпавшее с установлением варяжской власти, то есть с IX в. Автор предполагает, что идолов создавали жрецы, знакомые с атрибутами различных божеств и при этом овладевшие специальными техническими навыками.

С установлением христианства на Руси мастерство скульпторов использовалось в основном для украшения храмов барельефами.

Итак, по Рериху, в Древней Руси архитектура была ведущим видом искусства и носила самобытный характер. Скульптура была заимствована у северных соседей и менее искусна. Живопись также изначально испытала иноземное влияние, «иконы в первых церквях были исключительно греческие». Первым собственно русским иконописцем был преподобный Алипий Печерский (XI в.), учившийся у греческих иконописцев, работавших в Киево-Печерской лавре. Наконец, графика как самостоятельный вид искусства появляется в XVI в., вместе с книгопечатанием, о чём он пишет в рукописи «Художники времени Стоглава и Государева Иконного терема»:

«В противоположность многочисленным гравёрам запада, художникам-творцам, история нашей гравюры, говорит В. В. Стасов, разбирая сочинение [Д. А.] Ровинского, заключает в себе только весьма большое число гравёров-копиистов и мастеров Художников в полном смысле между ними нет».

Далее Рерих отмечает, что уже при первых шагах нашего искусства мы имеем пять видов художников. Во-первых, *профессиональные художники*: 1. иноземцы; 2. художественно-ремесленные артели; 3. монахи («конечно, все три вида нередко перемешивались»). Во-вторых, *художники-дилетанты*: 1. высшие духовные чины (такие, как Св. митрополит Пётр, митрополиты московские Симон, Варлаам, Макарий, Афанасий); 2. лица княжеского и боярского рода, в особенности женщины («княгини и княжны, писавшие иконы и книги»). Рерих даёт подробный анализ социального положения всех типов художников на Руси, описывая их награждение. Например, изограф Степан Рязанец за иконное художество получил «однорядку сукно лундыш с пуговицы серебряными, ферези камчатые куфтерные с завязками шёлковыми с золотом, кафтан камчатый куфтерный, под ферези штаны суконные, шапку бархатную с соболе, сапоги сафьянные»[19].

Наиболее подробно автор анализирует структуру Иконного терема, подчинявшегося Оружейной палате, своеобразной Академии художеств того времени. В Иконный терем входили царские постоянные иконописцы: «они разделяются на жалованных и кормовых, как те, так и другие выбирались из добрых городовых живописцев»[20]. Кормовые живописцы, в отличие от жалованных, не получали годового жалованья хлебом и деньгами, им выдавался только дворцовый корм на время работы.

Впоследствии Рерих обращается к этой теме ещё раз, публикуя очерк «Государев Иконный терем» в первой книге своего «Собрания сочинений» в 1913 г. С незначительными изменениями он вышел и в сборнике «Священный дозор» в 1934 г. Очерк посвящён русским художникам второй половины XVII в. – мастерам московской Оружейной палаты. Для русского изобразительного искусства это было время перехода от условного церковного искусства к светскому, новому, более заметной становится роль индивидуального творчества, личности художника. Очерк и предыдущее научное исследование перекликаются не только тематически, но и идейно, автор вновь выявляет и утверждает социальное значение художника в жизни страны.

Из очерка «Государев Иконный терем» читатель узнаёт о работе московских изографов, их обычаях, быте, отношении к своей работе и творчеству вообще. Ре-

рих вновь цитирует постановление Стоглавого Собора 1551 г., в котором говорится, как высок должен быть нравственный облик художника:

«Подобает быть живописцу смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце, наипаче же хранить чистоту душевную и телесную со всяким опасением».

Эта фраза – как молитва, как заклинание – важна для автора, он приводит её и в «Художниках Древней Руси», и на открытке со своим портретом, изданной в дальнейшем издательством Общины Святой Евгении. Нравственный кодекс художника Древней Руси он всегда считал и своим.

Университетское выпускное сочинение Н. К. Рериха также, как и созданные на его основе очерки «Художники Древней Руси» и «Государев Иконный терем», приподнимает завесу времени, рассказывая об истории древнерусского искусства, о социальном значении художника. Н. К. Рерих обращается к вечным вопросам, волновавшим его как каждого настоящего учёного и художника-мастера: о соотношении общественного и индивидуального, ремесла и творчества; о том, каким образом можно показать в своих работах индивидуальность давно ушедшего творца.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2009. – С. 79.
[2] Цит. по: *Полякова Е. И.* Николай Рерих. – М.: Искусство, 1985. – С. 43.
[3] *Короткина Л. В.* Николай Рерих в Петербурге-Петрограде. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 52.
[4] *Полякова Е. И.* Указ. соч. – С. 44.
[5] ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.
[6] *Рерих Н. К.* Художники времени Стоглава и Государева Иконного терема. ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 58.
[7] *Жук А. В.* «Художественная техника для археологов» Н. К. Рериха. // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. – Омск: 1997. – С. 88.
[8] *Рерих Н. К.* Искусство и археология. Цит. по изд.: Николай Рерих в русской периодике (1891–1918). – Вып. 1: 1891–1901 / Сост.: О. И. Ешалова, А. П. Соболев / Отв. ред.: А. П. Соболев. – СПб.: Фирма Коста, 2004. – С. 81.
[9] Цит. по изд.: *Жук А. В.* Указ. соч. – С. 99.
[10] *Рерих Н. К.* План предмета по истории русского искусства. ОР ГТГ. Ф. 44. Оп 1. Д. 48. Л. 22.
[11] *Рерих Н. К.* Художественная техника в применении к археологии. Художники Древней Руси. – «Лекции, читанные в С.-Петербургском Археологическом Институте в 1898/9 г. Н. К. Рерихом». – СПб.: издание слушателя Института С. Н. Чельцова, [1899].
[12] *Там же.* – С. 8.
[13] *Там же.* – С. 69.
[14] *Там же.* – С. 8.
[15] Со ссылкой на соч.: *Срезневский И. И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям. – Харьков, 1846. – 107 с.
[16] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 10.
[17] *Там же.* – С. 8.
[18] *Там же.* – С. 10.
[19] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 43.
[20] *Там же.* – С. 41.

Ю. Ю. БУДНИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ОБРАЗ БЕЛОГО ГРАДА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. К. РЕРИХА

По мысли выдающего русского историка С. М. Соловьёва, носителями и выразителями «народного духа» являются не простолюдины, а образованные классы, «ибо здесь высшая, духовная область, область сознания». Таким образом, с укреплением цивилизации и распространением культуры, растёт и крепнет и «народный дух». По словам Соловьёва, «прогресс, цивилизация не уничтожают народности, а наоборот – могущественно развивают её»[1].

Великий человек – сын своего народа. Великий человек даёт свой труд, но величина успеха труда зависит от народного капитала. Историк утверждал: «Только великий народ способен иметь великого человека; сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаём величие народа»[2].

Всё вышесказанное, по нашему мнению, без всякой натяжки можно использовать в качестве эпиграфа к развиваемой ниже теме рериховского творчества, его животворных истоков и вершин, одной из который, наверное, можно считать участие Н. К. Рериха в создании концепции Фёдоровского городка и в организации Общества возрождения художественной Руси. Корреспондент газеты «Новое время» Е. Поселянин очень удачно назвал Рериха и его коллег на этом поприще «подвижниками русского художественного самосознания»[3].

Художник стал одним из выразителей глубинной системы ценностей русского человека, как она сложилась на протяжении столетий русской истории, наполненной трудом, борьбой, страданиями и прозрениями. Образ Белого града, занимающий важное место в творчестве Н. К. Рериха, выражает сокровенные чаяния русской души. Именно эти струны стремились задеть создатели Фёдоровского городка в Царском Селе. Этот архитектурный ансамбль сравнивали и сравнивают с градом Китежем. Рерих предложил сделать этот легендарный образ эмблемой Общества возрождения художественной Руси, которое собиралось в Фёдоровском городке[4]. Известно, что в итоге эмблемой ОВХР стал не Китеж, а двуглавый орёл, но мы, в данном случае, хотели подчеркнуть сам факт обращения к этой идее, чрезвычайно характерный для рериховского мировоззрения.

Символический образ Града Небесного (Белого города) появляется в творчестве Николая Константиновича Рериха в начале XX в. В 1905 г. на картине Н. К. Рериха *«Сокровище Ангелов»* впервые предстаёт перед зрителем белокаменная Твердыня, за стенами которой цветёт райский сад. В этом благословенном краю стерегут огненные духи краеугольный камень мироздания – источник энергий созидания и разрушения. В 1912 г. на картине *«Пречистый град – врагам озлобление»* [*ил. 1*] вокруг несокрушимых белых стен уже бушует пламя. Работая над картиной, художник пишет жене из Нейенара: «Белый город со святыми внутри окружён пламенем, и демоны кидают камни в него»[5]. Белые стены и башни – в огненных клубах и языках пожарищ – возникают в 1912 г. и на картине *«Ангел Последний»*. И

тот же ангел, что и в «Сокровище Ангелов», стоит с копьём и мечом, только одежды его из белых стали алыми.

В символ града художник вкладывает века духовного опыта и духовного знания. Художественный и метафизический прообраз белого города – Небесный Иерусалим (Новый Иерусалим, Святой Град).

На Руси по образу «Святого Града» строились кремли и монастыри, символизируя преображённое пространство, отгороженное от обычного мира, устроенное на началах лада, чина, благолепия, в котором небо становится ближе к земле. Это особое, специальным образом подготовленное место, где небесный план способен максимально проявиться, войти в земной, творя «новую землю» и новую реальность. Причём стены и иные препятствия, которыми отгораживались такие места, служили символами трудности перехода в иную сферу бытия. Яркий пример – монастырь Новый Иерусалим на реке Истре (Иордан) под Москвой, самим названием подчёркивающий свою функцию.

В «Сокровище ангелов» стены и башни небесного города отчётливо напоминают Спасо-Евфимиевский монастырь, изображённый на одном из этюдов *«Древнерусской серии»* Рериха 1903–1904 гг.

В виде древнерусского монастыря с центральным храмом, охраняемым ангелом, изобразил Николай Рерих небесную обитель на картине *«Белый город»* (1916).

Говоря об образе Небесного Иерусалима, следует вспомнить, что Рерих несколько раз изображал его и в своей религиозной живописи – на эскизах для мозаик и фресок. Впервые – работая для церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Пархомовка на Украине в 1906 г. Там дважды возникает небесный город: в детали стенописи и на мозаике *«Покров Богородицы»*, выполненной В. А. Фроловым по эскизам Н. К. Рериха, причём на мозаике он имеет несомненное архитектурное сходство с кремлём Ростова Великого. Затем Небесный Город появляется на мозаике *«Спас Нерукотворный и князья святые»* над главным порталом Троицкого собора Почаевской лавры (1910) и в эскизе росписи западной стены часовни Святой Анастасии в Пскове – *«Спас над дверью»*.

Важен контекст, в который помещается у Рериха образ Небесного Иерусалима. Как показал искусствовед Е. П. Маточкин, религиозные сюжеты Н. К. Рериха часто были отражениями важных, поворотных событий в русской истории[6]. Таким образом, связь событий духовной и «физической» истории, их повторяемость и общность определённых «моделей развития» были для художника очевидны. Вообще, касаясь всего творчества художника, как художественного, так и литературного и публицистического, мы можем говорить об историософии Рериха. Причём ближе всего она будет именно традиционной средневековой русской историософии, выраженной в «Повести временных лет», «Слове о законе и благодати», «Слове о полку Игореве», в трудах Юрия Крижанича и других произведениях. Для мировоззрения русских авторов XII–XVII вв. было характерно понимание земной истории как отражения событий на небесных планах и воплощения в исторической действительности высших законов и божественных предначертаний.

Ил. 1. Н. К. Рерих. Пречистый град – врагам озлобление. 1912. Холст, темпера. 71,5 × 92,3
© Международный Центр-Музей им. Н. К. Рериха МЦР (Москва). КП-1208

Рерих изображал религиозные сюжеты не просто как иконописец или историк. Он выбирал их по принципу переклички с днём сегодняшним и для использования в современной ему действительности. Такую же направленность имело строительство Фёдоровского городка: не историческая реконструкция, а участие архетипов русской культуры в созидании жизни каждого дня, в её преображении по образам непреходящих ценностей, вечной красоты.

Вернёмся к образу Града в живописи Рериха. Стилистика изображения и художественные приёмы, использованные в картине *«Пречистый град – врагам озлобление»* [*ил. 1*], близки к изображению Горнего Иерусалима на русской иконе (в частности, точка обзора с высоты птичьего полёта, а также представление о городе-храме). Один характерный элемент на картине «Пречистый град – врагам озлобление» отсылает нас к знаменитой иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» (1550-е), хранящейся в Третьяковской галерее [*ил. 2*]. Это – круг пламени, в который помещён город. Но если на древнерусской иконе этот пожар окружает земной город, из которого исходит в Небесный Иерусалим воинство, то у Рериха он бушует уже вокруг Небесного Града.

Ил. 2. Благословенно воинство Небесного Царя. 1550-е. (*Фрагмент*). Дерево, паволока, левкас, яичная темпера. Полный размер: 144 × 396. © Государственная Третьяковская галерея, Москва

К 1920 г. относится ещё один яркий художественный образ Небесного Града у Николая Рериха – в картине «Святой Глеб-хранитель», имеющей авторское название *«Святые ушли – Глеба хранителем поставили»* [*ил. 3*]. Хочется задать вопрос: куда ушли? Не дозором ли, не на сражение ли?

На картине «*Святая Покровительница»* («*Sancta Protectrix»*, 1931) вполне реальные архитектурные объекты – не просто памятники, требующие защиты, это духовные достижения Христианского мира, находящиеся под угрозой уничтожения. Это ещё один прообраз Святого Града, являющегося отражением Града Небесного на земле.

Здесь необходимо хотя бы пунктиром провести связь между художественными образами Н. К. Рериха и философскими образами, возникающими в работах русского мыслителя С. Н. Булгакова. В системе Булгакова устойчивый абсолют – «Град Небесный» – дополняется непрестанным движением к нему – «градом земным». Последний понимается как некий результат истории, к которому сводится её положительное содержание. Он есть следствие сознательных созидательных усилий людей. Но усилия эти не направлены на осуществление одного какого-то чёткого

Ил. 3. Н. К. Рерих. Святые ушли – Глеба хранителем поставили. 1920. Холст, темпера. 91,4 × 91,4
© Художественный музей Оглеторпского университета (США)

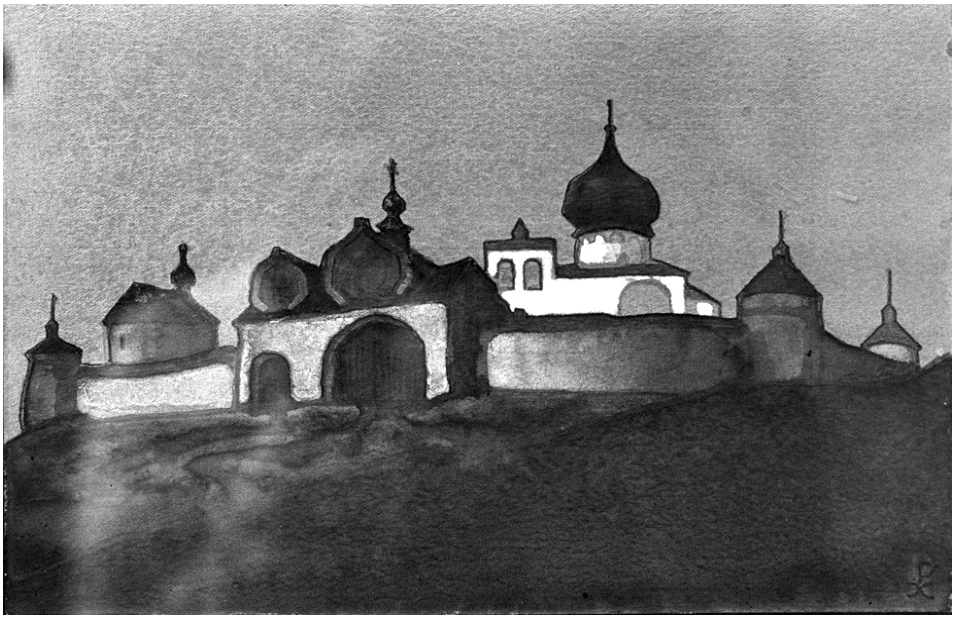
проекта: «град земной» не дан в умозрительном построении ни одному из живущих, он строится, по выражению Булгакова, «частями, и целое не вмещается в сознание строящих»[7]. Совокупность подобного рода устремлений, направленных в будущее, получила в русской философии название «Нового града».

Ещё одна картина Рериха очень близка булгаковской софиологии: *«София Премудрость»* (1932), где над группой строений – крепостей и храмов – пролетает в зареве Святая София, как бы оплодотворяя огненной мощью – Огнём Небесным – этот «град земной».

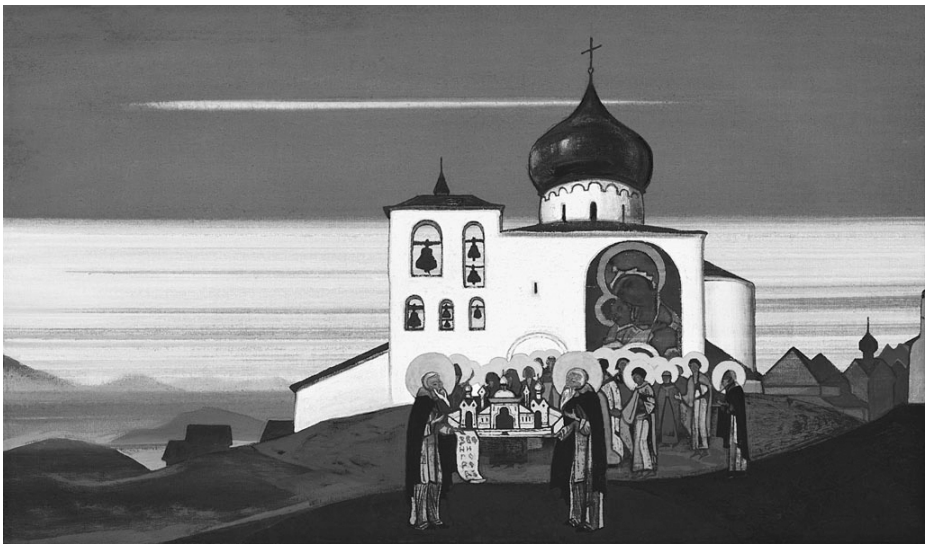
Картины *«Звенигород»* [*ил. 5*] и *«Странник Светлого Града»* (1933) – это живописное отражение представлений Рерихов о моделях развития русского общества. Святая Русь всегда жила в сознании художника, именно эта идеологема лежала в основании концепции *Новой России*, разрабатываемой Рерихами в 1920–1930-е гг. Из дневниковых записей Е. И. Рерих мы узнаём, что речь шла о **Стране Сергия Радонежского**.

Обе картины напрямую связаны с «алтайской темой» в жизни Рерихов. Во время своего пребывания в Москве в рамках Центральноазиатской экспедиции Рерихи обсуждали с представителями Советского правительства изучение и промышленное освоение Алтая. Предполагалось развитие кооперативного движения, создание общин, улучшение условий жизни: «проектируется основать образовательные учреждения всех родов, как для народного блага, так и центры научных изысканий»[8]. В записях Рерихов и их сотрудников можно найти высказывания о планах строительства Звенигорода – у подножья Белухи. С одной стороны, в результате экономической деятельности должна была возникнуть полная городская инфраструктура, с другой стороны, работа на Алтае должна была привести к созданию духовно-культурного комплекса. Ключевое место в этом проекте должен был занять Храм.

По нашему мнению, эти общественные, экономические взгляды и практические меры продолжают русло сформировавшейся в России в XIX в. политико-правовой и социально-экономической утопии, получившей название «Русской идеи». Даже беглое знакомство с творчеством многих философов, экономистов, социологов, правоведов, писателей убеждает нас в том, что лучшие русские умы – на фоне разнообразия и разногласий во многих других вопросах – сходились во мнении о том, что наиболее эффективной и благодетельной для России является такая форма правления, как *идеократия*, то есть руководящая роль определённого мировоззрения[9]. В качестве таких высших законов единодушно признавались нравственные и духовные ценности христианства – то есть Учения Христа, высшего Откровения.



Ил. 4. Н. К. Рерих. Светлый Град. Эскиз к картине «Странник Светлого Града». 1933
Бумага на картоне, темпера. 16,6 × 28,2. Местонахождение неизвестно



Ил. 5. Н. К. Рерих. Звенигород. 1933
Холст, темпера. 46,2 × 79,0. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Таких взглядов придерживались С. Аксаков, А. Хомяков, И. Киреевский, Н. Гоголь, Н. Данилевский, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, А. Григорьев, Н. Страхов, В. Розанов, Л. Петражицкий, Н. Коркунов, П. Новгородцев, Вл. Соловьёв, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк и многие другие. В государственной «Русской идее» непременно присутствовало понятие двух сфер социального существования: земной и небесной, или идеальной. Государство должно было быть деятельно-нравственным, подчинять себя религиозному началу.

Особенностью утопического типа мышления являлось отрицание «политики» как особой категории. Политика рассматривалась уже как иная сущность, во-первых, погружённая в сферу глубинных метафизических и онтологических представлений и тем самым противопоставленная либералистическому релятивизму, и, во-вторых, ориентированная не на разрушение существующего порядка вещей, а на их внутреннее преображение. Идеал Царства Божьего заставляет людей действовать (в пределах их призвания) для реализации соборных начал жизни и преобразования общественных форм и отношений в духе высшей правды, то есть ведёт к христианской политике[10].

Сложный и многообразный контекст культуры, в котором формировалось утопическое мышление, включал в себя помимо политических или правовых элементов религиозные и эстетические. Рерих недаром свои чаяния будущего облекал в формы города.

«Идеальная институционализация и идеальная урбанизация имеют общий знаменатель – конструирование желательной жизненной ситуации. <...> Идеальная урбанизация позволяет дать синтетическое, целостное выражение совокупности

потребностей, движимых утопистом, при этом всеобъемлющее, упорядочивающее желательным образом всё пространство воображаемого мира. Архитектурно-пространственный образ создавал объективно-иллюзорную, но по психологическим результатам действенную, притягательную позицию Творца-Вседержителя»[11].

При огромном количестве практических мер и шагов, которые предпринимались Рерихами, ясно выделяется одна сверхзадача – творить легенду. Объяснение тому, почему без легенды, которую надо воссоздавать снова и снова, иссякнет запал человеческой жизни и сотрутся социальные ориентиры, мы находим в дневниках Е. И. Рерих. Учитель Мория наставлял Рерихов в 1927 г.:

«Из всех созидательных энергий самой высокой остаётся мысль. Что же будет кристаллом этой энергии? Кто-то думает, что точное знание будет венцом мысли, но вернее сказать, что увенчает мысль легенда. В легенде сложится смысл созидательной энергии и в сжатой формуле выразятся чаяние и достижение. Не верно думать, что легенда принадлежит призрачной древности. Непредубеждённый ум отличит легенду, творимую во все дни Вселенной»[12].

Методы и формы созидания Нового Мира постепенно превращались у Н. К. Рериха в упорядоченную законченную систему – учение о Культуре. В 1932 г. в Париже выходит программная книга Рериха «Твердыня пламенная», изданная Всемирной Лигой культуры, само название которой – архитектурный символ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Малинов А. В., Прохоренко А. В*. Философия истории в России. – СПб.: Европейский дом, 2010. – С. 89.
[2] *Там же.* – С. 90.
[3] Русский городок Царского Села – Китеж XX века: Иллюстрированная история Фёдоровского городка и «Общества возрождения художественной Руси» / Сост.: Н. Н. Королёв и Ю. В. Шабарова. – СПб.; Царское Село: Издание Общества русской традиционной культуры, 2011. – С. 4.
[4] *Там же.* - С. 125.
[5] ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 322. Л. 2.
[6] *Маточкин Е. П.* Николай Рерих: мозаики, иконы, росписи, проекты церквей. – Самара, 2005. – С. 187–188.
[7] *Булгаков С.* Два града // Исследования о природе общественных идеалов. – Т. 1. – М., 1911. – С. XVI.
[8] Докладная записка корпорации «Белуха» (Нью-Йорк, Америка) о концессиях в Юго-Западном Алтае. – 1 мая 1925. – ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 730. Машинопись. Л. 14–24 (на англ. яз.), 3–13 (авт. русск. пер.). Цит. по: *Росов В. А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н. К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Книга I: Великий план. – СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002. – С. 196.
[9] См., например: *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России. – М., 1991.
[10] *Там же.* – С. 173.
[11] *Панченко Д. В.* Утопический город на исходе Ренессанса (Допи и Кампанелла) // Городская культура: Средневековье и начало нового времени. – Л., 1986. – С. 95.
[12] *Рерих Е. И.* Записи Учения Живой Этики. – Т. VIII. – М., 2010. – С. 43–44.

Е. А. БОРОВСКАЯ
*(Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина;
Санкт-Петербургское художественное училище им. Н. К. Рериха)*

ВКЛАД РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ В УТВЕРЖДЕНИЕ ВЫСОКОГО РУССКОГО СТИЛЯ

Вопрос о национальной форме относится к числу «вечных» в разного рода дебатах об исторических путях и будущем развитии художественной культуры. Обращение сквозь призму истории Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств (далее – *ИОПХ*) к, казалось бы, наиболее исследованному периоду русского искусства конца XIX – начала XX в. позволяет увидеть этот этап отечественного художественного процесса в новом свете, обогащённым ранее неизвестными или не осмысленными в должной мере фактами и деталями.

История собственно изобразительного творчества и художественного образования предстают в своём неразрывном единстве, составляющем целостную картину эволюции русского изобразительного искусства. Во второй половине XIX в. значимым фактором включённости Рисовальной школы в процесс поисков национальных корней искусства явилась деятельность князя Г. Г. Гагарина, вице-президента Императорской Академии художеств. Гагарин считал художника «истолкователем национальной идеи». Нельзя не привести цитату, связанную с рассуждениями Гагарина об ответственности будущих художников: «...В их произведениях должны будут отражаться кроме собственной индивидуальности также и особенности всей страны. Национальное искусство не возникает в один день, оно традиционно и является следствием истории страны». Не без влияния Гагарина на ежегодных конкурсах, проводимых ИОПХ, появляются темы, связанные с его увлечением искусством Византии. При его активном участии в 1869 г. был выработан план преобразований школы, в котором, среди прочего, было намечено устроить при Школе «Музеум», небольшую библиотеку образцовых рисунков и открыть постоянную выставку, где бы круглый год ставились на продажу работы учеников.

В Рисовальной школе – как в среде педагогов, так и в среде учащихся – не могли не обсуждаться вопросы национального своеобразия отечественной культуры. Содержание учебной работы настраивало на серьёзное изучение собственно историко-художественной проблематики русского искусства, что в известной мере помогало избежать сугубо внешнего понимания «национальной формы». Заметим, что проблема «русского стиля» в этот период стала точкой сопряжения самых разных идейных позиций – от «демократа» В. В. Стасова и передвижников – до «верноподданнического» ИОПХ.

К существенным организационно-педагогическим достижениям Школы этого периода следует отнести «командировки» выпускников и учащихся, за счёт ИОПХ, по городам России для знакомства с памятниками отечественного искусства», выполнения зарисовок, археологических и архитектурных обмеров. Для учащихся

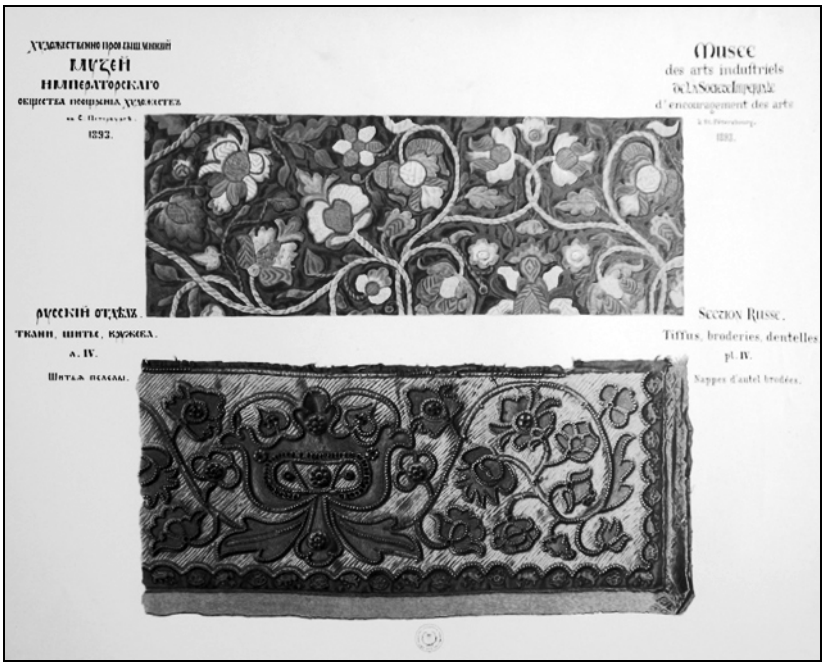
была предусмотрена возможность знакомства не только с церковными, но и с частными собраниями русской художественной старины. Такого рода учебная практика стала характерной чертой организации учебного процесса на многие годы и, в общем, находилась в русле тенденции к поиску «национального стиля». Результатом этих поездок явились альбомы «с рисунками русских художественных древностей, исполненными, по отзывам специалистов, самым безукоризненным образом». Часть данных работ была представлена на совместной выставке Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица и Школы ИОПХ и, по отзыву В. В. Стасова, оказались на ней «самыми значительными и важными».

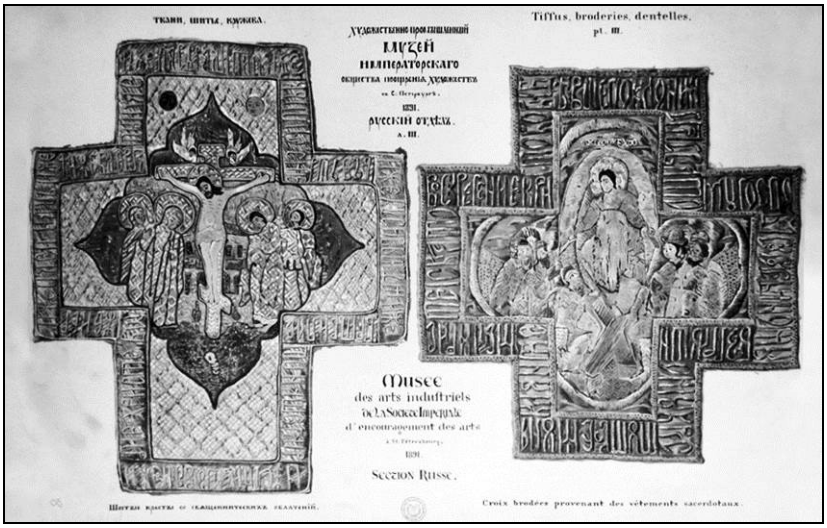
Характер «командировок» свидетельствует, скорее, об утилитарном, нежели научно-историческом понимании национальной специфики русской художественной культуры. Но, возможно, именно такой ограниченный масштаб и практическая конкретизация осмысления «национального вопроса» помогли Школе остаться в рамках собственных учебно-методических задач и не впасть в иную крайность – в безудержное увлечение псевдорусской стилизацией, которой не избежало даже профессиональное искусство.

Работа по изучению и сохранению памятников древнерусского искусства носила систематический и целенаправленный характер. Отмечая, что многие произведения «старинного отечественного художества всё ещё остаются не вполне исследованными, и, попадая в неумелые руки или просто приходя в ветхость, исчезают совершенно бесследно», ИОПХ задумало со временем издать ученические рисунки. Замысел таких изданий был осуществлён, хотя и не в полном виде. В этой связи особый интерес представляют отпечатанные литографским способом сборники ученических работ, изданные во второй половине 1880-х гг. Выход сборников привлёк внимание не только профессионального художественного сообщества, но и широкой общественности.

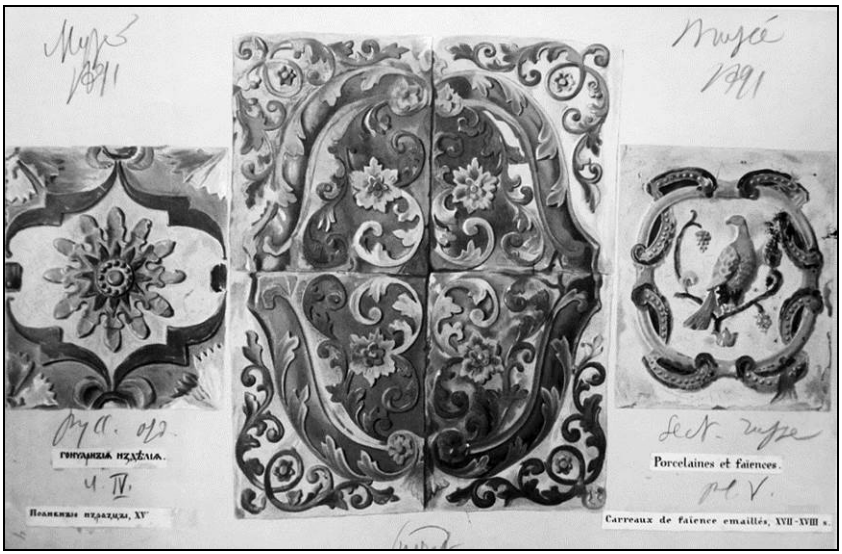
Новый этап активного участия Рисовальной школы в поисках путей национальной самоидентификации искусства начался с приходом Н. К. Рериха на пост директора Школы. Под руководством Н. К. Рериха Школа претерпела существенные перемены, которые были весьма одобрительно встречены в художественном кругу и в целом в общественном мнении. Важнейшим начинанием стало возобновление издания альбомов художественно-промышленных рисунков, выполненных учащимися Школы. Для тиражирования оригиналы предполагалось литографировать в литографской мастерской, печать же альбомов осуществлять в печатной мастерской Школы.

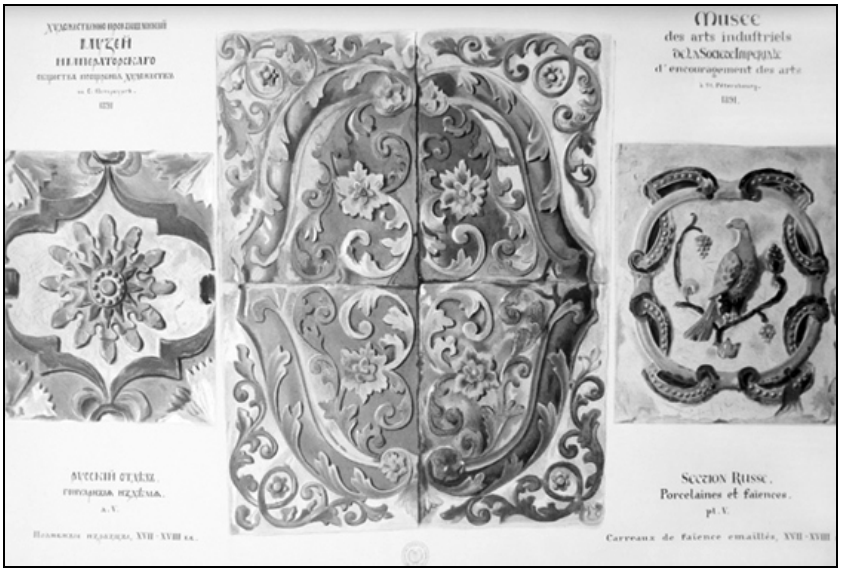
В 1909/1910 учебном году начала работу иконописная мастерская Школы, решение о создании которой ИОПХ приняло годом ранее, «идя навстречу возродившемуся в стране стремлению познания техники и приёмов иконописного мастерства». Н. К. Рерихом было предложено, кроме точных повторений старинных образцов иконописи, писание икон собственной композиции, которые предлагалось исполнять наиболее опытным учащимся и в строгом соответствии с православной традицией. С 1913 г. Н. Е. Макаренко вёл в Школе курс «по технике и истории древнерусского искусства».





Вверху: Старинные русские кружева и ткани. Хромолитографии. 1886, 1891
Внизу: Шитые кресты с облачений русских священников. Хромолитография. 1891
Воспроизведено: Художественно-промышленный музей ИОПХ. Русский отдел
Декоративные украшения, ювелирные изделия, шитьё. Комплект из 7 хромолитографий. Конец XIX в.





Цветные поливные изразцы из коллекции Русского отдела
Художественно-промышленного музея ИОПХ

Вверху: Подготовительный рисунок для хромолитографии. 1890. Бумага, акварель. 29 × 43
© Санкт-Петербургское художественное училище им. Н. К. Рериха. Фонд Рисовальной школы ИОПХ

Внизу: Хромолитография. 1891. Воспроизведено: Художественно-промышленный музей ИОПХ
Русский отдел. Декоративные украшения, ювелирные изделия, шитьё
Комплект из 7 хромолитографий. Конец XIX в.

Гончарные изделия из коллекции Русского отдела Художественно-промышленного музея ИОПХ
Подготовительный рисунок для хромолитографии. 1891–1893. Бумага, акварель. 29 × 43
© Санкт-Петербургское художественное училище им. Н. К. Рериха. Фонд Рисовальной школы ИОПХ

Ученица Рисовальной школы ИОПХ А. Разумовская. Братина. Хромолитография с акварели
Воспроизведено: Сборник работ учащихся Школы ИОПХ. – СПб., 1912. – Вып. 3. – Ч. 1

Осенью 1915 г. удалось воплотить в жизнь намеченные ранее планы по созданию при Школе собственного Музея русского искусства, и тем самым способствовать делу собирания и сохранения памятников отечественного художества, а в начале 1916 г. издать его каталог. Следует подчеркнуть, что изучение истории искусства в Рисовальной школе времён Н. К. Рериха не ограничивалось лишь традиционным академическим лекционным курсом или несколькими курсами. Можно вполне определённо говорить о целом историко-художественном цикле, который целенаправленно формировался и включал в себя также историю орнамента, учебные задания на стилизацию, историю художественных ремёсел и художественной технологии применительно к соответствующим классам, внеклассные мероприятия, отдельные лекции приглашённых специалистов и т. д.

Художественно-промышленный музей ИОПХ
Русский отдел. Фотография 1890-х

Традиции иконописной мастерской Рисовальной школы ИОПХ удивительным образом продолжились в среде русской эмиграции. Созданное в Париже в 1927 г. эмигрантами первой волны Общество «Икона» помимо широкой духовно-просветительской и научной деятельности включало и иконописную артель, и школу для начинающих иконописцев. У истоков Общества «Икона», среди его членов-основателей, были И. Я. Билибин и С. К. Маковский – оба в прошлом преподаватели Рисовальной школы.

Общество устраивало лекции, проводило выставки, на которых экспонировались как старинные, так и современные иконы. Сергей Маковский был связан с Обществом «Икона» до конца своих дней, и в одной из последних своих статей (в 1956 г.) он писал о значении сохранений традиций для «недалёкого будущего, когда опять начнут строиться в России православные храмы». С. К. Маковский оказался прав. Такое время наступило, причём в историческом масштабе довольно скоро. Представляется, что и творческий опыт Рисовальной школы может быть полезен в наши дни, – как молодым художникам, так и преподавателям, ищущим методические основы обучения на новом этапе развития традиций русского православного искусства.

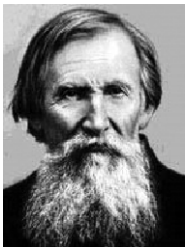
И. В. ТУПИЦЫН
(ООО «Коломба»; Санкт-Петербург)

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ

Невозможно переоценить значение деятельности Комитета попечительства о русской иконописи для русского искусства. Созданный 19 марта 1901 г. Комитет просуществовал до 1918 г. Под руководством Комитета в это время была создана иконописная школа в Палехе, получили значительное развитие иконописные школы в Хóлуе и в Мстёре. Благодаря деятельности Комитета удалось создать тот фундамент художественного образования в этих уникальных иконописных сёлах, на основе которого в советское время был образован новый вид искусства – лаковая миниатюра Пáлеха, Хóлуя и Мстёры. В настоящее время на базе художественных школ этих сёл вновь возрождается искусство русской иконописи.

Большую подготовительную работу по созданию Комитета совершили грамотные, активные и неравнодушные к старинной русской культуре деятели того времени: В. Т. Георгиевский [*ил. 1*], В. М. Васнецов [*ил. 2*], Н. П. Кондаков [*ил. 3*], Н. Н. Харламов [*ил. 4*] и граф С. Д. Шереметев [*ил. 5*].

Ил. 1



Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

Председателем Комитета являлся граф Сергей Дмитриевич Шереметев. Непременным членом, управляющим делами состоял академик Никодим Павлович Кондаков. Члены Комитета: товарищ министра финансов – Владимир Иванович Ковалевский; член Совета министра народного просвещения – Юрий Степанович Нечаев-Мальцов; вице-президент Императорской Академии художеств – граф Иван Иванович Толстой; профессор Петербургской Духовной академии – Николай Васильевич Покровский; директор Института гражданских инженеров – Николай Владимирович Султанов и член-делопроизводитель Кустарного комитета Министерства земледелия – Николай Викторович Пономарёв.

В начале 1918 г. Комитет попечительства о русской иконописи был реорганизован и получил новое название – Комитет по изучению древнерусской живописи. Свои полномочия председателя Комитета граф С. Д. Шереметев передал Сергею Фёдоровичу Платонову – русскому историку, знаменитому автору «Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» (1901), университетскому наставнику Н. К. Рериха.

Во время создания Комитета попечительства о русской иконописи Николай Константинович Рерих был ещё очень молодым человеком. Он на девятнадцать лет моложе самого молодого участника тех событий – Н. Н. Харламова. Но Николай Константинович был знаком практически со всеми членами Комитета. Они неоднократно встречались на выставках, вместе работали в различных художественных комиссиях и комитетах. Иван Иванович Толстой был вице-президентом Академии художеств в то время, когда в ней учился Н. К. Рерих. Юрий Степанович Нечаев-Мальцов долгое время был вице-председателем Императорского Общества поощрения художеств, в котором Николай Константинович состоял секретарём, а затем директором Рисовальной школы. С В. М. Васнецовым и Н. В. Покровским они вместе учреждали в марте 1915 г. Общество возрождения художественной Руси. О

Ил. 6. Дом Н. Н. Харламова в селе Тименки, в котором в 1900 г. побывали граф С. Д. Шереметев, Н. П. Кондаков и В. Т. Георгиевский. Фотография начала XX в.

Николае Владимировиче Султанове Н. К. Рерих очень хорошо отзывался в своём интервью петербургской газете 10 октября 1910 г. Из письма Н. К. Рериха к Н. П. Кондакову от 22 декабря 1901 г. видно, что они хорошо знакомы и доброжелательно общаются, несмотря на разницу в возрасте.

В статье «Иконы» (1905) Рерих упоминает Н. Н. Харламова: «Страшно смотреть многие новые храмы, уставленные разнородными, случайными работами, наполняющими нас, в лучшем случае, рассеянностью вместо торжества. Кроме трёх-четырёх человек, чутких и дерзновенных, как Васнецов, Нестеров, Врубель, Харламов (уже трудно сказать – пяти), идеал нашей работы – сделать так прилично, чтобы ни одна комиссия не могла найти ни одной буквы не по правилам».

Василий Степанович Сеньков. Богоматерь «Камень Горы Нерукосечный». Мстёра. 1910

Этот Образ основан на ветхозаветном рассказе о толковании Даниилом сна царя Навуходоносора: *«Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда всё вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унёс их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю»* (Дан. 2: 34–35).

Сохранилось письмо Н. Н. Харламова к В. В. Беляеву, в котором Николай Николаевич доброжелательно пишет о Н. К. Рерихе как о человеке, который переживает за сохранность произведений искусства.

В 1907 г. при Рисовальной школе ИОПХ Н. К. Рерих создал учебную иконописную мастерскую. Обучал учеников иконописи в этой мастерской иконописец из Мстёры Д. М. Тюлин.

Каждый из тех людей, которые сотрудничали в Комитете, были великими патриотами России. Последовавшие после Октябрьской революции события буквально смели плоды уже налаженной работы. Бога отменили указами Советского правительства, но их дело не пропало. В начале 1930-х гг. бывшие выпускники иконописных школ организовали в Мстёре, Палехе и Холуе артели художников. Переняли опыт Федоскино, переосмыслили его и создали новый вид русского искусства – искусство лаковой миниатюрной живописи. Те, кто сегодня занимается этим искусством, тоже испытывают немалые трудности, но я верю, что и их дело не останется в русской истории незамеченным.

Живут и продолжают обучать молодых художников художественные школы Мстёры, Палеха и Холуя… Усилиями директора Холуйской художественной школы Михаила Борисовича Печкина с 2000 г. школа носит имя академика Н. Н. Харламова. Дело Харламовской артели живёт и продолжается в деятельности Холуйской фабрики лаковой миниатюры, которую уже в наши дни буквально спас Дмитрий Евгеньевич Кузнецов. Он сохранил уникальное на сегодняшний день производство шкатулок из папье-маше.

Художники Холуя, Палеха и Мстёры вновь пишут иконы, расписывают церкви. Создают шедевры выпускники Холуйской художественной школы Сергей Дмитриевич Захаров, Лев Леонидович Никонов, Евгений Юрьевич Грачёв, Виктор Михайлович и Михаил Михайлович Веселовы, работы которых хранятся в Государственном Эрмитаже, Государственном Русском музее, в музеях Москвы, в частных коллекциях Европы и Америки. Дай Бог им здоровья и успехов в творчестве на долгие годы!

Н. А. ПОДВИНЦЕВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИКОНОПИСАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(На примере Невьянской иконы и творчества Н. К. Рериха)

Традиции древнерусской иконописи продолжают своё существование и в контексте Нового времени. Интересно сопоставить иконописное творчество прямых наследников дониконовских канонов – *невьянских мастеров*, так как именно это иконописное направление является наиболее ярким явлением старообрядческого иконописания, и творчество петербургского живописца Н. К. Рериха, произведения которого отличаются философичностью и глубоким историзмом.

Ил. 1. Огненное восхождение пророка Илии. Великий Новгород. Начало XVII в. Дерево, левкас, темпера. 35,0 × 30,5. Музей икон (Реклингхаузен, Германия)

Этот Образ основан на ветхозаветном рассказе о завершении земного пути пророка после его вознесения на небо в колеснице (4 Цар. 2: 1–11). Вместе с Елисеем он отправился к Иордану, который они перешли, после того как Илия ударил по воде своей одеждой и заставил реку расступиться. Елисею, так же, как и «сынам пророческим», было заранее известно, что Илия будет взят на небо (4 Цар. 2: 3). Он попросил Илию о том, чтобы на него перешёл и в нём удвоился пророческий дар («дух») его учителя, Илия обещал ему это при условии, что он станет свидетелем его вознесения. Елисей увидел, как огненная колесница унесла его учителя, подобрал упавшую с него одежду и наследовал его пророческий дар (4 Цар. 2: 12–15).

Интерес к русскому иконописанию, признание иконы не только как предмета культа, но и как произведения искусства, проявились только во второй половине XIX – начале XX в. В первой книге своего «Собрания сочинения» (1913) об этом факте пишет и Н. К. Рерих:

«Ещё один иноземец уверовал в наши старые, чудесные, красивые иконы. Ришпэнь смотрел в Москве выставку, устроенную московским археологическим институтом, и пришёл в восторг от красоты наших священных изображений. Вспомним, что Морис Дени и Матисс, когда были в Москве, а Бланш, Симон и целая толпа лучших французов, когда видели наше искусство в Париже, воздали заслуженное нашим иконам и нашему старому искусству.

Называю иноземцев, ибо нам, своим, не верили, когда мы, в восторге, говорили то же самое. Даже всего десять лет назад, когда я без конца твердил о красоте, о значительности наших старых икон, многие, даже культурные люди ещё не понимали меня и смотрели на мои слова, как на археологическую причуду.

Но теперь мне пришлось торжествовать. Лучшие иноземцы, лучшие наши новаторы в иконы уверовали. Начали иконы собирать, не только как документы религиозные и научные, но именно как подлинную красоту, нашу гордость, равноценную в народном значении итальянским примитивам» («Иконы»).

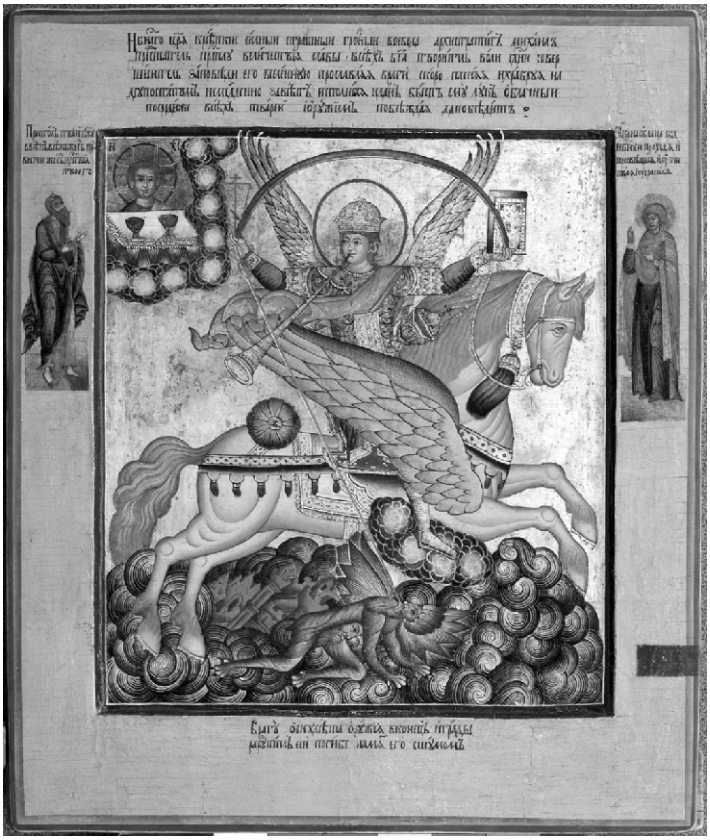
В это же время, когда Николай Константинович радуется признанию древнерусской иконописи как яркого художественного явления, происходит открытие и горнозаводского старообрядческого иконописания. Интересно отметить, что и о старообрядческой уральской иконе первым заявил французский исследователь, именно он был услышан, и впоследствии его доклад лег в основу исследования данного направления. Французский исследователь Сюшель Дюлонг первым отметил инаковость и высокий уровень произведений уральских иконописцев, а также наличие общих стилевых и технологических приёмов:

«…На Урале была целая серия иконописцев, которые до сего времени (некоторые из них ещё живы) сохранили настоящую традицию иконописания, и поэтому их работа стоит по достоинству, безусловно, выше московских иконописцев нашей эпохи, то есть XVIII и XIX веков. Если не школа, всё-таки есть сходство между всеми иконами, написанными на Урале» («Заметки по вопросу уральского иконописания», 1923).

Он составил список уральских иконописцев, в его докладе были озвучены имена наиболее значительных уральских мастеров. Особую ценность докладу придаёт тот факт, что Сюшель Дюлонг собирал сведения и общался с последними невьянскими иконописцами.

Рассмотрим развитие и становление иконописания, ориентированного на древнерусские каноны в контексте Нового времени. Также необходимо отметить, что именно старообрядцы стали первыми собирателями и хранителями древних икон, сохраняя их не только как реликвии, но и как образцы для написания новых образов. Старообрядческая икона всегда являлась отражением социальных и политических изменений, а также отношения заказчиков и самих мастеров иконописцев к данным изменениям. Урал стал убежищем большого количества старооб-

рядцев поморского согласия. Особенности поморского учения базируются на тезисе о том, что антихрист уже пришёл в мир и духовно царствует в Русской Церкви со времени патриаршества Никона. С этого времени нет истинных таинств и истинного священства. Как для старообрядчества в целом, так и для уральских переселенцев характерно активное развитие эсхатологической тематики. Зримые образы Страшного Суда нашли своё отражение в иконописании, иногда детальным изме-



Ил. 2. Архангел Михаил Грозный Воевода с избранными святыми на полях. Первая пол. XVIII в. Дерево, ковчег, шпонки торцовые, паволока, левкас, темпера, золочение. 34,0 × 29,7 × 2,8
© Музей Невьянской иконы (Екатеринбург)

нением иконографии. Такие изменения, в первую очередь, связаны с формированием идейной концепции, напрямую связанной с периодом напряжённого и тягостного ожидания «последних времён».

Старообрядцы сопоставляли эсхатологические сюжеты с современными им событиями и делали вывод о том, что «последние времена» уже наступили, поскольку якобы исполнились предсказанные в Священном Писании и Предании, знаме-

ния и признаки, должные свидетельствовать о приближении царства антихриста. В этом утверждении об уже свершившемся воцарении антихриста в мире и заключалось основное отличие старообрядческой эсхатологической теории от официальной православной*.

Особенное распространение в связи с вышеуказанными настроениями в иконописании получила активное развитие идея, связанная с очищающим огнём, то есть большое распространение получили иконы с изображением Архангела Михаила. Таким образом, происходит переосмысление канонов и насыщение их новой смысловой нагрузкой. Если обратиться к Н. К. Рериху, то мы тоже обнаруживаем

Ил. 3. Н. К. Рерих. Ангел последний. 1912. Картон, темпера. 52,5 × 73,8
© Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

подобный подход – увлечённый изучением древнерусских канонов иконописания, он переосмысливает их, сознательно работает над созданием нового стиля в религиозном искусстве. Древнерусская живопись, ею развитые формы и символы помогли наиболее полно отразить апокалипсические настроения времени. На полотнах Н. К. Рериха появляется тот же Воитель в роли представителя войска Господня.

* См. более подробно об этом: *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. – Новосибирск: Наука, 1988. – 187 с.

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

Ил. 4–6. Фрагменты композиций, посвящённых «Огненному восхождению пророка Илии»

Ил. 4. Лицевая сторона двусторонней выносной иконы. Невьянск. Вторая четверть – середина XIX в. Дерево, левкас, темпера. Оригинальные размеры: 53 × 46 × 3. Частное собрание. *Ил. 5.* Н. К. Рерих. Илья-пророк. 1907 Холст, пастель, темпера. Оригинальные размеры: 82 × 88. © Государственный Русский музей. *Ил. 6.* Н. К. Рерих Илья Пророк. 1931. Холст, темпера. Оригинальные размеры: 74 × 117. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

В иконографии Архангела Михаила, с точки зрения последователей старой веры, соединились представление о Царской власти, об образе Государя, имеющего право занимать Престол, и сугубо эсхатологические умонастроения о необходимости готовиться к скорому окончанию времён.

Бесспорно, нет смысла сопоставлять иконографические и стилистические особенности произведений [*ил. 2* и *3*], но это и не нужно, так как в данном контексте нам важна передача настроения, острого чувства ощущения времени и реакция на происходящее, получившая отражение здесь. Перед нами два красноликих, вышедших из огня Архистратига, два воина со спокойными и бесстрастными ликами, стоящими среди бушующей стихии. Статичны их позы, но сами произведения насыщенны динамикой: неземное спокойствие главных персонажей неспособны нарушить погибающие на наших глазах города. Давно замечено, что на формирование невьянской стилистики влияли новгородские традиции, здесь же мы видим, что и Н. К. Рерих, очевидно, черпал вдохновение от новгородских иконописных памятников. Мы узнаём здесь и активный, любимый новгородскими иконописцами красный цвет [*ил. 1*], который словно сам по себе является персонажем произведения, и графичность, даже некая архаичность в трактовке не только лика Ангела, но и фигуры его.

Если обратиться иконографической трактовке (в том числе и на основе других сюжетов, например, образа Илии Пророка [*ил. 4–6*]), то мы также можем видеть множество совпадений и прямых отсылок к древним канонам, как у прямых последователей иконописной традиции, так и у представителя искусства XX в.

Нельзя не отметить, что представления художника о мироздании не чужды и не противостоят христианскому вероучению. Его творчество, проникновение в духовное совершенство творений наших предков свидетельствует о глубоком понимании Н. К. Рерихом христианской традиции, её поступательного развития и многообразия форм проявления.

И. Б. ВАСИЛЬЯНОВ
(Региональный благотворительный фонд «Покровский»; Санкт-Петербург)

ВОССОЗДАНИЕ ИКОНОСТАСА ЦЕРКВИ ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ В НЕВСКОМ ЛЕСОПАРКЕ

Хотелось бы рассказать о работе над воссозданием иконостаса утраченной церкви Покрова Пресвятой Богородицы из села Анхимово Вологодской области, восстановленной спустя сорок пять лет на новом месте – на территории паркового комплекса «Усадьба Богословка» в Невском лесопарке Всеволожского района Ленинградской области.

Построенная в 1708 г. в Вытегорском погосте, Покровская церковь стала одним из ярких памятников русского деревянного зодчества, непосредственным предшественником знаменитого Преображенского храма Кижского погоста (1714). Сходство этих двух храмов породило предположение об их строительстве одними и теми же мастерами. Форма Покровского храма представляет собой три уменьшающихся по величине, стоящих один над другим восьмигранника – это символ Трёх звёзд на одеждах Богородицы, ведь и сам храм посвящён Богородице. При этом в средней части храма ясно прочитывается Крест. Храм имеет три апсиды, обходную галерею и двухмаршевое крыльцо, увенчан двадцатью пятью главами, всё выполнено из дерева. Двадцать пять глав символизируют Второе славное Пришествие Христа (центральная глава), когда двенадцать апостолов сядут на престолы вместе со Спасителем судить двенадцать колен Израилевых (Мф. 19: 28). Общий силуэт Храма в виде языка пламени ритмически повторяется в каждом куполе. Такую исключительно русскую форму куполов С. Н. Трубецкой считал воплощением русской идеи – идеи горения к Богу.

Церкви Спаса Нерукотворного и Покрова Пресвятой Богородицы. Вытегорский погост. Вологодская губерния
Снимок С. М. Прокудина-Горского. 1909

Такое свободное владение архитектурными массами, богатство идей и христианских символов, выявленных архитектурой, причём в национальных формах, ещё раз нам говорит о древности, самобытности и богатстве русской культуры.

После революции Покровская церковь на Вытегорском погосте пребывала в запустении. В конце сороковых годов, когда политика в отношении церкви изменилась, на уникальный храм обратили внимание. Известный архитектор,

академик Александр Викторович Ополовников сделал подробнейшие обмеры и чертежи Покровской церкви, которым, по Божьему промыслу, суждено было стать бесценными, ибо по человеческому небрежению в 1963 г. церковь сгорела.

В наше время А. М. Антонов, директор Покровского фонда, стал инициатором и руководителем возрождения храма, но уже на берегах Невы. Возрождение велось под надзором высочайших инстанций, и храм воссоздан максимально приближенным к первообразу. Всё, начиная от строительного леса и заканчивая мелкими деталями убранства, соответствует историческим формам и материалам. Такой подход надо признать единственно правильным и, чтобы это почувствовать нам, живущим зачастую в условиях чужеродной среды, достаточно ступить под своды этого храма.

Параллельно с возведением стен сразу началась работа по воссозданию иконостаса. Директор Покровского фонда А. М. Антонов пригласил профессора Российской Академии художеств А. К. Крылова руководить воссозданием живописи храма Покрова и автору данного сообщения вместе с группой коллег было поручено сделать проект воссоздания иконостаса. Иконостас охватывает собой три алтаря, содержит свыше ста сорока образов. Кроме иконостаса, живопись храма включает в себя «Небо» – это пологий шестнадцатигранный шатровый свод, состоящий из шестиметровых клинообразных икон.

Стояла задача воссоздать стиль живописи, максимально точно приблизиться к первичным изображениям, опираясь на фотоматериалы, воссоздать иконографическую программу, соблюсти художественное единство живописного убранства и его связь с архитектурой.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
Невский лесопарк. Ленинградская область. 2004–2007

Был собран весь доступный изобразительный материал. Благодаря архитектору А. В. Ополовникову до нас дошли несколько фотографий общего вида интерьеров храма, на которых просматриваются силуэты изображений на иконах. Сохранился акварельный этюд интерьера, написанный в 1940 г. по которому можно судить о колорите живописи храма. Была организована поездка в Вытегру, где в краеведческом музее хранится храмовая икона Покровской церкви. В запасниках Государственного Русского музея также находится образ из этого храма, с которым необходимо было ознакомиться.

Иконы «Святой архидиакон Стефан» и «Святой архидиакон Лаврентий»,
выполненные для диаконских дверей иконостаса Покровской церкви в Невском лесопарке

Елена Александровна Ополовникова, дочь А. В. Ополовникова, видевшая в детстве этот храм, дала словесное описание живописи иконостаса. Для консультации из Архангельска была приглашена Татьяна Михайловна Кольцова, один из ведущих искусствоведов, изучающая северные письма. Кроме того, изучение большого количества печатных изданий по северным письмам оказало помощь в работе.

Такая работа, как воссоздание памятника древнерусской живописи, подразумевает ответственный и тщательный подход. Было решено разделить работу на несколько этапов. Всё начиналось с небольшого эскиза в масштабе 1:10, в котором решались основные композиционные, иконографические и колористические задачи. После чего приступили к выполнению рабочего проекта. Выполненный в масштабе 1:3, он составил 12 кв. м, на его исполнение ушло три года. Благодаря детальной проработке образов, он должен был стать образцом для исполнения бригадой иконописцев. Полиграфическим методом этот эскиз был увеличен до размера настоящих икон и установлен в храме в качестве временного иконостаса.

По мере написания икон, временные печатные иконы заменялись на живописные. Таким образом, временно (возможно, на много лет) была установлена возможность совершать богослужения и видеть интерьер храма таким, каким он должен быть.

Но главное преимущество такого способа ведения работы в том, что только благодаря такому эскизу можно установить смысловое и художественное единство иконостаса, включающего в себя много десятков икон, чего невозможно было бы достичь, изготавливая их по отдельности.

На следующем этапе ведётся непосредственное написание икон на досках, с углублённым изучением образа. Сейчас уже написаны главные образы Спаса Нерукотворного, Тихвинской иконы Божией Матери, диаконские двери, Тайная вечеря, Благовещение и Евангелисты на Царских вратах.

Иконостас Покровской церкви, по предположению автора сообщения, является первым и единственным высоким русским тябловым иконостасом в нашем регионе. Хотелось бы верить, что этот пример получит своё развитие.

Высокий русский иконостас произошёл от византийской алтарной преграды, на которую и между колоннами которой ставились иконы. На Руси Феофан Грек, Андрей Рублёв и Даниил Чёрный впервые стали писать четырёх- и пятиярусные иконостасы. Затем эта традиция перешла на Афон, в Грецию, на Балканы и была воспринята всем православным миром, ибо во всей полноте соответствует богослужению.

Отец Павел Александрович Флоренский писал: *«Образно говоря, храм без вещественного иконостаса отделён от алтаря глухой стеной; иконостас же пробивает в ней окна, и тогда через их стекла мы видим, по крайней мере можем видеть, происходящее за ними – живых свидетелей Божиих. Уничтожить иконы – это значит замуравить окна; напротив, вынуть и стёкла, ослабляющие духовный свет для тех, кто способен вообще видеть его непосредственно, образно говоря, в прозрачнейшем безвоздушном пространстве, – это значит научиться дышать эфиром и жить в свете славы Божией; тогда, когда это будет, вещественный иконостас сам собою упразднится, с упразднением всего образа мира сего и с упразднением даже веры и надежды и с созерцанием чистою любовию вечной славы Божией»* («Иконостас», 1919–1922).

Эти слова надо понимать так, что, скрывая от храма внешний вид алтаря, иконостас призван раскрыть духовное содержание там происходящего. Иконостас Покровской церкви, как традиционно русский, отвечает именно такой идее.

П. И. КУТЕНКОВ
(Северо-Западный научно-исследовательский институт природного и культурного наследия; Санкт-Петербург)

ЕДИНСТВО ПЕРЕХОДОВ ДУШИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

В русской народной культуре существует неимоверно разработанная обрядность обращения с душой (духом) человека на базе исконного мировоззрения. Сохраняется оно во всех областях народничества[1]. Наибольшее влияние на жизнь каждого человека, по народным воззрениям, оказывают переходы души, получившие известность в крайних и срединных обрядах бытия человека [**1**; **2**; **3**; **4**]. Исследователями культуры восточных славян переходы типологически предлагается объединять в одно целое.

Наше обращение к теме переходов души обусловлено новыми материалами по переходам и обнаружением ранее невыясненных граней в строении времени переходов, а также новым пониманием уровней их единства, позволяющим говорить о закономерностях переходов как едином законе бытия души.

Похоронная, печальная и поминальная, родинная и свадебная обрядности изучалась нами в 1996–2012 гг. в селениях Архангельской, Владимирской, Вологодской, Новгородской, Пензенской, Смоленской, Тамбовской, Рязанской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областях России, Сумской области Украины, а также по доступным нам литературным и письменным источникам [**2**; **3**; **5**; **6**; **7**; **8**; **13** и др.].

В русской народной культуре к переходам души мы относим: переход при рождении человека; двойной переход бабства – «умирание» беременной и «возрождения» самой бабы-роженицы; двойного перехода при умирании – смерть человека и переход души на тот свет; двойной свадебный переход невесты[2]. Существуют и другие духовные переходы, но их мы здесь не касаемся.

Единство всех переходов русской души обнаруживается их содержанием, использованием в них единых обрядовых средств, включая вещный мир, в том числе одежду, единством сущностного в запретах и предписаниях для лица, испытывающего переход, единством основных требований к участникам обрядов перехода и ином. Непосредственно переход обнаруживается во время осуществления того или иного обряда, запрета, предписания и т. д. Обрядовое строение времени является основным показателем перехода. Всё движение событий в обрядах перехода подчинено времени. Время – это стержневая категория перехода, это мера, определяющая и показывающая потребность в необходимом для успешного совершения перехода.

Рассмотрение начнём с наиболее известного и наиболее изученного смертного перехода (переходов) души (духа). Говоря об изученности похоронно-поминальной и поминально-печальной обрядовости, представлений о смерти в русском народе, мы к нашему удивлению видим, что наука не располагает до настоящего времени добротными описаниями народной похоронно-поминальной обрядовости по областям, краям и землям проживания великорусов. В большинстве областей их просто нет. Слабо изучены и другие переходы культуры [**10**; **11**; **12**; **14**].

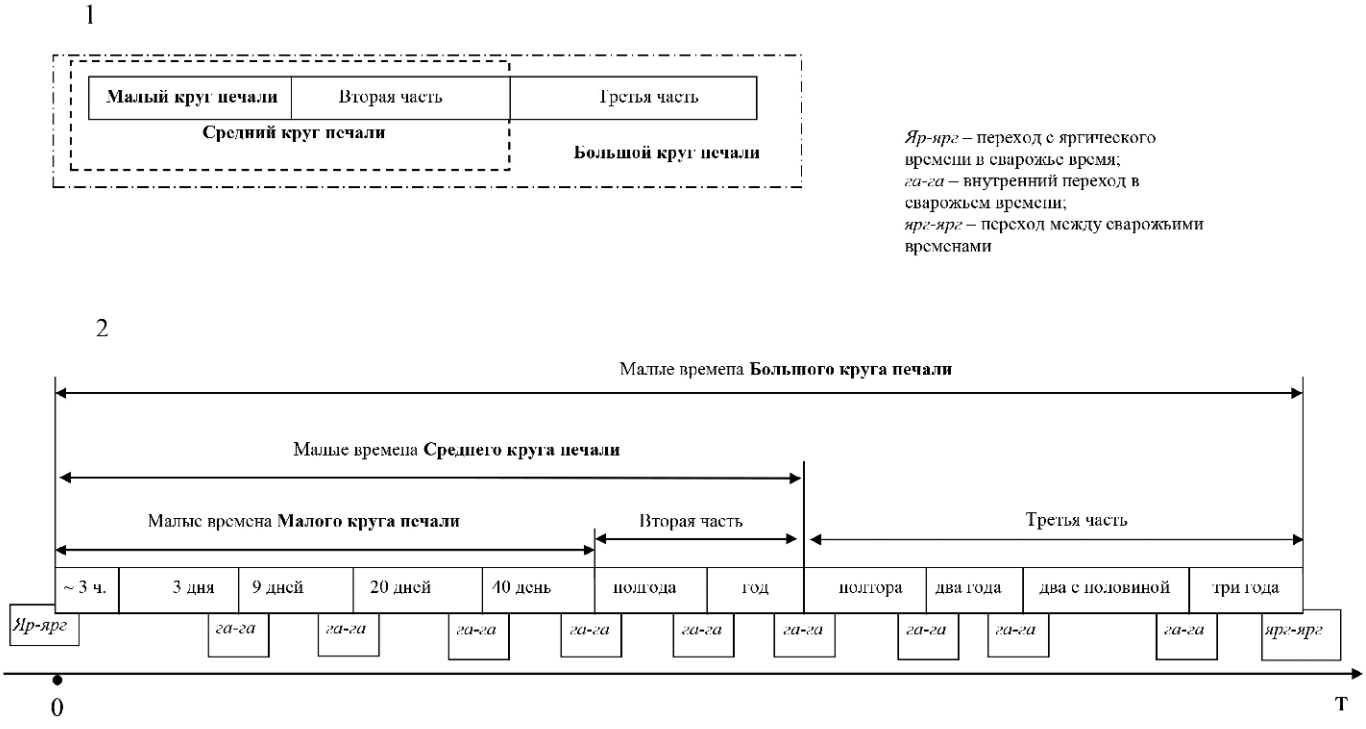


Рис. 1. Строение родокона печально-поминального (смерти и смертного перехода):

1 – общее строение; 2 – строение времени переходов души по малым временам трёх кругов печали

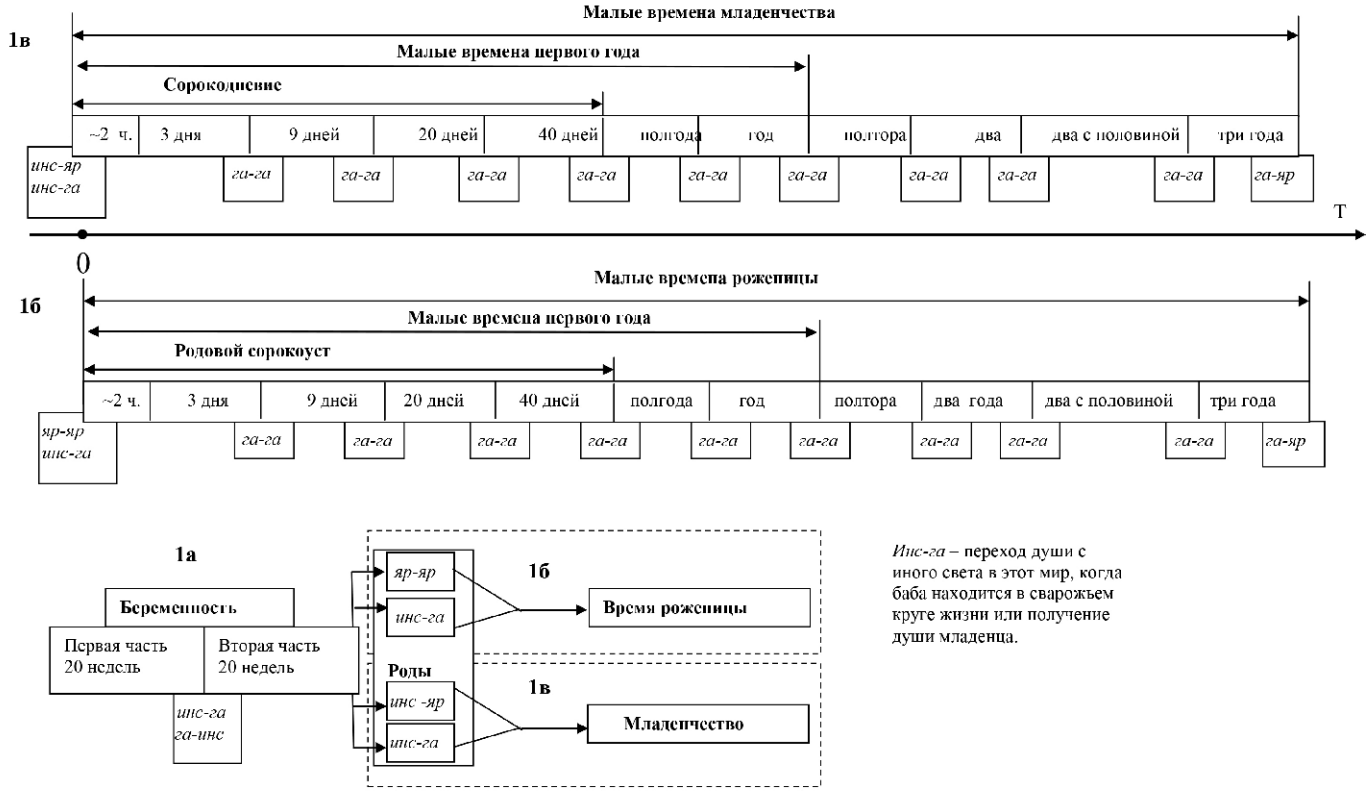


Рис. 2. Строение родокона бабства: 1 – общее строение родокона бабства; 1а – обособленный родокон беременности; 1б – обособленный родокон роженицы; 1в – обособленный родокон младенчества

Переход души на тот свет и устроение духа на том свете определяется по характеру существующих обрядов: **похоронных**, **поминальных** и **печальных**. Характер выполнения трёх видов обрядности, отмеченный знаковостью вещного мира и печальными одеждами участников, их состояниями, а также народное знание о душе прорисовывают сложную временну́ю картину её поведения в междумирье и на том свете[3]. Строение печально-поминального времени, *родокона*[4] смерти и смертного времени показывает общую продолжительность обоих переходов души в течение трёх лет (*рис. 1*). При правильном выполнении всех обычаев и обрядов, установленных в культуре, душа через сорок дней переходит на тот свет, а через три года включается в разряд *родителей*. Как правило, помином в третью годовщину заканчивается череда **частных общественных поминок** по душе умершего. С этого времени душа может оказывать помощь живущим на белом свете. Не выполнение или не правильное исполнение предписываемой культурой обрядности, ведёт к различного рода неприятным последствиям: душа остаётся неприкаянной на белом свете, душа ходит домой и вредит живым, душе тяжело жить на том свете и т. д. В целом иносветная печаль обнаруживает трёхчастное строение (*рис. 1*: 1, 2) с внутренними переходами *га-га*, разделяющими всё на части и малые времена. Первая часть времени – душа покидает тело и пребывает в междумирье. Это самое напряжённое время для неё самой и для душ близких, оставшихся на *этом* свете. На **сороковой** день в ходе поминальной и печальной обрядности выполняется **обряд (обряды) проводов души на тот свет**. Душа покидает этот свет и перемещается (улетает, уходит, переплывает и т. д.) «на тот свет». Всего, например, на юге Рязанской земли в ходе ПППО в течение трёх лет осуществляется двенадцать обрядов проводов души. Обряд проводов души включён неотделимой частью в поминально-печальную обрядность. Дни частных поминок – 1-й, 3-й, 6-й, 9-й, 20-й, 40-й, полгода, год, полтора, два с половиной, три (*рис. 1*) разделяют всё ПППО время на малые времена. Каждый поминальный день имеет свою присущую только ему особенность. При этом своей значимостью выделяются поминальная обрядность и время: 1-й день (три часа) – душа покидает тело, 20-й день – душа проходит половину пути, 40-й – душа переходит на тот свет, три года – душа принимается в категорию родителей[5]. В каждой русской земле (Рязанская, Новгородская, Смоленская, Псковская, Вологодская и др.) временно́е строение ПППО может иметь свои особенности. В целом восточнославянская поминальная и печальная трёхлетняя обрядность с её вещным миром (одеждой) имеет самобытное происхождение и занимает выдающееся место во всей мировой культуре.

По народным представлениям, во время **беременности и родин** (родокон бабства) совершается двойной переход души беременной-роженицы и в то же время осуществляется третий и четвёртый переходы: рождается новая душа на этот свет вместе с телом.

Слабая изученность беременности не позволяет нам строго показать её временное строение (*рис. 2:* 1а). По наиболее распространённым народным представлениям душа ребёнка вселяется в плод на середине беременности: через 20 недель. Числа 20 и 40 характеризуют беременность как явление духовного порядка.

Родильный переход. Считается, что роженица во время родов переходит в иномирное состояние. После родов душа роженицы испытывает состояние возвращения в нормальное состояние в своём теле, и в тоже время – разъединение с душой младенца. Культурные предписания, запреты, нормы поведения роженицы и её одежда после родов позволили вычленить длительность и строение её времени перехода, обособленного родокона роженицы (*рис. 2:* 1б).

Сороковины роженицы и непосредственно сороковой день выделяются своей значимостью, жёсткостью выполнения предписаний, запретов и их развитостью, сохранившими свою значимость в русской народной культуре до настоящего времени. В сороковой день роженица обязана получить *очистительную* (*разрешительную*, *сороковую* и др.) молитву и омыться *непитой* водой, иногда размывает в этот день руки с повитухой. В это время роженица носит печальные одежды, а в ряде КРК они обязательны до года. Сорок дней, например, в СКРК и ВКРК, баба вообще не надевает понёву, убираясь в смешанную обрядовую сряду из девичьих и бабьих одежд. До сорокового дня категорически запрещается спать с мужем. Нахождение души роженицы в состоянии переходности, очевидно, определяет запрет на зачатие новых жизней. Большинство запретов и предписаний связано с необходимостью недопущения какого-либо вредного воздействия на душу роженицы. К ним относятся запреты на участие в похоронах, в качестве свахи или иного лица в свадебных обрядах переходов, в обрядах крещения и других, **требующих вхождения роженицы в новое переходное состояние**, в соприкосновение с душами, также находящимися в переходном состоянии. Всё это является для роженицы неприемлемым. Исследование показало, что полное возвращение роженицы в обычную жизнь составляет три года (*рис. 2*: 1б). Подчеркнём, в продолжение трёх лет одновременно с обрядами, проводимыми в отношении роженицы, совершаются обряды и с её дитём. Данную обрядность мы предлагаем называть **двуединой обрядностью**. Она направлена на разъединение душ младенца и роженицы и их укрепление в своих телах. В целом типология обрядового времени обособленного родокона роженицы (*рис. 2*: 1б) повторяет образцовое строение печально-поминального времени.

Время обособленного родокона младенчества. Развитая обрядность с дитём в некоторой степени затеняет обрядность с роженицей. Строение времени младенчества характерно многочисленными запретами и предписаниями. Значительная часть из них заканчивается сороковым днём, когда часто совершается второе крещение ребёнка. В народном православии, в частности для Рязанской, Тамбовской, Пензенской и других областей, ребёнка обычно первый раз крестила повитуха на третий день в горшочке, а второй раз крестили в церкви на сороковой день или позже. Необходимость соблюдения большинства запретов объясняется возможностью нечистой силы подменить душу младенца, сглазить или испортить её людьми. Установленная длительность запретов, предписаний и сроки проведения обрядовых действий в отношении младенца обнаруживают ясно выраженное строение переходного времени в течение трёх лет (*рис. 2:* 1в). Рубежным временем во всём младенчестве считается сорокодневие и сороковой день. Он служит той вехой, после которой присмотр за ребёнком от повитухи полностью переходит к

матери. Его можно выносить на свет, показывать близким родственникам, смотреть самой матери и отцу. После сорока дней на ребёнка впервые повязывается поясок. Значительная часть предписаний строго соблюдается в течение всего первого года, заканчивающегося обычно первой застрижкой. Рубежное время в два года отмечено незначительной частью обрядов. К трём годам душа дитя укрепляется настолько в теле, что опасность со стороны нечистой силы по её подмене или её порчи резко снижается, снимается большинство запретов. С этого времени в ряде русских земель допускалась порка ребёнка прутьями.

Строение времени родокона младенчества идентично строению времени перехода роженицы (ср. 1в и 1б на *рис. 2*).

Заметим, что время роженицы до настоящего времени не было принято продолжать до трёх лет. Отчасти это связано с частым рождением детей, когда время между рождением и последующим зачатием меньше трёх лет.

Свадьба. Сущностное содержание свадьбы связано с духовностью. Оно раскрывается, прежде всего, в обрядах с невестой, направленных на подготовку и передачу её души в иной род, то есть на её «умирание» и «возрождение». «**Умирание»** и «**смерть»** невесты в народной культуре не пустая образность, а невидимая действительность. Действительностью является и её последующее духовное **рождение** и **возрождение**. Такой взгляд на суть происходящего позволяет уточнить существующее строение времени свадьбы.

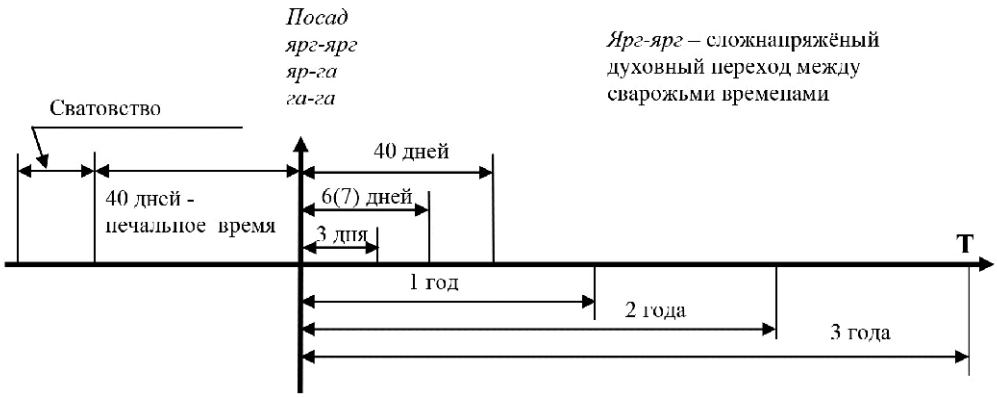


Рис. 3. Строение времени родокона свадьбы

Во временно́м движении свадьба включает три части: 1) предсвадебное время – сватовство, происходящее до обряда правового заключения договора на свадьбу; сватовство и обряды правового значения, отмечающие начало печали невесты; 2) время двойного перехода – «смерть» невесты и «рождение» молодухи; 3) послесвадебное – возрождение, свадебные и послесвадебные обряды, связанные с зарождением потомства, включением молодых в мужское и женское сообщества, с отношениями родов (*рис. 3*). Исторические напластования в русской народной

культуре позволяют признать исконность существование сложных **досвадебных отношений** в русской народной культуре. Они представляют самостоятельное явление культуры общины, направленное на создание семьи. В свадебное время мы их не включаем. Каждая из трёх частей имеет сложное трёхуровневое строение. Показ всех уровней требует самостоятельного исследования.

В отличие от других родоконов, в свадьбе происходит более частое изменение знаковости убранства невесты и молодухи. Здесь сложнее вычленить продолжительность малых времён.

Строение свадебного времени неожиданно с новой силой высвечивает высокую значимость числознака сорок, наряду с устойчивым числами 3, 6 (7) и осуществлением обрядности, направленной на соединение души жены с мужем, вхождением невесты в род мужа, возможным зачатием и обережными обрядами молодых. Время в сорок дней образует ярко выраженную симметрию вокруг переходов.

Огромное количество накладывающихся друг на друга свадебных обрядов в русских землях не имеют единой последовательности. В народной культуре их последовательность многовариативна, это заставляет показывать только общее строение свадьбы, общее направление порядка переходов (*рис. 3*).

Особое место в свадьбе занимает *Посад*, заключающий в себя средоточие двух духовных переходов: окончание «умирания» и начало «рождения» молодухи из невесты. В действительности здесь совершается три перехода (два духовных и естественный): **яр-га** – «смерть», **га-га** – «рождение» души, а также **ярг-ярг (яр-яр)** – передача невесты из рода в род и лично мужу, с переходом в детородное состояние.

Вследствие сложности происходящих событий смену знаков в одежде (смену сряд) определяет не столько чередование малых времён, а сколько обряды одного из переходов и иные смыслы свадьбы, получающие преобладание в какое-то время и определяющие знаковость сряды невесты-молодой.

Для всех духовных переходов, свойственных русской народной культуре, присуще единство строения времени перехода с выделением сорокового дня. Характер обрядов, обязательное использование непитой воды, новой сряды и одежды, требования к участникам обрядов, высвечивают единые закономерности в обращении с душой человека. Сравнение структур духовных переходов обнаруживает их удивительное единство на трёх важнейших частях – *сорокоусты*, *годовщина* и время *трёх лет*.

Таким образом, обнаруженные нами сложные духовные переходы в крайних и срединных обрядах жизни человека связаны с родноверческим мировоззрением, с исконным пониманием духовности человека и отношения народа к душе – в ходе её вселения-рождения, жизни и проводах на *тот свет* к предкам, к Богу. Единство закономерностей обращения с душой человека опирается на исконные мировоззренческие основы определяемые тройственностью духовных отношений живых, предков и Бога.

Содержание каждой части сравниваемых времён родоконов обнаруживает действия с душой человека и его телом как разными частями, но в тоже время событи-

ями единого природно-культурного явления. Закономерности обращения с душой человека при её переходах из мира в мир, с одного света в иной свет образуют единый Божественный закон жизни русской души, русского духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 253 с.

2. *Баранов Д. А.* Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М.: РГГУ, 2001. – С. 9–30.

3. *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба. – М.: Современник, 1985. – 400 с.

4. *Ерёмина В. И.* Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, 1991. – 208 с.

5. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 511 с.

6. *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2004. – 284 с.

7. *Котляревский А. А.* О погребальных обычаях языческих славян // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1891. – Т. 49. – Первое изд.: 1868 г. – Современное переизд.: М.: КРАСАНД, 2010. – 291 с.

8. *Кремлева И. А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север / Отв. ред. И. В. Власова. – М.: Наука, 2004. – С. 661–705.

9. *Кутенков П. И.* Южнорусская народная одежда. Чернавская крестьянская родовая культура. Середина XIX – XX в. – СПб.: РГО, 2011. – 498 с/

10. *Лысенко О. В.* Половозрастная дифференциация одежды и семантическая структура народного костюма (восточнославянская традиция XIX–XX вв.) // Нацыянальны кастюм у сучаснай сацыякультурнай прасторы: Сб. – Минск, 2008. – С. 23–37.

11. *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. – М.: Наука, 1984. – 201 с.

12. *Островский Б. А.* Семейские Забайкалья: аспекты этноконфессиональной идентичности в XX в. // Этническое единство и специфика культур: Материалы Первых Санкт-Петербургских Этнографических Чтений. – СПб.: РЭМ, 2002. – С. 30–-34.

13. *Сумцов Н. Ф.* Символика славянских обрядов. – М.: РАН, 1996. – 296 с.

14. *Чистов К. В.* Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 223–230.

ПРИНЯТЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

КРК – крестьянская родовая культура

ВКРК – вяземская КРК Пензенской области

СКРК – сядемская КРК Пензенской области

ППО – похоронная печально-поминальная обрядность

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под *народничеством* мы предлагаем понимать всё то, что обозначает разносмысловые содержания понятия *фольклор*. Тем самым мы избегаем лишних пояснений, связанных с его использованием. Необходимо вернуться к обычаю использования русского языка в качестве научного. Нужно прекратить практику научного шовинизма в отношении русского языка, характерную для отдельных исследователей.
[2] *Переход* – это смена местонахождения души, сопровождаемая покиданием (временным или постоянным) тела человека и перемещением в иные пространства. Исходя из этого *смерть* представляется как двойной переход.
[3] В русской народной культуре выделяются *времена*: рождение (младенчество), детство, девичество, свадьба, родославное (детородное), бабство (беременность, роды, сороковины роженицы и далее время), последетородное, смерть, праздник, печаль, войнихство (солдатство), вековушество, вдовство, смертное. Все времена объединяются в единое целое явлениями рождения и смерти, замужества и родинами, праздника и печали, днями равноденствия и солнцестояния. Но при этом по содержанию сущностного они между собой различаются, образуя из неделимого, единого жизненного пространства, жизненного пути два круга времён – *яргические* и *сварожьи*.
[4] *Родокон* – это какое-либо время жизни, строго обозначенное и ограниченное обрядами, согласно существующего обычая. Родокон времени по длительности короче исходного времени жизни. Например, время детородности – это время от начала месячных до их окончания, а родокон детородия (родославия) – это время ограниченное свадьбой и сороколетним возрастном бабы. Первая группа, *яргическая* – рождение, детство, девичество, свадьба, родославное, бабство, последетородное, смерть. *Сварожьи* времена характеризуются пребыванием бабы / женщины в особом духовном состоянии – это время течения печали и праздников, свадьбы, рождения и смерти, бабства, войнихства, вдовства и вековушества.
[5] В ряде местностей Рязанской культуры совершается два различных обряда проводов души на тот свет в разное время сорокового дня. В совокупности с иными знаниями о поведении души это указывает на наличие у славяно-руса не менее двух душ.

С. С. ЛЕВОШКО
(НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН; Санкт-Петербург)

ПОИСКИ «СОВРЕМЕННОСТИ» В ПРАВОСЛАВНОМ ЗОДЧЕСТВЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. ЧЕХОСЛОВАКИЯ, ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

На страницах профессионального журнала «Русский зодчий за рубежом» (Прага, 1938–1942) нашла отражение острая проблема православного зодчества в Русском зарубежье. Архитекторы оценивали его состояние как упадок и считали, что именно на их поколении (поколении, получившем образование уже в Чехословацкой Республике) лежит большая ответственность решить эту задачу. В 1939 г. был выпущен специальный номер с проблемными статьями «Эмиграция и церковное строительство» и «Наш путь». Авторы статей – редакторы журнала, архитекторы Л. С. Лада-Якушевич и Н. П. Пашковский делали вывод, что «консервирующий» архитектурную традицию период 1920-х гг. прошёл, и необходимо осмыслить и ре-

Архитектор А. П. Шавцов
Часовня Воскресения Христова
Королевство сербов, хорватов и словенцев
Загреб. Кладбище Мирогой. 1928

Архитектор Н. И. Исцеленнов
Храм в память Царя-Мученика Николая II
и всех русских людей, богоборческой властью
в смуте убиенных. Бельгия. Брюссель. 1934

шать сложившуюся парадоксальную ситуацию в православном храмостроительстве: духовная жизнь русской эмиграции наиболее ярко проявилась именно в глубоком религиозном чувстве, однако, оно не нашло выражения в архитектуре, соответствующей духу времени. «Дом, вилла, школа – мы знаем, как их нужно строить. Церковь – мы не знаем, мы не можем её правильно проектировать».

Оказывается, храмы, которые в наше время мы оцениваем исключительно положительно (часовня Иверской Божией Матери на кладбище в Белграде или Храм-памятник в Брюсселе), сами архитекторы Русского зарубежья, их современники, критиковали: воссозданные копии разрушенных или существовавших в России храмов, во-первых, уступают в художественной выразительности оригиналам, а во-вторых, не могут адекватно восприниматься («тщательные репродукции… не имеющие исторической ценности»). Академик Н. П. Кондаков также был активно против идей воспроизведения копий храмов в эмиграции: «Время теперь не то, материал другой, техника иная, – модернизировать нужно!».

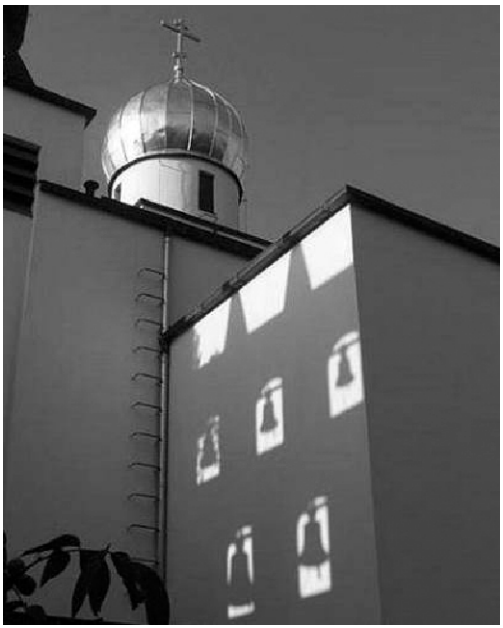
Распространённой практикой в Русском зарубежье в Европе было строительство храмов без участия архитекторов, и этот опыт профессионалами расценивался как отрицательный. В Подкарпатской Руси священник В. Коломацкий самостоятельно построил огромное количество храмов, около двухсот, не учитывая исключительно самобытной архитектуры местного края, в которой, как известно, инте-

грируются традиции Запада и Востока. По убеждению русских архитекторов, «эмигрантские храмы должны были бы отразить в своих внешних формах характер общины в той или иной стране в этом неповторимом [эмигрантском – *С. Л.*] периоде жизни русских людей».

В попытке разрешить сложнейшую проблему сохранения живого языка, освящённых традицией приёмов православного зодчества и одновременно их модернизации, новое поколение русских архитекторов Чехословакии, сформулировали ряд принципиальных положений и конкретных функционально-планировочных приёмов.

Технологии 1930-х гг. по-своему решают строительные проблемы прошлого, новизна и своеобразие не должны маскироваться привычными формами. Принципы архитектоничности не должны нарушаться в угоду внешнему впечатлению. Язык символических форм должен быть выражен новыми материалами и техникой. Если для XX в. характерны «свет и воздух», то должны быть широкие окна, широко открытые двери. Учитывая суровую необходимость экономии эмигрантских средств, возможны только небольшие по размерам объёмы. Однако архитектурными методами должно обеспечить условия и для многолюдных праздников: пристроенные широкие крыльца, площадки и террасы, раздвижная или стеклянная западная стена, роспись западного фасада как образ иконостаса (по примеру румынских православных церквей).

Архитектор И. М. Пальмов
Свято-Николаевский кафедральный собор
США. Сиэтл. 1932



Архитектор Пётр Левицкий
Церковь Святого Вацлава на Шпильберке
Чехия. Брно. 1939

Храм должен быть корректно «вписан» в чуждый ему городской ландшафт, адаптирован к инокультурной среде. При проектировании кладбищенских храмов на русских погостах (или участках) архитектор может быть более свободен в формотворчестве.

Анализ и оценка храмов, построенных в Русском зарубежье к концу 1930-х гг., позволяет заключить, что простая, безыскусная архитектоничная форма, обращённая к истокам псковско-новгородской архитектуры, считалась наиболее удачной, соответствующей как традициям, так и духу времени.

«Архитектор, прежде всего творец, – писал Л. С. Лада-Якушевич, – и в создании новых форм, служащих отражением современной ему жизни, и есть его послание». Слова эти, собственно, являются аксиомой, но написанные в отношении православного храмового зодчества в зарубежье, они являются отражением новаторской позиции, которая смело искала путь «заполнения пробела перед остановившемся церковным зодчеством».

III. РЕРИХИ И ИХ СОВРЕМЕННИКИ

М. Н. ЧЕСНОКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ВЫСТАВКА «ГОЛЕНИЩЕВЫ-КУТУЗОВЫ. ВОЕННАЯ ДОБЛЕСТЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ГЕНИЙ». ЖИВАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ И СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ

2012-й год ознаменован 200-летием победы в Отечественной войне 1812-го года. Для Музея-института семьи Рерихов эта дата особенно важна, поскольку Елена Ивановна Рерих, писательница, философ, переводчица, жена художника Николая Константиновича Рериха, и Степан Степанович Митусов, её двоюродный брат, хранитель наследия Рерихов, приходились двоюродными правнуками великому полководцу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову.

Род Голенищевых-Кутузовых – один из древнейших дворянских родов России. Он ведёт своё происхождение от выехавшего из Пруссии в Россию в 1263 г. Гавши, принявшего при крещении имя Гавриил. Имя сына Гавриила, Андрея, значится среди патронов церкви Спаса Нередицы. Правнук родоначальника, Александр Прокшич, по прозванию Кутуз, стал первым представителем фамилии Кутузовых. Представитель младшей ветви Кутузовых, новгородский боярин Василий Ананьевич, по прозванию Голенище, стал родоначальником Голенищевых-Кутузовых. Этот древний и знатный род подарил миру ярких и выдающихся личностей, прославивших своё имя как на военном поприще, так и на ниве служения искусству.

Янтарный нательный крест Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова

Фотография предоставлена матушкой Валентиной, супругой настоятеля церкви Воскресения Словущего села Теребени Опочецкого района Псковской области. 16 июля 2012

Мать Елены Ивановны Рерих Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова приходилась двоюродной внучкой М. И. Голенищеву-Кутузову. Отец великого полководца – Илларион Матвеевич и прадед Екатерины Васильевны и Евдокии Васильевны (матери Степана Степановича Митусова) – Василий Матвеевич – были родными братьями. Сын Василия Матвеевича Голенищева-Кутузова – Иван Васильевич, был двоюродным братом полководца. Двадцать девятого января 1814 г. жена Ивана Васильевича Евдокия Александровна (урождённая Чирикова) родила сына – наследника воинской славы своих предков, который был в тот же день крещён с именем Василий. Василий Иванович Голенищев-Кутузов женился на Анне Васильевне Азарьевой, у них было восемь детей. Сыновей звали Иван (1853—1897) и Василий (1861—1927). Дочерей же звали Евдокия (1855—1925), Анастасия (1856—1917), Екатерина (1857—1913) и Людмила (1859—1917).

Старшая из дочерей Василия Ивановича Голенищева-Кутузова, Евдокия, стала оперной певицей. Она окончила курс Санкт-Петербургской консерватории по классу пения и классу композиции, пела в опере Мариинского театра в Петербурге и за границей, в Париже. На выставке была представлена алая лента с надписью золотыми буквами: «Русской Патти»[1], преподнесённая ей восторженными поклонниками в 1877 г. Первым браком Е. В. Голенищева-Кутузова была замужем за Степаном Николаевичем Митусовым. В этом браке родился сын Степан. Этот брак быстро распался. Вторым мужем Евдокии Васильевны стал князь Павел Арсеньевич Путятин, археолог и антрополог, в имении которого спустя годы состоялось знакомство Николая Константиновича Рериха и Елены Ивановны Шапошниковой. В этом браке родились две дочери – София и Марианна. Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова вышла замуж за Ивана Ивановича Шапошникова. 31 января 1879 г. по старому стилю у них родилась дочь Елена. Всего в семье было трое детей. Сын Илларион, родившийся годом ранее Елены, умер в возрасте пяти лет, дочь Анна, родившаяся в 1885 г., также умерла в детстве. Дружба и тонкое взаимопонимание связывали сестёр Голенищевых-Кутузовых, подлинная дружба связывала и двоюродных брата и сестру – Елену Ивановну Рерих (урождённую Шапошникову) и Степана Степановича Митусова. С. С. Митусов стал впоследствии одним из основателей школы камерного пения в нашей стране, другом и сотрудником Н. К. Рериха.

В 1900 г. С. С. Митусов прошёл в консерватории специальный курс гармонии у А. К. Лядова, затем вместе с И. Ф. Стравинским учился у В. П. Калафати. В сотрудничестве со И. Ф. Стравинским С. С. Митусов написал либретто оперы «Соловей». Впоследствии Игорь Стравинский вспоминал о своей дружбе со Степаном Митусовым в начальный период своей композиторской деятельности. Тёплые дружеские отношения связывали С. С. Митусова с семьёй Римских-Корсаковых. С. С. Митусов был другом Н. К. Рериха, а будучи секретарём Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств – и его соратником и помощником в деле художественного образования. Степан Митусов и сам рисовал, освоил технику живописи.

В 1907 г. С. С. Митусов женился на Екатерине Филипповне Потоцкой. У них родились три дочери – Злата (1908—1942), Людмила (Зюма) (1910—2004) и Татьяна (1913—1994). Людмиле Степановне Митусовой было суждено стать хранительницей наследия семей Рерихов, Митусовых, Голенищевых-Кутузовых, основательницей Музея-института семьи Рерихов. Среди сохранённых Л. С. Митусовой реликвий – фамильная чашечка с портретом Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова[2], написанная неизвестным мастером икона Божией Матери «Казанская» (XIX в.), домовая икона семьи Митусовых, один из списков чудотворной иконы, явившейся в Казани в 1579 г., традиционно считающейся святыней рода Голенищевых-Кутузовых. Эти предметы были представлены на выставке.

Из-за дворянского происхождения Людмила Степановна долго не могла поступить ни в одно учебное заведение. За успешной сдачей экзаменов следовал отказ. Наконец, она поступила на Подготовительные классы в Академию художеств, так называемый «рабфак ИЗО». В 1935 г. Людмила Степановна Митусова вышла замуж за своего соученика Ростислава Владимировича Тронина. Во время Великой Отече-

Икона Божией Матери «Казанская». XIX в. Дерево, ткань, масло. 26,7 × 21,7 × 2,4
Домовая икона семьи Митусовых. © СПбГМИСР. КП-894

ственной войны Л. С. Митусова безвыездно жила в Ленинграде. Она потеряла всех близких ей людей – в боях погиб её муж, отец, мать, старшая сестра Злата и её дочь Наташа умерли от голода в блокаду. Из близких людей осталась только младшая сестра Татьяна.

После войны возобновилась связь с семьёй Рерихов. Людмила Степановна и Татьяна Степановна Митусовы поддерживали и возобновляли связи и с другими родственниками, в том числе Рыжовыми и Малевскими-Малевичами. Они были дружны с Эриком Юрьевичем Рыжовым, музыкантом-виолончелистом, сыном Юрия Фёдоровича Рыжова, троюродного брата Степана Степановича Митусова и Елены Ивановны

Рерих. Эрик Юрьевич Рыжов – внук Елизаветы Юльевны Малевской-Малевич. С Малевскими-Малевичами Митусовы также связаны родством, причём среди общих предков, по результатам исследований В. Л. Мельникова, с большой вероятностью – именно Голенищевы-Кутузовы.

Николай Константинович Рерих писал в своём очерке «Мусоргский»: «“Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский” – по именам четырёх сестёр Голенищевых-Кутузовых – так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны, та, которую Мусоргский называл Катонский, от имени Екатерины, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских – у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом княгиня Путятина, а Людонский – Людмила Рыжова»[3].

Знаменитый композитор Модест Петрович Мусоргский (1839—1881) приходился Евдокии, Анастасии, Екатерине, Людмиле, Ивану и Василию Голенищевым-Кутузовым четвероюродным братом по материнской линии.

В творческом содружестве с Модестом Петровичем Мусоргским были созданы многие лучшие произведения поэта Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова (1848—1913). Первые его стихотворения были опубликованы в 1869 г. в журнале «Заря». В 1873 г. А. А. Голенищев-Кутузов сблизился с М. П. Мусоргским и стал постоянным посетителем музыкальных вечеров В. В. Стасова. М. П. Мусоргский очень высоко оценивал поэтический дар А. А. Голенищева-Кутузова. На его слова композитор написал два вокальных цикла – «Без солнца» (1874) и «Песни и пляски смерти» (1875–1877), а также ряд других значительных произведений.

Родословное древо Голенищевых-Кутузовых разрастаясь, переплетает свои ветви со многими древними и прославленными родами.

Один из них – род Случевских, ярчайший представитель которого – поэт Константин Константинович Случевский, родившийся в 1837 г. Он получил блестящее военное образование, служил в лейб-гвардии. В 1861 г. вышел в отставку и в течение ряда лет изучал философию в университетах Берлина, Лейпцига и Гейдельберга. Вернувшись в Россию, служил в Министерстве иностранных дел и в Главном управлении по делам печати. Печататься начал в 1857 г. Опубликованные в 1861 г. в «Современнике», стихи К. К. Случевского получили чрезвычайно высокую оценку Аполлона Григорьева. Однако резкие отзывы и пародии Н. А. Добролюбова, Д. Д. Минаева и других литераторов демократического лагеря привели к тому, что К. К. Случевский почти на 10 лет оставил поэзию – стихи его вновь стали появляться в журналах только в 1871 г. С 1880-го по 1890 г. он выпустил пять сборников стихов, последним из которых стала книга «Песни из “Уголка”» (1902). «Уголок» – усадьба К. К. Случевского в Гунгербурге (Усть-Нарва), среди гостей которой бывал Валерий Брюсов. Поэзия К. К. Случевского близка А. А. Фету, Я. П. Полонскому, он – художник яркого темперамента, мастер пейзажной и психологической лирики. Скончался поэт в 1904 г.

Через его сестру – Ольгу Константиновну Случевскую – Случевские породнились с семьёй Зеленковых. Её сын, Владимир Александрович Зеленков, стал мужем Екатерины Евгеньевны Лансере, дочери знаменитого скульптора Евгения Алек-

Разделы выставки, посвящённые Голенищевым-Кутузовым,
Митусовым, Шапошниковым, Рерихам, Рыжовым

сандровича Лансере, племянницы художника, историка искусства Александра Николаевича Бенуа, сестры Е. Е. Лансере и З. Е. Серебряковой.

Зинаида Евгеньевна Серебрякова создала ряд портретов, проникнутых особой родственной теплотой, на которых запечатлела Екатерину Евгеньевну Зеленкову (урождённую Лансере) и её дочь Нину Владимировну Зеленкову. Евгений Евгеньевич Лансере, так же, как и его сестра, Зинаида Евгеньевна Серебрякова, был членом художественного общества «Мир искусства», которое в 1910–1913 гг. возглавлял Н. К. Рерих. В 1914–1915 гг. Е. Е. Лансере был военным художником-корреспондентом на Кавказском фронте. Альбом с фронтовыми зарисовками художник подарил Н. К. Рериху. Вместе с работами З. Е. Серебряковой из петербургского частного собрания он также представлен на выставке.

На выставке «Голенищевы-Кутузовы. Военная доблесть и творческий гений», открывшейся 21 сентября 2012 г. в Музее-институте семьи Рерихов, посетители получили возможность узнать больше об истории рода Голенищевых-Кутузовых. Среди представленных экспонатов – произведения живописи и графики, редкие издания, документы из фондов Музея-института семьи Рерихов, Библиотеки Российской Академии наук и частных собраний, принадлежащих потомкам прославленного рода. Таким образом, выставка получила дополнительный смысловой пласт, дополнительные функции – она послужила зримым воплощением неразрывности родственных связей, рассказала не только о выдающихся людях прошлого, но и отразила ту, обычно малозаметную, деятельность по сохранению наследия предков, которую

осуществляют в наши дни их потомки. Для Музея-института семьи Рерихов тема Семьи является одной из ключевых, она определяет тематику научной и экспозиционной деятельности нашего учреждения культуры. Поэтому выставка, посвящённая роду, семье, и отражающая родственные связи, является для всех нас реализацией одного из самых важных направлений работы.

Нити семейных связей, порой столь хитро и затейливо переплетающиеся, тянутся сквозь века от прадедов к правнукам, из прошлого в будущее. Большой раздел выставки был посвящён семье Бартеневых – потомкам Анны Илларионовны Голенищевой-Кутузовой. Здесь были представлены работы Игоря Александровича Бартенева и Милицы Игоревны Бартеневой. Игорь Александрович Бартенев (1911—1985) – заслуженный деятель искусств, член-корреспондент Академии художеств СССР, до 1970 г. – декан факультета теории и истории искусств Академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Его отец – Александр Николаевич Бартенев (1878—1937) – полковник царской армии, двоюродный прапраправнук Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Мать Игоря Александровича – Александра Капитоновна Бартенева, урождённая Случевская (1885—1942) – племянница поэта Константина Константиновича Случевского, дочь младшего брата поэта, прославленного генерала Капитона Константиновича Случевского, героя Русско-японской войны.

Произведения Е. Е. Лансере и З. Е. Серебряковой, представленные на выставке

Произведения И. А. Бартенева из собрания М. И. Бартеневой, представленные на выставке
Здесь же – китайский фонарь, принадлежавший художнику Р. В. Тронину,
мужу Л. С. Митусовой, двоюродной племянницы Е. И. Рерих

На выставке были представлены графические работы И. А. Бартенева, его тетради воспоминаний, изданные в разные годы научные труды. Здесь были представлены и работы Милицы Игоревны Бартеневой (род. 1945), дочери Игоря Александровича Бартенева, которая также избрала для себя путь художественного творчества, следуя по стопам отца. В этом же экспозиционном разделе находился портрет брата Анны Илларионовны – Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, полководца, победителя Наполеона, нарисованный восьмилетним Сашей Князевым. Несколько лет назад эта работа была отмечена наградой на конкурсе. Саша – прямой потомок Анны Илларионовны Голенищевой-Кутузовой – с полным правом назвал свою работу «Мой дедушка Кутузов».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникина И. С.* Усадьба Канищево Псковской губернии: её обитатели, соседи и гости // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VII: Н. К. Рерих. Творимая легенда; Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятиных, Боткиных. – СПб., 2011. – С. 277–281.

2. *Будникова Ю. Ю., Мельников В. Л.* Жизнь и творчество Е. И. Рерих по материалам Музея-института семьи Рерихов // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IX: Наследие семьи Рерихов в музеях и собраниях мира. – СПб., 2012. – С. 94–108.

3. *Будникова Ю. Ю., Мельников В. Л.* «Люби меня, как теперь, всегда…» (Н. К. и Е. И. Рерихи): Путеводитель по выставке из собрания Музея-института семьи Рерихов. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007.

4. *Золотницкая Л. М.* «Русская Патти» и итальянский театр в Санкт-Петербурге // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 37–46.

5. *Мельников В. Л.* Князь Павел Арсеньевич Путятин, его родственное окружение и бологовские усадьбы // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VII: Н. К. Рерих. Творимая легенда; Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятиных, Боткиных. – СПб., 2011. – С. 282–328.

6. *Мельников В. Л.* Малевские-Малевичи, Митусовы, Рерихи, Рыжовы: к вопросу о родственных связях // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. – СПб., 2013. – С. 469–474.

7. *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2004. – (Серия «Щедрый дар», вып. I). –384 с.

8. *Новиков Н. С.* Исконно русское звучит // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 32–37.

9. [*Рерих Е. И.*] Род Шапошниковых. Герб рода Голенищевых-Кутузовых. Род бабушки Азарьевой. Род Путятиных. – [Сведения о генеалогии и семейной истории, относящиеся к Голенищевым-Кутузовым, Азарьевым, князьям Путятиным, Шапошниковым и другим фамилиям]. – Первая половина 1950-х годов. – Машинопись. – Ксерокопия в РДФ СПбГМИСР. НВ-4975. НВ-4976. Оригинал в архиве П. Ф. Беликова (Эстония), с его пометками.

10. *Рерих Н. К.* Листы дневника. – Т. II: 1936–1941. – 2-е изд. – М.: МЦР; Мастер-Банк, 2000.

11. *Сахаров И. В.* Предки и родня Елены Ивановны Рерих с отцовской стороны: просопография и генеалогия семейства Шапошниковых и его родственного окружения по архивным документам // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 496–565.

12. *Чеснокова М. Н.* Предки Е. И. Рерих Голенищевы-Кутузовы: исследования и выставочные проекты к двухсотлетию победы в Отечественной войне 1812-го года // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. – СПб., 2013. – С. 37–42.

13. *Шумков А. А.* Род Голенищевых-Кутузовых: Буклет-плакат. – М., 1995.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. её воспроизведение: *Золотницкая Л. М.* Указ. соч. – С. 38.
[2] См. её воспроизведение: *Чеснокова М. Н.* Указ. соч. – С. 37. – Ил. 1.
[3] *Рерих Н. К.* Мусоргский (1939) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР и др., 2002. – Т. II. – С. 273.

П. И. КРЫЛОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

КФР И ДФР, ИЛИ КОНСТАНТИН ФЁДОРОВИЧ РЕРИХ И ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФЛОТ РОССИИ

Работая в 2011 г. над выставкой «На чужом берегу», посвящённой С. Н. Сыромятникову, я не уставал поражаться тому, как тесен мир, сколь тесно, а подчас и причудливо оказывались переплетёнными судьбы людей, живших в Петербурге в последней четверти XIX – начале XX в. Приведу один пример.

Несколько лет назад я решил переопубликовать, слегка сократив, путевые заметки одного из своих прадедов, Бориса Михайловича Лобач-Жученко[1]. Эти путевые заметки он писал на борту парохода Добровольного флота «Москва», направлявшегося из Одессы через Чёрное и Средиземное моря, Суэцкий канал, Красное море, заходя в порты Цейлона, Сингапура и китайского Амоя на Дальний Восток – Нагасаки, Порт-Артур и Владивосток. Пароход вышел из Одессы 23 декабря 1899 г. и спустя полтора месяца благополучно прибыл в японский порт Нагасаки, где тогда находилась база нашего флота, и где мой прадед с семьёй – женой и двумя маленькими детьми – сошёл на берег. Основными пассажирами парохода были солдаты-новобранцы, а среди «каютных пассажиров» в очерках упоминался Пётр Юльевич Шмидт – молодой зоолог, назначенный Императорским Русским Географическим обществом начальником Корейско-Сахалинской экспедиции. Прадед же был командирован инженер-механиком флота в Тихоокеанскую эскадру, и по прибытии в Нагасаки вскоре приступил к морской службе.

Публикации очерков я предпослал небольшое вступление, в котором кратко описал историю военного и гражданского освоения Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в.: назначение Особого комитета по делам Дальнего Востока, организацию переселенческого движения, создание Добровольного флота[2]. Интерес мой ко всем этим вопросам был чисто семейно-исторический, и никаких связей с жизнью и трудами семьи Рерихов я не искал.

А зря!

Недавно, перечитывая воспоминания Николая Константиновича Рериха о своём отце Константине Фёдоровиче, я «наткнулся» на строки, которые раньше почему-то пропускал:

«Что мы знали об отце? Мало, что знали. <…> Урывками слышали мы о делах, но внутренний облик отца оставался несказанным. Знали, что люди весьма ценили его юридические советы, доверяли ему. **Помогал он в деле Добровольного флота. Помню адмирала Кази, Бубнова**»[3] (выделено мною). Вот так-так!

Выяснить, кем были запомнившиеся Николаю Рериху люди в наш век Интернета и многочисленных электронных энциклопедий большого труда не составило.

Александр Ильич Кази (1841—1918) в 1856 г. поступил в Черноморский морской корпус гардемарином. По окончании корпуса в 1862 г. плавал на Чёрном море на корвете «Воин». С 1864 г. – в Сибирской флотилии на пароходо-корвете «Амери-

Контр-адмирал А. И. Кази

ка», транспорте «Маньчжур» и шхуне «Восток». В 1866 г. был произведён в лейтенанты; участвовал в исследовании малоизученных берегов Японского моря. В 1872 г. был назначен командиром транспорта «Маньчжур»; в 1875 г. переведён на Балтику. В 1876 г. произведён в капитан-лейтенанты и назначен командиром новой канонерской лодки «Нерпа», а позднее – командиром канонерской лодки «Морж». В 1885 г. был командиром первого во Владивостоке плавучего дока. В 1891–1894 гг. в чине капитана I ранга назначен командовать Сибирским флотским экипажем. А. И. Кази был председателем комиссии по сооружению памятников морякам, погибшим на шхуне «Крейсерок», а также адмиралу Г. А. Невельскому. В 1894 г. вновь был переведён на Балтику, где в 1896 г. в чине контр-адмирала ушёл в отставку. Будучи в отставке, председательствовал в Особом комитете по делам Дальнего Востока, участвовал в деятельности общества «Кавказ и Меркурий» на Волге. Умер в Челябинске; могила не сохранилась…

«Председательствовал в Особом комитете по делам Дальнего Востока» – то есть возглавлял государственную структуру, которая занималась всей организацией освоения Дальнего Востока – созданием Добровольного флота, перевозкой на его судах тысяч крестьян-переселенцев, солдат и матросов, морских и сухопутных офицеров, а также инженеров, учителей, врачей, чиновников, священников… Да, непростые и неожиданные гости бывали в квартире Рерихов. Причём, видимо, неоднократно – иначе бы не запомнились.

В истории Российского флота несколько Бубновых оставили заметный след, но в данном случае, я полагаю, имелся в виду Михаил Владимирович Бубнов (1859—после 1918). Представитель дворянского рода, М. В. Бубнов получил образование в Морском училище в Санкт-Петербурге, по окончании которого в 1876 г. был произведён в гардемарины и отправлен в заграничное плавание на клипере «Забияка». В 1876–1882 гг. совершил ряд плаваний, в том числе в Ледовитый океан и к Мурманску. В 1882–1884 гг. учился в Николаевской Морской академии.

В 1890–1891 гг., во время путешествия наследника цесаревича великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II) на Дальний Восток на крейсере «Память Азова», М. В. Бубнов находился в составе отряда кораблей, сопровождавших наследника престола (вначале на клипере «Наездник», а затем на крейсере «Адмирал Нахимов»).

По возвращении в Россию поступил в Минный офицерский класс, окончив который посвятил себя исследованиям по разработке нового взрывчатого вещества взамен пороха. В 1897–1898 гг. командовал миноносцем №119, в 1900–1902 – эскадренным миноносцем «Скат», во время военных действий в Северном Китае («Боксёрское восстание») в 1900–1901 гг. отправленным на Дальний Восток.

Вице-адмирал М. В. Бубнов

В 1899 г. Михаил Владимирович был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени. В 1902–1903 гг. командовал минным крейсером «Всадник», а в 1903–1904 гг. – канонерской лодкой «Бобр». В начале Русско-японской войны 1904–1905 гг. вице-адмирал С. О. Макаров, лично хорошо знавший М. В. Бубнова, поручил ему командование вторым отрядом миноносцев, руководя которыми, М. В. Бубнов неоднократно выходил на разведку неприятельского флота. Летом 1904 г. он был назначен командиром Квантунского флотского экипажа и принял участие в обороне крепости Порт-Артур. За проявленное им в Порт-Артуре мужество и распорядительность был награждён золотым оружием с надписью: «За храбрость» и мечами к ордену Святой Анны 2-й степени. После сдачи крепости японцам в декабре 1904 г. М. В. Бубнов, желая разделить участь своих подчинённых, добровольно пошёл в плен.

После заключения мира с Японией в августе 1905 г. и возвращения из плена М. В. Бубнов опубликовал составленные им в плену записки об осаде Порт-Артура, представлявшие значительный интерес по их правдивости и осведомлённости автора (записки печатались в журнале «Морской сборник» и, кроме того, опубликованы отдельным изданием). В 1907 г. он был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами; в 1907–1908 гг. командовал линейным кораблём «Андрей Первозванный».

В 1908 г. М. В. Бубнов был назначен исполняющим обязанности начальника отдела заготовлений Главного управления кораблестроения и снабжения Морского министерства, а в 1910-м, с производством в контр-адмиралы, утверждён в должности. С апреля 1911 г. по май 1915-го он – товарищ морского министра (при министре адмирале И. К. Григоровиче). В 1912 г. М. В. Бубнов был произведён в вице-адмиралы. За свою службу он был удостоен ряда высших российских орденов: Святого Станислава 1-й степени (1911), Святой Анны 1-й степени (1913), Святого Владимира 2-й степени (1915). В 1915 г. вышел в отставку. После Гражданской войны эмигрировал в Финляндию, где и скончался.

Что связывало этих трёх человек – морских офицеров А. И. Кази, М. В. Бубнова и нотариуса К. Ф. Рериха? Участвовали ли в этих «дальневосточных» делах ещё какие-то люди, кроме тех, кого запомнил молодой Николай Рерих? Как и почему помогал К. Ф. Рерих «делу Добровольного флота»? Без дополнительных архивных исследований на эти вопросы ответить пока невозможно. По поводу последнего вопроса «почему» можно высказать предположение, что какую-то роль в этом сыграли украинские симпатии Константина Фёдоровича. Вспомним, что он возглавлял Общество имени Т. Г. Шевченко в Петербурге, был пропагандистом украинской культуры[4]. А ведь основной поток переселенцев на Дальний Восток шёл именно из Малороссии[5].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лобач-Жученко Б. М.* Доброволец «Москва» / Публикация П. И. Крылова // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура; Восток глазами Запада. – СПб., 2011. – С. 306–325.
[2] *Крылов П. И.* Страны Востока глазами пассажиров пароходов Добровольного флота на рубеже XIX–XX веков // *Там же*. – С. 300–306.
[3] *Рерих Н. К.* Отец (1937) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР и др., 2002. – Т. II. – С. 101.
[4] См.: Рерихи и Украина: Каталог / Сост.: В. А. Шуршина, М. Н. Чеснокова, А. А. Савкина. – СПб.: Изд. СПбГМИСР, 2011. – 64 с.: ил.
[5] См.: *Смолянников С. А.* Зелёный Клин украинской России. Забытые страницы покорения Дальнего Востока // Киевский телеграф. – Киев, 2008. – № 37 (227).

Л. Д. ШЕХУРИНА
(Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Союз художников России; Санкт Петербург)

Н. К. РЕРИХ И А. Ф. МАНТЕЛЬ

Художник, издатель, литератор и коллекционер **Александр Фердинандович Мантель** (1880—1935) [*ил. 1*] внёс заметный вклад в рериховедение[1].

Урождённый петербуржец, А. Ф. Мантель волею судьбы оказался в провинции. Жизнь связала его с Казанской, Иваново-Вознесенской и Костромской губерниями, где он стал подвижником многих важных начинаний в культурной жизни первой трети XX в. И всё же – Петербург, его художественная жизнь, художники объединения «Мир искусства», связь с которыми установилась ещё в начале XX в., оставались главными в его жизни. На протяжении многих лет он поддерживал творческие и дружеские связи с Е. Е. Лансере, Н. К. Рерихом, Б. М. Кустодиевым, А. Ф. Гаушем, С. П. Яремичем и другими художниками «Мира искусства». Александр Фердинандович сделал немало для пропаганды их творчества как в Казани, так и в Петербурге.

В 1905–1906 гг. А. Ф. Мантель с семьёй выехал в Казанскую губернию, где приобрел вблизи Казани небольшую усадьбу «Грибатник» [*ил. 2* и *3*]. Однако время от времени он посещал родной Петербург, особенно часто – в период с 1909-го по 1911 г.

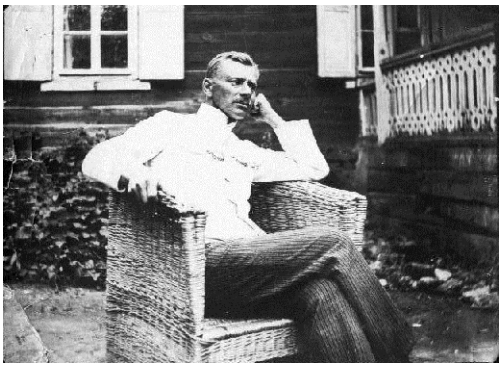
Весной 1909 г. в Петербурге вышел из печати сборник рассказов А. Ф. Мантеля «Сказка юности» в оформлении Е. Е. Лансере с иллюстрациями Б. М. Кустодиева. Сборник был разослан друзьям и знакомым. Послана книга была и Н. К. Рериху. Получив от незнакомого ему казанского литератора книгу, Николай Константинович ответил 18 мая 1909 г. словами признательности: «От души благодарю за Вашу интересную книгу. Очень жалею, что нам не приходилось встречаться лично»[2]. Эти короткие строки на открытке Общины Святой Евгении явились не только началом переписки, но и плодотворного творческого сотрудничества.

Рерих был одним из первых художников, к кому Мантель обратился с приглашением участвовать в задуманном им художественном сборнике «На рассвете»[3]. При-

Ил. 1. Александр Фердинандович Мантель. Снимок начала XX в.

нять участие в сборнике Николай Константинович, по всей видимости, не смог. Но имя Рериха неоднократно и с большим пиететом упоминалось Мантелем в его статье «Популярность искусства»[4].

В том же письме Мантель просил Николая Константиновича нарисовать обложку для второго издания книги «О Кнуте Гамсуне» [*ил. 4*: 1-е изд. 1908 г.], которую намеревался опубликовать в Петербурге. Что ответил на это письмо Рерих – неизвестно, но намерение Александра Фердинандовича осуществлено не было.



Ил. 2–3. В усадьбе «Грибатник» под Казанью. Слева – А. Ф. Мантель. Снимки начала XX в.

Переписка Мантеля с Рерихом предположительно велась с 1909-го по 1912 г. и, по словам Мантеля, была «интенсивной». В одном из писем Александр Фердинандович сообщал, что у него хранится около ста двадцати писем Рериха[5]. Нами обнаружено лишь шесть писем Николая Константиновича и семь – Мантеля к Рериху.

В письмах раскрывается характер отношений Рериха и Мантеля, сообщается о творческих замыслах Мантеля, в которых важная роль отводилась Рериху. Но главное в них – проявление удивительной доброжелательности и трогательного участия Николая Константиновича в отношении к казанскому другу.

В переписке встречаются упоминания об обмене книгами, рисунками, фотографиями и т. п. Николая Константиновича, возглавлявшего Рисовальную школу Императорского Общества поощрения художеств, чрезвычайно интересовали произведения художественной старины. «Спасибо за желание прислать снимки с вещей. Конечно, лучше всего, если бы нашлись рисунки у Вашего деда[6] или в Казани нашлось что-нибудь из старинных голландских картин!», – писал Рерих[7]. «Завтра или послезавтра поеду к деду отыскивать тот рисунок, про который я говорил Вам. На днях же съезжу в город, куплю пластинок и пересниму гобелены. Если Вам понравятся, то я их сейчас же Вам вышлю. Вообще, кое-что пересниму и пришлю Вам. Что найдёте мало-мальски ценным – в Вашем распоряжении», – заверял Мантель[8]. «Спасибо за снимки, – писал в ответ Николай Константинович. – Конечно, о вышивках и о портрете трудно судить, но всё это будет для меня добрым воспоминанием о Вас, в котором меня искренно привлекает всё»[9].

«С удовольствием посылаю Вам то, что может быть нужно, – писал Рерих. – Монет я не собираю, но если пришлёте что-нибудь, то я передам их одному моему приятелю, и на свете произойдёт одна лишняя радость»[10]. К сожалению, остаётся невыясненным, что же посылал Мантелю Николай Константинович. Возможно, имелись в виду литературные тексты для планируемой книги о Рерихе [*ил. 7*].

Перенеся летом 1911 г. тиф и последующую за тяжёлой болезнью депрессию, Мантель писал Рериху: «Был момент недавно, когда я чуть было не ушёл на тот свет, и было приготовлено Вам последнее письмо. Ко всему кошмару пристёгивается во-

прос безденежья и обо всём надо думать, выдумывать, изобретать, лавировать. Повторяю: сумма всего измучила меня в конец»[11].

Николай Константинович пытался поддержать его советами:

«Главное себя берегите. Вы слишком нервны и, очевидно, многое, что минует других, на Вас запечатлевается сильно. А силы беречь надо. Все мы силами расточительны. А силы потом всё нужней и нужней. Я очень чту завет Куинджи, сказавшего мне: "Смело киньтесь в жизнь, и если Ваше искусство так ничтожно, что его жизнь и люди сгубить и затравить могут, то туда ему и дорога". Это верно и, тем не менее, для побед нужны силы. Их накопляйте! <…> Будьте уверены, что всё, что я говорю и буду говорить Вам, будет идти от сердца»[12].

Эти строки являлись целительным бальзамом для больной души Мантеля.

За годы переписки сложились столь доверительные отношения, что в трудный момент Александр Фердинандович позволил себе обратиться к Николаю Константиновичу с просьбой: «Я Вас очень прошу помочь мне в следующем: попросите кого-нибудь разыграть рисунок Е. Е. Лансере (очень хороший) рублей за 25. У меня дела донельзя плохи. Пришлось уволить почти всех служащих, – ибо платить нечем»[13]. Просьба вызвана была отчаянным положением, вызванным страшной бурей, разразившейся летом 1912 г. и принёсшей на Казанскую землю многочисленные беды.

Рерих откликнулся на приглашение Мантеля участвовать в Юбилейном торжестве по случаю десятилетия его творческой деятельности поздравительными письмами от себя и от имени преподавательского Совета Рисовальной школы ИОПХ. Письма и рисунок *(«Туча»)* Рериха вошли затем в изданный Мантелем «юбилейный» сборник [*ил. 6*][14].

В коллекции Мантеля, основу которой составляли графические произведения художников «Мира искусства», имелись и работы Рериха. В 1919 г. основная часть коллекции была передана им в Музейный фонд России. В настоящее время известно местонахождение лишь двух работ из коллекции Мантеля: *«Царь»* (1905; бумага, тушь, акварель) и эскиза к картине *«Варяжское море»* (1909; холст, темпера). Хранятся они в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан.

В письмах Мантеля сообщалось о его творческих замыслах, в которых значимая роль отводилась Рериху. Обсуждалась, в частности, и идея создания школы-мастерской древнерусского искусства.

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

Ил. 7

Ил. 8

Обложки книг, изданных А. Ф. Мантелем в 1908–1913 гг.

Школа-мастерская возрождения древнерусского искусства им. Н. К. Рериха

В одном из писем 1911 г. Мантель благодарил Рериха за присланную ему книгу «Талашкино», которая доставила ему «много радости» и натолкнула на «блестящую мысль» – открыть у себя в усадьбе «нечто в духе мастерских “Талашкина”»[15]. Загоревшись этой идеей, он тут же начал предпринимать шаги по осуществлению своего замысла.

Не дожидаясь официального разрешения местного руководства, Александр Фердинандович отправил в «Аполлон» статью «Письмо из Казани»[16], в которой сообщал о своих начинаниях (не указывая имени их инициатора). В статье, в частности, сообщалось: «В одной из усадеб Казанского уезда открывается небольшая кустарная мастерская возрождённого древнерусского стиля. Предполагается изготовление ларей, дуг, саней, столов и т. п. по рисункам – Н. К. Рериха, Малютина, Билибина. Начинание трудное при отсутствии больших средств (вспомните блестящие условия мастерских в имении «Талашкино» кн. Тенишевой), но тем более заслуживает внимания это начинание»[17].

Получив одобрение земства, Александр Фердинандович обратился к губернатору с просьбой дать разрешение на открытие школы под названием «Кустарная мастерская возрождения древнерусского стиля имени Н. К. Рериха». «Такое посвящение дела Вашему имени – не должно Вас удивлять, – писал Мантель Рериху, – так как Вы почти единственный певец ушедшей красоты»[18].

Однако с получением официального разрешения на открытие школы-мастерской возникли неожиданные трудности: «Один из заправил Земства, к которому я обратился, сказал мне, что моя мысль желательна, и он убеждён, что ему удастся выхлопотать пособие, хотя бы в размере 400–500 р. в год на первое время, но при одном *непременном условии*. Фактически и номинально во главе дела должно стоять лицо с каким-нибудь художественным цензом: званием художника, учителя рисования или окончившего какую-нибудь художественную школу. Вопрос осложняется донельзя. Если найти такое лицо, то 1) сразу жалование и немалое, так как за небольшими никто не пойдёт, 2) что придётся зависеть от вкуса этого человека и постоянно зависеть от него и 3) сразу идею сделать малоценной, так как при руководстве какого-нибудь лица с художественным цензом может получиться тип обычной школы кустарного ремесла, каковые при земствах уже существуют. Не это хотелось создать мне. Я думал первое время обходиться хорошим мастером-токарем и руководиться точно рисунками художников. <…> Затем я думал свести сношения с Талашкиным и просить там образцов. Дальше, если дело пошло бы (а оно, бесспорно, не умерло бы, то есть я не дал бы умереть ему) – можно было бы его расширить, пригласить руководителя и т. д. Но это позже. <…> Я много учился рисованию, но без всякой системы, так что по совести ни одного из этих званий не достоин, но знаний у меня много, так как всё же я учился. Если бы можно было бы подождать год-два, то я добился бы, но время, время… <…>. Заправителю Земства я высказывал соображения в ненужности такого условия, но он и слышать не хочет, так как тогда, по его мнению, будет нечто домашнее, а такому делу нельзя якобы выдавать субсидии. <…> Нет, Вы вообразите осуществление моей идеи, маленький

культурный уголок. Ведь всю жизнь можно вложить сюда. Я глубоко убеждён, что Вы тепло отнеслись бы к начинанию и во многом помогли бы. Через год можно устроить выставку работ. Мастерскую я предполагаю устроить у себя в усадьбе и думаю для этого расширить флигель. Если найти подставное лицо с цензом, то есть такое, которое бы *только* жило и не совалось бы ни во что, то и тут много неприятного: фальшивое положение и всё же зависимость, но *главное, главное* жалование, которое сразу собьёт с толку все счёты. Подумайте, Николай Константинович, может быть, и Вы найдёте выход. Может быть можно что-нибудь устроить?»[19].

К сожалению, ответное письмо Рериха до нас не дошло. О дальнейших действиях Мантеля сообщалось в его последующих письмах. Продолжая переговоры с руководителями земства, ему пришлось столкнуться с непониманием и тупостью: «“Почему Вы собственно взяли себе задачей воскрешать древний русский стиль, ведь ценность его ещё не доказана” и т. п.»[20].

Приходилось объяснять и убеждать. «Кажется, добился некоторого успеха, – писал Мантель. – Им льстит то, что речь идёт всё же об исконно русском, что уже напоминает “истинно русское”. И у предков этих людей была потребность жить красиво! Пункт, который всё же является заминкой, это тот факт, что мастерская будет без представителя. Вся соль в этом требовании та, что необходимое *лицо я,* за которым можно было бы следить и взыскивать. Во всяком частном начинании они видят скрытую пропаганду. Сначала – долой безвкусицу, а потом – долой самодержавие. Я не шучу, – это именно первопричина их болезни. В самом деле: явись становой, или ещё кто-нибудь с сыскными целями в мою частную школку – я бы их турнул без всяких разговоров, так как я только хозяин. Другое дело, если я лицо, поставленное во главе, тогда я обязан давать отчёт во всём. Всё это они учли».

Справедливости ради заметим, что земское правление было не менее Мантеля озабочено развитием в губернии кустарного производства. Членом губернской управы В. Н. Бельковичем была разработана целая программа, в которую входили: устройство выставки кустарных изделий, организация склада кустарных работ, создание Кустарного музея, а также – открытие двенадцати ремесленных кустарных школ. Многое из намеченного было исполнено. Удалось, правда, открыть лишь четыре ремесленные школы. Дальнейший процесс прервала первая мировая война, а затем и революция[21].

Предложенный Александром Фердинандовичем план организации художественной мастерской кустарного искусства вписывался в намеченную В. Н. Бельковичем программу. Однако Александр Фердинандович был одержим идеей создать *собственную* художественную школу-мастерскую по примеру талашкинской. В том же письме к Рериху он сообщал: «Я решил проделать следующее: просить Вас поднять в совете[22] вопрос о принятии моего начинания под покровительство Общества Поощрения Художеств, это даст больший шанс, а затем готовиться к экзамену об окончании какой-нибудь Художественной Школы. Если первое, то есть бумага из Поощрения Художеств у меня будет, то уже нетрудно будет добиться, так как слово «Высочайшее» и т. д. их смутит. Одновременно я посылаю на Ваше имя заявление. <…>

Идея создания мастерской до того захватила меня, что я готов идти на всякие компромиссы, лишь бы добиться своего»[23].

Заявление от 27 марта 1911 г. на имя директора Школы Императорского Общества поощрения художеств «от землевладельца Казанской губернии, Казанского уезда Александра Фердинандовича Мантель» сохранилось в архивном фонде ИОПХ. Как ни странно, написано оно на бланке редакции периодических изданий сборников искусства «На рассвете»:

«Желая открыть в своей усадьбе "Школу-Мастерскую имени Н. К. Рериха" возрождения древнерусского стиля покорнейше прошу Ваше превосходительство ходатайствовать о принятии вышеозначенной Школы-Мастерской в ведение Школы Императорского Общества поощрения художеств. Прошу также разрешить пользоваться рисунками-композициями и т. п., имеющимися во вверенной Вам Школе. Обязуюсь ежегодно присылать отчёт о ходе занятий и образцов изготовленных вещей, токарных изделий, вышивок etc.»[24].

Какова была реакция Н. К. Рериха на заявление А. Ф. Мантеля – неизвестно. Документы, дающие ответ на этот вопрос, до нас не дошли. Но через два месяца в петербургской газете «Речь» появилось следующее объявление:

«Группа казанских помещиков обратилась в Общество поощрения художеств с предложением принять в своё ведение учреждаемую ею около Казани рисовальную школу имени Н. К. Рериха. Школа имеет целью возрождение древнерусского стиля»[25].

Возможно, по совету Николая Константиновича Мантель организовал коллективное письмо, в числе авторов которого были, по всей вероятности, представители земского правления (как например, П. Н. Депрейс, А. Н. Боратынский, Н. Н. Андреев). Авторитетность такого письма была значительней. С большей определённостью звучало сообщение в Художественно-педагогическом журнале:

«"Кустарные мастерские возрождения древнерусского стиля имени Н. К. Рериха". Под таким названием в Казани организуется школа для кустарей группою местных помещиков»[26].

В одном из писем А. Ф. Мантеля Н. К. Рериху в 1912 г. упоминался А. Н. Боратынский, внук поэта Е. Л. Боратынского. Являясь гласным Казанского уездного и губернского земств и Казанской городской думы, А. Н. Боратынский занимался вопросами народного образования и просвещения – организацией сельских школ по примеру яснополянской школы графа Л. Н. Толстого – и мог бы оказать поддержку в этом предприятии. Но Александр Фердинандович, хорошо знавший А. Н. Боратынского, похоже, не очень-то рассчитывал на его помощь: «Человек он, бесспорно, хороший, но, к сожалению, "никчемушный", – писал он Н. К. Рериху. – Дела серьёзно с ним иметь нельзя, ибо человек он увлекающийся донельзя и быстро остывающий. За что только он не брался. Под горячую руку может быть очень полезен»[27].

Был ли получен Александром Фердинандовичем официальный документ о принятии усадебной школы-мастерской под покровительство Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств – мы не знаем. Но, судя по статье князя Николая Отяева, Александр Фердинандович всё же заручился согласием Н. К. Ре-

Ил. 9. А. Ф. Мантель – художник по тканям на Яковлевских текстильных фабриках. Около 1924

риха. В статье сообщалось, что с осени 1912 г. Мантель «открывает у себя вторую в России школу-мастерскую древнерусского стиля имени Николая Рериха, которая уже принята в ведение Императорского Общества поощрения художеств»[28].

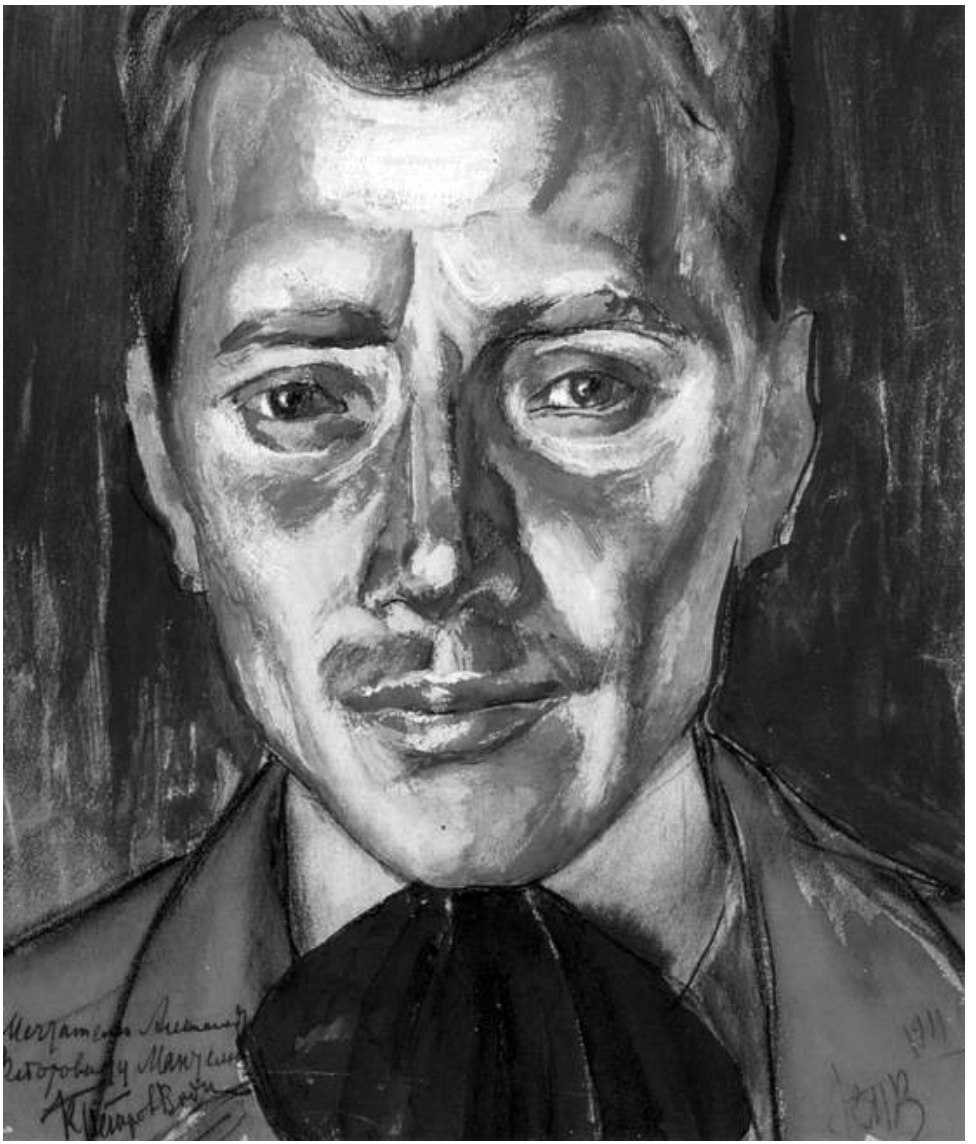
В последующих письмах Мантеля за 1912 г. упоминаний о школе-мастерской не было. Однако вполне вероятно, что на хуторе была оборудована небольшая мастерская, где изготавливались предметы быта по присылаемым Рерихом рисункам или рисункам самого Мантеля. Несомненно одно: интерес Мантеля к орнаментам для изделий быта, зародившийся в то время, явился тем зерном, которое спустя годы взросло, дав замечательные плоды [*ил. 9*][29].

Итогом творческих отношений с Рерихом стало издание Мантелем монографии «Н. К. Рерих» [*ил. 7*].

Книга о Н. К. Рерихе

Идея издать монографию, посвящённую Николаю Константиновичу, возникла у Александра Фердинандовича в период работы над своим вторым сборником «Млечный путь». В марте 1911 г. Мантель сообщил Рериху, что пишет статью, посвященную его творчеству, которую намеревается прочесть в виде лекции в Казани, а затем – поместить во второй сборник[30].

В письмах к Рериху Мантель сообщал о своих планах и действиях относительно художественного оформления статьи. Весной 1911 г. он писал: «Относительно Ва-



Ил. 10. К. С. Петров-Водкин. Портрет А. Ф. Мантеля. 1911
Бумага, чёрный карандаш, гуашь. 32 × 24. © Государственная Третьяковская галерея

шего портрета для сборника – я думаю сделать так: взять просто хорошую фотографию и поместить её в рамке из старых книг (как делается в “Старых годах”[31]). Это будет очень изящно. Портрет будет наклеен отдельно, рамка же оттиснута на листе. Напечатать в тон сепия»[32].

О дальнейшем состоянии дел Александр Фердинандович сообщал: «Клише с Ваших картин получил: большинство очень удачны. Это меня радует. С “Аполлоном” сговорился так: они уступят клише с Ваших картин за полцены. Всюду отыскиваю Ваши графические рисунки, и кое-что нашёл. Вопрос о том, какой поместить портрет Ваш. Я выпишу от Булла[33] Вашу карточку. Лучше было бы карандашный или угольный рисунок»[34].

Спустя несколько месяцев Александр Фердинандович писал: «Пересматриваю материал для сборника. Посылаю к Голике[35] ещё две фотографии с Ваших картин. Хочется, чтобы вышло полнее и лучше»[36].

С написанием статьи о мастере Мантель испытывал очевидные трудности – справиться с ними он надеялся при помощи и поддержке Николая Константиновича:

«Посылаю Вам статью для просмотра. Пожалуйста, не стесняйтесь вычёркиваниями, исправлениями etc.

Может быть, добавите <…>. Вы просто-напросто, что не понравится Вам, вычеркните и введите новое. Вы мне окажете огромную услугу. <…> Интересно сказать о том, что (как мне кажется) на Вас имели сильное влияние итальянские примитивы. Ах, слишком многое нужно сказать. То, что я посылаю Вам – это канва, по которой я думал вышивать. Канвы этой мало, а разработать её мне трудно, так как после болезни у меня всё же какая-то усталость. Поможете мне? Я буду Вам бесконечно благодарен. <…> Сейчас перечёл статью о Вас, и показалась она мне отрывочной, бледной. Помогите!»[37].

Одновременно с подготовкой статьи Мантель обдумывал содержание и оформление книги о Рерихе, заверив его: «Монография будет издана изящно и полно»[38].

На издание книги Александр Фердинандович возлагал честолюбивые надежды:

«Надо помнить, что как сборник, так и отдельная книга о Вас не пройдут незаметно и, что важнее всего, будут в библиотеках, где впоследствии они будут справочным материалом и т. п. <…> Книга о Вас создаст мне что-то вроде имени в среде людей искусства, и мои будущие начинания встретят более доверия»[39].

Сроки издания всё отодвигались. А в начале 1912 г. Мантель сообщил:

«Все усилия со сборником пока тщетны, так как всё недохват денег. Но так как статья о Вас уже набрана, как и статьи Ваши, то я решил теперь выпустить монографию Вашу отдельно, а осенью, изменив статью и пополнив другой материал – выпустить сборник. Это самый удобный выход пока. Так что книга о Вас появится недели через 2–3[40]. <…> Вам покажется странным, почему я могу выпустить монографию и не могу сборника. Очень просто: на издание монографии понадобится меньше средств, так как она составляет лишь 4-ую часть сборника»[41].

Вскоре у Мантеля возник очередной план. «Я хотел бы издать ещё вот что: книгу Ваших рисунков (книжных украшений, эскизов к декорациям, иллюстрации и т. п.). Такое издание было бы единственным и очень ценным. Сообщите, и я теперь же заодно принялся бы. На такой сборник средств хватит, так или иначе, плюс кредит», – писал он Рериху[42]. Как отнесся Николай Константинович к этой идее – мы не знаем. Возможно, он пытался урезонить мечтателя трезвыми доводами о необходимости

довести до завершения хотя бы одну книгу. Во всяком случае, о воплощении нового замысла – издания рисунков Н. К. Рериха – в дальнейшем не упоминалось.

Сообщая Николаю Константиновичу о ходе дел с печатанием книги, Мантель писал о задержке с клише, заказанных Фишеру[43], об оформлении обложки. «Митрохин сделал очень красивую обложку – по моему эскизу, то есть, вернее, он разработал мою идею», – писал Александр Фердинандович[44].

Работал над книгой он с огромным энтузиазмом, мечтал издать её на высоком, столичном уровне. «В издание это я вкладываю всё, что имею: вкус, средства, любовь к делу. Но тормозом служит некультурность провинциальная: в типографии приходится воевать не переставая. Во всяком случае, издание будет в тысячу раз изящнее изданий "Золотого Руна"[45]», – заверял он Рериха[46].

Монография «Н. К. Рерих» [*ил. 7*] вышла в сентябре 1912 г. Книга о Рерихе выпущена была «Издательством книг по искусству под редакцией Н. Н. Андреева»[47]. Это означало, что издание монографии было передано Н. Н. Андрееву. По всей видимости, достаточных средств на обещанное достойное издание монографии о Рерихе у Мантеля всё же не было, поэтому пришлось прибегнуть к финансовой помощи приятеля-помещика.

Книга получилась большеформатная и, подобно сборнику «На рассвете», исполненная в традициях «Мира искусства». Обложку к ней выполнил Дмитрий Исидорович Митрохин, а титульный лист – Евгений Александрович Лансере.

Александр Фердинандович выступил в роли составителя книги и автора статьи о Рерихе. В статье он уделил значительное место биографии Николая Константиновича как художника, литератора и учёного, дал анализ его художественного творчества. В книгу вошли статья Рериха «Радость искусству», его записные листки, рисунки, виньетки – то есть всё то, что ранее планировалось включить в состав второго сборника.

В книгу Александр Фердинандович включил и литографски воспроизведённое письмо Рериха от 12 января 1911 г., явившееся ответом на несохранившееся письмо Мантеля, в котором тот сетовал на охлаждение общества к искусству. Любопытно, что в новогоднем выпуске столичной газеты «Биржевые ведомости» под рубрикой «Благопожелания России на пороге 1911 года» было напечатано новогоднее пожелание академика Н. К. Рериха:

«Желаю, чтобы в новом году искусство на Руси, наконец, сделалось действительно нужным. Пусть будет красота не забавой, но потребностью всякой жизни от дворца до избы»[48].

Возможно, слова рериховского благопожелания были откликом на письмо Александра Фердинандовича. В ответ Рерих писал:

«Дорогой Александр Фердинандович. Не вижу охлаждения общества к искусству. Наоборот, среди молодёжи искусство сейчас имеет положительно хороших и пылких друзей. Молодёжь к искусству идёт, наблюдает и заветы старины. Конечно, у молодёжи мало средств, чтобы вопреки старикам провести искусство в жизнь, сделать его для страны нужным. В этом наши отцы оставили нам плохое наследство; деды и прадеды нам ближе. Нашим детям будет легче в путях искусства. Мо-

лите о чуде. Среди чистого снега, среди сказочных зимних лесов молите, чтобы украшение жизни вновь сделалось инстинктивно-нужным…»[49].

Помещённое в книгу письмо Рериха льстило самолюбию Мантеля, являясь подтверждением его дружеских отношений с петербургским академиком.

Надежды на успех книги, однако, не оправдались. Монография «Н. К. Рерих» – одно из лучших изданий Мантеля – подверглась безжалостной критике на страницах «Русской художественной летописи», издаваемой петербургским журналом «Аполлон».

Рецензия на книгу появилась за подписью художественного критика и искусствоведа Н. Макарова, сотрудника «Аполлона». Увы, у автора её не нашлось добрых слов ни в адрес издателя, ни издания. Особому осуждению рецензента подверглось художественно-полиграфическое оформление книги: «Слава Богу, мы живём в век технических достижений, когда к книге, где бы она ни появилась, мы должны предъявлять требования о приличной внешности со стороны технической, – писал критик. <…> Репродукции с картин и этюдов положительно невозможны и по своим диким тонам, и по резкости, по сухости, так не идущим к сочным, надо совершенно не понимать задач художника, написавшего эту картину, чтобы дать репродукции такой тон…»[50]. Осуждению подверглись и краткость текста написанной Александром Фердинандовичем статьи, не создающей, по мнению критика, «должного представления о Н. К. Рерихе как живописце», и отсутствие ссылок на повременные издания, в которых были опубликованы его произведения.

Рецензент также не согласился с утверждением Мантеля об «отсутствии в печати какого-либо сборника литературных трудов Н. К. Рериха». Данное замечание рецензента было безосновательно. Сборники литературных произведений Н. К. Рериха только готовились в то время (например, в издательстве «Шиповник» и в издательстве И. Д. Сытина), а групповые публикации нескольких произведений не могут считаться «сборником»; таковыми же не являются *конволюты* – переплетённые по частной инициативе в одну книжку в единичных экземплярах оттиски научных и историко-художественных публикаций художника, появлявшиеся в библиотеках с 1899 г. О последнем Мантель, естественно, не знал.

Все помещённые в подготовленном им сборнике литературные и графические произведения, судя по письмам, были предоставлены Рерихом, что подтверждают и следующие слова из письма Мантеля: «Сегодня я начну переписывать то из Ваших литературных произведений, что войдёт в сборник, и тогда вышлю Вам материал»[51].

Относительно претензий к технической стороне печати, известно, что Мантель неоднократно жаловался на несовершенство провинциальной печати. Общий тон рецензии Н. Макарова мог бы быть более снисходительным по отношению к издателю, положившему труд и средства на то, чтобы познакомить провинциальную публику с литературно-художественным творчеством большого художника.

Пренебрежительно отозвался о книге и казанский искусствовед и художник Пётр Максимилианович Дульский: «Издание посредственное, но не без претензии на шик»[52].

И всё же впервые изданная книга о Н. К. Рерихе прославила имя казанского автора-составителя, вклад которого в рериховедение исследователи отмечают и в наше время[53].

Примечательно, что выпущенная А. Ф. Мантелем монография о Н. К. Рерихе (как и книга о Д. И. Митрохине) в 1915 г. вошла в официальный перечень «изданий для учащих и учащихся» в качестве «материала для ознакомления с историей русского искусства»[54].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробней о нём см.: *Закаменная Е. Н.* Плес XX век. – Иваново, 2007. – С. 95–108; *Шехурина Л. Д.* Художник – Музей – Книга. (Из истории русской художественной культуры конца XIX – XX века. – СПб., 2008. – С. 97–121; *Улемнова О. Л.* Александр Мантель – «Бескорыстный пропагандист чистого искусства» // «Мир искусства». Живопись. Рисунок. Гравюра. Скульптура. Издания. К 115-летию объединения: Каталог выставки. – Казань, 2013. – С. 30–49; *Шехурина Л. Д.* А. Мантель: издатель, литератор, художник, коллекционер и музейный деятель. – СПб., 2014.
[2] Архив И. И. Галеева. Здесь и далее тексты документов приводятся в современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых стилистических особенностей оригинала. Сокращения раскрываются в случаях, не имеющих иного толкования.
[3] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – 1 сентября 1909 г. // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 967. Л. 1–2.
[4] *Мантель А. Ф.* Популярность искусства // На рассвете: Художественный сборник / Под ред. А. Ф. Мантеля. – Кн. 1. – Казань, 1910. – С. 32–36.
[5] *Мантель А. Ф.* Письмо Л. В. Собинову. – Начало 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 602.
[6] Имеется в виду **П. Н. Депрейс**, владелец села Шапши, в котором жил А. Ф. Мантель.
[7] *Рерих Н. К.* Письмо А. Ф. Мантелю. – 4 ноября 1911 г. // Архив семьи Масленниковых.
[8] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – 11 марта 1911 г. // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 969. Л. 3 об.
[9] *Рерих Н. К.* Письмо А. Ф. Мантелю. – 3 декабря 1911 г. // Архив семьи Масленниковых.
[10] *Рерих Н. К.* Письмо А. Ф. Мантелю. – 26 декабря 1911 г. // Архив семьи Масленниковых.
[11] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – 31 июля 1911 г. // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 968. Л. 1.
[12] *Рерих Н. К.* Письмо А. Ф. Мантелю. – 3 декабря 1911 г. // Архив семьи Масленниковых.
[13] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [1912 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 973. Л. 3. – Ответное письмо Н. К. Рериха не сохранилось.
[14] Десятилетие служения искусству А. Ф. Мантель: [Поздравительные адреса и письма и другие материалы]. – Казань: Типолитография В. В. Варакcина, 1912. – 54 с. с ил.
[15] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – 11 марта 1911 г. // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 969. Л. 3.
[16] *Мантель А.* Письмо из Казани // Аполлон: Русская художественная летопись. – СПб., 1911. – № 8. – С. 128–129.
[17] Вряд ли автор «Письма» успел заручиться согласием у именитых авторов предполагаемых рисунков.
[18] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – 11 марта 1911 г. // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 969. Л. 1 об.
[19] *Там же.* – Л. 1–3.
[20] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [1911 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 970. Л. 1.
[21] См.: *Мельников Н. А.* 19 лет на земской службе (1898–1916): Автобиографический очерк и воспоминания. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 338.
[22] Имеется в виду Педагогический совет Рисовальной школы ИОПХ, директором которой с 1906 г. являлся Н. К. Рерих.

[23] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [1911 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 970. Л. 1.
[24] ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1490. Л. 91 – 91 об.
[25] Речь. – СПб., 1911. – 24 мая / 6 июня. – С. 5.
[26] Школы // Художественно-педагогический журнал. – СПб., 1911. – 24 апреля. – № 7. – С. 91.
[27] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [1912 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 973. Л. 1 об.
[28] *Отяев, кн.* Юбилей пропагандиста искусств // Казань. –1912. – 9 января; *То же.* Десятилетие служения искусству А. Ф. Мантель. – Казань: Типолитография В. В. Варакcина, 1912. – [Статья первоначально была опубликована в газете «Казань» и затем вошла в юбилейный сборник].
[29] В 1924 г. А. Ф. Мантель был приглашён на Яковлевские текстильные фабрики в качестве художника по тканям.
[30] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – 11 марта 1911 г. // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 969. Л. 1–3.
[31] «Старые годы» – журнал, «ежемесячник для любителей искусства и старины». Выходил в Петербурге в 1907–1916 гг. при Кружке любителей русских изящных изданий.
[32] *Мантель А. Ф.* Указ. соч. – Л. 2 об.
[33] Имеется в виду Карл Карлович Булла (Карл Освальд Булла; нем. *Carl Oswald Bulla*; 1853/1855—1929) – владелец фотоателье в Санкт-Петербурге, вошедший в историю как «отец российского фоторепортажа».
[34] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – 31 июля 1911 г. // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 968. Л. 2.
[35] Типография «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» (СПб.), в которой печатался «Аполлон».
[36] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [Ноябрь 1911 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 971. Л. 2.
[37] *Там же.*
[38] *Там же.*
[39] *Там же.*
[40] Книга о Рерихе появилась лишь в начале осени 1912 г.
[41] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [Начало 1912 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 972. Л. 1 об.
[42] *Там же.*
[43] Вероятно, имелся в виду **Карл Андреевич Фишер** (1859 — после 1923) – известный московский фотограф и издатель; владелец фотоателье и ателье художественной фототипии, цинкографии и фотолитографии «для всякого рода изданий».
[44] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [1912 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 973. Л. 3.
[45] «Золотое Руно» – художественно-литературный иллюстрированный журнал. Издавался в 1906–1907 гг. в Москве на средства мецената Н. П. Рябушинского. Журнал задуман был как продолжение петербургского «Мир искусства». В графическом оформлении его принимали участие художники Л. С. Бакст, М. В. Добужинский, Е. Е. Лансере.
[46] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [1912 г.] // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 973. Л. 1–2.
[47] *Мантель А. Ф.* Н. К. Рерих. – Казань: Изд-во книг по искусству под ред. Н. Н. Андреева, 1912. (Напечатано в типолитографии В. В. Варакcина).
[48] Биржевые ведомости. – СПб., 1911. – 1/14 января. – Утренний выпуск. – С. 5–6.
[49] *Мантель А. Ф.* Н. К. Рерих. – Казань, 1912. – С. 3.
[50] Аполлон: Русская художественная летопись. – СПб., 1912. – № 17. – С. 229–230.
[51] *Мантель А. Ф.* Письмо Н. К. Рериху. – [Ноябрь 1911 г.]. – (Ответ на письмо Н. К. Рериха от 4 ноября 1911 г.) // Архив семьи Виноградовых-Мантель.
[52] *Дульский П. М.* Письмо Г. К. Лукомскому. – [1912 г.] // ОР ГРМ. Ф. 109. Д. 68. Л. 100.
[53] *Мельников В. Л.* Рерих и деятели русского футуризма: Бурлюк, Хлебников, Маяковский // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. – СПб., 2013. – С. 405, 414.
[54] Искусство и жизнь. – Пг., 1915. – № 7. – С. 176.

А. П. СОБОЛЕВ
(Исследовательский Фонд Рерихов; Санкт-Петербург)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. К. РЕРИХА В РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЯХ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Имя Николая Константиновича Рериха широко известно в нашей стране, да и во всём мире, благодаря его художественным произведениям и широкой общественной деятельности на поприще культуры. Художник, археолог, путешественник, педагог, писатель, философ, общественный деятель… За каждым определением – огромный труд и череда напряжённых событий в его биографии… Но всё-таки, прежде всего, он – художник. Художник с большой буквы. Человек, создавший несколько тысяч живописных и графических произведений.

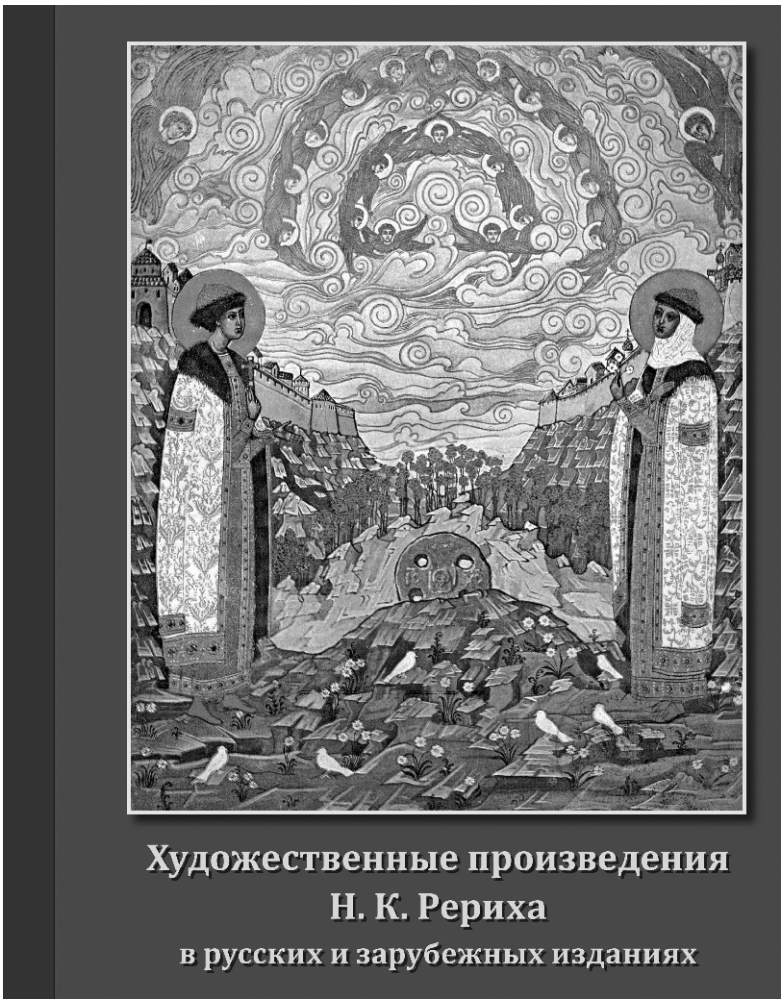
В августе 2012 г. «Исследовательским Фондом Рерихов» был выпущен каталог «Художественные произведения Н. К. Рериха в русских и зарубежных изданиях» [*ил. 1*]. В этой книге мы решили познакомить всех интересующихся творчеством Николая Константиновича с репродукциями его художественных произведений, опубликованными в русских и зарубежных газетах и журналах, книгах, сборниках, выпущенными на почтовых карточках начиная с 1894-го и заканчивая 1920 г.

Почему был выбран именно этот временной отрезок? Дело в том, что в 1920 г. завершился так называемый «европейский» период жизни и деятельности Н. К. Рериха и его семьи. Прожив большую часть времени в России, после по несколько лет в Финляндии и Англии, они из Европы переезжают на американский континент, а далее в Индию… Позже Н. К. Рерих будет участвовать в Центральноазиатской экспедиции, посетит многие города и страны, будет бороться за продвижение и принятие Пакта и Знамени Мира и, конечно же, писать новые картины…

Нам же хотелось показать именно ранний период творчества художника. Тем более что с 2004-го по 2008 г. «Исследовательским Фондом Рерихов» были изданы 5 томов книг из серии «Николай Рерих в русской периодике», освещающие годы жизни и деятельности выдающегося человека с 1891-го по 1918 г. Отдельно вышли два издания с материалами к «скандинавскому» и «английскому» периодам жизни – «Н. К. Рерих. 1917–1919» и «Н. К. Рерих. 1919–1920». И данный каталог может являться к уже выпущенным книгам хорошим дополнением.

Работа над ним велась несколько лет. За это время сотрудниками Фонда собран большой материал, позволяющий дать представление о публикациях художественных произведений выдающегося мастера в различных изданиях. Стало понятно, что картины и рисунки Н. К. Рериха довольно активно репродуцировали, но многие работы художника не слишком широко известны сейчас, а иные не известны вовсе. Поэтому актуальность настоящего издания стала очевидна: собранные вместе они дают прекрасную панораму творческой стороны жизни Н. К. Рериха, а перечни изданий, где публиковались его произведения, – помогут исследователям и всем интересующимся в дальнейшей работе.

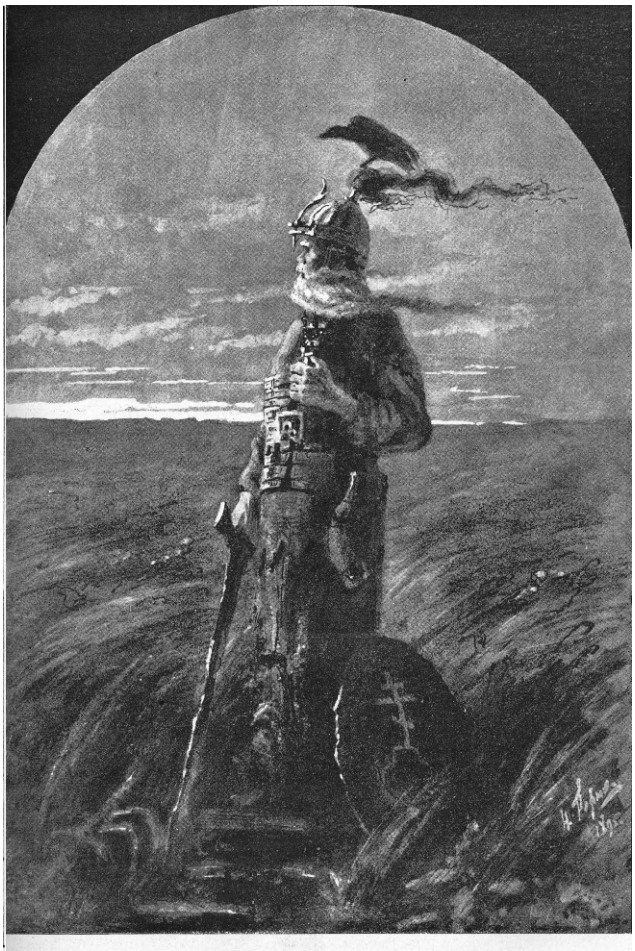
Впервые рисунки Николая Рериха появились в русских изданиях в 1894–1895 гг., когда он учился в Санкт-Петербургском университете и одновременно посещал за-



Ил. 1

нятия в Академии художеств. В нескольких номерах журнала «Звезда» были опубликованы его работы *«Ушкуйник»*, *«Богатырь»* [*ил. 2*], *«Древние русские пушкари на крепостной стене»* и *«Сретенье»*. Тогда же он отправил свою статью об охоте под названием «Большой тетерев» и рисунки к ней в боснийский журнал «Нада» («Надежда»), где позже они и были напечатаны [*ил. 3*]. После этого эти рисунки нигде не публиковались и в изданном каталоге представлены впервые.

В 1896 г. группа студентов Университета решила издать сборник литературных произведений в пользу Общества вспомоществования студентам. Николай Рерих оформил обложку и оглавление для этого сборника, сделал более двадцати



БОГАТЫРЬ.
Оригинальный рисунокъ Н. Рериха.

Ил. 2

виньеток и заставок к литературным произведениям разных авторов, там же были помещены его рисунки *«В греках»*, *«Царевич»* и *«Воевода»*. В следующем году автотипии с его картин *«Как перевелись богатыри на Руси»*, *«Илья Муромец едет от гроба Святогора»* и *«Ведун»* разместил на своих страницах журнал «Всемирная иллюстрация». Эскиз *«Ведун»* Рерих выполнил по заказу этого издания [см. *ил.* на с. 29].

Вскоре, в 1897 г., в жизни Николая Константиновича произошло чрезвычайно важное событие – его дипломную работу, картину *«Гонец»*, с академической выставки в Академии художеств купил для своей галереи Павел Михайлович Третьяков. Имя молодого художника стало привлекать к себе внимание. С этого момента

Страна 66. Број 4. НАДА. Сарајево, 3. фебруара 1896. (15. фебруара 1896.)

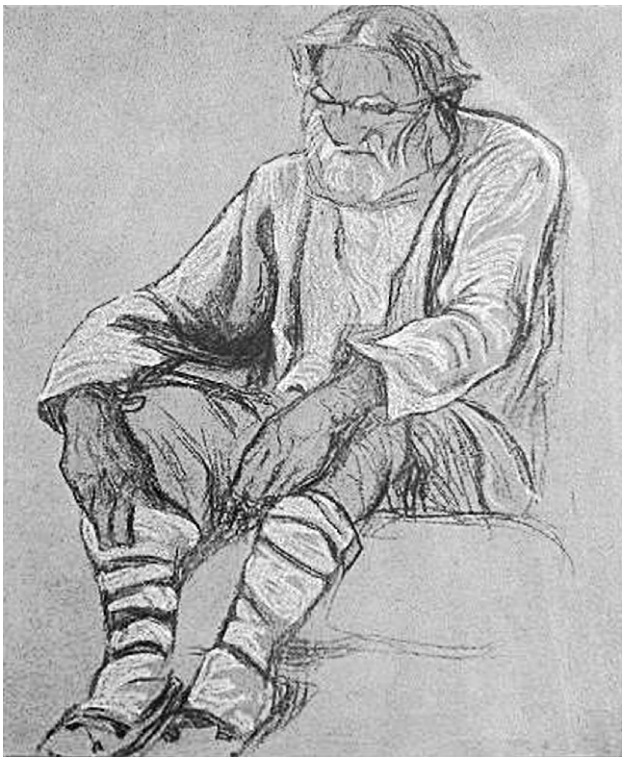
Велики тетријеб.

José-Maria de Heredia.

Ил. 3

художественные произведения Н. К. Рериха будут постепенно появляться в различных изданиях, а иллюстрация картины «Гонец» станет одной из наиболее репродуцированных работ. По замыслу художника она должна стать заглавным сюжетом в целой серии из девяти картин, под названием *«Начало Руси. Славяне»*.

Тема «Славяне и варяги» в начале художественной деятельности Николая Константиновича являлась одной из главных в творчестве мастера. Немало картин, посвящённых этой тематике было, представлено в русских и зарубежных изданиях. Конечно же, это известные работы Рериха *«Славяне на Днепре»*, *«Варяжское море»*, *«Волокут волоком»*, *«Заморские гости»*, *«Идолы»* и другие. Их охотно помещали



Ил. 4

на своих страницах различные издания. Но были и не часто репродуцируемые – например *«Рассказ о Боге»*, или довольно редко встречающееся изображение произведения *«Старик»* [*ил. 4*].

Николай Рерих в начале XX в. активно участвовал в художественной жизни Санкт-Петербурга и Москвы, экспонировал свои картины на выставках объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников», выставлялся за границей, путешествовал по России и за рубежом, проводил археологические раскопки. С 1907 г. начали появляться его эскизы к театральным постановкам. Работал он и для художественных изданий, создавал эскизы росписей и мозаик для церквей… В 1915–1918 гг. о Рерихе было написано несколько монографий, посвящённых его творчеству, опубликованы списки картин… Всего до 1920 г. в различных изданиях репродуцировано около 500 живописных полотен, рисунков и графических работ мастера. Все они вошли в изданный иллюстрированный каталог.

С чем мы столкнулись при подготовке издания? В первую очередь, с обилием противоречивых сведений о произведениях художника: разные названия, размеры, техника исполнения, первые владельцы картин и места настоящего нахождения. Причём противоречия начинаются уже с дореволюционных изданий.

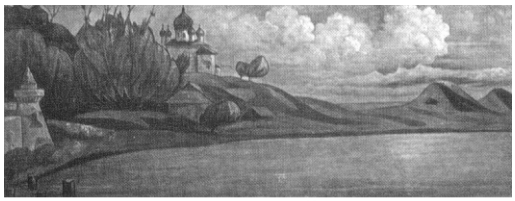
Решено было придерживаться изначальных авторских названий, хотя известно, что сам художник неоднократно менял их в процессе работы.

Нет смысла описывать множество выявленных несоответствий. Когда мы стали сверять изображения произведений художника опубликованных при его жизни с известными в настоящее время, то обнаружились явные расхождения.

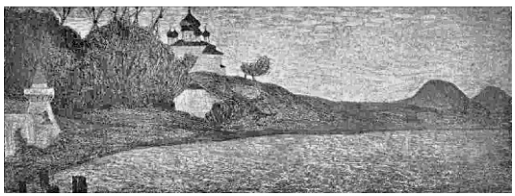
Приведу несколько из них.

Вот, например, иллюстрация картины *«Волхов»* и известная картина *«Волхов. Ладога»*, находящаяся в собрании Архангельского областного музея изобразительных искусств (государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера») [*ил. 5*]. Это произведение было опубликовано два раза – в журнале «Мир искусства» в 1902 г. и в монографии 1916 г., и оба раза не то, которое находится сейчас в музее. Известно, что Н. К. Рерих позже дописывал, переделывал некоторые свои работы. Не исключено, что здесь именно этот случай – печатали первоначальный эскиз картины. Хотя довольно странно, что для публикации в монографии было выбрано именно первоначальное изображение…

То же можно сказать и об эскизе *«Великая жертва»*, написанного к балету «Весна священная» на музыку Игоря Стравинского. Единственный раз оно было напечатано в журнале «За 7 дней» в октябре 1912 г. под названием *«Из последних работ»* [*ил. 6*]. Сохранившийся вариант эскиза декорации находится в собрании Саратовского художественного музея имени А. Н. Радищева. Если опубликован первоначальный вариант художественного произведения мастера, то, судя по изданию, имеется несо-

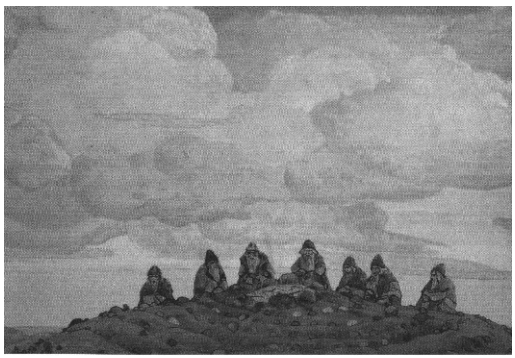


Волхов. Ладога. 1899. Картон, пастель. 46 × 126
Архангельский музей изобразительных искусств

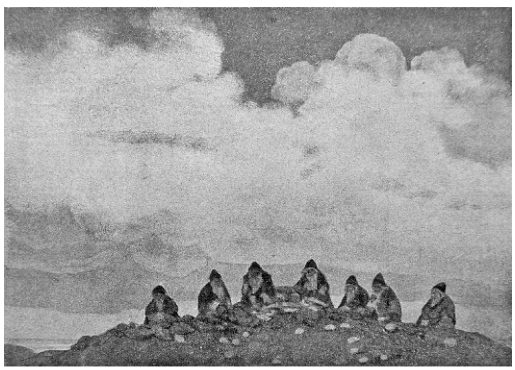


Волхов. 1899. Вариант

Ил. 5

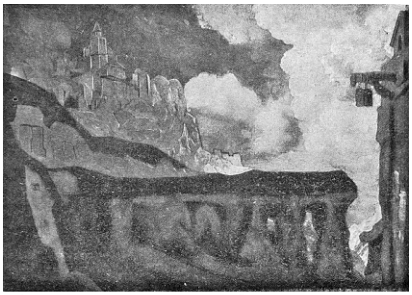


Великая жертва. 3 вариант. Картон, темпера, пастель. 52,3×75,0
Саратовский художественный музей им. А.Н.Радищева

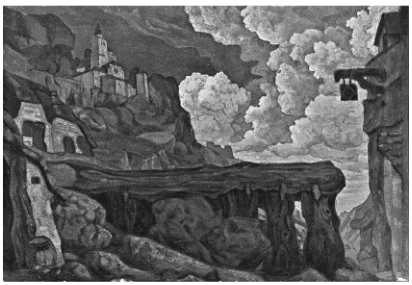


Великая жертва. 3 вариант. Первоначальный эскиз. 1910

Ил. 6

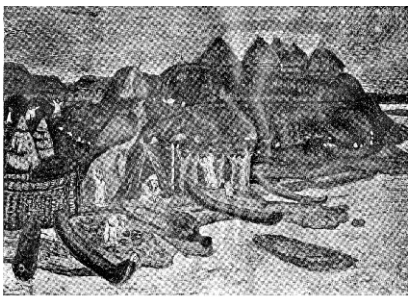


Эскиз декорации к драме Лопе де Вега «Фуенте Овехуна». Первоначальный вариант

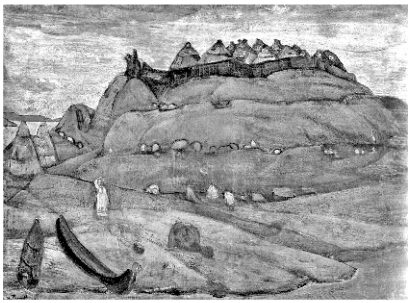


Эскиз декорации к драме Лопе де Вега «Фуенте Овехуна». 1911

Ил. 7



На заре истории. До 1913



Древний город. Государственный Эрмитаж

Ил. 8

ответствие в годах. Законченное произведение датировано 1910 г., а первоначальный вариант репродуцирован в 1912 г. Этот вопрос остаётся открытым для дальнейшего исследования.

Всё вышесказанное относится и к *«Эскизу декорации»*, сделанному Рерихом к драме Лопе де Вега «Фуенте Овехуна», который был опубликован в том же журнале «За 7 дней» и с таким же названием – *«Из последних работ»* [*ил. 7*]. Не берусь утверждать, что это был репродуцирован первоначальный вариант картины, позже дописанный художником, но даже если это и так, то это лишь прекрасно иллюстрирует процесс работы выдающегося мастера над своими произведениями.

Другое дело, иллюстрация картины *«На заре истории»*. Она была напечатана в 1913 г. в серии «Картины по русской истории», задуманной из пятидесяти небольших брошюр, изданных под общей редакцией С. А. Князькова и с его же объяснительными текстами. Оригинал картины, не законченной художником, находится в собрании Государственного Эрмитажа под названием *«Древний город»* [*ил. 8*]. При увеличении изображения можно увидеть детали предыдущей картины, что даёт основание не сомневаться в их схожести.

Теперь иллюстрации картины *«Поморяне. Вечер»* из серии *«Курганный народ»*. Заметно различие этих изображений. Сохранившийся вариант находится в Мурманске в частном собрании. Сложно сказать, вариант это или ранний эскиз? Тем более, что и одно, и другое были репродуцированы не один раз.

Сюда же можно отнести и эскиз Н. К. Рериха *«Архангел»*, сделанный к картине *«Сокровище Ангелов»* и принадлежавший княгине М. К. Тенишевой [*ил. 9*]. В лике Архангела, его копье и других мелких деталях заметны различия этих полотен. Но ещё более различия проявляются в изображенном символе на сфере, лежащей на ладони Архангела. На одном изображении – это православный крест, на другом – крест маль-

Архангел. Эскиз к картине «Сокровище Ангелов». 1904. Дерево, масло. 45 × 55. *ЧС, Москва*

Архангел. Эскиз к картине «Сокровище Ангелов». 1904

Ил. 9

тийский. Сами же предметы, которые держит Архангел, можно сравнить с символами власти – скипетром, который символизирует копьё, и державой, которую символизирует сфера.

Обнаружены были различия на изображениях картины *«Ростов Великий. Кремль»*. Оригинал находится в собрании Государственной Третьяковской галереи

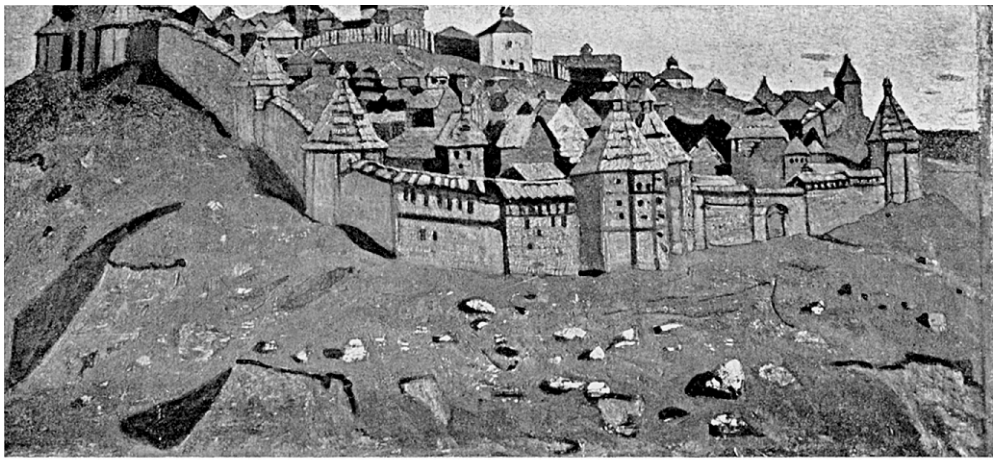
Песнь о викинге. 1907. Холст, темпера. 42,5 × 80,0. *ЧС, США*

Песнь о викинге. 1907

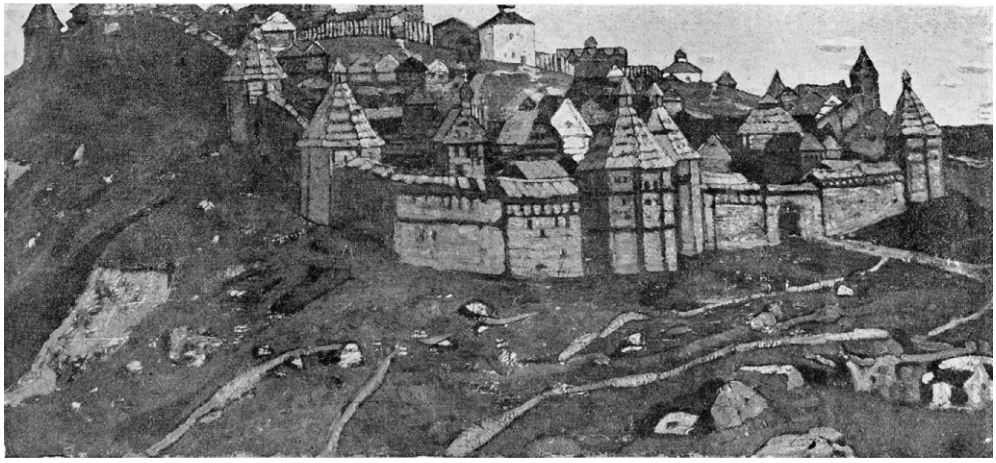
Ил. 10

в Москве. Любопытно, что в журналах и монографиях публиковался совсем другой вариант картины. Второй вариант впервые появляется на почтовой карточке, изданной Общиной Святой Евгении в 1905 г., – это даёт повод предположить, что художник сделал его именно для публикации на открытке. Судьба первого варианта не известна. Или картина была переписана художником, или, может быть, где-то находится ещё один вариант этого произведения.

Один из вариантов картины *«Песнь о викинге»* [*ил. 10*] впервые был напечатан в киевском журнале «В мире искусств» в 1908 г. Позже он не публиковался. А широко распространённый вариант этого произведения был впервые репродуцирован на



Городок. 1902. Масло



Городок. Вариант. 1902

Ил. 11

почтовых карточках Общины Святой Евгении в 1909 г., после чего это изображение было растиражировано многими изданиями. Когда мы заметили различие, то предположили, что опубликованное ранее изображение – это первоначальный эскиз. Но с удивлением обнаружили, что именно этот вариант был продан на одном из аукционов русской живописи. Возможно, что самый распространённый вариант картины был переделан для открытки и позже утерян, или находится в неизвестном собрании.

Вариант картины *«Городок»* [*ил. 11*] был найден только в издании А. А. Ростиславова «Н. К. Рерих», выпущенного в 1918 г. Пока не ясно – поздний ли это вариант

Ил. 12

картины – она датирована 1902 г. – или не известный ранее? Вопрос остаётся открытым…

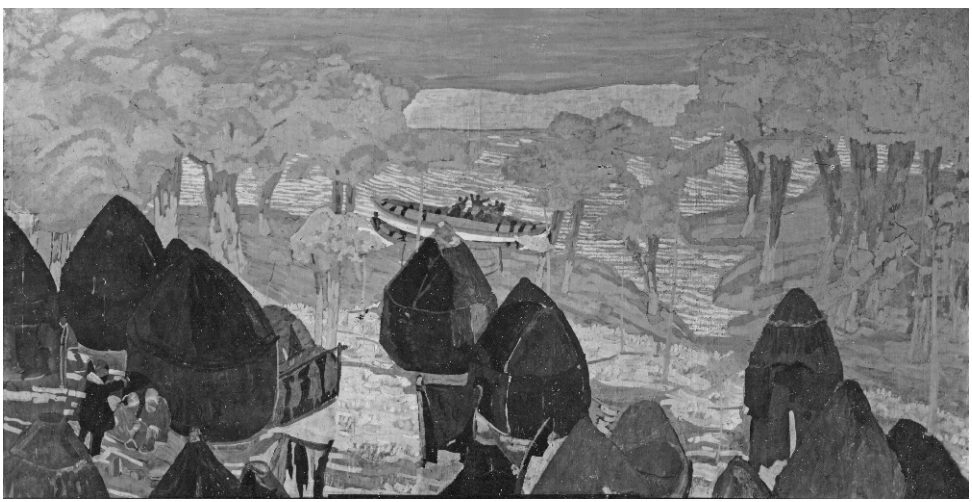
Интересно вышло с виньеткой *«Знак издательства "Содружество"»*. В 1905 г. Н. К. Рерих входил в состав философско-эстетического кружка «Содружество», который образовался вокруг критика и поэта С. К. Маковского, начинающего журналиста А. В. Руманова, литераторов О. И. Дымова и С. Л. Рафаловича. В кружок также входили поэтесса и переводчица Л. Н. Вилькина, поэт Л. Д. Семёнов и другие. За небольшой срок существования кружка (с 1905-го по 1906 г.) было выпущено 8 книг. Николай Рерих разработал издательский знак, который в виде заставки или концовки присутствовал во всех изданиях. Когда мы стали сверять все издания кружка, то обнаружили вариант этого знака, не известный ранее. Теперь уже трудно ответить на возникшие вопросы. Возможно, это поздний вариант знака, который был доработан, а может быть, Николай Константинович первоначально сделал несколько эскизов.

Некоторые изображения нами не были включены в каталог из-за немногочисленных отличий. Например, рисунок *«Пейзаж для “Рогнеды”»*.

Н. К. Рерих участвовал в оформлении нескольких изданий, которые почему-то оказались незаслуженно забытыми или были обойдены исследователями его творчества, из-за чего прошли мимо внимания многих почитателей его таланта. Речь идёт о первом, самом известном сборнике стихов поэта Сергея Городецкого «Ярь», изданном «Кружком молодых». Для него Николай Рерих сделал эскиз обложки [*ил. 12*] и концовку, а для первого тома сочинений поэта, который вышел в 1909 г., ещё и заглавную страницу второго отдела и обе концовки. В самом сборнике Н. К. Рериху было посвящено стихотворение «Славят Ярилу». Обложка следующего сборника стихов Сергея Городецкого «Дикая воля» была выполнена по тому же эскизу Н. К. Рериха. Известно, что одна из виньеток художника была воспроизведена на пригласительном билете «Кружка молодых».

В заключении мне хочется упомянуть несколько вновь открытых изображений картин Николая Константиновича. Это *«Голова колдуна»* – репродукцию поместил на своих страницах в 1911 г. журнал «Киевская мысль». Этюд *«Италия»*, напечатанный во французском журнале «L'Art et les Artistes». Эскиз фрески «Каменный век. Деревня первобытных» [*ил. 13*] из журнала «Огонёк». Графический рисунок из французского журнала «Gazette des Beaux-Arts». Этюды из поездки Н. К. Рериха по Финляндии в 1907 г., опубликованные во французском журнале «L'Art et les Artistes» и *«Этюд старика»* из этого же журнала.

Конечно же, это далеко не все работы Николая Константиновича, которые были обнаружены. Их все можно увидеть в изданном каталоге. Хочется верить, что наша работа даст новый толчок для дальнейших исследований, а значит, и новых находок. И мы сможем открыть для себя ещё многие неизвестные грани художественного таланта великого мастера.



Ил. 13

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

Н. А. РУБАКИН И РЕРИХИ

В 2011 г. к нам в Музей-институт семьи Рерихов пришло информационное сообщение от коллег давно любимого нами Краеведческого музея города Ломоносова. В сообщении сообщалось, что 13 июля 2012 г. в 16.00 часов в дальнем пригороде Санкт-Петербурга состоится конференция к 150-летию со дня рождения Н. А. Рубакина «Рубакин в Ораниенбауме». Мне показалось, что имя главного героя будущего юбилея мне знакомо. Именно в связи с Рерихами. И дело не в Ораниенбауме, где родился Игорь Стравинский, будущий сотворец «Весны священной». «Область пересечения» в другом.

Японская фотография Н. К. Рериха

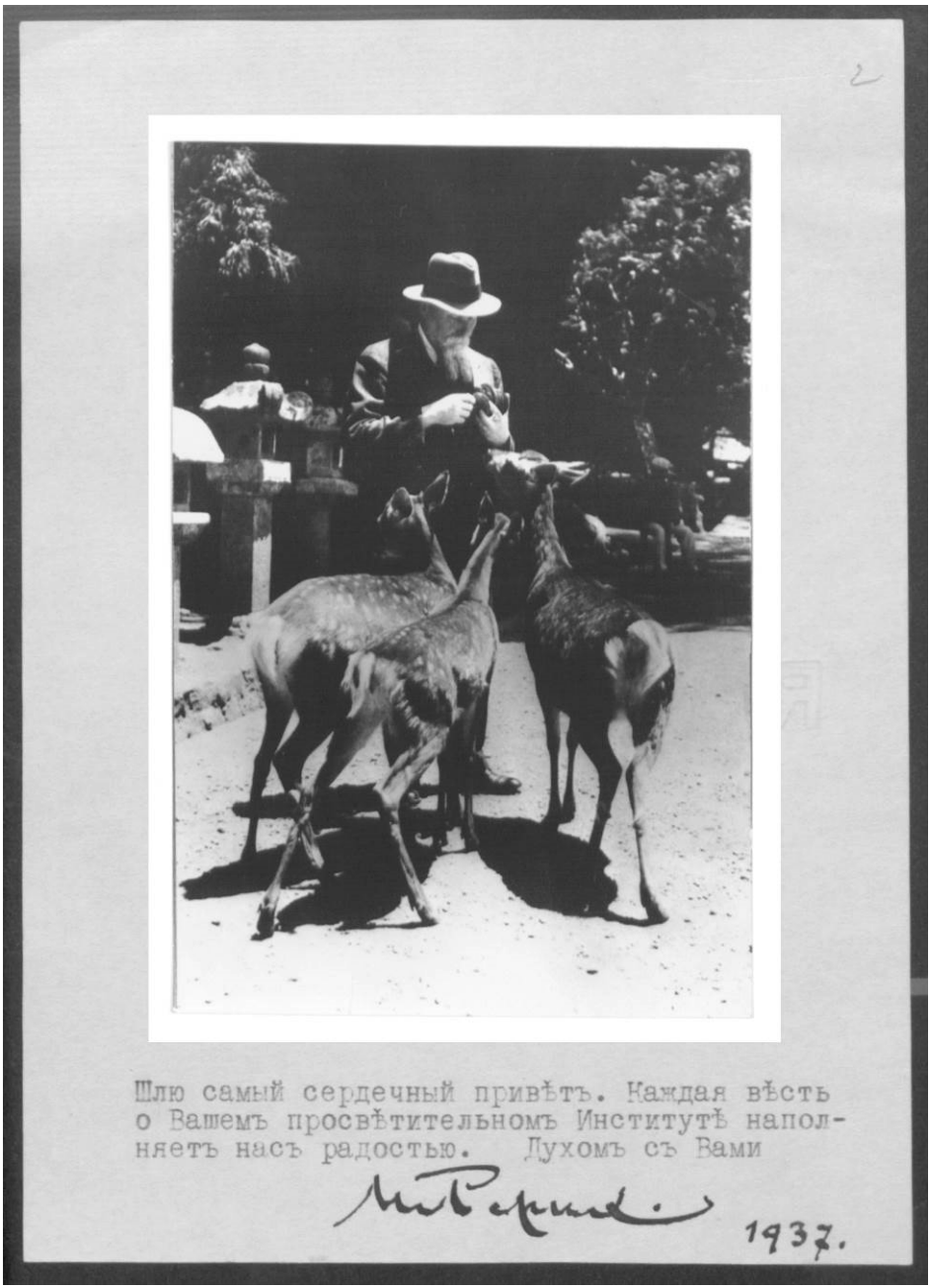
И я вспомнил. Однажды в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде 358 («Н. А. Рубакин»), я наткнулся на одну фотографию, некогда верхним краем приклеенную к листку с автографом Николая Константиновича Рериха [*ил. 1*]. Фотография была снята в мае 1934 г. в Японии, в городе Нара. Н. К. Рерих кормит из рук окруживших его пятнистых косуль… Под фотографией напечатано на машинке (подпись и дата вписаны от руки):

«Шлю самый сердечный привет. Каждая весть о Вашем просветительном Институте наполняет нас радостью. Духом с Вами ***Н. Рерих. 1937****».*

Было очевидно, что это – свидетельство дружеского общения семьи Рерихов с Н. А. Рубакиным, но совершенно не понятно было, во-первых, о каком *«просветительном Институте»* речь, и, во-вторых, почему *«нас»*? Выходит, что Н. А. Рубакин был как-то связан не только с главой семейства? Круглая дата этого года ещё раз напомнила об этих вопросах, оставшихся тогда без ответа. Очевидно, что жизненные пути этих замечательных людей пересекались неоднократно.

Николай Александрович Рубакин родился 1 (13) июля 1862 г. в Ораниенбауме. Окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, пройдя курс обучения одновременно на трёх факультетах – естественном, историко-филологическом и юридическом, и посвятил себя той идейной издательско-библиотечной деятельности, которая составляет одну из наиболее характерных черт русского народолюбия конца XIX в. Н. К. Рерих по организации своей учёбы в 1890-е гг. – фактически второй Н. А. Рубакин: одновременно с поступлением в Академию художеств был зачислен в тот же университет на юридический факультет, параллельно слушал лекции на историко-филологическом факультете, а на естественном посещал Антропологический кабинет, которым заведовал профессор Эдуард Юльевич Петри; в конце учёбы передал несколько черепов в краниологическую коллекцию этого кабинета.

На этом общность интересов и жизненных путей, начатая с имён, не заканчивается. Н. А. Рубакин родился и вырос в старообрядческой купеческой семье выходцев из Псковской губернии. Как известно, мать Н. К. Рериха – Мария Васильевна Коркунова-Калашникова – тоже из псковской купеческой семьи.



Ил. 1. Академик Н. К. Рерих. Нара, Япония. Май 1934. Дарственная надпись Н. А. Рубакину. 1937
© Государственная Российская библиотека

«Жизнь замечательных людей»

Эти и многие другие сведения было показательно сравнить по двум однотипным биографиям в серии «Жизнь замечательных людей». Первая – это выпуск 437, книга А. Н. Рубакина об отце: «Рубакин (Лоцман книжного моря)» (1967; 2-е изд.: 1979). Вторая – это выпуск 510, книга П. Ф. Беликова и В. П. Князевой «Рерих» (1972; 2-е изд.: 1973).

Отец Н. А. Рубакина – Александр Иосифович Рубакин – был довольно состоятельным человеком, но к старости растратил почти всё своё состояние, чему немало способствовали увлечённость книгами его супруги и сына Николая. В Ораниенбауме (или Рамбове, как его до сих пор называют в народе) ему принадлежали торговые бани и несколько домов на главной улице – Дворцовом проспекте. Кроме того, он торговал лесом, у него была «лесная биржа». Семья жила при этой бирже в деревянном двухэтажном домике с резными ставнями, окнами и крыльцом. Но «биржа» постепенно таяла. Восемнадцать лет Александр Иосифович был выборным городским головой Ораниенбаума. Был даже награждён за службу.

Мать Н. А. Рубакина – Лидия Терентьевна Рубакина – была из старообрядческой семьи Тихоновых. Семья её была довольно состоятельной и тоже купеческой. У Тихоновых был дом на Гороховой улице в Петербурге и меховой магазин в Александровской линии по Садовой улице. Образование она не получила, училась только в пансионе мадам Труба в Петербурге. Но Лидия Терентьевна много читала, сама выучила французский и завязала знакомства с передовыми и даже революционными кругами, не чуждалась и писательского дела: ею был переведён на русский язык труд Людвига Бюхнера «Сила и материя». Переводила она и другие книги.

В семье было два сына – Николай и Михаил. **Николай Александрович Рубакин** (1 (13) июля 1862, Ораниенбаум — 23 ноября 1946, Лозанна) – известный просветитель, учёный, писатель, библиограф, книговед, выдающийся специалист в области читателеведения; автор фундаментальных трудов «Среди книг» (1911–1915), «Россия в цифрах» (1912), «Психология читателя и книги» (1928) и множества других книг, брошюр и статей; создатель библиопсихологии – науки о восприятии текста, чьи идеи ныне широко используются в психолингвистике. По преданию, Н. А. Рубакин прочитал более 250 тысяч книг – на 30 тысяч больше, чем было в семейных библиотеках Рубакиных в России и Швейцарии вместе взятых. Именно ему Н. К. Рерих послал свою фотографию в 1937 г.

Но вернёмся в Петербург конца XIX в. В 1873 г. Лидия Терентьевна с сыновьями переехала на Покровскую площадь (ныне площадь Тургенева). В 1874 г. Николай и Михаил Рубакины поступили во Второе Петербургское реальное училище. Затем Михаил окончил Технологический институт и стал инженером-технологом, работал фабричным инспектором. Николай в 1881 г. поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Закончил его с золотой медалью.

В 1875 г. в Петербурге открылась первая платная библиотека Л. Т. Рубакиной. После смерти А. И. Рубакина биржу в Ораниенбауме продали вместе с домом. Бани

и дом на Дворцовом проспекте остались за сыном Николаем, их он сдавал в аренду. Л. Т. Рубакина умерла в 1905 г.

В 1889 г. Н. А. Рубакин женился на Надежде Ивановне Игнатьевой. В 1889–1893 гг. он работал на бумажной фабрике своего отца в Стрельне.

В 1890 г. программный доклад в Петербургском комитете грамотности выдвинул Н. А. Рубакина в первые ряды просветителей эпохи.

В 1892 г. он принял на себя руководство библиотекой матери, к тому времени размещавшейся в том же доме, где они жили, то есть на Садовой улице, № 63. К началу XX в. фонды библиотеки выросли до 57 тысяч томов, а её услугами пользовались многие будущие большевики, в том числе И. В. Бабушкин, Е. Д. Стасова, Н. К. Крупская. Библиотека стала базой для воскресных рабочих школ, которые взрастили первых рабочих-агитаторов, рабочих-марксистов. Для них Н. А. Рубакин подбирал учебные пособия, нелегальную литературу. Библиотека стала местом явок для многих нелегалов – как с его ведома, так и без. В любом случае, он настолько увлёкся новой формой отнюдь не книжного «просвещения», что бегал на сходки, писал прокламации, хотя и не был революционером. Он был движим простой идеей: народу нужны знания, нужны миллионы популярных книг, тысячи всем доступных библиотек. Н. А. Рубакин и его добровольные помощники провели анкетирование более четырёх тысяч человек – и в его библиотеке, и в воскресных рабочих школах. Оказалось – большинству книги недоступны, а тем, кому они доступны, они часто непонятны. Главный вывод был опубликован в его книге «Этюды о русской читающей публике» (1895): интеллигенция оторвана от народа.

В предисловии к этой же книге Н. А. Рубакин писал: «Ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент». По поводу этих слов мыслителя приведу высказывание доктора педагогических наук, профессора Валентины Александровны Бородиной (2005): «Они особенно значимы в наши дни, в дни экспансии компьютерной и видеокультуры, вытесняющих читательскую культуру. Упадок культуры чтения незамедлительно скажется на культуре в целом. Прогрессивная общественность, заинтересованная в сохранении культурного наследия, должна озаботиться возрождением культуры чтения, опираясь на позитивный опыт наших выдающихся соотечественников, внёсших неоценимый вклад в теорию и методику чтения».

Самообразование и самоусовершенствование

В 1894 г. Н. А. Рубакин основал при библиотеке Л. Т. Рубакиной «Подвижной музей учебных пособий» в сотрудничестве с Е. Д. Стасовой и М. И. Страховой. Нельзя не заметить, что как раз в этой сфере и в то же самое время проявил себя и Н. К. Рерих, организовавший «Кружок начинающих художников для взаимного самообразования» (другое название – «Кружок Самообразования и Самоусовершенствования»). Варианты устава рериховского студенческого объединения датируются 8 сентября и 18 октября 1894 г. В этой области Н. А. Рубакин проявил себя очень ярко. Им изданы книги «Письма к читателям о самообразовании» (1911–1913), «О сбережении сил и времени в деле самообразования» (1914), «Практика самообразования» (1914) и т. д.

За всю жизнь им составлено и разослано 15 тысяч программ по самообразованию. Уже после его смерти Т. К. Крук составила сборник его статей «Как заниматься самообразованием» (М.: Советская Россия, 1962).

В 1896 г. Николая Александровича выслали из Петербурга в Рязань. В 1901 г. последовал арест и высылка на два года в Крым, в местечко близ Алушты – под надзор полиции.

Крым сыграл большую роль в жизни Н. А. Рубакина. Как, впрочем, и в становлении Н. К. Рериха, побывавшего в Крыму в 1894 г. Здесь находились «пенаты» наставника Николая Константиновича по Академии художеств А. И. Куинджи, самые живописные места Крыма: Мшатка, Мухалатка, Алупка, Кикенеиз.

В Крыму Н. А. Рубакин жил на даче близ Алушты у своего знакомого, профессора-метеоролога В. П. Коломийцева и там познакомился с его женой Людмилой Александровной, которая впоследствии стала его второй женой и прожила с ним всю оставшуюся жизнь, пережив его в Швейцарии только на несколько месяцев. Людмила Александровна была из немецкого рода Бесселей, её прадед был крупным математиком и астрономом, двоюродные братья её содержали известный в России музыкальный магазин, которым регулярно пользовались Рерихи и Митусовы. Круг замкнулся.

В перерывах между ссылками в 1897–1900 гг. Н. А. Рубакин заведовал издательством «Издатель». В 1897–1899 гг. возглавлял отдел в издательстве Ивана Дмитриевича Сытина. И именно в связи с ним ещё раз пересеклись жизненные пути наших двух *замечательных людей*. Но об этом чуть ниже.

Как мы видим, Николай Александрович финансовое состояние своей семьи не мог приумножить в принципе, ибо всё растрачивал на чтение и писание, научась любви и уважении к книге у своей удивительной матери. Она же прививала любовь и уважение в сердцах очень многих посетителей своей библиотеки к самым обездоленным слоям населения северной столицы.

Всероссийская лига образования

Ещё удалось узнать, что Н. А. Рубакин был одним из организаторов Всероссийской лиги образования, к которой примкнул и Н. К. Рерих. Смерть матери, новая ссылка в Новгород и поражение первой русской революции, во время которой он примкнул к эсерам, повлияли на решение Николая Александровича навсегда покинуть Россию и порвать с политикой. Он взял с собой семь тысяч книг и эмигрировал в Швейцарию. Остальные книги передал Всероссийской лиге образования.

Несколько слов об этом учреждении. По своей сути это – педагогическая организация. Она была основана в 1906 г. в Петербурге по инициативе группы деятелей бывших комитетов грамотности, распущенных правительством в 1895 г. Организационный комитет в марте 1906 г. провёл учредительные собрания, на которых был принят проект устава лиги (официально утверждён в 1907 г.). Цель Всероссийской лиги образования – объединение и координация деятельности педагогических и просветительных обществ и организаций в России. Задачи: теоретическая и практическая разработка вопросов образования, основание научных и просветительных учреждений. Сфера деятельности лиги включала все ступени школьного образова-

ния, а также внешкольное образование. По уставу она превратилась в союз просветительных обществ и учреждений, объединённых общими съездами и избираемым ими правлением. Лига объединяла уже существовавшие общества и организации и открывала новые. Провинциальные общества пользовались автономией, имели собственный устав (часто по образцу, рекомендованному головной лигой образования) и перечисляли лиге средства. При лиге в 1907–1908 гг. были образованы пять всероссийских обществ. Общество школьного просвещения ставило задачей выработку новых идеалов школьного образования и нового типа единой школы. Общество содействия внешкольному просвещению было основано для объединения сил общественности в деле организации библиотек, музеев, народных университетов, вечерних курсов, лекций и т. п. Из этого общества выделилось Общество изящных искусств, проводившее работу по организации художественных выставок, малых галерей, народных театров и т. п. В числе его членов были Б. М. Кустодиев, Е. Е. Лансере, С. К. Маковский и Н. К. Рерих. Университетское общество было организовано для теоретической и практической разработки вопросов высшего образования и открытия частных вольных высших школ и университетов. В обществе состояли В. М. Бехтерев, В. Н. Верховский, И. М. Гревс, О. А. и А. А. Добиаш, А. С. Лаппо-Данилевский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, П. Ф. Лесгафт, С. Ф. Ольденбург и др. Было также организовано Всероссийское общество образования и воспитания ненормальных детей. В 1907 г. была основана Педагогическая академия.

Нужно отметить, что мероприятия, намечаемые и проводимые Всероссийской лигой образования, встречали постоянное противодействие со стороны официальных властей: запрещались съезды, выставки, публичные обсуждения проектов лиги и т. д. В 1913 г. правительство изменило устав лиги с целью ограничения её деятельности и организующей роли. Тот факт, что после 1917 г. лига прекратила свою деятельность («за ненадобностью»), говорит о многом. Конечно, её использовали в своих целях большевики и другие политические силы. Увы, впоследствии для многих даже среди большевиков «плоды просвещения» оказались не такими уж «сладкими». Очень рано это осознал Н. А. Рубакин, который предпочёл продолжить свою благую библиофильскую деятельность подальше от театра «классовой битвы», а именно в Швейцарии, проявляя, однако, сочувствие к тем участникам борьбы за власть, которая апеллировала к чаяниям «простого народа».

Опыт Всероссийской лиги образования для Н. К. Рериха не прошёл даром. Он просматривается во многих документах созданной им в 1931 г. в Нью-Йорке Всемирной лиги культуры.

«Полвека для книги»

Ещё одна «встреча» Н. А. Рубакина и Н. К. Рериха состоялась на страницах юбилейного издания, посвящённого **Ивану Дмитриевичу Сытину** (25 января (5 февраля) 1851, Костромская губерния — 23 ноября 1934, Москва). К 1917 г. этот в высшей степени просвещённый издатель имел широкую сеть книжных магазинов – четыре в Москве, два в Петрограде, в Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринбурге, Воронеже, Ростове-на-Дону, Иркутске, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, в Варшаве и Софии.

Н. РУБАКИНЪ.

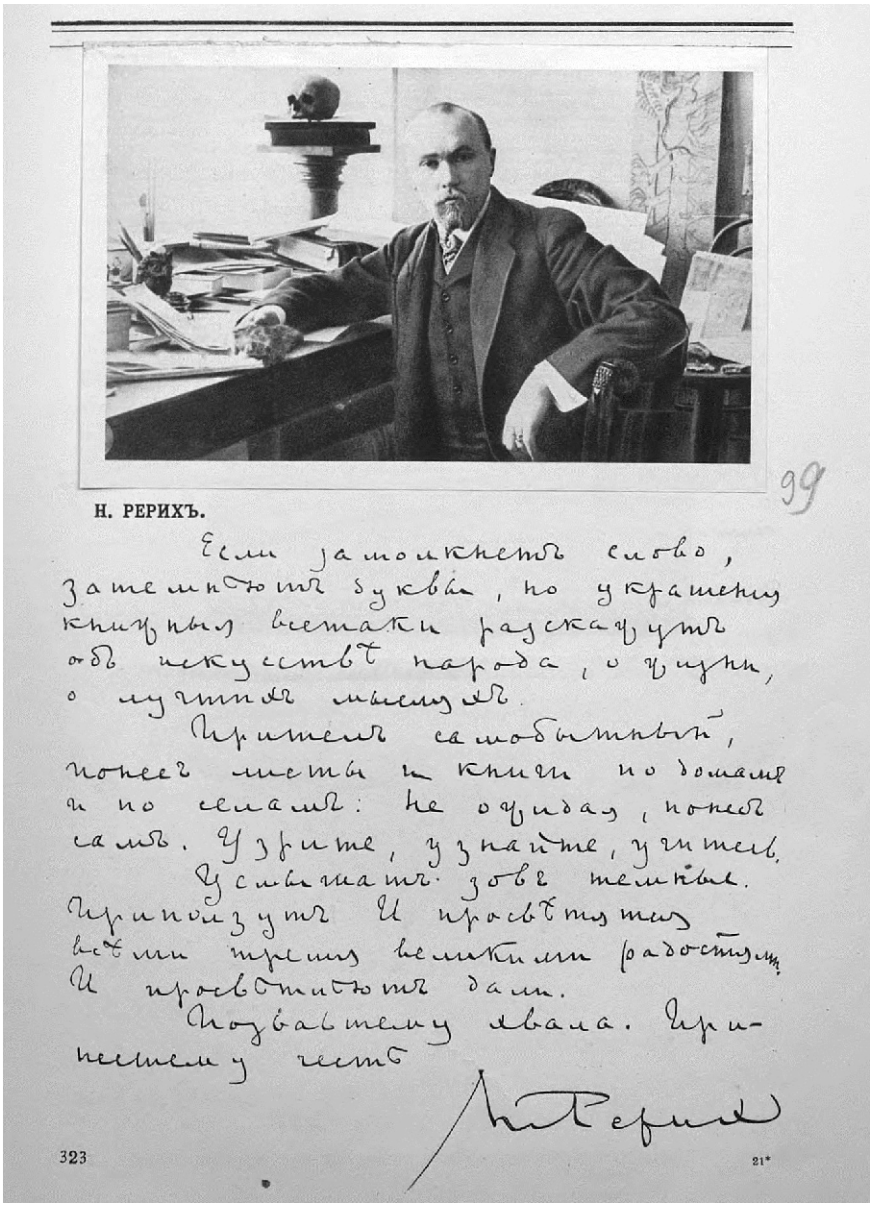
Дорогой Иванъ Дмитріевичъ, въ день пятидесятилѣтія Вашей созидательной работы и въ двадцатипятилѣтіе моего сотрудничества, посылаю Вамъ эти строки изъ той свободной страны, гдѣ неграмотные крестьяне и крестьянки—величайшая рѣдкость, гдѣ нѣтъ ни одной деревушки безъ школы и безъ библіотеки, гдѣ сельскія школы—настоящіе дворцы, и гдѣ народному просвѣщенію и самоопредѣленію не только не воздвигается никакихъ преградъ, но никто и не смѣетъ, и не думаетъ ихъ воздвигать. Дойдетъ же когда-нибудь до такого же относительно блестящаго состоянія и наша дорогая, многострадальная родина.

И величайшее счастье—весь свой вѣкъ работать надъ его созиданіемъ. Вы, дорогой Иванъ Дмитріевичъ, по-своему, по-особому надъ этимъ же поработали, и къ тому же по правилу: „дѣлай, чтобы сдѣлать, а не для того, чтобы дѣлать“. Вы создали изъ ничего настолько грандіозное дѣло, какое чуть ли еще не вчера казалось совершенно невѣроятнымъ на Руси по своей постановкѣ, по своимъ корнямъ, да и по размаху. И Вы создали его при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, посреди явныхъ и тайныхъ преградъ и препятствій и среди всевозможной травли, до поджоговъ 1905 г. включительно. Но что изъ нихъ вышло? Да ничто. И тѣ, кто воздвиганіемъ преградъ спеціально занимается, что они и кто они? А сытинское дѣло стоитъ да стоитъ, растетъ да крѣпнетъ. Счастливъ безконечно тотъ, кто, выйдя изъ наиболѣе обездоленной среды, для нея-то больше всего и плодотворно и поработалъ на своемъ вѣку, и русское крестьянство не можетъ не сказать о русскомъ крестьянинѣ, костромскомъ самоучкѣ И. Д. Сытинѣ: „Это онъ, крестьянинъ, больше другихъ и лучше другихъ и снабдилъ насъ не только хорошими, но и подходящими книгами“. И пусть-ка кто-нибудь теперь попробуетъ выскребетъ изъ всѣхъ этажей народной толщи то хорошее, что внесли туда сытинскія изданія.

Ник. Рубакинъ.

97

Ил. 2. Н. А. Рубакин. Приветствие И. Д. Сытину. 1916
Страница 97 издания: Полвека для книги. 1866–1916: Литературно-художественный сборник, посвящённый 50-летию издательской деятельности И. Д. Сытина. – М.: Издательство И. Д. Сытина, 1916. – [3], 610 с. с ил.; 47 л. ил. © Российская национальная библиотека



99

Н. РЕРИХЪ.

Если замолкнетъ слово, затемнѣютъ буквы, но украшенія книжныя всетаки разскажутъ объ искусствѣ народа, о жизни, о лучшихъ мысляхъ.

Приятель самобытный, понесъ листы и книги по домамъ и по селамъ: не ожидая, понесъ самъ. Узрите, узнайте, учитесь.

Услышатъ зовъ темные. Приползутъ. И просвѣтятся всѣми тремя великими радостями. И просвѣтлѣютъ дали.

Позвавшему хвала. Принесшему честь

Н. Рерих

323 21*

Ил. 3. Н. К. Рерих. Приветствие И. Д. Сытину. 1916
Страница 323 издания: Полвека для книги. 1866–1916: Литературно-художественный сборник, посвящённый 50-летию издательской деятельности И. Д. Сытина. – М.: Издательство И. Д. Сытина, 1916. – [3], 610 с. с ил.; 47 л. ил. © Российская национальная библиотека

Юбилей И. Д. Сытина общественность широко отметила в последние дни Российской Империи. Девятнадцатого февраля 1917 г. в Политехническом музее в Москве состоялось торжественное чествование Ивана Дмитриевича. Это событие было отмечено выпуском прекрасно иллюстрированного литературно-художественного сборника «Полвека для книги (1866–1916)». В его создании приняли участие представители науки, литературы, искусства, промышленности, общественных деятелей – всего около 200 авторов, которые высоко оценили незаурядную личность юбиляра и его книгоиздательскую, просветительскую деятельность. В адрес юбиляра поступили десятки красочных художественных адресов в роскошных папках, сотни приветствий и телеграмм. В них подчёркивалось, что труд И. Д. Сытина движим высокой и светлой целью – дать народу самую дешёвую и нужную книгу.

Кроме Николая Рубакина [*ил. 2*] и Николая Рериха [*ил. 3*], в издании оставили свои записи хорошо знакомые им Максим Горький и Александр Куприн, много других замечательных людей. Конечно, И. Д. Сытин, как и Н. А. Рубакин, не был революционером. Как справедливо отметили создатели Музея И. Д. Сытина в Москве, он был очень богатым человеком, предприимчивым дельцом, умевшим всё взвесить, всё подсчитать и остаться с прибылью, но его крестьянское происхождение, его упорное стремление приобщить простых людей к знаниям, к культуре содействовало пробуждению народного самосознания. Он воспринял Русскую революцию как неизбежность, как должное и предложил свои услуги советской власти. «Переход к верному хозяину, к народу всей фабричной промышленности я считал хорошим делом и поступил бесплатным работником на фабрику, – писал он в своих воспоминаниях. – Радовало же меня то, что дело, которому отдал много сил в жизни, получало хорошее развитие – книга при новой власти надёжно пошла в народ».

Именно так поступил и Н. А. Рубакин – только за границей. Сперва в Кларане, потом в Лозанне он основал общину гуманитариев, которая имела большевистское направление. Как известно, В. И. Ульянов (Ленин) и его соратники долгое время проводили в Швейцарии, где скрывались от царской охранки, восстанавливали силы, наполнялись революционными идеями, в том числе и в его библиотеке. Собиратель, пользуясь ситуацией, принимал от них их сочинения. Но с таким же рвением он собирал книги и противников советской власти. В своей швейцарской библиотеке он собрал все русские журналы и газеты (с 1860-х гг.), все издания эпохи первой русской революции, коллекцию нелегальной литературы.

В 1914 г. вышла положительная рецензия В. И. Ленина на трёхтомное издание Н. А. Рубакина «Среди книг», окончательно закрепившее его «особый» статус у социал-демократов, а в дальнейшем и в глазах руководства СССР. В 1930 г. Совет Народных Комиссаров СССР постановил дать персональную пенсию Н. А. Рубакину. Он был настоящим оплотом Новой России на Западе – ему присылали все главные советские периодические газеты и журналы, множество отечественных книг. Свои издания ему дарили многие выдающиеся учёные, писатели, художники. В 1916 г. он познакомился с французским писателем Ромэном Ролланом, дружба с которым продолжалась до самой его смерти. В его библиотеку передала свою коллекцию дочь А. И. Герцена – Наталия Александровна, туда же влилось и собрание Густава

Броше, участника Парижской коммуны. Всё было тщательно отсортировано, подшито, зарегистрировано. Н. А. Рубакин публиковал реферативный материал о советских книгах в изданиях при Лиге Наций, знакомя зарубежных читателей с советской литературой.

Кстати, неподалёку от него в Швейцарии жил и его земляк Игорь Стравинский. Именно в Кларане, в гостинице «Шатлар» («Hôtel du Châtelard») 4 ноября 1912 г. он завершил сочинение музыки балета «Весна священная»…

В 1942–1945 гг. Н. А. Рубакин активно общался с советскими гражданскими и военными пленными в Швейцарии, бежавшими от фашистов, помогал им книгами и материальными средствами, вёл обширную переписку, пытаясь облегчить их участь. Незадолго до смерти в 1946 г. он получил гражданство СССР.

Международный институт библиологической психологии

Мы подошли к ответам на два вопроса, поставленных в начале моего сообщения. *«Просветительный Институт»*, упомянутый в Н. К. Рерихом в 1937 г., это, конечно же, Международный институт библиологической психологии в Лозанне. Он был основан Н. А. Рубакиным в 1928 г. на основе Секции библиопсихологии при Институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве, созданной им двенадцатью годами ранее.

Как заметила его биограф Е. И. Полтавская (2005), внимательное изучение читательских интересов на протяжении десятков лет привело Николая Александровича к убеждению в существовании разных читательских типов. Он их исследовал и классифицировал, создав, таким образом, науку библиопсихологию, которая «есть наука о социальном и психологическом воздействии книги»*. Один из его главных трудов, так и оставшийся не законченным, это руководство для читателя «Среди книг». В этом издании – 22 тысячи названий, каждое снабжено дополнительными обозначениями. В приложенных таблицах можно найти себе книгу, руководствуясь не только темой, но и своей подготовкой. По этим выкладкам Н. А. Рубакина приобщились к знаниям миллионы людей. Так Н. А. Рубакин выдвинул и обосновал идею «библиотечного ядра» – круга чтения, отражающего Вселенную.

На критику в свой адрес, что, мол, знания никогда не приобретаются в популярных книжках, он всегда отвечал: популяризатор выращивает не знания, а убеждения. Мерилом ценности научно-популярного издания он считал не объём знаний, а влияние книги на читателя. Главным для него всегда было: *не учить, а образовывать*. Не правда ли, напоминает девиз педагога К. И. Мая, который мы хорошо помним по книгам Н. К. Рериха: *сперва любить, потом учить?*

Таким образом, Н. А. Рубакин считал, что всякое настоящее образование достигается только путём самообразования. Напомню, с чего начинал Н. К. Рерих – с кружка самообразования, с составления списков книг для самообразования. Один из таких списков, составленных им лично, теперь хранится в Музее-институте се-

* См.: Великие люди – библиотекари: от А до Я / Сост. Е. И. Полтавская; Под ред. Ю. Н. Столярова. – М.: Школьная библиотека, 2005. – 160 с., ил.

мьи Рерихов. А знаменитый, любимый Рерихами «Круг чтения» Л. Н. Толстого – разве не в этой же «эволюционной копилке»?

Созданный Николаем Александровичем Международный институт библиопсихологии – уникален. Такого размаха и объёма теоретической, экспериментальной и практической работы, выполненной за пределами родины одним русским человеком, Россия ещё не знала.

Конечно, если мы внимательно вчитаемся в труды Рерихов и Н. А. Рубакина, то найдём много общего, но это тема для другого, более обстоятельного разговора.

Елена Ивановна Рерих

Почему же Николай Константинович написал о том, что каждая весть от Н. А. Рубакина «наполняет нас радостью»? Кого это – *нас*? Ответ очевиден.

Многократно имя Н. А. Рубакина встречается в переписке супруги Н. К. Рериха Елены Ивановны. Большинство этих упоминаний позитивны и касаются тесного сотрудничества в деле поддержки Пакта Рериха и распространения книг. Вот что, например, писала Е. И. Рерих издателю А. М. Асееву:

«Врата возможности часто бывают тесны. Профессор Рубакин состоял в переписке с нашими Учреждениями в Нью-Йорке. Он большой энтузиаст Пакта и поклонник идей Николая Константиновича. По его письмам, которые мне были пересланы, могу заключить, что он прекрасной души человек, и при этом очень деятельный, что является большей редкостью. Несмотря на его очень преклонный возраст, душа его горит юношеским огнем. Он – отрадное явление на фоне нашей эмиграции. Я просила Зинаиду Григорьевну [Фосдик] выслать ему для его библиотеки в Лозанне и нашу серию Агни Йоги. В своё время он сделал прекрасное предложение нашим Нью-Йоркским Учреждениям в связи с распространением Пакта, но оно не могло осуществиться из-за недостатка фондов. Конечно, часто не так уже страшны недостатки фондов, как то обстоятельство, что ***размах дел перерастает сознание сотрудников****. Да, всюду этот недохват людей. Нужен приток мощных деятелей, не боящихся смелых начинаний, и на это будет обращено наше внимание в ближайшем будущем»* (15 октября 1935 г).

Эта характеристика Н. А. Рубакина, дополненная высказыванием 1937-го года под японской фотографией, является ключевой. Вернувшись из Второй Центральноазиатской экспедиции, Н. К. Рерих «послал ему сердечное письмо и свою книгу», о чём Елена Ивановна упомянула 2 сентября 1937 г. в письме к рижскому сотруднику Рерихов А. И. Клизовскому. В этом же письме она сетовала на то, что Николай Александрович «не счёл нужным ответить». Мне представляется, что причина молчания Н. А. Рубакина не в его небрежении, а в чём-то другом. Возможно, ответ просто затерялся где-то между Европой и Азией, когда почтовые и иные сообщения уже были нарушены приготовлениями к войне. Если бы он не дорожил общением с Рерихами, не сохранилась бы в его архиве такая единичная памятка как японская фотография Николая Константиновича 1937 г. [*ил. 1*]. Благодаря Елене Ивановне сохранилась часть послания Н. А. Рубакина к сотруднице Рерихов З. Г. Фосдик. Процитируем его по письму Е. И. Рерих к Н. К. и Ю. Н. Рерихам от 1 марта 1935 г.:

«Большое спасибо Вам за присылку книг и статей, характеризующих творческую работу жизни Николая Константиновича, жизни не только артистической, но и полной социального строительства. Нас особенно поразило и восхитило то, что ему удалось сделать для защиты в военное время художественных, научных, исторических и культурных памятников. Восхищает "Пакт Рериха", его ратификация, Пакт Знамени Мира – будем надеяться, что он будет ратифицирован не только американскими государствами, но и всеми другими. Глубоко радует, что Николай Константинович сумел так мудро и красиво встать в своём деле ***выше всех партий, всяких течений мысли, всяких национальностей и общественных классов*** *и вот уже столько лет работает под Знаменем и Макро- и Микрокосма. Под всем этим мы энергично подписываемся... Передайте, пожалуйста, наш сердечнейший привет Николаю Константиновичу и Елене Ивановне, этим гражданам Вселенной, вдохновляемым Нуменом... Вчера вечером, когда я обдумывал в книжной тишине Рериховское дело, меня охватил такой взрыв интуиции, что само перо забегало по бумаге, и я немедленно написал прилагаемый при сем проект, осуществить который, разумеется, не представляет никаких трудностей – он, наверное, встретит активнейшую поддержку многих и многих друзей Мира, а их теперь повсюду немало, и число их быстро растёт... Ныне для нашего Института обстоятельства сложились так удачно, что будет прямо-таки преступлением по отношению к делу упустить момент и не приняться неотложно за осуществление проекта теперь же – по крайней мере надо положить практическое начало делу – дальше оно будет развиваться само собою, как это вышло уже с нашим Институтом, созданным буквально без гроша денег, а ныне оценённым в 400 тысяч швейцарских франков, и с Подвижным Музеем... Моя идея – выявить отношение к идее мира решительно всех партий: по делам её узнают её, по словесам узнают её, и да сравнивает её слова с её делами всякий желающий. Я предлагаю организовать особый отдел антимилитаристской и пасифистской литературы в библиотеке нашего Института... Осуществление моего проекта, по моему убеждению, должно начаться с малого и идти к большему – с организации при нашем Институте особого отдела (например, имени Н. К. Рериха). У нас уже имеется отдел... отличный отдел восточной религии, философии, оккультизма и восточных философий и литератур, и такой отдел – отличная база или мостик, связующий идею мира с идеей Космоса (Макро- и Микро-). По-моему, только лишь на одной социальной, исторической и даже этической базе идея мира не может держаться крепко – ни в индивидах, ни в социальных коллективах. Её необходимо обосновать на базе иррациональной, космической, обнимающей в человеке не только интеллектуалистические, но и мистические элементы его. Насколько я понимаю Николая Константиновича, он держится во многих отношениях той же точки зрения, а меня научил ей опыт моих полувековых сношений и переписки с десятками тысяч людей: корни мира в мире Вселенной».*

Вот на таких – ноуменальных и вечных – основах соприкоснулись творческие «миры» Николая Александровича Рубакина и семьи Рерихов. Их объединяло общее отношение к космосу Мысли.

* * *

Всю свою библиотеку Н. А. Рубакин завещал СССР. Более 100 тысяч собранных им книг составили фонд «Рб» в Российской государственной библиотеке. Архивный фонд его в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ насчитывает 14140 единиц хранения 1880–1970 гг.

Через два года после ухода из жизни урна с прахом Н. А. Рубакина была захоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Скромная каменная урна, стоящая на уступе в стене древнего русского монастыря, имеет вид печати, лежащей на каменной книге, на которой выгравированы слова: «Да здравствует книга – могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!».

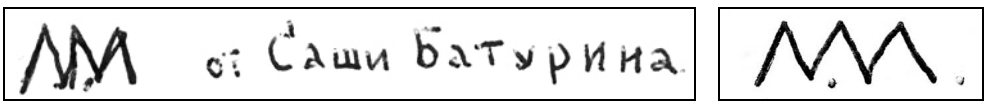
В. В. КОСТРЮКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

МЕМОРИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА СЕМЬИ МИТУСОВЫХ В МУЗЕЕ-ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ РЕРИХОВ

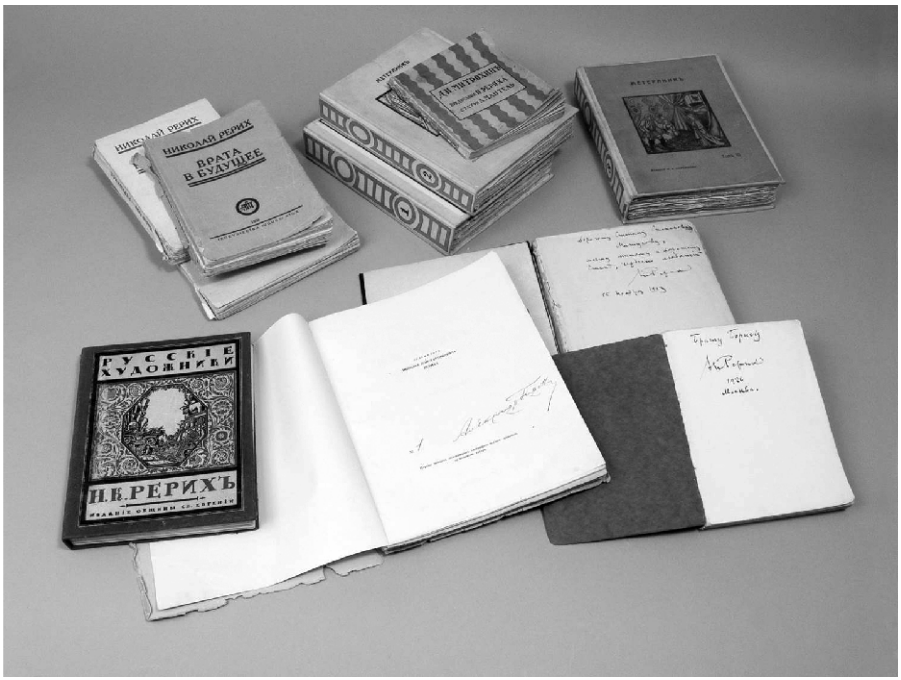
Мемориальная библиотека семьи Митусовых является составной частью Мемориального собрания Степана Степановича Митусова. **Степан Степанович Митусов** (1878—1942), двоюродный брат Елены Ивановны Рерих, «неразлучный спутник моего детства», как писала она, сотрудник и друг Н. К. Рериха, ученик Н. А. Римского-Корсакова, друг и либреттист И. Ф. Стравинского, по свидетельствам современников, был «прекрасным человеком», «исключительно даровитым», «замечательным музыкантом», «имел разносторонние таланты», был одним из тех блестящих творцов, чья жизнь и мастерство расцвели в эпоху русского Серебряного века. Несомненно, его творческое наследие имеет особое значение.

Целью Мемориального собрания многие годы являлось сохранение Рериховского наследия и культурных ценностей творческой жизни рубежа XIX–XX вв. После смерти С. С. Митусова эту работу продолжили его дочери, а именно, Людмила и Татьяна Митусовы.

Идея создания Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге принадлежит Л. С. Митусовой, которая, вместе со своей младшей сестрой Т. С. Митусовой, сохраняла на протяжении многих лет предметы Мемориального собрания отца. Впоследствии то, что удалось сохранить Людмиле Степановне, было бережно перенесено в музей-институт основателями с той же целью и теми же задачами, которые ставил перед собой Степан Степанович. Книжная часть Мемориального собрания С. С. Митусова насчитывала более четырёхсот изданий, получивших общее



Ил. 1. Л. С. Митусова. Владельческие надписи на книге Николая Рериха «Письмена» (М.: Современник, 1974), подаренной художником А. Б. Батуриным. © СПбГМИСР



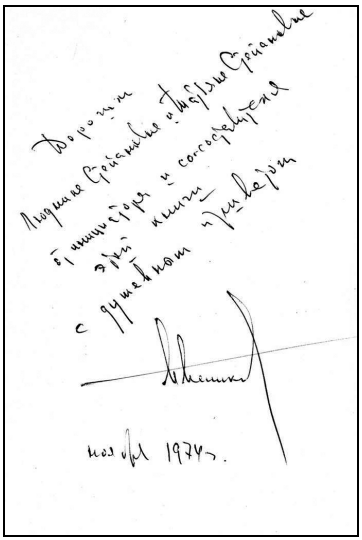
Ил. 2. Книги из рериховской части Мемориальной библиотеки семьи Митусовых, в том числе с автографами Н. К. Рериха и А. И. Гидони. Фотография Андрея Теребенина. © СПбГМИСР

название «Мемориальная библиотека семьи Митусовых», которые были распределены по музейной структуре. Большая часть Мемориальной библиотеки легла в основу формирования библиотечного фонда музея-института – собственно, его библиотеки. Часть книг попала в Фонд редких изданий, и хранится также в библиотеке, а отдельные, наиболее ценные экземпляры поступили в Фонд редкой книги Музейного фонда РФ, и хранятся в службе главного хранителя.

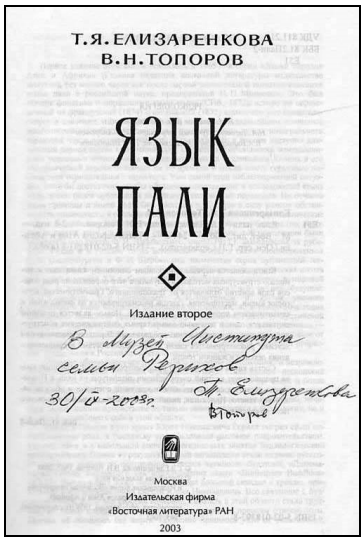
Состав Мемориальной библиотеки семьи Митусовых предметно и иллюстративно отражает интересы семьи Митусовых и Рерихов, давая возможность глубже изучить деятельность и развитие этих семей. Темы варьируются: от научно-популярных трудов, посвящённых членам семьи Рерихов, до путеводителей и альбомов на разных языках.

Книги в Мемориальной библиотеке – это иллюстративные материалы духовно-просветительской деятельности семьи Рерихов, семьи Митусовых и их окружения, в которых достаточно глубоко раскрывается духовная сущность этих людей.

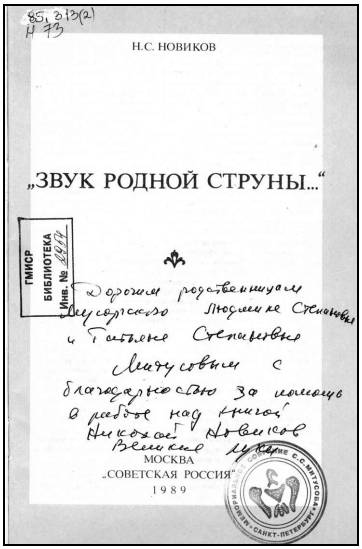
Эта литература создаёт интеллектуальный образ владельцев собрания, давая представление о них как о людях образованных, интересующихся, небезучастных к судьбам культурного наследия. Особое место занимают издания на музыкальную тему; ввиду того, что С. С. Митусов был музыкантом, либреттистом, в Мемориальной библиотеке хранятся его рабочие и творческие материалы в печатном виде.



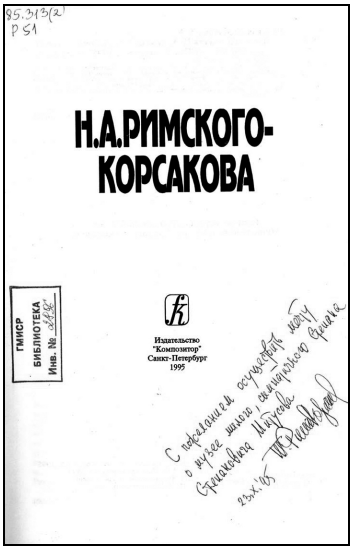
Ил. 3



Ил. 4



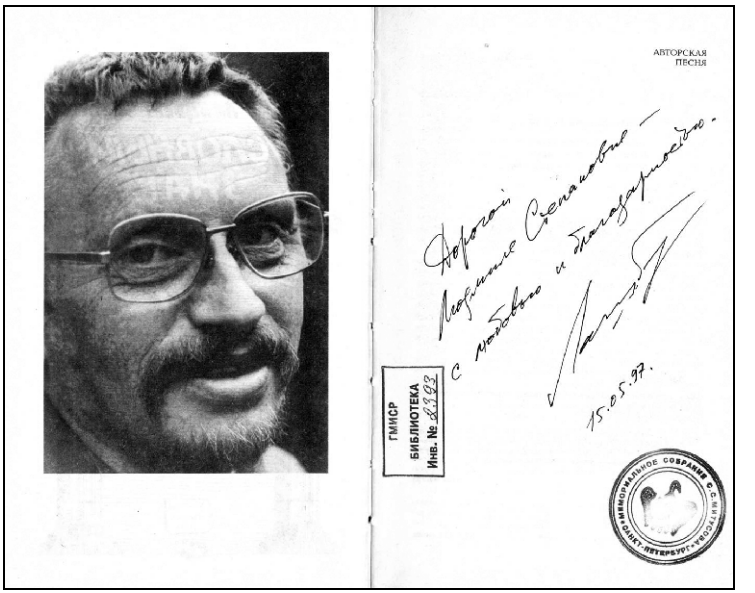
Ил. 5



Ил. 6

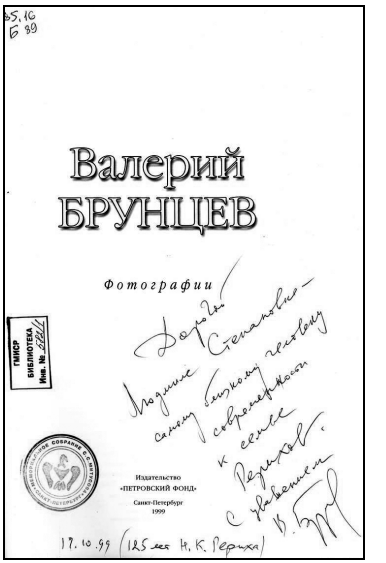
Книги из Мемориальной библиотеки семьи Митусовых с дарственными надписями авторов

Ил. 3. П. Ф. Беликов. Надпись на книге «Н. К. Рерих. Из литературного наследия» (М.: Изобразительное искусство, 1974). Ноябрь 1974. *Ил. 4.* Т. Я. Елизаренкова и В. Н. Топоров. Надпись на книге «Язык пали» (М.: Восточная литература, 2003). 30 сентября 2003. *Ил. 5.* Н. С. Новиков. Надпись на книге «“Звук родной струны…”» (М.: Советская Россия, 1989). Около 1990. *Ил. 6.* Т. В. Римская-Корсакова. Надпись на книге «Детство и юность Н. А. Римского-Корсакова» (СПб.: Композитор, 1995). 23 октября 1995. © СПбГМИСР



Ил. 7

Ил. 8



Ил. 9

Книги из Мемориальной библиотеки семьи Митусовых с дарственными надписями авторов

Ил. 7. В. И. Ланцберг. Надпись на книге «Условный знак» (М.: Аргус, 1996). 15 мая 1997. *Ил. 8.* Г. А. Юшко. Надпись на книге «Медь и серебро» (1990). 13 марта 1991. *Ил. 9.* В. А. Брунцев. Надпись на альбоме «Валерий Брунцев. Фотографии» (СПб.: Петровский фонд, 1999). 17 октября 1999. © СПбГМИСР

Книги из Мемориальной библиотеки семьи Митусовых ценны не только с просветительской точки зрения, но и для исследования персоналий семьи Митусовых. Изучение литературы, собранной Митусовыми, позволит составить впечатление об этой семье, её деятельности, её идеологии, досуге и пристрастиях, а также поможет открыть новое в деятельности семьи Рерихов и многих их современников. Тема эта достаточно не изучена и не раскрыта, что только повышает интерес к ней. В Музее-институте семьи Рерихов ведётся плановое изучение Мемориальной библиотеки семьи Митусовых и обеспечивается её сохранность.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ДОКУМЕНТЫ Ю. Н. РЕРИХА В ЛИЧНОМ АРХИВЕ Л. С. МИТУСОВОЙ

Глубокоуважаемые друзья и коллеги! Позвольте мне посвятить своё сообщение 110-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха, которое мы отметили в этом году. Так получилось, что сегодня я выступаю под знаком ещё одной «круглой даты». Ровно сто лет назад, 10 октября 1912 г., А. А. Блок написал своё знаменитое стихотворение.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь — начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Для нас, рериховедов, тех, кто практически соприкасается с наследием семьи Рерихов, исследовательская работа – это именно такой непрерывный круг «перерождений»: всё одновременно и новое, и старое, всё начинается и... повторяется, *как встарь*.

В моей жизни обращение к документам Юрия Николаевича Рериха напоминает процесс непрерывного обращения к бесконечно любимому и притягательному образу человека, с которым в этой жизни удалось сблизиться не лично, а благодаря посредничеству и душевной щедрости одной – в образах А. А. Блока – *Прекрасной Дамы*. Имею в виду, конечно же, Людмилу Степановну Митусову, его любимую кузину, называвшую его по-семейному: *Юрик.*

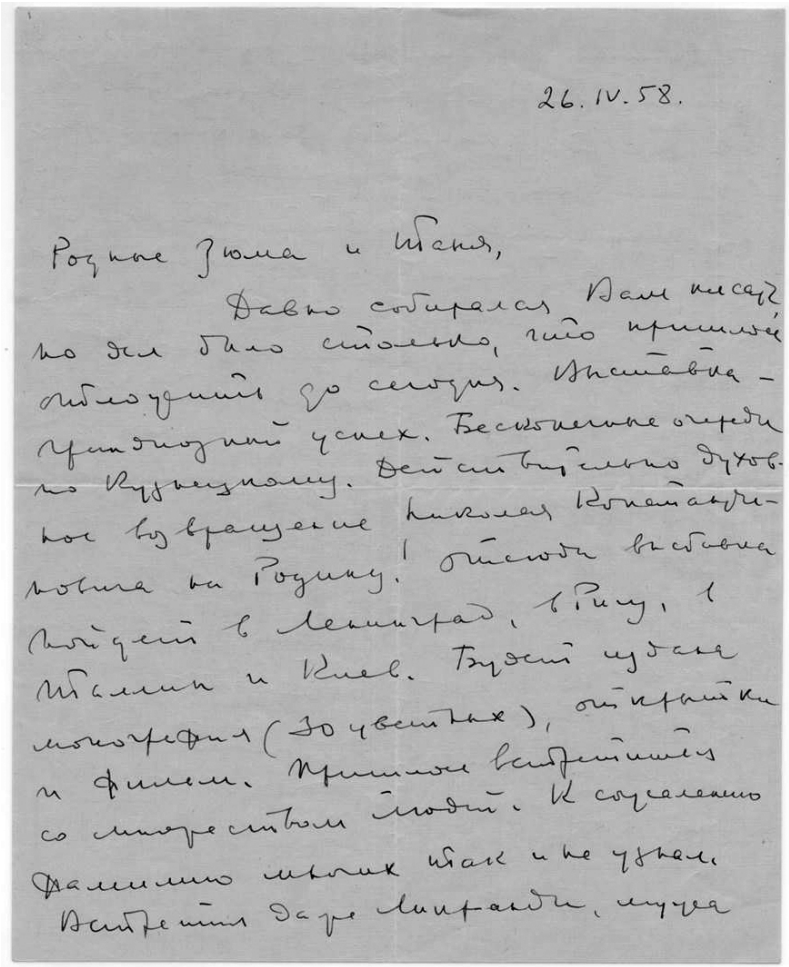
То, что сохранилось в её семье, охватывает весь жизненный цикл выдающегося учёного и хранителя наследия семьи Рерихов, обеспечившего в 1957–1960 гг. достойное возвращение этого наследия на Родину.

Документальное и художественное наследие Ю. Н. Рериха, сохранённое Л. С. Митусовой
Фотография Андрея Теребенина. © СПбГМИСР

В целом, структура документального наследия Ю. Н. Рериха в личном архиве Л. С. Митусовой такова.

1. Печатные издания с автографами Ю. Н. Рериха, его учеников и последователей, включая труды самого Юрия Николаевича, А. М. Пятигорского, В. Н. Топорова и Т. Я. Елизаренковой.

2. Вырезки из различных периодических изданий, присланные Рерихами С. С. Митусову в период между двумя мировыми войнами. Они представляют Юрия Николаевича во время Первой Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха в 1923–1928 гг.



26.IV.58.

Родные Зюма и Таня,

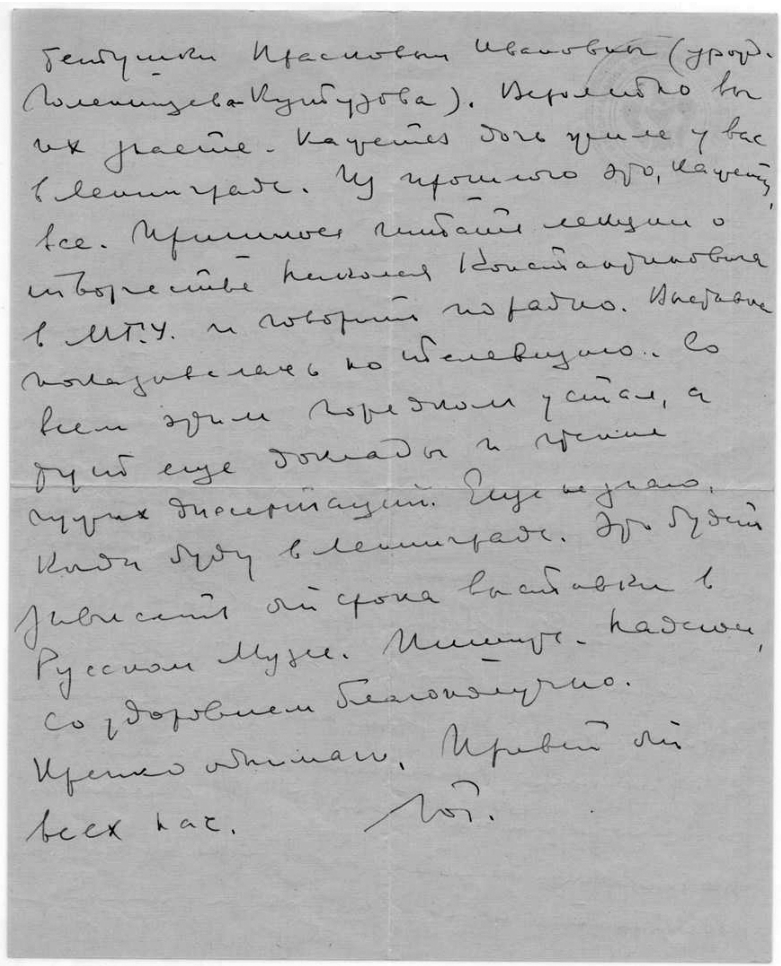
Давно собиралась Вам писать, но дел было столько, что пришлось отложить до сегодня. Выставка — грандиозный успех. Бесконечные очереди по Кузнецкому. Действительно духовное возвращение Николая Константиновича на Родину! Отсюда выставка пойдет в Ленинград, в Ригу, в Таллин и Киев. Будет издана монография (30 цветных), открытки и фильм. Пришлось встретиться со множеством людей. К сожалению фамилию многих так и не узнал. Встретил даже Лихранди, мужа

Ю. Н. Рерих. Письмо Л. С. и Т. С. Митусовым. Москва. 26 апреля 1958
Первая страница. © СПбГМИСР. КП-80

3. Автографы Ю. Н. Рериха, включая письмо к матери, Е. И. Рерих, написанное 30 января 1916 г. в канун её дня рождения, стихотворение «Предания», созданное примерно в то же время, и письма сёстрам Л. С. и Т. С. Митусовым 1957–1960 гг.

4. Автографы и копии автографов других лиц, писавших Ю. Н. Рериху, включая открытое письмо его школьной учительницы, письма П. Ф. Беликова и других лиц.

5. Автографы сестёр И. М. и Л. М. Богдановых, домашних помощниц Юрия Николаевича в Москве после возвращения на Родину. Часто в отправлении их писем 1958–1960 гг. Ю. Н. Рерих принимал непосредственное участие, о чём свидетельствуют конверты с его адресом, иногда им самим подписанные, а также его приписки в посланиях Богдановых к Митусовым.



Ю. Н. Рерих. Письмо Л. С. и Т. С. Митусовым. Москва. 26 апреля 1958
Вторая страница. © СПбГМИСР. КП-80

6. Копии, перепечатки, различные выписки из творческого наследия Ю. Н. Рериха, сделанные Л. С. Митусовой и другими лицами в послевоенное время.

7. Графика Ю. Н. Рериха ранних лет, которая является «документом» самого начального погружения в художественное творчество, к сожалению, не имевшего столько мощного развития в дальнейшем, как в случае его брата Святослава Николаевича. На некоторых рисунках он ставил документальное свидетельство своего авторства – монограмму, напоминающую аналогичное обозначение отца.

8. Фотодокументы Ю. Н. Рериха, оказавшиеся у С. С. Митусова и его семьи в дореволюционный период, включая негативы. На них юный Юрий Рерих запечатлён

в селе Берёзки под Вышним Волочком, в имении князя П. А. Путятина в Бологом, в Павловске и на Оредеже.

9. Фотодокументы Ю. Н. Рериха, присланные Рерихами С. С. Митусову в период между двумя мировыми войнами. На них Юрий Николаевич запечатлён в Европе и в Азии.

10. Фотодокументы Ю. Н. Рериха, полученные сёстрами Митусовыми от него самого в 1958–1960 гг. Они представляют индийский период его жизни, включая Кулу и Калимпонг.

11. Фотодокументы Ю. Н. Рериха, созданные либо собранные сёстрами Митусовыми после его возвращения на Родину, включая негативы. Особую ценность в этой группе представляют снимки Т. С. Митусовой 1959–1960 гг., а также фотография учёного с автографом на оборотной стороне его аспиранта Бал-Доржи Бадараева (1929—1987), в 1960–1963 гг. работавшего в группе по подготовке к изданию «Тибетско-санскритско-русско-английского словаря», созданной Ю. Н. Рерихом в 1959 г.

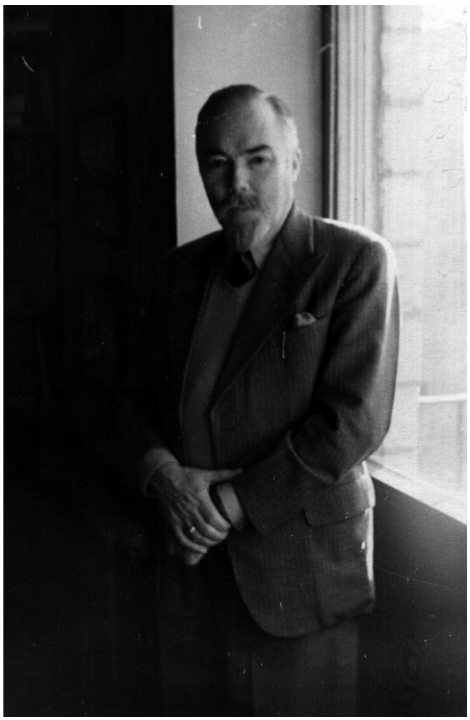
12. Фотодокументы Ю. Н. Рериха, полученные от П. Ф. Беликова и его семьи в 1960–2000-е гг. Среди них – ценные копии фотоальбомов секретаря Гималайского исследовательского института «Урусвати» В. А. Шибаева, относящихся к 1930-м гг.

Несомненно, важным дополнением к этим документам остаются личные вещи Ю. Н. Рериха, такие, как его детский шкаф и подарки сёстрам Митусовым, включая украшения Е. И. Рерих.

В особо почитаемом и сокровенном месте хранилась и частица праха Ю. Н. Рериха, переданная Л. С. Митусовой в 1960 г. его младшим братом.

Ю. Н. Рерих среди научных сотрудников. Улан-Удэ. Сентябрь 1959
В центре стоит буддийский религиозный деятель, буддолог и историк
бурятского происхождения Бидия Дандарович Дандарон (1914—1974). © СПбГМИСР. КП-979

Ю. Н. Рерих. Москва. 1959–1960. Снимок Т. С. Митусовой. Негатив. © СПбГМИСР. КП-5835/1



Ю. Н. Рерих. Москва. 1959–1960. Снимок Т. С. Митусовой. © СПбГМИСР. КП-967

Закончить свой обзор позволю себе ещё одним обращением к поэтическому наследию А. А. Блока. Это строки из триптиха «Венеция», написанного 26 августа 1909 г., включённого в «Итальянские стихи», так ярко претворённые в известном рисунке Н. К. Рериха, с которым поэт никогда не расставался:

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Часто наша жизнь представляет собой *сон без сновидений*, и лишь обращение к наследию таких титанов духа, каким был и является Юрий Николаевич Рерих, позволяет если не проснуться, то увидеть хотя бы прекрасный сон. Сон о том, каким должен быть настоящий победитель в битве с самим собой, о том, как притягателен путь восходящего к вершинам духа, как бесценно подлинное самоотречение, как могут быть верны друзья и сотрудники на нелёгком поприще науки жизни. Быть может, именно надежда когда-нибудь *проснуться* и обрести свою подлинную индивидуальность так притягивает многих людей к облику Ю. Н. Рериха. И доброжелательно встретит и поддержит в этом душевном движении каждого вновь подошедшего его любимая кузина – Л. С. Митусова, сохранившая светлую память о нём.

П. И. КРЫЛОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

Ю. Н. РЕРИХ И ИНСТИТУТ ТИБЕТОЛОГИИ В ГАНГТОКЕ (СИККИМ)[1]

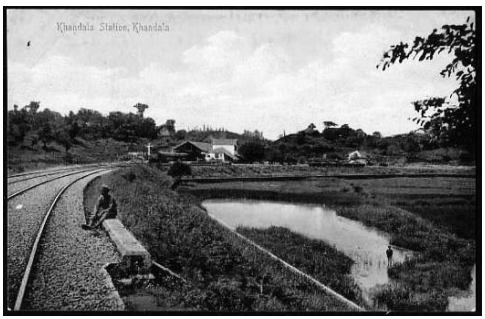
Гималайские путешествия Юрия Николаевича Рериха начались и закончились в Сиккиме – небольшом княжестве, а теперь самом маленьком штате Индии.

Вскоре после кончины Николая Константиновича Рериха 13 декабря 1947 г. Елена Ивановна и Юрий Николаевич решили уехать из Наггара в долине Кулу, где семья Рерихов прожила все последние годы. Главных причин было три. Во-первых, психологически трудно было оставаться в опустевшем поместье. Во-вторых, нельзя забывать, что 1947-й год был не только годом обретения Индией независимости, но и годом кровавого раздела бывшей «жемчужины британской короны» на Индию и Пакистан. Границы с Пакистаном и с преимущественно мусульманским штатом Кашмир проходили неподалёку, в долине Кулу было неспокойно. В-третьих, и Рерихи, и остальные члены маленькой русской колонии в Наггаре – доктор Антон Фёдорович Яловенко, сёстры Людмила и Ираида Богдановы – надеялись получить разрешение вернуться в СССР, а горный Наггар из-за капризов природы подолгу оставался отрезанным от «цивилизации», почта работала плохо, вести шли медленно.

Елена Ивановна сообщала в Америку: «17 января [1948 г. – *П. К.*] мы покидаем нашу прекрасную долину, наше место, столь любимое им. Едем в Дели и остановимся в Нью-Дели, в Манди Хауз, в доме наших друзей махараджи и махарани Манди. <…> Из-за войны в Кашмире опасность приблизилась к нашим местам. Все иностранцы и англичане уже выехали из долины. Настроение среди масс очень тревожное. <…> И сейчас, из-за страшного наводнения – поднятия Биаса свыше 33 футов, были снесены многие мосты и горные дороги. Несколько месяцев мы были отрезаны от остального Мира. Поедем и сейчас с большими трудностями…»[2].

Но в Дели было очень жарко, поэтому вскоре все (кроме Яловенко, оставшегося в Бомбее) переехали в небольшое горное местечко Кхандала [*ил. 1–2*].

«Сейчас мы ещё сидим в Кхандале, маленьком местечке в двух-трёх часах езды на автомобиле от Бомбея. <…> Привезли меня сюда из Дели почти полумёртвую.



Ил. 1–2. Кхандала. Открытки начала XX в.

Пришлось пригласить врача и сестру из Бомбея. Сестра очень помогла, ибо оказалась опытной и очень чуткой. Прожила со мною целый месяц и только на днях вернулась в Бомбей. <…> Все мысли летят в Новую Страну, но отъезд ещё точно не обозначился. Терпеливо ждём утверждённого срока», – это строки из письма Елены Рерих американским сотрудникам, написанного 8 июня 1948 г.[3]

Время шло, но никаких обнадёживающих сведений о возможности возвращения не поступало. Так прошёл весь 1948-й год. Пребывание в Кхандале затягивалось, надежды на возвращение в Россию, в «Новую Страну», таяли и к началу 1949 г., судя по всему, растаяли окончательно. В начале февраля Рерихи покинули это место и через Бомбей и Калькутту отправились в городок Калимпонг на границе с Сиккимом [*ил. 3* и *4*].

Ещё во время работы в Кхандале у Юрия Николаевича созрел план создания в Индии Института тибетологии. Приехав в Калимпонг, он активно взялся за дело и разработал подробный план:

«Принимая во внимание значительный интерес к изучению индийских культурных связей с соседними странами и важность этого предмета, предлагается основать в Калимпонге Исследовательский институт со следующими направлениями деятельности:

1. Организация и поддержка Индо-Тибетского исследовательского института, который будет служить развитию научных исследований в индо-тибетской области через изучение, исследование, дискуссии, лекции и обмен научной информацией с другими научными учреждениями в Индии и за границей, занятыми аналогичными исследованиями.

2. Исследование индийского и тибетского буддизма и культуры.

3. Критическое издание санскритских и тибетских текстов.

4. Перевод тибетских и санскритских буддийских текстов на иностранные языки.

5. Публикация серии монографий под общим названием «Tibetica».

6. Публикация полугодового журнала, в котором будут размещаться оригинальные статьи сотрудников института и других учёных, а также книжный обзор текущих публикаций в индо-тибетской области и хроника событий в буддийском мире.

7. Основание исследовательской библиотеки и Музея.

8. Обучение студентов-исследователей тибетскому и санскритскому языкам и знаниям в смежных областях»[4].

По письмам Юрия Николаевича становится ясно, каким трудным и долгим оказалось претворение этого плана в жизнь.

Поначалу он колебался, какому из городов – Калимпонгу или столице Сиккима Гангтоку отдать предпочтение при устройстве института, делать ли его самостоятельным или филиалом (например, университета «Вишвабхарати», созданного Р. Тагором), и решал другие организационные вопросы. Но в целом Юрий Николаевич был полон оптимизма, о чём свидетельствуют его письма брату Святославу.

«У меня была долгая и интересная беседа с моим старым другом Сунити Кумаром[5]. Он согласился войти в институтский совет. Он также думает, что Калимпонг

Ил. 3. «Гималайский отель» в Калимпонге, куда в конце февраля 1949 г. переехали Е. И. и Ю. Н. Рерихи. Современное фото

предпочтительней» (20 февраля 1949). «Институт: Люди в Гангтоке, кажется, серьёзно заинтересовались, а Министр внутренних дел попросил меня приехать. Вскоре поеду получать письменное разрешение)» (25 февраля 1949). «Я ездил на три дня в Гангток по поводу института. Им очень хочется, чтобы он был там, и махараджа Кумар, который сейчас осуществляет контроль за делами в штате, обещал свою помощь. Они согласны выделить здание для Института и ежегодный грант <…>. Гангток хотят сделать культурным центром <…>. Итак, с Божьей помощью мы скоро будем создавать Институт» (5 марта 1949)[6].

Но такое, казалось бы, благоприятное развитие событий продолжалось недолго. Ещё летом Юрий Николаевич надеялся: «Вероятно, к осени выясним, как быть с институтом», обсуждал вопросы его финансирования. Но в октябре 1949-го вынужден был констатировать: «С Институтом тишина»[7].

Святослав Николаевич старался, чем мог, помочь брату. По делам Индийского комитета Пакта Рериха он встречался со многими учёными и общественными деятелями. Он рассказывал им о планах брата по созданию института. В своих письмах матери и брату он постоянно обращался к этому вопросу.

«В Дели я говорил по поводу института с Dr. Tarachand, Dr. Kalbir, Kirpal и Dr. Chakravarti. Dr. Chakravarti был особенно заинтересован и сказал, что он обсудит с External Affair Department и попросит их рекомендовать Educational Department». «Когда мы были в Бомбее, приезжал Батнагар[8] и говорил, что Буддийский институт непременно состоится, но они думают, что лучше как часть Vishvabharati в Калимпонге, ибо Правительство боится, что соседи за перевалом могут подумать, что это новая организация для возможных происков, но как часть уже основанного университета подозрений быть не может». «Слышал от Батнагара, что для Юшино-

Ил. 4. Поместье Крукети в Калимпонге, где с начала марта 1949 г. поселились Е. И. и Ю. Н. Рерихи. Современное фото

го института все формальности закончены. <…> Как мне сказали точно, что институт уже закончен и сейчас “file” [представлен на рассмотрение. – *П. К.*] с финансовым министром для санкций денег. Так что теперь всё пришло в конечную стадию. Поздравляю Юшу со скорым начинанием Института»[9].

Казалось, цель совсем близка… Но время шло, а институт так и оставался на бумаге. «Я всегда полагал, что единственная возможность начать Институт – это сказать: “Я его начал. Он там, где я”. И Юша может совсем легко это сделать. Записать себе колоборантов [сотрудников. – *П. К.*] и, отпечатав бумагу для видимости, продолжать свою работу. На уже установленное начинание можно искать средства и привлекать людей. Сперва иметь средства и потом начинать, это как-то редко бывает. Все начинания начинались из утверждения уже состоявшегося факта, и как снежный шар, катясь, растет всё больше и больше, так и все начинания. Юша должен сказать: “L’état c’est Moi” [“Государство – это я”. – *П. К.*]»[10].

В 1950 г. китайские войска вошли в Тибет. Надо многими памятниками тибетской культуры нависла угроза уничтожения. Это не могло не волновать «индийских тибетцев» – жителей тех районов Индии, в которых тибетский буддизм был основной религией, таких как Ладакх и Сикким. Возникла идея создания на территории Сиккима книгохранилища, своего рода убежища для буддийских священных текстов из Тибета.

Со своей стороны, Юрий Николаевич, как и его брат, пытался довести план создания института до первых лиц страны и её ведущих учёных. Пользуясь давней дружбой своей семьи с премьер-министром Индии пандитом Джавахарлалом Неру,

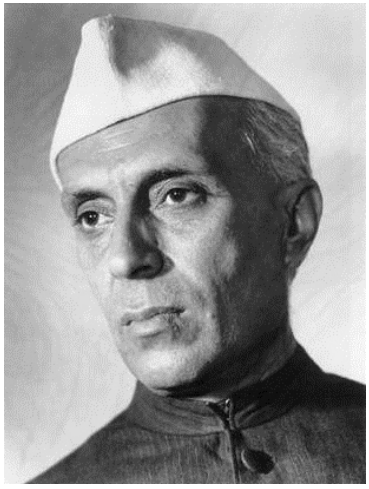
он обратился к нему за помощью: «Во время визита премьер-министра в Калимпонг 29 апреля я имел возможность побеседовать с ним о нашем проекте Индо-Тибетского института. Реакция премьер-министра была достаточно благоприятной, и он попросил меня выслать ему план проекта. Поэтому вместе с М. Ч. Прадханом[11] я исправлю наш план, разработанный в 1950 г., и направлю его премьер-министру», – сообщал он 3 мая 1952 г.[12]

В декабре следующего, 1953-го года Ю. Н. Рерих сам отправился в Дели, откуда регулярно писал матери в Калимпонг: «Надеюсь ещё повидать пандита, но он очень занят приездом вица, а сегодня ещё рождение Президента. Бхатнагар обещал с Институтом. Также пришёл к выводу, что лучше иметь автономное учреждение, на чём настаивает Neogy, который как всегда сердечно относится. Обещали в январе двинуть дело»; «Сегодня продолжал беседу об Институте. Завтра ещё увижу Бхатнагара»[13].

Ил. 5. Далай-лама XIV (Нгагванг Ловзанг Тэнцзин Гьямцхо; род. 6 июля 1935)

В 1955 г. ушла из жизни Елена Ивановна, так и не дождавшись воплощения мечты своего старшего сына – создания «Буддийского центра», как она его называла.

О дальнейшем развитии событий вокруг института в своих письмах Юрий Николаевич не упоминал. Но… Прошло ещё три с небольшим года после последнего письма, и – о чудо! – 10 февраля 1957 г. Далай-лама XIV [*ил. 5*] заложил первый камень в основание Института тибетологии в Гангтоке. А 1 октября 1958 г. Джавахарлал Неру [*ил. 6*] выступил с речью на открытии этого института.



Ил. 6. Джавахарлал Неру (14 ноября 1889 — 27 мая 1964)

Как и почему Далай-лама оказался в тот день в Гангтоке? Об этом он сам рассказал в своей автобиографии[14]. Весной 1956 г. Лхасу посетил его хороший знакомый Махарадж Кумар, наследный принц Сиккима. Принц привёз с собой письмо от индийского Общества Махабодхи. Это Общество пригласило Далай-ламу принять участие в праздновании «Будда Джаянти» – 2500-й годовщины со дня рождения Будды. Подробности этого путешествия (включая его трудное «согласование» с китайскими властями) описаны в «Автобиографии», и я на них останавливаться не буду. Поездка по Индии произвела на молодого Далай-ламу, до этого за пределами Тибета не бывавшего, огромное впечатление. А добирались до Индии он и все сопровож-

Ил. 7. Институт тибетологии имени Таши Намгьяла (Namgyal Institute of Tibetology). Гангток. Современное фото

давшие его люди через Сикким. Когда они возвращались, перевал на пути из Сиккима в Тибет оказался завален снегом, и месяц с лишним, до второй половины марта, Далай-лама и его спутники стали вынужденными (хотя и желанными) гостями правителя (чогьяла) Сиккима Таши Намгьяла в Гангтоке. Тогда-то Далай-лама и стал «почётным основателем» Института тибетологии.

Мог ли присутствовать на церемонии закладки здания института 10 февраля 1957 г. Юрий Николаевич Рерих? Мог, он в это время никуда не уезжал, жил в Калимпонге, известно его письмо оттуда, отправленное 12 февраля 1957 г.[15] В Москву он переехал, как известно, только в августе. Более того, мне кажется, что он просто должен был присутствовать на церемонии основания своего детища, если, конечно, его известили об этом событии.

Я впервые приехал в Сикким в апреле 2008 г. Добравшись до Гангтока, я сразу отправился в Институт тибетологии [*ил. 7*]. До этого, ещё перед отъездом, я написал его директору электронное письмо. В нём я спрашивал, нельзя ли познакомиться с архивами института, документами, связанными с периодом его основания? Нет ли у них фотографий этого события? Конечно, я объяснил, что меня, главным образом, интересует участие в этих событиях Ю. Н. Рериха. Ответа на письмо я не получил.

Визит в институт не просто разочаровал – он меня сильно расстроил. Директор института, господин Таши Денсапа, принял меня очень любезно. Он сразу извинился, что не ответил на письмо, объяснив это тем, что ему «совершенно нечего сказать по этому поводу». Но он был абсолютно уверен: никакие иностранцы не имели ни малейшего отношения к созданию института. Мол, это целиком и полностью, от идеи до воплощения, дело тогдашнего князя (чогьяла) Сиккима сэра Таши Намгьяла, чьё

имя теперь и носит институт. И что задача института была не в изучении чего-то там, а в спасении буддийских книг из оккупированного Тибета.

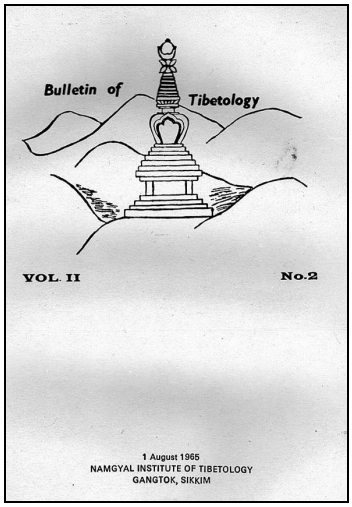
Я пытался переводить ему приведённые выше выдержки из писем Ю. Н. Рериха, но он был неумолим: «нет-нет, это речь о каком-то другом институте». О каком – другом?! Институт-то один…

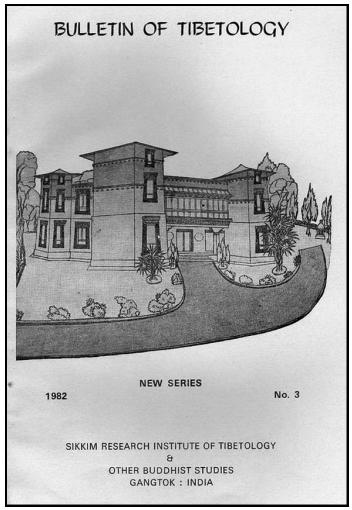
На мой вопрос об архивах он объяснил, что, получив большой американский грант, они построили новое здание, где теперь будут находиться архив и библиотека. А пока всё это упаковано в ящики в ожидании переезда. На вопрос про фотографии церемонии закладки института он ответил уклончиво – мол, вроде бы в городе есть человек, у которого такая фотография сохранилась, но как с ним связаться, он не знает.

Я спросил, можно ли поговорить с библиотекарем, и через несколько минут тот появился в директорском кабинете. Заведующий библиотекой оказался очень приятным сиккимцем средних лет, который подтвердил, что все книги в данный момент в ящиках, но что он может переписать мне файл – каталог с их описанием. Тем и закончилось моё пребывание в кабинете директора, к сожалению, мало что давшее.

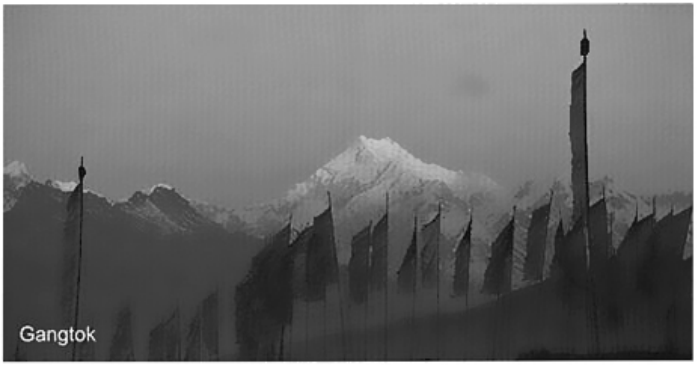
Сам институт произвёл на меня впечатление достаточно процветающего учреждения. Его исследования охватывают широкий круг вопросов, касающихся религии, истории, языков и искусства народов «тибетской культурной зоны». Институт по праву гордится огромным собранием тибетских текстов. С 1964 г. он регулярно издаёт «Бюллетень тибетологии» [*ил. 8–9*]. Проводится большая работа по оцифровке тибетских текстов. Там работает целый ряд иностранных учёных, открыт музей, привлекающий большое количество туристов. На мой вопрос, готов ли институт принять российских учёных, господин Таши Денсапа приветливо покачал головой: «Да, да, конечно».

Из каталога библиотеки стало ясно, что все основные книги Юрия Рериха в библиотеке есть. Это и «Тибетская живопись», и «Синяя летопись», и «Биография дхармасвамина», учебник разговорного тибетского языка и другие. Есть там и две книги его отца – «Алтай – Гималаи» и «Гималаи – обитель света». Мне, конечно, очень хотелось на них взглянуть – автографы, надписи могли бы добавить интересные подробности к вопросу об участии Ю. Н. Рериха в создании институтской библиотеки, но увы…





Ил. 8–9. Бюллетень тибетологии, издаваемый в Гангтоке



Ил. 10–12. Виды Канченджанги из трёх разных мест Сиккима: Сандакпху, Гангтока и Пеллинга

Уже потом, дома, мне пришла в голову мысль, что остаётся один живой свидетель закладки здания Института тибетологии в Гангтоке – Далай-лама. Поколебавшись, я написал ему письмо. Его секретарь сразу ответил – мол, письмо получено, Его Святейшество постарается вскоре на него ответить. Увы, прошло больше двух лет, а ответа я так и не получил…

И о том, что институт открылся (напомню, что это произошло 1 октября 1958 г., когда Юрий Николаевич уже был в Москве), Рериху не сообщили. Через год, 8 октября 1959 г. он спрашивал в письме своего коллегу-востоковеда и друга Рахулу Санкритьяяну[16]: «Обязательно напишите мне о тибетских исследованиях в Индии. Открылся ли институт в Гангтоке?»[17].

Чтобы не заканчивать на грустной ноте, следует заметить, что не все индийские тибетологи согласились бы с господином Таши Денсапой. Профессор Рам Рахул в своё время заведовал кафедрой центральноазиатских исследований Университета имени Джавахарлала Неру в Дели, а также Институтом тибетологии в Гангтоке. Он вспоминал: «Этот институт в значительной степени обязан своим существованием Ю. Н. Рериху, его смело можно назвать детищем моего друга Джорджа»[18].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Опубликовано (в др. ред.): Культура и время. – М.: МЦР, 2012. – № 3 (45). – С. 26–31.
[2] *Рерих Е. И.* Письма в Америку: В 4 т. – М.: Сфера, 1996. – Т. III (1948–1955). – С. 5–9.
[3] *Там же.* – С. 32–37.
[4] *Рерих Ю. Н.* Письма. – М.: МЦР, 2002. – Т. II (1936–1960). – С. 289–290.
[5] **Чаттерджи Сунити Кумар** (1890—1977) – выдающийся индийский филолог-востоковед и общественный деятель. Ю. Н. Рерих познакомился с ним ещё в 1919 г. во время учёбы в Лондоне.
[6] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 206–209.
[7] *Там же.* – С. 215–217.
[8] **Бхатнагар (Батнагар) Шанти Сваруп** (1994—1955) – выдающийся индийский учёный-химик, генеральный директор Совета по научным и промышленным исследованиям. Создатель большого числа научно-исследовательских организаций в стране, первый председатель Комиссии по финансированию университетов. Член Индийского комитета Пакта Рериха. В наши дни его имя носит одна из самых престижных научных наград Индии.
[9] *Рерих С. Н.* Письма. – М.: МЦР, 2004. – Т. I. – С. 379, 416 (письма от 22 апреля 1950 г. и 23 июля 1952 г.). – Т. II. – С. 5–6 (письмо от 23 марта 1953 г.).
[10] *Там же.* – Т. II. – С. 27–28 (письмо от 4 декабря 1953 г.).
[11] **Прадхан Моти Чанд** – глава Магистрата Гангтока, верховный судья Сиккимского правительства, президент Калимпонгского отделения Ассоциации индо-китайско-тибетских исследований.
[12] *Рерих Ю. Н.* Письма. – М.: МЦР, 2002. – Т. II (1936–1960). – С. 226.
[13] *Там же.* – С. 245.
[14] *Тензин Гьяцо [Нгагванг Ловзанг Тэнцзин Гьямцхо]*. Свобода в изгнании. Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. – СПб.: Нартанг, 1992. – С. 123.
[15] *Рерих Ю. Н.* Письма. – М.: МЦР, 2002. – Т. II (1936–1960). – С. 307.
[16] **Рахул Санкритьяяна** (псевдоним **Кедарнатха Панде**; 1893—1963) – выдающийся индийский учёный, санскритолог и тибетолог, историк, писатель и общественный деятель.
[17] *Митрохин Л. В.* К вершинам мировой буддологии: Махапандит Р. Санкритьяяна и Ю. Рерих // Ариаварта. – СПб., 1998. – Т. II. – С. 144–156.
[18] Профессор Рам Рахул: «Величайший среди тибетологов» // Рериховский вестник. – СПб.; Изварa, 1992. – Вып. 5. – С. 67–69.

П. Н. ШУМКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ТИБЕТСКИЙ УЧЁНЫЙ ГЕДУН ЧОЙПХЕЛ И Ю. Н. РЕРИХ

Знакомясь с русским изданием известного трактата «Синяя летопись», я заинтересовалась личностью тибетского учёного, на которого часто ссылался Ю. Н. Рерих [*ил.* 4] при переводе данного труда. Его звали **Гедун Чойпхел** [*ил. 1*, *2, 5, 12, 13*]**.** Существуют разные варианты написания его имени: Гендун Чопел, Гэндун Чойпэл, сам Юрий Николаевич в тибетской транскрипции записывает как *dGe-'dun Chos-'phel* – Гэндун Чойпэл. Во введении он благодарит учёного: «Мне было особенно приятно обсудить весь перевод с Достопочтенным Гэндуном Чойпэлом, известным тибетским учёным, и я выражаю здесь искреннюю признательность за его полезные указания»[1]. Благодаря постоянным ссылкам на «устные сообщения Достопочтенного Г. Ч.» в различных главах «Синий летописи» уточнены история происхождения некоторых трактатов, местонахождение многих рукописей и ксилографов, история и состояние некоторых буддийских памятников и монастырских святынь.

Ил. 1. Гедун Чойпхел. 1920-е

В своём сообщении мне хотелось бы привести некоторые сведения об этой уникальной личности. Ю. Н. Рерих в письме доктору Рагху Вире от 19 сентября 1955 г. сообщает: «В настоящем контексте “Amarakosa” и “Panini”, так же как и работы по медицине, будут высоко оценены. Вы, вероятно, могли бы взять с собой маленькую книжечку, опубликованную Обществом “Махаводхи” в Индии. Её можно приобрести в “Maha Bodhi Book Agency”, 4-A, Bankim Chatterjee, Калькутта, 12, перевод на тибетский “Дхаммапады”[2] был сделан kalyana-mitra Гедуном Чжойпалом (Санга-вардханом). Автор был моим другом и учеником санскрита – последним тибетским lo-tsa-ba[3]. К сожалению, он недавно умер. Как Вы знаете, у меня есть класс санскрита для тибетских и монгольских лам, и в этой связи я интересуюсь книгами санскрита для начинающих» («Крукети», Калимпонг)[4].

Здесь очень интересно обратить внимание на то, что Гедун Чойпхел был его учеником санскрита, другом и кальянамитрой.

Kalyāṇa mitra в переводе с санскрита означает духовную дружбу или благородный друг. Но как отметил дзен-буддийский наставник Венди Егйоку Накао, это нечто гораздо большее, чем просто дружба, скорее символизирует человека или даже предмет, который становится нашим проводником, учителем и служит, чтобы вдохновить нас на нашем пути к пробуждению[5]. Как считает А. В. Парибок, кальяна-митра – это старший товарищ-наставник в махаяне, поскольку гуру бывает

только в ваджраяне. Записанное же Ю. Н. Рерихом в скобках имя Санга-вардхан – это перевод на санскрит тибетского имени или восстановленное с тибетского санскритское имя.

Таким образом, это упоминание заставляет задуматься о прекрасной концепции дружбы в буддийской традиции. Кальянамитрой является тот, кто способен наделять духовным руководством, так как сам прошёл через этот процесс. Он понимает проблемы ученика и то, как ученик приходит к ним. Он понимает, какое руководство ему требуется и как дать его.

Гедун Чойпхел родился в апреле или мае 1903 г. (по другим данным в 1902 или 1905 г.) в деревне Шопанг округа Ребконг, который входит в состав Амдо, северо-восточной провинции Тибета. При рождении ему дали имя Ригдзин Намгьял. Его отец принадлежал к Ньингма, одной из четырёх основных школ тибетского буддизма. Он обучил сына чтению, письму, правописанию, грамматике, стихосложению и множеству ньингмапинских ритуалов. Когда мальчику было семь лет, отец умер, а дядя обманом лишил семью имущества. Мальчика признали перерождением ньингмапинского ламы и дали ему имя Алаг Дица. В Амдо словом алаг называют тулку – перерождение особого существа, а Дица – название монастыря, где в прошлой жизни жил тот лама.

Ил. 2. Гедун Чойпхел. 1930-е

В 13 лет он обнаружил блестящие способности, создав две сложные поэтические конструкции: они образовывали прямоугольник, и читались во многих направлениях. Его приняли в монастырь Реконг и дали ему имя Гедун Чойпхел.

Около двух лет он провёл в монастырском университете Кубум Чампалинг в окрестностях Синина, где изучал основы логики и эпистемологии в традиции Гелугпа, с использованием учёных диспутов. Он прославился талантом вести диспуты и во время главного испытания не оставил камня на камне от учебников, по которым учились в его же школе, от чего учёные мужи Чампалинга утратили дар речи.

В 1921 г. Гедун Чойпхел отправился в крупный монастырский университет Лабранг (на самом востоке Амдо) школы Гелугпа, чтобы получить полное монашеское образование. В монастыре он ещё больше прославился своими способностями вести диспуты и бунтарским духом, а также тем, что делал механические игрушки, источником деталей для которых ему служили часовые механизмы. Он смог построить механическую лодку, на которой можно было переплывать озеро близ монастыря (некоторые идеи для постройки лодки ему подсказал американский миссионер отец Гребеноу, который несколько лет прожил в городке на окраине монастыря).

В 1927 г. он перебрался в школу Гоманг при прославленном монастырском университете Дрепунг, располагавшемся на окраине Лхасы. В Тибете Дрепунг счи-

тается оплотом интеллектуальной мысли. В Гоманге он стал учеником сподвижника Далай-ламы XIII, влиятельного учёного Шераба Гьяцо, который после победы коммунистов стал председателем Всекитайской ассоциации буддистов и вице-президентом провинции Цинхай. Гедун Чойпхел часто оспаривал учения Шераба Гьяцо. Скоро Гедун Чойпхел, которого учитель называл не иначе как «сумасброд», перестал посещать занятия.

Гедун Чойпхел любил вызывать на диспут других учёных. Однажды он явился во двор, где проходил диспут, нарядившись неграмотным монахом-охранником, и вызвал на диспут учёного Нагванг Легдэна, который впоследствии стал настоятелем Гоманга, и одержал над ним победу. В другой раз Гедун Чойпхел в диспуте с одним из ведущих учёных школы Лосселинг, тоже принадлежавшей к монастырю Дрепунг, занял столь неожиданную позицию, что его противник утратил дар речи.

Ил. 3. Р. Санкритьяяна 1930-е

Он ушёл из школы незадолго до экзаменов, дававших право на степень геше, выказав нежелание занять высокий пост и тем самым сделать уступку тщеславию, и поселился в одном из районов Лхасы. Поначалу он зарабатывал на жизнь рисованием – талант, который он развил, обучаясь в монастыре. Он сделал себе имя как автор портретов, выполненных в духе реализма. Большинство его работ было утрачено в годы китайской оккупации и культурной революции.

В 1934 г. он познакомился с индийским учёным, историком, путешественником, писателем, общественным деятелем **Рахулой Санкритьяяной** (1893—1963) [*ил. 3*], который возвращался из своего второго путешествия в Тибет. Гедун Чойпхел заметил в своих воспоминаниях: «Будучи в Лхасе, я встретил индийского пандита, говорившего по-тибетски, как шестилетний мальчик»[6]. Дело в том, что учителем Рахула Санкритьяяны на пути в Тибет был маленький тибетский мальчик Тензин, который не говорил ни на каком другом языке.

На своей родине Рахул Санкритьяяна был активистом борьбы против британского колониального господства. В Тибете он возглавлял исследовательскую экспедицию, занимался поисками тибетских переводов буддийских манускриптов, оригиналы которых были утеряны в Индии. Пять столетий Тибет впитывал практически всю доступную буддийскую литературу из Индии и тщательно переводил её с санскрита на тибетский. Рукописные копии хранились во всех главных монастырях. Во время исламского завоевания большая часть санскритских оригиналов в Индии была уничтожена, но копии, привезённые в Тибет для перевода, всё ещё лежали, спрятанные в тайных местах. Учёный предполагал сделать исследования в области истории частью своей политической борьбы, найти в анналах истории ключ к пониманию настоящего: «Если из более чем четырёх тысяч утраченных буддийских рукописей на санскрите и найдётся несколько, то оказаться они могут

только в Тибете. Поэтому мы представляем себе, как велика была роль тибетских монастырей в сохранении нашего наследия. В определённую эпоху наши пандиты и тибетские лоцавы веками переводили сочинения с санскрита, пракрита (гибридного санскрита) или апабхрамша (искажённого санскрита) на тибетский язык. Наступает время, когда они должны быть восстановлены на санскрите или на хинди, только тогда наше понимание своего наследия будет полным»[7].

Гедун Чойпхел не мог не восхищаться Рахулом Санкритьяяной. Об этом великом учёном немало написано, в том числе и в связи с его сотрудничеством и дружбой с семьёй Рерихов. О нём писали такие известные учёные, как Л. В. Митрохин и Барбара Герке. Собранные ими сведения опубликованы во втором томе журнала «Ариаварта» (1998). Там же, а также в юбилейном издании писем Ю. Н. Рериха (2002), изданы письма последнего Рахулу Санкритьяяне.

Ил. 4. Ю. Н. Рерих. 1929

Изучая все эти материалы, удалось выяснить, что знакомство Ю. Н. Рериха и Гедуна Чойпхела состоялось летом 1937 г. в Патне. Именно здесь располагалось Научно-исследовательское общество штата Бихар, куда после завершения экспедиции с Рахулом Санкритьяяной поступил на работу Гедун Чойпхел.

В очерке Н. К. Рериха «Урусвати» (1938) среди тех, кто поддержал рериховский институт в Наггаре, упоминается Рахул Санкритьяяна: «Среди членов и сотрудников Института закрепились имена: доктор К. К. Лозина-Лозинский, полковник А. Е. Махон, доктор Г. Лукин, лама Лобзанг Мингюр Дордже, **Махапандит Рахула Санкритиаяна**, **лама Чомпел** [выделено мной. – *П. Ш.*], ботаник Султан Ахмед, покойный профессор Кашиап, покойный знаменитый биолог Индии Джагадис Чандра Боше, лама Лобзанг Цондю, лама Дава Тензинг, член Нанкинской академии доктор Кенг, профессор Е. Д. Меррил, много-много ценных сотрудников»[8]. Здесь же мы встречаем и «ламу Чомпела», очевидно, это и есть Гедун Чойпхел.

Чтобы понять, какую неоценимую пользу могли принести институту «Урусвати» Гедун Чойпхел и Рахул Санкритьяяна, вернёмся к их совместным путешествиям по Тибету. В 1934 г. Рахул-джи[9] в монастыре Сакья нашёл подлинный текст X в. на санскрите. Сакья стал основным центром его посещений в этом и в двух других следующих путешествиях 1936 и 1938 гг. Совместно с Гедуном Чойпхелом была обнаружена полная рукопись «Праманавартика-бхашья», комментарий к первой главе «Праманавартики» и полное издание «Йогачарабхуми» Асанги.

«Праманавартики» Дхармакирти – это один из самых важных буддийских текстов по логике. Спустя годы Рахул-джи писал: «…Дхармакирти – это величайший логик Индии, соединивший в себе практический ум Аристотеля, острое суждение Канта и диалектический ум Гегеля. Он написал семь книг, все по логике, только пять из них сейчас доступны на санскрите»[10].

Так или иначе, Рахул Санкритьяяна, наконец, нашёл то, ради чего он вместе с Гедуном Чойпхелом обошёл многие тибетские монастыри. На родину он вернулся вместе со своим другом. Гедун Чойпхел вспоминал:

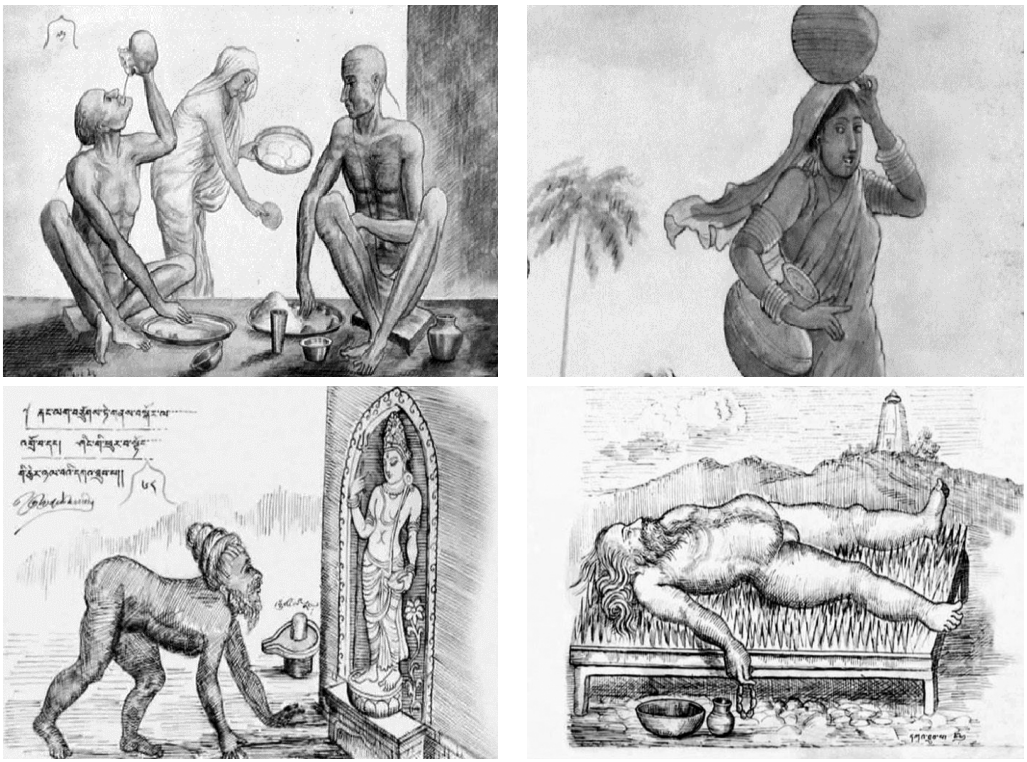
«По пути в Индию меня довольно часто одолевало чувство глубокой печали, хотя для этого не было особых причин. Рахул заботился обо мне, как только мог, и вскоре наше путешествие продолжилось по индийской железной дороге. И вот в год деревянной собаки в возрасте 32 лет я впервые испил воду священной реки Ганги»[11].

В Индии в это время широкий размах приобретает борьба против британской колонизации, и включившийся в эту политическую борьбу Рахул-джи скоро попадает под арест как активист движения за независимость. А Гедун Чойпхел в течение десяти лет путешествует по Индии.

Узнав об этом, Ю. Н. Рерих пригласил его в Кулу. По просьбе директора Гималайского исследовательского института «Урусвати» Гедун Чойпхел перевёл на английский язык очень сложное для понимания сочинение Дхармакирти «Комментарий к сочинению Дигнаги “Об источниках познания”». Во время пребывания в Наггаре он также помогал Юрию Николаевичу переводить «Синюю летопись» и другие важные труды по истории Тибета и буддийскому учению.

Продолжая вместе с Голок Джигме своё путешествие по Индии, он подробно описывал всё, что видел, до мелочей. Помимо путевых заметок он делал зарисовки акварелью и много рисовал [*ил. 6–9*]. Позже оформил подборку собственных эскизов в виде иллюстрированного путеводителя по Индии для странствующих паломников. Этим путеводителем продолжают пользоваться поныне. В Калькутте большую часть времени он провёл в Национальной библиотеке, где изучал новейшую историю и особенно те разделы, которые имеют отношение к его родной стране.

Ил. 5. Гедун Чойпхел (в центре) с индийскими друзьями. Вторая половина 1930-х



Ил. 6–9. Рисунки Гедуна Чойпхела, выполненные во время странствий по Индии. 1930–1940-е

В Тибете тогда ещё не было газет и журналов, и он в Индии опубликовал свои первые газетные статьи на исторические темы. Занимался переводами. Будучи очевидцем индийского национально-освободительного движения, постепенно сформировал свою собственную гражданскую позицию. Тон его статей с годами становился более резким, радикальным. Его критике подверглись и индийская кастовая система, и британский колониализм.

Осенью 1945 г. он вернулся в Тибет через Калимпонг. В его багаже было огромное количество различных записей и набросков для написания политической истории Тибета, о которой он однажды высказался так:

«В древние времена ни для кого не было секретом, что многовековая история Тибета богата самыми разнообразными событиями, однако впоследствии мы предпочли проигнорировать изложенные в документах факты в угоду удивительным сказаниям, вроде легенд о чудесных храмах, что были возведены за один день. В результате наша история обрела некий ореол святости и сама стала мифом».

В Калимпонге Гедун Чойпхел познакомился с группой молодых тибетских повстанцев и националистов, создавших Тибетскую революционную армию, целью которой являлось свержение консервативного режима в Лхасе. Он придумал для

Ил. 10. Гедун Чойпхел
Эмблема тибетских
повстанцев. 1945

этой группы эмблему [*ил. 10*], проявляя сочувствие целям и задачам новой партии. Но его участие в этом деле определялось скорее рациональным подходом и желанием добиться проведения социальных реформ, нежели стремлением к политической власти или личным недовольством правительства Лхасы. И активисты революционной партии в действительности никогда не представляли реальной политической силы. Зато довольно быстро группа мятежников попала в поле зрения британской тайной полиции. И эмблема с изображением серпа и меча была сама по себе уже достаточным основанием для подозрения в «красной угрозе». Агенты направили в британскую миссию в Лхасе подробный доклад.

Возвращаясь в Лхасу, Гедун Чойпхел ничего не знал об этом донесении. Летом 1946 г. он прибыл в столицу Тибета. И немедленно приступил к работе по написанию истории этой страны. Проявляя поистине дар ясновидца, он подвёл итоги Тибета, упоминая о масштабах былого политического влияния и тибетской культурной самобытности. Тысячу лет назад считалось, что в Центральной Азии нет более влиятельного государства, и даже Великая Китайская империя не смогла противостоять могуществу тибетских войск.

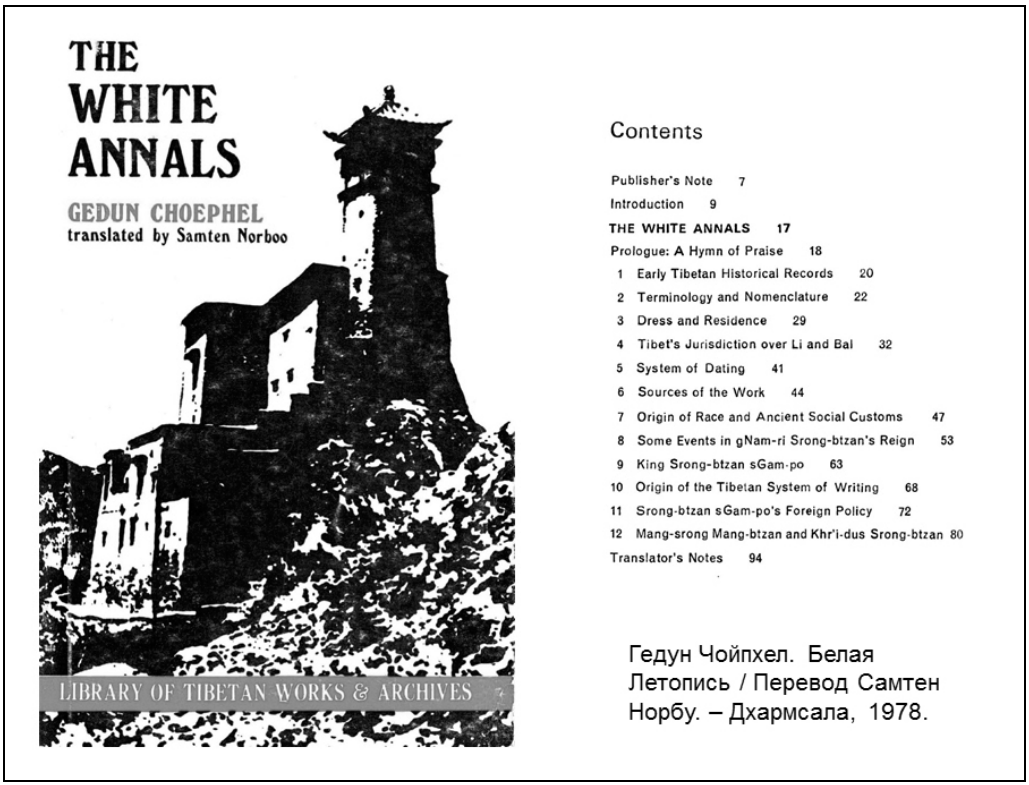
Едва Гедун Чойпхел начал работу, его посадили в тюрьму. Осенью 1947 г. Тибетское правительство обвинило его в том, что он коммунист. Кто-то пустил слух, что он русский шпион. Более чем вероятно, что негласной причиной ареста стало его участие в разработке Тибетской конституции, предусматривавшей введение парламентских институтов, а также открытое ниспровержение закоснелых ламаистских институтов.

Сам Гедун Чойпхел впоследствии объяснял, что это Британское правительство задумало арестовать его как коммуниста из-за исторических изысканий, подтверждавших, что Тибет был независимым государством, границы которого заходили на территорию Индии и Китая. Британия же признавала сюзеренитет Китая над Тибетом и желала сохранить границы своей империи в неприкосновенности.

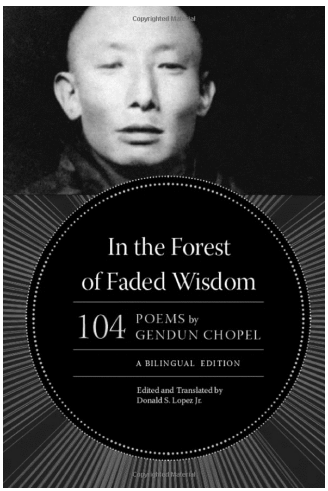
Обнаруженные у него сочинения не давали повода для обвинения, но его подвергли допросу и побоям и в отсутствии веских доказательств посадили в тюрьму. Читаем в его воспоминаниях:

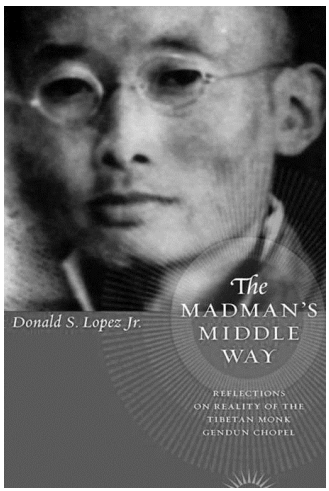
«Год огненной собаки, 30-й день 11-го месяца. Здесь, в тюрьме нет никого, кто бы мог меня защитить. Во время допросов я объяснил министрам, что моя книга по истории является лучшим доказательством отсутствия каких-либо коварных замыслов против Тибета. Насколько преступным было моё преступление нужно предоставить решать более здравомыслящим людям других поколений».

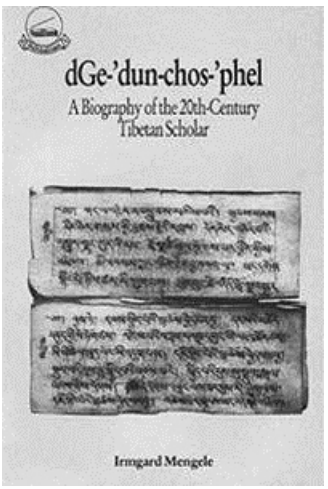
Вскоре Рахул Санкритьяяна и Юрий Николаевич Рерих узнали о злоключениях друга. В 1949 г. они встретились тибетским генералом во время его посещения Индии, настоятельно прося его поручить Гедуну Чойпхелу написать историю Тибета[12].



Гедун Чойпхел. Белая Летопись / Перевод Самтен Норбу. – Дхармсала, 1978.







Ил. 11–14. Современные издания трудов Гедуна Чойпхела и посвящённых ему исследований

Ил. 14. Страница одного из трактатов Гедуна Чойпхела

При этом они отмечали, что при более гуманном обращении он принесёт Тибету немалую пользу. Дружеские связи Гедуна Чойпхела с Китаем, по их словам, могли быть выгодно использованы тибетскими властями во время неизбежного вторжения в Тибет коммунистического Китая.

Просидев за решёткой два года и четыре месяца, в том же году Гедун Чойпхел вышел из тюрьмы – нечёсаный, отощавший, одетый в дурно пахнущие лохмотья. Ему было 46 лет, когда его освободили. Он сообщал своему другу:

«Несвобода принесла мне много страданий. Меня мало заботят мои нынешние мучения, но мне тяжко думать, о том, что такое возможно в будущей жизни».

После выхода на свободу ему вернули часть рукописных трудов. Тибетское правительство предложило продолжить работу. Но Гедун Чойпхел ответил категорическим отказом.

В 1949 г. после коммунистического переворота в Китае и победы Коммунистической партии Китая над Гоминьданом в гражданской войне новое правительство Мао Цзэдуна возвестило об «освобождении» Тибета. В октябре 1950 г. китайские войска вошли в Восточный Тибет и, сокрушив плохо оснащённую Тибетскую армию, взяли его под контроль. Сбылось предсказание Гедуна Чойпхела, очень похожее на аналогичное предсказание Н. К. Рериха о том, что буддизм уйдёт из Тибета на Запад, если «Посольство Западных Буддистов» не будет допущено в Лхасу для прямых переговоров с Далай-ламой III[13]. В 1927–1928 гг. Центральноазиатскую экспедицию Н. К. Рериха не пустили в Лхасу англичане и тибетские бюрократы. Новый Далай-лама XIV, официально принявший политическую власть в Тибете 17 ноября 1950 г., в 1959 г. был вынужден бежать в Индию, где его «правительству в изгнании» было предоставлено прибежище.

В середине октября 1951 г. в возрасте 49 лет Гедуна Чойпхела не стало. Он знал пали и санскрит, перевёл с санскрита на тибетский главу Бхагавадгиты (в соавторстве со Свами Прабхандананадой), длинный отрывок из Вед и части Уданаварги. Также он перевёл с пали на тибетский всю Дхаммападу, с санскрита на английский – главу о мудрости из Бодхичарьяватары Шантидэвы, а ещё по просьбе Тибетского правительства перевёл на тибетский английские военные команды. Он писал на тибетском языке философские тексты, в которых излагал воззрение школы Читтаматра, сложные вопросы логики и философию небуддийского толка. Ещё он составил четыре трактата по медицине, а также распространённые описания своих путешествий и путеводители. Он был талантливым художником, незаурядным мыслителем своего времени, настоящим патриотом Тибета и незаменимым кальянамитрой Ю. Н. Рериха.

Незадолго до своей кончины он сказал своему другу:

«Не смерти я боюсь, я сожалею, что жизнь моя прошла напрасно, все мои знания будут преданы забвению».

Но в этом тибетский учёный ошибся. Он не дожил до того времени, когда начали издаваться его труды, посвящённые Тибету. После смерти Гедуна Чойпхела его молодые коллеги добились выпуска его политической истории, последний его рукописный труд, который был тогда опубликован. После этого наступила долгая пауза, длившаяся несколько десятилетий. С постепенным возрождением тибетской культуры тексты, подготовленные учёным, снова выходят в открытой печати [*ил. 11–14*]. Не желавший мириться с косностью общества монах обрёл своих читателей.

Был опубликован и его последний труд, имеющий отношение к буддийской философии. Этот и другие его трактаты остаются в центре острой полемики, продолжающейся по сей день. В 1990 г. в Тибете вышло собрание его сочинений в трёх томах, закрепив за ним славу ведущего тибетского писателя и поэта XX в.

Гедун Чойпхел был неординарной личностью, сделавшей многое для возрождения духа народа и укрепления государственности Тибета, несмотря на то, что предвидел его печальную историю:

«Все монахи будут изгнаны, а религия исчезнет, тьма накроет Тибет».

Его личность была гораздо глубже и много шире устоев и традиций современного ему общества. О себе он говорил:

«Скитаясь подобно дикому зверю из страны шести гор, я достиг далёкого и неизведанного мира человека. И даже если я пребывал в довольстве от наслаждения едой, питьем и богатством, в душе моей не было удовлетворённости.

Придав себя огню очищения, я уничтожил всякое стремление к величию. Я развеял, как пепел, все ограничения монашеских обетов. Подобно безумцу, который вершит всё то, что приходит на ум, я странствовал по неведомым землям полностью отдаваясь свободе...».

Гедуна Чойпхела и Юрия Николаевича Рериха связывала не только большая совместная научно-исследовательская работа, но и человеческая дружба. Он был благородным другом, проводником, учителем, который служил людям, вдохновляя их на путь к пробуждению. Юрий Николаевич понимал ценность этого человека и пытался предпринять всё возможное для сохранения его жизни. Он искал возможностей для создания условий работы этого талантливого учёного на благо Тибета и для передачи потомкам глубин неискажённого Учения Будды.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гой-Лоцава Шоннупэл.* Синяя летопись = The Blue Annals: История буддизма в Тибете, VI–XV вв. – Репр. воспроизведение изд. 1949 г. (Calcutta) / Пер. с тибет. яз. на англ. яз. Ю. Н. Рериха. – Пер. с англ. яз. на рус. яз. О. В. Альбедиля и Б. Ю. Харьковой. – СПб.: Евразия, 2001. – (Пилигрим). – С. 21.

[2] Имеется в виду следующее изд. сборника изречений, приписываемых Будде: *dGe-'dun Chos-'phel.* Dhammapada / Translated into Tibetan from the Pāli. – Oakland: Dharma Publishing, 1985.
[3] Лоцзава – переводчик (тиб.).
[4] *Рерих Ю. Н.* Письма. – М.: МЦР, 2002. – Т. II (1936–1960). – С. 267.
[5] См.: Roshi Wendy Egyoku Nakao. Kalyana Mitra… On Spiritual Friendship. – 2008. – Режим доступа: http://iamthou.wordpress.com/2008/02/04/kalyana-mitraon-spiritual-friendship.
[6] Из воспоминаний Гедун Чойпхела, цитированных в книге: *Norbu Lobsang.* Rahul Sankrityayana in Tibet // The Mahabodhi Journal. – Calcutta, 1993. См.: *Герке, Барбара.* Тибетские открытия Рахула Санкритьяяны / Пер. с англ. О. В. Альбедиля // Ариаварта. – СПб., 1998. – Т. II. – С. 132.
[7] *Sankrityayana R.* On Tibet // Vividh Prasang (Varied issues). – New Delhi, 1986. – Цит. по: *Герке, Барбара.* Указ. соч. – С. 127.
[8] *Рерих Н. К.* Урусвати / Сост. Л. В. Шапошникова; Ред.: Е. Б. Дементьева, С. А. Пономаренко. – М.: МЦР, 1993. – С. 77.
[9] Почтительная форма имени учёного, характерная для современного языка хинди. Русские друзья и коллеги-санскритологи чаще использовали санскритскую форму имени Санкритьяяны: «Рахула».
[10] Цит. по: *Герке, Барбара.* Указ. соч. – С. 140.
[11] Биографические сведения о жизни Гедуна Чойпхела почерпнуты нами из фильма Люка Шедлера «Непокорный монах. Размышления на тему Тибета», совместное производство *Suisseimage, SFDRS (Paul Riniker)*, Швейцария, 2005; субтитры читает *Christoph Kohler*. Режим доступа: Angry Monk Productions // www.angrymonkthefilm.ch. Из этого же фильма приводятся и изречения Гедуна Чойпхела, выделенные в тексте статье курсивом.
[12] Предисловие Джеффри Хопкинса в изд.: *Гедун Чопел.* Тибетское искусство любви / Пер. с англ. М. Малыгиной. – М.: Путь к себе, 1996. – С. 22.
[13] См. об этом: *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет: 1928. Подлинные дневники экспедиции Н. К. Рериха / Ред. А. М. Кадакин. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. – 731 с.

Т. В. ПУГИНСКАЯ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

МОНГОЛЬСКИЙ ЭТАП ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. К. РЕРИХА: ЮМ-БЕЙСЕ КЮРЕН И ШАРА-ХУЛУСУН БУЛАГ

В рамках комплексного историко-археологического (полевого) исследования в монгольской части пустыни Гоби, проводимого Музеем-институтом семьи Рерихов в августе-сентябре 2011 г., был отработан отрезок пути, по которому проходил маршрут Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха 1923–1928 гг.

Во время поездки удалось посетить две важные точки монгольского этапа экспедиции Н. К. Рериха 1927 г., которые были подробно описаны Ю. Н. Рерихом в его книге «По тропам Срединной Азии» (1931), а также упоминаются в путевом дневнике Н. К. Рериха «Алтай – Гималаи» (1929) и в дневниковых записях К. Н. Рябинина «Развенчанный Тибет», изданных в 1996 г.

Первой точкой нашей остановки стал **оазис Шара-Хулусун**, который Юрий Николаевич отмечал в своей книге так: «Много историй рассказывалось про этот одинокий оазис, расположенный в самом сердце пустыни. <…> Оазис Шара-Хулусун находится в узком ущелье, орошаемый крошечной рекой Шара-Хулусун-гол, кото-

Шара-Хулусун булаг. Монголия. 9 сентября 2011. Фото Т. В. Пугинской
Координаты точки: N 43 18.778, E 97 46.583. Высота 1223 м

рая разбухает в огромный поток в дождливый сезон. Тополиные рощи растут вдоль речных берегов, покрытых густой зеленью тростника, от которого и произошло название местности – "Жёлтый тростник". Оазис остался с того периода, когда область получала большее количество осадков, и условия были благоприятны для земледелия».

Нам удалось зафиксировать и обследовать это ущелье, описание которого на удивление соответствует дневниковым записям Юрия Николаевича. Также был обнаружен фундамент небольшого сооружения. Возможно, именно о нём писал Ю. Н. Рерих: «...Мы обнаружили несколько разрушенных сооружений, и на одном из горных отрогов маленький китайский мяо, или храм».

Второй нашей целью стал **монастырь Юм-бейсе**, точное нахождение которого не было нанесено на карты. Найти это место удалось, расспросив местных жителей. На данный момент Юм-бейсе – это название местечка, а сам храм стал носить название Амар-Буянт.

Большой удачей стала встреча с Баатаром Сандагом, чей отец был проводником экспедиции Н. К. Рериха от Юм-бейсе. Как известно по дневниковым записям, до монастыря экспедиция ехала на машинах, а в Юм-бейсе (по рекомендации лам) – наняли караван верблюдов. Удалось выяснить некоторые подробности пребывания экспедиции на территории монастыря, зафиксировать нынешнее состояние (среди развалин старого монастыря в 1990 г. стали строить новый), найти место стоянки экспедиции, руководствуясь единственной фразой из книги Ю. Н. Рериха («…нам посоветовали установить лагерь за монастырём в местечке, носящем местное название Цаган Тологой – "Белая Голова"…») и данными, полученными от местных жителей.

И. С. АНИКИНА, В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ПАМЯТИ СОФИИ СИГИЗМУНДОВНЫ РЕРИХ И ЛИДИИ КОНСТАНТИНОВНЫ ОЗЕРОВОЙ

Младший брат Н. К. Рериха **Борис Константинович Рерих** (1885—1945) уже попадал в поле зрения исследователей и мемуаристов. О нём вспоминали Н. К. Рерих, Б. А. Смирнов-Русецкий и Л. С. Митусова, публиковали статьи Т. В. Моргачёва, В. Г. Киркевич, В. А. Росов, Ю. Ю. Будникова и другие исследователи. И всё же образ этого человека в значительной степени ещё не выяснен. Ещё очень многое остаётся в тени.

Ил. 1. Некрополь семьи Рерихов на Смоленском кладбище
Момент опускания гроба с телом Л. С. Митусовой в склеп
28 апреля 2004. Снимок Е. А. Трофимовой

Его жизнь – это трагедия одарённого многими талантами человека, волею судьбы оказавшегося между «молотом и наковальней» жестокого политического режима и рокового стечения обстоятельств. Для нас его жизненный путь – пример того, как может и должен жить в стеснённых условиях высоко утончённый творческий дух. Ценности высокого искусства и простое семейное счастье для него были в равной степени притягательны и важны.

Мысль о написании этой небольшой статьи возникла в печально-торжественные дни после ухода из жизни и погребения в семейном склепе Рерихов Людмилы Степановны Митусовой.

Своей смертью Л. С. Митусова совершила последнее благое дело на этом свете – привела в порядок сокрытую от всех подземную часть семейного мемориала родителей Н. К. Рериха на Смоленском православном кладбище.

Уже в день смерти Людмилы Степановны, 23 апреля 2004 г., властями Санкт-Петербурга было принято решение захоронить её прах в семейном склепе Рерихов. Захоронение состоялось 28 апреля 2004 г. по православному обряду при стечении всех тех, для кого она была дорогим и любимым человеком [*ил. 1* и *2*].

Здесь мы не будем касаться всех обстоятельств этого знаменательного события. Но упомянем один факт, который заставил вновь вспомнить о Борисе Константиновиче Рерихе и его непростой жизни.

Ил. 2. Некрополь семьи Рерихов на Смоленском кладбище
Открытый склеп, куда за минуту до этого был опущен гроб с телом Л. С. Митусовой
28 апреля 2004. Снимок Е. А. Трофимовой

Дело в том, что, подготавливая к захоронению могилу, кладбищенские рабочие столкнулись с серьёзной проблемой: при вскрытии рериховский склеп оказался более чем на два метра заполненным водой. Он впечатлил своими размерами. Оказалось, что гранитная ограда склепа, видимая снаружи (гранитный цоколь некрополя выступает над поверхностью земли в среднем на 0,4 м), обозначает значительное подземное помещение, выложенное в земле кирпичной кладкой и гранитными блоками, размером примерно 2,5 × 5,7 × 3 м (по наружным габаритам, без учёта пристроенной с севера могилы Е. В. Коркуновой, имеющей размер 2,5 × 1,1 × 0,4 м). Сутки ма-

ломощный насос Смоленского кладбища не мог откачать из него воду, чтобы осушить. Но гроб с телом Л. С. Митусовой не мог быть опущен в такую полную водой «ванну». Что же делать?!

И тут мы вспомнили о нашем всемогущем Владиславе Валериевиче Монастырском, полковнике-спецназовце, не однажды побывавшем в горячих точках планеты, имевшем обширные связи в армейских кругах. Мы рассказали ему о наших трудностях, он сразу предложил свою помощь, вошёл в ситуацию и стал действовать.

Так состоялось приведение в порядок останков родителей Н. К. Рериха – Константина Фёдоровича Рериха, захороненного в этом склепе при прямом участии всех его детей около 29 июля 1900 г., и Марии Васильевны Рерих, рождённой Калашниковой, захороненной здесь спустя несколько дней после смерти 23 июня 1927 г. при участии дочери Л. К. Озеровой и Б. К. Рериха. Остальные два сына – Николай и Владимир – при этом не присутствовали, находясь за тысячи километров от Ленинграда в Азии. Об этих погребениях напоминает намогильный крест из чёрного гранита с именами и датами жизни двух Рерихов.

Два имени. Но при осушении склепа были обнаружены останки **трёх человек**. В. В. Монастырский, руководствуясь своим боевым опытом, аккуратно уложил сохранившиеся фрагменты гробов вместе с останками погребённых на свои исторические места в склепе. По нашей просьбе он записал краткий рассказ о своих действиях 28 апреля 2004 г. (см. ниже). Тогда был найден гроб ещё одной женщины, чьё тело сохранилось лучше остальных. Она была похоронена по православному обряду. Кто бы это мог быть? На надгробном памятнике Рерихам её имя отсутствует.

Размышляя над этим вопросом, мы вспомнили о результатах работы одного из авторов этой статьи в Архиве информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области на Захарьевской ул., д. 19, бывший Центральный архив ВЧК-ОГПУ-НКВД. Из архивного уголовного дела № Р-3569 следует, что Б. К. Рерих в конце 1930 г. потерял свою первую жену **Софию Сигизмундовну Рерих**. Желая помочь её матери, Софии Владиславовне Залесской, он намеревался передать ей в Варшаву некоторые средства. За больной женой Б. К. Рериха до самой её смерти ухаживала Татьяна Алексеевна Ниелова, в девичестве Овчинникова, 1883 г. рождения, сестра милосердия, проживавшая в Ленинграде по адресу: улица Восстания, д. 51, кв. 2.

Ещё раз имя С. С. Рерих удалось встретить в документах «Общества поощрения художеств и популяризации знаний при Российской академии истории материальной культуры», как называлось к 1921 г. бывшее Императорское Общество поощрения художеств. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, что находится на Варфоломеевской улице, д. 15, в фонде 1001, в описи 6, сохранилось дело 24-в «О регистрации Общества поощрения художеств», в котором хранится устав этого общества, отчёты, протоколы, списки членов и переписка. На листе 86 приводится список членов Комитета Общества поощрения художеств, избранных общим собранием 11 мая 1924 г. Всего 76 имён, среди них и очень известные: А. Н. Бенуа, В. В. Воинов, Д. И. Верещагин, П. П. Вейнер, А. А. Ильин, Ф. Ф. Нотгафт, И. М. Степанов, С. Н. Тройницкий, И. А. Орбели, Н. Н. Чернягин, С. Р. Эрнст, С. П. Яремич, а также *Софья Сигизмундовна Рерих.* Таким образом, к маю 1924 г. Б. К. Рерих был уже женат.

Ил. 3. Б. К. Рерих. Портрет жены, Софии Сигизмундовны Рерих. 1920-е
Бумага, уголь, белила. 62,5 × 48,0. Происходит из собрания М. В. Бабенчикова
© РГАЛИ. Ф. 2094, оп. 1, ед. хр. 1023, л. 16

В фонде 2556, в описи 6, хранится дело 25 «Список членов Комитета Общества поощрения художеств выбора 1928 года». В этом деле – документы с официальными формулировками о ликвидации старейшего художественного общества России (листы 67–70). В документах «всплывает» пресловутый ректор ВХУТЕИНа «тов. Маслов» – тот самый, кто отдал приказ искромсать на куски театральные декорации Н. К. Рериха. Его известили о ликвидации Общества постановлением Народного комиссариата внутренних дел от 4 сентября 1929 г. При этом «уполномоченный НКП» (то есть Народного комиссариата просвещения) Б. П. Позерн просто изощрялся в выражениях:

«Просьба не возражать против закрытия Общества поощрения художеств в Ленинграде. Его мы тщательно обследовали при участии РКИ (обследовал тов. Кипарисов, заместитель директора ГАИМКа) и пришли к категорическому заключению, что является ***преступным*** *дальше сохранять это богоспасаемое учреждение».*

«Это Общество – примечательный осколок прошлого. Сохранившаяся группа "старого типа" людей занимается тем, что на маленьких аукционах перепродаёт свои и чужие вещи и этим подкармливается».

Б. К. Рерих был членом Комитета Общества поощрения художеств до самого его закрытия. В тот момент исполнял обязанности заместителя председателя Комитета.

Двадцать третьего мая 1931 г. Борис Константинович был арестован у себя на квартире (он проживал по адресу: улица Петра Лаврова, д. 56, кв. 3-а). Был осуждён, вернулся из заключения через полтора года – 2 января 1933 г.

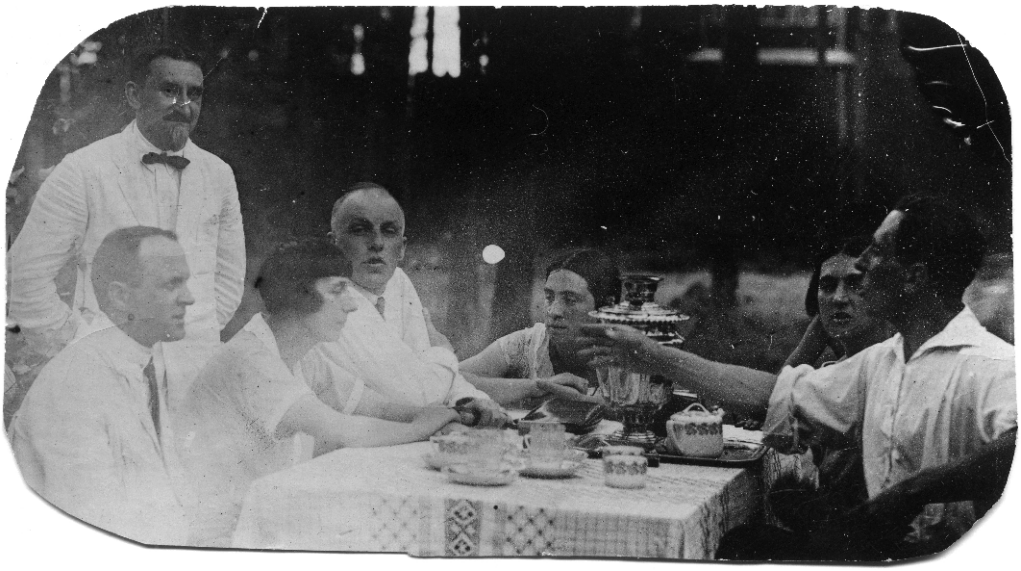
Иная участь постигла «ликвидатора» Общества поощрения художеств. Немец по национальности Борис Павлович Позерн в 1926–1929 гг. являлся Уполномоченным Наркомпроса в Ленинграде. В 1929–1933 гг. он секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), затем – заведующий отделом культуры и пропаганды обкома. В 1937–1938 гг. занимал должность прокурора Ленинградской области. Входил в состав «тройки», подписывавшей расстрельные списки «врагов народа». Арестован 9 июля 1938 г. Приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 25 февраля 1939 г.

* * *

Но вернёмся к хрупкому образу Софии Сигизмундовны Рерих-Залесской. Именно такой – утончённой и возвышенной – запечатлел её на своём портрете супруг [*ил. 3*]. Впервые этот портрет мы увидели при подготовке выставки «Рериховский век» в 2009 г. Он хранится в Москве, в Российском государственном архиве литературы и искусства, в фонде 2094 («М. В. Бабенчиков»). Выполнен в свободной манере, размашистым рисунком.

От киевского собирателя Виктора Геннадиевича Киркевича в фонды Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов поступила фотография, сделанная неизвестным лицом [*ил. 4*]. Также не известно, кто сделал надпись на её обороте:

«*Лето 1927 г. Сиверская. Борис и Зуля Рерих, Дэзи и Кока Бунаковы, Макс Успенский, Вася (меня нет, я была в поездке), Вера "безмужняя жёнка"».*



Ил. 4. Б. К. Рерих и С. С. Рерих с друзьями. Сиверская. Лето 1927
Третья слева – С. С. Рерих, четвёртый слева – Б. К. Рерих. © СПбГМИСР. КП-3254

Этот снимок – очередное подтверждение удивительной памяти Людмилы Степановны Митусовой, которая писала спустя более полувека в своих воспоминаниях о том, как встретил Степан Степанович Митусов, её отец, вернувшегося из Киева в Петроград Бориса Константиновича Рериха:

«Папа был рад его возвращению. Бывал у него. Знакомил его молодую красивую жену польку Зулю (или Зазулю) с Ленинградом. И они бывали у нас, пока всё было хорошо и они жили в Ленинграде».

* * *

Возможно, в фамильном склепе Рерихов была похоронена именно она, С. С. Рерих, первая жена младшего сына уже упокоившихся здесь К. Ф. и М. В. Рерихов. Так ли это – установят будущие исследования.

Если это так, то почему Б. К. Рерих или Л. К. Озерова, его сестра, не заказали никакой надгробной плиты, не сделали никакой надписи на уже существующем надгробном памятнике родителям? Для нас это остаётся загадкой. Для тех, кто приходил сюда до 28 апреля 2004 г., третьей похороненной здесь женщины «не существовало». Не знала о ней и Л. С. Митусова. Её отец ничего не говорил об этом. Возможной причиной можно считать те гонения, которым подверглись близкие Н. К. Рериха в СССР. Борис Константинович буквально через несколько месяцев после кончины жены оказался в заключении. Почему тогда он не устроил памятник, выйдя на свободу, ведь ещё какое-то время до переезда в Москву оставался в Ленинграде?..

Ил. 5. Л. К. Озерова. 1910–1917. Фрагмент семейной фотографии. © СПбГМИСР. КП-1280

Возможное объяснение – третья похороненная здесь женщина умерла после того, как он окончательно перебрался в Москву в 1940 г., вторым браком женившись на Т. Г. Овчинниковой, родственнице Т. А. Ниеловой, ухаживавшей за больной С. С. Рерих. В связи с этим следует отметить, что образ жизни его старшей сестры, Лидии Константиновны Озеровой [*ил. 5*], родившейся 8 мая 1867 г. по старому стилю в семье петербургского нотариуса К. Ф. Рериха, жены врача А. Д. Озерова, проживавшей в те годы вместе с мужем на Большой Подъяческой улице, д. 32, в квартире 2 при госпитале, где он работал, – совершенно белая страница. Можно было бы предположить, что третий гроб принадлежит ей.

Как свидетельствует В. В. Монастырский, третьи обнаруженные им останки женщины сохранились лучше двух других, разница между захоронениями первых двух гробов и третьего должна быть, по его оценке, несколько десятков лет. Известно, что в бумагах архивного уголовного дела № Р-3569 о Л. К. Рерих сообщается как о здравствующей, следовательно, рассуждали мы, умерла она после 1931 г. Какое-то время мы предполагали, что Л. К. Рерих скончалась в первые месяцы Ленинградской блокады. Если бы это было так, то её близкие вряд ли могли себе позволить устроить не то что памятник, даже намогильную надпись. В таком случае, мы полагали, маловероятно, что в момент смерти рядом с ней был бы кто-нибудь из близких.

Но! Данные, полученные несколько лет назад от Элеоноры Михайловны Рыбак, внесли свои коррективы в наши поиски. Л. К. Рерих могла бы быть похоронена на Смоленском кладбище лишь при условии, что она вернулась в родной город, который покинула, согласно «Справке о прописке», выданной 14 апреля 2003 г. Жилищным агентством Адмиралтейского административного района Санкт-Петербурга, отправившись в эвакуацию 15 августа 1942 г. Дальнейшая её судьба в ленинградских документах не просматривается.

* * *

Благодаря Э. М. Рыбак, проделавшей значительную поисковую работу, удалось собрать ещё кое-какие сведения о Л. К. Озеровой и её муже.

Судя по всему, Николай Константинович стремился поддерживать связь со своими родными, оставшимися на Родине. В Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, в фонде 44 («Н. К. Рерих»), в описи 1, в единицах хранения 119 и 120, хранятся два его кратких послания **Александру Дмитриевичу Озерову** (1871—1941), супругу Лидии Константиновны.

Первое открытое письмо имеет штемпели 11 и 14 августа 1924 г. – Риги и Ленинграда соответственно, что означает то, что оно было послано с оказией через рижанина В. А. Шибаева, ставшего вскоре секретарём Николая Константиновича:

«А. Д. Озерову.
Б. Под'яческая, д. 32.
Госпиталь.

Привет Маме и всем. Уговорите Борю мне написать. Как дела с Казанским собором и Добычиной? Все мы здоровы. Целуем крепко.

Н. Р.».

Второе письмо ещё более лаконично. Оно датировано 12 августа 1925 г.:

«А. Д. Озерову.

Последний привет перед Тибетом с последней почтовой станции! Теперь сообщаться будет труднее. Всего светлого.

Н. Р.».

Кем же был А. Д. Озеров, которому адресованы эти весточки? В начале 2003 г. Э. М. Рыбак обратилась с письмом в Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), что находится в Санкт-Петербурге на Миллионной улице, д. 36, и 20 марта 2003 г. получила следующий ответ:

«Уважаемая Элеонора Михайловна!

По Вашему запросу в документах РГАВМФ выявлены сведения о том, что Озеров Александр Дмитриевич, родившийся 27 июля 1871 г., уроженец Костромской губернии, сын пономаря, в ноябре 1895 г. окончил курс Императорской Военно-медицинской академии в степени лекаря. С 1898 г. служил в морском ведомстве. По сведениям на 1916 г., статский советник, доктор медицины, старший ординатор Николаевского морского госпиталя в Кронштадте, в январе 1917 г. назначен заведующим его Ораниенбаумским отделением. В послужном списке, составленном к 1 января 1916 г., ука-

зан женатым на домашней учительнице Лидии Константиновне Рерих. Значится женатым и в имеющихся в архиве полных и дополнительных послужных списках 1907, 1911–1915 гг. По списку, составленному 28 декабря 1900 г. – холостой.

Других послужных списков и документов, уточняющих время его вступления в брак, в архиве не обнаружено.

Основание: РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 1425. Оп. 7. Д. 509. Л. 38.

В адресной книге «Весь Ленинград» на 1924 г. и в «Списке абонентов Ленинградской телефонной сети на июль 1934 г.» – врач (хирург-ортопед) Озеров А. Д. значится по адресу Б. Подьяческая ул., д. 32 (дом. телефон А-6-31-09), где, по Вашим данным, в 1931 г. жила и Л. К. Рерих.

Счёт на оплату поисковой работы прилагаем.

Приложение: счёт на 1 л.

Директор архива В. С. Соболев».

Обратилась Элеонора Михайловна и в Архив информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области, что на Захарьевской ул., д. 19, где ей выдали справку о том, что А. Д. Озеров подвергался аресту с 15 сентября по 21 ноября 1930 г. по статье обвинения 58, часть 10 Уголовного кодекса РСФСР, то есть за «пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». Номер архивного дела – П-9854.

По постановлению Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 20 ноября 1930 г. «на основании ст. 4, п. 5 УПК», то есть вследствие применения в отношении обвиняемого акта амнистии, дело было прекращено. Александр Дмитриевич остался жив и получил свободу!

Из этого же архивного дела стало известно более точно место его рождения. Это село Сельцо Селецкой волости Галического уезда Костромской губернии. Он был беспартийным, в момент ареста работал заведующим отделением Государственного травматологического института. В РНБ хранятся его монографии 1909–1933 гг.

Как значится в упоминаемой выше «Справке о прописке», Александр Дмитриевич скончался в первой половине января 1941 г. По этой причине был выписан 17 января 1941 г. из своей квартиры на Большой Подьяческой улице, д. 32, где осталась одна Лидия Константиновна. О месте его захоронения ничего не сообщается.

* * *

Мы оставляем за пределами нашего рассмотрения материалы, касающиеся вопросов взаимоотношений Лидии Константиновны и Николая Константиновича Рерихов. Об этом, вероятно, можно написать отдельное исследование по целому комплексу сохранившихся документов. Отметим лишь, что она была ещё и его крёстной матерью.

Здесь мы коснёмся лишь одного факта, сообщённого Э. М. Рыбак, возможно, подтверждающего жизнь в блокадном Ленинграде Л. К. Озеровой, одинокой престарелой женщины, потерявшей к тому времени своего мужа.

Ил. 6. Я. С. Николаев. Портрет Л. К. Озеровой. 1943
Этюд к картине «На Большую землю» (1945). © Частное собрание, Санкт-Петербург

Народный художник РСФСР **Ярослав Сергеевич Николаев** (1899—1978) сделал в дни Ленинградской блокады портрет, впервые представленный на выставке «Памяти художника», посвящённой 100-летию со дня его рождения. На этой выставке, состоявшейся в Государственном историко-мемориальном музее «Смольный» в 1999 г., была представлена живопись и графика из собрания Государственного Русского музея и авторской коллекции, которую сохранила дочь мастера Л. Я. Николаева. В основе выставки были блокадные работы художника, и среди них оказался портрет женщины, который в изданном каталоге был записан так:

«Старуха. Этюд к картине "На Большую землю". Холст, масло. 70 × 53».

Э. М. Рыбак предоставила фотографию этой картины [*ил. 6*] с авторской надписью на обороте:

«Народный художник России Ярослав Сергеевич Николаев (1899—1978). Портрет пожилой женщины (к работе "На Большую землю"). 1943 г.

Позировала родственница Н. К. Рериха, которая в дни блокады приходила в Союз художников за чашкой супа и читала французские романы».

Сама картина «На Большую землю» (холст, масло; 226 × 300) была закончена художником в 1945 г. Ныне она в собрании Государственного Русского музея. И на ней среди многих других запечатлена та же женщина.

Есть большая вероятность того, что позировала Я. С. Николаеву не просто «родственница Н. К. Рериха», а его единственная сестра. Если это так, то получается, что в 1943 г. Лидия Константиновна была ещё жива и оставалась в осаждённом Ленинграде, получая поддержку в учреждении, в числе руководителей которого когда-то были два её брата.

* * *

Дальнейшая судьба Л. К. Озеровой действительно никак не просматривалась до самого последнего момента. Уже после того, как данная статья была готова к сдаче в печать, место её захоронения всё-таки удалось выяснить благодаря московскому теософу Дмитрию Николаевичу Попову.

Он сообщил нам бесценную информацию, которая окончательно ставит все точки над «i»! Могила Лидии Константиновны обнаружена на Даниловом кладбище в Москве [*ил. 7*]. Судя по надписи на надгробной плите, она скончалась **20 мая 1943 г**. [*ил. 8*]. Здесь же надпись о захоронении её младшего брата, Бориса Константиновича Рериха. Он скончался **4 мая 1945 г.** – за пять дней до Великой победы! Рядом с их могилой – захоронение второй жены Б. К. Рериха, Татьяны Григорьевны Рерих, в девичестве Овчинниковой [*ил. 9*]. Надпись сообщает её годы жизни: **1907—1953**.

В одной ограде с ними [*ил. 7*] покоится прах ещё трёх людей – деда, его дочери и внука – известного геральдиста, выдающегося искусствоведа, в 1918–1927 гг. директора Государственного Эрмитажа, одного из основателей и издателей журнала «Старые годы», издателя журнала «Гербовед» **Сергея Николаевича Тройницкого** (1882—1948), **Елены Сергеевны Тимрот-Тройницкой** (19 ноября 1913 — 17 июля 1998) и **Георгия Димитриевича Тимрота** (3 октября 1943 — 23 марта 1993).

Ил. 7–9. Некрополь Рерихов на Даниловом кладбище в Москве. 2013. Фото Елены Денисовой

Почему останки этих шести человек покоятся в одном некрополе, имеющем общую для всех ограду? Почему этот некрополь был начат со смертью Л. К. Озеровой на Даниловом кладбище, а не на каком-то другом? Ответы на эти вопросы придётся искать в отдельном исследовании в будущем.

Теперь очевидно, что Л. К. Озеровой всё-таки удалось выбраться из осаждённого Ленинграда и отправиться в Москву к своим ближайшим родственникам – младшему брату и его новой жене. В их семье она, очевидно, и окончила свой земной путь.

Ещё один представитель семьи Рерихов скончался в Москве – племянник Л. К. Озеровой, всемирно известный востоковед **Юрий Николаевич Рерих** (1902—1960). Его могила находится на Новодевичьем кладбище.

Представленные здесь выкладки пока не дают возможности однозначно ответить на вопрос: кто же ещё покоится в склепе К. Ф. и М. В. Рерихов на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге? Но этот вопрос дал нам повод напомнить о двух представительницах славной петербургской семьи – сотруднице Общества поощре-

Ил. 10. Некрополь Рерихов на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. 23 апреля 2007

ния художеств **Софии Сигизмундовне Рерих**, мать которой происходила из польского рода Залесских, и «домашней учительнице», старшей сестре всемирно известного художника, жене видного ленинградского врача-травматолога – **Лидии Константиновне Озеровой**.

* * *

Многие годы Л. С. Митусова заботилась о фамильном захоронении Рерихов на Смоленском кладбище: заказывала ремонт ограды, поддерживала восстановление утраченного креста на соседней могиле, где похоронена близкая родственница М. В. Рерих Елизавета Владимировна Коркунова, скончавшаяся 9 апреля 1908 г. по старому стилю, ухаживала за внешним видом всего рериховского мемориала. Этот комплекс был зарегистрирован администрацией Смоленского кладбища на её имя. Но вряд ли она думала, что именно здесь найдёт своё «последнее пристанище» [*ил. 10*]. Своим уходом Людмила Степановна совершила последнее полное очищение некрополя, убрав из него силами своих друзей следы ежегодных весенних половодий, придав всему комплексу завершённость своим надгробным крестом.

В. В. МОНАСТЫРСКИЙ
(Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие»; Санкт-Петербург)

О ТОМ ПЕЧАЛЬНОМ ДНЕ, КОГДА МЫ ПРОВОЖАЛИ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ЛЮДМИЛУ СТЕПАНОВНУ МИТУСОВУ

Мероприятия 28 апреля 2004 г. были расписаны очень скрупулёзно, так как со всех концов страны приехали друзья проститься с Людмилой Степановной Митусовой, и их было очень много. Нами был зафрахтован большой автобус для всех участников похорон. Отпевание было назначено на 12 утра в Князь-Владимирском соборе, что на Петроградской стороне. По дороге туда траурная процессия должна была посетить основные места жизни Людмилы Степановны в городе святого Петра, а последней точкой перед Смоленским кладбищем должен был явиться уже переданный Музею-институту семьи Рерихов особняк М. П. Боткина на 18-й линии Васильевского острова. Так мы порешили накануне вечером во время рабочего совещания на квартире Людмилы Степановны с Алёшей Бондаренко и Володей Мельниковым. Тогда же вечером Алёша попросил меня заехать утром перед отпеванием на Смоленское кладбище и убедиться, что всё готово к погребению.

Каково же было моё изумление, когда я увидел в 9 утра на кладбище нескольких кладбищенских сторожей и работников, которые неспешно грелись у костерка возле родового склепа Рерихов, а маленький насосик, пригодный лишь для полива грядок на даче, тоненьким шлангом откачивал воду из подземелья! На все мои упрёки они резонно возразили, что другой техники у них нет, да и этот насосик работает на пределе своих возможностей уже целые сутки, а воды в склепе убавилось лишь на двадцать сантиметров…

Поняв, что такими темпами можно откачивать воду ещё неделю, а до прибытия всех друзей и официальных делегаций на кладбище остаётся максимум несколько часов, и препирательствами со сторожами делу не поможешь, я начал действовать самостоятельно. Воистину, как сказано в Учении Живой Этики («Община», § 55):

«Устремление – ладья Архата. Устремление – единорог явленный. Устремление – ключ от всех пещер».

С этого момента всё происходящее стало вершиться в ключе «очевидное – невероятное». Первым делом я перебрал в голове всех своих знакомых, у которых можно было бы одолжить на некоторое время пожарную помпу. Первым же звонком своему другу – Александру Колошинскому – удалось решить эту проблему. Он пообещал дать на день по-братски (то есть даром) мобильную пожарную помпу, за которой я и рванул сквозь все питерские пробки (да простят мне мирные жители города на Неве моё экстремальное вождение – последствие боевых психических травм).

Помпа была совершенно новенькой, японской, но – без свечи зажигания. Я выбежал на Лесной проспект и поднял руку, останавливая поток машин. Первый остановившийся водитель иномарки дал мне абсолютно бесплатно (говорю об этом особо подчёркивая, так как сам на тот момент был абсолютно нищим человеком, живу-

Л. С. Митусова со своими друзьями Владимиром Мельниковым и Владиславом Монастырским у дома, где родилась Е. И. Рерих. Санкт-Петербург, улица П. И. Чайковского, д. 18. 13 февраля 2004

щим от мизерной зарплаты к зарплате) новую японскую свечу для помпы, достав её из бардачка своей машины, как будто он её для меня специально и вёз!

Прилетев (по-другому не скажешь) опять на кладбище, увидел следующую нерешаемую задачу. Кладбищенские рабочие, пытаясь очистить надгробную плиту склепа от могильного холма, сломали её пополам неловким ударом лома и уронили внутрь, утопив. Померили шестом глубину воды в склепе – оказалось метра два с половиной… и в этой воде плавали три деревянных гроба. Привезённая помпа осушила весь склеп за считанные полчаса, залив ближайшую окрестность весенними половодными ручьями. Как только показался каменный пол, я спрыгнул вместе с рабочими внутрь. Всё это время я периодически звонил Алёше (слава Богу, что сотовые телефоны тогда уже были почти у каждого), рассказывая об обстановке и упрашивая его тянуть как можно дольше время панихиды и траурных речей во время прощальной поездки, так как на кладбище ещё ничего не было готово. Володя же изначально очень удивился, что в склепе три гроба, и уже тогда начал выдвигать свои научные предположения относительно личности третьей захоронённой. Мы с рабочими и моим воспитанником и выпускником Сергеем Бологовым навели порядок внутри склепа: поставили на место гробы, посыпали пол свежим песком и еловым лапником. Когда ставили гробы на места, снимали крышки, чтобы убедиться соответствию лежащих в них останков месту под крестом. Два гроба были очень обветшалыми, и останки в них истлели до голых костей вместе с одеждой, поэтому лишь по величине самих гробов и скелетов мы отличили

мужской от женского, а третий гроб был более свежий, лучше сохранившийся. В нём лежал скелет женщины в неистлевшей одежде, захороненной по православному обряду. Даже ленточка с молитвами на лбу черепа в платочке хорошо сохранилась. Так как третьего креста над мемориалом не было, то мы разумно поместили её гроб в левый (северный) край склепа, оставив место посередине для гроба с останками Л. С. Митусовой.

Нужно отметить также, что погребальная камера Рерихов соответствует в своей подземной части тому наружному цоколю, который увенчан чугунной оградой. Соседняя, примыкающая с севера могила Елизаветы Владимировны Коркуновой никак не связана с этой погребальной камерой, она возникла после того, как был построен, очевидно, при прямом участии старшего оставшегося мужчины в семье, то есть Н. К. Рериха, основной склеп. Поэтому мысль о том, что здесь мы обнаружили останки Е. В. Коркуновой, по-видимому, следует отбросить, ведь у этой женщины есть своя собственная могила рядом, имеющая независимый от основного склепа каменный цоколь с отдельной оградой. Если бы между её могилой и склепом Рерихов не было бы ограды – можно было бы думать, что в склепе был положен её гроб. Но склеп Рерихов не заходит в подземной своей части в пространство, обозначенное её памятником-крестом, следовательно, она захоронена под ним, а не в склепе ближайших родственников.

Самая трудная задача ещё ждала меня впереди. Надо было найти что-то, чем можно было бы заменить разбитую и пришедшую в негодность надгробную плиту, закрывавшую вход в склеп и державшую на себе весь вес могильного холма. Кто-то предложил засыпать весь склеп целиком, но для такой операции нам потребовалось бы три КАМАЗа песка! Где их взять в течение ближайшего часа?! Алёша по телефону сказал, что больше не может задерживать церемонию, и весь погребальный кортеж начал двигаться по кладбищу. В оставшиеся несколько десятков минут я метнулся до ближайшего ритуального бюро, которое делает надгробные памятники, но там мне вежливо отказали в гранитной плите, озвучив её примерную стоимость (дешевле было купить десять КАМАЗов песка). Краем глаза я увидел работающих сварщиков на выезде из кладбища. Зашёл к ним на территорию и увидел несколько листов металла толщиной 2 см. Это как раз то, что сможет легко выдержать вес любого могильного холма! Сварщики отправили меня к начальству в строение напротив. По дороге я мучительно прикидывал за какие деньжищи мне предложат купить необходимый мне лист, размером 1,2 × 2,5 м… Каково же было моё изумление, когда директор той фирмы, поговорив со мною по телефону и узнав для чего мне так нужно его железо, отдал команду своим сварщикам: безвозмездно вырезать лист в нужный мне размер и помочь погрузить его в багажник моей старой «Волги»!!! Всё это они сделали почти мгновенно! Когда моя машина подъехала к могильной тропинке в один момент со всей траурной процессией, никто даже не заметил, что весь процесс захоронения висел на волоске до самой последней минуты.

Все, кто желал, сказали достойные прощальные речи, православный батюшка, отец Алексей Крылов, исполнил чин погребения, затем все присутствующие попрощались с Людмилой Степановной. Гроб заколотили и опустили на верёвках на

Л. С. Митусова со своими друзьями Алексеем Бондаренко и Владиславом Монастырским во время освящения здания основанного ею Музея-института семьи Рерихов Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1. 13 февраля 2004

только что убранное приготовленное нами место. Мы чинно возложили стальной лист на место разбитой каменной плиты, как будто так и должно было быть по строго спланированному сценарию…

Самый большой подарок того дня случился несколько минут спустя, когда все отправились обратно к автобусам и машинам. Люди тихо переговаривались и шли по тропинкам между могил небольшими группами или парами. Мы обошли часовню блаженной Ксении Петербургской, и уже подходили к кладбищенским вратам с иконой Смоленской Божией Матери наверху, как вдруг в свежем весеннем воздухе разлился неимоверно сладчайший аромат. Такой, какого я не встречал ни в одной парфюмерной лавке Востока и не помнил ни в одном воскуряемом фимиаме. Я стал вращать головой, пытаясь увидеть ту «парижскую модницу», от которой ветерком могло повеять такой благодатью, но, кроме мусорных контейнеров и грязных кучек недорастаявшего снега на могилах, ничего увидеть не смог. Мало того, я спрашивал догнавших меня людей: чувствуют ли они этот неземной аромат, но они ничего не почувствовали…

Тогда я понял, Кто посетил незримо наш удел. Этим Посещением я был тихо счастлив весь оставшийся день.

Е. В. БАКАЛДИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ХИБИНОГОРСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. С. МИТУСОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СПбГБУК «МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ»)

Для нашего музея-института фигура **Степана Степановича Митусова** (1878—1942) [*ил. 4–6*] является знаковой. Именно он, двоюродный брат Елены Ивановны Рерих и друг Николая Константиновича Рериха, в начале 1920-х гг. перевёз часть имущества Рерихов из их квартиры на набережной реки Мойки. Как пишет дочь С. С. Митусова Людмила Степановна в своих воспоминаниях: «Елена Ивановна в письме к папе распорядилась, чтобы он всё оставленное ими в квартире имущество перевёз к себе. Зная наше трудное материальное положение, она писала, что папа может по усмотрению продать всё или частично, в зависимости от надобности, оставить себе»[1]. Большая часть этих вещей сохранилась и сейчас называется в честь Степана Степановича Митусова – «Мемориальное собрание С. С. Митусова» (МСССМ). В него входят как рериховские вещи (мебель, личные вещи, картины, фотографии и автографы), так и митусовские, путятинские (мать С. С. Митусова во втором браке княгиня Путятина) предметы, а также предметы близких к Рерихам людей, соратников и последователей.

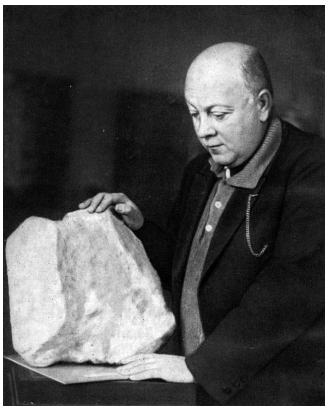
С. С. Митусов в первой половине 1930-х гг. некоторое время проживал и работал в небольшом городке Хибиногорске, расположенном на Кольском полуострове. В 1920-е гг. в данном районе (в Хибинах) были открыты богатейшие залежи апатитонефелиновых руд. В 1929 г. при тресте «Апатит» на месте разработки началось строительство рабочего посёлка, названного Хибиногорском; с 1931 г. он получил статус города.

После убийства С. М. Кирова (1 декабря 1934) было принято решение о переименовании города в Кировск, так как за пять лет именно при его самой активной поддержке апатитовые разработки в Хибинах проводились нарастающими темпами. Созданный им город Хибиногорск теперь носит его имя – Кировск. Сейчас в городе создан Историко-краеведческий музей с мемориалом С. М. Кирова и выставочным залом. Основным экспонатом музея является домик геологов, где у подножья Кукисвумчорра 1 января 1930 г. под председательством С. М. Кирова прошло совещание, решившее судьбу Хибиногорского края. В музее восстановлена бытовая обстановка 1930-х гг.

Хибиногорск и железнодорожную ветку к нему начали строить «спецпереселенцы» – раскулаченные крестьяне. Однако постепенно туда стали приезжать партийные работники и представители той прослойки, которую мы называем интеллигенцией. В то же самое время на ставшую известной всей стране стройку стали прибывать добровольцы, в основном из Ленинграда, бывшего тогда административным центром. Интересные факты приводятся на сайте Историко-краеведческого музея города Кировска: на 1 января 1930 г. в Хибинах проживало 168 человек, а ровно через год население составило уже 17950 человек[2].

Ил. 1. В. И. Кондриков

Ил. 2. И. Л. Тартаковская[3]



Ил. 3. А. Е. Ферсман

Первым управляющим треста «Апатит» стал **Василий Иванович Кондриков** (1900—1937) [*ил. 1*], бывший банковский деятель[4]. В Государственном архиве Мурманской области и в его кировском филиале хранятся документы, связанные с его деятельностью, а также личная переписка с С. М. Кировым, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутаком, А. И. Микояном, Ю. Л. Пятаковым, академиком А. Е. Ферсманом.

Имя академика **Александра Евгеньевича Ферсмана** (1883—1945) [*ил. 3*] неразрывно связано с Хибиногорском. На озере Малый Вудъявр, на базе Хибинской научной станции Академии наук СССР[5], он провёл большое совещание геологов, горняков и химиков. По воспоминаниям супруги В. И. Кондрикова **Инны Лазаревны Тартаковской**[6] (1905—1990) [*ил. 2*], «вскоре был построен двухэтажный дом в шведском стиле, который нам казался дворцом после скромного барака. Он получил гордое название “Тиэтта”»[7], и стал впоследствии крупным научным центром Кольского полуострова. На «Тиэтте» стали проходить крупные конференции, сюда приезжали ведущие специалисты того времени. По словам историка А. А. Киселёва, с середины 1930-х гг. «Тиэтта» стала общепризнанным центром научных сил и идей Заполярья. Впоследствии Президиум АН СССР принял решение создать в Мурманской области базу с подчинением ей всех научных организаций на Кольском Севере, таких как Мурманская биологическая станция, Полярно-альпийский Ботанический сад и других[8]. Таким образом, постепенно небольшой рабочий городок стал превращаться в центр науки.

Культурная жизнь в Хибиногорске не отставала от научной и была достаточно насыщенной и разнообразной. В 1932 г. начал работу первый в округе звуковой кинотеатр «Большевик», в 1933 г. состоялась премьера первого за Полярным кругом кукольного театра – «Театра маленьких зрителей» (художественный руководитель В. Подобедов). Под влиянием своей супруги И. Л. Тартаковской, балерины, В. И. Кондриков настоял на открытии балетной студии. Для нашего музея-института важнее оказалась организация 18 августа 1932 г. в Хибиногорске вечерней рабочей консерватории, на базе которой в конце 1932 г. был создан единственный на Кольском полуострове Дом художественного воспитания детей, где маленькие хи-

биногорцы занимались в кружках баяна, рояля, художественного слова, хореографическом и других[9]. Как писал С. С. Митусов в своём письме дочери Людмиле от 27 ноября 1932 г.[10], в Хибиногорске была своя интеллигенция, собиравшаяся в клубе на концерты.

По воспоминаниям Л. С. Митусовой, Степан Степанович уехал в Хибиногорск по приглашению супругов Гудлевских[11] – Артура Францевича (1887—1942) и его супруги Татьяны Владимировны, в девичестве Бакулиной, ученицы Н. К. Рериха в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств. В письмах Митусовых часто упоминается Артур Францевич, в основном, в делах, касаемых финансов. Причин для отъезда С. С. Митусова на Север было несколько. Во-первых, материальные проблемы. Как вспоминает Л. С. Митусова: «Мы все учились. Не работали. Мама еле справлялась с хозяйством, всегда что-то готовила, накрывала на стол. Бабушка, мамина крёстная, пенсионерка с очень маленькой пенсией. И папа решился. Завербовался не по специальности в Хибиногорск. Там было трудно и долго одиноко…»[12]. Во-вторых, по мнению Людмилы Степановны, была ещё одна причина уехать – Степан Степанович опасался арестов и обысков: «папа уехал в "добровольную ссылку"»[13]. Настроение Степана Степановича передаётся в письме жене, Екатерине Филипповне Митусовой: «…Потом напиши, кто что говорил, и я узнаю, кто друг, а кто недруг. Это будет что-то вроде политической благонадёжности» (2 декабря 1932). Третьей причиной отъезда было пошатнувшееся здоровье – проблемы с сердцем и лёгкими. Как писал С. С. Митусов жене, в северном горном климате «насморка и кашля» у него нет (15 октября 1932); о том же старшей дочери Злате: «Как хорошо жить без насморка и кашлю» (28 октября 1932).

Степан Степанович уехал в Хибиногорск один, его семья – жена (впоследствии переехала к мужу) и три дочери оставались в Ленинграде. Нам известно о том, что средняя и младшая дочери Людмила (*Зюма*, как её называли в семье) и Татьяна приезжали к нему. Навещал его также близкий друг семьи Б. А. Смирнов-Русецкий.

Хотя С. С. Митусов приехал трудиться в Хибиногорск не по специальности, секретарём главного инженера горно-обогатительных шахт в Хибиногорске[14], он также работал на местном радио (причём на станции была возможность делать живые концерты), участвовал в жизни Вечерней рабочей консерватории (вёл курсы по элементарной теории, игре на скрипке, группу гармонии), аккомпанировал на различных концертах, проходивших в театре, на радио и в Инженерно-техническом клубе, занимался с частными учениками. Из письма Е. Ф. Митусовой дочери Людмиле от 9 февраля 1934 г. известно, что С. С. Митусов временно уходил с работы в консерватории.

Хибиногорский период жизни С. С. Митусова представлен в нашем музее тридцатью двумя фотографиями. При этом пятнадцать фотографий вклеены в альбом с зелёной обложкой и надписью: «Для наклейки». Вероятнее всего, снимки были вклеены уже по возвращению в Ленинград [*ил. 10–23*][15].

У Митусовых был фотоаппарат, поэтому авторами фотографий являются они. В письме дочери Людмиле от 10 декабря 1932 г., как раз перед её приездом в Хибиногорск, Степан Степанович пишет: «Только фотографического аппарата не бери с

Ил. 4. С. С. Митусов с учениками. Окрестности Хибиногорска. 1933–1935
© СПбГМИСР. КП-1461

собой: здесь снимать не разрешается, а если и разрешается, то нужно каждый снимок регистрировать и вообще возня, так что не стоит». Впрочем, как видно по количеству снимков, Митусовы сумели преодолеть эти препятствия.

Тема фотографий упомянута также в письме С. С. Митусова к жене от 23 ноября 1932 г. Он говорит, что хочет сняться с Татьяной Фердинандовной (своей соседкой) и Асей (Иоасафом) Белоусовым (своим учеником) [*ил. 5*].

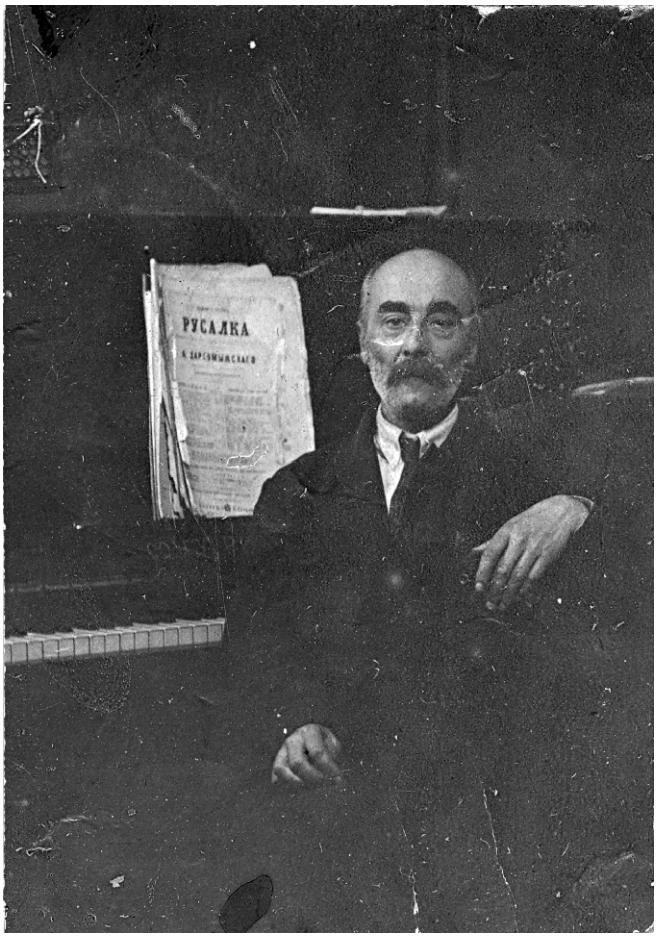
На двух снимках представлены ученики С. С. Митусова. На коллективном снимке [*ил. 4*], скорее всего, хор, с которым Степан Степанович занимался в Вечерней рабочей консерватории. Как пишет он сам в письме дочери 24 сентября 1933 г., «хор у меня 34 человека и работают с большим увлечением».

По письмам самого Степана Степановича мы знаем, что среди его учеников и коллег были Хохлогорский (вместе выступали на радио), Иоанна Поляновская (с которой было достаточно много общих знакомых – Елена Ильинична Антипова, Бихтер[16], Антик, Каменский), Богданов (домрист-мандолист, он окончил Центральный музыкальный техникум в Ленинграде), Елизавета Ивановна Дмитриева (как её называет С. С. Митусов, «ленинградская ученица»), уже упомянутый выше Ася Белоусов, Елена Нагорская…

Ил. 5. С. С. Митусов и его ученик Ася Белоусов у рояля. Хибиногорск. 1932–1935
© СПбГМИСР. КП-1454

Есть портрет самого Степана Степановича на фоне рояля и нот [*ил. 6*]. По снимкам мы можем судить, какую музыку (в данном случае А. С. Даргомыжского) использовал он в преподавании. Из писем С. С. Митусова мы также знаем, что востребованными были произведения русских классиков (П. И. Чайковского, М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова), Э. Грига, Р. Шумана, Ф. Шуберта, а также народные (башкирские) песни.

На шести снимках представлена Л. С. Митусова, приезжавшая к отцу в Хибиногорск в 1933 г. (например, *ил. 7* и *8*).

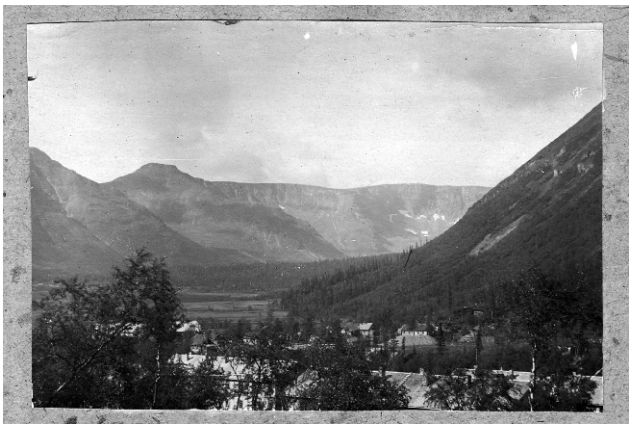


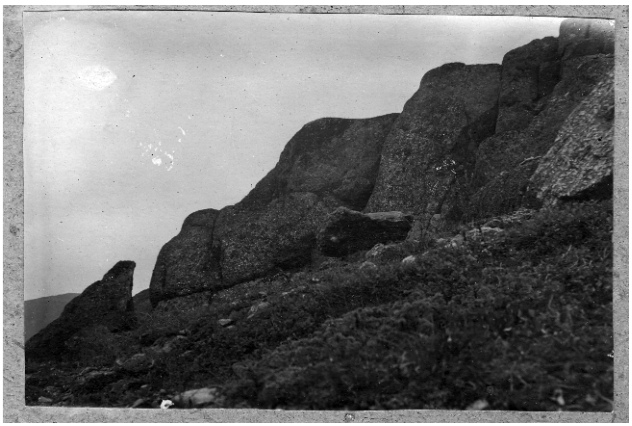
Ил. 6. С. С. Митусов у рояля. Хибиногорск. 1932–1934. © СПбГМИСР. КП-1453

Хотя, как упоминалось выше, С. С. Митусов предупреждал, что фотографировать нельзя, всё же семья смогла сделать некоторое количество фотографий. И по ним можно проследить историю этого города за Полярным кругом. Некоторые снимки отражают этапы его строительства. Есть фотографии с домом, в котором жил сам Степан Степанович [*ил. 9* и *17*]. Из его переписки с семьёй известно, что какое-то время он жил в этом доме один в комнате, но бывало, что вместе с ним в той же комнате проживали четверо (письмо Е. Ф. Митусовой дочерям от 16 апреля 1933 г.). Имеются снимки с первыми каменными зданиями города [*ил. 16, 18* и *19*]. По рассказам очевидцев, сначала приезжие жили в бараках, но постепенно строились дома, в том числе и каменные. Это улучшение жизни запечатлено на снимках, хранящихся в наших фондах. Постепенно жители города перебирались из бараков в дома.

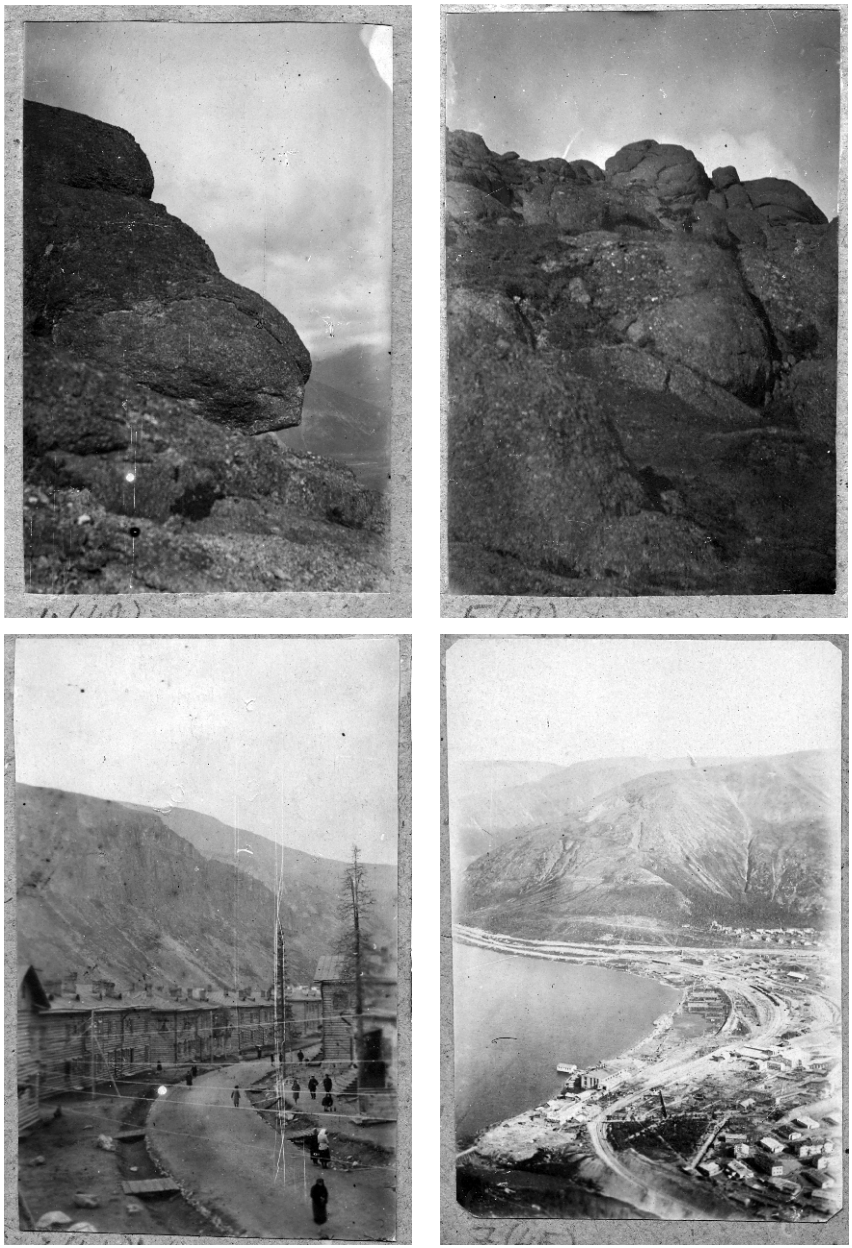
Ил. 7 и 8. Людмила Митусова в Хибиногорске. 1933. © СПбГМИСР. КП-3566 и КП-3567

Ил. 9. Дом, в котором жил С. С. Митусов в Хибиногорске. 1932–1934. © СПбГМИСР. КП-1462

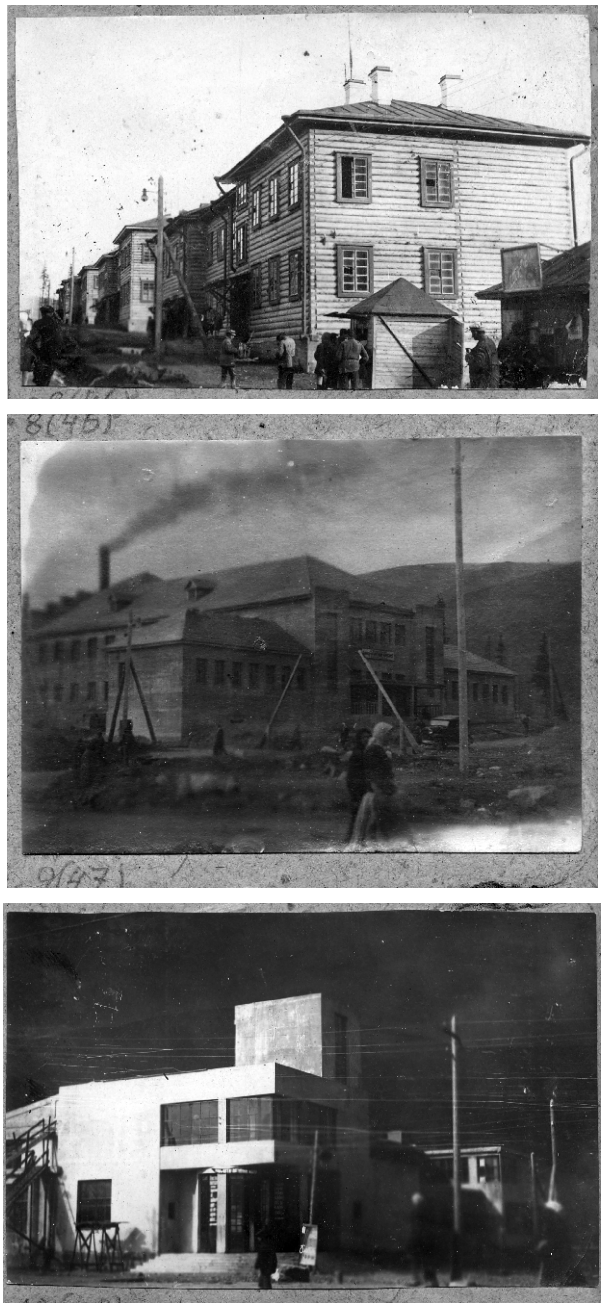




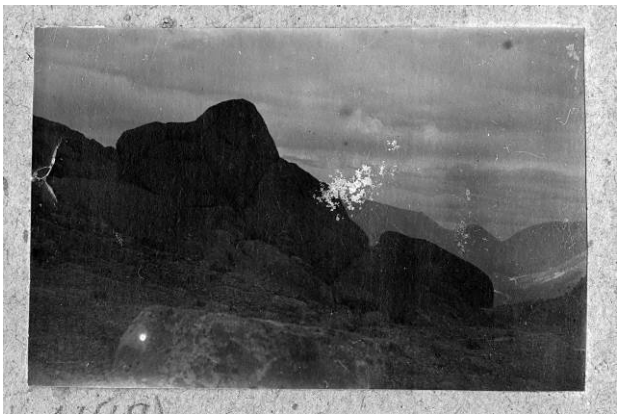
Ил. 10–12. Виды Хибиногорска и окрестностей. Фотографии в альбоме семьи Митусовых 1932–1934. © СПбГМИСР. КП-5441/1–3

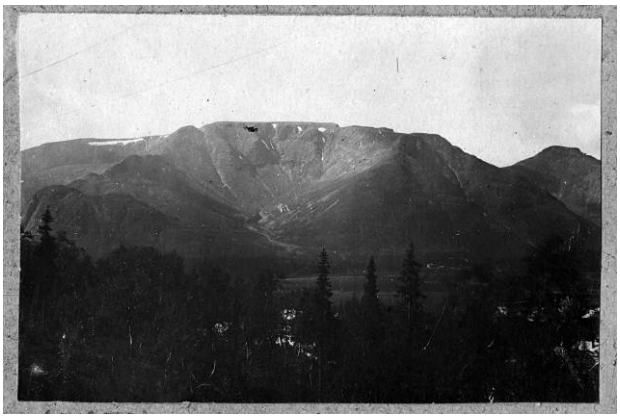


Ил. 13–16. Виды Хибиногорска и окрестностей. Фотографии в альбоме семьи Митусовых 1932–1934. © СПбГМИСР. КП-5441/4–7



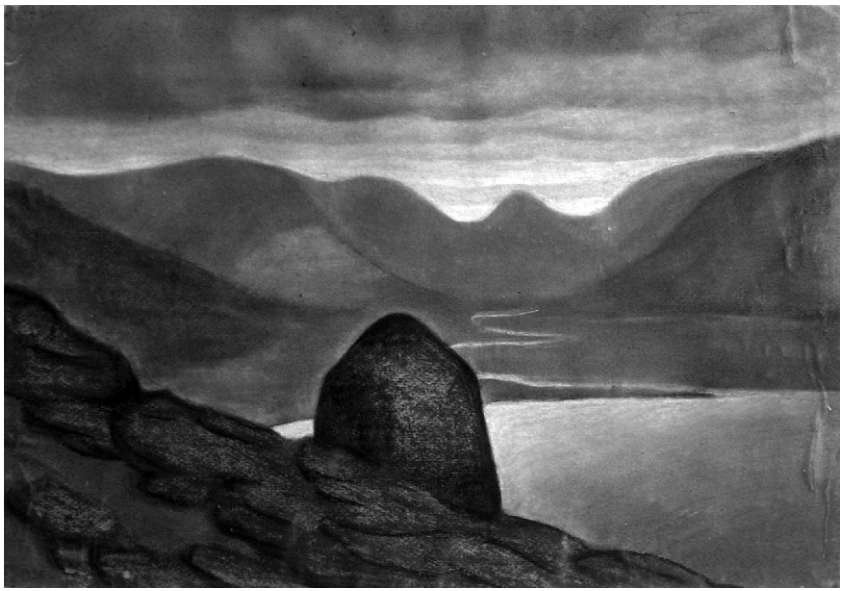
Ил. 17–19. Виды Хибиногорска. Фотографии в альбоме семьи Митусовых 1932–1934. © СПбГМИСР. КП-5441/8–10





Ил. 20–22. Виды окрестностей Хибиногорска. Фотографии в альбоме семьи Митусовых 1932–1934. © СПбГМИСР. КП-5441/11–13

Ил. 23. Вид окрестностей Хибиногорска. Фотография в альбоме семьи Митусовых 1932–1934. © СПбГМИСР. КП-5441/14



Ил. 24. Б. А. Смирнов-Русецкий. Озеро Вудъявр. Цикл «Хибиногорск». 1934–1935. Бумага, пастель © Одесский Дом-музей имени Н. К. Рериха. ГГ-186

Среди фотографий есть достаточно большой процент пейзажных снимков. К сожалению, все они только чёрно-белые и небольшого размера, но всё же передают атмосферу величия гор и озера Большой Вудъявр. В письмах Степана Степановича есть строки:

«…Я был совершенно сражён величественностью и красотой места»
(письмо семье 15 сентября 1932 г.);

«…Любуюсь необыкновенными эффектами освещения на вершинах гор»
(жене 9 октября 1932 г.);

«…Вершин не видно, а с подошв гор снег сошёл, и они опять рыже-тёмно-зелёные с чёрными ёлками и белыми кусочками снега»
(письмо жене 19 октября 1932 г.);

«…Здесь мне всё больше и больше нравится. Погода такая, что с улицы не выйдешь»
(письмо жене 22–24 октября 1932 г.);

«…Горы неисчерпаемы в своём феерическом разнообразии. Нет слов передать глубину чувств, вызываемых чудом их красочного языка»
(письмо семье 25 января 1933 г.);

«…Мы славно полазили по горам… Погода была прекрасная. Много любовались разными пунктами с разных точек зрения»
(из письма дочерям 12/15 мая 1933 г. о прогулке с женой).

Всё вышеприведённое говорит об очарованности Степана Степановича этими местами. В письме жене он делает сравнение:

«Здесь "северная сказка". Да, да, да, теперь я вполне убеждён, что никакой юг не в состоянии сравниться с заполярным севером»
(письмо от 20 сентября 1932 г.).

Степан Степанович считал, что не фотографии, а только картины художников могут передать эту красоту. В письме дочери Людмиле 10 декабря 1932 г. он писал, чтобы она привозила краски, так как природа прекрасна:

«…Вот красочки – другое дело. Кроме того, вся красота здесь исключительно – краски. На фотографиях всё пропадает».

В другом письме С. С. Митусов пишет дочери Людмиле:

«…Краски на горах неизъяснимо народные. Некому смотреть только. Всё думаю: сколько красоты зря пропадает. А художники – идиоты: хоть бы ты кого-нибудь сюда на неделю, другую прислала»
(24 ноября 1933 г.).

Совпадение или нет, но вскоре приехал друг семьи, художник **Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий** (1905—1993) [*ил. 25*].

Результатом совместных прогулок в 1934 г. стало произведение Б. А. Смирнова-Русецкого, хранящееся ныне в Одесском Доме-музее имени Н. К. Рериха: *«Хибиногорск. Озеро Вудъявр»* (как гласит авторская надпись на обороте)[17]. Сам художник вспоминал, что во время поездки на Крайний Север в Мурманске он пробыл лишь

Ил. 25. Б. А. Смирнов-Русецкий и С. С. Митусов. Ленинград. Квартира на ул. Моисеенко, д. 6. 1931
На стенах висят произведения Н. К. Рериха 1900–1910-х гг. © СПбГМИСР. КП-1278

сутки и немедленно выехал в Хибиногорск, «где был ласково встречен Митусовым». И далее: «Удивительно своеобразна природа этих мест: плоские горы (Юкспор, Вудъяврчорр) и величественные, спокойные озёра. С высоты гор открывалось даже далёкое, огромное озеро Имандра»[18]. При сравнении фотографии [*ил. 11* и *23*] и картины [*ил. 24*] видна поразительная точность запечатлённого пейзажа[19].

Хибиногорский период не прошёл бесследно для семьи Митусовых. Кроме того, что они смогли пережить тяжёлые годы, в Хибиногорске у Степана Степановича появилось много друзей и учеников, некоторые из них впоследствии перебрались в Ленинград, как например, Иоасаф Николаевич Белоусов. К сожалению, письма достаточно резко обрываются, и мы не знаем, какие обстоятельства побудили Митусова уехать с Севера. Однако по косвенным свидетельствам можно предположить, что причинами была болезнь дочери Людмилы, а также одиночество, периодически ощущаемое Степаном Степановичем. В письме жене он обмолвился об этом: «Я ведь только и живу здесь вашими письмами» (13 ноября 1932).

В заключение можно сказать, что небольшой блок фотографий С. С. Митусова раскрывает несколько интересных вопросов нашей истории, таких как строительство новых городов, отъезд интеллигенции в них, работа там деятелей искусства, значение этой работы для продвижения культуры в массы, преемственность культуры до и после революции.

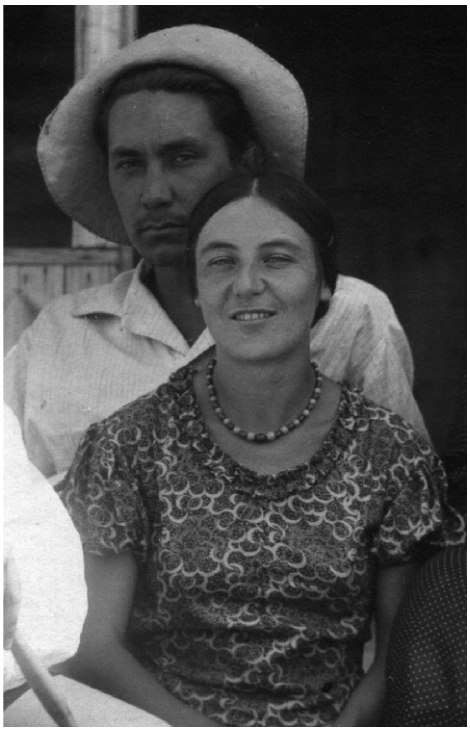
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2004. – (Серия «Щедрый дар», вып. I). – С. 93.
[2] Историко-краеведческий музей города Кировска. – 2011. – Режим доступа: http://museum25km.ru/?p=post&m2=kirov.
[3] Фрагмент рисунка Нины Алексеевны Лекаренко «На нарах. Портрет И. Л. Тартаковской» (Томск, 1938. Бумага, карандаш). Воспроизведено: База данных Виртуального музея Гулага. – Режим доступа: http://gulagmuseum.org/getImage.do?object=1911086&original=1.
[4] В 1937 г. В. И. Кондрикова обвинили в связи с врагами народа, во вредительстве, непочтительном отношении к партаппарату и даже в связи с иностранной разведкой. Он был арестован 16 марта 1937 г. Приговорён по статье обвинения 58, части 7, 8, 10, 11 Уголовного кодекса РСФСР военной коллегией Верховного суда СССР в выездной сессии 25 августа 1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян 25 августа 1938 г. в Ленинграде. Реабилитирован 27 августа 1955 г. Верховным судом СССР.
[5] См.: *Елисеева М.* «Хибинские приоритеты» в истории Мурманской области // Живая Арктика. – 2000. – № 1. – Режим доступа: http://www.arctic.org.ru/new/elis.htm.
[6] В браке – И. Л. Кондрикова. Окончила Ленинградский горно-обогатительный техникум. Арестована 27 сентября 1937 г. Поменяла фамилию, но от мужа не отказалась, за что получила 10 лет как жена врага народа. В заключении в «Томском лагере членов семей изменников Родины», с 1939 г. – на Колыме, в районе Магадана; досрочно освобождена 24 февраля 1943 г. В конце 1940-х гг. отыскала сына Дмитрия, эвакуированного во время Великой Отечественной войны на Кавказ, и вернулась в Ленинград.
[7] Из воспоминаний И. Л. Тартаковской // Живая Арктика. – 2000. – № 1. – Режим доступа: http://www.arctic.org.ru/2001/fer_kon.htm.
[8] *Киселёв А. А.* Всё началось с «Тиэтты» // Мурманский вестник. – 2000. – 19 июля. – С. 2, 16. – Режим доступа: http://www.apatitylibr.ru/dl/nauka/knc/knc2.pdf.
[9] *Елисеева М.* Указ. соч.
[10] Автографы всех использованных в настоящей статье писем С. С. Митусова хранятся в рукописно-документальном фонде СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов».
[11] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 81.
[12] *Там же.* – С. 92.
[13] *Там же.* – С. 70.
[14] Борис Смирнов-Русецкий. Творческий путь. – СПб.: Художник России, 1992. – С. 36.
[15] Здесь мы воспроизвели все снимки этого альбома, кроме КП-5441/15, который является другим отпечатком КП-3566, здесь представленным [*ил. 7*].
[16] В письмах С. С. Митусова из Хибиногорска упоминается *Бихтер* без указания имени и отчества; возможно**,** это известный музыкант и его друг **Михаил Алексеевич Бихтер** (1881—1947).
[17] Каталог произведений русского художника Б. А. Смирнова-Русецкого (графика, живопись). Из собраний Одесского Дома-музея им. Н. К. Рериха, Муниципального музея личных коллекций им. А. В. Блещунова, частных коллекций г. Одессы. – Одесса: Астропринт, 2005. – С. 121.
[18] Борис Смирнов-Русецкий. Творческий путь. – СПб.: Художник России, 1992. – С. 36.
[19] Благодарю за указание на это В. Л. Мельникова, заместителя директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе.

У. Е. ГАПОНЕНКО, В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

СОБРАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ Р. В. ТРОНИНА В ФОНДАХ СПбГБУК «МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ»

Ростислав Владимирович Тронин родился 31 января 1912 г. в Казани. По окончании школы он поступил в Академию художеств, где познакомился со своей будущей женой – **Людмилой Степановной Митусовой** (1910—2004) [*ил. 1*]. Они



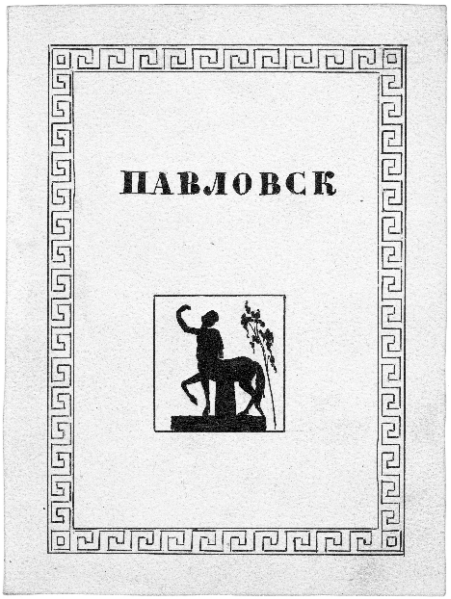
Ил. 1. Р. В. Тронин и Л. С. Митусова. Деревня Косино Московской области. 1934
Фрагмент семейного снимка. © СПбГМИСР. КП-7515

учились на одном курсе, и Р. В. Тронин стал частым гостем дома Митусовых, главой которого являлся Степан Степанович, двоюродный брат Е. И. Рерих. Его окружали люди, близко связанные и сопричастные с искусством, что, несомненно, повлияло на развитие молодого художника.

Огромное влияние на Р. В. Тронина оказал вернувшийся из-за границы в 1936 г. знаменитый художник объединения «Мир искусства» **Иван Яковлевич Билибин** (1876—1942), пригласивший студента второго курса Академии художеств работать под его руководством в области книжной графики. Но вскоре молодой

художник был призван в армию, а в 1941 г. отправился на Ленинградский фронт. Даже во время войны Р. В. Тронин не переставал заниматься творчеством, вынашивал новые замыслы, писал стихи и прозу, не переставая совершенствовать своё графическое мастерство. Лишь трагическая смерть на войне 16 января 1942 г. прервала его художественный полёт.

Когда один из авторов этой статьи познакомился с Л. С. Митусовой, она, рассказывая о своём *Славе*, отметила один горький момент. Много лет ходили слухи, что якобы красноармеец Ростислав Тронин не погиб как герой, а покончил с собой, не выдержав испытаний войны. Сразу же захотелось узнать правду, восстановить светлое имя этого замечательного человека. Первым в этом направлении было высказывание Ю. Н. Рериха о его гибели: «Значителен сам переход»[1]. Вместе с директором



Ил. 2. Р. В. Тронин. Обложка книги «Павловск». 1930-е. © СПбГМИСР. КП-5140

Музея истории Шлиссельбурга Н. Н. Трофимовой мы провели поиски в архивах и учреждениях Санкт-Петербурга и нашли подтверждение того, что он погиб на Ленинградском фронте в бою. Место его захоронения мы узнали из справки Петроградского райвоенкомата, в котором он призывался, – это деревня Райколово Парголовского района Ленинградской области. Он погиб за линией фронта, на территории, контролируемой финской армией, во время одной из разведывательных вылазок. Дальнейшие исследования позволят уточнить все обстоятельства. Благодаря чете З. Г. и К. М. Харченко, организовавшим транспорт, вдова художника, основательница Музея-института семьи Рерихов Л. С. Митусова 10 мая 2000 г. посетила это место[2].

Для нашего собрания работы Ростислава Владимировича Тронина имеют особое значение, они тщательно и с необыкновенной нежностью хранились его вдовой.

Ил. 3–6. Р. В. Тронин. Короли. Из комплекта «Игральные карты» 1930-е. © СПбГМИСР. КП-3903, КП-3897, КП-3900, КП-3894

Большую часть графических работ художника составляют иллюстрации к известным произведениям и эскизы обложек [например, *ил. 2*]. Создавались они для книг, которые готовились в то время к изданию. Все работы выполнены на должном профессиональном уровне в соответствии с требованиями заказчика, предъявляемыми к данного типа работам. Но независимо от рамок, в которых творил художник, эти работы поражают разнообразием стилей выполнения и техник. То же можно сказать и о колоде игральных карт. Всего в колоде 12 предметов: короли [*ил. 3–6*], дамы и валеты всех мастей. Изображения на картах очень символичны: червы написаны в персидском стиле, пики – в средневековом, бубны содержат элементы костюма участников венецианского карнавала, трефы же выполнены в восточном, японском стиле, который очень привлекал Р. В. Тронина[3]. Перед нами синтез культур – настоящий «Западно-восточный диван» из образного ряда И. В. Гёте[4].

Напомним излюбленное изречение И. В. Гёте из Корана: «Богу принадлежит и Восток, Богу принадлежит и Запад». Оно как нельзя лучше определяет и общечеловеческую суть творчества Р. В. Тронина, в котором в лёгком изяществе соединились достижения двух культур – восточной и западной. Как один из примеров такого соединения – автопортрет художника с женой [*ил. 7*], стилизованный из персидской миниатюры XVII в. [*ил. 8*][5]. На нём в арабской вязи стоит дата – 3 апреля 1941 г.

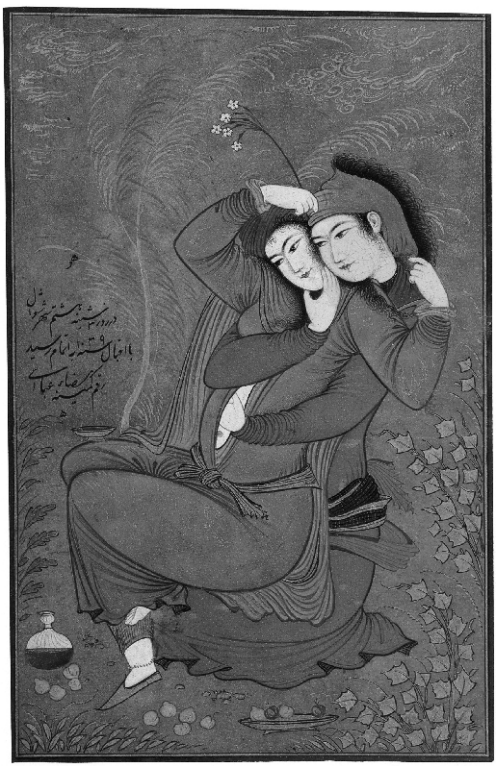
Одному из авторов данной статьи вдова художника рассказывала, что в то время они с мужем были весьма стеснены в средствах и решили продать «Восточную миниатюру» в одном художественном магазине. Каково же было удивление Людмилы Степановны от того, что она услышала от оценщика, который самым серьёзным образом принял это произведение за редкий экземпляр арабского миниатюрного искусства и назначил, на её взгляд, совершенно баснословную цену. Работа тут же вернулась в домашнее собрание, чтобы всегда напоминать о неиссякаемой любви и красоте отношений женщины и мужчины. В этом произведении, как и во многих других, Ростислав Тронин продемонстрировал романтический взгляд на внутренний мир человека, передаваемый через самое простое и сложное, общечеловечески понятное – любовь.

Ещё нужно отметить, что художника очень сильно интересовала история костюма. Ряд эскизов костюмов – женского и мужского, графитным и цветными карандашами – представлен в нашей коллекции. Эти эскизы различаются по стилям и эпохам. Здесь и эскизы французского костюма XVII–XVIII вв., и костюмы уличных танцоров, средневековых монахов, конкистадоров, греческие костюмы, эскизы обуви и многое другое [*ил. 9–12*].

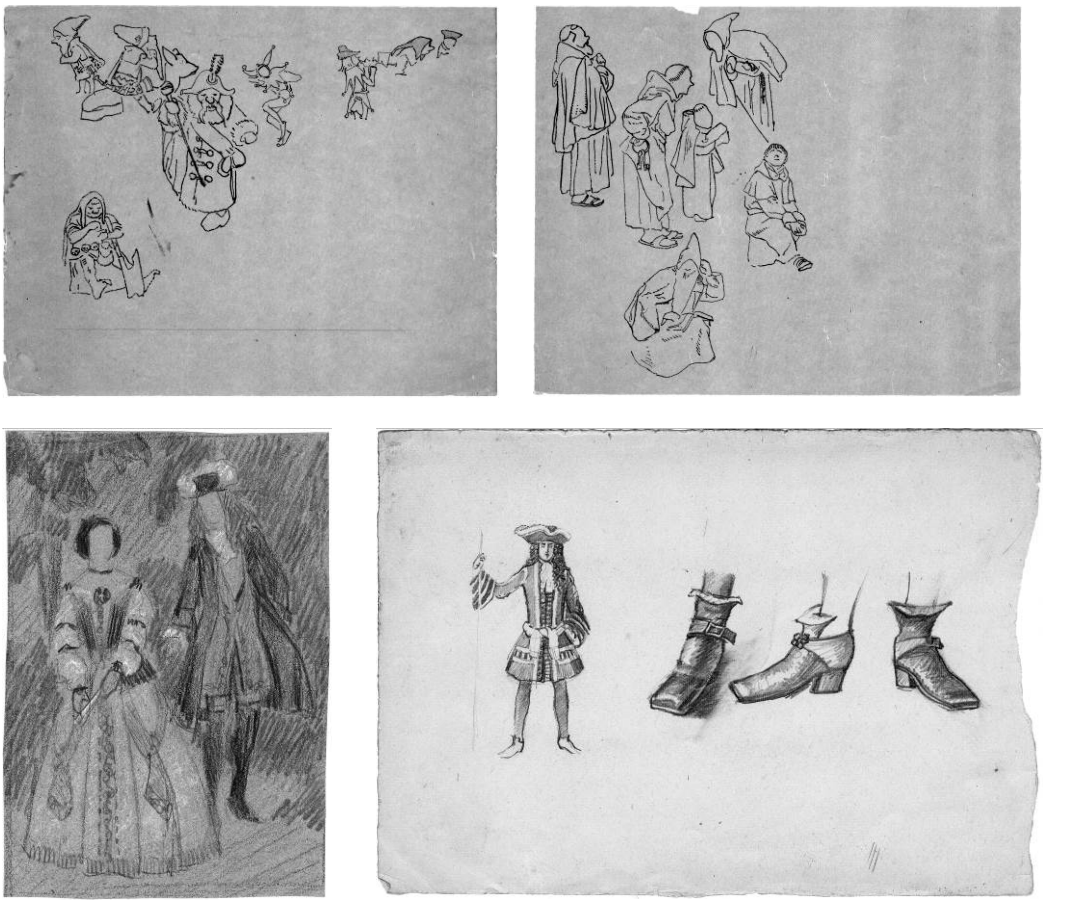
Прежде чем начинать работать над тем или иным произведением, художник досконально прорабатывал все мельчайшие детали рисунка, а уже потом приступал к написанию. Это подтверждает имеющаяся в коллекции тетрадь с рабочими набросками, элементы которых можно проследить в законченных работах, а также прорисовки видов деревьев, встречающихся в средневековой живописи [*ил. 13*].

В собрании Музея-института семьи Рерихов хранятся несколько портретов, выполненных Р. В. Трониным. Например, так называемый *«от-чай-ный»*[6] портрет жены, относящийся к августу 1940 г., – он весь был тонирован чаем, но со временем

Ил. 7. Р. В. Тронин. Восточная миниатюра (Автопортрет с женой). 3 апреля 1941 Бумага, смешанная техника. 23,0 × 16,5 (в обрамлении). © СПбГМИСР. КП-5791



Ил. 8. Риза-йи-Аббаси (перс. رضاعباسی) (родился около 1565 г. — умер в 1635 г.) Влюблённые. 1630. Бумага, темпера, золочение 18,1 × 11,9. © Музей Метрополитен (Нью-Йорк)



Ил. 9–12. Р. В. Тронин. Эскизы костюмов актёров уличного театра (*сверху слева*), костюмов средневекового монаха (*сверху справа*), мужского и женского костюмов XVIII в. (*снизу слева*) и мужского костюма и обуви XVIII в. (*снизу справа*). 1930-е
© СПбГМИСР. КП-5149, КП-5148, КП-5382, КП-5155

от тонировки не осталось и следа [*ил. 14*] – и два автопортрета в образе Онегина (1941). Один автопортрет – прямоугольный, другой – овальный. Овальный вариант долгое время хранился у друга Р. В. Тронина, известного художника **Александра Борисовича Батурина** (1914—2003) – до тех пор, пока тот однажды не вернул его Людмиле Степановне. Случилось это уже в конце 1990-х гг. Одному из авторов данной статьи Л. С. Митусова говорила, что на автопортрете «Слава как бы прощается с любимым городом, предчувствуя свою скорую гибель». В нашей коллекции также имеются портреты других людей, определить которых сегодня уже не представляется возможным (например, «Черна, как галка…», 1930-е).

Много сохранилось пейзажей – законченных и набросков. Это пейзажи Орловского парка в Стрельне, Петергофского парка с его фонтанами, другие пейзажи – загородные и городские (в том числе петербургские и уфимские).

Интересны также экслибрисы со знаками художника и его жены, отпечатанные в технике ксилографии и нарисованные в разных вариантах. Их в сохранившейся коллекции достаточно много. На них – два кабана, идущие бок о бок, изображённые в центре круглого медальона, вписанного в квадрат. Вокруг этих символических животных, в данном случае, по мнению известного рериховеда, доктора искусствоведения Евгения Палладиевича Маточкина, символизирующих жертвенность[7], трижды в симметричных орнаментальных шрифтовых сочетаниях представлены инициалы супругов – *«Р Т»* и *«Л М»* [*ил. 15*].

Ещё один экслибрис был нарисован специально для Людмилы Степановны [*ил. 16*]. На тёмной тонированной бумаге в треугольнике изображены буквы *«З»* и *«М»*, обрамлённые тремя чётко обозначенными кругами – близкими «родственниками» трёх кругов из рериховского Знамени Мира и других эмблем Н. К. Рериха 1920-1930-х гг. Треугольник с инициалами устремлён вершиной кверху, и он как бы раздвигает расположенные по бокам два другие малые симметричные треугольники, обращённые книзу, что символизирует преодоление материального

Ил. 13. Р. В. Тронин. Типы деревьев в средневековой живописи. 1930-е. © СПбГМИСР. КП-5171

Ил. 14. Р. В. Тронин. Портрет Л. С. Митусовой. Черноголовка. Август 1940. © СПбГМИСР. КП-3887

мира. Как известно, Людмилу Степановну в семье называли *Зюмой*. Время создания этого простого рисунка должно быть близко дате 28 апреля 1934 г., когда Р. В. Тронин и Л. С. Митусова официально стали мужем и женой. В то время старшие Митусовы были в Хибиногорске. Сведения о Пакте Рериха и рериховском Знамени Мира просачивались в Ленинград с большим трудом, если вообще были известны. Перед нами – удивительный пример созвучия с Рерихами в тот период, когда прямое общение с ними временно прервалось из-за «железного занавеса». И в этом символическом изображении предсказана вся последующая жизнь Л. С. Митусовой, на которую, по словам её отца, С. С. Митусова, «легла обязанность выполнения части заветов Николая Константиновича» (18 ноября 1933 г.)[8].

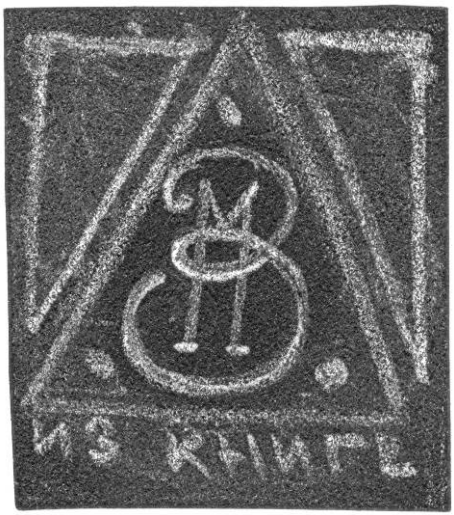
Имя *Зюма* встречается также на одной карикатуре. На ней Людмила Степановна размашистым шагом идёт к дому, размахивая портфелем, который держит в руках.

Нужно отметить, что супруг Л. С. Митусовой был не только талантливым графиком и стилизатором, но и весьма интересной личностью, обладал оригинальным чувством юмора и неиссякаемой любовью к людям. Именно он совершал очень важное, для большинства его современников незаметное, служение Культуре в тот период, когда глава семейства, Степан Степанович Митусов, выехал из Ленинграда, отправившись в вынужденную «добровольную» ссылку на Крайний Север за Полярный Круг. Это же служение он продолжил и в годы перед началом и в начале Великой Отечественной войны. В тяжёлое для Митусовых время в их семье появился не только большой художник, но и самоотверженный и светлый человек.

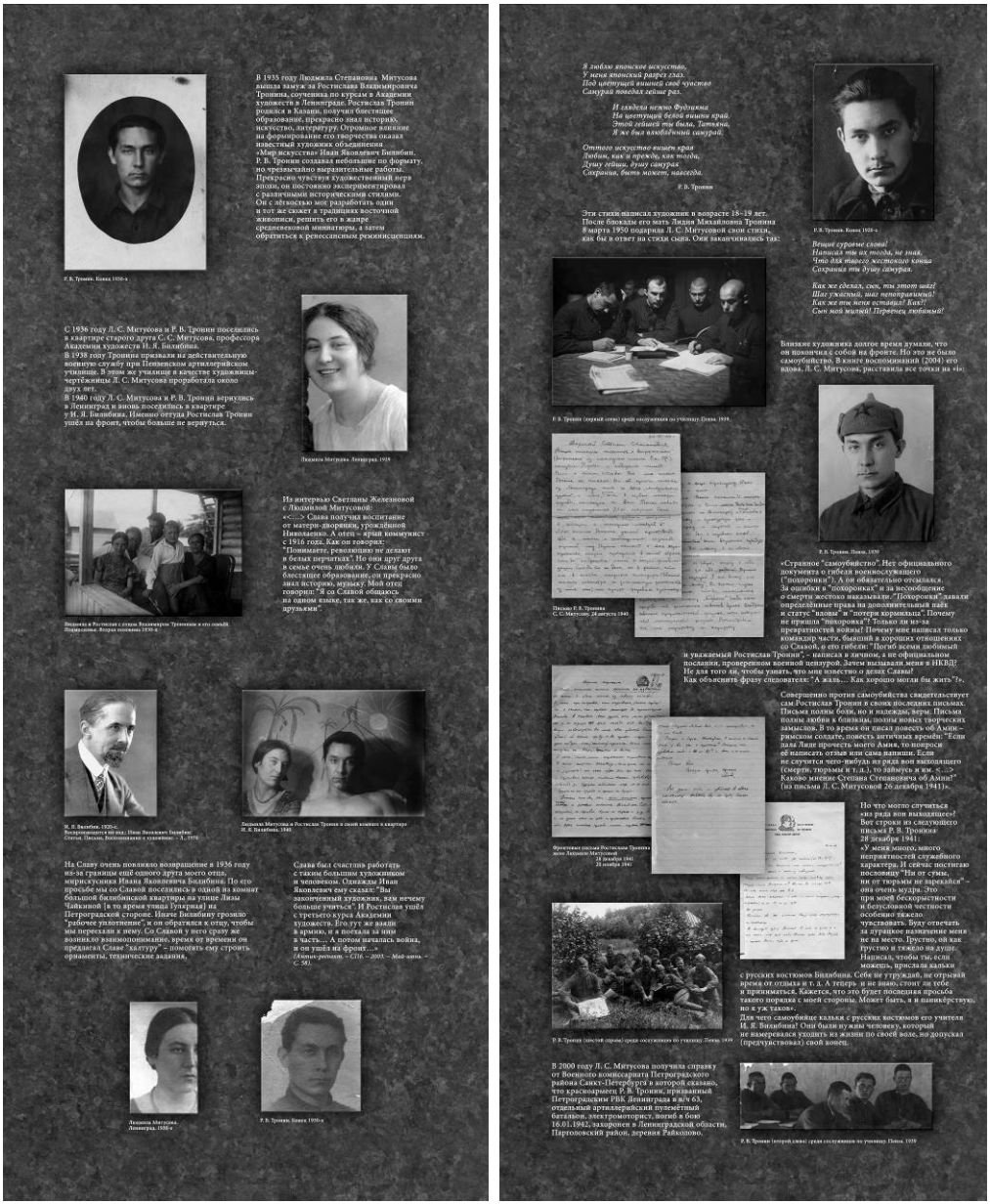
Мы все должны быть благодарны ему за то, что он помог С. С. Митусову сохранить вещи Н. К. Рериха и его семьи, ставшие спустя 60 лет основой нашего музея-института. На многих предметах из дома Митусовых ощущается его заботливое внимание – на отреставрированной им мебели, на подобранных им открытках, на собранном им фарфоре и многом другом. В связи с этим интерес к творческому наследию Ростислава Владимировича Тронина и его жизни будет только расти, мы только начинаем его изучать.

Выставка «Если б не было войны…», проведённая 26 января – 6 марта 2011 г. в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов, – первый шаг в этом направлении [*ил. 17* и *18*][9]. Одним из поразительных событий выставки был приезд на неё из Москвы племянника художника, полного тёзки Р. В. Тронина, который поделился своим светлым восприятием его жизни и творчества.

По образу мыслей Ростислав Владимирович Тронин был настоящим петербуржцем, но в нём ещё претворилось детство, проведённое в Казани. Во всём, что он делал, чувствовался крепкий, сдержанный, несгибаемый татарский дух.



Ил. 15 и *16.* Р. В. Тронин. Экслибрисы. Слева – *«Р Т»* и *«Л М»* (ксилография)
Справа – *«Изъ книгъ 3 М»* (рисунок). Конец 1930-х – 1941. © СПбГМИСР. КП-5402, КП-5509



Ил. 17 и *18.* Из оформления выставки «Если б не было войны…» Баннеры, посвящённые Р. В. Тронину. 2011. © СПбГМИСР

Утончённость восприятия, любовь и трепетность к своему делу, талант Р. В. Тронина делают его работы достойными дальнейшего изучения и экспонирования, а также особого внимания зрителя и критика[10].

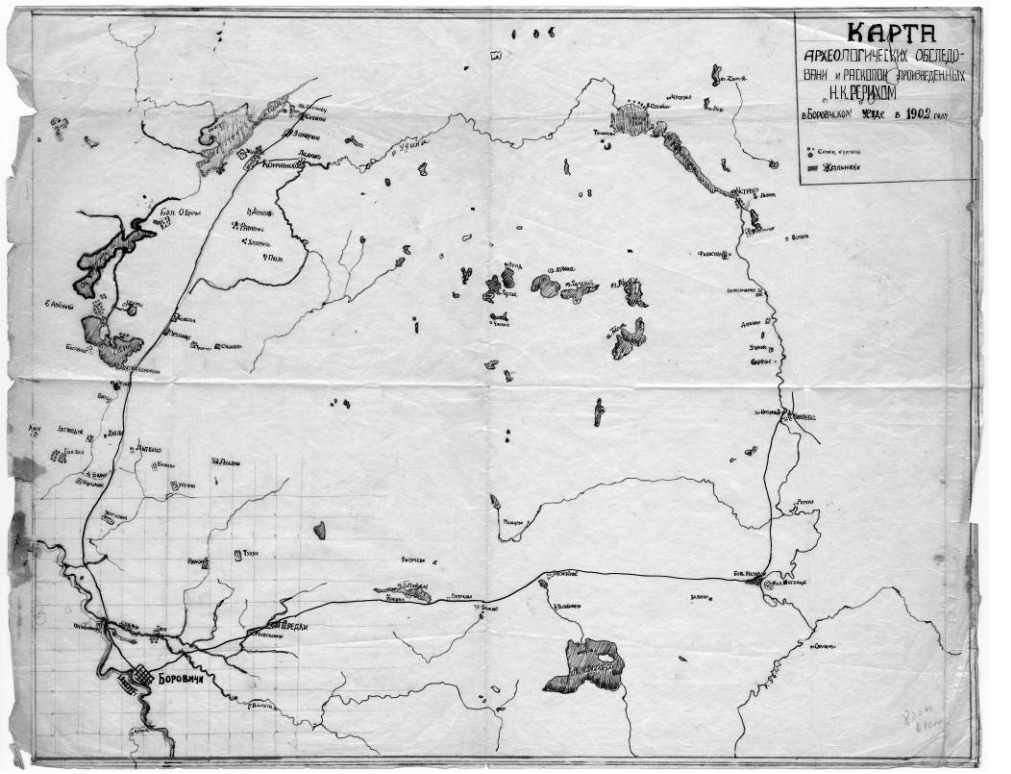
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2004. – (Серия «Щедрый дар», вып. I). – С. 106.
[2] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 109.
[3] См.: *Жарковская О., Мельников В.* Тайный смысл карт семьи Рерихов // Мир игр и развлечений. – М., 2005. – Август. – С. 116–119.
[4] *Гёте И. В.* Западно-восточный диван / Пер. В. В. Левика. – М.: Наука, 1988. – 795 с. – (Серия «Литературные памятники»).
[5] Мы благодарим старшего научного сотрудника СПбГМИСР Марию Николаевну Чеснокову за указание на эту аналогию.
[6] Так он определён самим автором. См. автограф на обороте портрета – письмо Р. В. Тронина С. С. Митусову от 25 августа 1940 г. Портрет был подарен отцу изображённой на день рождения.
[7] Е. П. Маточкин лично высказывал это мнение одному из авторов данной статьи. Нужно отметить, что трактовка образа *кабана* (*вепря*) в мировой культуре весьма многообразна. Голова кабана символизирует здоровье и хранит от опасности; даёт силу жизни, содержащуюся в голове; может принести изобилие и удачу в будущем году. Священный огонь назывался *«вепрь лесов»*. Кабан и медведь олицетворяют духовную и светскую власть этого мира соответственно. Северная Европа и кельты считали кабана первобытным символом силы и беззаветной храбрости, вепрь – общепринятый символ воинов. У кельтов, кроме того, кабан символизирует духовную власть и служит жертвоприношением (его мясо ели во время ритуалов и клали в могилы к убитым). Друиды, сами себя называвшие *«кабанами»*, отождествляли себя с оккультным лесным знанием. «Кабаньи» шлемы шведских воинов имели защитный символизм. У скандинавов и тевтонцев вепрь символизирует плодородие и урожай, является животным бури и связан с похоронами. Он ассоциируется с богами власти, битв и плодородия – такими как тевтонский Вотан, скандинавские Один, Фрейр и Фрейя, которые скакали на кабанах. Шлемы и маски кабанов передавали воинов под защиту этих богов. Золотые щетинки кабана Фрейи (по имени Гуллибурстин) – это лучи Солнца. В Сибири кабан олицетворяет храбрость, упорство, завоевание, все воинские доблести. В шумеро-семитской традиции крылатый вепрь – убийца Таммуза, но он может быть и посланником богов. В Индии кабана почитают, поскольку Вишну, под именем Вараха, воплотился в кабана, прыгнул в водный поток и поднял на клыки землю, захваченную демонами. Тем самым он спас землю от вод хаоса. Вепрь также олицетворяет Ваджраврахи – богиню расцвета и Царицу Небес, источник жизни и плодородия. Кабан считается священным и в других местах. В Иране он – символ Солнца (в Зенд-Авесте он называется *«сияющий вепрь»*).
[8] Цит. по: *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 78.
[9] Выставка «Если б не было войны...». 26 января – 6 марта 2011 г. / Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие: Буклет. – СПб., 2011. – 6 с.; ил.
[10] См. также: *Неволайнен Л. Ю.* Художник Ростислав Владимирович Тронин (1911—1942) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 267–278.

А. А. ИГНАТЬЕВ
(Музей истории города Боровичи и Боровичского края – Боровичский филиал Новгородского государственного объединённого музея-заповедника)

ХРАНИТЕЛЬ КАРТЫ РЕРИХОВСКИХ РАСКОПОК В БОРОВИЧСКОМ КРАЕ

Интересный документ сохранился в архиве **Сергея Николаевича Поршнякова** (7 (19) февраля 1889, Санкт-Петербург — 1982, Боровичи), имя которого ныне носит Музей истории города Боровичи и Боровичского края в Новгородской области. Этот документ – «Карта археологических обследований и раскопок, произведённых Н. К. Рерихом в Боровичском уезде в 1902 г.», составленная Г. И. Ивановским в 1940-е гг. [*ил. 1*]. Выполнена она тушью на кальке и свидетельствует о глубоком интересе боровичских краеведов к Н. К. Рериху и его семье в те годы, когда само упоминание имени Н. К. Рериха могло привести к окончанию не только карьеры, но и жизни. Дальнейшее наше повествование посвящено человеку, который её сохранил.



Ил. 1. Г. И. Ивановский. Карта археологических обследований и раскопок, произведённых Н. К. Рерихом в Боровичском уезде в 1902 г. 1940-е

Сергей Николаевич Поршняков – основатель и директор Боровичского краеведческого музея в 1927–1952 гг.

Как известно из дневника его деда, тайного советника Михаила Карловича Линденбаума (1813—1894), прапрадед его, Андрей Устьянцев, был полковником, «комендантом Тюмени» (по другим данным, Сибирским генерал-губернатором), дочь которого, Елизавета Андреевна (1775—1855), вышла замуж за обрусевшего немца, Карла Ивановича Линденбаума (1778—1828). Бабушка Сергея Николаевича Поршнякова, Александра Андреевна (1830-е—1869), супруга М. К. Линденбаума, была дочерью А. И. Райковского (1790-е—1860-е) – священника, преподавателя Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургской Духовной академии, с 1849 г. – благочинного.

Елизавета Андреевна Устьянцева вышла замуж за К. И. Линденбаума двадцати двух лет от роду в 1797 г. Карл Иванович Линденбаум происходил из прусских дворян. В 1794 г. он поступил на службу в Гатчинский Жандармский полк в чине ефрейт-капрала. В 1796 г. в чине поручика он был переведён в Кавалергардский корпус. После расформирования корпуса в 1797 г. Карл Иванович поступил в Лейб-гвардии Гусарский полк. Именно здесь в 1800 г. с ним произошла трагическая, но в то же время забавная история.

На одном из смотров император Павел I, особенно отличивший полковника К. И. Линденбаума своими похвалами, послал за ним ординарца. Прискакавший по вызову К. И. Линденбаум остановил разгорячённого коня в нескольких шагах от императора. В это время порыв ветра перебросил пену с губ лошади на мундир и лицо Павла. Гнев государя был так велик, что он велел ссадить Карла Ивановича с коня и тотчас же отправить в ссылку в Сибирь. Но, как известно, гнев Павла не был продолжительным – через несколько дней он сменил гнев на милость и, учитывая многочисленные боевые заслуги К. И. Линденбаума, повелел догнать колонну ссыльных и вернуть опального полковника на службу. А в знак признания его заслуг даровать в потомственное владение ближайшее поселение, от которого колонна ссыльных будет находиться. Посыльный догнал колонну вблизи села Ветельница Гороховского уезда Владимирской губернии. Так, по Высочайшему повелению, село Ветельница со всеми его жителями в количестве 100 душ стало потомственным имением Линденбаумов.

В декабре 1801 г. К. И. Линденбаум был переведён в Кирасирский полк. Соединение, которым он командовал с 1803 г., принимало активное участие в боевых действиях против армии Наполеона. Карл Иванович находился в самой гуще событий – в битвах при Голымине, Алленштейне, Вольфсдорфе, где был ранен, Петерсдорфе, Гутштадте и др. Военные заслуги К. И. Линденбаума были отмечены высокими наградами – орденами Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 2-й степени и золотой шпагой «За храбрость».

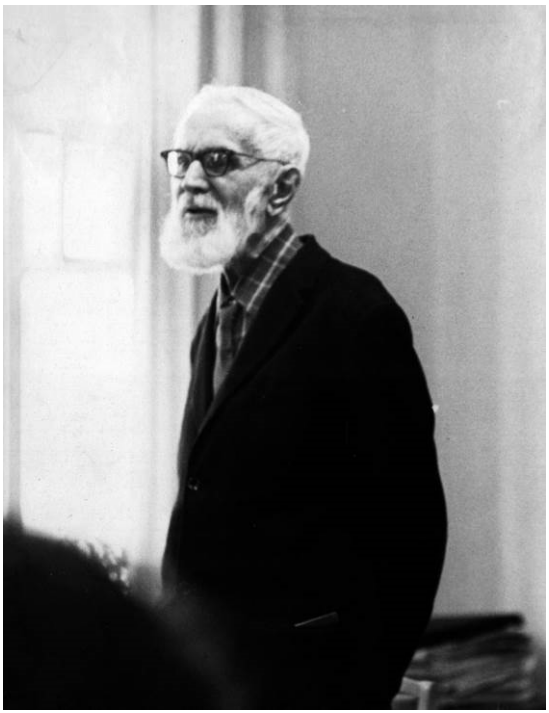
В 1809 г. полковник К. И. Линденбаум был переведён в Малороссийский кирасирский полк, а в октябре 1811 г. уволен со службы по состоянию здоровья. После увольнения из армии Карл Иванович в чине коллежского советника возглавил Кронштадтскую таможню. Однако ранения, полученные во время многочисленных

Ил. 2. Л. Соловьёв. Портрет Сергея Поршнякова. Боровичи. 1933. © Собрание А. П. Константинова

военных кампаний, основательно подорвали его здоровье, и в 1815 г. К. И. Линденбаум оставил службу, а в 1824 г., в возрасте 46 лет, умер.

Отец С. Н. Поршнякова – Николай Михайлович Поршняков (1850-е—1921), доктор медицины, врач и профессор Петербургского Надеждинского Родовспомогательного заведения. Мать – Ольга Михайловна, в девичестве Линденбаум (1865—1928).

В 1907 г., по окончании 1-й Санкт-Петербургской гимназии, С. Н. Поршняков поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1907–1910 гг. работал экскурсоводом в Зоологическом музее. В 1908 г. был командирован «с ботаническими целями на Камчатку в качестве члена Ботанического отдела Камчатской экспедиции», которой руководил его двоюродный брат, будущий академик Владимир Леонтьевич Комаров (1969—1945). В мае 1910 г. был арестован и несколько месяцев содержался в Доме предварительного заключения. Обвинялся в том, что «составлял и передавал другим лицам рукописи, заключающие призыв к ниспровержению существующего государственного строя, вёл переписку по поводу помещения у Щипцова тайной типографии для напечатания в ней преступного содержания листков и распространял революционные издания». 19 апреля 1912 г. был вынесен приговор: «дворянина Сергея Никола-



Ил. 3. С. Н. Поршняков в Боровичском клубе краеведов. Боровичи. 1970-е

евича Поршнякова, 21 года, на основании 2 ч. 164 ст. Уголовного Уложения заключить в крепость на три года». В мае 1912 г. бывшего студента С. Н. Поршнякова перевели в Петербургскую одиночную тюрьму – «Кресты». В 1913 г. в связи с празднованием 300-летием Дома Романовых С. Н. Поршняков был освобождён и восстановлен в Санкт-Петербургском университете, который окончил в 1915 г.

В 1915 г. венчался с Маврой Фёдоровной Бочковой (род. 1890). Дети: Зоя (род. 1915), Злата (род. 1916) и Георгий (род. 1918).

В 1916 г. прослушал курсы синоптики и практической метеорологии при Главной геофизической обсерватории. С середины мая 1916 г. до февраля 1917 г. был солдатом первой авиационной роты в чине рядового (Петроград, Одесса), а с марта 1917 г. и до демобилизации в 1918 г. – на Южном полигоне Главного артиллерийского управления в посёлке Береговом Симферопольского уезда, где заведовал метеорологической станцией. Летом 1917 г. несколько месяцев числился членом «Объединённой РСДРП» (Симферопольская организация). Впоследствии в партию не вступал. После Октябрьской революции поселился в усадьбе Ровное-Михайловское Боровичского уезда, имении матери. С 1919 г. член Союза работников просвещения. С 1 апреля 1918 г. работал инструктором уездного отдела народного образования, затем в качестве преподавателя на педагогических и политпро-

светительских курсах в Боровичах, Крестцах и Новгороде (1919–1925). В 1919–1921 гг. – в Боровичской Совпартшколе, в 1922–1924 гг. – в Боровичском Педтехникуме. С марта 1924 г. – инспектор народного просвещения по Боровичскому уезду. С сентября 1927 г. – заведующий Боровичским краеведческим музеем, по совместительству – преподаватель в 1-й средней школе (1927–1928), в Боровичской Школе взрослых повышенного типа (1928–1930 и 1940), в Горно-керамическом техникуме (1936–1939 и 1946–1948), в Новгородском областном учительском институте (во время размещения института в Боровичах, во второй половине 1940-х гг.). Также являлся сотрудником геологических партий Ленинградского геологического треста и Гидроэлектропроекта (1930–1935) и Экспедиции Управления строительства Соликамского гидроузла (1941).

С 1 января 1933 г. С. Н. Поршняков – действительный член Всесоюзного Географического общества. С ноября 1935 г. назначается инструктором Оргкомитета Общества изучения Ленинградской области по Боровичскому, Мошенскому, Любытинскому и Окуловскому районам. В 1940 г. его работа по изучению местного карста и гидроресурсов получила высокую оценку в резолюции Всесоюзного Географического общества.

В 1940–1942 гг. С. Н. Поршняков принимал активное участие в создании Музея А. В. Суворова в селе Кончанском. В годы Великой Отечественной войны работал по заданиям районных советских организаций над важнейшей задачей изыскания и мобилизации лекарственного сырья (растений), читал лекции для красноармейцев в госпиталях из цикла «Что надо знать бойцу по физической географии местного края» и работал над возобновлением экспозиции Краеведческого музея после частичной эвакуации и уплотнения, при вселении в здание другой организации.

Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». С 21 декабря 1947 г. был избран депутатом Боровичского городского Совета депутатов трудящихся, и оставался таковым до 1951 г.

Постановлением Правления Всесоюзного Общества по распространению политических знаний (Новгородское отделение) от 1 апреля 1949 г. утверждён рецензентом по вопросам краеведения.

Уволился из Боровичского краеведческого музея по собственному желанию 3 сентября 1952 г. С тех пор числился его нештатным корреспондентом.

Вот неполный перечень его научных работ, статей и очерков, хранящихся в архивах нашего музея и других организаций:

1. «Будем изучать наш край» (краеведческий сборник; 1930);

2. «О диатомитовых месторождениях бассейна реки Мсты» (приложение к отчёту начальника геологической партии Н. Н. Соколова; 1931);

3. «О диатомитах Бологовского района» (бюллетени № 1–3 Ленинградского геологического треста за 1932 г.);

4. «Вторичные (рассыпные) месторождения серного колчедана в бассейне реки Мсты» («Отчёт начальника колчедановой партии Поршнякова» 1932 г.; в фондах Северо-Западного Геологического управления);

5. «О минеральных ресурсах бассейна реки Мсты (1932);

6. «Месторождения гравийных дорожно-строительных материалов в Боровичах и смежных районах» (отчёт о работе по договору с Центральным бюро краеведения; 1934);

7. «Карстовые явления в бассейне реки Валдайки» (отчёт о работах, произведённых в 1934–1935 гг.; в фондах Ленинградского филиала Гидропроекта);

8. «Боровичский пирогранит» (из материалов к истории керамической промышленности в Боровичах в газете «Красная искра»; 1936);

9. «О карстовых явлениях на Валдайской возвышенности» (тезисы доклада в Геоморфологической комиссии Всесоюзного Географического общества 25 апреля 1939 г.; опубликованы в «Известиях ВГО», № 10 за 1939 г.);

10. «Торфяные ресурсы Боровичского края и проблема использования торфа в сельском хозяйстве» (отчёт о работе по договору с Центральным бюро краеведения; 1930-е);

11. «Недра Мошенского района» (цикл популярных очерков геологии бассейна Увери и Мсты в газете «Мошенской колхозник»; 1930-е);

12. «Карстовые ландшафты в районе Валдайской возвышенности и Мстинской впадины (Практические проблемы, связанные с местным карстом)» (из доклада в Комиссии вод и лесов ВГО 25 сентября 1940 г., автореферат);

13. «Карстовые явления в верхнесредней части долины Мсты и прилегающей местности» (1941; в фондах Ленинградского филиала Гидропроекта);

14. «Карта карстопроявлений в верхнесредней части долины Мсты и прилегающей местности» (1941; в фондах Ленинградского филиала Гидропроекта);

15. «Предпосылки для организации производства абразитов в Боровичском районе» (записка, составленная для артели «Промминерал»; 1942);

16. «Местный краеведческий материал – в школьном преподавании истории» (сборник «В помощь учителю», изданный Новгородским областным институтом усовершенствования учителей в 1947 г.).

На протяжении всей жизни, с 1900-х гг., С. Н. Поршняков вёл дневник, с 1920-х гг. – обширную переписку с корреспондентами музея. В последние десятилетия своей жизни работал в архивах, собирал краеведческий материал, писал воспоминания.

С 1977 г. С. Н. Поршняков – Почётный гражданин города Боровичи. Умер в возрасте 93 лет. С 1989 г. наш музей стал носить его имя.

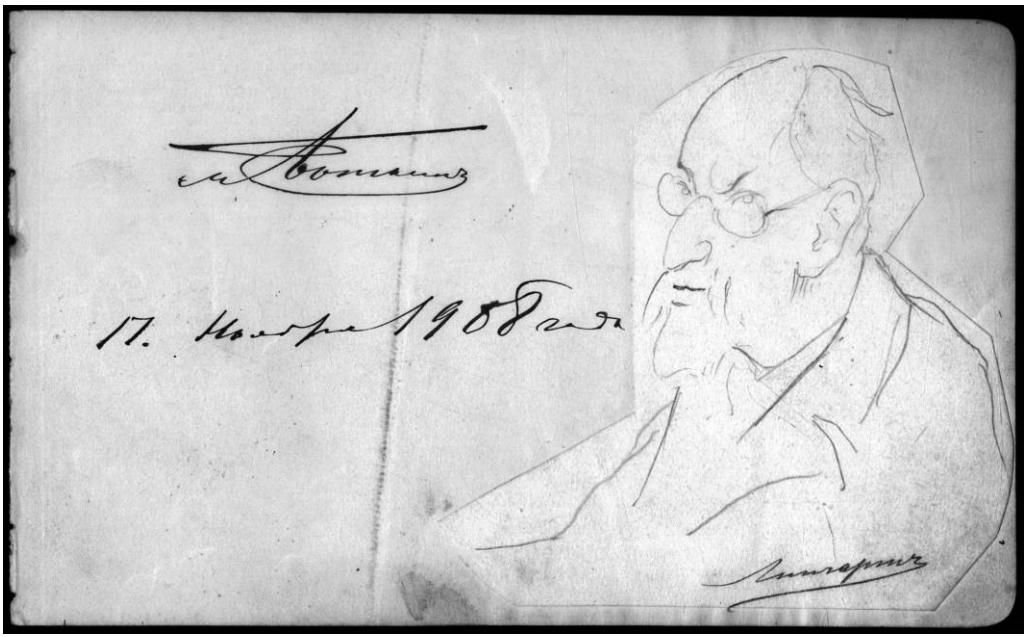
А. А. АЗИЗЯН

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

СЕМЬЯ РЕРИХОВ В НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЯХ В ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Прежде чем перейти к новым поступлениям, несколько слов о старых фондах Российской национальной библиотеки (далее – *РНБ*). Первый обзор рериховских документов в этих фондах подготовил в 1994 г. В. Л. Мельников[1].

Ил. 1. С. Ф. Платонов. 1898–1900. Фотосалон «H. Rentz & F. Schrader»
© ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 5266. Л. 2



Ил. 2. Эрнест Карлович Липгарт (1847—1932). Портрет М. П. Боткина с его автографом 17 ноября 1908. © ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 600. Л. 1

В настоящее время при любезном содействии сотрудников Российской национальной библиотеки мы продолжаем в них кое-что уточнять и обобщать для будущей полной публикации всего блока рериховских материалов в Отделе рукописей РНБ. Важным дополнением к уже «освоенным» документам являются иконографические материалы тех лиц, которые входили в круг общения Н. К. Рериха в петербургский период его жизни. Например, для международного выставочного проекта «Рериховский век» (2010) и выставок в Музее-институте семьи Рерихов (2010–2012) были востребованы фотография наставника Н. К. Рериха в области истории и археологии профессора Сергея Фёдоровича Платонова (1860—1933) [*ил. 1*] как раз того времени, когда Н. К. Рерих интенсивно с ним контактировал, и карандашный портрет коллеги Николая Константиновича по Императорскому Обществу поощрения художеств, художника Михаила Петровича Боткина (1839—1914), выполненный Э. К. Липгартом [*ил. 2*].

О последнем рисунке нужно заметить, что он дополнил картину ранее изученного архива П. Л. Вакселя (в 1994 г. никто и не помышлял, что рериховский музей в Санкт-Петербурге разместится в бывшем особняке М. П. Боткина). Рисунок выполнен графитным карандашом на плотной белой бумаге типа полукартона; затем вырезан ножницами примерно по контурам так, что получился несимметричный кусок бумаги с максимальными размерами 10,2 × 10,4; этот кусок наклеен на правую половину листа более тонкой бумаги, вырванного из блокнота, размерами 11,0 × 18,3;

автограф М. П. Боткина чёрными чернилами, таким образом, написан слева и по центру этого более тонкого листа, а наискось, в правом нижнем углу портрета, на плотной бумаге, имеется подпись художника графитным карандашом *«Липгартъ»* – подпись сделана уже после приклейки, так как её вензель частично заходит на фоновый тонкий листок.

В фонде С. Ф. Платонова (№ 585) был также обнаружен документ, свидетельствующий о том, что контакты этого учёного с семьёй Рерихов не ограничивались общением с одним из сыновей. Это копия Определения Санкт-Петербургского Окружного суда об утверждении С. Ф. Платонова и К. А. Платоновой[2] в правах наследства к имуществу, оставшемуся после смерти Ф. П. Платонова[3], заверенная отцом Николая Константиновича, нотариусом К. Ф. Рерихом. Даты документа: 24 июня и 28 августа 1882 г.[4] Определение написано коричневато-чёрными чернилами на первой – третьей страницах большого двойного листа-бланка с таким же, коричневато-чёрным типографским шрифтом. На третьей странице бланка имеются две погашенные марки, рядом – зелёная печать Санкт-Петербургского Окружного суда, внизу страницы – синяя печать судебного пристава Окружного суда и синяя личная печать нотариуса Константина Рериха. Четвёртая страница бланка пустая [*ил. 3–5*].

Из старых фондов также отмечу фонд Иосифа Наумовича Гурвича (№ 1145), ученика Н. К. Рериха в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств[5], оставившего обширные воспоминания о своём учителе, неизменно подчёркивавшего своё уважение к его наставлениям и заветам, и фонд Владимира Сергеевича Люблинского (№ 1268), соученика Юрия Николаевича и Святослава Николаевича Рерихов по гимназии К. И. Мая[6].

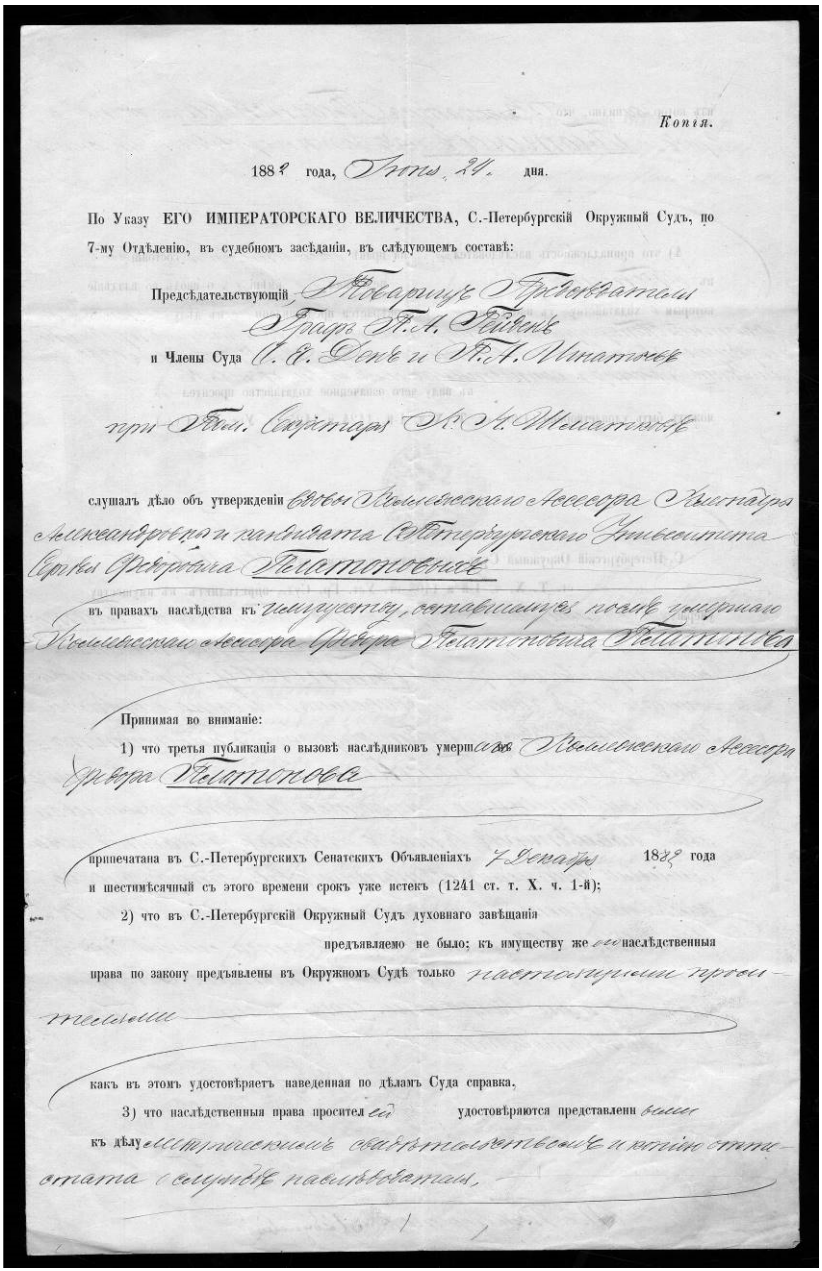
В отличие от Рерихов, Владимир Сергеевич Люблинский (1902—1980) остался жить в России после Октябрьской революции. Автор более 100 книг и статей по истории Западной Европы, истории книги и книгопечатания, вольтероведению. В 1965 г. он был избран почётным доктором Лилльского университета во Франции. Главная работа В. С. Люблинского – «Книга в истории человеческого общества» – вышла уже после его смерти. Фонд 1268 прошёл систематизацию и теперь открыт для исследователей. В нём ещё немало неизданных упоминаний о Рерихах.

Например, Татьяна Александровна Быкова, сотрудница В. С. Люблинского по Государственной Публичной библиотеке (далее – *ГПБ*)[7], постоянный его корреспондент, сообщала ему на открытке, отправленной из Ленинграда в Кисловодск, где Владимир Сергеевич долгое время лечился:

«Очень интересно рассказывал в Эстампах Ю. Н. Рерих о жизни своего отца – это было очень и очень интересно»[8].

Это сообщение датировано 23 января 1959 г., следовательно, незадолго до этого Юрий Николаевич посетил в ГПБ Отдел эстампов, в котором в дальнейшем много лет работала Л. С. Митусова. Ещё Рерихи упоминаются в письмах И. М. Богдановой[9] и Е. Н. Чеховой[10], которые также хранятся в этом фонде.

Кроме этого, в нём сохраняется фотоальбом, посвящённый гимназии К. И. Мая, из 20 листов (40 страниц), на которых 40 фотографий. Фотоальбом напечатан типографским способом, но выходных данных не имеет.



Копія.

1882 года, Іюня 24. дня.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, С.-Петербургскій Окружный Судъ, по 7-му Отдѣленію, въ судебномъ засѣданіи, въ слѣдующемъ составѣ:

Предсѣдательствующій Товарищъ Предсѣдателя Графъ П. А. Гейденъ

и Члены Суда О. Е. Денъ и П. А. Игнатьевъ

при Пом. Секретаря К. Н. Шматковѣ

слушалъ дѣло объ утвержденіи вдовы Коллежскаго Ассесора Александры Александровны и кандидата С.-Петербургскаго Университета Сергѣя Федоровича Платоновыхъ

въ правахъ наслѣдства къ имуществу, оставшемуся послѣ умершаго Коллежскаго Ассесора Федора Платоновича Платонова

Принимая во вниманіе:

1) что третья публикація о вызовѣ наслѣдниковъ умершаго Коллежскаго Ассесора Федора Платонова

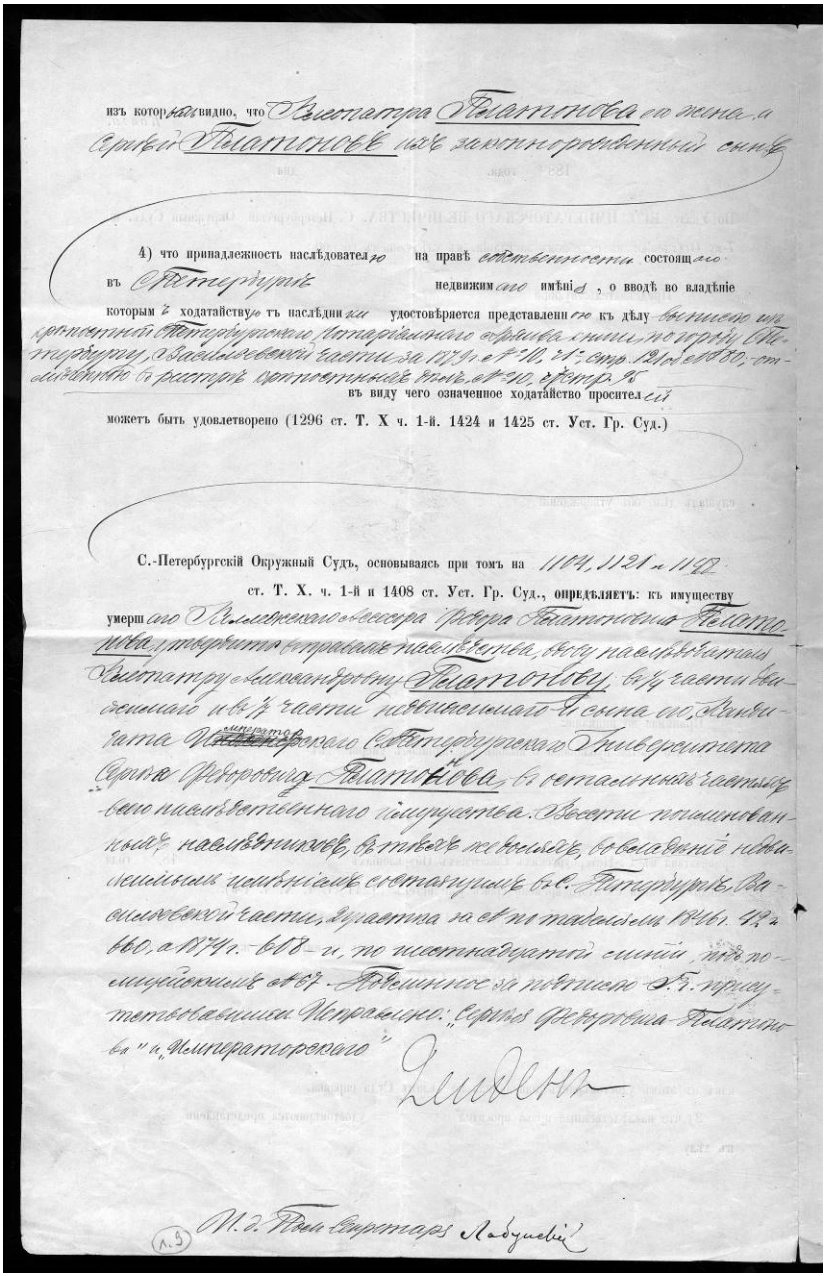
припечатана въ С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Объявленіяхъ 7 Декабря 1882 года и шестимѣсячный съ этого времени срокъ уже истекъ (1241 ст. т. X. ч. 1-й);

2) что въ С.-Петербургскій Окружный Судъ духовнаго завѣщанія предъявляемо не было; къ имуществу же его наслѣдственныя права по закону предъявлены въ Окружномъ Судѣ только настоящими просителями

какъ въ этомъ удостовѣряетъ наведенная по дѣламъ Суда справка,

3) что наслѣдственныя права просителей удостовѣряются представленными къ дѣлу метрическимъ свидѣтельствомъ и копіею оттестата о службѣ наслѣдователя,

Ил. 3. Первая страница копии Определения Санкт-Петербургского Окружного суда, заверенной нотариусом Константином Фёдоровичем Рерихом 28 августа 1882 г.
© ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1131. Л. 1



из которых видно, что Виссарiона Балтазарова по жена и Сергей Балтазаровъ законнорожденный сынъ

4) что принадлежность наслѣдователю на правѣ собственности состоящаго въ Петербургѣ недвижимаго имѣнiя, о вводѣ во владѣнiе которым ходатайству тъ наслѣдни удостовѣряется представленiемъ къ дѣлу выписью изъ ортопочтной Петербургскаго Литерiйскаго архива книги, по городу Петербургу, 3 Васильевской части за 1879 г. № 10, 21 сент. 1879 г. 00 00, отдѣленiю 6 участокъ ортопочтовыхъ тѣлъ № 10, участокъ 5

въ виду чего означенное ходатайство просителя

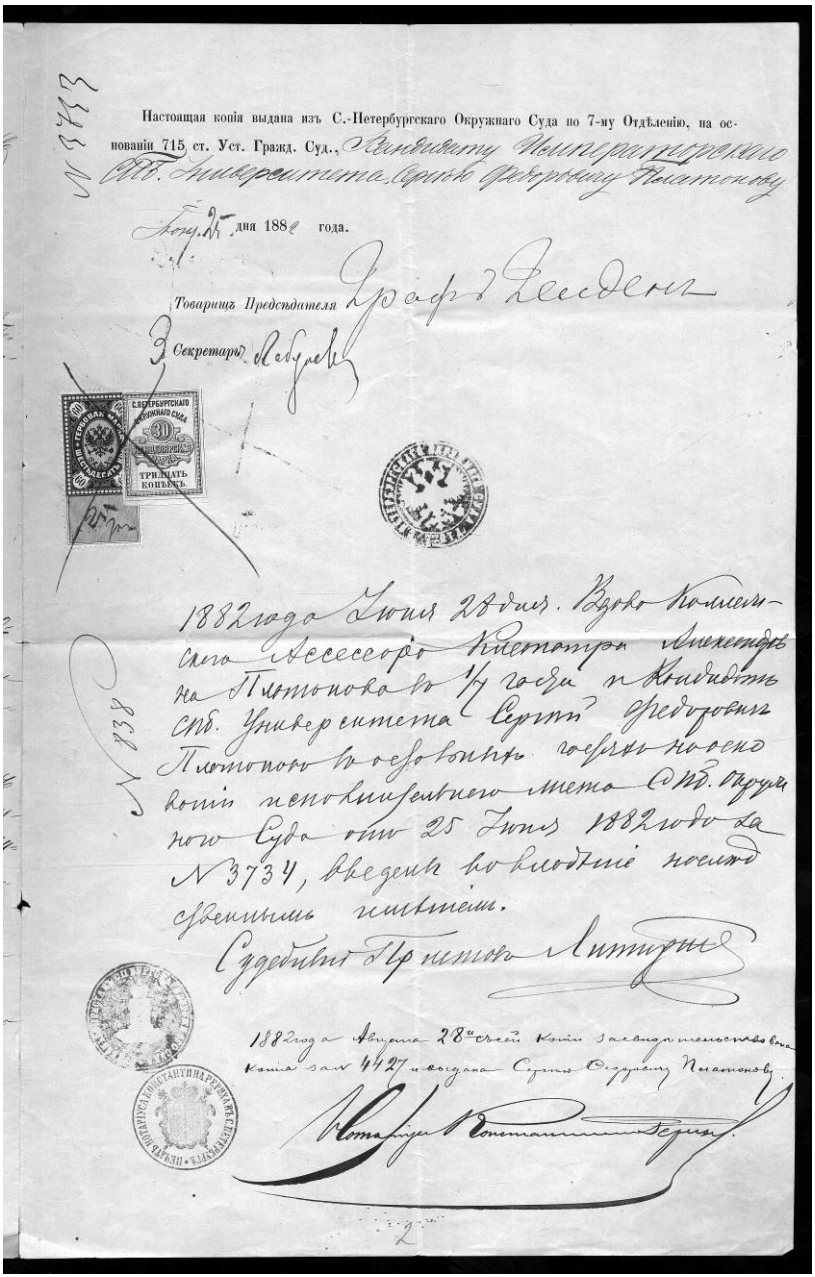
можетъ быть удовлетворено (1296 ст. Т. X ч. 1-й. 1424 и 1425 ст. Уст. Гр. Суд.)

С.-Петербургскiй Окружный Судъ, основываясь при томъ на 1109, 1121 и 1162 ст. Т. X. ч. 1-й и 1408 ст. Уст. Гр. Суд., опредѣляетъ: къ имуществу умершаго Коллежскаго Асессора Петра Балтазарова Балтазарова, открыть опекунское наслѣдство, онаго наслѣдниками Виссарiону Александрову Балтазарову, въ ½ части вышеписанаго и въ ½ части невышеписанаго сына его, Виссарiона Петербургскаго Университета Сергѣя Федоровича Балтазарова, въ остающихся частяхъ вышеписанного имущества. Высочайше поименованныхъ наслѣдниковъ, въ такомъ же вышеписанномъ имуществѣ, оповѣщенiе невышеписанныхъ наслѣдниковъ отослать въ С.-Петербургскую 3 Васильевскую часть, дабы они за от по таковымъ 1876 г. 42 в 60, а 1879 г. 608 и, по шестнадцатому сентября, по окончанiи отъ 67. Объявленiе за подписью Д. Т. приготовленiемъ Исправляющаго: „Сергѣя Федорова Балтазарова" и „Императорскаго"

М. г. Пом. Секретаря Лабунскiй

(л. 2)

Ил. 4. Вторая страница копии Определения Санкт-Петербургского Окружного суда, заверенной нотариусом Константином Фёдоровичем Рерихом 28 августа 1882 г.
© ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1131. Л. 1 об.



Ил. 5. Третья страница копии Определения Санкт-Петербургского Окружного суда, заверенной нотариусом Константином Фёдоровичем Рерихом 28 августа 1882 г.
© ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1131. Л. 2

В фотоальбоме гимназии К. И. Мая даны фотографии всех учеников и интерьеров. В Отделе рукописей РНБ его предположительно датировали 1914 г., вероятно, исходя из того, что среди учеников 2-го «А» класса сфотографирован В. С. Люблинский (об этом имеется надпись карандашом на полях фотографии), а он, согласно имеющегося в этом же фонде удостоверения о сдаче вступительного экзамена в 1-й класс гимназии К. И. Мая, считается поступившим в 1-й класс в 1912 г. Однако Н. В. Благово сообщает в своей книге, что В. С. Люблинский поступил в гимназию К. И. Мая в 1913 г.[11] Тогда во 2-м классе он может быть и в академическом году 1914/1915, то есть этот альбом мог быть напечатан и в 1915 г. Это важно потому, что среди групповых фотографий всех классов, имевшихся на момент выхода альбома, должны находиться Ю. Н. и С. Н. Рерихи, учившиеся в гимназии К. И. Мая в 1913–1916 гг. и там же познакомившиеся с В. С. Люблинским. Но в составе каких классов их искать? 3-го? 4-го? Под фотографиями нет перечня фамилий, исключая карандашные пометы самого В. С. Люблинского. Таким образом, фотографии «Юрика» и «Светика» гимназического времени с большой долей вероятности находятся там[12].

Теперь о новом фонде № 1438 («А. М. Кондратов»), который поступил в 2000–2001 гг. (поступления 2000.79 и 2001.38)[13], а опись была составлена в 2002 г. Среди переписки А. М. Кондратова выявлены два его письма к С. Н. Рериху 1975 и 1978 гг. Среди фотоматериалов имеются и групповые фото, на которых запечатлён С. Н. Рерих [*ил. 6–8*]. Общая сводка документов, имеющих отношение к Рерихам:

№ единицы хранения	Название и краткая характеристика (описание)	Число документов с упоминаниями, число листов
393	**А. М. Кондратов. Материалы по теме «Буддология».** Статьи, письма, обращения и т. п. по истории создания и закрытия Буддийского храма в Ленинграде; по делу Б. Д. Дандарона; по пропажам экспонатов в Музее истории религии и атеизма и др. [1920–1970-е]. Упоминания Н. К., Ю. Н. и С. Н. Рерихов, Б. Б. Пиотровского, С. Д. Дылыковой.	6 документов, 10 листов.
447	**А. М. Кондратов. Письма П. Ф. Беликову.** 1975–1978. Упоминания С. Н. Рериха.	6 писем, 10 листов.
464	**А. М. Кондратов. Письмо Н. С. Дико.** [1979]. Упоминания С. Н. Рериха.	1 письмо, 1 лист.
467, 468	**А. М. Кондратов. Письма Ж. (М.) Д. Доржиеву.** 1978, 1983. Упоминания С. Н. Рериха, П. Ф. Беликова и А. П. Окладникова, Фудзио Канэмицу.	4 письма, 4 листа.
481	**А. М. Кондратов. Письмо Д. П. [Ионову].** [1975]. Упоминание С. Н. Рериха.	1 письмо, 3 листа.
500	**А. М. Кондратов. Письма Ф. П. Кренделеву.** 1978. Упоминания С. Н. Рериха, Л. В. Шапошниковой, А. П. Окладникова и П. Ф. Беликова.	3 письма, 3 листа.

527	**А. М. Кондратов. Письма редакции журнала «Наука и религия».** Ленинград. 1965, 1980-е. Упоминания Ю. Н. Рериха и Ю. М. Парфионовича.	2 письма, 4 листа.
542	**А. М. Кондратов. Письма С. Н. Рериху.** 1975, 1978.	2 письма, 2 листа.
569	**А. М. Кондратов. Письма В. А. Шорохову.** [1978]. Упоминания Н. К. Рериха.	15 писем, 19 листов.
624, 756	**П. Ф. Беликов. Письма А. М. Кондратову.** 1975, 1978. Упоминания С. Н. Рериха.	3 письма, 3 листа.
690, 691	**Ж. (М.) Д. Доржиев. Письма А. М. Кондратову.** Агинское. 1984, 1987. Упоминания Н. К. Рериха, Г. Ц. Цыбикова, В. Е. Ларичева, Виктора Цыбенова, а также Сибирских Рериховских Чтений.	5 писем, 6 листов.
756	**Ф. П. Кренделев. Письмо А. М. Кондратову.** 15 апреля 1978. Упоминание С. Н. Рериха и Кулу.	1 письмо, 1 лист.
1020	**Фотографии.** [1975]. В. П. Князева, А. М. Кондратов, С. Н. Рерих и другие.	3 фото, 3 листа.
1123	**Ж. Д. Доржиев. Н. К. Рерих и Г. Ц. Цыбиков – исследователи Востока.** [1984]. Машинопись.	Статья, 6 листов.
1172	**«Творческое наследие семьи Н. К. Рериха и гуманизация международных отношений».** Предложения по проведению конференции в Дипломатической академии МИД СССР. Июль 1987. Машинопись с запиской Н. С. Дико к Ж. Д. Доржиеву. 18 июля [1987].	1 лист.
1185	**Виктор (Буда-бакши) Цыбенов. Шамбалинские мотивы в творчестве Н. К. Рериха.** [1984]. Авторизованная машинопись.	Статья, 5 листов.
1186	**Т. Кривошеева. Триединство.** 15 августа 1974. Машинопись с пометами Ж. Д. Доржиева. Упоминания Г. Ц. Цыбикова и Н. К. Рериха.	Статья для газеты «Комсомолец Забайкалья». 5 листов.

Александр Михайлович Кондратов (3 октября 1937, Смоленск — 16 апреля 1993, Санкт-Петербург) – советский и российский лингвист, биолог, журналист и поэт-шестидесятник, очень заметная фигура среди деятелей нонконформистской культуры Ленинграда 1950-1970-х гг. Его отец – кадровый военный лётчик, в годы Великой Отечественной войны – начальник штаба 92-го истребительного авиационного полка, погиб в бою 23 декабря 1943 г. Мать – донская казачка.

Александр Михайлович написал десятки книг и брошюр преимущественно научно-популярного жанра, из которых наиболее известны следующие: «Математика и поэзия» (1962), «Братья по разуму» (1963), «Числа вместо интуиции» (1963), «Число и мысль» (1963), «Алло, робот!» (1965), «Великаны острова Пасхи» (1966), «Звуки и знаки» (1966), «Кто ты, Адам?» (1966), «Машина думает для нас. Шаги кибернетики» (1966; в соавторстве с Э. М. Кондратовым), «Машинный перевод (ЭВМ и дешифровка древних письмён)» (1967), «Погибшие цивилизации» (1968), «От тайны к знанию» (1969), «Тайна кохау ронго-ронго» (1969), «Когда молчат письмена. Загадки древней Эгеиды» (1970; в соавторстве с В. В. Шеворошкиным), «Хочу всё знать»

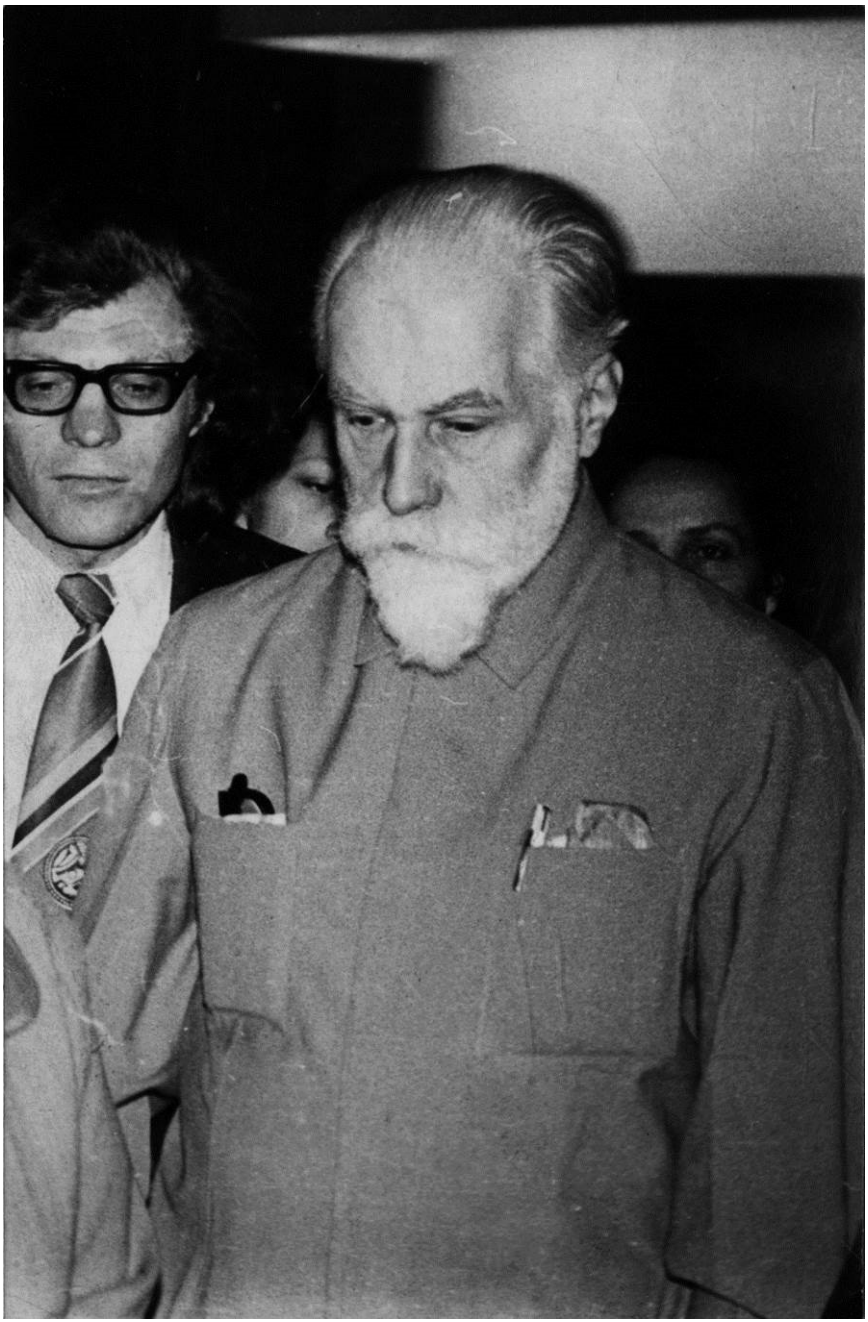
(1970), «Кибернетика и психиатрия. ЭВМ в практической и теоретической психиатрии» (1971; в соавторстве с Э. Ф. Казанцем), «Тайны трёх океанов» (1971), «Атлантика без Атлантиды» (1972), «Загадка сфинкса (150 лет египтологии)» (1972), «Путь в Тибет» (о Г. Ц. Цыбикове) (1973; в соавторстве с Ж. Д. Доржиевым), «Загадки Великого океана» (1974), «Земля людей – земля языков» (1974), «Книга о букве» (1975), «Века и воды» (1976), «О тебе и обо мне» (1977; в соавторстве с Л. Н. Гудкович), «Этруски – загадка номер один» (1977), «Адрес – Лемурия?» (1978), «Безмолвные стражи тайн (загадки острова Пасхи)» (1980; в соавторстве с Ф. П. Кренделевым), «Была земля Берингия» (1981), «Сказки и легенды маори» (1981), «Следы – на шельфе» (1981), «Великий потоп. Мифы и реальность» (1982), «Была земля Арктида» (1983), «Динозавра ищите в глубинах» (1984), «Здоровье – в движении!» (1985), «Атлантиды моря Тетис» (1986), «Атлантиды пяти океанов» (1987), «Формулы чуда» (1987), «Электронный разум» (1987), «Атлантиды ищите на шельфе» (1988), «Как рождаются мифы XX века» (1988; в соавторстве с К. К. Шиликом), «Гомбожаб Цыбиков» (1990; в соавторстве с Ж. Д. Доржиевым) и некоторых других. Печатался также под псевдонимом *Сэнди Конрад*. Общий тираж книг А. М. Кондратова, изданных в СССР и за рубежом, превышает 5 млн. экземпляров.

В 1968 г. он женился на ленинградке и до смерти 16 апреля 1993 г. жил в городе на Неве.

В 1964 г. А. М. Кондратов начал работать в области дешифровки древних письмён с помощью математических методов в группе исследователей, возглавляемых известным советским историком и лингвистом Ю. В. Кнорозовым. Участвовал в обработке материалов, добытых Норвежской Археологической экспедицией на острове Пасхи, руководимой Туром Хейердалом, опубликовав результаты исследований в «Трудах» экспедиции. В 1969 г. защитил в Институте востоковедения АН СССР диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Статистические методы дешифровки некоторых письмён Древнего Востока и Средиземноморья». Эта работа в области дешифровки исчезнувших или исчезающих языков и привела его к теме Древнего Востока, к знакомству со Святославом Николаевичем Рерихом и дальнейшей переписке с ним.

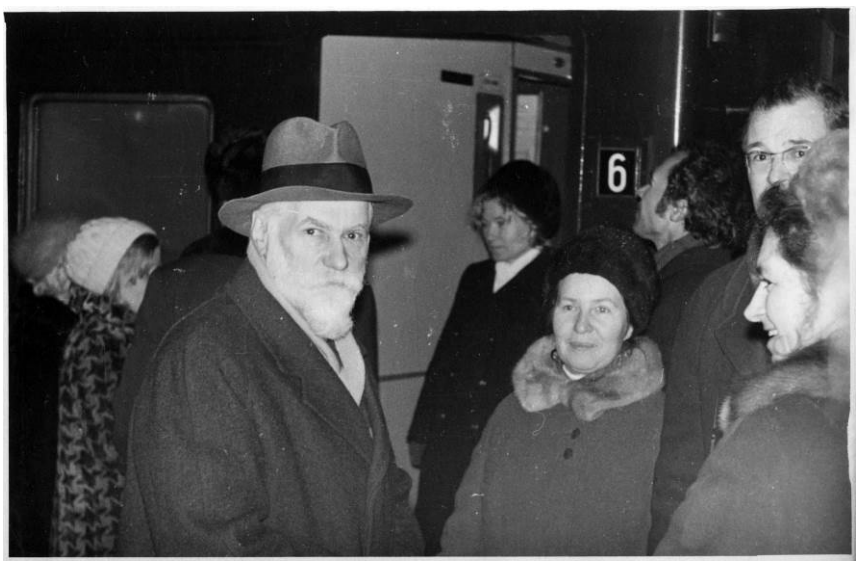
Л. С. Митусова, хорошо знавшая А. М. Кондратова, вспоминала, что помогла ему лично встретиться с С. Н. Рерихом. В своей книге она пишет: «Чем он только не занимался. А перед Святославом Николаевичем он почему-то вынул целый альбом фотографий, на которых выполнял все мыслимые и немыслимые упражнения хатха-йоги, в том числе известную “позу лотоса”. “Зачем Вы этим занимаетесь?” – спросил Святослав Николаевич. – “Для духовного развития это ничего не даёт”»[14].

Судя по всему, именно момент первой встречи А. М. Кондратова со Святославом Николаевичем запечатлён на снимке из его архива [*ил. 6*]. На следующем снимке [*ил. 7*] – момент встречи с директором Агинского окружного краеведческого музея имени Г. Ц. Цыбикова Жигжитжаба (Михаила) Доржиевича Доржиева (1917—2000), соавтора А. М. Кондратова по исследованиям жизни и творчества Г. Ц. Цыбикова. Спустя десять лет под впечатлением знакомства со Святославом Николаевичем и его супругой Девики Рани Ж. Д. Доржиев записал:



Ил. 6. А. М. Кондратов и С. Н. Рерих. Ленинград. [Январь 1975]. © РНБ

Ил. 7. С. Н. Рерих на встрече в Доме учёных. Ленинград. [20 января 1975]. Рядом с ним – заслуженный работник культуры РСФСР (1967), директор Агинского окружного краеведческого музея имени Г. Ц. Цыбикова (1969–1999), кандидат исторических наук (1978) **Жигжитжаб Доржиевич Доржиев** (1917—2000). © РНБ



Ил. 8. С. Н. Рерих на Московском вокзале. Ленинград. [22 января 1975]. Рядом с ним – кандидат искусствоведения (1953), ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея **Валентина Павловна Князева** (1926—2004). © РНБ

«… Лично встречался в городе Ленинграде с С. Н. Рерих и Д. Р. Рерих и получил незабываемое впечатление и познание о большом научном вкладе семьи Н. К. Рерих»[15].

В своих письмах к С. Н. Рериху А. М. Кондратов поднимает тему восстановления Буддийского храма в Ленинграде[16] и Гималайского исследовательского института «Урусвати» в долине Кулу[17]. О «реанимации» научной работы на севере Индии в духе рериховских научных идей он мечтает и в письмах к известному рериховеду Павлу Фёдоровичу Беликову (1911—1982). Однако, многие чаемые им проекты, к сожалению, не воплотились при его жизни. В 1982 г. умер П. Ф. Беликов, который был крепким связующим звеном между многими рериховцами в Советском Союзе и С. Н. Рерихом, постоянно проживающим в Индии.

В своих письмах к С. Н. Рериху А. М. Кондратов стремится сообщать только «белые» новости[18]. Видно, об этом его просил сам Святослав Николаевич, зная, сколько всего разного «разливается» в Советском Союзе. В переписке А. М. Кондартова с другими лицами упомянуты учёные из круга общения Ю. Н. Рериха. Увы, эти упоминания никак не отнести к разряду «белых», поскольку они затрагивают репрессии и провокации советских органов в адрес буддологов и «необуддистов», таких как Бидия Дандарович Дандарон (1914—1974).

Ещё в архиве сохранились документы о том, что Александр Михайлович пытался публиковать в журнале «Наука и религия» переводы ученика и сотрудника Ю. Н. Рериха, крупного тибетолога Юрия Михайловича Парфионовича (1921—1990), но эта его инициатива не была поддержана. В своём письме в редакцию журнала А. М. Кондратов даёт высокую оценку сочинению «Жизнь Миларепы» о великом тибетском поэте и мыслителе XI–XII вв., предлагает осуществить перевод с тибетского на русский язык в противовес уже существующему «безграмотному переводу»[19] с тибетского на английский.

Завершу свой обзор цитатой из письма Александра Михайловича Ж. Д. Доржиеву 12 июня 1987 г.:

«Рекомендую в Вашем музее поместить фотографию Михаила Сергеевича [Горбачёва] и Святослава Николаевича [Рериха]. Мы с Вами люди маленькие, но честные. В сделки со своей совестью никогда не вступали. Искренне рад приветствовать Вас как коммуниста – “беспартийный коммунист” Александр Кондратов»[20].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Экземпляры этого обзора хранятся в Научном архиве СПбГМИСР, в Музее-усадьбе Н. К. Рериха в Изваре и в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

[2] Клеопатра Александровна Платонова – мать С. Ф. Платонова.

[3] Фёдор Платонович Платонов – отец С. Ф. Платонова, коллежский асессор.

[4] ОР РНБ. Ф. 585 («С. Ф. Платонов»). Ед. хр. 1131. Л. 1–2.

[5] См. о нём в связи с Н. К. Рерихом: *Мельников В. Л.* Воспоминания И. Н. Гурвича о Н. К. Рерихе и М. К. Чюрлёнисе // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конфе-

ренции. – Т. V: Наследие семьи Рерихов: проблемы сохранения и актуализации. Н. К. Рерих и М. К. Чюрлёнис. – СПб., 2013. – С. 112–118.

[6] См. о нём в связи с Рерихами: *Рерих Ю. Н.* Письма В. С. Люблинскому в Ленинград / Публ. И примеч. В. Л. Мельникова // Петербургский Рериховский сборник. – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – Вып. I. – С. 365–370; *Благово Н. В.* Семья Рерихов в гимназии К. И. Мая / Отв. ред. чл.-корр. РАН Р. М. Юсупов. – СПб., 2006. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. II). – С. 80, 85, 86, 270. Здесь же опубликовано стихотворение из архива В. С. Люблинского: *Рерих Ю. Н.* Каменный витязь. – 1914 г. // *Благово Н. В.* Указ. соч. – С. 80–81.

[7] Так до 27 марта 1992 г. именовалась РНБ.

[8] *Быкова Т. А.* Письмо В. С. Люблинскому. – Ленинград, 23 января 1959 г. – Автограф. ОР РНБ. Ф. 1268. Ед. хр. 820. Л. 29 об.

[9] *Богданова И. М.* Письмо В. С. Люблинскому. – 3 ноября 1963 г. – Автограф. ОР РНБ. Ф. 1268. Ед. хр. 812. Л. 1.

[10] *Чехова Е. Н.* Письмо Александре Дмитриевне Люблинской, вдове В. С. Люблинского. – 30 мая 1968 г. Автограф. ОР РНБ. Ф. 1268. Ед. хр. 1495. Л. 3–4.

[11] *Благово Н. В.* Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. Приложения. – СПб.: Наука, 2009. – С. 69.

[12] См., например: ОР РНБ. Ф. 1268. Ед. хр. 13. Л. 16.

[13] См.: Новые поступления в Отдел рукописей РНБ: Каталог. – Ч. 1. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – С. 75–78.

[14] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2004. – (Серия «Щедрый дар», вып. I). – С. 168.

[15] Орфография оригинала сохранена. Машинопись. ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 1123. Л. 6.

[16] Например: «Мне кажется как специалисту, что было бы целесообразно, через Святослава Николаевича, привлечь внимание ЮНЕСКО к зданию бывшего буддийского храма в Ленинграде – ведь памятник, действительно, уникальный, вся документация о его уникальности, его удивительной истории и т. д. есть. Если ЮНЕСКО интерес проявит, то дело (у Ленгорсовета) мигом сдвинется с мёртвой точки <…>. Вы, в свою очередь, информируете Святослава Николаевича о возможности привлечения ЮНЕСКО (наша страна – её член и ЮНЕСКО уже взяла на сохранение Биби-Ханым, грандиозную мечеть в Самарканде) к охранению и реставрации здания бывшего буддийского храма в “северной Пальмире”, поскольку ленинградские товарищи проявляют, мягко говоря, хладнокровие к этой жемчужине (и, между нами, не для Кулу, кажется, “нагрели руки” на его грабеже, в творческом контакте с воинствующими безбожниками)» (*Кондратов А. М.* Письмо П. Ф. Беликову. – [Конец июня – начало июля 1975 г.] – Автограф. ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 447. Л. 3). Здесь и далее текст приводится в современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых стилистических особенностей оригинала. Сокращения раскрываются в случаях, не имеющих иного толкования.

[17] Например: «В №№ 10–11 журнала «Вокруг Света» за 1973 г. есть статья [Л. В.] Шапошниковой “Долина тысячи богов”, в которой рассказывается об Институте Урусвати, о коллекциях музея, включая геологические. Было бы очень хорошо, если бы Вы смогли посетить Кулу и посмотреть эти коллекции – они должны быть интересны во всех отношениях. При встрече со Святославом Николаевичем я обязательно узнаю, в каком состоянии коллекция, какой её объём, из каких мест взяты образцы и т. д. Мне думается, что Ваш визит смог бы открыть “окно в Индию”, в смысле обработки материалов Урусвати советскими учёными (в соавторстве с индийскими)» (*Кондратов А. М.* Письмо Фёдору Петровичу Кренделеву. – [После 11 февраля 1978 г.] – Автограф. ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 500. Л. 25).

[18] «Я, как Вы помните, обещал Святославу Николаевичу только “белые”, хорошие вести. Пока что единственная из таких вестей – из Москвы, а не Ленинграда. Мой давний друг и коллега, ответственный секретарь журнала «Иностранная литература», В. Л. Золотавкин сообщил мне, что в шестом номере журнала будут помещены цветные репродукции с картин Святослава Николаевича и будет дана статья о встрече с ним в редакции. Питерские дела – “на нуле”» (*Кондратов А. М.* Письмо П. Ф. Беликову. – [Апрель 1975 г.] – Автограф. ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 447. Л. 4).
[19] *Кондратов А. М.* Письмо редакции журнала «Наука и религия». – 1980-е. – Машинопись. ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 527. Л. 3.
[20] *Кондратов А. М.* Письмо Ж. (М.). Д. Доржиеву. – 12 июня1987 г. – Автограф. ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 468. Л. 4.

Б. В. ВЕРШИНИН, В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Москва; Санкт-Петербург)

СОЛНЫШКО НА ПЛЮЩИХЕ

Солнышко на Плющихе закатилось… Уже не приехать запросто сюда, не выйти на Смоленке к набережной Москвы-реки, чтобы скорее припасть к радушному теплу удивительного мира этой маленькой, хрупкой, но внутренне несгибаемой женщины.

Двадцать пятого февраля 2009 г. на 96-м году ушла из жизни **Мария Филипповна Дроздова-Черноволенко**. Переводчик, писатель, наставник – как называли её ученики. Одна из учредителей, а позднее лидеров Российского Теософского общества, большой друг Музея-института семьи Рерихов, близкий друг семьи Митусовых и особенно основателя Музея-института семьи Рерихов – Людмилы Степановны Митусовой, с которой она была знакома с 1930-х гг. практически всю жизнь. Называя каждого вновь подошедшего к ней *солнышком*, она была верным другом и вдохновителем практически всех рериховских организаций в мире. Этому очень способствовали тонкое знание ею малейших нюансов английского языка и работа в качестве члена редколлегии московского журнала «Дельфис» с момента его основания в 1993 г.

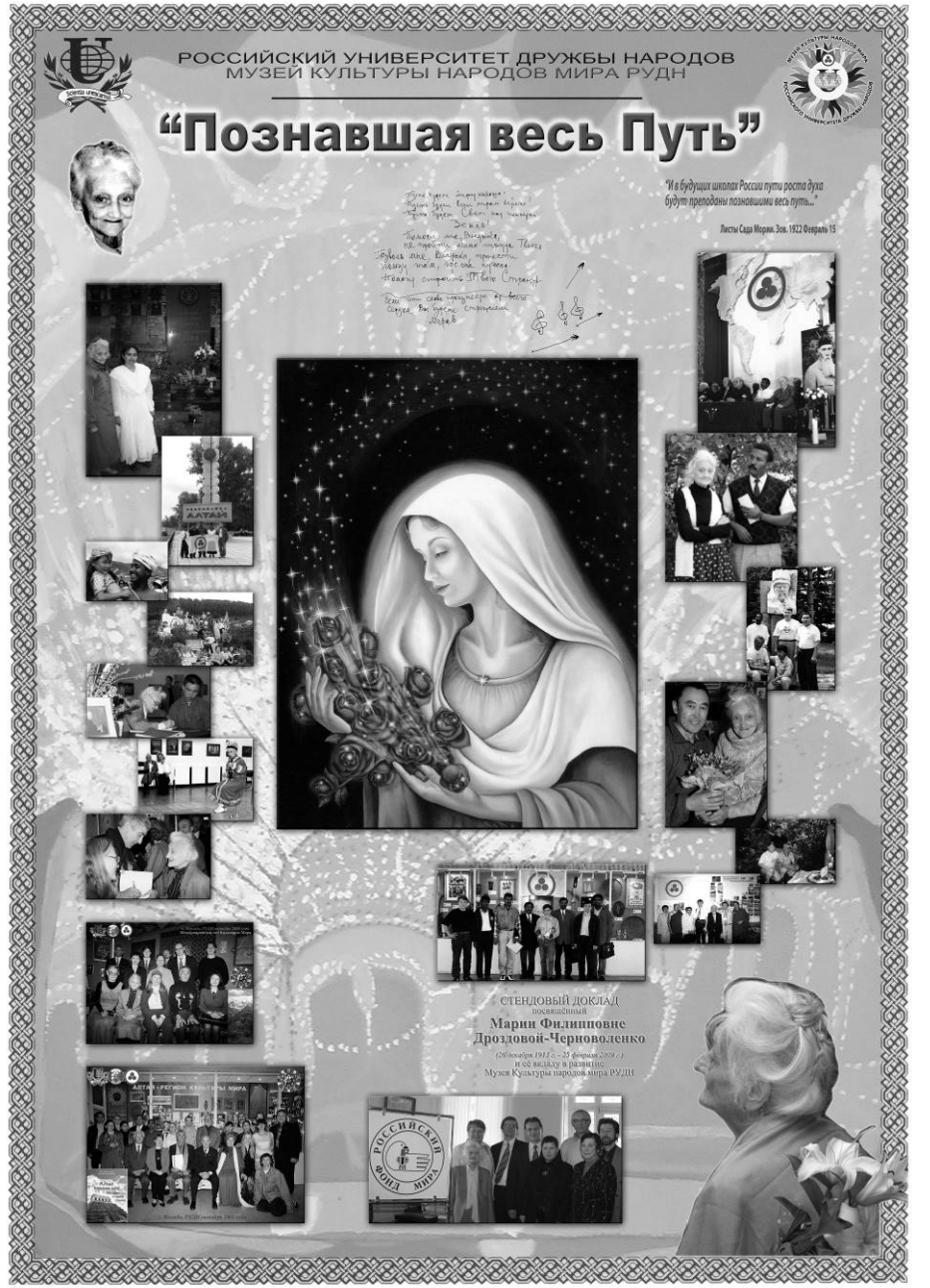
После смерти мужа – художника **Виктора Тихоновича Черноволенко** (1900—1972), она очень много сделала для сохранения его творческого наследия и знакомства самых широких кругов зрителей с его работами. Это и организация выставок, и издание альбома «Почитание Света» (1997), и выход монографии «Виктора Черноволенко век лучезарный» (2000), и проведение многочисленных круглых столов и вечеров, посвящённых творчеству художника. Среди немногих государственных и общественных музеев, которым Мария Филипповна подарила картины мужа, есть и Музей-институт семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, и Центр-Музей имени Н. К. Рериха в Москве, и Музей Н. К. Рериха в Новосибирске. Её жизненный путь, оставшиеся архив и письма, а также преданность творчеству Виктора Тихоновича Черноволенко, и само это творчество, будут служить культуре России и Мира на благо каждого дня и для будущих поколений.

Ю. Н. Рерих, В. Т. Черноволенко, М. Ф. Дроздова-Черноволенко, И. М. Богданова, Рошан Ваджифдар. Москва. 1959. Негатив (*фрагмент)*
Снимок Т. С. Митусовой. © СПбГМИСР. КП-5611/7

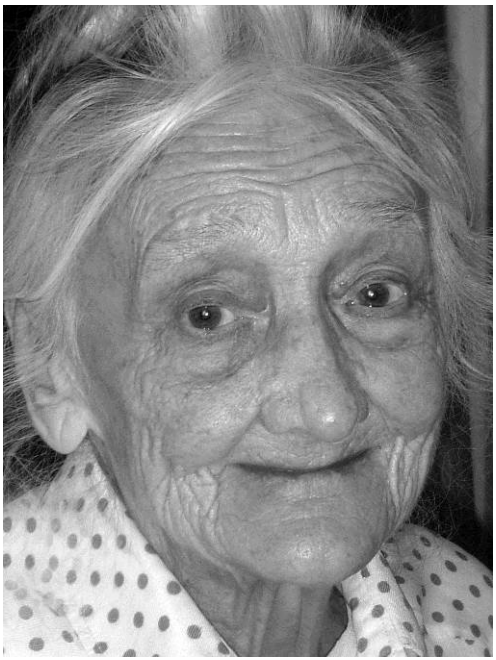
Всем памятны фотографии в 1958–1960 гг. на которых счастливая Мария Филипповна рядом с Рерихами: сначала с Юрием Николаевичем, а потом со Святославом Николаевичем и Девикой Рани… Она щедро делилась воспоминаниями о Рерихах со всеми, кто к ней обращался. Не раз их публиковала в различных изданиях.

Огромен вклад Марии Филипповны Дроздовой-Черноволенко в развитие Музея культуры народов мира Российского университета дружбы народов, где она общалась с молодёжью практически ежегодно на протяжении последних десяти лет. Всем памятны её выступления на мероприятиях, организованных Благотворительным фондом «Дельфис», на творческих встречах и выставках в музеях и библиотеках Москвы и Подмосковья. Особенно сердце Марии Филипповны было открыто Черноголовке, где всё напоминало о счастливых годах с мужем и его друзьями, включая её близких подруг сестёр Людмилу и Татьяну Митусовых, в 1960-1980-е гг. регулярно посещавших её там.

Плакат, подготовленный к конференции «Рериховское наследие». 2011



Плакат, подготовленный к конференции «Рериховское наследие». 2011



М. Ф. Дроздова-Черноволенко. Москва. 30 апреля 2005. Снимок В. Л. Мельникова

Родилась М. Ф. Дроздова-Черноволенко на Дальнем Востоке в селе Владимиро-Мономахово 26 декабря 1913 г. Интересно, что и Л. С. Митусова, и она вышли замуж в один год и обе – за художников. В 1934 г. Людмила Степановна стала женой мирискусника по духу Р. В. Тронина, а Мария Филипповна – женой художника-космиста В. Т. Черноволенко. Вскоре после этого она переехала с мужем в Москву, где окончила Институт иностранных языков по специальности переводчик с английского. Всю жизнь она проработала в системе Академии наук СССР. В 1971–1996 гг. Мария Филипповна возглавляла кафедру иностранных языков в Научном центре РАН в Черноголовке. Похоронена Мария Филипповна на Ваганьковском кладбище.

Мы для неё были *солнышки*, как и тысячи других, кого она с любовью привечала. И конечно, её *Солнышко* не с Плющихи. Любимая ею Плющиха рядом. Но её *три тополя* были иными. В целом – она жила инобытием невероятных художественных видений её супруга и *Триединством* рериховского круга Культуры. К ней мы приходили по Ростовским переулкам, уходили – по Ростовской набережной. Чтобы лететь на крыльях любви в Беспредельность духовного космоса. И это уже не Плющиха.

Она была и осталась *солнышком* всего рериховского мира. Её мысль и деятельность носили планетарный, вселенский масштаб. Вечная ей Память!

IV. РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

В. В. ВИХРОВ
(Региональная культурно-просветительская общественная организация «Мир»; Санкт-Петербург)

ПЬЕР КЮРИ И ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

Время конца XIX и начала XX вв. ознаменовалось рядом научных открытий в области «невидимого» мира:

1895 г. – открытие Х-лучей, названных затем рентгеновскими, в честь первооткрывателя;

1896 г. – открытие Антуаном Анри Беккерелем (фр. *Antoine Henri Becquerel*) явления естественной радиоактивности;

1898 г. – открытие супругами Кюри новых радиоактивных элементов радия и полония;

1900 г. – Поль Ульриш Виллар (фр. *Paul Ulrich Villard*) при исследовании радия обнаружил излучение, которое он назвал гамма-излучением.

Параллельно с этими открытиями проводились исследования, где в качестве источника излучения служило человеческое тело.

Яков Наркевич-Йодко (белор. *Якуб Наркевіч-Ёдка*) в 1890–1896 гг. получил фотографии излучения пальцев рук, сделанные методом электрографии[1].

Майор Луи Даргет зафиксировал воздействие некоторого излучения, исходящего от рук человека, на фотопластинку[2]. Эти лучи он назвал V-лучами (от англ. слова *vital* – жизненный).

Доктор Ипполит Барадюк также зафиксировал воздействие эманаций человека и животных, особенно крови, на фотопластинку[3].

Казалось, всё пропитано невидимыми лучами. Началась «лучевая лихорадка». Периодически объявлялось об открытии каких-нибудь новых лучей. В 1903 г. член-корреспондент Французской Академии наук Рене Проспер Блондло (фр. *Rene Prosper Blondlot*) сообщил об открытии N-лучей[4]. При изучении поляризации рентгеновских лучей он обнаружил новые лучи, обладающие большой проницающей способностью. По горячим следам было опубликовано около 300 научных работ, посвящённых исследованию этих лучей, некоторые исследователи утверждали, что человеческое тело также излучает N-лучи. Рене Блондло получил престижную премию Французской Академии наук за открытие N-лучей, однако многие видные учёные того времени (например, такие как лорд Кельвин и Уильям Крукс), не смогли воспроизвести результаты Рене Блондло, а в следующем, 1904-м году Роберт Уильямс Вуд доказал ошибочность его экспериментов[5].

Ещё одним необъяснимым явлением того времени, где могли быть задействованы излучения человека, были феномены, наблюдаемые во время спиритических сеансов. Известные учёные того времени в разных странах, такие как Аллан Кардек (фр. *Allan Kardec*), Уильям Крукс (англ. *William Crookes*), Иоганн Карл Фридрих Цёль-

нер (нем. *Johann Karl Friedrich Zollner*), Чезаре Ломброзо (итал. *Cesare Lombroso*), Камиль Николя Фламмарион (фр. *Camille Nicolas Flammarion*) и другие, посвятили исследованиям этих феноменов часть своей жизни, были образованы общества исследования психических явлений. В 1900 г. в Париже при активном участии Сергея Юрьевича для изучения этих явлений был учреждён Институт общей психологии[6]. Отличительной особенностью данного института было то, что для исследований психических явлений были привлечены выдающиеся учёные из разных областей науки. Среди них Арсен д'Арсонваль (фр. *Arsène d'Arsonval*) – физик и физиолог, член Французской Академии наук, президент института; Шарль Роберт Рише (фр. *Charles Robert Richet*) – физиолог, будущий Нобелевский лауреат по физиологии и медицине 1913 г.; Пьер Кюри (фр. *Pierre Curie*) – физик, Нобелевский лауреат по физике 1903 г.; Мария Склодовская-Кюри (польск. *Maria Skłodowska-Curie*) – физик, Нобелевский лауреат по физике 1903 г. и по химии 1906 г.); Жан Батист Перрен (фр. *Jean Baptiste Perrin*) – физик, исследователь катодных и рентгеновских лучей, будущий Нобелевский лауреат по физике 1926 г.; Анри Бергсон (фр. *Henri Bergson*) – философ, будущий Нобелевский лауреат по литературе 1927 г.; Поль Ланжевен (фр. *Paul Langevin*) – физик, ученик Пьера Кюри, создатель теории диамагнетизма и парамагнетизма; Жильбер Балле (фр. *Gilbert Ballet*) – психиатр, историк, член Французской Академии наук; Андре-Луи Дебьерн (фр. *André-Louis Debierne*) – физик и химик, первооткрыватель химического элемента актиний.

Когда решался вопрос о проведении в Институте сеансов с медиумом Эусапией Палладино (итал. *Eusapia Palladino*), Сергей Юрьевич как генеральный секретарь Института, по рекомендации Арсена д'Арсонваля и Эмиля Пьера Дюкло (фр. *Pierre-Emile Duclaux*), пригласил Пьера Кюри для участия в этих исследованиях.

К тому моменту он уже был известным учёным. Свою первую научную работу он опубликовал в 1880 г. совместно с П. Дезеном. Она была посвящена определению длины волны теплового излучения. Затем следовало открытие пьезоэлектрического эффекта (совместно с братом Жаком[7]) и работы по магнитным свойствам тел при различных температурах. После бракосочетания с Марией Склодовской (26 июля 1895) –изучение радиоактивности. Первое сообщение об открытии радия (в виде смеси с барием) супруги Кюри сделали 26 декабря 1898 г. во Французской Академии наук. В 1902 г. последовало открытие выделения тепла радием. В 1903 г. Лондонским Королевским обществом Пьеру и Марии Кюри была присуждена медаль Дэви. И, наконец, в 1903 г. за открытие радиоактивности супругам Кюри совместно с А. А. Беккерелем была присуждена Нобелевская премия по физике. С начала 1904/1905 академического года Пьер – профессор Сорбонны, а в следующем году он был избран во Французскую Академию наук.

Пьер Кюри приходил в Институт общей психологии чаще всего в сопровождении Марии Кюри. На сеансах в Институте он не был «свадебным генералом». Его гений проявлялся в непрерывной концентрации мысли на наблюдаемых фактах. Почти после каждой сессии он передавал Сергею Юрьевичу несколько страниц записок с предложениями и идеями[8].

Почему же Пьер Кюри согласился принять участие в этих исследованиях?

Ответ мы находим в письмах Пьера Кюри. В письме к Марии Склодовской в Польшу 17 сентября 1894 г. он пишет: «Мой брат много занимался спиритизмом в последнее время. <…> Я должен признаться, что эти явления меня очень интригуют[9]. Я думаю, что есть вопросы, которые близки к физике. В этих явлениях существует неизвестный посредник. Разве это не просто свободный магнетизм?»[10].

Спиритическими явлениями мог интересоваться и отец Пьера, Эжен Кюри, врач по профессии. Участвовал ли Пьер Кюри в спиритических сеансах до сеансов в Институте общей психологии, или интересовался феноменами только из рассказов брата, неизвестно. Первое официальное упоминание о присутствии Пьера Кюри на сеансах с медиумом Эусапией Палладино мы находим в отчёте о сеансах, составленном секретарём Института Жулем Куртье[11].

В 1905 г. Пьер и Мария посетили три сеанса, в 1906 г. – шесть. На одном из сеансов Пьер сидел рядом с медиумом, контролировал её руку и ногу. Об этом сеансе он написал краткий отчёт, опубликованный в его переписке[12]. Сеанс проходил 6 июля 1905 г. в здании Института общей психологии на улице де Конде, д. 14 [*ил. 1*]

На сеансе, помимо медиума Эусапии Палладино, присутствовали: Пьер Кюри, Сергей Юрьевич, Жуль Куртье, Арно де Грамон[13]. В качестве анонимов: X – А. Комяков, Y – Анри Бергсон, Z – Мария Кюри.

В своём отчёте Пьер Кюри описывает условия проведения сеанса – освещение комнаты, контроль за руками и ногами медиума и наблюдаемые феномены – левитацию стола, появление контуров руки из-за занавески; эта рука тянула его за волосы и щипала. Руки медиума при этом контролировались и не двигались.

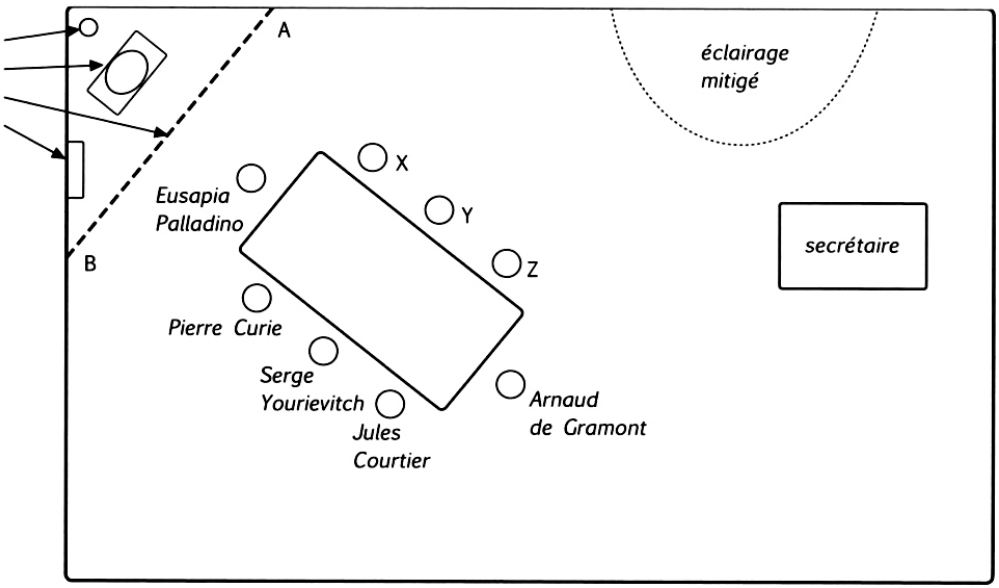


Схема помещения, в котором проходил сеанс
с медиумом Эусапией Палладино 6 июля 1905 г. Составлена Пьером Кюри

«Сначала небольшое движение стороны стола. Частичное его приподнятие. Стол поднимается на четыре фута, висит одну секунду в воздухе, а затем резко падает (как падает якорь электромагнита, когда ток выключается, явления заканчивается достаточно резко). Руки Эусапии держали в своих руках её соседи, и не было контакта её рук с верхней частью стола.

Другие подобные опыты. В одном из них стол поднялся на четыре фута. Только моя рука была на столе. Рука Эусапии была на моей руке (другой рукой она не касалась стола)».

Пьер Кюри приписывает наблюдаемые эффекты действию некоторой неизвестной энергии. Через несколько дней, 24 июля 1905 г., в письме к Жоржу Гуи (фр. *Louis Georges Gouy*)[14] он делится своими впечатлениями о сеансах с медиумом:

«Мы имели в обществе психологии несколько заседаний с медиумом Эусапией Палладино. Это было очень интересно, и, действительно, явления, которые мы видели, кажутся необъяснимыми путём обмана. Столы поднимались на четырёх ногах. Появление удалённых объектов. Руки, которые щипают или ласкают вас. Световые явления.

Всё в комнате было приготовлено для нас, небольшого количества участников, которые все были известны друг другу, без возможного сообщника медиума. Единственный возможный трюк может быть от чрезвычайного мастерства медиума как фокусника. Но как объяснить явления, когда мы контролируем ноги и руки медиума, и освещение достаточно, чтобы видеть, что происходит?

Эусапия должна вернуться в ноябре, и я надеюсь, что мы убедимся в реальности явлений, или, по крайней мере, в некоторых из них. Если некоторые явления действительно существуют, возникает вопрос, как подойти к их изучению методическим образом. Тогда это не простой эксперимент. Я хотел бы видеть, ионизируется ли воздух вокруг медиума[15]. Звука небольшого вентилятора, который забирает воздух, будет достаточно, чтобы побеспокоить медиума и отвлечь её от работы. Другая трудность состоит в том, что медиум пытается обмануть даже если она может реально показать некоторые явления, потому что так она менее устаёт»[16].

Из письма Пьера Кюри графине Элизабет Греффюль 6 февраля 1906 г.:

«…Вчера мы виделись с г-ном Юрьевичем из общества психологии, который в скором времени едет в Италию и попытается привезти Эусапию Палладино. Если ему удается вернуть её, а я надеюсь на это, то мы сможем в течение нескольких месяцев полностью убедиться в реальности этих явлений. ***Если они действительно существуют, то нет ничего более важного, с точки зрения науки, и это является совершенно новым миром****…»*[17] (здесь и ниже выделено мною. – *В. В.*).

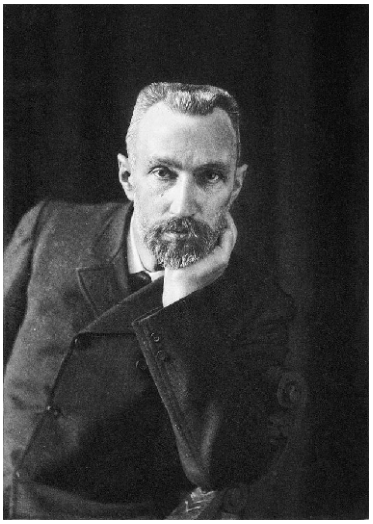
Из письма Пьера Кюри Жоржу Гуи 14 апреля 1906 г.

«…У нас было несколько сессий с медиумом Эусапией Палладино (у нас уже были сессии с ней прошлым летом). Результатом является то, что ***эти явления являются реальными и больше не может быть никаких сомнений.*** *Это невероятно, но это так, и это нельзя отрицать, сессия была проведена под совершенным контролем. <…>*

Я желаю Вам, чтобы Вы присутствовали на заседаниях, у меня нет сомнений, что после нескольких хороших сессий Вы, как и я, убедитесь.

Трудность для исследования в том, что эти явления не всегда выполняются тем же образом и невозможно воспроизвести те же движения объектов без выяснения причин. Очень трудно проводить эксперименты в одинаковых условиях.

Вы обладаете большой интуицией в понимании явлений, как бы Вы объяснили движение удалённых объектов, как Вы видите, за счёт чего это возможно? Существует, на мой взгляд, целое поле совершенно новых фактов и физических состояний пространства, о которых мы не имеем понятия»[18].



Пьер Кюри. 1906
© Emilio Segrè Visual Archives

Это строки Пьер Кюри написал за пять дней до своей трагической гибели. Вот как Сергей Юрьевич описывает этот день:

«19 апреля 1906 г. мы решили встретиться в районе 8:00 часов вечера на улице де Конде, чтобы заслушать план новых исследований. Пьер Кюри должен быть среди нас. Он был обычно точен. Прошло полчаса, затем час – Кюри опаздывает. У нас у всех предчувствие несчастного случая. Потом мы услышали крики на улице и сенсационную новость. Специальное издание объявило о страшном несчастье, поразившем французскую науку. Кюри, голова, мозг Кюри, были раздавлена колесом кареты, везущую корзину угля! Это была большая потеря для новой науки, науки психо-био-физики, и мне причинило глубокую боль. <…>

Через несколько дней после этой трагической смерти, мадам Кюри попросила меня организовать частный сеанс с медиумом Эусапией Палладино. <…> Мадам Кюри принесла одежду, в которой её муж был убит. Присутствовали на заседании: мадам Кюри; Жак, брат Пьера, тоже физик; Шарль Рише; Дж. Куртье – секретарь нашей секции и я. Я напишу об этой памятной встрече в книге, которая, я надеюсь, скоро родится. Не могу всё описать в этой короткой статье. <…>

Незадолго до своей гибели Пьер Кюри сказал мне, что он решил посвятить остаток своей жизни психическим исследованиям, и он ожидает объяснения серьёзных тайн»[19].

После трагической гибели мужа Мария Склодовская-Кюри посетила ещё несколько сеансов в Институте общей психологии, однако после 1907 г. она больше не возвращалась к этим исследованиям.

Основная ценность присутствия учёных такого уровня как Пьер Кюри в исследованиях психических феноменов состоит в том, что своим научным авторитетом они подтвердили само наличие таких феноменов в природе, несмотря на то, что о них

всячески замалчивалось официальной наукой. Уверен, что если бы не трагическая смерть Пьера Кюри, мы знали бы сейчас о «мире невидимом» значительно больше.

В заключение можно напомнить слова Н. К. Рериха о великих естествоиспытателях:

«Среди множества полезнейших открытий, встретивших на пути своём всякие затруднения, нужно вспомнить и голгофу радия, то есть, вернее, голгофу Кюри и Кюри-Склодовской. Недавно вышла отличная книга их дочери. В ней в простых и неопровержимых словах рассказано, какими трудностями были окружены оба отважных испытателя. Им пришлось работать в нищенских, тяжких условиях, и облагодетельствованное ими человечество вовсе не подумало вовремя облегчить их труды. А ведь это небрежение записано и останется укоряющим памятником»[20].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Girod, Fernand*. Pour Photographier les Rayons Humaines. – Paris: Publication de la Bibliothèque Générale d'Éditions, collection «vie mystérieuse», 1912.
[2] *Darget, Commandant; Fontenay, M. Guillaume de*. Human radio-activity // The Annals of Psychical Science. – 1909. – Vol. 8. – № 51. – P. 442; Revue photographique de l'Ouest. – 1912. – Fevrier. – № 2. – P. 25.
[3] *Baraduc H.* The Human Soul. Its movements, its lights, and the iconography of the fluidic invisible. – Paris, 1913.
[4] *Blondlot R.* «N» rays: A collection of papers communicated to the Academy of Sciences. – London: Longmans, Green & C°, 1905.
[5] *Wood R. W.* The n-Rays // Nature. – 1904. – 29 September. – Vol. 70. – № 1822. – P. 530.
[6] Более подробно об исследованиях в Институте общей психологии см.: *Вихров В. В.* Сергей Юрьевич: Исследование психических феноменов и Y-лучи // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2014. – Т. 203. – С. 117.
[7] Жак Кюри (фр. *Jacques Curie*; 1856—1941), старший брат Пьера Кюри, физик. В 1883 г. назначен профессором минералогии в университете Монпелье.
[8] *Youriévitch, Serge.* Le genie de Pierre Curie // Revue de la pensée française. – New York, 1944. – Vol. 3 (3). – P. 21.
[9] В 1894 г. выходят в свет две статьи Пьера Кюри «О симметрии в физических явлениях: симметрия электрического и магнитного полей» и «О возможности существования магнитной проводимости и свободного магнетизма».
[10] Pierre Curie correspondances / Réunies et annotées par Karin Blanc. – Paris: Éditions Monelle Hayot, 2009. Здесь и ниже приведённые цитаты переведены с французского автором статьи.
[11] *Courtier J.* Rapport sur les séances d'Eusapia Paladino à l'Institut général psychologique, en 1905, 1906, 1907 et 1908 // Bulletin de l'Institut général psychologique. – Paris, 1908. – Vol. 5/6. – P. 407–546.
[12] Pierre Curie correspondances / Réunies et annotées par Karin Blanc. – Paris: Éditions Monelle Hayot, 2009. – P. 578.
[13] Французский физик и минералог. Член Французской Академии наук с 1913 г. Граф, двоюродный брат графини Элизабет Греффюль, меценатки Кюри, тоже участницы сеансов.
[14] Французский физик, член-корреспондент (с 1901) и член (с 1913) Французской Академии наук.
[15] Одно из явлений, наблюдаемых во время сеанса с медиумом, это разрядка заряженного электроскопа при поднесении руки медиума на небольшое расстояние, не касаясь самого электроскопа. Похожий эффект наблюдался в экспериментах Кюри с радиоактивным радием. Поэтому возникла

идея об ионизации воздуха около руки медиума. Эксперимент по определению степени ионизации воздуха в районе тела медиума был проведён Пьером Кюри с сотрудниками. Ответ был отрицательным. Ионизации воздуха не наблюдалось.

[16] Pierre Curie correspondances / Réunies et annotées par Karin Blanc. – Paris: Éditions Monelle Hayot, 2009. – P. 583.

[17] *Ibid*. – P. 612.

[18] *Ibid*. – P. 643.

[19] *Youriévitch, Serge.* Le genie de Pierre Curie // Revue de la pensée française. – New York, 1944. – Vol. 3 (3). – P. 21.

[20] *Рерих Н. К.* «Quaerens quem devoret» // *Рерих Н. К.* Листы дневника. – Т. III: 1932–1947. – 2-е изд. – М.: МЦР; Мастер-Банк, 2002. – С. 597.

А. П. ЧЕРНЕЕВСКИЙ

(Центр «Семья» Приморского района; Санкт-Петербург)

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ – ПОЗНАНИЕ ПРИРОДЫ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДОЙ?

Таково современное прочтение старой неокантианской проблемы. Что мы познаём – мир или наши представления о мире? Современные теории власти дают новую почву для размышлений. Что есть научное творчество? Каким образом учёные открывают нечто новое? Каковы вообще критерии новизны? Карл Поппер (нем. *Karl Popper*) утверждает, что развитие науки – не накопление знаний, но следствие необходимости решить проблему. Наука начинается с постановки проблемы. Для гуманитарного познания ситуация с постановкой проблемы более очевидна. Например, культурная глобализация, увеличение количества межкультурных контактов, и как следствие – развитие новых направлений изучения (сравнительное религиоведение, структурная антропология и т. п.).

Откуда берут проблемы естествоиспытатели? Скорее, задача естествоиспытателя «создать проблему» для естественных сил природы, загнать стихию в границы «закона природы» и получить результат. Например, одна из главнейших проблем современной прикладной физики – получить управляемую термоядерную реакцию.

Научная теория – не истина, но «закон», более-менее жёсткие границы, в пределах которых мы контролируем стихии.

Как возможно познание без формулировки «законов»? Сам концепт «законы природы» сформировался в Новое время. Во времена теологические (Средние века и Возрождение) европейцы мыслили только законы Божьи, данные Свыше. Даже аристотелевская физика изучалась в единстве с Писанием, тем более, платоновская философия. Что же произошло в Новое время? Не просто меняется язык, меняется система отношений, у природы уже «не спрашивают», природе указывают, что делать. Одновременно с концептуализмом конца XIX столетия наука разграничивает «сферы влияния» с религией и философией. Наука изучает видимое, либо измеримое (позитивизм и прагматизм), религия и философия – невидимое и неизмери-

мое. Теперь это удел и право философов – «спрашивать у природы», учёные уже диктуют природе «что нужно».

Неужели наука не ищет истину? Разумеется, ищет. Вопрос в том, каковы критерии истинности. Для гуманитариев это научная новизна. Для естествознания – применимость на практике. Как мы можем узнать о гениальном открытии иначе, нежели вводя это открытие в оборот в научном сообществе?

И снова неокантианская проблема – возможно ли научным безличным методом менять здравый смысл человека и наш рассудок? Кроме гуманитарных и естественных наук остаётся математика, хотя и математика в большей степени – язык физиков. Каковы границы экзистенциальности перемен в мышлении физика? Например, Абрахам Маслоу (англ. *Abraham Maslow*) с вниманием относился к научному методу потому, что «наука заставит проглотить неудобные истины».

Томас Кун (англ. *Thomas Kuhn*) обозначил критерии научных революций. Возможно, существуют более широкие культурные сферы, претерпевающие периоды ровного развития и периоды революции. Прикладная наука (управляющая природой) – результат творчества учёных-философов (до XX в. эти понятия не разделялись) во все эпохи до Нового времени. В это время создаётся язык и образ мира, дающие человеку власть над силами природы. С XVII столетия человек начинает смотреть на мир смелее, и с XX в. уже теряет страх перед природой. Причина отсутствия страха – символическая культурная система, которая, в первую очередь, позволила несколько смирить человеческую природу и сократить войны.

Теперь прикладная наука и техника привели цивилизацию к новому кризису символических оснований. Растёт количество суицидов, террористических актов; межкультурное взаимодействие выходит из-под контроля, чрезвычайное положение становится нормой (Джорджо Ага́мбен, итал. *Giorgio Agamben*). Основная характеристика современной культуры – ситуация постмодерна – аналог культурной нестабильности эпохи Возрождения.

Возможно, мы наблюдаем эпоху построения Новой модели мира. Роль естествознания здесь – дать человеку опыт построения безличного знания, даже в областях, казалось бы, полностью личных – в области социальной и психологической.

Учение Живой Этики создаётся в эту переходную эпоху, в культурной ситуации, характерной поисками новых оснований «научности», точнее, нового принципа познания мира, который обладал бы традиционными критериями достоверности и полезности науки, но преодолел бы ограниченность европейской науки в её утилитарности и прикладном характере.

Принцип научной достоверности в Учении Живой Этики заключается в соединении противоположностей. Живая Этика предлагает соединить безличный принцип (универсальность) с психологическим принципом – тем самым в науку возвращается изучение самого психофизического организма человека как прибора познания. Если Галилео Галилей наблюдал мир с помощью подзорной трубы, и тем самым открыл новую эпоху приборов наблюдения и измерения в науке, то Учение Живой Этики предлагает изучать мышление, эмоции, память с помощью безличных наблюдений. Казалось бы, физиология этим и занимается, но Учение Живой

Этики вводит новую размерность – с определённого уровня знания (ранее) личные эмоции и мысли становятся (теперь) безличными «огненными» или «тонкими» аппаратами. Так, с помощью Живой Этики, мы можем говорить о новом принципе научной достоверности, где определённый набор мыслей или чувств (человека или пространства) становится измеримым явлением, которое можно наблюдать и безлично универсально описывать и применять на практике. Эти новые принципы позволили бы ввести науку в область бытия в целом, вернуть единство философии и науки, этим можно преодолеть экологический кризис, наука будет познавать истину равно полезную как для тела, так и для духа.

Разумеется, такой уровень научной достоверности в отношении эмоций пока не доступен науке, это в будущем. Две тысячи лет назад христианство постулирует принцип равенства полов и национальностей, и лишь в XX столетии это равенство становится этической и юридической нормой в европейской культуре. То же самое с нормами Живой Этики. Должны пройти века, прежде чем эти принципы будут преподаваться в школах и будут понятны не на уровне гипотезы, а на уровне здравого (общего) смысла.

А. В. ГОГИН

(Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

В ПРЕДДВЕРИИ ГЛОБАЛЬНОГО КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ НА ВЕСАХ КУЛЬТУРЫ

Да, жизнь – самое дорогое, что есть у человека. Но можно пойти и дальше: жизнь – самое дорогое из того, что вообще есть, высшая ценность бытия, венец онтологии. Но что же такое жизнь? В истории человеческой культуры понимание жизни представлено двояким образом:

(1.) жизнь – биологическая данность: сугубо земная или, при более широком взгляде, – космическая;

(2.) жизнь – фундаментальный духовный феномен, в отношении которого космобиологическая активность выступает в роли кратковременного физико-химического эпизода.

Именно здесь – на перекрёстке представлений о жизни, в усилиях осмысления нашего безотчётного чувства жизни, в зоне расхожих предпочтений в отношении её глубинной «породы», её базы, её онтологии – лицом к лицу встречаются ценности жизни и ценности культуры, адресуя в сердце каждого капитальный вопрос: так что же она такое, эта наша Земля со всеми её разумными и неразумными обитателями – большой зоопарк или *Купина Неопалимая*, пневматосфера, сосуд духовный?

И невозможно нам отделаться тривиальным ответом типа «и то, и другое», ибо любая, даже самая затейливая смесь «аптеки и монастыря» даст только очередную стилизованную схему, но никак не живое лицо реальной человеческой культуры.

На наш взгляд, задача культуры, понятой как духовное «творчество жизни»[1] – хранить достоинство, жизненную полноту и идентичность человеческого облика,

не обедняя сокровищницы его естества, обретающего себя в симфонии сложного многообразия тенденций, подчас непредсказуемых и противоречивых.

Духовная и физическая многомерность человеческого естества, нелинейный характер его внутренней динамики обусловливают тот факт, что естественная пульсация напряжения в зоне пересечения интересов жизни и культуры периодически выступает в роли детонатора серии необратимых процессов, способных спровоцировать возникновение серьёзного социокультурного кризиса.

В настоящее время развитие глобальной техногенной цивилизации стремительно меняет облик человеческой культуры, затрагивая при этом жизненные интересы всей ойкумены Земли. Этот процесс сопровождается постоянным повышением напряжения во внутренних аспектах взаимоотношений жизни и культуры, что открывает реальные перспективы вовлечения ойкумены Земли в состояние небывало глубокого кризиса.

Обращаясь к изначальному смыслу греческого по своему происхождению слова «кризис» (*κρίση*) – «суд, решение, выбор, приговор», – состояние кризиса можно обозначить как время выбора: время, когда стрелки переводятся, траектории ветвятся, и выбор реален.

Слов нет, серьёзный кризис опасен, – опасен физически. Но в плане более фундаментальном, – духовном, – опасен не столько сам кризис, сколько его последствия, – в том числе, и как следствия ошибки выбора. Задача нейтрализации опасных последствий грядущего глобального культурно-экологического кризиса требует осознания путей и механизмов его формирования. В качестве одной из попыток хоть как-то подступиться к решению столь сложной задачи, попробуем в тезисной форме представить на языке философских определений понятия жизни, цивилизации и культуры и контуры динамики их взаимоотношений:

1. Попытка осознать онтологический статус понятия «жизнь» приводит к выводу о том, что жизнь есть определённая суперпозиция состояний двух фундаментальных уровней своего существования: биокосмического и духовного.

2. Биокосмический уровень репрезентирует жизнь в качестве реализации специфической субстанциальной активности Космоса на «рынке» белково-нуклеинового обмена биосферы Земли.

3. Духовный уровень являет жизнь не со стороны формы её субстанциального воплощения, но *par excellence*, в её собственном соку, в её онтологической основе. Можно утверждать[2], что так понимаемая жизнь (собственно жизнь) простирается в вечность и, как таковая, не подчиняется правилам и законам, – она есть перманентное, хроническое чудо. Иными словами, жизнь в собственном, духовном смысле этого слова есть изначальный феномен и не сводима ни на какую субстанцию в самом принципе своего бытия.

4. Поскольку чудо по определению есть результат воздействия горнего, вечного мира на мир дольний, временный, можно сделать вывод о том, что тайна жизни заключена в её принадлежности сразу двум мирам – вечности и времени, которые она и сопрягает своей активностью.

5. Фундаментальным уровням реализации активности жизни – биокосмическому и духовному – можно сопоставить два фундаментальных, базовых слоя человеческой, социальной активности: хозяйственную и духовную, сориентированные на потребности и ценности каждой из этих форм жизни соответственно.

6. Социальный организм, фиксирующий в своей среде опыт хозяйственной активности, будем называть *цивилизацией*. В лоне цивилизации происходит накопление, хранение, обмен, творческое развитие и трансляция хозяйственного опыта поколений.

Поскольку хозяйственная активность связана с использованием организуемых природных (строго говоря, субстанциальных) эффектов, понятие цивилизации можно определить как «опыт поколений по организации и утилизации субстанциальных эффектов».

7. Базовой ценностью цивилизации, то есть «то, ради чего», собственно, раскручивается маховик хозяйственной активности, по нашему мнению, является комфорт (комфортабельное существование).

8. Базовым критерием развития цивилизации можно считать определённость качества и количества «рецептов по производству субстанциальных эффектов» – технологий.

9. Развитие цивилизации может рассматриваться в своей основе как увеличение «суммы технологии».

10. Поскольку хозяйственная активность социума паразитирует в теле «хозяйственной» активности природы и космоса, то есть всегда является элементом суммы космической технологии, – постольку любая цивилизация по сути своей космополитична и интеркосмична, экспансивна, беспочвенна и нелокальна.

Зрелой цивилизации, находящейся в фазе динамического развития, локализующая активность противопоказана в принципе: любая «почва» для неё это, в конечном итоге, склад сырья и стартовая площадка для дальнейших преобразований.

11. Социальный организм, фиксирующий в своей среде опыт духовной активности социума, будем называть *культурой*. В лоне культуры происходит накопление, хранение, обмен, творческое развитие и трансляция духовного опыта поколений.

12. Если активность цивилизации ответственна за поддержание гарантий существования коллектива на определённом уровне его энергоинформационной обеспеченности, то активность культуры направлена на поддержание полноты жизни рода на определённом уровне его личностной выраженности (поскольку жизнь в своей основе существенно персоналистична).

13. Поскольку взаимопроникновение родовой и личностной активности образует единство человеческого облика, понятие культуры можно определить как *опыт поколений по сохранению и обогащению жизни, и не просто жизни, но жизни в человеческом облике*.

14. Базовой ценностью культуры является смысл[3].

15. Базовым критерием развития культуры можно считать определённость количества и качества личностей – активных носителей (и тем самым хранителей)

жизни рода, предстательствующих род перед Лицом трансцендентных истоков жизни.

16. Поскольку жизнь личности – это всегда полагание в существовании определённого мифа, развитие культуры в своей основе может рассматриваться как увеличение «суммы мифологии».

17. Всякая подлинная культура локальна[4], почвенна и патриотична.

18. Хотя о цивилизации и культуре выше говорилось как о двух социальных организмах, понятно, что в реальности они неразрывно связаны и составляют два дополнительных аспекта единого социального организма (наподобие волны и частицы квантового состояния физического поля, левого и правого полушарий мозга и т. п.).

19. Достоинство человека – органическое единство комфортабельности и осмысленности его существования.

20. В процессе исторического развития органическое единство культуры и цивилизации всегда остаётся скорее искомым, чем данным состоянием.

21. Процесс бурного, неконтролируемого разрастания «суммы технологии» в XIX–XX вв. вызвал глубокие патологические изменения в культурных организмах Европы, а с выходом процесса на мировой уровень – практически и во всех остальных регионах Земли.

22. В конце XX в. указанный процесс (нарастающего доминирования цивилизации над культурой, ценностей комфорта над ценностями смысла) претерпевает качественный скачок: цивилизация начинает эффективно поглощать культуру: комфорт становится смыслом[5].

23. Стремительное развитие цивилизации, подминающей под себя традиционные культуры и эффективно их поглощающей, сопровождается двумя тенденциями:

(1.) распадом и деактуализацией традиционных и классических культур, оттеснением их активности на периферию общественной жизни вследствие практической неэффективности в новых условиях того облика человека, который выращивают эти культуры;

(2) формированием в недрах цивилизации служебного набора псевдокультур, совместимых с особенностями того или иного типа национально-родовой психологии.

24. Сработанная на принципах цивилизации псевдокультура представляет собой «сумму психотехники», призванную обеспечить серийное производство человеческого облика с заданными свойствами, важнейшее из которых – восприятие разнообразия меню предоставляемых псевдокультурой знаний и ощущений в качестве критерия полноты жизни. Составная часть «глобальной суммы технологии» – псевдокультура – интегрирована в хозяйство цивилизации в качестве своеобразного «секретаря-референта по гуманитарным вопросам» с широким спектром предоставляемых услуг. Наличие «гарема» псевдокультур – один из характерных показателей состоятельности и процветания глобально развитой техногенной цивилизации.

25. Симбиоз псевдокультуры и музейных реликтов традиционных и классических культур едва ли способен выполнять задачи подлинной культуры, ибо последняя призвана отнюдь не к покорно-эффективному удовлетворению естественных нужд растущей цивилизации, но к противостоянию – любви, ради сохранения полноты жизни и аутентичности человеческого облика.

26. Отсутствие указанного противостояния ведёт стремительно развивающуюся самозамкнутую цивилизацию к необратимому энергоинформационному коллапсу, её уходу за горизонт человеческого существования, с последующей физической гибелью всего социального организма, либо выходом его на иные, нечеловеческие горизонты существования (либо то и другое вместе).

27. Важнейшей задачей современной культурологии является, на наш взгляд, теоретическая разработка национальных, региональных и глобальных моделей подлинной современной культуры, преемственной по отношению к традиционным культурам, – культуры, равномощной уровню развития современной цивилизации, культуры, способной делать истинный смысл реальным маяком продуктивной деятельности цивилизации, культуры, активно дополняющей цивилизацию своим влиянием до здорового, цельного, нормально растущего социального организма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это словосочетание встречается во многих книгах Н. К. Рериха в самом разном контексте: *Рерих Н. К.* Пути благословения (1921) // *Рерих Н. К.* Пути Благословения. – New York – Paris – Rigā – Harbin: Алатас, 1924. – С. 4–18; *Он же.* Помощники (1921) // *Он же.* Гималаи – Обитель Света. Адамант: Пер с англ. – Самара: Агни, 1996. – С**.** 153–156**;** *Он же.* Священные Основы. Обращение к Академии творческих наук (1931) // *Он же.* Держава Света. – Southbury: Алатас, 1931. – С. 151–154; *Он же.* «Новый Мир» (1943) // *Он же.* Листы дневника. – Т. III: 1932–1947. – 2-е изд. – М.: МЦР; Мастер-Банк, 2002. – С. 145–146.

[2] Ср.: *Чебанов С. В.* Интерпретация тела и постижение жизни // Логос живого и герменевтика телесности. – М.: Академический проект, 2005. – С. 375–379.

[3] **Смысл** здесь – это такая ценность, в качестве критерия оценки которой выступают жизненные перспективы существования. Иными словами, существование осмыслено в том случае, если его собственная активность ориентирована ценностями, аккумулирующими в себе истинные перспективы жизни вечной и неисчерпаемой. Ср.: «Смысл есть порождение того целомудрия, которое Полноту Смысла соотносит с образом, иконой Полноты Жизни» (*Гаврюшин Н. К.* Русская философская симфония // Смысл жизни: Антология / Ред.-сост Н. К. Гаврюшин. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 9).

[4] Необходимо отметить, что эта локальность в определённом смысле относительна: перед лицом иных наций, регионов – это локус своей нации, своего региона; перед лицом иных космических существ – это локус Земли.

[5] В электротехнике подобное взаимоотношение полюсов напряжения называется коротким замыканием. Короткое замыкание обеспечивает мощный выброс энергии в месте контакта, однако финал известен: деформация проводников, быстрое истощение и дезорганизация всей системы питания.

С. Ю. КЛЮЧНИКОВ
(Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Москва)

ДУХОВНАЯ ЭНЕРГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЗАКОНЫ ФИНАНСОВОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Люди гибнут за металл…

И. В. Гёте. *Фауст*

Рынок, который для сегодняшних экономистов, политиков и бизнесменов стал чем-то вроде священной коровы, возник примерно десять или двенадцать тысяч лет назад. Первой формой обмена был натуральный обмен товарами – кстати, он сохраняется и сегодня, в виде бартера. С древних времён люди пытались распределять ресурсы с помощью меновых отношений. При этом они столкнулись с проблемой точности и справедливости таких взаиморасчётов.

Если один готов рассчитываться пушниной или какао, а другой – хлебом, то по какому принципу устанавливать «единый тариф»? Отсюда и возникла идея мены – некоей единицы, которая позволила бы обмениваться абсолютно разными товарами в интересах обоих сторон. Пропорции мены позволяли людям получать эквивалент своего товара, или доход. Со временем возникла, наконец, необходимость определения стоимости любого товара с помощью всеобщего эквивалента.

Таким образом, история появления денег на земле восходит к древнейшим временам и связана с необходимостью усовершенствовать товарообмен и меновую торговлю. Обмен товарами, несмотря на свою простоту, имеет для людей, в нём участвующих, ряд недостатков. Товары могли испортиться, желания сторон в бартере зачастую не совпадали, а главное – было очень трудно установить единую меру стоимости разных товаров. В разные времена аналогом денег служили зерно, масло, вино, сахар, опиум, какао, свинец, пушнина, рогатый скот. Латинское название денег «pekus» – скот. Гомер, говоря о деньгах, оценивал их в быках. Иногда мерой платежей служили люди – женщины, мастеровые, рабы. В первобытных культурах денежной мерой служили ракушки (каури).

Первоначально деньги изготавливались из кусочков кожи. В Китае их вырезали из шкур белых оленей. С развитием цивилизации универсальным носителем информации о ценности стало золото. Народы торговых стран Средиземноморья предпочли этот металл из-за его красоты и прочности. Историки предполагают, что ассирийцы из Каппадокии, впервые использовавшие метал в качестве денежной меры, имели даже примитивную банковскую систему, включающую в себя то, что называется «процентной ставкой», – оплату займов и долгов.

Вначале денежной единицей служили слитки драгоценных металлов – золота и серебра, но из-за их тяжести и необходимости взвешивать перед каждой сделкой, торговцы постепенно пришли к использованию более мелких кусочков металла, которые стали маркировать. Эти кусочки металла разом вошли в оборот и стали средством для покупки товаров и оплаты труда одновременно и на Западе – в Эгее,

Афинах, Коринфе, Киренаике, Персии и Македонии, и на Востоке – в Индии, Китае, Японии. Правители разных стран начали печатать на монетах свои изображения (пионером этого начинания стал Александр Македонский).

В Средние века люди пришли к выводу, что монеты разной стоимости должны содержать и разное количество металла. Орден тамплиеров, к примеру, чеканил золотые монеты, стоимостью равные реальному весу золота. Надо заметить, что и в старину, как и теперь, многие торговцы и банкиры вели со своими народами двойную игру: с одной стороны, признавали реальность золота как финансового эквивалента товаров и услуг, с другой – постоянно урезали пропорцию золота в медной монете. Так поступали не только торговцы, но и короли, обрезавшие металлические края золотых монет. Вот таким образом монеты и превратились в просто условные денежные знаки, ибо доля золота в их составе перестала соответствовать их номинальной стоимости.

Но и металлические деньги – монеты – по мере развития промышленности и торговли всё труднее становилось выпускать в количестве, которого требовал выросший мировой рынок. И человечество постепенно перешло на бумажный носитель, более выгодный в употреблении. Бумажные деньги было легче перевозить, они почти не занимали места. Вначале это были расписки – их выдавали мастера золотых и серебряных дел, беря на хранение драгоценные металлы. Понятное дело, что эти «заменители» золота отличались друг от друга по размеру, по форме, по цвету и художественному оформлению. В Новое время бумажные деньги стали печатать уже правители государств. Ну а в начале XX в. деньги в виде банковских билетов – банкнот – стали печатать банки.

В наши дни наличные деньги активно вытесняются из употребления и заменяются чеками, банковскими переводами, денежные расчёты совершаются с помощью кредитных и пластиковых карт. Появились электронные переводы, с помощью которых осуществляются мгновенные платежи. Это изменило характер всей мировой экономики. На сегодняшний день деньги в значительной степени оторвались от реального сектора экономики и материального производства.

Статистика гласит: в начале XXI в. в реальном секторе экономики удерживается не более 8–10 % мировых финансовых ресурсов – остальной огромный массив денег циркулирует в электронной экономике виртуальным образом. То есть это просто «торговля воздухом», которую осуществляют банки. В настоящий момент количество реальных наличных денег в банках составляет приблизительно 6–10 % от всех денежных вкладов, которые сделаны клиентами. Ещё 20–25 % вкладов хранятся в виде инвестиций, которые можно перевести в наличные практически мгновенно.

Банки, впервые появившиеся в эпоху Возрождения в Генуе как уличные обменные пункты, осуществлявшие денежные операции на скамьях, покрытых зелёным сукном, постепенно стали самыми могущественными финансовыми центрами мира. Люди и коммерческие организации вносили туда свои деньги и брали кредиты, а банки не только хранили эти деньги, но и вкладывали их в развитие промышленности, торговли, в другие коммерческие структуры. Национальный, частный и корпоративный капитал в разных странах рос именно с помощью банков.

Исследователи психологии финансов А. Фернам и М. Аргатл определили взаимоотношения денег с доходом и капиталом – как частным, так и национальным. По их наблюдению, современные деньги циркулируют и переходят из рук в руки при оплате: (а) товаров и услуг, которые составляют часть национального дохода; (б) переводов и промежуточных платежей, которые являются доходом с точки зрения получателей, но не являются частью национального дохода; (в) сделок, включающих недвижимость, которая является частью национального капитала; (г) финансовых исков, которые являются капиталом с точки зрения владельцев, но не частью национального капитала[1].

У нас в России деньги в виде монет, по образцу византийских денежных знаков, стали чеканить в X в. В качестве первой универсальной меры использовались кусочки меха куницы или кожи. Ручные браслеты или запястья, известные под названием гривны, служили в былые времена и деньгами, и украшениями. В дальнейшем появилась серебряная гривна, от которой отрубали лишнее серебро – отсюда и пошло слово «рубль». Помимо рубля, в обороте были такие денежные единицы, как полтина, гривна и алтын. Позднее появился червонец. В XVIII в. появились первые бумажные деньги – ассигнации.

В эпохи смут и войн денежные знаки иной раз сильно девальвировали. Во времена революции в оборот вошли знаменитые «керенки», а в годы гражданской войны чуть ли не каждый русский город под начальством белого генерала печатал свои особенные деньги. Как пишет исследователь истории денег А. Г. Войтов, в 1918 г. на территории России обращалось 2200 видов денежных знаков разного происхождения[2]. Тогда же в нашем разговорном впервые возникло словечко «лимон» – в значении «обесцененный миллион». В течение всего советского периода произошло несколько реформ, которые ввели в оборот различные купюры нового образца.

Таким образом, вся эволюция денег (от монет к купюрам и кредитным карточкам) продиктована потребностью людей в более удобных способах взаиморасчёта. Деньги должны быть транспортабельны, прочны, легко узнаваемы и стабильны по стоимости. Психологи и социологи свидетельствуют, что внешние характеристики денег – внешняя форма, материал, рисунок – влияют на эмоциональное состояние использующего их человека. Люди легче расстаются с монетами, и значительно тяжелее – с денежными купюрами. Любопытно также, что психологически человеку проще отдать десять десятирублёвок, чем одну сторублёвку. Всякий охотнее отпустит на волю старые, мятые бумажки, нежели новенькие, хрустящие – даже если они равны по стоимости.

Чтобы успешно зарабатывать деньги, нет особой нужды штудировать «Капитал» Карла Маркса и изучать современные экономические теории – хотя лишним такое знание, конечно, не будет. Тем не менее, в своей практике я не раз сталкивался с тем, что бизнесмены, или рвущиеся в их ряды, принципиально не понимали экономическую природу денег.

Деньги принято считать общепринятым средством обращения и расчётной единицей, используемой для выражения цены товара или услуги. Это общая мера стоимости, благодаря которой обеспечивается точность вычислений. Стоимость –

главный атрибут или свойство товара, которое можно отнести к категории эквивалентов. Замечу попутно: искусство интуитивного и точного определения цены товара – важнейшее свойство человека, стремящегося быть успешным.

Функций у денег несколько. В первую очередь, это средство обмена, которое само по себе ничего не значит, но является гарантией ценности при обмене на товары и услуги. Во-вторых, деньги – расчётная единица, способ суждения о дешевизне или дороговизне товара, и средство приобретения его. В-третьих, деньги – средство сбережения: они не портятся и не теряют ценности, кроме как при инфляции в период спада экономики. В-четвертых, деньги – это средство отсроченного платежа, благодаря которому покупка и продажа могут совершаться до того, как товар появляется на рынке.

В государстве деньги циркулируют по многим каналам. Люди изготавливают и продают товары, и за это получают от государства или частного работодателя деньги в виде зарплаты или жалования. Помимо денежных трат на потребление выпускаемых товаров, покупку развлечений и услуг деньги вкладываются в инвестиции, акции и ценные бумаги. Гигантские потоки денег незримо проходят через специальные финансовые артерии, чья кровеносная система пронизывает поры государства. Чтобы заполучить сколько-нибудь значительную долю этих огромных денежных потоков, человек должен суметь подключиться к ним. Способы подключения известны: бизнес, банковское дело, работа в СМИ, престижная творческая профессия, востребованная денежная специальность, высокий уровень квалификации и т. д. Очень важно также воспитать в себе правильное отношение к финансам как таковым. Многие экономисты убеждены, что отношение человека к деньгам продиктовано исключительно рациональными соображениями и связано со стремлением увеличить накопления и сократить траты. На деле всё сложнее. Социологи свидетельствуют: большинство людей при производстве и оценке товаров вполне разумны и адекватны. Однако при дарении, азартных играх и благотворительных вложениях люди склонны вести себя сверх-эмоционально, иррационально, иногда абсурдно, поддаваясь настроению. Ибо тут в дело вступает психология. И эти психологические особенности нужно понять.

Историки полагают, что религия появилась на земле одновременно с хозяйственной деятельностью человека, а, значит, и в одно время с деньгами. И поскольку религия претендовала на контроль над всеми сферами жизни человека, она просто не могла пройти мимо сферы денег. Отношение религий Востока и Запада к теме денег сложно и противоречиво. С одной стороны, провозглашается, что деньги – это воплощённое зла мира, что они подчиняют себе живую душу, подменяя любовь холодным расчётом и убивая в людях братолюбие. С другой – церкви всех религий мира весьма неплохо умеют решать свои денежные проблемы. Скажем, Ветхий Завет порицает привязанность к богатству, и религиозная традиция древности предписывала зажиточным прихожанам синагоги платить десятину со своего дохода на нужды церкви. В то же время, верховное священство ветхозаветной церкви всегда старалось концентрировать в своих руках крупные денежные и имущественные активы. Постепенно богатые прихожане всё больше утрачивали сам дух веры и жертвы

Богу, довольствуясь обрядовыми формальностями и регулярной выплатой десятины в кассу церковной общины. За это, как мы помним, фарисеев и саддукеев сурово порицал Христос. Но и христианская церковь, провозглашая, что легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому в Царство Небесное (Матф. 19: 23–24; Мар. 10: 23–25; Лук. 18: 24–25), и отрицая любые формы поклонения Золотому Тельцу, на деле нередко вела себя вразрез с духом проповеди. За 2000 лет католическая церковь достигла колоссального богатства, а протестантизм и вовсе провозгласил количество нажитых денег мерилом близости к Богу. Да и православная церковь очень быстро стала весьма состоятельным институтом. Так было и в византийский, и в русский период её существования. На Руси в борьбе «нестяжателей» со «стяжателями» победила линия последних: св. Иосиф Волоцкий, настаивавший на праве монастырей владеть землями и вести хозяйственную деятельность, показался поместному собору Русской Церкви 1503 г. более убедительным, чем св. Нил Сорский, который призывал единоверцев к аскетизму и нестяжательству.

Осуждал богатство и ислам. Он родился как новая вера, призванная исправить многие искажённые, с точки зрения восточных народов, положения христианства. Религия ислама крайне отрицательно относится к самой идее и практике ростовщичества и ссудного процента для банковской и торговой деятельности. Вместе с тем, мусульманская община – весьма влиятельная сила современного мира – аккумулировала в самых разных странах мира огромные финансовые ресурсы.

Парадоксальные примеры отношения к богатству встречаются в индийских религиозных системах. Скажем, джайнизм, исповедующий идеал нищеты, когда единственной собственностью верующего на высших стадиях духовного восхождения становится набедренная повязка, на практике дал удивительную картину: сегодня последователями некоторых джайнистических школ или сект являются едва ли не самые богатые семьи Индии!

В эзотерических учениях высказываются по поводу денег различные мнения. В одних системах деньги тоже квалифицируются как зло, тормозящее духовный рост человека. Их рассматривают как категорию негативной неизбежности в земном существовании человека. В других случаях современный эзотеризм рассматривает деньги как разновидность планетарной энергии, которая необходима человеку для выживания и утверждения себя в материальном мире. Псевдоэзотерические учения и тем более секты нередко пытаются обожествить деньги. При этом руководители сект решают свои проблемы в основном за счёт эксплуатации неофитов, которых они заставляют собирать милостыню на улице или продавать свои квартиры. Что касается финансового положения того или иного эзотерического центра или школы, организации, то оно в каждом случае имеет свои черты и особенности. Так же, как и в бизнесе, есть богатые и бедные ордена и школы. Сказочно богатым, к примеру, был знаменитый средневековый орден тамплиеров, сокровищам которого завидовали сами короли. В конечном счёте, размеры богатства, а, следовательно, и политическая независимость привели орден к гибели. Французский король Филипп IV Красивый в 1307—1313 гг. разгромил тамплиеров, сжёг на костре их руководителей, а имущество присвоил себе.

Однако опыт накопления материальных богатств духовными институтами сохранился, и наследники идеологии тамплиеров – розенкрейцеры, а в дальнейшем и масоны, несмотря на разгром, постепенно сумели восстановить капиталы. Масонские ложи во всём мире практически всегда состояли из весьма состоятельных людей. Само словосочетание «нищий масон» звучит анекдотично.

Но такие традиции складывались не во всех эзотерических школах. Ни Теософское общество в целом, ни его отдельные члены никогда не были богатыми и существовали очень скромно за счёт добровольных пожертвований людей, нередко отдававших за идею последние средства. Примерно та же ситуация у последователей Агни-Йоги, Ауробиндо Гхоша, Кришнамурти и многих других духовных течений в XX в. При этом сами основатели этих движений были вполне обеспеченными людьми. К примеру, тех же Рерихов кормили, прежде всего, доходы от продажи картин. Другие основатели эзотерических направлений существовали на пожертвования своих учеников.

Агни-Йога утверждает, что «золото мира не купит творчество мысли»[3]. Тексты Учения Живой Этики содержат целый ряд высказываний на эту тему:

«Произведём оценку, но не возьмём деньги мерою»[4];

«Не слушайте учителя, взимающего за учение деньги. Учение не может быть куплено или взято угрозами»[5].

При этом Учение связывает финансовые проблемы на пути человека с уровнем его духовного развития:

«Можно наблюдать известный период человеческого сознания, когда на вопрос: “Где нужда?” – следует ответ: “В деньгах”. Пока не изжито это денежное ограничение, никакая помощь духовная не приложится. Нужно продвинуть сознание к ценностям более значительным, тогда и придёт помощь, даже материальная. Закон высших ценностей утверждён во всём Бытии. Так наше собственное сознание определяет благосостояние заслуженно»[6].

И в то же время – Истина всегда парадоксальна – Великие Учителя, давшие человечеству Агни-Йогу, утверждали, что гораздо выше ценят хорошо составленный денежный отчёт, нежели «набор пушистых изречений»[7]. Николай Рерих поразил своих молодых сотрудников и последователей тем, что в Америке, руководя только что открытым Мастер-Институтом Объединённых Искусств, демонстрировал умение составлять годовой финансовый отчёт этой организации. В своей дальнейшей деятельности он постоянно изыскивал деньги (в том числе и деньги спонсоров, с которыми он умел блестяще работать!) на развитие культуры. И Агни-Йога, и Интегральная Йога Ауробиндо Гхоша не отрицали значение денег и для обычной жизни, и для обеспечения культурно-духовных движений, хотя и признавали, что в современном мире основные денежные потоки находятся в руках тёмных сил. Поэтому сподвижница Ауробиндо Гхоша Мирра Альфасса считала, что одна из основных задач тех, кто причисляет себя к Силам Света, заключается в том, чтобы своей творческо-активной деятельностью отвоевать хотя бы часть денежных потоков у тёмных сил и направить их на благие дела.

Кроме того, деньги не должны лежать без движения в сундуке: их необходимо заставить работать на идеи духовной эволюции. Ауробиндо Гхош писал: «Деньги – это видимый символ универсальной силы; сила эта в своём проявлении на земле действует на витальном и физическом планах и необходима для полноты внешней жизни. По своему происхождению и в истинном своём действии она принадлежит Божественному» («The Mother», 1927).

Мирра Альфасса считала, что деньги являются физическим эквивалентом определённой силы, которой можно управлять с помощью жизненной энергии человека и силы его разума. Когда человек научается контролировать эту силу, то данное умение почти автоматически приносит ему материальные эквиваленты жизненной силы.

И Ауробиндо Гхош, и Мирра Альфасса считали, что хотя, в конечном счёте, источник силы денег имеет Божественное происхождение, реально люди извратили эту силу, сделав её орудием удовлетворения низших потребностей, связанных с властолюбием, сексуальной энергией и алчностью. Ауробиндо Гхош говорил, что власть, деньги и секс взаимозависимы и что поэтому невозможно контролировать только одну из этих сил, не взяв под контроль и две остальные. Чем больше у человека денег, тем сильнее, как правило, он к ним привязан. Наиболее ошибочный подход к деньгам заключается в культивировании чувства обладания ими. Деньги с духовной точки зрения отнюдь не предназначены, чтобы делать новые деньги. Деньги, как одна из сил Природы, должны находиться в надёжных руках и, кроме того, должны непрерывно двигаться и циркулировать, превращаясь в материальные блага.

Ауробиндо Гхош и Мирра Альфасса выступали против идеалов финансового аскетизма и бедности. Пока человек воплощён в материальном мире, он должен работать и зарабатывать деньги, которые на этом этапе планетарной эволюции нужны. Грамотная финансовая политика и умение притягивать деньги помогли Мирре Альфасса после смерти своего духовного сподвижника собрать деньги под строительство Города Будущего – Ауровиля – и создать общину последователей Шри Ауробиндо.

В XX в. повсеместное торжество рыночных принципов привело к парадоксальной ситуации: псевдоэзотерическим организациям, желающим твёрдо стоять на ногах и хорошо жить в материальном мире, пришлось либо отдать себя на баланс богатых коммерческих структур, либо превратиться в секты, выживающие благодаря постоянному притоку новых членов, которыми можно манипулировать. Церковь Муна, система Рона Хаббарда, печально известное движение Аум Синрикё, школа Бахаи – все эти секты являются сказочно богатыми организациями. Некоторые из них разбогатели, занимаясь посторонним, что называется, «левым» бизнесом, доходы от которого вложили в создание мощной закрытой структуры, другие преуспели на ниве улавливания душ и умелых манипуляций с чужим имуществом, третьи действовали во всех этих направлениях разом.

Как влияет религиозность и духовные устремления человека на его материальное благополучие? Мнения в этом вопросе опять-таки неоднозначные. Принято считать, что человек, пришедший к Богу, в значительной степени теряет интерес к

внешнему миру и начинает равнодушно реагировать на своё финансовое обеспечение, что не может не сказываться отрицательно на состоянии его кошелька. С другой стороны, огромная литература по психологии бизнеса пытается убедить читателя, что чем чаще ты молишься и чем ты духовнее, тем твои дела идут лучше.

Об этом также говорят протестантские проповедники, да и сами богачи любят в своих интервью подчеркнуть свою религиозность и религиозную благотворительность. Книги о жизни богачей и сверхбогачей полны примерами и сентенциями по поводу того, как молитва, посещение церкви и благотворительные взносы помогали целеустремленным людям вырваться из нищеты и разбогатеть.

Непредвзятый анализ взаимоотношений духовного и финансового миров и моё личное наблюдение за поведением и психологией богатых людей привели меня к нескольким выводам.

1. Невозможно разбогатеть, привлекая духовную энергию молитвы к явно тёмным эгоистическим целям и коммерческим программам, при которых выгода одного или нескольких обернётся ущербом и разорением для многих. Те же, кто разбогатели, имея сугубо эгоистическую мотивацию, сделали это вовсе не с помощью духовной энергии, даже если потом они внесут «чёрный нал» в кассу религиозной общины.

2. Духовная энергия молитвы помогает достойно выжить небогатому, но нравственному человеку, если он попал в трудные жизненные и финансовые обстоятельства. Она привлекает для него новые возможности, людей, работу, а иногда и прямые денежные суммы.

3. Помощь свыше, помогающая человеку разумно разбогатеть, приходит только в том случае, если его бизнес и работа являются социально полезными и положительно ориентированными, а в мотивах человека присутствуют альтруизм и духовность.

Бог – самый справедливый «спонсор» на планете. Он даёт всем и каждому столько, сколько те имеют в этом необходимость и способны переварить в своих начинаниях и тратах. Если вы относите себя к категории духовных искателей, не бойтесь увеличить свои доходы и разбогатеть. Скорее опасайтесь не состояться профессионально – это означает неумение оседлать собственную карму. Ну и, конечно, сохраните свою духовную основу, не разменяв её незаметно для себя на денежную массу. В этом случае, вероятнее всего, вы постепенно потеряете и деньги.

Тема богатства присутствовала в литературе и искусстве с древнейших времён. Творцов древних текстов интересовали, прежде всего, взаимоотношения бедных и богатых. Чаще всего богатые изображались как источник несправедливости, жестокости и страданий для бедняков. Позднее литература взялась описывать путь бедняка к богатству, воссоздавать его переживания и даже находить в нём какие-то сильные и симпатичные качества. Писатели пытались понять, сколь может быть велика нравственно-духовная цена, которую человеку приходится платить за достижение финансовых высот. Особенно расцвела тема денег в жизни человека в XIX в., в эпоху расцвета капитализма. На Западе одним из наиболее ярких авторов, рассматривавших влияние денег на жизнь, был, конечно же, Уильям Шекспир. Его

трагедии переполнены борьбой человеческих страстей и войн по поводу денег. К теме денег обращались Чосер, Свифт, Золя, Мериме, Стендаль, Мопассан, Диккенс. «Человеческая трагедия» Бальзака и «Сага о Форсайтах» Голсуорси пронизаны темой Золотого Тельца, из-за которого скрещиваются копья, ломаются судьбы, рушатся репутации, угасает любовь.

Знаменитая трилогия Драйзера «Титан», «Финансист» и «Стоик» описывают не просто судьбу честолюбца Каупервуда. Центральный герой трёх романов, вокруг которого вращается художественный мир, опять-таки – деньги.

Русская литература в освещении этой темы несколько отстала от западной. Однако она судила мир богатства ещё строже и суровее, нежели западная. Пушкин в «Маленьких трагедиях» гениально вскрыл природу человеческой скупости и попытался понять, почему «люди гибнут за металл» не только физически, но и духовно. Темы, поднятые Пушкиным, продолжили Гоголь, Островский, Лесков, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Мамин-Сибиряк, Чехов, Горький, Шишков. Впрочем, отечественная литература, говоря о деньгах и богатстве, занимала на просто обличительную и жёсткую позицию. Было место и для улыбки. «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова, описывающие 101 способ «честного отнятия» денег у «нечестных граждан» меньше всего похожи на катехизис морализма. Но даже в этих книгах образ обаятельного «великого комбинатора» развенчивается. Что уж говорить обо всех остальных, чьи крупные состояния нажиты нечестным путём…

В этом неприятии богатства и богатых, прошедшем через всю русскую литературу, скрыт один парадокс. Русский капитализм XIX – начала XX в. был весьма непростым явлением. Помимо тех, кто действительно угнетал народ, было множество ярких созидателей, благодаря своим способностям строивших Россию – крупные промышленники, заводчики, фабриканты, землевладельцы, купцы, богатые военные, вроде создателя Крымского виноделия генерал-губернатора Новороссии М. С. Воронцова. Однако великая русская литература, гениально воспевавшая «униженных и оскорбленных», почему-то не захотела почтить богатых и активных своим вниманием. В советской литературе, по вполне понятным причинам, этого не могло быть тем более. Потому сюжеты про то, как человек в бедности терпел трудности, но потом успешно обогатился и зажил счастливо, можно встретить только в западной, преимущественно американской литературе. Это отношение к богатству и богатым как к чему-то однозначно отрицательному укоренилось в сознании советского человека, прежде всего под влиянием русской литературы, которая не позволила всем нам стать стяжателями, но отнюдь не помогла воспитать в человеке склонность к деловой активности.

Разумеется, не могло пройти мимо темы денег и устное народное творчество. Наш язык полон пословиц, присказок, идиом, сленговых словечек, посвящённых деньгам. Деньги бывают «чистые» и «грязные», «белые» и «чёрные», «серьёзные» и «лёгкие», «настоящие» и «липовые», «хорошие» и «плохие». В деньгах можно «купаться», на деньгах можно «жениться», «деньги идут к деньгам», «время – деньги», какая-то вещь или услуга стоит «дороже денег», можно «сорить деньгами», «попадать на деньги», «сидеть на деньгах» или «грести деньги лопатой». Есть множество

выражений, определяющих отношение человека к деньгам или его финансовый уровень: «денежный человек», «мешок с деньгами», «денежный воротила», «человек при деньгах». У денег имеются свои привычки и правила: «деньги на дороге не валяются», «деньги не пахнут», «денежки счёт любят», «деньги к деньгам идут».

Все эти людские присловья несут в себе энергетический подтекст, заряд, иной раз весьма действенный в споре – либо как прямой аргумент, усиливающий вашу позицию, либо как косвенный способ вызвать симпатию и быть убедительным. Их непредвзятое чтение и тем более изучение может открыть в вашем сознании новые грани, позволяющие лучше увидеть, как их можно привлечь, заработать и удержать. Не менее богаты пищей для ума и авторские афоризмы. Приведём несколько наиболее выразительных.

«Что такое коммерция? Это деньги других людей» (Александр Дюма).

«Деньги – это кредитная карточка неимущего человека» (Маршал Маклюэн).

«Деньги – это как рука или нога: используй, а не то потеряешь» (Генри Форд).

«Когда я был молод, я думал, что деньги – это самое главное в жизни, теперь я стар, я знаю, что это не так» (Оскар Уайльд).

«Мы все знаем, каким странным способом изменяется размер денежной суммы в зависимости от того, получаем мы или выплачиваем деньги» (Джон Хаксли).

«Деньги – это аплодисменты для бизнесмена, полученные за его выступление» (Ларри Адлер).

«Деньги – это гарантия того, что в будущем мы сможем получить то, что захотим. Даже если нам ничего не нужно в данный момент, они гарантируют возможность удовлетворения нового желания при его появлении» (Аристотель).

«Заполучить богатство трудно, сохранить – ещё труднее, но сложнее всего – мудро его потратить» (Эдвард Парсонс Дей).

«У меня нет денег и поэтому я полон решимости бранить тех, кто их имеет» (Уильям Конгрив).

«Умеренное пристрастие к деньгам не всегда может причинить вред, но когда оно в избытке, то всегда вредит здоровью» (Кларена Дей).

«Богачество заключается не в обладании большим количеством имущества, а в малом количестве желаний» (Эпикур).

«Обращение человека с деньгами – как он делает их и как он тратит их – самое решающее испытание его характера» (Джейме Моффат).

«Если вы хотите знать, что Бог думает о деньгах, посмотрите на людей, которым он их даёт» (Морис Бэринг).

«Время – деньги, гласит известнейшая поговорка, знакомая людям любого возраста. Переверните её, и вы получите абсолютную истину: деньги – это время» (Джордж Гиссинг).

«Если вы делаете что-нибудь только ради денег, вы не добьётесь успеха» (Барри Хрен).

«Деньги – это человеческое счастье в его абстрактном выражении, поэтому тот, кто больше не способен к наслаждению конкретным человеческим счастьем, полностью посвящает себя деньгам» (Артур Шопенгауэр).

«Всякий раз, когда деньги становятся основной целью жизни либо для человека, либо для нации, и человек, и нация заболевают и остаются больными, и сами наносят вред, заражая и оставляя больным всё вокруг» (Джон Рёскин).

Люди всегда относились к деньгам и даже к разговорам о них очень эмоционально и пристрастно. Редко какая тема вызывала в мире столько страстей, сколько деньги и их влияние на нашу жизнь. Деньги завораживали людей ещё с древнейших времён. Волшебное свойство денег материализовать страстные мечты и заветные желания побуждало людей слагать о деньгах сказки. Ну а поскольку чудо в сказках – условие жанра, то чудесное и мгновенное обогащение было самым излюбленным их сюжетом. А вот детали этого обогащения, опять же по условиям жанра, были абсолютно не принципиальны, поэтому опускались.

Жажда быстрого обогащения двигала и мировую историю, и частные судьбы её участников. Именно она заставляла людей начинать войны, осваивать новые земли, везти свой товар в дальние страны и вести успешную торговлю, уезжать из сёл в большие города. Что заставляло людей тратить бездну сил на завоевание капитала? Разумеется, стремление к свободе и независимости – ведь свободу действий в этом мире обеспечивают именно деньги. Не зря же их зовут отчеканенной свободой.

С другой стороны, люди зачастую готовы расстаться с огромными деньгами ради удовлетворения своих капризов или амбиций. Элементарное подтверждение тому – современные аукционы. На лондонском аукционе «Кристис» (Christie's) недавно был продан маленький плюшевый медведь, сделанный в 1913 г., по цене 40.000 $, а монета в 20 $, известная под названием «двойной орёл», ушла за 5.000 £.

Деньги будят в человеке ощущение возможного наслаждения – в этом вся их коварная сила, вся их призрачная магнетическая власть над человеком. Именно в денежных вопросах на поверхность выползают самые скрытые и порой не самые привлекательные людские качества. Источником 99 % конфликтов, от межличностных до межнациональных, являются тоже деньги. Петр I называл деньги «артерией войны», потому что в основе большинства войн лежит не что иное, как стремление обогатиться.

В чём же «магия» денег, почему даже когда их много, их всё равно мало? Древние называли эту скрытую силу *эгоизмом.* Растёт уровень потребностей – растут и способы удовлетворения эгоизма. Человеческие амбиции проделали значительную эволюцию – от желания удовлетворять свои естественные потребности до жажды покорять природу, мир, а теперь и осваивать для своих нужд Космос. В основе этого – неконтролируемое стремление человека получать и обладать.

Деньги имеют поразительную власть над многими людьми: один их вид зачастую порабощает молча – достаточно просто показать нужную сумму, и вопрос будет

решён. Животным, к примеру, предлагать деньги бесполезно – их проще «купить» за еду. Люди же склонны абсолютизировать деньги, считать их эталоном общественного признания, а то и мерилом своего «я». Это ложная и опасная программа. У денег есть действительно ценное свойство: они гарантируют вам возможность преодоления жизненных сложностей и свободу действий. И вот в этом смысле они нужны и просто необходимы, и к ним нужно стремиться как к освобождающей вас силе. Ибо свобода, лишённая материального подкрепления, сужается до рамок жестокой необходимости. А финансовое неблагополучие почти всегда является причиной эмоционального дискомфорта. Возьмём пример Достоевского: в дневнике его жены говорится, что писатель мечтал, как о великом счастье, о собственной маленькой усадебке, говоря, что деньги принесли бы ему независимость. Жизнь Достоевского – это яростная борьба чуть ли не за кусок хлеба: даже новая пара обуви для детей становилась для него проблемой. Нет сомнений, что, имей писатель нужную ему сумму, он был счастливее и спокойнее, и, наверное, прожил бы гораздо дольше.

Деньги могут обеспечить вам не только внешнюю, но и внутреннюю свободу – если вы их имеете, вы можете избрать тот образ жизни, который вам близок, заниматься тем делом, которое любите. Принято говорить, что здоровье не купишь. На самом деле, несколько лет жизни, если вы заболели, но имеете деньги, всё же можно купить. Деньги сами по себе не способны изменить мир и вас самих – но они предоставляют возможности для этого. А как вы ими распорядитесь, зависит от вашей системы ценностей.

Сила денег разделяет людей на разные типы. Одни их умеют притягивать, другие, сами того не понимая, отталкивают от себя деньги, даже если при этом страстно мечтают о богатстве. Третья категория склонна к скопидомству, и изо всех сил старается сберечь накопленное. Четвёртая – относится к заработанным или свалившимся на голову деньгам столь легкомысленно, что при первой возможности норовит их потратить. Неважно, на что и как. Деньги просто жгут им карман. Пятая группа стремится к большим деньгам, а шестая довольствуется малым.

Само по себе отношение к деньгам, настрой на деньги, пронизывающий сознание человека, является своего рода энергией, силовым полем, подобно магнитному полю. Если ваше отношение к миру денег неуважительно, негативно или противоречиво, то при самом высоком профессионализме трудно рассчитывать на успех. В лучшем случае плодами ваших трудовых достижений воспользуются другие, более хитрые и расчётливые, энергия взаимоотношений с деньгами у которых будет мощнее, нежели у вас. Поэтому надо работать над своими отношениями с миром денег, делая их более позитивными. Что входит в эти отношения?

В первую очередь осознанность своих «денежных» желаний и целей. Сколько вы хотите иметь денег через месяц, через год, через три, пять, десять лет в виде ежемесячного дохода? Какой капитал вы хотите сколотить через пять или десять лет? Чем меньше вы будете задавать себе эти вопросы, тем дальше вы будете от мира денег. За многие годы своей психологической практики я общался с довольно большим числом успешных бизнесменов и ни разу не встречал тех, кто разбогател, не ставя перед собой никакой сознательной цели. Мир денег откликается на зов

только в том случае, если это был осознанный зов целеустремленного человека, чётко знающего как много ему нужно получить и за какой отрезок времени.

Другим важнейшим компонентом позитивного отношения человека к миру денег является готовность постигать науку финансового роста. Удивительно, но среди множества наук о человеке и о финансах до сих пор не разработаны основы финансовой психологии. Правда, в последние годы появляется всё большее количество книг, в которых делаются попытки сформулировать законы финансового процветания, но единой системы ещё не создано. Конечно, некоторые люди добиваются хорошего денежного результата, формально обходясь без такой науки. Но, как мне кажется, на деле они открывают секреты этой науки и законы успеха на ощупь, эмпирически.

Если вам не даётся подобный стихийный успех, значит, вам вдвойне необходимы сознательные усилия, сделанные «по науке». В неё входит целый набор умений и приёмов: (а) способность точно определять баланс между заработком и тратами денег; (б) искусство построения чёткого бизнес-плана жизни с разбиением его на отрезки и конкретные шаги; (в) воспитание привычки ежемесячно откладывать конкретную сумму, инвестируя своё будущее; (г) постоянная работа над своими отрицательными чертами характера и свойствами души, тормозящими достижение успеха, (д) и многое другое.

Лишь вслушиваясь в себя и собственные желания, проявляя настойчивость и рискуя, то есть совершенствуя своё отношение к миру денег, вы добиваетесь успеха и в жизни, и в обществе. В сферу отношения человека к деньгам, конечно, входит отношение к большим деньгам (богатство) и маленьким деньгам (бедности). Богатые люди получаются из тех, кто лишён комплексов и отторжения от мира денег. Хотя нередко бывает, что ради достижения цели им приходится платить очень дорогую цену: потерю здоровья, взаимопонимания с близкими, очерствение и потерю души. Бедные люди либо недолюбливают богатых и отталкивают от себя саму возможность зарабатывания больших денег, либо хотели бы разбогатеть, но не знают, как это сделать, или же не могут заставить себя совершать усилия.

Будучи настроены к деньгам подобным образом, люди привносят энергию своего отношения во все свои дела и поступки. Это отношение чувствуют все – и те, кто принимает нас на работу, опытным взглядом оценивая уровень наших притязаний, и наши работодатели и начальники, и наши ближние, которые либо помогают нам заработать, либо, напротив, тянут с нас деньги. В жизни с абсолютной чёткостью работает закон пропорциональности получения и отдачи. То, что мы привносим в мир денег в виде своего отношения к ним, то и получаем.

Если мы очень хотели заработать, много работали, но не получили, значит, в нашем отношении и действиях, направленных на зарабатывание и привлечение денег, не хватало какого-то необходимого элемента – продуманности, коммуникабельности, умения дружить с людьми, приносящими удачу, изобретательности, креативности. Если же всё или почти всё, к чему мы стремились, в конце концов, бывает достигнуто, значит, все необходимые ингредиенты в «снадобье успеха» были своевременно положены.

Как наше отношение к деньгам – вещь чисто психологическая – влияет на их количество в нашем кармане? Прежде всего, это отношение окрашивает все действия и усилия, которые мы предпринимаем для зарабатывания денег. Если мы очень стараемся, но в глубине сознания не верим в успех, то денежные суммы, которые могли бы пройти через нас, словно живые существа, тоже как будто чувствуют нашу неуверенность и обходят нас стороной.

Ещё более конкретно наше отношение к деньгам и миру богатства влияет на то, как нас воспринимают и как к нам относятся люди – уступают ли они нам дорогу, если ощущают идущую от нас целеустремленную силу, или же норовят «сесть нам на шею». Деньги – это иррациональная сила, которая во многом зависит от нашего с вами к ней отношения даже в том случае, когда мы не предпринимаем особых действий. Попробуйте понаблюдать за своей жизнью, и вы убедитесь, что это именно так.

Наш личный капитал в широком смысле включает в себя не только деньги, лежащие в банке или под матрасом, но и нашу квартиру, дом, имущество, вещи, работу, связи, возможности, способности, умения, навыки и многое другое. Однако при желании всё или почти всё перечисленное можно перевести на деньги, то есть осуществить монетизацию всего нажитого. Это подтверждает простую истину в нашей жизни – всё чего-то стоит. Мы могли приобрести весь этот капитал или его отдельные сегменты разными путями – заработать, получить в наследство или в дар, выиграть в лотерею, найти на улице. Не удивляйтесь, что иногда, крайне редко, можно подобрать чей-то кошелек.

Вы можете по-разному оценивать собственную финансовую ситуацию. Если вы полностью ею довольны и не хотите развиваться в бизнесе, может, тогда вам просто не нужно дальше читать эту статью. Однако я подозреваю, что независимо от того, к какому классу и социальному слою вы принадлежите, вы не удовлетворены своим финансовым уровнем, а, значит, и всей жизнью. Крайне редко встречаются те, кого всё устраивает.

Если вы бедны, то наверняка не любите свою бедность и мечтаете о том, как вырваться из её оков туда, где не нужно каждый день думать о выживании.

Если вы относитесь к middle-классу, вы, вероятно, не удовлетворены тем количеством проблем, которые вопреки вашей установке на комфортную жизнь, постепенно обрушилось на вас, а также тем, что вам приходится постоянно играть какую-то несвойственную вам роль. И, кроме того, сталкиваться с неприязнью и завистью более бедной части.

Наверное, каждый из нас, включая самых богатых (а потому и, чаще всего, самых несчастных) людей, не удовлетворён либо количеством денег в кармане и на банковском счету, либо количеством проблем, пришедших вместе с доходами, и хотел бы изменить судьбу и улучшить свою ситуацию. Для того, чтобы это сделать, нужно измениться, а изменение и совершение качественного скачка в своём материальном положении предполагает понимание, что ваше неудовлетворительное сегодняшнее состояние не с неба свалилось. Вы сами его создали своими действиями, мыслями, решениями или их отсутствием. Человек – абсолютный хозяин соб-

ственной жизни, своей личной финансовой вселенной. Уровень благосостояния подчиняется закону причинно-следственной связи – что человек в молодости посеял, то он в зрелом возрасте и пожинает. Мы не будем говорить об этом законе так, как его рассматривают индусы, видящие в проблемах этой жизни ошибки и проблемы жизни предыдущей. Увы, в сфере бизнеса и умения зарабатывать деньги дело обстоит гораздо прозаичнее – все результаты и следствия предшествующих ошибок видны уже через несколько лет этой жизни.

Когда я доводил эту простую и ясную мысль до сознания участников тренингов или своих клиентов на консультациях, у многих она вызывала протест.

– Как так, – возмущался один разорившийся хозяин магазина, – я без выходных работал, как вол, в течение нескольких лет, день и ночь думал о том, как раскрутить бизнес, а Вы мне говорите, что я виноват в своем крахе.

– Кто же, по-Вашему, в этом виноват? – спросил его я.

– Виновато правительство, которое напринимало такие законы, как у нас, вместе с городскими чиновниками, которые вымывают малый бизнес, – с апломбом заявил бизнесмен.

– Скажите, а у Вас есть такие знакомые в бизнесе, которые начинали свой бизнес в одно и то же время, имея примерно одинаковые стартовые условия? – попросил я его подумать.

– Имеются!

– А есть ли среди них такие, которые обогнали Вас? – уточнил я.

– Есть и такие… – вздохнул бизнесмен.

– Но если они сумели, несмотря на ошибки правительства и происки чиновников, обогнать Вас, то, может быть, не стоит всю вину сваливать на посторонние силы, а подумать о своей вине? – спросил его я.

– Как это не стоит? – вскричал он с раздражением. – Я жилы рвал, честно пахал, а они… лучше, чем я, умели взятки давать.

– Юпитер, ты сердишься, – вмешалась в беседу его напарница, – послушай, что тебе говорит психолог.

Он посмотрел на неё столь испепеляющим взглядом, что она тут же замолчала. Если бы так же быстро он умел влиять на обстоятельства и зарабатывать деньги!

Разве мы не реагируем на справедливые указания судьбы похожим образом? Разве не бывает так, когда мы виним в нашем неумении зарабатывать деньги и добиваться успеха любые внешние силы – врагов, конкурентов, начальников, Государственную Думу, правительство, собственную жену (мужа)? Разве мы не пытаемся выгородить себя и своё неумение достичь целей не только перед другими, но и перед самим собой?

Подобное отношение можно квалифицировать как склонность к самообману и безответственность. Мы не хотим признать, что за всё в своей жизни мы отвечаем, прежде всего, сами. И если нам уже тридцать, тем более – сорок, а денег при всём желании нет, и не предвидится, то кто, кроме нас, за это в ответе?

Сегодняшнее безденежье означает, что вчера, позавчера и позапозавчера мы либо ленились и не удосужились выстроить свою жизнь так, чтобы она приносила

нам доход, либо прикладывали усилия в неправильном направлении, либо не захотели предусмотреть будущие сложности и проблемы. Но вполне возможно вы, как это ни прискорбно, стремились именно к этому достаточно убогому финансовому результату.

Не согласны? Тогда задумайтесь о том, что какая-то часть вас не любит деньги, точнее говоря, не любит совершение усилий для привлечения денег в свою жизнь. Если бы это было не так, то вы бы не просто «тупо работали как вол», но попытались бы что-то изменить, внести новые подходы в свои действия, подойти к проблеме изобретательно и творчески. Или вы, как вам кажется, хотели жить богаче и успешней, но на деле работали вполсилы, потому что вам нравился ненапряжённый, приятный стиль жизни, в процессе которого можно было убаюкивать себя мечтами о будущем процветании.

Это значит, что вы или, точнее говоря, общая результирующая ваших противоречивых желаний были устремлены к сегодняшнему скромному результату. Попросту говоря, если бы вы по-настоящему умели стремиться к успеху и богатству, то вы бы пришли к нему и добились бы своих целей. Если же на сегодняшний момент ничего особенного не завоевали, значит, всерьёз и не хотели чего-то достигать. Вдумайтесь в эту закономерность. Она поможет реально объяснить вам многие события и результаты вашей жизни.

Итак, зафиксируйте в вашем сознании как 2 × 2 = 4: всё, что вы имеете в жизни, получено вами потому, что сознательно или подсознательно вы этого хотели раньше и стремились к данной цели. Даже если полученный вами неплохой финансовый результат как бы случаен, и вы обладаете какими-то недостатками, которые вам мешают в жизни, всё равно ваше полубессознательное желание жить богаче пересилило привычку к лени и пассивности. Но если вы стремитесь улучшить своё материальное положение, а через несколько лет остались на том же месте, это означает только одно – подсознательно вы не хотели всерьёз что-либо менять в своей жизни. Ибо хотеть – значит мочь.

Впрочем, не стоит так долго и мучительно копаться в прошлом в поисках причин – почему всё-таки у вас не получилось. Как говорится, кто хочет работать ищет возможности, а кто не хочет, тот ищет причину. Я призываю вас полностью взять на себя ответственность за свою жизнь и искать возможность прорыва к новой, богатой деньгами и возможностями Вселенной. Как ни труден в наши дни бизнес и тем более работа в государственной системе, всё возможно в этом лучшем из миров. Помните: нищета – это чаще всего унизительное свидетельство вашей внутренней скудости, ущербности ваших мыслей, чувств, вашей самооценки.

Если у вас есть страхи, сомнения, неуверенность – поступите с ними, как хирург с онкологической опухолью: удалите, выбросьте, освободите себя от них. Представьте, что застарелый, тёмный, слежавшийся комочек психического негатива летит в мусорное ведро – а всё ваше существо становится сильным, целостным, оптимистичным и уверенным. У вас всё получится! Смело начинайте с этим чувством свою новую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. в изд.: *Фернам А., Аргайл М.* Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения / Пер. с англ. – М.: Прайм-Еврознак, 2006. – 480 с.
[2] См. в изд.: *Войтов А. Г.* Деньги: Учебное пособие. – М.: Дашков и К°, 2001. – 221 с.
[3] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Беспредельность. – Ч. II. – 1930. – § 336.
[4] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Листы Сада Мории. – Ч. I. Зов. – 1924. – § 289.
[5] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Агни Йога. – 1929. – § 93.
[6] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Сердце. – 1932. – § 572.
[7] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Листы Сада Мории. – Ч. II. Озарение. – 1925. – § 177.

Ю. Ю. БУДНИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ В РАБОТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГОВ

Представляется целесообразным предложить к рассмотрению на семинаре «Рериховское наследие и естественные науки» некоторые понятия, введённые в оборот Учением Живой Этики, которые используются в современной научной практике. Одно из таких краеугольных понятий – *психическая энергия*. Автор выступления обращает внимание участников круглого стола на то, что в современной психологии существуют направления, которые не только оперируют этим понятием, но и делают работу с этой энергией (упражнения, направленные на то, чтобы увеличить количество психической энергии и научиться ею управлять) основой своей методики, направленной на интеграцию и рост личности. К этим направлениям в первую очередь надо отнести *психосинтез*, автор которого – итальянский учёный Роберто Ассаджиоли (итал. *Roberto Assagioli*), основатель факультета психологии в Римском университете, создатель Института психосинтеза (1926), филиалы которого ныне существуют во многих странах. Его ученик Серджо Бартоли (итал. *Sergio Bartoli*) сделал следующий важный шаг в развитии метода Ассаджиоли. Он стал основателем и руководителем целого ряда школ общинного типа под общим названием Общество Живой Этики (1987). За двадцатилетний опыт работы в таких группах, которые сами итальянцы называют «группы роста», в небольшом итальянском городке Читта-делла-Пьеве (регион Умбрия) была создана огромная материальная база, организованы несколько центров и Институт Сердца[1]. Создатель Общества, скончавшийся несколько лет назад, написал книгу «Focalizzazione del gruppo» («Фокусирование группы»), где с точки зрения прикладной психоэнергетики делится своим опытом по созданию группы единомышленников. В настоящее время в Обществе работают другие инструкторы, подобные Серджо Бартоли, которые руководят такими «группами роста»[2]. Приводимые ниже названия некоторых параграфов книги явственно свидетельствует о том, что в определённой сфере работа с психической энергией уже стала повседневностью.

Глава II – Индивидуальные и коллективные энергетические контуры человеческого сознания

1. Соотношение сознания и подсознания.
2. Энграммы (кластеры памяти) выстроенные и те, которые предстоит выстроить.
3. Депрограммирование и репрограммирование.
4. Ментальная, эмоциональная и физическая составляющая энергии.

Глава III – Фокусирование, намагничивание и излучение при руководстве группой

1. Искусство фокусирования, или же управление и преднамеренность.
2. Процесс намагничивания: автомагнетизм и гетеромагнетизм.
3. Феномен излучения: спонтанного и принуждённого.
4. Индивидуальная аура, аура группы, планетарная аура.
5. Узловые точки и центры фокусировки.

Глава IV – Алхимический процесс в группе как процесс трансформации энергии

1. Однополярная, биполярная, интерполярная энергия.
2. Переход, преобразование, трансформация.
3. Сердце – центр фокусировки процесса.
4. Сознание – горнило планетарного огня.
5. Искусство зажигать и распространять планетарный огонь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. также одно из первых сообщений на эту тему на русском языке, представленное на I Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие»: *Бартолотти, Фиоренца; Браун, Даниела; Руссо, Гаэтано*. Преподавание, групповое обучение и система жизни: опыт Общины Живой Этики в Италии / Пер. с англ. Ю. Ю. Будниковой и В. Л. Мельникова // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Новая Россия на пути к единству человечества. – СПб. – Вышний Волочёк: Рериховский центр СПбГУ; Изд-во «Ирида-прос», 2005. – С. 600–604.

[2] Весь спектр их деятельности представлен на сайте: http://www.comunitadieticavivente.org.

А. И. ХЕРСОНОВ

(Союз профессиональных астрологов; Москва)

ЭВЕРЕСТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Я хочу послать мой самый сердечный, горячий привет <…> всем, кто несёт в сердце желание узнать больше о Николае Константиновиче и, так или иначе, присоединиться к его работе.

С. Н. Рерих. *Слово об отце*

Мой Николай Рерих

Когда стоишь у подножия огромной горы и, сощурив глаза, пытаешься разглядеть сияющую на солнце заснеженную вершину, то… почти ничего не видишь. Одна-

ко всем существом чувствуешь величие грандиозного явления Природы. Нечто подобное, по-моему, происходит и с восприятием образа Н. К. Рериха. Когда произносится *Николай Рерих*, в сознании не возникает обычный образ человека «из плоти и крови», а рождается образ-монумент, нечто такое, что и представить, охватить, осмыслить трудно. Как сияющая заоблачная вершина, до которой идти и идти…

Мне же вместе с читателем хочется прикоснуться к Н. К. Рериху – человеку.

Я задаю себе вопрос: почему Н. К. Рерих так остро воспринимал и лелеял идеи красоты, гармонии, света? И отвечаю: видимо, потому, что с раннего детства *стёр в себе случайные черты* и, по известной формуле А. А. Блока, сумел *увидеть, что мир прекрасен*. И через всю жизнь пронёс открытую им же в природе и человеке красоту, сделал её «красной нитью» собственной жизни и судьбы. Сам уверился в могуществе благотворного влияния Прекрасного и других постарался уверить в том, что *мир спасёт культ красоты*. И ведь спасает! Пусть отчасти – но спасает. Красота делает жизнь не бессмысленной, а творит жизнь, созвучную устройству природы. Поскольку в природе нет безобразного. Велика была надежда Н. К. Рериха на то, что и человек как мыслящая часть природы наконец-то последует вслед за Создателем к красоте и гармонии жизни.

Каким же человеком я увидел Н. К. Рериха во множестве написанных о нём очерков, пытаясь разглядеть «подробности» характера, увидеть конкретные устремления личности?

Свет знания

В натуре и характере Н. К. Рериха меня, прежде всего, подкупает неукротимая тяга к знаниям, культ образования и поиска Истины. Именно в этом Н. К. Рерих видел основу, фундамент Культуры вообще и культуры в человеке в частности. При этом призывал не путать грамотность с просвещённостью: «Быть грамотным ещё не значит быть просвещённым». Этой важной теме Н. К. Рерих посвятил очерк «Борьба с невежеством», написанный в «Урусвати» 10 июня 1936 г. Наказ философа и гуманиста таков: «Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно». Этот постулат сохраняет силу и в отношении фактов биографии человека, скрыть которые даже «из благих побуждений» оказывается «опасно пространственно». Как видим, невежество одного субъекта опасно для всего общества и даже на большом расстоянии. Что же делать? Рецепт Н. К. Рериха прост: «Нужна оборона всего лучшего, прекрасного, просвещённого». Тем более, что «мысль может быть внушаема, или, вернее, передаваема». А вот и образ настоящего учёного: «Истинный учёный имеет глаз открытый и мысль нестеснённую». В природе, в науке не бывает истин удобных или неудобных. Зато они сплошь и рядом встречаются в общественно-политической жизни. Так возникают (вспомним А. М. Горького) «несвоевременные мысли». И это можно как-то понять. Но когда отрицается неоспоримый факт учёным – этому нет оправдания. А ведь и сегодня мы встречаем учёных с высокими званиями, для которых на необъяснимый ими факт «лучше закрыть глаза». Для таковых не существует ни астрологии, ни парапсихологии, ни явных, ставших массовыми, феноменов природы и человека. И Н. К. Рерих смотрит в корень: «…гидра невежества не только в безгра-

мотности, но и в окаменелости восприятий и в человеконенавистничестве». Вот насколько велика ответственность учёного!

«Совершенно новое»

Н. К. Рерих не пропускал, казалось бы, даже малозаметного факта проявления мира непознанного. Всё необычное, необъяснимое наукой возбуждало его разум и чувство, прочно входило в сферу его интересов. То, что выглядело, как пустяк, со временем могло обратиться в нечто весьма серьёзное и потребовать пристального изучения.

В очерке «“Совершенно новое”» (1935) Н. К. Рерих пишет о возможности чтения мыслей и передачи мыслей на расстоянии, во что никак не могут поверить некоторые современные физики. Н. К. Рерих отмечает умение жителей Тибета всецело использовать внутренние резервы организма, например, спать раздетыми в мороз на снегу, или заниматься телепатией: «Телепатия так же хорошо развита в Тибете, как и телефон в Европе». Его удивляют технические новшества, например, электрический аппарат для подсчёта голосов в Шведском парламенте. И на собственное удивление он неожиданно отвечает: «Что же тут нового? <…>. Уже старо, что робот-машина не заменит человеческий организм. Не ново сообщение о передаче мыслей на расстоянии. Издавна это известно. <...> А в то же время радуешься всем таким сообщениям. Для кого-то они очень стары, но и тем повторения такого старого всегда полезны. А другим такие сообщения будут новее нового. И, быть может, впервые заставят подумать о силе мысли». И Николай Константинович предлагает: «Очень просим, не поленитесь добросовестно, хотя бы кратко, сообщать наблюденные вами факты». Особенно – необычные факты проявления психики. По его убеждению, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовёт человечество к изумительным достижениям.

В очерке «Потустороннее» (1935) Н. К. Рерих отмечает, что «о всяких таких одиночных и массовых явлениях можно составить целые списки». И вполне допускает явление телекинеза: «О предметах, передвигающихся без видимой причины, можно слышать от вполне достоверных людей». Но уточняет: «Особенно ценны сообщения людей, вполне уравновешенных, которые могут спокойно и сознательно оценивать виденные ими обстоятельства».

К таковым относит себя и автор этих строк, в октябре 1968 г. ассистировавший на концертной сцене в городе Краснодаре Вольфу Мессингу, и воочию убедившийся в том, что «мысль может быть прочитана».

«Следы мысли»

Н. К. Рериха интересовали разнообразные аспекты мыслительного процесса. Например, тот факт, что «большая часть мозга не участвует ни в каком умственном процессе». Как такое возможно? Николай Константинович с интересом сообщает, что двум профессорам из Кембриджа (Эдриану и Метиусу) удалось «произвести кинематографический снимок человеческой мысли», за что Эдгар Дуглас Эдриан (англ. *Edgar Douglas Adrian*; 1889—1977) в 1932 г. получил Нобелевскую премию. Разные мысли вызывают на пленке разные изображения. Н. К. Рерих с подробно-

стью описывает проводимый эксперимент, тем самым обнаруживая полную личную заинтересованность. Его волнует тот факт, что удалось замерить пульс растений, что растение, как и человек, реагирует на боль, свет, отравление, повреждение, а в минуту смерти испытывает судороги.

И он приходит к оптимистическому выводу: «Итак, нечто вполне естественное и, может быть давно известное, запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами». Оказывается, с растением можно разговаривать, как разговаривают с молчаливым собеседником! Далее Н. К. Рерих упоминает учёного из своего личного круга общения: «Задолго до этих механических начертаний замечательный учёный Индии сэр Джагадис Боше в таких же путях исследований запечатлел пульс растений» и отметил «воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые ещё недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими мёртвыми отростками». В итоге: «На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью» («Следы мысли», 1935).

В очерке Н. К. Рериха «Свет опознанный», написанном 5 марта 1935 г. в Пекине, читаем об эксперименте Пауля Добнера, связанного с излучениями тела человека. И опять-таки следует подробное описание эксперимента, подчёркивание того факта, что излучение является функцией состава крови, а у раковых больных «аура совершенно исчезает». Н. К. Рерих рассуждает о роли медицины, о судьбе Парацельса, о том, что «поражённый болезнью организм не излучает свет». И вновь приходит к философским обобщениям. Он ставит вопрос о том, что необходимо для того, чтобы вывести людей «из бездны быта». И отвечает: «Не простое накопление сведений, но расширение миросозерцания и устремление к наивысшему». И так во всём! Какую бы тему для обсуждения ни брал Н. К. Рерих, он неизменно стремился к её мировоззренческому осмыслению, зачастую в масштабах космоса, поскольку:

«Не угасал свет. Всегда напоминали о себе излучения и сияния, и земные, и надземные».

Н. К. Рериху импонирует мысль профессора Варшавского университета Фаддея Францевича Зелинского (польск. *Tadeusz Zieliński*; 1859—1944) о том, что герои мифов – реальные персонажи, о том, что Будда существовал на самом деле (и археологические находки это подтверждают), что Христос не мифическая личность. На что же уповает философ Николай Рерих? На то, что «медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды» («Легенды», февраль 1931).

Но в тоже время – «лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и, вместо прежних мучеников, спешит изобрести других, чтобы затем они, в свою очередь, так же были почтены памятниками и народными торжествами». Н. К. Рерих призывает больше доверять археологическим и историческим находкам и документам, современным летописям, поскольку они «заслуживают гораздо большего почтения». Н. К. Рериху симпатичны фантазёры и мечтатели, несмотря на то, что сам он – реалист, «конкретный» человек «строгих правил». Но мечтать необходимо! Почему? Да потому, что «мечты не знаки безграмотности, но отличия утончённых душ»!

Прозрения Николая Рериха

Тому, кто хотел бы больше узнать о «сверхчувственных» качествах Н. К. Рериха рекомендую обратиться к книге доктора философских наук Наталии Евгеньевны Самохиной, пишущей также под псевдонимом *Наталия Ковалёва*: «Рерих: жизнь, творчество, миссия» (2007). В частности, в её исследовании указывается на экстрасенсорные способности великого художника и философа.

По мнению автора, интенсивно воспринимать различные воздействия из мира Тонкого и стремиться установить постоянный контакт с Источником, уже вполне сознательно связанный с именем Учителя может человек только с развитыми и углублёнными сверхчувственными качествами. Автор пишет о даре ясновидения и предвидения будущего, что воплотился в художественном и литературном творчестве, в главных поступках жизни Н. К. Рериха. Известно, что многие картины художника явились воплощением пророческих сновидений и информации, поступающей из Высших планов бытия.

А что же в обыденной жизни? Николай Васильевич Грамматчиков (1908—1988), участник южной фазы Второй Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха 1934–1935 гг., в 1935 г. отмечал, насколько проблематично оказывалось выбрать маршрут и отправиться на поиски минералов, предметов археологии или пополнить ботаническую коллекцию. Но Н. К. Рерих словно заранее знал, в каком направлении следует отправиться на поиски: «Съездите завтра с Мишей туда, думаю, что найдёте, что-либо». И вот результат: «На другой день возвращаемся нагруженные костями, чуть ли не каменного века, кусками добытого из-под земли дерева и прочими интересными вещами». Дар редкой по силе интуиции? Очевидно.

Н. К. Рерих удивительным образом указывает сотрудникам направление в степи, где следует поискать ботаническую редкость: «Николай Константинович сказал ехать на север от Олон Суме, распоряжение выполнено, найден новый, очень ценный вид агропирума. Сам он туда никогда не ездил».

Однажды к нему пришла группа альпинистов, штурмовавшая Эверест. Пришла по необычному поводу. На одной из картин Н. К. Рерих изобразил старый глетчер, который можно видеть лишь тому, кто восходил на вершину. Как же художник «увидел» то, что жители долин не видят? Н. К. Рерих успокоил спортсменов, заявил, что на вершину не восходил и восходить не собирается.

Об удивительных качествах Николая Константиновича свидетельствует его многолетний помощник Владимир Анатольевич Шибаев (1898—1975): «Очень-очень редко что-либо менял в тексте, так как мыслил необыкновенно ясно и отчётливо, как шахматный игрок, на много ходов вперёд». Обычный человек многого опасается в жизни. А «необычный» Н. К. Рерих? В. А. Шибаев в 1970-х гг. вспоминал: «Он не знал страха, ничего не боялся, не пугался даже самых зловещих и чудовищных явлений жизни». Так мог поступать только человек, хранимый Богом, и твёрдо знающий, что с ним страшного ничего не может случиться. Георгий Юрьевич Ясько справедливо пишет о том, что Н. К. Рериха опекал святой Иоанн Кронштадтский. Случайно ли? Да нет, не случайно. А по известному принципу – родное принимает родное. А ведь святой Иоанн при жизни имел славу ясновидца и пророка.

Но это всё случаи из обычной жизни. А проявлялись ли сверхчувственные качества Н. К. Рериха в глобальном историческом плане?

Павел Фёдорович Беликов (1911—1982), автор духовной биографии Н. К. Рериха, писал о том, что накануне первой мировой войны Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи ждали приближения грандиозных катастроф, прозревали за ними коренное переустройство мира. Указывал на факты прозрений и сам Н. К. Рерих. Например, в черновиках к статье «Единство» 26 октября 1917 г:

«И вещие сны вели нас. И друг моей жизни, жена моя Лада, прозревала на всех путях наших. Нашла она водительство духа. И укрепила она путь наш».

В 1926 г. Рерихи приехали в Москву с «Посланием Махатм» для передачи его Советскому правительству. Но почему именно в 1926 г.? К тому времени умер вождь революции В. И. Ульянов (Ленин), образовался СССР. Какими путями пойдёт развитие социализма в Союзе «республик свободных»? Вот в чём был вопрос! И Рерихи, и Махатмы Востока, предвидели предстоящий тяжкий, кровавый путь развития страны и в 1926 г. предприняли попытку внести нужные коррективы, подсказать правильный путь развития и тем самым уберечь народы от будущих трагедий.

В 1933 г. к власти в Германии пришёл фашизм. Н. К. Рерих сразу же определил, какую страшную угрозу несёт нацизм миру, а, значит, и делу всей его жизни. Трудами Н. К. Рериха и его последователей 15 апреля 1935 г. был принят Международный договор о сохранении памятников культуры во время военных действий, названный *Пактом Рериха*. Мыслитель словно воочию видел вторую мировую войну, повсеместную гибель художественных ценностей, театров, музеев, книг, картин, библиотек, и всеми силами стремился хоть как-то уменьшить грядущее попрание Культуры.

Как внизу, так и наверху, как наверху, так и внизу

Этот широко известный астрологический афоризм следует понимать так: всё что происходит в Космосе, находит соответствующий отклик на Земле. Иными словами, общественно-политическую, экономическую и иную «погоду» на нашей планете формируют законы развития Космоса, законы движения и взаимодействия планет Солнечной системы. Познав указанные закономерности, мы получим доступ к прогнозированию мировых событий, познаем Будущее. Этим, по сути, и занимаются астрологи.

Что касается рождения и жизни отдельного человека, то известная поговорка «мы родом из детства» не совсем справедлива. Астролог бы выразился иначе: мы родом из момента рождения, появления на свет. Из той самой «минутки», когда нас извлекают из чрева матери под непредсказуемые флюиды космического пространства.

Всё, о чём говорилось в отношении Н. К. Рериха выше, в значительной мере объясняется счастливым моментом рождения, по версии автора, в 11 часов 35 минут в известный всем день 9 октября 1874 г. по новому стилю.

В его гороскопе «прочитываются» возможные ответы на многие вопросы о его жизни и творчестве. Можно привести астрологические объяснения многих известных фактов, таких, например, как триумфальное шествие выставок Н. К. Рериха по

Америке в 1920-е гг., принятие Н. К. Рериха во многих научных и художественных учреждениях США, что называется, «с распростёртыми объятиями». За короткий период было проведено 28 выставок картин, 17 ноября 1921 г. в Нью-Йорке основан Мастер-Институт Объединённых Искусств (Master Institute of United Arts) и 11 июля 1922 г. – Международный центр искусств «Венец Мира» («Corona Mundi»). Уже после отъезда Рерихов в Первую Центральноазиатскую экспедицию, 17 ноября 1923 г., его последователями учреждён Музей Николая Рериха. Что повлияло на эти успехи, как всё это состоялось? Часть наглядных объяснений можно почерпнуть из гороскопа рождения, в котором «прописаны» выдающиеся личные качества Н. К. Рериха:

(а) умение получить поддержку влиятельных лиц (вклад Урана);

(б) способность расширить сферы своего влияния в делах профессии, дар привлекать пожертвования и благотворительность, стремление участвовать в гуманных предприятиях, умение быть хорошим психологом, удачным посредником и миротворцем, умело убеждающим других в преимуществе собственных идей (вклад Юпитера).

Какой же мне видится «формула жизни» Николая Константиновича Рериха? Попробую определить её слагаемые, которые, суммируясь, явили потомкам замечательный феномен удивительной индивидуальности – своеобразный **Эверест человечности**:

(1) тяжёлый ежедневный труд;

(2) развитие заложенных природой замечательных качеств (в том числе и экстрасенсорных);

(3) культ красоты и гармонии;

(4) стремление к знанию и Истине;

(5) умение претворить материальное в духовное и духовное в материальное;

(6) неуклонное движение к Совершенству;

(7) восприятие наставлений Великих Учителей Белого Братства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликов П. Ф.* Рерих: опыт духовной биографии. – М.: МЦР; Мастер-банк, 2011. – 432 с.

2. *Грамматчиков Н.* [Замечательный образ] // Рассвет. – Чикаго, 1936. – 7–8 января.

3. *Ковалёва Н.* Рерих: жизнь, творчество, миссия. – М.: Эксмо, 2007. – (Серия «Золотой фонд эзотерики»). – 416 с.

5. *Мельников В. Л.* Педагогические принципы Н. К. Рериха (Американский период) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 88–101.

4. «Оккультизм и Йога»: Летопись сотрудничества: Сборник: В 2 т. / Е. И. Рерих, Н. К. Рерих, А. М. Асеев; Авт. предисл. и сост. Д. Н. Попов, Н. А. Усачёва. – М.: Сфера, 1996. – Т. II / Пре-

дисл. А. М. Асеева: *Рерих Н. К.* Письма А. М. Асееву: 1933–1938 гг.; статьи и заметки Н. К. Рериха: «Душа народов», «Познавание прекрасного», «Приказ качества», «Одержание», «Черта Мира», «Бесстрашие», «Знамя Мира», «Старинные лекарства», «Жизнь Вечная», «Следы мысли», «“Совершенно новое”», «Оборона», «Видения», «Парапсихология»; Письма из архива А. М. Асеева: 1933–1937 гг. – 347 с.

5. *Рерих Н. К*. Врата в Будущее. – Рига: Угунс, 1936. – 326 с.

6. *Рерих Н. К.* Держава Света. – Southbury: Алатас, 1931. – 285 с.

7. *Рерих Н. К.* Нерушимое. – Рига: Угунс, 1936. – 349 с.

8. *Рерих С. Н.* Слово об отце // Н. К. Рерих. Жизнь и творчество: Сборник статей. – М.: Изобразительное искусство, 1978. – С. 24–28.

9. *Шибаев В.* Из воспоминаний очевидца // Держава Рериха: Сборник / Сост. Д. Н. Попов. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – С. 333–343.

10. *Ясько Г. Ю.* Николай Предтеча // Дарьял. – 1998. – № 4. – Режим доступа (01.07.2004): http://samlib.siwatcher.ru/j/jasxko_g_j/npzip.shtml.

А. В. ЛЕВИЧЕВ

(Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН; Новосибирск)

О НЕСКОЛЬКИХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ГИПОТЕЗАХ И МАТЕМАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Интернет-форум *forum.roerich.info* стал удобным местом «встречи» многих собеседников, заинтересованных в изучении Рериховского наследия и обсуждении возможностей его применения в различных областях науки и жизни.

Начну с математики. В первом обсуждении [**1**] было предложено рассмотреть переменную (по отношению к космологическому времени) двусторонне инвариантную метрику на группе *U(2)*, задающей *D*-компоненту *DLF*-теории. Этой математической конструкцией (допускающей переход от лоренцевой сигнатуры метрики к евклидовой и обратно) предлагалось моделировать «дыхание Брамы». Позднее, весной 2012 г., автор обнаружил, что аналогичная конструкция (но не для *U(2)*, соответствующей статической вселенной А. Эйнштейна, а для миров Робертсона-Уолкера) уже имеется в физической литературе[1]. В недавнем ответе на мой запрос испанский профессор Хосе М. М. Сеновилла пишет, что «о дыхании Брамы он слышит в первый раз». Вот некоторые из выводов работы [**2**]: наблюдатели, *предполагающие*, что метрика всегда лоренцева, могут прийти к *ошибочному выводу* о наличии сингулярности (в то время как имеется лишь изменение сигнатуры с лоренцевой на евклидову). В рамках рассматриваемой модели (то есть в мирах Робертсона-Уолкера) наличие так называемой тёмной энергии («dark energy») является лишь иллюзией, объясняющейся приближением смены сигнатуры метрики. Материалы [**3**] форума посвящены так называемой *плазарной гипотезе* и её обсуждению. Особое же моё внимание (как специалиста, пытающегося применять современные математические конструкции и логические построения в теоретической физике) привлекли некоторые тексты участника обсуждения под псевдонимом *Alexandr5* [**4**]. В целом этот автор «склонен

практически подходить к указаниям Живой Этики насчёт сознания единения и расширения сознания». И далее: «Это приносит свои плоды в плане взаимопонимания людей и в плане понимания мышления, на котором строятся положения современной науки». На форуме он выражает «своё личное понимание сущности высказываний и указаний Учения *Майтрейя Сангха*, полагая его новейшим философским и духовным мировоззрением современности». Системность и логическую последовательность его изложения отмечают и другие участники форума.

Мой «ник» на форуме – *Бородин*. Тема – «высшие измерения». Ниже я предлагаю ознакомиться с некоторыми сообщениями на форуме в 2012 г. для того, чтобы оценить эффективность проходящего на нём обсуждения. Здесь же – мои краткие замечания в связи с приводимыми текстами.

Бородин, # 126[2]. Дорогие участники форума! Девятого октября 2012 г. в рамках XII конференции «Рериховское наследие» в Санкт-Петербургском государственном университете состоится семинар «Рериховское наследие и естественные науки». Ведущие (Ю. Ю. Будникова и А. В. Левичев) планируют провести семинар примерно по той же схеме, что и год назад: несколько основных сообщений и выставка постеров[3].

Надеюсь, что вы сможете участвовать и / или пришлёте тезисы доклада. Работая над своим текстом к семинару, я продолжаю обращаться к статье И. Ю. Александрова (Санкт-Петербург) «Концепция Новой Науки в Учении Живой Этики и основания новоевропейской философии и науки»[4] и к подборке «Психическая энергия» по текстам Учения Живой Этики[5], помещённым в Интернет-журнале «Грани Эпохи».

Swark, # 68. Четвёртым «измерением материи в пространстве» названа «проницаемость» или «глубина» материи, а также в более широком смысле астральный план как ближайший к физическому. И тот, и другой взаимно проницают друг друга, значит, «Вселенная многомерна», но только лишь в этом «более широком смысле», придаваемом понятию *измерение*. Если же брать только узкий математический смысл понятия *измерение*, в смысле «измерение протяжённости материи в пространстве», то тогда измерений только *три*. Для духовного развития достаточно иметь опытное представление о «проницаемости» слоев материи друг другом, что и будет выходом из «трёхмерной тюрьмы». Хотя по сути трёхмерность остаётся, но стенки этой «трёхмерной тюрьмы» становятся проницаемыми.

Swark, # 79. Единая Беспредельность Мироздания имеет два проявления: беспредельную пространственную протяжённость материи и беспредельную делимость материи, которые следуют логически друг из друга. Если беспредельная пространственная протяжённость описывается тремя измерениями протяжённости материи в пространстве, то беспредельная делимость материи требует выбора терминологии, так как пока это не общепринято.

Бородин, # 96[6]. Сомневаюсь насчёт «глубины» (то есть бесконечной делимости). Если оставаться на уровне непрерывных пространства и времени (то есть не переходить к дискретности, не «квантовать» пространство), то группа *SO(3)* – это минимальный уровень пространства (*SO(3)* дважды накрывается трёхмерным сферическим простран-

ством). Тогда прямое произведение окружности, представляющей время, и *SO(3)* – это самый нижний уровень пространства-времени. Компактный космос Сигала (группа *U(2)=D*) дважды его накрывает. Счётная бесконечность – это лишь наверх (с повышением размерностей): *U(2)<U(3)<U(4)<...<U(n)<...*

Мой термин «просторы» навеян не только этой идущей «наверх» бесконечностью, но и понятием векторных расслоений над рассматриваемыми мирами. Векторные расслоения – стандартный аппарат современной теоретической физики. А тогда и «проницаемость» допускает вполне естественное моделирование: мы не можем зайти внутрь окружности, оставаясь на плоскости, но мы можем попасть внутрь неё, если «путешествовать» в расслоении над плоскостью (достаточно одной дополнительной размерности). Если переходить к дискретности («квантовать» пространство-время), то мне наиболее симпатична «Петлевая квантовая теория гравитации» Ровелли[7]. В ней доказано, что, начиная с размерности 2 (то есть с площади), ситуация квантована, то есть бесконечной делимости нет. Что касается размерности 1 (начав с «дискретных векторов», моделирующих взаимодействие субъекта и объекта, можно перейти к «петлям»), то это некая тайна.

В неё попытался проникнуть *Alexandr5*, что следует из его текстов на форуме [**3**], начиная с # 97. Что ни гуще эти петли, то пространство насыщеннее. В статистическом пределе возникает понятие континуума. В связи с Новой Наукой что же предлагает философ *Alexandr5*?

Alexandr5, # 188 (отвечая Бородину). Обращаю внимание на само явление аксиоматики, по моим выражениям – постулирования. Необходимо ввести новый принцип в мировоззрение, не опирающийся на аксиоматику, на постулаты (например, первый этап любого познавательного процесса – описание явления, свидетельствование, наблюдение), иначе никакого Нового мировоззрения не получится. Так в научной методологии эксперимент является фактором истинности. Этот принцип справедлив, но в пределах экспериментальных возможностей человека. Вопрос, как может выглядеть научная методология, если объекты изучения представляют собой то, что находится выше самого сознания человека? Таковы *дух* и любая *духовная среда*. Тогда появляются только две возможности.

Первая – ждать, пока учёный не достигнет состояния одухотворённости в эволюционном смысле. Этот метод не может быть предложен всем в течение разумного срока жизни, но только людям духовно устремлённым.

Вторая – пользоваться свидетельствами духовных людей о том, что они воспринимают духовными возможностями.

Тут при втором варианте возникают две проблемы.

Первая. Требуется отсеять свидетельства не духовных людей (фантазии экстрасенсов и т. п.) от истинных свидетельств истинно духовных людей, для чего предложено «просеивать» деятельность различных свидетелей на культурность, дабы не подставить своё сознание под влияние низших психистов и одержателей, которые обязательно проявляют отсутствие культурности, например, отсутствие чести.

Вторая. Требуется умение объединить личное сознание (в этом смысле – самосознание) с сознанием свидетеля, как бы наблюдать высшие сферы с позиций духовного свидетеля. Это-то и есть – сознание единения. Вполне достижимое состояние сознания для любого интеллигентного человека. А понимание этого состояния сознания (сознание единения) базируется на постулате: сознание должно рассматриваться не как персональное состояние, но как совместное знание. В современной философии такая трактовка уже существует.

Затем требуется осуществить создание такой группы учёных, которая в своём составе имеет реальных духовных людей. (Для многих семья Рерихов является примером и продолжает играть роль такой группы).

Затем постепенное объединение сознаний (труд, требующий определённого времени и сил, – посмотреть на реальность глазами Рерихов, как бы вместе с ними), и в этом процессе приобрести то, что в Учении названо *расширением сознания*. То есть перестроить сознание на энергетическое мировоззрение, чем и отличаются учёные, принимающие положения Учения Живой Этики, от тех, кто рассуждает с позиций старого мировоззрения на темы, предложенные Рерихами.

И уже следующим этапом – восприятие духовной реальности совместно с ними, то есть при условии их духовного согласия. Тогда открывается возможность достаточно легко понимать положения духовного познания мира (и не только Учения).

Так, например, на вопрос – как открыть следующее пространство, находясь в предыдущем? – есть довольно простой и старый ответ (правда «простой» в духовной логике) – использовать *принцип композиции*, который звучит так: *правильным расположением нескольких грубых предметов можно открыть Тонкую сферу*. Правильным расположением нескольких утончённых предметов открываются Огненные пространства. И так далее.

Ещё в Упанишадах рассматривался вопрос – как происходит переход в иные сферы (например, после смерти)[8]. Этот метод давно известен – расставлять предметы (или располагать предметные знаки) для открытия внутренних или высших пространств. К примеру, любой алтарь именно так и открывается.

Но только с позиций духовного восприятия мира можно обнаружить возможность привнесения методов композиции в науку. Согласитесь, это требует синтеза науки и искусства. Вот мы и приходим естественно и гармонично к утверждению Рерихами этого синтеза, то есть синтеза – науки (философии, и её раздела называемого *Живой Этикой*), религии (жизни – введением понятия *психическая энергия*) и искусства (с его методами, в том числе и композицией, мастером которой считался Николай Константинович, которая называется – *красота*).

Примером открытия для осознания такого рода пространств являются его картины, да и сама структура текста Учения. Почему так огорчительна попытка некоторых якобы «последователей» распространять сборники выдержек из Учения, в которых нарушена композиционная структурность, то есть уничтожен духовный смысл и оставлен только понятийный слой для рассудка.

Следующее сообщение возникло как ответ на вопрос одного из участников обсуждения: можете ли Вы объяснить на более простых примерах сознание миров, чем они отличаются друг от друга?

Alexandr5, # 60. Существуют два подхода к описанию Вселенной – персональный и имперсональный. Персоналисты в своём мировоззрении, помимо объективного мира (мира имперсоналистов) имеют дополнительный элемент, который называют трансцендентным (не выражаемым посредством компонентов объективного мира). Так, например, в религиях это вера. В Учении это этика – отношения. Поэтому существует два подхода к понятию *миры*. У имперсоналистов (объективистов) мирами (царствами) называются объединения типов живых разумных тварей по уровням их эволюционного положения относительно друг друга. Например, мир минералов, мир растений, животных и т. д. У персоналистов, которые определяют себя не как создаваемые и разрушаемые твари, но отделяемые от Бога (абсолютного субъекта) частицы, называемые в теософии *эго*, а в Учении – *искрами*, *мирами* называют объединения всего того, что объединяется вокруг конкретной *искры*.

Примеры. Природа (как богиня) имеет свой мир – мир природы. София (как богиня – конкретный субъект) – мир разума. Гера – мир красоты. И т. д.

Поэтому у персоналистов каждый субъект имеет свой собственный мир, в котором все элементы объединяются по типу любви эго. Так у каждого человека есть свой (часто называемый *внутренним*) мир.

У имперсоналистов в качестве субъекта – носителя личности – выступает так называемое *ложное эго*, какая-либо объективная конструкция, выступающая в роли носителя личности, например, психика, душа или сознание. Вариантов очень много.

Так как Учение Живой Этики, так же, как и Новый Завет, и Бхагавадгита, носит в себе этические принципы, то его относят к персоналистическим (божественным) Учениям.

Поэтому у персоналистов объединения происходят не по критериям совпадения объективных свойств, но по совпадениям свойств субъектов, *искр*. А так как у *искры* нет иных активных проявлений, кроме любви, то и типы миров определяют по типам любви.

Начиная с самого, так сказать, «плохого», определяют следующие четыре мира.

(1) *Мир де-монический*, в Учении – сфера космической переработки негодных к использованию объективных оболочек (без разницы каких). В этическом смысле – мир ненависти (отрицания любви). Далее три мира любви, определяемые по типам любви.

(2) *Мир плотный* – мир *эго*-истов (самостных), строящих свой микромир (микрокосмос) только из элементов объективного мира. В этическом смысле это мир управляется тем, что такого рода искры любят: объективными регулирующими принципами. Субъектами могут быть представители не только людей, но и *искры* любых типов, составляющих всё население мира плотного. Плотный он потому, что каждый эгоист плотно сжат в пределах своего эгоизма.

(3) *Мир Тонкий* – мир *эго*, создаваемый из других *эго* по совпадению в любви. Население этого мира образуют различные братства субъектов подобных друг другу по любви. Мир взаимопонимания – со-чувствия, со-действия, со-знания.

(4) *Мир Огненный* – мир универсальной любви, образуемый *искрой* из любых иных субъектов, способных к преобразованию одной любви в другую, то есть способных к Огненной Этике (почему он и называется *Огненным*, так как огонь имеет свойством преобразование) – преобразованию любви любого иного *эго* в свой тип любви, и наоборот.

Теперь ответ на Ваш вопрос.

Так как все процессы (и этические, и энергообменные) происходят в объективной среде (так сказать – *искры* «плавают» в океане объективных элементов), то элементы объективного мира ведут себя по-разному, в зависимости от наличия или отсутствия влияния на них *искры* (*эго*).

В состав объективного мира входит и *манас*. (Термин, объединяющий в себе единство двух противоположностей – *сознания* (духовная часть) и *фохат* (материя этого сознания). В русском языке нет слова для обозначения такой совокупности, поэтому используется санскритский термин). Манас есть то, чем *эго* осознают, а *фохат* есть то, из чего *эго* строят материальную структуру своего сознания: кристалл разума, способный преобразовывать свет сознания.

Если не требуется вдаваться в технические подробности, то вместо *манаса* упоминают только его «духовную сторону» – *сознание*, понимая смысл сказанного по контексту. Так, например, современные физики часто выражают следующую пару понятий – *поле и материя* вместо пар *поле и вещество* и *материя и дух*. Так как сознание не может превышать возможностей своей материи, то, в принципе, в практическом смысле нет разницы между понятиями *манас* и *сознание*, кроме одной: *манас* – есть мир некоего Субъекта – Бога разума. А сознание есть только объективный атрибут этого Божества.

Итак, каждая *искра*, собирает свой мир, и в том числе из компонентов сознания (из *фохата*). Сознание имеет свойство – *протяжённость*. В чистом виде – протяжённость самого сознания и есть пространство – длина, расстояние. В более точном гностическом смысле – место, на санскрите – лока (*loka*). Это значит, что каждое *эго* (*искра*) осознаёт себя только в пределах своего *сознания – места*.

Теперь о соответствии с мирами.

(1) *Отрицаемое сознание* – отрицаемая истина – ложь. Сознание (неведение) демонического мира есть способность видеть то, чего на самом деле нет.

Пример. Вы сегодня не были в магазине, но можете «увидеть», что вы в нём сегодня были, и принимать это за действительность. Это возможно в тёмном мире по той причине, что сознание, которым здесь «видят» не своё, а всегда чужое. Этим тёмный мир и соблазняет – пытается навязать демонические представления о нас, что мы не *искры*, а только объективные механизмы (организмы). Навязывают сознание, взгляды, которые вы как *искра* не любите, и контролировать их по этой причине не можете. Поэтому наличие такого сознания в мире человека – всегда чьё-то насилие – одержание, насильственный контроль чужого (нелюбимого) сознания. В том мире сознание борется против любви, против Искры, а *искры* «видят» себя в чужом мире.

(2) *Сознание мира плотного* полностью обусловлено свойствами объективных оболочек, из которых *эго* строит свой микромир. По этой причине оно обусловлено устройством органов тел (в том числе и астрального, и ментального, и т. д.). Это то сознание,

которое на 90 процентов обусловлено свойствами нашего зрения – использующего метод проекции изображения на плоскость.

Если бы у нас были фасеточные глаза, как у мухи, мы имели бы количество пространственных координат по числу элементов глаза, фасет – сотни или тысячи. *Манас* в мире плотном соответствует типу Искры («Я»), поэтому с этого мира возникает возможность самосознания.

Ещё одно свойство мира плотного – граница сознания (у каждого своё сознание). Всё, что вне сферы собственного сознания, – отражается, но своё сознание может быть расширяемо беспредельно, оставаясь при любых размерах только собственным знанием.

Таково сознание многих «падших» *эго*, «выпавших» (потерявших место – *локу* – пространство в Тонкой и Огненной сферах).

В этой сфере эгоистов есть структура – иерархия тёмных сил – объединение эгоистов, использующих в составе сознания чуждые собственной любви взгляды. Например, логику оптики в химических формулах. Такой подход называется *нечистый*, к нему можно отнести попытку применить религиозное мировоззрение в науке и наоборот.

В этой сфере люди объединяются по подобию в объективных взглядах – по соизмеримости сознания, то есть по мировоззрению. Учёные к учёным, поэты к поэтам, рериховцы к рериховцам.

Это сфера регулирующих принципов, в том числе и общекультурных, которым противостоят силы тьмы – эго, привносящие в сознание посторонние взгляды в составе мировоззрения.

Это сфера борьбы мировоззрений (сознаний) культурообразующих – *логичных*, и антикультурных – нечистых.

(3) Сознание мира Тонкого есть такое сознание, которое объективно сопровождает отношения двух субъектов. Объективное сознание приобретает под воздействием поля любви особые свойства. Например, исчезает граница сознания.

Сознание становится общим для всех, участвующих в отношениях субъектов. Собственно, на этом этапе сознание из *эго*-истичного знания становится *со-знанием* – совместным знанием.

Человек осознаёт всё то, что в данный момент имеет в виду его возлюбленный (возлюбленная) – видит мир не только своим сознанием, но и сознанием возлюбленного (возлюбленной): возникает сознание единения.

Соответственно, все участники этого этического объединения «видят» то, что вы имеете в виду. В мире Тонком невозможно скрыть свои взгляды. Невозможно «подсматривать», как в мире плотном.

В этой сфере не действуют общекультурные принципы, здесь этика превыше всего. Поэтому часто мир плотный называют – миром, а существование в Тонких отношениях носит название *выхода из мира*.

Соответственно, способ развития сознания здесь иной. В плотном мире путём расширения сознания, а в Тонком – путём осознания взглядов Учителя.

(4) Сознание мира Огненного позволяет обнаружить, что все взгляды (все виды сознания) есть микро-взгляды единого, общего для всех *Эго* – сознания, Бог которого спо-

собен преобразовывать одно сознание в другое. Это похоже на то, как в математике производится преобразование формул из одного вида в другой.

Таким образом, в этой сфере остаются только те взгляды, которые есть только преобразования одной единственной формулы, суть которой: *сознание есть вид любви Бога путём непрерывного осознания нас*. Другими словами – *манас* есть Вездесущее любовное созерцание Всевышним всех *эго*, всех своих *искр*.

Такое сознание позволяет видеть *искры* так, как они выглядят в глазах Бога, любящего их. А так как все *искры* – суть Его конкретные части, то все *эго* выглядят маленькими богами, которые любят каждый по-своему, кто Учителя, а кто балет.

В этом мире есть те, кто как *искра* и есть объективные принципы. Например, Бог сознания (Бог-Отец). То, что для нас есть сознание, в Огненной сфере есть вид любви (*свет любви*), и ничего объективного вообще нет. Такие *Искры* образуют подгруппу – Мир Высший. Остальные жители мира Огненного пользуются их возможностями. Это Боги стихий и принципов. В этом мире всё – только виды любви.

Если Один из Них осознаёт другого, то только потому, что между Ними Бог, проводящий через Себя Их осознание. Нет ничего, кроме *Искр*, неразрывно соприкасающихся друг с другом, посредством этих Высших объединителей – Богов Истинных – Жителей мира Высшего.

Как Они нас видят, я не знаю.

Далее следовал интересный фрагмент, как бы вставленный в этот пост извне: «Уважаемый г. Бородин. Если мы для описания Высших измерений хотим использовать правильные принципы, то нам с Вами неизбежно понадобится решить один главный вопрос: чем сложение отличается от умножения».

29 августа 2012. Бородин. Обратите внимание на школу Дэвида Финкельстайна (США)[9].

Swark (обращаясь к Alexandr5). Стихии относятся к Астральному миру, Астральный мир свой у каждой планеты. Огонь сердца – это Огненный мир, он един для всего Млечного Пути. А ваши «разнообразные духовные сферы» – это просто ещё более утончённые слои материи, которые тем более утончены, чем большее пространство охватывают. Без ясной физической модели Вы это не сможете представить. Есть ли у Вас такая модель?

Бородин (входя в разговор). Уважаемый *Swark*, может быть, это больше входит в рамки наших с Вами задач (построение Модели)? А *Alexandr5* будет вносить поправки (отвечая на наши вопросы и помогая нам в наших заблуждениях). Я – в растерянности (не знаю, за что хвататься, чтобы наилучшим образом «воспользоваться» открывшимся всем нам каналом Нового Знания). Сам я склоняюсь к тому, чтобы сейчас попытаться задать как можно больше содержательных вопросов. Не собираюсь зацикливаться (так как это будет не самым разумным вариантом в данных обстоятельствах) на своей «математической обеспокоенности» в тех или иных конкретных примерах. По конкретной математике продолжу, когда иссякнут более фундаментальные вопросы (соотношение *фохата* с *фотоном* оказался одним из таких «хороших» вопросов).

Вскоре я (под ником *Бородин*) пригласил *Alexandr5* принять участие в нашем семинаре «Рериховское наследие и естественные науки». Ответ не заставил себя долго ждать.

Alexandr5. Спасибо за присланный материал. Ситуация для меня полностью прояснилась. Её суть. Я в настоящее время проживаю в Твери, поэтому для участия в семинаре мне требуется решить ряд вопросов, касающихся организации самой поездки.

9 октября 2012 г. я провожу семинар в конференц-зале «Тверьгеофизика», который я пытался отменить, но не смог, так как возникли большие сложности с участниками семинара. Поэтому полагаю, что Вам самому придётся осветить поднимаемые Вами вопросы без моего участия.

И ещё. Та концепция, которая полностью включает всё то, что я высказывал по отдельности на форуме, в настоящее время дорабатывается, особенно в отношении четырёх типов сознания. Наличие четырёх типов сознания и связи сознания с пространством приводит к выводу о возможности существования четвёртого измерения в пространстве (но не времени в пространственно-временном континууме), то есть самостоятельного четвёртого пространственного измерения, которое «слито» для наблюдателя с одним из известных, но которое проявляется в человеке иначе, чем три других.

Именно в сентябре я столкнулся с возможностью описать разницу между свойствами всех четырёх типов сознания на понятном современном языке (вне санскритских терминов и восточных концепций), так, чтобы это могло быть понято современным человеком.

Сейчас устранены последние неясности и (в целом) завершено изложение концепции как целостной непротиворечивой системы.

Однако высказываться на эту тему я пока не могу, так как не совсем точно подобраны понятия, для описания разницы в таких типах сознания как *личное сознание*, *сознание единения*, *безличное сознание* и *творческое сознание* (термины пока неточны).

Полагаю, завершение близко (видимо, в этом году), тогда я смогу дать полное описание. После этого полагаю изложить систематизацию полностью, и тогда на неё можно будет ссылаться как на вполне законченную работу.

Уверен, что этого завершения с большим интересом ждут, не только я, но и все участники обсуждения.

Из темы, поднятой сообщением [**1**], приведу лишь одно ценное замечание.

Бородин (в ответ Amarilis). Николай Александрович Козырев[10] (при всём уважении) – не для меня, математика. Кроме того, его имя неоднократно было скомпрометировано недобросовестными людьми. Тем не менее, года три назад один специалист (физик) сумел так сформулировать вклад Николая Александровича в теоретическую физику, что у меня «откликнулось» (но сейчас мы с ним сами не можем восстановить эти несколько фраз!). Одна из основных идей Николая Александровича («энергетика времени») допускает строгую формулировку и была известна независимо от него.

Обсуждение продолжается.

ИСТОЧНИКИ

1. Интернет-форум *forum.roerich.info.* – Сообщение # 267 в теме «Наука и “лженаука”»: http://forum.roerich.info/showpost.php?p=368953&postcount=267. – 2011.

2. *Mars, Marc; Senovilla, Jose M. M.; Vera, Raul.* Is the accelerated expansion evidence of a forthcoming change of signature on the brane? // Physical Review D. – 2008. – Vol. 77. – P. 1–4. – Режим доступа в сети Интернет: http://arxiv.org/pdf/0710.0820v2.pdf.

3. Интернет-форум *forum.roerich.info*. – Сообщения 1, 43, 46 и др. в теме «Очень красивая модель Мироздания»:
http://forum.roerich.info/showpost.php?p=319410&postcount=1;
http://forum.roerich.info/showpost.php?p=379253&postcount=43;
http://forum.roerich.info/showpost.php?p=379253&postcount=46. – 2010–2012.

4. Интернет-форум *forum.roerich.info*. – Сообщения 121 и 124 в теме «Понятие “высшие измерения”» и многие другие сообщения *Alexandr5*.
http://forum.roerich.info/showpost.php?p=413887&postcount=121
http://forum.roerich.info/showpost.php?p=413887&postcount=124. – 2012.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. [**2**] и другие публикации этой группы авторов.
[2] То есть сообщение # 126 в вышеуказанной теме. Здесь и далее сообщения подверглись литературной редакторской правке и незначительным сокращениям.
[3] См. обмен мнениями в августе-октябре 2011 г. в разделах «Наука и “лженаука”» и «Понятие “высшие измерения”». Результаты семинара 2011 г. изданы под названием «О мире невидимом. Прозрения Блаватской и Рерихов в свете современной науки»: Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. – СПб., 2013.
[4] Грани Эпохи: Этико-философский Интернет-журнал. – 2012, лето. – № 50. – Режим доступа: http://grani.agni-age.net/articles12/5034.htm.
[5] Грани Эпохи: Этико-философский Интернет-журнал. – 2012, весна. – № 49. – Режим доступа: http://grani.agni-age.net/articles12/4912.htm.
[6] В обновлённой редакции.
[7] Карло Ровелли (итал. *Carlo Rovelli*; род. 1956) – один из самых известных итальянских теоретических физиков, автор, чьи труды доступны on-line. Например: *Rovelli, Carlo.* A dialog on quantum gravity. – 2003. – Режим доступа: http://arxiv.org/pdf/hep-th/0310077v2.pdf.
[8] Например, в Катха-Упанишаде. См.: *Топоров В. Н.* Эпистема знания и мир бессмертия (Катха-Упанишада о подвиге Начикетаса) // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков: Сб. памяти проф. М. Н. Петерсона. – М., 1997. – С. 97–118. – *Примеч. научного ред.*
[9] В связи с этим именем приведём один фрагмент из статьи Юрия Кушнира: «Развитие физики в период конца XIX и начала XX вв. в связи с чередой открытий во всех её областях и с возникновением новых физических теорий: квантовой механики, специальной и общей теории относительности и т. д., вышло на принципиально новые рубежи. Глубочайшие теоретические прорывы, а также феноменальные результаты экспериментальных исследований оказались во многом впереди возможностей их осмысления в русле традиционных представлений. Более того, они зачастую противоречили естественной логике и ряду научных положений, выверенных многовековым опытом человечества. <…> Макс Борн писал в этой связи: “Основной источник трудностей заключа-

ется в том факте (или философском принципе), что мы вынуждены пользоваться словами общедоступного человеческого языка, когда мы пытаемся описать феномен не при помощи логического или математического анализа, но при помощи образов, апеллирующих к воображению. Язык человеческого общения возник на основе каждодневного опыта и не в состоянии превзойти это ограничение. Классическая физика ограничила себя концепциями данного типа; анализируя наблюдаемые типы движений, она приняла два пути представления их элементарными процессами: движущиеся материальные объекты или волны. Не существует других методов наглядного представления движений – мы должны применять их и в области атомных процессов, т. е. там, где классическая физика не работает" [*Born, Max.* Atomic Physics. – New York: Hafner,1957. – P. 97]. Среди физиков имеются и другие взгляды. Например, видение Дэвида Финкельстайна (Институт Технологий, Джорджия, США) таково, что математика это – тоже символика. "Наилучшее, что можно получить, пользуясь символами, это – глубокое, но не законченное описание" [*Finkelstein, David.* Esalen Conference of Physics and Consciousness. – Big Sur, California, 1976]. Согласно Д. Финкельстайну, проблема заключается не в том или ином языке, проблема это – язык сам по себе» (*Кушнир, Юрий.* На тернистых поворотах путей квантовой механики // Лебедь: Независимый бостонский альманах. – 2010. – 17 января. – № 607). – *Примеч. научного ред.*

[10] Николай Александрович Козырев (1908—1983) – астрофизик, доктор физико-математических наук (1947). Окончил физико-математический факультет Ленинградского государственного университета в 1928 г., работал в Пулковской обсерватории АН СССР в 1947–1979 гг. и одновременно в Крымской астрофизической обсерватории АН СССР в 1947–1958 гг. Основные научные работы Н. А. Козырева посвящены физике звёзд, исследованию планет и Луны. Н. А. Козырев был опытным и искусным экспериментатором и наблюдателем. Согласно его теории, небесные тела (и планеты, и звёзды) представляют собой машины, которые вырабатывают энергию, а «сырьем для переработки» служит время. Эта теория привела его к изучению физических свойств времени и к установлению связи между временем и энергией, проявляющейся во всех небесных телах, больших и малых, и происходящей вследствие постоянного действия универсального «низкотемпературного источника». Свои теоретические исследования он старался подкрепить астрономическими наблюдениями и лабораторным экспериментом. Так возникла «теория времени Козырева», впервые изложенная им в книге «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении» (1958). Режим доступа: http://www.nkozyrev.ru/bd/022.php. (По материалам сайта «Николай Александрович Козырев» – www.nkozyrev.ru). – *Примеч. научного ред.*

Н. АУВАЛ
(Физический факультет Бостонского университета; Бостон, США),
А. ЛЕВИЧЕВ
(Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН; Новосибирск)

ПРОЕКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ $S^1 \times SO(3)$ КАК ПОДСТИЛАЮЩЕЕ КОМПАКТНОГО КОСМОСА СИГАЛА

В [**Бо-12а**] отмечается, что аппарат групп Ли (в частности, групп преобразований) является одним из основных математических методов современной теоретической физики. Мы рассматриваем несколько групп Ли с заданной на них левоинвариантной метрикой лоренцевой сигнатуры. Эти группы локально изоморфны, так как у них одна и та же алгебра Ли, $d=u(2)$. Эта алгебра Ли играет ключевую роль в

Хронометрии Сигала (см.: [**Se-91**]) и в *DLF*-теории (см.: [**Le-11**]). Хорошо известно, что 2-накрытие группы *SO(3)* группой *SU(2)* позволяет дать строгую математическую модель спина частицы. В [**Бо-12б**] предложено использовать методы накрывающих пространств при математическом моделировании «высших измерений» (в сентябре 2012 г. эта тема на *forum.roerich.info* обсуждалась довольно интенсивно).

Миры *D*, *L* и *F* являются космологическими моделями. Пространство-время *D* является (фактически) так называемой статической вселенной А. Эйнштейна. В частности, пространство моделируется трёхмерной сферой. С точки зрения групп Ли, *D* – это (компакт) *U(2)*. Введя *D*, Сигал почти сразу же перешёл к его 2-накрытию $S^1 \times SU(2) = D^{(2)}$, а само *D* осталось не полностью «задействованным». Мы вводим некую систему координат на *D*, которая не рассматривалась в работах Сигала. С её помощью вводится 2-накрытие *P проективного мира* $D^{1/2} = S^1 \times SO(3)$ группой *U(2)*: *P* сопоставляет матрице *z* пару *(det z,Z)*. Ортогональная матрица *Z* – это образ матрицы *u* под действием стандартного накрывающего отображения *p* из *SU(2)* в *SO(3)*. И, наконец, *u* определяется (с точностью до знака) из разложения $z = du$, где квадрат (комплексного, вообще говоря) числа *d* равен *det z*. И *P*, и *p* являются гомоморфизмами между соответствующими группами. Фундаментальная роль гомоморфизма *p* хорошо известна. Что касается *P*, то само его существование позволяет формулировать хронометрическую теорию Сигала, начиная с «самого нижнего уровня» (так как центр группы *SO(3)* тривиален, то есть сводится к единице группы). Вложения мира Минковского *M* в *D* и в $D^{(2)}$ были введены и охарактеризованы в [**PaSe-82**]. Они позволяют использование стандартных координат x_0, x_1, x_2, x_3 мира Минковского в *D*. Нижеследующие утверждения являются новыми. Математически они аналогичны полученным в [**PaSe-82**]. С точки зрения физики, они вносят новый аспект в моделирование спина частицы.

Теорема

А) В той части *D*, которая задаётся уравнением $x_0 > 0$ (или $x_0 < 0$) накрытие *P* является взаимно-однозначным.

В) В той части *D*, которая задаётся уравнением $x_3 > 0$ (или $x_3 < 0$) накрытие *P* является взаимно-однозначным.

ИСТОЧНИКИ

1. [Бо-12а] *Бородин*. Сообщение # 47 в теме «Очень красивая модель Мироздания». – Интернет-форум. – http://forum.roerich.info/showpost.php?p=379253&postcount=47. – 2012.

2. [Бо-12б] *Бородин*. Сообщение # 142 в теме «Понятие “высшие измерения”». – Интернет-форум. – http://forum.roerich.info/showpost.php?p=415385&postcount=142. – 2012.

3. [Le-11] *Levichev A. V.* Pseudo-Hermitian realization of the Minkowski world through the *DLF*-theory // Physica Scripta. – 2011. – Vol. 83. – Issue 1. – P. 1–9.

4. [PaSe-82] *Paneitz S. M., Segal I. E.* Analysis in space-time bundles I: General considerations and the scalar bundle // Journal of Functional Analysis. – 1982. – Vol. 47. – № 1. – P. 78–142.

5. [Se-91] *Segal I. E.* Is the Cygnet the quintessential baryon? // Proceedings of the National Academy of Sciences. – USA, 1991. – Vol. 88. – P. 994–998.

N. AWAL
(Physics Department of Boston University; Boston, USA),
A. LEVICHEV
(Sobolev Institute of Mathematics of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk, Russia)

THE PROJECTIVE WORLD $S^1 \times SO(3)$ AS UNDERLYING SEGAL'S COMPACT COSMOS

As it is clear from [**Bo-12a**], application of Lie groups (groups of transformations, in particular) is one of the major mathematical methods in modern theoretical physics. Here we consider certain Lie groups with left-invariant Lorentzian metric on them. These groups are locally isomorphic since we only deal with the (real) Lie algebra $d=u(2)$. This Lie algebra is of utmost importance in Segal's Chronometry (see [**Se-91**]), and in DLF theory (see [**Le-11**]). It is well-known that the 2-cover of the group $SO(3)$ by $SU(2)$ provides mathematical description of spin of a particle. It is indicated in [**Bo-12b**] how covering spaces might be helpful in modeling of «higher dimensions» (lately, a popular topic of discussion on the Roerich Forum).

One can think of D, L, and F as cosmological models. The space-time D of the theory is similar to the Einstein Static Universe where space is a 3-dimensional sphere. It is based on the compact cosmos $D=U(2)$. Segal has been working with the double cover $D^{(2)}$ of $U(2)$, but D itself, has not been fully explored. Instead of using Segal's coordinate system, we have introduced our own to explore this space-time with. There is a 2-cover P of the *projective world* $D^{1/2}=S^1 \times SO(3)$ by the group $U(2)$: P sends a matrix z into a pair $(\det z, Z)$. The matrix Z here is the image of u under a standard covering map p from $SU(2)$ onto $SO(3)$. Finally, u is determined (up to a sign) from the decomposition $z=du$, here $d^2=\det z$. Both P and p are group homomorphisms. From the theoretical physics viewpoint, the fundamental role of p is well known. Regarding P, its mere existence allows to present Segal's chronometric theory starting with the «lowest level» possible (since the center of $SO(3)$ is trivial). Using the new coordinate system on $D=U(2)$, we determine the formulas for the above P. Imbeddings of the Minkowski space-time M into D and into $D^{(2)}$ have been introduced in [**PaSe-82**]. They allow to use standard Minkowski coordinates x_0, x_1, x_2, x_3 in D. Along those lines, we prove the following.

Theorem

A) In an open region of D defined by $x_0>0$ (or by $x_0<0$) the covering map P is one-to-one.
B) In an open region of D defined by $x_3>0$ (or by $x_3<0$) the covering map P is one-to-one.

These findings can make a new description of spin possible.

REFERENCES

1. [Bo-12a] *Borodin*. Post 47 in «Very elegant model of Cosmos», *forum.roerich.info*, in Russian. 2012.
2. [Bo-12b] *Borodin*. Post 142 in «Higher Dimensions», *forum.roerich.info*, in Russian. 2012.
3. [Le-11] *Levichev A. V.* Pseudo-Hermitian realization of the Minkowski world through the *DLF*-theory // Physica Scripta. – 2011. – Vol. 83. – Issue 1. – P. 1–9.

4. [PaSe-82] *Paneitz S. M., Segal I. E.* Analysis in space-time bundles I: General considerations and the scalar bundle // Journal of Functional Analysis. – 1982. – Vol. 47. – № 1. – P. 78–142.

5. [Se-91] *Segal I. E.* Is the Cygnet the quintessential baryon? // Proceedings of the National Academy of Sciences. – USA, 1991. – Vol. 88. – P. 994–998.

А. К. ГУЦ

(Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; Омск)

МИР КАК ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Теория относительности в изложении Г. Минковского (1908) представила окружающую нас Вселенную как *реально существующее* четырёхмерное пространство-время. А. Эйнштейн, сумевший в 1905 г. в отличие от А. Пуанкаре и Х. Лоренца изложить идеи принципа относительности в простой и доступной для многих физиков форме, не сразу осознанно согласился с революционной мыслью Г. Минковского. Однако, начиная с 1921 г., он полностью осознал реальность четырёхмерия; о чём, например, говорит, его реакция на известие о смерти друга детства М. Соловина. А. Эйнштейн заметил, что известие не огорчает его, поскольку «мы-то, физики, знаем, что никакого прошлого нет». И далее: «Всё прошедшее остаётся и пребывает всегда на линии мировых событий. Земным зрением это нельзя увидеть; но мало ли обманов даёт нам земное зрение: плоская Земля, Солнце, вращающееся вокруг Земли. Доверять надо не земному, а вечному» [**2**].

Таким образом, реальность существует только в *форме* абсолютного четырёхмерного непрерывного континуума, состоящего из мировых событий (мировых точек), называемого пространством-временем. Но в таком случае, как это отмечал А. Эйнштейн, «прошлого нет» в том смысле, что нет разницы между прошлым, настоящим и будущим, – они *всегда* существуют.

Однако естественным образом появляется необходимость ответить на вопрос: втискивается ли вся человеческая история в одно пространство-время?

Если «да», то человеческая история – это совокупность S времениподобных мировых линий – мировая трубка, – в которой последовательно Античность как подмножество $S_a \subset S$ сменяется Средневековьем, Средневековье сменяется эпохой Возрождения и т. д.

В данном ответе отражена доминирующая в современном мире западная культурная традиция – видеть реальность в форме эволюционирующей, то есть изменяющейся сущности. Каждая историческая эпоха, такая как Античность, Средневековье, Возрождение и прочие, видится как *ограниченная* во времени форма существования человечества. Конечность исторической эпохи автоматически означает её сменяемость, а, значит, даёт возможность все исторические эпохи разместить одну за другой, **последовательно** в одном пространственно-временном четырёхмерном лоренцевом многообразии.

Ну... а вдруг исторические эпохи не конечны во времени? И если не пытаться их втолкнуть в одно пространство-время, полагая, что её бесконечность во времени проявляется всего лишь в форме редких, но устойчивых «пережитков» прошлого?

В таком случае, очевидным становится, что сильно доминирующие нередкие «пережитки» прошлого будут заполнять всё будущее, разрушая идею сменяемости исторических эпох, идею эволюционирующей реальности.

Как спасти идею последовательной сменяемости исторических эпох, идею эволюционирующей реальности, не пренебрегая при этом условием бесконечности существования во времени каждой исторической эпохи?

Сделать это можно только помещая каждую отдельную историческую эпоху α в отдельное четырёхмерное пространство-время

$$M^4_\alpha,$$

где историческая эпоха – это бесконечная во времени, слабо меняющаяся или периодически повторяющаяся совокупность времениподобных мировых линий.

1. Исторические эпохи

Мир существует в форме исторических эпох. Каждая историческая эпоха – это совокупность бытующих среди людей представлений о внешнем мире; это соответствующие этим представлениям наука, культура и искусство. Это типы вооружения, одежда, мода, транспорт и т. д.

Историческая эпоха – это «замороженное» бытие людей. Изменения в жизни отсутствуют в каждой конкретной исторической эпохе на протяжении всего времени её существования, точнее, всей длительности эпохи.

Мы имеем дело с проявлением *последовательной* корреляции разных индивидуальных сознаний с окружением, которое мы называем временем. Само разнообразие различных исторических эпох – это результат *ветвления* корреляции разных индивидуальных сознаний с окружением [**1**].

Конечно, нужно внимательно разобраться, что в таком случае понимается под вечной, слабо меняющейся, бесконечной во времени исторической эпохой. Одно уже ясно, что под такой исторической эпохой следует иметь в виду гештальт в понимании И. В. Гёте или в расширенном понимании О. Шпенглера. Поэтому каждая историческая эпоха – это стабильное мировосприятие, устойчивый тип общественного сознания.

2. Историческая последовательность

«Полагаю, что люди сообщают о единичности сознания главным образом потому, что этого требуют философские постулаты нашей культуры [исторической эпохи. – *А. Г.*]: мы все умеем приводить эти постулаты в соответствие с нашей психической жизнью и опускать всё то, что им не соответствует» [**3**].

Наука описывает результат взаимодействия множества исторических эпох, представляющий собой *линейно упорядоченную (во времени) реальность*[*], состоящую из последовательности (кусков) исторических эпох.

---

[*] Линейно упорядоченную реальность можно было бы назвать *исторической последовательностью*. В таком названии отражается факт смены (последовательность!) фрагментов разных исторических эпох.

В подобного рода *киноленте*, в которой мы *живём*, всё воспринимается во времени и, естественно, описывается как эволюция. Но рядом есть другие киноленты с иной эволюцией и есть, быть может, нелинейно упорядоченные реальности.

3. Появление эволюционирующего мира

Однако мы всё-таки наблюдаем эволюционирующую реальность! Как объяснить изменения в реальности?

Достаточно просто – как результат взаимодействия множества вечных исторических эпох, которое символически можно представить в виде квантовой интерференции всех мыслимых и немыслимых исторических эпох, входящих в суперпозицию:

$$\sum_{\alpha} c_{\alpha} \Psi(M^4_{\alpha}),$$

где

$$\Psi(M^4_{\alpha})$$ -

это волновая функция, сопоставленная исторической эпохе

$$M^4_{\alpha}.$$

Как точнее описать данную историческую интерференцию? В так называемом квазиклассическом приближении [**1**] следует принять, что

$$\Psi(M^4_{\alpha}) \equiv \Psi_{\alpha}({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = \\ = A_{\alpha}\begin{pmatrix} медленно\_меняющаяся \\ амплитудная\_функция \end{pmatrix} e^{-\frac{i}{\hbar}S_{\alpha}({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu)}, \quad (1)$$

где ${}^{(3)}G$ – геометрия пространства, которое вмещает человеческую цивилизацию, пребывающую в конкретной исторической эпохе, μ – её материально-физическое устройство, B – состояние её биосферы на «тверди земной», e – этническая организация, σ – государственное устройство и, наконец, ν – учёт разумности людей.

S_{α} – действие, удовлетворяющее уравнению Эйнштейна-Гамильтона-Якоби [**1**]. Тогда всем типам исторических эпох (типам общественного сознания) соответствует волновой пакет:

$$\Psi({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = \\ = c_{\alpha}\Psi_{\alpha}({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) + c_{\beta}\Psi_{\beta}({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) + \ldots \quad (2)$$

Там, где «фазы отдельных исторических эпох-сознаний $\alpha, \beta, \ldots$» совпадают, то есть

$$S_{\alpha}({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = S_{\beta}({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = \ldots, \quad (3)$$

происходит (конструктивная) интерференция, приводящая *к рождению единой* для всех исторических эпох исторической последовательности, представляющей собой *пространственно-временную* реальность, в которой идут эволюционные процессы.

Заметим, что при интерференции двух исторических эпох α *и* β

$$\Psi(G^{(3)},\mu,B,e,\sigma,\nu) = \\ = [A_\alpha(G^{(3)},\mu,B,e,\sigma,\nu) + A_\beta(G^{(3)},\mu,B,e,\sigma,\nu)]e^{-\frac{i}{\hbar}S}. \quad (4)$$

Мы видим, что каждая историческая эпоха вносит свой вклад в историческую последовательность и её вклад индивидуален. Так происходят изменения.

Именно вклад одной исторической эпохи в другую вносит изменчивость, а как результат мы имеем эволюционирующую историческую последовательность, то есть эволюционирующую вселенную-реальность.

4. Реальны ли «замороженные» вечные исторические эпохи

Следует, однако, задать ещё один вопрос: могут ли на самом деле существовать такие слабо меняющиеся бесконечные во времени исторические эпохи? Н. Данилевский, О. Шпенглер и А. Тойнби в своё время достаточно подробно описывали общественные неизменяемые формации, которые мы называем историческими эпохами.

Наше бытие таково, что мы находимся и наблюдаем лишь результат квантовой интерференции – эволюционирующую историческую последовательность. Но известно, что интерференция разрушается, если производится определённое «наблюдение» [**4**, 212–213]. Во всяком случае, если электрону даётся возможность лететь через две щели, но не наблюдать за щелями, то имеет место интерференция двух электронов-волн, выходящих сразу из двух щелей. Если наблюдать за щелями, то интерференции нет.

Исторические эпохи – это «электроны-волны» от разных «щелей». Даже если оставить в стороне вопрос о природе этих «щелей» и о том, Кто / что выпускает «электроны-волны», и попытаться понять, как за ними наблюдать и каково это наблюдение, то мы обнаружим следы различных исторических эпох.

У каждой исторической эпохи своё мировоззрение, своё представление о строении мира. Так, быть может, Павел Флоренский «видел» Средневековье, упорно пытаясь с помощью теории относительности реабилитировать систему устройства мира по Птолемею – систему с неподвижной Землёй и с вращающимися вокруг неё Солнцем и планетами [**5**]. Н. К. Рерих обладал поразительным даром взглядом художника и мыслителя «проникать» в доисторические эпохи. Их гении «видели» то и так, что обыкновенному разуму не по силам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуц А. К.* Физика реальности. – Омск: КАН, 2012. – 424 с.

2. *Кедров-Челищев К. А.* Бессмертие по Флоренскому // Известия. – 1993. – 20 марта. – Режим доступа (2012): http://www.proza.ru/2012/01/21/790.

3. *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981.

4. *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. – Вып. 3. – М.: Мир, 1976.

5. *Флоренский П.* Мнимости в геометрии. – М.: Лазурь, 1991. – 96 с.

И. Ю. АЛЕКСАНДРОВ
(Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств; Санкт-Петербург)

КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ К. А. СВАСЬЯНА

Карен Араевич Свасьян (род. 1948) – философ и историк культуры, проживающий в настоящее время в Базеле, известен своими монографиями, посвящёнными философии Бергсона, Гёте, Кассирера, феноменологическому познанию[1], а также изданием с глубокими научными комментариями двухтомника работ Ницше и первого тома «Заката Европы» Шпенглера[2]. Наиболее полно концепция становления европейской науки Свасьяна представлена в одноимённой монографии[3]. Свасьян чрезвычайно эрудированный учёный-гуманитарий. Книги его написаны для «посвящённых» – таких же образованных гуманитариев, автор их, несомненно, обладает большим литературным талантом. Местами блестящий стиль Свасьяна напоминает стиль Ницше – своего рода «философствование молотом», разбивающее предрассудки, укоренившиеся социальные штампы и представления. И неважно, кем эти авторитетные мнения были когда-то высказаны, Свасьян крайне независим, категоричен, в чём-то высокомерен в своих оценках. Очевидно, что «философствовать молотом» может только мыслитель значительный, способный не прикрываться существующими научными методиками постижения истории, якобы, качественно отличающимися от интуиций непрофессионалов. На деле эти методики в значительной мере представляют собой профессиональный жаргон, позволяющий войти в соответствующее учёное сообщество, но отнюдь не гарантирующий истинность получаемых с их помощью знаний. Для Свасьяна не существует абстрактных, лишённых авторства подлинно научных исторических концепций. Подлинный историк должен иметь мужество реализовать своё «я» на материале истории, методика различения существенного и несущественного состоит в личностных особенностях самого историка. История культуры и науки, да и любой род знаний важны не сами по себе как мёртвая информация, но лишь для человека посредством его переосмысления накопленных ранее сведений. Свасьян высмеивает любую анонимность знания от арабского Гондишапура, где наука готовилась не как результат личных сознательных усилий, а как некое транссубъективное откровение, до структурализма середины XX в. с его представлениями о предуготовленной для рецепции человека культуре и диктате языка, об отказе от субъекта ради достижения полноты объективности.

Каков метод постижения истории самого Свасьяна? По его словам, единственным «научным» критерием, которым, как фонарём, он пользовался, была «симптоматика», умение отличать «существенные» факты от «несущественных». Автора, жившего своей книгой, менее всего интересовали её итоги. Историю он пытался понять в становлении, уподобляя работу историка над историей работе по созданию романа, при котором писатель хотя и знает, что герой должен умереть, но лишь догадывается о том, как это должно произойти. Подобно тому случаю, когда

дети, игравшие в мастерской и переставлявшие линзы, способствовали случайному изобретению подзорной трубы, историк возводит эту случайность в ранг метода. Он ничего не примысливает к фактам, он лишь создаёт им условия, при которых они могли бы выговориться сами. Для этого требуется очистить их от случайных, то есть нетипичных, несущественных в данной ситуации факторов. Симптоматика есть аранжировка фактов, поиск нужной комбинации, при которой только и может обнаружиться тайный распорядок действий. По словам Свасьяна, все злоключения науки начались с того, что её отделили от искусства, вытравляя из неё всё личностное и постольку неисповедимое. Метод художника, критерий его творчества и всё прочее – это он сам; предполагается, однако, что в науке «сам учёный» мало что значит перед таким наукообразным пугалом, как «критерий объективности». Для Свасьяна, напрямую не упоминающего концепцию личностного знания М. Полани, существуют довербальные, неверифицируемые способы различения главного и побочного – в медицине, в педагогике, в детективной практике, в быту, наконец. Люди умеют это или не умеют, а если и умеют, то делают это, как правило, безотчётно, дорефлексивно, фактически. Свасьян полагает, что эта способность близка или в чём-то совпадает с «умным деланием» подвижнической литературы, упоминает в этой связи также гётевское учение о «первофеноменах», феноменологическую философию нашего времени и постижение истории Рудольфом Штайнером. История видится здесь как динамическое многоголосие само- и взаимосвязанных первофеноменов: симптомов; речь идёт о правильном выборе и сочетании исторических фактов, не интерпретации, а именно сочетании[4]. Отмечу, что Свасьян в своей методологии познания истории следует за Рудольфом Штайнером, в духовной науке которого есть понятие «симптомология». Симптом есть факт, указующий на нечто существенное.

Карен Араевич Свасьян. Современное фото

Свасьян начинает историю становления европейской науки с Рима, некоторые историки науки начинают эту историю с древневавилонской математики и астрономии. В поисках точки отсчёта можно было вспомнить и астрономические знания древней Хараппы (А. Парпола). Существует концепция «неолитической алгебры» (Б. Ван дер Варден) и куда более экзотические представления о зарождении науки. Греческая культура присутствует в книге Свасьяна наравне с римской. Значительная часть этой книги посвящена истории общеевропейской культуры, без которой

не может быть понято становление в Новое время математического и экспериментального естествознания. Свасьян выявляет заложенные в событиях истории культуры скрытые причины, следствия которых определяют и будут ещё долго определять ситуацию в культуре, и в науке в частности. Таким образом, в этой концепции принципиально не ставится вопрос о времени зарождения научного знания и не проводится демаркационная линия между наукой и культурой. «Вначале был город», – в концепции Свасьяна мировая история предстаёт метаморфозой одного города от естественных законов роста и преобразования до мифически бредовых причуд осуществления. Феномен цезаризма был неведом ни мелким провинциальным царькам, честолюбие которых не простиралось дальше разорения соседских территорий, ни даже грандиозным династическим правителям древности, которые, по словам Свасьяна, утоляли чудовищные разгулы своего аппетита и теряли одновременно всякий интерес к истории в продолжительной спячке своих декоративно-неподвижных держав. Цезаризм открывал новое измерение абсолютно мобилизованного состояния, где протагонистом действия оказывалась не *causa finalis*, а *causa efficiens*, понятая как геополитическая воля к расширению и к непрерывно возобновляемым ритмам господства; он и стал, по существу, единственной движущей силой указанного метаморфоза: города в государство, государства в империю, империи в мир. Действующая причина цезаризма пробудила античность от созерцательного сна и размеренной жизни. Императорский Рим, ещё в I в. занимавший в периметре 19½ км, являет, тем не менее, решительные признаки гиганта-космополиса. Свасьян в качестве первого симптома всей последующей цепи преобразований отмечает чрезвычайно быструю деградацию нравов, всего несколько десятилетий потребовалось для того, чтобы обратить в прах легенду, сотворённую веками; суровейший город, выслуживший себе право быть символом немногословных добродетелей души, собирает в себя многообразную порочность: от культового разврата восточных идолопоклонств до одержимости лицедейством и роскошью пустословия. Город силился раздуться до мира: Рим равен миру, но мир, как таковой, значим не сам по себе, а в циркулярной соотнесённости с центром. По выражению Свасьяна, странным образом город, не знающий другой реальности, кроме пространственной экспансии, недооценил неевклидовы возможности пространства. С какой-то грани ситуация выпадала из орбиты притяжения, и теперь уже сам город становился зависимой переменной новых функциональных образований. Цезаризм неизбежно влёк за собой ритуал персонификации. Сперва символически, а потом и географически Рим начал отождествляться с местопребыванием Цезаря. Суровейший римский стиль сменился стилем, который насаждался персоной Цезаря, римская история с этого момента сводится к сплошной амальгаме чудовищных безвкусиц, допускающих выдвижение в сенат кандидатуры коня или многочасовые дебаты отцов отечества на тему: под каким соусом следует подавать рыбу к столу императора. Другой решающий симптом – эдикт Каракаллы 212 г., распространяющий права римского гражданства на всех жителей Империи. Юридическое, а прежде всего, культовое (римлянин – это тот, кто причастен к городскому культу, чужестранец же – тот, кто не имеет доступа к культу, при этом чуже-

странец лишён прав), понятие *civis* (гражданин, собственно римлянин), расширяется до аморфного *subjectus* (то есть подданный, собственно, подброшенный – при Каракалле неримские граждане *peregrini* получают права римских граждан), и с этого момента «субъект» римской истории – это варвар, по выражению Свасьяна, – случайный бастард-подкидыш, демонстрирующий головокружительную технику спринта от солдатской казармы до императорского трона и оттуда, чаще всего, в помойную яму. Риму нечего было сетовать на «субъективизм» племён, решивший его физическую участь[5].

Удары варваров с севера и северо-востока сопровождались колоссальной подрывной работой с противоположного конца. Импорт восточных культов и суеверий, явный уже с I в., набирал силу и уже с начала III в. буквально наводнял Рим, производя невероятные сочетания рассудочного скепсиса с самыми дикими послеобразами древнейших мифов и верований. Чёрствость латинского рассудка, покоящегося на трёх фундаментальных предпосылках – военном деле, юридической науке и красноречии, – выказывала странное гостеприимство по отношению к восточным обычаям, а также всевозможным магическим представлениям. Нужно отметить, что наряду с этими общепринятыми оценками заката римской культуры Свасьян достаточно негативно оценивает неоплатонизм. Согласно Свасьяну, неоплатонизм есть «тотальная мобилизация эллинизма, отстаивающего идею “единства” в борьбе с неисчислимым “множеством” суеверий, в которых, как в зеркале, отражались полчища гуннов и готов». При этом Свасьян полагает, что «неоплатонизм – неудавшаяся попытка; уже в учениках Плотина явственно заметен распад: эллинизм в Прокле – чистейшая схоластика и энциклопедический гербарий былых “цветочков” греческой мысли; в Ямвлихе он и вовсе отравлен припахами магизма»[6]. Можно было бы возразить Свасьяну, что теургия Ямвлиха – это совсем не магизм, а духовная практика Обращения к Богам и объединённое с Иерархией Света мыслетворчество, что теургия как раз-таки в корне противоположна магическим приёмам. Для концепции Свасьяна такая оценка платонизма – подмена Иерархического сотрудничества магизмом – не случайна, оценка эта вписывается в представления Р. Штайнера, единственного европейского мыслителя, на которого не направлено критическое перо его последователя-антропософа.

По словам Свасьяна, дело шло не о спасении Рима, ни даже о сохранении культуры эллинизма, а о «быть или не быть» импульса самой истории. На этом фоне и разыгралось быстрое восхождение христианства до роли единственной центростремительной силы, обещающей остановить пружину событий на самой грани, за которой начинается необратимая деформация. Свасьян отмечает симптоматичность самой диалектики путей римской церкви к высшим эшелонам власти. Уже на исходе второго столетия она занимает вполне привилегированное положение в ряду прочих церквей. По его словам, вопрос решался не наличием заслуг церкви, а силою их подчёркивания и даже выпячивания. Опыт римской государственности был в ряде существенных черт перенят и усвоен с неслыханной быстротой; в промежутках между гонениями складывался незаметный пока, но на редкость твёрдый и трезвый аппарат власти, готовый в нужное мгновение продемонстрировать

блестящую технику захвата власти. Свасьян отмечает, что привилегии римской общины обусловливались рядом моментов, представляющих интерес не только для историка религии, но и для политолога; уже само её местопребывание как бы механически подчёркивало аспект лидерства и приоритета. Быть в Риме, даже в качестве преследуемого и гонимого, значило быть в самом средоточии власти – христианская община Рима, хотя она и была греческой общиной, приняла в себя уже характерные черты римлян и ощущала себя общиной столицы мира. Брожение христианского импульса уже в самой ранней стадии отмечено двойственностью, которой придётся стать основополагающим фактом в дальнейших судьбах культуры Европы. Свасьян в своей концепции становления европейской культуры и науки противопоставляет индивидуальный гнозис апостола Павла цезаропапизму римской церкви апостола Петра, возомнившей себя наследницей Запада и всячески старающейся обеспечить юридическую сторону дела. По мнению Свасьяна, конфликт Петра и Павла, в котором «ветхий человек» одержал победу над первым современным человеком, в веках вырастал до значимости первофеномена европейской духовной жизни. По его словам, в лице Павла христианство впервые обретает всемирность и культуру; Павел – носитель импульса, законный наследник эллинства, трансформирующий его через событие своего «дамасского» опыта. Свасьян отмечает, что Виламовиц-Мёллендорф ставил послания апостола Павла в один ряд с шедеврами греческой классики, но ряд Павла не исчерпывается однозначностью этого сравнения; рассудочная культура эллинизма створена в нём с ветхозаветным праксисом веры, и сама точка створения дана в неведомом ни эллинам, ни иудеям измерении умной веры и верной мысли. Павел противопоставляется апостолу Петру, не знавшему греческого языка (возможно, и латинского). К чему вся классика, культура вообще, если достаточно было одной веры! По словам Свасьяна, загребая руками неутомимого Павла жар универсального христианства, римская церковь ускоренными темпами вливала новое вино в старые меха наспех и выгодно интерпретируемого Левиафана; христианство в масштабах мира – индивидуальная динамика импульса, прокладывающего себе пути; в масштабах Рима оно – морфология ловкой адаптации к существующему порядку и утончённая психотехника огосударствления. Свасьян обращает внимание на то обстоятельство, как искусно пропагандировалась легенда о церкви Петра; происходило отождествление этой церкви с самим импульсом, усиленно подчёркивалась роль традиции и ведущая роль римской церкви, хотя богословская и экзегетическая значимость Рима ничтожна в сравнении с прочими общинами. Свасьян отмечает гибридную комбинаторику средств достижения власти римской церковью: от «подвигов веры» до прямой фальсификации фактов («дарственная» императора Константина, в частности)[7].

Как бы то ни было, рост римского священства мощно сдерживал центробежную силу хаоса. Самопервейшим фактом начинающейся Европы оказалось непредставимое – инкрустация римского правового сознания в дух Евангелий, которая привела к взаимопреобразованию обоих. Из живого существа христианского гнозиса был вынут дух Слова и взамен вложен труп Знака; дисциплина требовала буквальности, а буквальность была евангельской, таким незаметным приёмом в дух

Истины вколачивался дух муштры и казармы, требующей буквального понимания там, где сама буквальность определялась не буквой даже, а волей вышестоящего чиновника, как правило, невежественного и занятого не филологическими безделушками, а большими политическими играми. Свасьян отмечает также и буквальную фальсификацию текстов Святого Писания, ссылаясь, в частности, на перевод Евангелия от Матфея Иеронима Стридонского, который счёл необходимым отредактировать арамейский оригинал в тех именно местах, которые казались ему непонятными и вредными, – места эти были попросту вырезаны и утрачены навсегда. Если в «Строматах» Климента Александрийского греческое слово «ересь» звучит в естественном и привычном контексте чисто философского инакомыслия и возможности выбора той или иной точки зрения[8], то отныне и надолго оно – зловещий синоним государственной измены и государственного преступления. В концепции Свасьяна границы эпох размыты, и это неслучайно. Так эпоха Реформации на бессознательном уровне начинается, как убедительно показывает автор, уже в христианизации германского мира, Лютер лишь позднейшее (и отнюдь не чистейшее) звено всей спонтанно протестующей цепи тысячелетней европейской истории. Считать случайностью приверженность гóтов к арианству, по мнению автора, это профессиональная наивность историка. Дело было не в богословских тонкостях, а во «врождённой чисто музыкальной воле к ереси как опорной точке всякого индивидуализма»[9]. Ницшевские мотивы «аполлонического»-рационального и «дионисийского»-спонтанного, творческого, независимого, индивидуального проходят сквозной нитью через всю концепцию истории европейской культуры и науки Свасьяна. Готическая проза не сильно отличалась от готической поэзии, ибо она пропевалась; читать для готов значило петь, поскольку им был неведом ни один способ торжественно-языкового общения, который нельзя было бы пропеть. Новые первофеномены Европы, как указывает Свасьян, мы получим в противостоянии верности и музыкальности германцев пышно-рассудочной изворотливости католическо-латинского гения. По его словам, ни одно из событий европейской истории, ни одна из её парадигм не выпадают за рамки отмеченного пространства: религия, искусство, философия, политика, мировоззрение, хозяйство, индустрия, личный и социальный быт, наука – все они окажутся трансформами и манифестациями этой пороговой или даже затактовой антиномии между миром как музыкой и миром как кодексом, между миром увиденным и миром доказанным, между праведностью и правильностью, стилем и грамматикой, моральной фантазией и категорическим императивом, между Оригеном, считающим *«верхом безумия»* будущую Вселенную Лапласа, и Лапласом, нисколько не нуждающемся в гипотезе (так или иначе и *«своего»*) существования[10].

Формирование именно механистической научной картины мира (с доведённым до абсурда абсолютным детерминизмом Лапласа), как показывает Свасьян, обусловлено уже идейным противостоянием и событиями первых веков существования христианства. Механицизм Декарта обычно связывают либо с новоевропейской метафизической позицией, обусловленной превращением мира в картину, а человека – в субъект (М. Хайдеггер), либо ищут корни механицизма в античном

атомизме, схоластическом представлении о *machina mundi* (П. П. Гайденко). Неотомисты (Э. Жильсон) показывают насколько глубоки схоластические корни у картезианства, историки науки (Л. М. Косарева) выявили зависимость метафизики Декарта от общекультурного идейного фона эпохи Возрождения. Свасьян же находит порождающие симптомы картезианской парадигмы в масштабах более чем тысячелетнего прошлого. Симптомы: внедрение духа юристики в атмосферу гнозиса; победа латинского *ratio* над греческим логосом; осуждение Оригена в 543 г. специальным эдиктом императора Юстиниана и местным Константинопольским собором; закрытие Афинской школы философов Юстинианом в 529 г. и изгнание в Персию последних неоплатоников; замена трихотомии *«дух-душа-тело»* дихотомией *«душа-тело»* на Восьмом Вселенском соборе в Константинополе в 869 г. Без указанных первофеноменов европейской культуры невозможны: Ньютон, интересовавшийся «*возможностью*» природы, Кант – *«возможностью»* Ньютона, неокантианец Эмиль Ласк – *«возможностью»* Канта, да и любые эпистемы и парадигмы, которые оказываются вторичными, лишь вписанными в горизонт западной ментальности, отмеченный этими симптомами. Согласно Оригену, Священное Писание имеет троякий смысл – телесный, или *буквальный*, душевный или *моральный*, и духовный, или *мистериальный*. Догматизация одного из смыслов неизбежно влечёт за собой аберрации и заблуждения. Таковы, как отмечает Свасьян, иудейская тенденция буквального понимания и частично гностическое злоупотребление только духовным прочтением. Целый ряд евангельских событий, буквально воспринятых, моментально оказывается в зоне абсурда. Ориген приводит тому множество примеров. Застрять в телесной оболочке символа – значит читать его не духовными, а физическими глазами. Итог такого прочтения – абсурд. Сознанию предстоял выбор между грамотностью разумного понимания и безграмотной верой, предпочитающей абсурд разумности и даже считающей это *«подвигом».* Первый путь требовал духовности как исключительно *индивидуального праксиса*; модель второго пути выглядела куда более скромной и комфортабельной: стадо, ведомое пастырем. Свасьян отмечает эту модель; по его мнению, она и станет самозванцем культуры Европы вплоть до наших дней. Меняться будут внешние образы «пастыря»: «отцы церкви» и «первосвященники» со временем преобразуются в «ведущих научных сотрудников». Стадо же на все времена пребудет стадом. Свасьян полагает, что модель эта объясняет не одну эпистему европейских культурных свершений. За внешним антагонизмом её форм скрывается единый и тождественный смысл. *Истинное есть общезначимое и общеобязательное*, заклинательная магия – *«сказано…», «написано…»* (в рамках современной эпистемы: *«доказано…»*) – будет срабатывать безошибочно: *«сказано»*, что мир сотворён в шесть дней; *«доказано»,* что человек произошёл от обезьяны[11].

Отмечу, что противопоставление гнозиса, активного познавательного отношения к миру пассивному следованию за властями, предлагающими населению готовые этические нормы-заповеди характерно для антропософской традиции. Согласно «нестандартным» этическим учениям, человек в своём обычном, «естественном» состоянии, даже не нарушающий ни одной из этических норм-заповедей, на-

ходится в состоянии внутренней раздробленности, душевного сна и духовной слепоты. Его «бытие» неистинно, неподлинно, необъективно и потому лишено реальности – ему мешают эгоистические желания, страсти, погружающие его во тьму, заслоняющие ему свет Истины. Единственное средство спасения для человека – встать на Путь – путь самопознания, самоизменения, искоренения в себе низшего «я» (средоточия эгоистических стремлений), просветление светом Истины, обретения внутреннего единства, бодрствующего сознания и объективного уровня бытия (соответствующего законам мирового бытия). «Эзотерический» путь духовного развития связан с исполнением обретённой миссии и необращением внимания на реакцию окружающих. Такой путь означает отказ от принципа «живи как все», свойственного традиционалистским этическим системам; он требует индивидуального поиска объективной истины, высшего знания как единственного руководства к действию[12]. Антропософ К. А. Свасьян противопоставляет гнозис неподлинному бытию человека, подчиняющегося описанной выше модели – «самозванцу культуры Европы». Л. М. Косарева, на мировоззрение которой, по-видимому, также повлияли идеи Р. Штайнера, предпочитает говорить об «эзотерической культуре», противопоставляемой ею «экзотерической культуре» с характерной для неё мнимой уверенностью человека в спасении души в случае следования за пастырями.

История европейской духовности предстаёт у Свасьяна историей вытравливания из мысли всего сверхчувственного и насильственного, сведении её к *«общеобязательным»* рассудочным формам. По его мнению, современные теории познания, логически обосновывающие эту *«общеобязательность»* как норму научной объективности и распространяющие её значимость *«на все времена»,* страдают наследственным грехом короткой памяти; они не хотят замечать, что эта хвалёная объективность *начиналась* не с чистой мысли, а с циркуляров административного права первых веков христианства. Уже с конца II в. н. э. судьбы Запада предрешены надолго вперёд; разрыв с эллинством мог означать только одно: синтез иудейского *законничества* с римским *законом*, прикрытый всеми внешними атрибутами христианского откровения. Первые манифестации этого синтеза – искоренение ересей и инакомыслия, по существу, истребление всех ростков индивидуального эзотерического опыта, омрачающего непогрешимость церковных циркуляров: опыт отныне должен был регулироваться не личной одарённостью, а предписаниями *«свыше».* Свасьян отмечает также, что в истории европейской культуры едва ли сыщется хоть один срез, который так или иначе не был бы отмечен последствиями рокового симптома замены греческого языка латинским. Характерная особенность латинского языка: слово здесь не соотносит мысль с самим предметом, а как бы гвоздями вколачивает её в понятие, которое и выступает в роли предмета как такового. Характерный симптом: греческое слово *«номос»* означало одновременно *закон* и *мелодию*; музыкальность закона предполагала поверх его фиксированности уникальное качество гибкости и подвижности; большей значимостью, чем писаный закон, обладал закон неписанный. Крайнюю противоположность встречаем мы в римском понятии закона как *ratio scripta*. Истина мыслится здесь как письменно зафиксированное свидетельство, *документ*. Латинская veritas *юридична* не только

по происхождению, но и по употреблению. *Veritas* равносильна *depositio testis* (отвод свидетеля) и *inquisitio judiciaria* (судебное расследование). По мнению Свасьяна, этот программный вирус и предопределил генетический код будущей европейской культуры, помешанной на всякого рода документальных данных и вдвойне помешанной на тяжбах о подлинности или подложности этих данных. Фокус оказался на редкость ловким (Свасьян упоминает длительную историю с разоблачением Константинова дара): сначала свели истину к документам, а потом стали уничтожать документы; в итоге: *«этого не было, так как это не закреплено в письменной форме».* Благополучие фокуса омрачалось наличием «духа». Дух – конкретнейшая сущность, обеспечивающая душе выход из рамок «субъективности» в «мир», досаждал и путал карты; уже одно его присутствие делало невозможным желанную «общеобязательность». В духе утверждались: индивидуум – против стадности, внутренняя достоверность – против документа, музыкальность – против глухоты, личное понимание – против авторитета, моральная фантазия – против вымуштрованного долга, богоподобность – против случайностей генотипа. Надо было справиться с этим препятствием; индивидуальная духовность должна была быть устранена, а «дух» как таковой, вполне умещался в «агностицизме» Третьей Ипостаси с правом слыть первоисточником всех истин[13], при условии, что последние оказывались не индивидуально значимыми, а общезначимыми. Свасьян полагает, что впервые со всей силой универсально-историческую значимость решений проходившего в 869 г. в Константинополе Восьмого Вселенского собора, который упразднил дух как автономный элемент трихотомии человеческого существа путём сведения к душе, – решение было принято в связи с осуждением учения Фотия о двух душах, свойственных человеку: низшей греховной и высшей разумной, – в различных курсах лекций подчёркивал Р. Штайнер[14]. По мнению Свасьяна, последствия этого соборного решения *необозримы.* Среди них кошмар всех будущих *психофизиологий*, тщетно бьющихся над проблемой совмещения души и тела, которые в силу «исключённого третьего» оказались на редкость неуживчивыми и даже альтернативными! Под натиском экспериментальной психологии и экспериментальной физиологии душа будет сведена к *«одушевлённому телу»*, открытому всем превратностям генной инженерии, – тем самым не останется и *«души»* некогда поглотившей *«дух»,* а правом на *«отдушину»* завладеют лирики. Средневековый схоластический вопрос «что пожирает мышь, случись ей стянуть священный хлеб евхаристии?» был бы абсурден для Оригена. К XVI в. господствовавший тип ментальности был очень далёк от признания возможности восприятия духовного и сверхчувственного. Означились, в целом, три варианта интерпретации таинства пресуществления: католический, согласно которому хлеб *есть* тело Христово, вариант Кальвина-Цвингли, где вечеря толкуется, так сказать, семиотически, так что хлеб не *есть* (est), а *означает* (significant) тело Христово, и промежуточная версия Лютера, по которой тело Христово присутствует в просфоре, как огонь в раскалённом железе. Вольтер иронизировал: паписты едят Бога, кальвинисты хлеб, а лютеране хлеб с Богом. Схоластические виртуозы постарались достойным образом ответить на вопрос: было решено, что таинство пресуществления касается только

«субстанции» хлеба, так что мыши пришлось довольствоваться только *«акциденциями».* Свасьян отмечает, что мышь теологии родила-таки гору атеизма и стала образом мысли, оторванной от пневматологии, оторванной далее и от психологии[15] и вогнанной без остатка в нейрофизиологию. «Телесное» прочтение евангельских текстов, заверенное синодальными постановлениями, вырождалось в грубейший, нелепейший материализм; душа, потерявшая духовную опору, вынуждена была опираться на тело, а в теле видели *«источник скверны»*. Надо было отказаться от духа, лишить тем самым всякой реальной опоры душу и остаться только с телом, чтобы, вспомнив потом его греховность, отомстить ему техникой изощрённых самоистязаний. Ситуация отчасти уравновешивалась привилегированными телами в виде «мощей», или вещественных доказательств святости. Свасьян приводит примеры крайне материалистического, невежественного отношения христиан к мощам. Так монахи Фоссануовы, где покоился прах святого Фомы, решились-таки расчленить останки и буквально замариновать их. Матрицы вульгарного механицизма, по мнению Свасьяна, готовились именно здесь[16].

Поскольку атеизм был консеквенцией, а не внешним нападением, поскольку исходная причина атеизма – это уничтожение оригенизма, сведение толкования текстов Священного Писания к буквальным нелепостям, можно согласиться со Свасьяном в том, что современные научные методологии в ином облачении обнаруживают язвы былых теологических недоразумений. Свасьян мастерски показал, как уходит духовное и сверхчувственное из европейской культуры. Осталось показать: как возможна «оригенистская» научная методология? Как возможна одухотворённая наука? На эти вопросы автор «Становления европейской науки» не отвечает. Из концепции утраты духовности христианской церковью логично вытекает неожиданный тезис Свасьяна о «незаконнорожденности европейской науки в линии культурно-христианской генеалогии»[17]. После закрытия императором Юстинианом в 529 г. Афинской школы семеро последних неоплатоников нашли приют у персидского царя Хосрова Ануш-Равана и основали в 533 г. новую Академию на юге Ирана в городе Гондишапур. Скудость источников после опустошительных походов Тимура на Ближний Восток в XIV в. определяет почти маргинальный характер этой темы в официальной историографии. Вместе с тем, Гондишапур уже с III в. обнаруживает явные признаки «научного городка»; ещё до того, как этот город стал претендовать на роль некой центральной точки в географии научных миграций, он уже был крупнейшим медицинским центром. По мнению Свасьяна, Гондишапур был настоящим двойником Александрии, но с противоположным заданием. Он полагает, что в синтезе зороастризма, христианства, неоплатонизма, буддизма и даосизма происходило колоссальное смешение и искажение идей. Представим себе некую гигантскую цепь химических реакций, начавшихся с неоплатонических судеб эллинизма и продолжающихся в судьбах современности; мысль Аристотеля уже в Плотине расколота на взаимоисключающие тенденции *«монопсихизма»* (одна душа на всех) и *«индивидуализма»*; соответственно двоится и сам неоплатонизм в александрийском и антиохийском исполнениях с *Aristoteles platonisans* в первом случае и деплатонизируемым, так сказать, Аристотелем во втором.

Камнем преткновения послужило труднейшее место из третьей книги «О душе», устанавливающее различие между «деятельным разумом» (νους ποιητικος) и «страдальным разумом» (νους παθητικος); нужно было выяснить, какой из двух *разумов* присущ человеку. Предполагалось: либо *«деятельный разум»* един для всех людей, которые *страдательно* вместе в нём участвуют, либо он индивидуален, но и то: как замкнутая в себе *«монада»* или как *«монада»* универсальная (сопричастная всему); жесточайшая борьба этих трёх тенденций (по существу, лишь двух, так как варианты второго не таили в себе неразрешимого противоречия) разгорелась в веках. Путь первый усилиями сирийских комментаторов – от Александра Афродисийского и Фемистия – вёл в Гондишапур, и оттуда через Багдад и Кордову обратно в Европу, расцветая в латинском аверроизме и пышно плодонося в *«рационализме»* и *«эмпиризме»* позднейших времён[18]. Второй путь в первом варианте ожил в воззрениях Бруно и Лейбница, а во втором варианте, выпрямляясь в системах великих доминиканцев XIII в., по мнению Свасьяна, высвечивал огромное будущее возможностями гётеанизма и уже дальнейшей жизни его в антропософской духовной науке. Гондишапур – переводческий центр. Ко второй половине VII в. с ассимиляцией сассанидской империи арабами трансформируется в арабизм и гностическая мудрость Гондишапура. Творения Аристотеля переводятся на арабский лишь с сирийского. Свасьян подчёркивает курьёзность такого рода переводов, их филологическую безвкусицу; диалектика исторических судеб перипатетизма, по его словам, это сущий бред. Просвещённая Европа XIII в. знакомилась с переводами Аверроиса по *латинскому переводу комментария к арабскому переводу сирийского перевода греческого текста*. Как выразился О. Шпенглер, следовало бы однажды написать историю «трёх Аристотелей», греческого, арабского и готического, не имеющих между собой ни одного общего понятия, ни одной общей мысли.

По мнению Свасьяна, «философия» арабов к моменту рецепции аристотелианства гораздо адекватнее выявлялась в феномене волшебных сказок, чем в скучных толкованиях мотекаллеминов и мутазилитов. Перефразируя Канта, эллинская мысль, утратившая к тому времени созерцательность, была пуста, арабская созерцательность, растворившая в себе мыслительную потенцию, слепа. Роль «трансцендентальной схемы» взяли на себя сирийско-персидские посредники. Схема оказалась на редкость удачной: Гондишапур синтезировал «Афины» с «Багдадом», а от «сирийского» Аристотеля до «арабского» уже рукой подать. Произошла глубокая инкрустация научного сознания в душу, являющую странный сплав фантастики и прагматики. Свасьян полагает, что на Восток экспортировался, по сути дела, «преставленный неоплатонизм». Оценка Свасьяна (в частности, созерцания Ямвлиха он считает «неадекватными») очень спорна.

При этом Свасьян полагает, что импульс неоплатонизма никогда не угасал на Западе; так неоплатонизм в Августине впервые усложнён в измерении *самопознания*, самопознание – альфа и омега этой мысли, и потому в самих истоках её лежит постулат *индивидуальности* всякого мышления, познавательная значимость которого оказывается тем самым в прямой зависимости от личной вовлечённости. Здесь греческая философия предстаёт в совершенно новом и неведомом ей доселе

измерении. Августин – чистейший феноменолог, предвосхищающий из IV–V вв. позднейшие анализы Гуссерля; традиционное эллинское противопоставление души и мира углублено в нём до исследования способов явленности мира в самой душе; иначе, внимание его переключено с внешнего на внутреннее, и он впервые философски сталкивается с загадкой индивидуального «Я» как основы познания. Говоря о «вдохновенном индивидуализме» Августина, Штайнер и Свасьян вслед за ним не имеют в виду позднего Августина, завещавшего права на мысль церковно-догматическому авторитету. По словам Свасьяна, в истории мысли едва ли сыщется аналог столь невероятных превращений: начать Савлом, стать почти Павлом и кончить почти Победоносцевым! Путь греческой умозрительности в Августине (шире – в христианской философии) означен не исходной онтологией *«наднебесного места»,* а переживанием изначального *«Аз есмъ»* и праксисом его внутреннего усвоения («In interiore homine habitat veritas»[19]); говоря геометрически, идеальный, но и пустой-в-себе круг греческого космоса впервые обретает здесь центральную точку, и этим центром оказывается уже не *«Перводвигатель»* Аристотеля, ни *«Единое»* Плотина, а человек, конкретнейший имярек, но, по слову Павла, *«облачённый в оружия света»* (Рим. 13: 12). Таковы были неизбежные *философские* консеквенции вочеловечивания Логоса, или отождествления *«Истины»* с *«Я»*; языческий логос, продолжавший занимать по отношению к человеку привилегированную дистанцию гипостазированного в космических масштабах совершенства, по мнению Свасьяна, всё больше иссыхал до пустой и безблагодатной «логики». Экспортированный в арабскую философию, он стал здесь *«деятельным разумом»* Вселенной, замкнутым в себе и *внеположным* человеческому разуму. Арабы никогда ясно не представляли сущность человеческой личности. Частности не меняют сути дела; можно было допускать частичную и потенциальную причастность человеческой души *«объективному»* разуму, как это имело место, скажем, у Аль-Фараби или Авиценны, можно было и вовсе отделять их на манер Аверроиса, всё равно, итог оставался однозначным: *человеческая индивидуальность абсолютно растворялась в божественной универсальности, вид исчезал в роде*[20].

Свасьян видит в Гондишапуре колыбель европейской науки. Роджер Бэкон (англ. *Roger Bacon*) в XIII в., его однофамилец в XVII в. или Лаплас в XIX в., по его мнению, совершенно необъяснимы и иррациональны в круге основополагающих христианских представлений. Очевиден разрыв, некое инородное вмешательство, благодаря которому стал возможным *тип мышления*, никак не вытекающий из предпосылок изначально единой и метрически единородной ментальности. Прототип Лапласа изготовлен, по мнению Свасьяна, в Гондишапуре, а программа Гондишапура – величайшая попытка вмешательства в нормальные ритмы развития истории с целью ритмы эти форсировать. Мощный научный гений Аристотеля, скрещённый с отвлечённо-фантастическими склонностями некой чужеродной души, вызвал роскошный фейерверк небывалой гениальности. Культурный европеец этого периода (редчайшие исключения не идут в счёт) по сравнению с культурным арабом оставляет впечатление просто неотёсанного провинциала и даже дикаря; с VIII в. культурная значимость Афин или Александрии принадлежит уже Багдаду.

Арабы во второй половине XIII в. были в состоянии употреблять порох как метательное взрывчатое средство для ракет, и дело не только в успехах арабов в военном деле. Тело франка с трудом привыкало к банным процедурам (введённым в 790 г. Карлом Великим в Аахене), в то время как арабы красились, удаляли волосы, употребляли зубные пасты, причёсывались, стриглись, чтобы волосы не закрывали лба, бровей, затылка и ушей. Наука в смысле Гондишапура готовилась не как результат личных сознательных усилий, а как некое транссубъективное откровение; отсюда прямая потребность в форсировании сроков. Рецепт был прост: нужно было упразднить религиозное откровение и поставить на его место откровение научное; при этом личности уделялась пассивная и безличная роль реципиента, которому прежде внушались непогрешимые *басни*, а теперь аналогичным образом внушаются непогрешимые истины; вместо гипнотического «сказано»: «доказано»: «сказано», что Бог есть Сущий, «доказано», что Бога не существует. Свасьян полагает, что в данном случае также срабатывала указанная выше схема. Успех её был возможен, если добиться этого в обход индивидуальному сознанию, а вся арабская философия, исповедующая иллюзорность индивидуального разума и действительность некого *«разума-в-себе»,* обосновывала, по существу, праксис такого откровения, где под флагом научно доказанной истины место прежних святоотеческих верований занимали верования юмовские («beliefs»), а мысли предлагалось задним числом логико-методологически обосновывать их *«всеобщность и необходимость*».

Р. Штайнер указывал на то, что остановить победное шествие этого импульса зарождавшейся на несколько столетий раньше европейской науки арабской удалось религии Магомета и что только в этом контексте возможна правильная оценка магометанства. Штайнер и вслед за ним Свасьян полагают, что ситуация религиозных гонений на заре Нового времени отличалась принципиально от войны ислама против науки, которая была войной религиозного фанатизма против новоявленного самозванца-двойника, пытающегося подменить религиозный культ научным культом и, пользуясь всё той же церковно-авторитарной техникой манипуляции, внушать *«тёмной массе»* вместо *догмы откровения – догму опыта*, то есть религиозными средствами насаждать передовую просветительскую идеологию и атеизм, не менее, если не более, фанатичные и нетерпимые, чем *«поповщина»*. В Новое же время гонения будут гонениями не на конкурирующее сверхличное псевдооткровение, а – в принципе! – на зрелые манифестации личного сознания. Свасьян полагает, что победа Гондишапура означала бы триумф естественнонаучного знания на фоне отсутствующего сознания; сознанию назначалось быть всего лишь пассивным рефрактором космического разума и прилежно стенографировать сверхчеловеческие инспирации. По словам Свасьяна, в такой «*науке*» случайным предстанет и Галилей! Ведь при чём здесь Галилей, если речь идёт о некоем самодостаточном интеллекте-автомате, который вполне формируется («программируется») курсами университетской выучки! Таких *«галилеев»* можно будет плодить сотнями в будущих усовершенствованиях «думающих машин». Отдайте Гондишапуру монополию на историю, и Норберт Винер родится где-нибудь в Басре уже современником Абул-Баракат аль-Багдади! Гондишапур был остановлен, но импульс его по инерции продолжал свой путь.

Коридорами контрабанды стали южные границы Европы, Сицилия, Испания. Эллинская философия возвращалась в Европу с другого конца в непонятных письменах, записанных справа налево. После почти шестивековой разлуки Европа распахивала двери перед наставниками своего детства, или перед новым *«троянским конём»*, в котором *«инкогнито»* осуществлял свою европейскую будущую миссию априорный Гондишапур.

Можно было бы поспорить со Свасьяном. Арабская наука при наличии элементов экспериментирования всё-таки следовала за Аристотелем, а значит, наблюдала природу так, как она ведёт себя в порядке правила, – ни Аристотель, ни средневековые арабские учёные не ставили природу в искусственные условия с целью при помощи пыток выведать её тайны. Лозунг «знание – сила!» появляется только в Новое время, когда, по выражению Хайдеггера, человек становится субъектом, а мир – картиной, то есть конструктом опредмечивающего представления[21]. Да и была ли арабская наука ценностно нейтральной? Насколько правомерно перенесение позитивистских представлений о науке на науку Гондишапура? Если Аристотель не допускал бессмертия души, но лишь бессмертие ума в смысле возможности переоткрытия человеком вечных научных истин, то насколько применимы к аристотелевской науке кумулятивистские представления, ведь природа ещё не была опредмечена и математически исчислена. Так или иначе, арабская прививка к европейским знаниям налицо. Свасьян видит в науке Гондишапура опасный вирус, который привёл к утверждению образа механистичной, внечеловечной, как якобы абсолютно объективной, науки в европейской культуре.

Руины научного центра в Гондишапуре
III–VII вв. Современное фото

Наука в Новое время выделяется из культуры в особую сферу человеческой деятельности, которая связана с обретением абсолютных истин. Этот позитивистский нереалистичный образ науки вполне справедливо оспаривает Свасьян. Писали об этом многие. Достаточно вспомнить критику П. К. Фейерабендом схем «доказательств» – социализации знаний, схем общих как для средневековой церкви, так и для современных учёных. Этот ложный образ науки был господствующим до второй половины XX в. Но в концепции Свасьяна не только наука рассматривается как подсистема культуры – такое рассмотрение стало типичным для современных историков и философов науки, – речь у Свасьяна идёт о куда большем – постулируется возможность «духовной науки», которую ранее разрабатывал, в частности, Р. Штайнер. Невозможность полностью абстрагироваться от человека в науке ведёт не только к отказу от фундаментализма в научной идеологии, но и к появлению новых наук, а во многом и к восстановлению древних знаний, постулирующих тождество микро-

и макрокосма. Знания эти пока с трудом социализируются. Поэтому Свасьян – последователь идей Штайнера, находится в глубокой оппозиции к современной массовой культуре, отстаивая культуру подлинную. И надежды на «духовную науку» Свасьян, вслед за Штайнером, связывает с ранним «чистым», не заражённым духом римского коллективизма и юриспруденции христианством.

XII век в концепции Свасьяна – это век переводчиков. С этого времени участь европейской души определена окончательно, и участью этой оказывается знание. Папство и императорская власть одинаково используют зарождающиеся университеты в своих политических играх. Европейская политическая история разыгрывается отныне не двумя, а тремя протагонистами: рядом со священной властью (*sacerdotium*) и светской властью (*regnum*) окончательно утверждает свои права власть профессиональной учёности (*stadium*). С профессионализацией знания в XIII в. имеет место незаметная, но мощная интоксикация его бациллами феномена *власти*; европейская наука, задолго до её официального, так сказать, рождения, генетически закодирована *волей к власти*, к господству над миром, в масштабах, как выяснится, и не снившихся её соперницам. Средние века – это и космополитизм студентов и преподавателей университетов, это и пустословие диспутов – «нарциссическое самолюбование натренированного рассудка», это время формализации знания и это же время невиданного расцвета ересей. По словам Свасьяна, эти ереси – дух знания, покинувшего его оболочку в момент, когда, прельщённое социальными видами, оно предавало собственный дух и торжественно обязывалось быть *«служанкой»* теологии, той самой теологии, которая уже запрещала читать Библию и просвещала *«святым костром»*. Свасьян оценивает схоластику как утерявшую живой сверхчувственный опыт, – схоластика, обязанная «научно» подтвердить паноптикум оцепенелых докладов, пребывает в ситуации паралича, который выдаётся за путь, истину и жизнь. Последней героической попыткой гармонического сочетания философии и теологии, где «познание» как таковое по самой природе своей не могло быть ничем иным, как «богопознанием», по его мнению, была мысль Эриугены. Догматическое вето, наложенное на «богопознание» отрезало рассудок от «предметности» как таковой. Мысль Эриугены, явленная в гармоническом единстве триединства *теологии*, *логики* и *мистики*, где вселенский онтос отождествляется с познавательным процессом силами *умного сердца*, или рассудка, окунутого в купель сердца, оказалась трижды расколотой: на *теологию*, вернее, окончательно отвердевшую посмертную маску её, *логику*, или рассудочную мысль, замурованную заживо под этой маской, и *мистику* как некую отдушину познания, впрочем, отрезанную от рассудка, и, стало быть, познающую не мыслью, а чем угодно – в лучшем случае *«сердцем»*. Свасьян констатирует расщепление «богопознания» на *«Бога»* и *«познание»,* расщепление *«познания»* на *«средство»* и *«цель»* нашедшее дополнительное *«методологическое»* отражение в подкинутом арабами алгоритме *«двойной истины».* Логике, оторванной от физики, оставалось оттачивать себя в «о чём угодных» диспутациях, поражающих чисто адвокатской виртуозностью по части словестного фокусничества. О познании заботились менее всего, ибо познавать *уже* было нечего. Средневековая полемика по проблеме универ-

салий предстаёт у Свасьяна псевдопроблемой. Симптоматичная фигура – Абеляр с одной стороны не оставляет камня на камне от *«реализма»,* по словам Свасьяна, исповедуя внутренне чистой воды (павлианский) реализм, а с другой стороны вооружая (в полемике с Вильгельмом из Шампо) *«номинализм»* острейшими доводами, он сокрушает и его, как никто из *«реалистов»*. По мнению Свасьяна, бессмысленно причислять Абеляра либо к «умеренным реалистам», либо к «концептуалистам», – он разрушитель самого типа мышления, жонглирующего терминами и утерявшего подлинную созерцательность. Средневековое самоотравление ума на почве словесности очень симптоматично – оно ещё процветёт в наши дни. Свасьян полагает, что номинализм оказывается не следствием средневековой философии, но, в некотором смысле, её причиной, если учесть специфику латинского языка, для которого характерна тенденция определённости и фиксации. Ещё Гёте обращал внимание на то, что греки говорят глаголами, особенно инфинитивами и причастиями, что допускает любые оттенки выразительности; собственно, словом ничто не определяется, не подпирается и не вколачивается, оно остаётся лишь неким намёком, предназначенным к тому, чтобы вызвать предмет в фантазии. Латинский язык, напротив, решителен и начальственен в употреблении существительных. Понятие в готовом виде вдвигается в слово и цепенеет в слове, с которым теперь обращаются как с действительной сущностью. Свасьян отмечает, что средневековое мышление самим фактом преобладания *существительной* формы воззрений неизбежно гипостазирует понятия в субстанции в ущерб их функциональной природе. Здесь коренится извечное различие между ставшим и становлением, формой и метаморфозом, механизмом и организмом, в пределе – смертью и жизнью. Схоластическая философия окончательно установила этот водораздел[22].

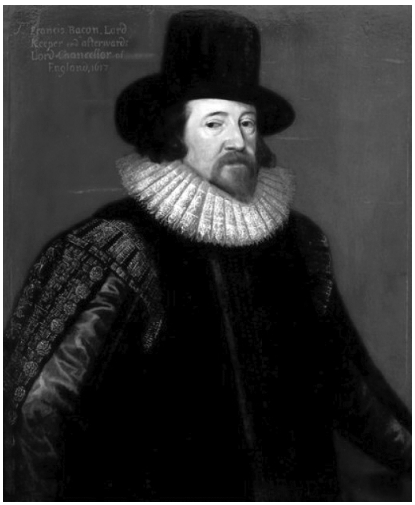
С XV в. становление европейской души бесповоротно отмечено новой тональностью: сознания и свободы. Европа вступает в полосу душевной зрелости. «Духовная наука», оставшаяся теневой в европейской культуре, представлена в концепции Свасьяна такими деятелями как Фридрих II Гогенштауфен, Парацельс, Якоб Бёме, И. В. Гёте. Очень наглядно авторское противопоставление Парацельса Фрэнсису Бэкону. Свасьян отмечает странность того факта, что Парацельс, признанный отец физиологии, химии, химической медицины, эмпирической психологии, рациональной патологии и рациональной терапии, с лёгкостью признаётся также «отцом безграничного и опасного шарлатанства» (В. Виндельбанд). Виндельбанд ставит упрёк Парацельсу, что тот верил в существование «жизненных духов» и т. д. Спустя несколько десятилетий Ф. Бэкон чуть ли не главами списывает у Парацельса, не цитируя его, и существование «жизненных духов» не подвергается им сомнению. Тем не менее, в глазах потомков Ф. Бэкон остался одним из отцов современного естествознания, а о «шарлатанстве» предпочитают не говорить. Мистика Парацельса, по словам Свасьяна, органически вписана в самый ход его мысли – черта, роднящая его с такими умами, как Николай Кузанский и Якоб Бёме; он не мистифицирует естествознание, а пытается перестроить саму мистику, базируя её откровения естественнонаучными данными; импульс нового услышан им не в ключе разрыва со старым, а в заданиях переработки старого на новый лад, совсем в

духе будущего девиза Гёте: «не открытие чего-то нового, а рассмотрение уже открытого моим способом»[23]. Случай Ф. Бэкона совершенно иной; ярлык «шарлатана» потому и не понадобился здесь, что речь шла всего лишь о мистическом «плагиате», с лёгкостью отделимом от существа текстов. Оклеветанный Парацельс обращён в будущее колоссальным средоточием сознающей себя воли: «кто ищет истину, тому надо в мою монархию», но истина – и это он подчёркивает на каждом шагу – обретается только через опыт; опыт же есть *«всё»* – мысль, чувство, воля в теле и вне тела, словами Гёте: *«внутренне безграничный, внешне ограниченный»*, ещё раз словами Гёте: *«ограниченный всем».* Парацельс – радикальнейший эмпирик и подлинный *«мейстер»* опыта (не случайно, что он, впервые введший в университет немецкий язык и само слово *«опыт»* – «Erfahrung»); ищущий, беспокойный, бескомпромиссный соглядатай истины, опершийся на меч, – таким запечатлён он на многочисленных гравюрах эпохи. И рядом новый образ: государственный муж, уличённый в мошенничестве и посвятивший остаток жизни занятиям науками; тоже радикальный эмпирик и тоже поборник опыта, но в диаметрально противоположном смысле, то есть опыта внешнего и безграничного и ограниченного внутренне свидетельствами внешних чувств. Свасьян находит очень симптоматичным, что Парацельс, проложивший столь много плодотворных путей и открывший – единолично! – столь много наук, остался одиноким первопроходцем, у которого почтительно отобрали *«открытия»* и бесцеремонно забраковали *«метод»* (удивительный склик с научной судьбой Гёте!); второй, ничего не открывший и приложивший груду усилий для дезориентации ума в индуктивном хаосе, повлиял именно *«методом»,* которому странным образом довелось сыграть солидную роль в выработке стратегии эмпирических наук. Свасьян констатирует, что в XVII в. происходит смещение акцента научного поиска с «индивидуального» на «общеобязательное». Парацельс мог бы сказать именно то, что никогда не сказал бы Бэкон (из страха прослыть необъективным): метод – это я. Усвоить метод Парацельса – значит стать самому Парацельсом *sui generis*; наука – это человек, и, следовательно, настоящая наука – это настоящий человек. Но, по словам Свасьяна, инстинкт *«клерков»* сработал прагматически[24]: легче и удобнее было отдать предпочтение *«бесчеловечности»*[25]*…*

Неизвестный мастер
Портрет Парацельса. 1540

Декарт и Бэкон, замечает Свасьян, оппоненты во всём, кроме одного: скажем в персонифицированной форме – кроме единодушного неприятия Парацельса. Природа для Парацельса всё ещё «внешний человек», – *«рационализм»* же и *«эмпи-*

ризм», взятые не систематически, а симптоматически, оказываются лицевой и тыльной сторонами общего мировоззренческого чекана эпохи, несомненно, *«рационалистического»,* а по тенденциям, одинаково значимым как для рационалистов, так и для эмпириков: *утрата сверхчувственного опыта; подмена качественного метода количественным; сведение целого к общему; отсутствие исторической памяти; потеря сущностного зрения; выработка единого рассудочного шаблона, под который подгоняются все без исключения явления; всеобщая механизация жизни; расчёт как стиль жизни; метастазированная аналитика; секуляризация всех сфер жизни.* Наиболее существенную характеристику «рационализма» Свасьян видит в *лингвистическом вытеснении непосредственных данных восприятия*, – мир отныне дан не сам по себе (*«жизненный мир»*), а как *«дискурс о мире»*. Свасьян отмечает, что Кант, громя «догматиков» за некритический перенос на сами вещи рассудочных характеристик, сокрушал лишь теоретический фасад их систем; на деле вещи эти *уже* были подменены рассудочными суррогатами. Природа уже у Декарта соответствует не античному «De rerum natura»[26]; а исключительно «De symbolorum natura»; модель (или образ) вещи вытеснила в ней уже эйдос вещи; словами Гёте: «Вместо того, чтобы становиться между природой и субъектом, наука пытается встать на место природы и постепенно делается столь же непонятной, как последняя»[27]. Слова Гёте сказаны в XVIII в., в конце же XX в. социолог К. Кнорр-Цетина, называющая свой подход эмпирическим, исключает из лаборатории и из науки вообще природную реальность[28]. В XX в. произошёл размыв философской проблематики по частным дисциплинам, – социологи и психологи объясняют процесс обретения знания своими методами по той простой причине, что философы утратили контакт с реальностью, философия выродилась во всевозможные «сдирания масок», «поиски структур власти» и т. п. Чтобы избавиться от псевдотеоретических построений, нагружающих эмпирию, Свасьян обращается к дорефлексивному понятию «жизненного мира» Гуссерля[29]. Задача ответа на сверхвопрос: «Как же возможна встреча с реальностью самой по себе?» перед автором «Становления европейской науки» не стоит. Можно было бы попытаться ответить на этот вопрос, например, по Платону, – к созерцанию эйдосов душу нужно готовить с помощью мусических искусств. Новоевропейская философия не нуждалась в каких-либо духовных практиках, при этом природа стала для неё символической.



Франс Порбус (II), Младший
Портрет Фрэнсиса Бэкона. 1617

Историки, описывающие переход к Новому времени, единогласно отмечают серию революционных преобразований, от изобретения пороха и книгопечатания

до великих географических открытий и Реформации; перечень приобретений впечатляет, но, по мнению Свасьяна, эти изобретения едва ли могут быть поняты в перспективе их будущности без параллельного баланса утрат. Некоторые из утрат Свасьян описывает в духе Ницше и Хайдеггера: уход из «домашнего» Космоса в «бездомный» Космос, чувство планетарной заброшенности, гложущее ощущение потерянности и т. п. Интересней другая составляющая этих утрат; «духовная наука», о которой где-то с ностальгией, а где-то с надеждой пишет Свасьян, основывается на фундаментальном постулате тождества микро- и макрокосма. В эпоху Ф. Бэкона и Р. Декарта механицизм вытесняет эти воззрения. Утрачен внутренний смысл рая – ищется внешний «физический» рай (Колумб специально берёт с собой в плавание «переводчика»: обращённого еврея, владеющего древнееврейским и арамейским языками); утрачена внутренняя ориентация – изобретается «компас»; утрачено ясновидение – мастерятся «телескоп» и «микроскоп»; утрачена живая связь с истоками – культивируется «филология»[30]. Человечество всё более и более подчиняет внешнюю материю и при этом теряет свои внутренние возможности. Если развить мысль Свасьяна, то ни традиционные религии, ни зародившееся в XVII в. математическое и экспериментальное естествознание так и не дали подлинного ответа на вопрос о предназначении человека. Новоевропейский человек обрёл свободу и возможность переделки самого себя и перестал быть рабом Божьим, но свобода эта оказывается иллюзорной, если не поставлен под контроль собственный микрокосм. В книгах Свасьяна звучит тема бессмертия, встречается теософское понятие «кармы»[31]. Косвенным образом Свасьян указывает на духовную эволюцию как цель существования человека на планете.

Цитировать Свасьяна очень сложно: тексты его чрезвычайно многоплановые, и любая цитата огрубляет мысль автора. Книга «Становление европейской науки» содержит остроумные наблюдения и хлёсткие оценки, заставляющие задуматься и не мириться более с узаконенными в социуме суррогатами культуры. Привычное – не значит хорошее. Свасьян не щадит ни Бэкона, ни Локка, ни современных философов и социологов. Привычная шкала истории в концепции Свасьяна размыта. Реформация начинается с христианизации германских племён, эпохи Ренессанса, по сути, и не было, ведь Италия сохраняла особую, отличную от остальных стран культуру, никогда полностью не разрывавшую с античной культурой. Ценности западного общества предстают хищническими уже в эпоху становления новоевропейских государств, – М. Вебер, вскрыв диалектику перерождения религиозности нищеты в антирелигиозность богатства, по мнению Свасьяна, за пылкими документами веры проглядел холодную суть хищничества и безверия. «Дух» капитализма, с ментальностью расчёта приобретающий универсальный характер в XVII в., кристаллизует нормы функционирования Нового мира. Новый разум не понимания ищет, но власти, и оттого он обращён не к вещам самим по себе, но к «методам» обращения с вещами. Идеал самоутверждения англичанина – *selfmademan*, личность, не зависящая ни от чего, кроме собственных содержаний сознания, или интересов. Ни один народ не придавал такого значения «Я», и ни у одного народа это «Я» не мыслилось столь иллюзорным: *tabula rasa* Локка, юмовский пучок пред-

ставлений… Утеря мыслителями высшего духовного «Я» привела к философии, в которой *homo dei* полностью деградировал до *homo lupus*, и, как выражается Свасьян, до *«обезьяны»* уже рукой подать. Свасьяну удаётся в книге показать всю несуразицу самих постановок вопросов, проблем и понятий новоевропейской философии. Человековолк Т. Гоббса, исповедующий *«естественный отбор»,* или того лучше: дети, идиоты, дикари, невежды, кретины и бóльшая часть человечества, которую Локк призывает в свою поддержку в деле опровержения платонизма, – всё это просто смешно, если иновидение читателя книги Свасьяна по отношению к европейской философии и культуре позволит ему проследить инволюцию философской мысли от сверхчувственно-сверхличного опыта до чувственно-личного, другими словами – сужение мысли до рассудка как крайней точки беспамятства. Констатация новоевропейскими мыслителями пустого ума, очищенного от всевозможных «идолов», последовательно вела к сознанию *«кретина»;* таков *«трансцендентальный субъект»* (если несколько предвосхитить Канта) философии Локка – *«кретин»,* последовательно заполняемый ощущениями и изобретающий для них знаки, чтобы со временем ощутить себя *«мыслящим»* и самоопределиться: философски как *«эмпирик»,* политически как *«виг».* Кондильяку удалось додуматься до более радикального субъекта; *«кретин»* уступил место *«статуе»,* которой сначала было дано обоняние, потом слух и в итоге *«мысль».* Не пожалел Свасьян и И. Канта, – в Канте он акцентирует юридические аспекты философствования. Математическое и экспериментальное естествознание для своего обоснования требовало универсально-априорного рассечения на субъект и объект, соответственно «субъективное» и «объективное», «внутренне» и «внешнее»; тем назойливее вставала проблема границы, разделяющей эти половинки. Свасьян иронизирует: ответ на вопрос о месте, где кончается «сознание» и начинается «вещь», при известном материализме философов того времени требовал «трансцендентальной дерматологии», которая была бы подоплёкой «трансцендентальной логики», а основным вопросом познания становился не кантовский вопрос: «как возможно естествознание?», а «как возможно вылезти из кожи вон?». В анализах Д. Юма, согласно которому, «мы можем направлять наш взор на бесконечные дали, мы можем уноситься воображением до небес или до последних границ мироздания; всё равно мы никогда не выйдем ни на шаг за пределы нас самих, никогда не узнаем иного рода бытия, кроме восприятий, возникающих в узком круге нашего “Я”»[32], дискредитация возможности выхода к *«объекту»* достигла своей высшей точки. Однако Кант, который сам мог подписаться под этими словами Юма, своим гениальным чутьём «юриста» мгновенно набрёл на выход: скандал не устранялся, а кодифицировался, принимал правовую окраску. Выяснилось, что мысли и дела нет до самих объектов; совсем напротив: только через неё и получали объекты право быть объектами. Кант спас мысль от юмовского капкана, но спасение это удалось ему ценой полной утраты *«предметного»* мышления. Свасьян называет Канта «величайшим иллюзионистом познания, изобретшим совершенный познавательный механизм с двенадцатизубчатой молотилкой заранее стерилизованного опыта и постоянным блоком морального питания, так что речь шла уже не о простом кромсании природы, но о кромсании, воз-

ведённом в *"долг"*»[33]. Указанный отрыв от природы самой по себе, более того, утрата «предметного» мышления привели, как отмечает Свасьян, к чудовищной мегаломании мысли, абсурду познавательного самодурства, полагающего, что мир таков, не потому что он таков, а потому что таковым ему велит *«являться»* … наука.

Пафос французского морализма XVII в. сводился к разрушению фигуры «героя» и уже через несколько десятилетий опустевшее место заняла плебейская идеология. Свасьян высмеивает «новую парадигму разума» – салонную культуру ни к чему не обязывающей и универсально-легкомысленной болтовни. То, о чём мечтал Р. Бэкон в XIII в., что тщетно силился претворить в жизнь Пико делла Мирандола в конце XV в. – творческая корпорация умов – оказалось под силу женщинам XVIII в., чья благосклонность переключилась с поэтов на математиков. В Париже XVIII в., как заметил некогда Руссо, нельзя ничего добиться без женщин. Крупный естествоиспытатель XIX в. Дюбуа-Реймон показал, что победа исследовательской программы Ньютона над исследовательской программой Декарта была одержана не в *«академиях»*, а в *«салонах».* Свасьян подчёркивает *«светскость»* происхождения *«научного духа»,* выдававшего себя за победный демарш *«самой истины».* Косметика, парики характеризуют европейскую культуру эпохи Просвещения. XVIII век – век самого грязного безверия в *«духовное»* и самого ребяческого суеверия в *«приметы»,* где богохульствовать можно было не иначе, как обойдя стороной *«чёрную кошку»;* век непобедимой «мыслебоязни», идентифицировавшей *«глубокомыслие»* с *«мигренью»* (жалобы Вольтера на Лейбница); век, наконец, томящийся по *«дикарству»* и неожиданно обретший его не в подражаниях быту *«краснокожих»,* а в чисто дикарском поклонении *«Разуму»,* этой фетишизированной фикции на фоне вдохновенно творимых безрассудств, век, безукоризненно решивший головоломку сочетания несочетаемого: *естествознания* и *социальности*[34]. Читая Свасьяна, удивляешься, как вообще эта «опустошённая ментальность» при внешней подкрашенности смогла создать науку. Ситуация становления европейской науки в концепции Свасьяна предстаёт не в русле позитивистских представлений о прогрессивном росте знания от «мрака» к «просвещению», а как ужасающий феномен раздвоения сознания и личности. Отсутствие нужды в гипотезе автора (от Лапласа до структуралистов) Свасьян называет шизофреническим. Тем же словом он характеризует кантовское (шире – общекультурное) расщепление разума на теоретический, который в предельном случае способен создавать *бомбы*, и практический, *«морально»* сокрушающийся по *взрывам бомб*. Шизофреничны, согласно Свасьяну, также научные и философские представления о психофизиологическом параллелизме, которые порождены отказом церкви от трихотомии «духа», «души» и «тела» в пользу дихотомии «души» и «тела». Собственно, культура, лишённая представления о высшем бессмертном духовном начале шизофренична, ведь понятие «души» содержит как высшие – духовные, так и низшие – «животные» аспекты.

Как и любая социогуманитарная концепция, концепция становления европейской науки Свасьяна содержит несколько подогнанные под неё, спорные представления и оценки. Спорна упомянутая выше негативная оценка восточного платонизма, спорен образ Эразма Роттердамского – у Свасьяна он предстаёт представи-

телем нового типа умников-утончёнников, филологов-гуманистов, пресыщенных знанием и изживающих их в скептических отрыжках острословия[35]. Очень спорен образ Ньютона, который у Свасьяна предстаёт чуть ли не позитивистом[36]. Трудно согласиться с тем, что «философские наивности Ньютона просились в жанр анекдотики»[37]. Свасьян мастерски показал культурные истоки функционирования современной науки как социального института, всё то, что не позволяет ей зачастую быть объективной[38]. Элементы идеологии, всевозможные предрассудки сплошь и рядом втираются в науку и подменяют научное знание. Концепция, представленная в книге «Становление европейской науки» Свасьяна, уникальна целостным видением зарождения причин, определяющих события истории культуры. Действительно, «история европейской науки в экспозиции сменяющих друг друга "программ" и "парадигм" – рационально разыгранный миф, утаить который не в состоянии даже сверхмощный аппарат университетских трафаретов. Только так может она быть понята и преодолена»[39]. Однако Свасьяну было бы непросто обосновать «духовную науку», противопоставляемую им математическому и экспериментальному естествознанию. Сводится ли «духовная наука» к герметизму? Такие выражения Свасьяна как «первородная сигнатура всех вещей»[40], по-видимому, позволяют так ответить на этот вопрос. Если проанализировать, например, астрологические представления Р. Штайнера[41], едва ли все эти знания могут быть названы «научными». Многие астрологи-профессионалы могут и не разделять представления Штайнера. Или Свасьян в отношении Р. Штайнера догматик? Насколько позволяет «духовная наука» быть подвергнутой независимой рефлексии?

Понятие «одухотворённой науки» ключевое для литературно-философского наследия семьи Рерихов. На первый взгляд, между критикой «эмпирической науки» в штайнерианстве, в идейно исходной для этого учения теософии, а также в развитии теософских положений Рерихами много общего. Теософия, штайнерианство и наследие семьи Рерихов постулируют тождество микро- и макрокосма, рассматривают человеческий организм как *космопланетарный феномен*[42], следствием чего является принципиальное принятие астрологии и герметических наук на новом этапе духовной эволюции человечества. Но сходство между указанными учениями мнимое. «Духовная наука» штайнерианцев не имеет Иерархического основания. Для теософии и наследия Рерихов иеровдохновение достижимо в «огненном» устремлении ученика к Учителю. В случае достижения в «огненном устремлении» учеником этого состояния принадлежности к непрерывной Иерархической цепочке возможна астрология как Новая Наука, возможны и другие науки будущего. Штайнерианство, будучи учением, возникшим в XX в., по-видимому, так и не переросло традиционные герметические представления. Наследие семьи Рерихов отличается принципиальной новизной требований преобразования человеческого микрокосма. Следствием этого преобразования является качественное изменение труда на Общее Благо, кооперация в самом широком её понимании. Выявление сходства и принципиальных различий положений штайнерианства и Учения Живой Этики требует специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Свасьян К. А.* Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). – 2-е изд. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010; *Свасьян К. А.* Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ. – 2-е изд. – Академический Проект; Альма Матер, 2010; *Свасьян К. А.* Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. –2-е изд. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010; *Свасьян К. А.* Философское мировоззрение Гёте. – 2-е изд. – М.: Evidentis, 2001; *Свасьян К. А.* Человек в лабиринте идентичностей. – М.: Evidentis, 2008; и др.
[2] *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – Литературные памятники / Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; Пер с нем. – М.: Мысль, 1990; *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. – Т. 2 / Пер. с нем.; Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1990; *Шпенглер О.* Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993.
[3] *Свасьян К. А.* Становление европейской науки. – М.: Evidentis, 2002.
[4] *Там же*. – С. 3–15.
[5] *Там же*. – С. 19.
[6] *Там же*. – С. 22.
[7] *Там же*. – С. 20–26.
[8] Свасьян отмечает также, что в I Послании к Коринфянам у апостола Павла самая настоящая апология «ересей»: «Ибо надлежит быть и разномыслиям (αιρεσεις) между вами, дабы открылись между вами искусные» (I Кор. 11: 19).
[9] *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 32.
[10] *Там же*. – С. 31–32.
[11] *Там же*. – С. 61–64.
[12] *Косарева Л. М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 13–14.
[13] Свасьян ссылается на формулу святого Амвросия, цитируемую святым Фомой: «Omne verum, a quocumque dicatur, a Spiritu sancto est» («Всё истинное, кем бы оно ни изрекалось, исходит от Святого Духа»).
[14] Со своей стороны, отмечу, что трихотомия «духа», «души» и «тела», несомненно, заимствована самим Штайнером у теософов. Основательница Теософского общества Е. П. Блаватская разъясняет тонкости понимания этих понятий с использованием эквивалентных терминов восточной философии, в частности, в статье «Ключ к теософии». Сам Свасьян в своих работах не разъясняет метафизических тонкостей, связанных с этими понятиями, просто ссылаясь на Штайнера. Известно, что Штайнер после своего разрыва с теософами и создания антропософского движения старался не использовать теософскую терминологию. Свасьян, судя по всему, дистанцируется от теософских идей, используя теософскую терминологию. Так на с. 403 цитируемого издания «Становления европейской науки» у него встречается выражение «теософский жаргон», при этом на с. 405 он рассуждает о «философской карме Запада» и «карме европейской науки».
[15] Как отмечает Свасьян, через тысячу лет после Восьмого Константинопольского собора научным на этот раз вердиктом будет упразднена, наконец, и *«душа»*. Лозунг Ф. А. Ланге *«психология без души»* подведёт итоги прямым устранением этого призрака, мешающего экспериментатору экспериментировать, а психиатру лечить.
[16] *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 65–72.
[17] *Там же*. – С. 91.
[18] Свасьян предлагает читателю разглядеть в этом пункте родство Бэкона с… Мальбраншем
[19] Истина обитает во внутреннем человеке (лат.).
[20] *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 73–89.

[21] *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 41–62.
[22] *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 132.
[23] Из письма к Кнебелю от 18 августа 1787 г. Цит. по: *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 187.
[24] Последний десятый параграф второй главы, которым заканчивается книга Свасьяна, называется «Предательство клерков».
[25] *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 186–188.
[26] «О природе вещей» – название знаменитой философской поэмы Лукреция, в которой римский автор I в. до н. э. изложил учение греческого философа-материалиста Эпикура.
[27] Цит. по: *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 344.
[28] *Маркова Л. А.* Конец века – конец науки? – М.: Наука, 1992. – С. 29.
[29] Свасьян отмечает, что единая и, по существу, единственная цель феноменологии сводилась к тому, чтобы научить философов (и вообще желающих) *видеть сами вещи*; не случайно, что философия эта до сих пор котируется как *«труднейшая»,* не случайно, что и для Гуссерля речь шла не просто о философской проблематике, а о *«болезни»* и *«кризисе»,* от преодоления которых зависит *«жизнь»* самой Европы и мира. См.: *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 273.
[30] *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 190.
[31] Свасьян не затрагивает в своих работах восточные духовные Учения, а основывается на антропософских идеях Р. Штайнера.
[32] Цит. по: *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 414.
[33] *Там же*. – С. 417.
[34] *Там же*. – С. 417–418.
[35] *Там же.* – С. 181.
[36] *Там же*. – С. 268.
[37] Свасьян, заявляя о философской наивности Ньютона, ссылается только на схолию к 8-й дефиниции в «Математических началах натуральной философии»: «Что есть время, пространство, место и движение, я не определяю, в силу того, что это известно всем». Высказывание это Свасьян считает корректным оценивать по баллу святой простоты. Однако первичные интуитивные понятия в философии оставлял без определений тот же Аристотель. В науке конкуренция происходит, как правило, на уровне фундаментальных теорий, а на эмпирическом уровне учёные с большей лёгкостью достигают консенсуса, при этом первичные понятия, о которых идёт речь в этой схолии Ньютона, даже не обсуждаются, ведь они ясны. См.: *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 427–428.
[38] Интересный пример Свасьяна: прогресс в биологии от Линнея до Кювье сводился лишь к интерлингвистическому усовершенствованию научного дискурса. Рационализм, согласно Свасьяну, всегда хотел и хочет быть *редактурой языка и мира*. См.: *Свасьян К. А.* Указ. соч. – С. 288, 390.
[39] *Там же.* – С. 397.
[40] *Там же.* – С. 393.
[41] См., например: *Шёффлер, Ханс Херберт.* Рудольф Штайнер и астрология. – Калуга: Духовное познание, 2001.
[42] Воспользуюсь здесь терминологией академика РАМН В. П. Казначеева. См.: *Казначеев В. П., Спирин Е. А.* Космопланетарный феномен человека. – Новосибирск: Наука, 1991.

V. ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕРИХОВСКОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ, НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ДРУГОЙ РАБОТЕ

С. А. СЕВАСТЬЯНОВА
(Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)

РЕСТАВРАЦИЯ «ПЕРМСКОГО ИКОНОСТАСА» Н. К. РЕРИХА И С. И. ВАШКОВА

«Пермский иконостас» из собрания Пермской государственной художественной галереи был создан Н. К. Рерихом и С. И. Вашковым для Казанской церкви Перми в 1907 г. Реставрация этого памятника началась с исследовательской работы, в ходе которой были выявлены основные характерные повреждения, требующие реставрационного вмешательства, и сразу стало ясно, что это крайне необычный пример иконописи. К началу XX в. большинство икон в храмах были не расчищены, находились под толстым слоем потемневшей олифы, а золото, как правило, сохраняло свой блеск. Этот тональный контраст полностью повторён в «Пермском иконостасе».

Прежде всего, реставрационного вмешательства требовала сохранность металлической басмы. Металл был сильно корродирован, покрыт многочисленными пятнами окислившегося металла, а местами был настолько повреждён, что это вызвало утоньшение басмы на этих участках. На живописных изображениях наблюдались осыпи, выкрошки и грядки красочного слоя, лаковая плёнка потемнела, на отдельных участках живописи, например, на лике Предстоящей на Южной иконе, был слой толстой поздней записи, искажающей первоначальный замысел автора.

Для проведения реставрации икон было необходимо снять басму. При снятии басмы с иконы *«Богоматерь»*, извлечённой из Царских Врат, на левом поле внизу открылась надпись графитом, которая, возможно, указывает на то, что иконные доски были изготовлены в Санкт-Петербурге. Штампованные клейма на «подзорах» Царских врат и Дьяконских дверей Товарищества П. И. Оловянишникова с сыновьями в свою очередь определяют место изготовления басмы – московская фабрика.

После снятия басмы открылись участки древесины с сильными загрязнениями, в том числе и окислами металла. Были выполнены реставрационные мероприятия по реставрации икон, связанные с очисткой поверхности лицевой и тыльной стороны, укреплением красочного слоя, восполнением утрат древесины, отщепы подклеены, лаковая плёнка утоньшена и выровнена, поздние записи удалены, утраты тонированы. Особую сложность представляла реставрация металлической басмы, которая была сильно повреждена, покрыта поздними лаковыми наслоениями, с многочисленными утрами и разрывами, деформирована. В ходе реставрации были подобраны различные химические реактивы для удаления наслоений, следов коррозии; разрывы были соединены и закреплены тонкими полосками меди; для восполнения утрат были изготовлены методом гальванопластики аналогичные пластины из меди, которые тонировались в цвет авторского металла.

Экспозиция «Пермского иконостаса» в СПбГМИСР после реставрации. 2014

После проведения полной реставрации басма была закреплена на иконах с помощью авторских гвоздей, иконы возвращены в рамы. Таким образом, весь комплекс икон был отреставрирован, памятник приобрёл экспозиционный вид, но, что важнее всего, разрушительное действие коррозии металла, которое могло полностью и необратимо изменить облик ценнейшего памятника русского искусства, было остановлено. Теперь задача реставраторов – наблюдать за памятником, отслеживать малейшие изменения в состоянии его сохранности и сопроводить документацию, составленную по итогам реставрации, подробной инструкцией по его хранению в дальнейшем. А новые факты, открывшиеся в процессе реставрации, позволят искусствоведам продолжить изучение столь интересного памятника, вобравшего в себя черты русского и западного искусства, обобщённые рукой такого выдающегося мастера, как Н. К. Рерих.

В. В. НИКИШИН, И. Ю. СОЛОВЬЁВА
(Государственный музей Востока; Москва)

ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ КАРТИНЫ Н. К. РЕРИХА «КНИГА ГОЛУБИНАЯ»

В докладе пойдёт речь о довольно известной картине Н. К. Рериха *«Книга Голубиная»* (1922)[1], занимающей одно из центральных мест в постоянной экспозиции Государственного музея Востока (далее – *ГМВ*)[2] и входившей до этого в собрание Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, большого друга и сотрудницы семьи Рерихов в Америке. В 1977 г. в Государственном музее Востока на основе коллекций, поступивших от Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе и сына художника Святослава Николаевича Рериха, был открыт зал, посвящённый творчеству Н. К. Рериха.

Общий вид зала постоянной экспозиции «Творчество Николая и Святослава Рерихов» в ГМВ. 2012

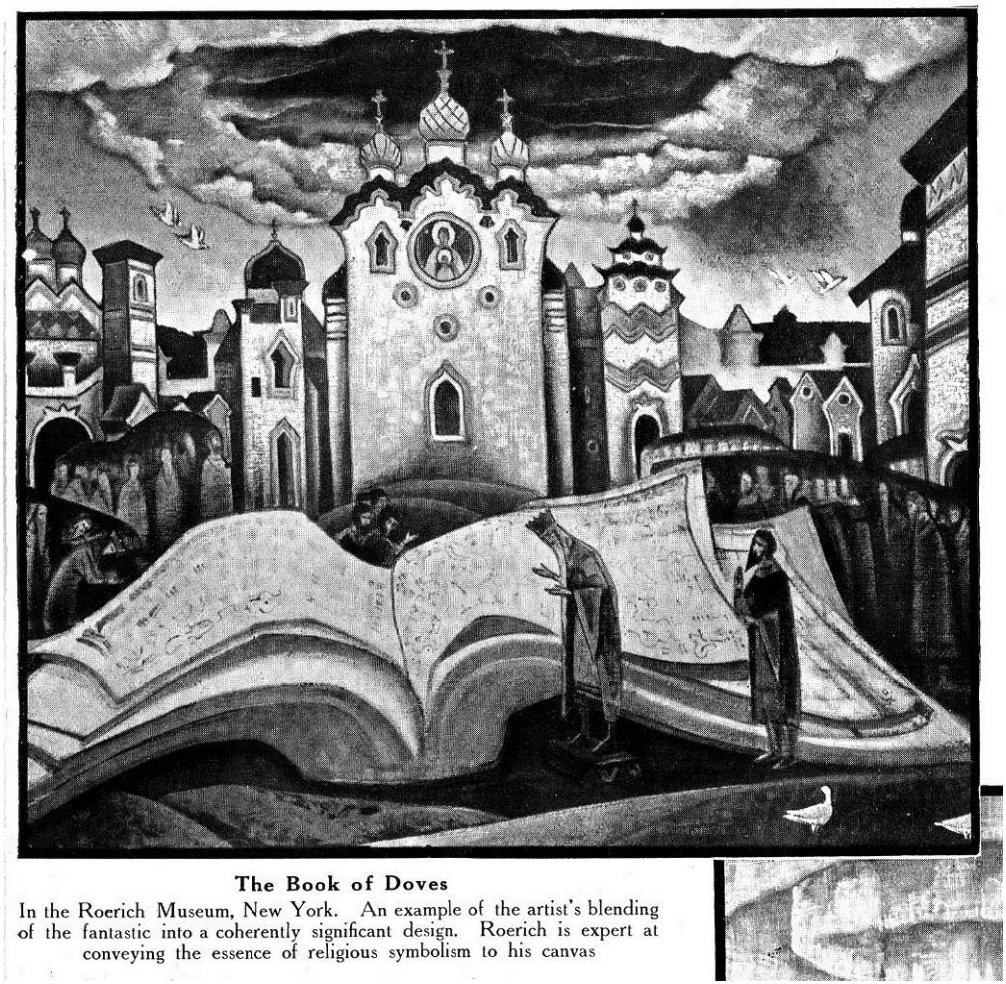
Картина *«Книга Голубиная»* была написана в зрелый период творчества Рериха – в 1922 г., в США. Впервые она была показана публике на выставке общества «Corona Mundi» в Нью-Йорке в марте 1923 г. В период 1920–30-х гг. это произведение находилось в музее Николая Рериха в Нью-Йорке (*МНР*), и числилось по каталогу коллекции под названием «The Book of Doves (Russian Legend)» под № 311.

В основе идеи живописной композиции лежит популярный в начале XX в. сюжет о «Книге Голубиной» из древнерусских сказаний. Обращались к нему такие известные поэты и писатели, как Константин Бальмонт, Борис Зайцев, Николай Заболоцкий, Михаил Пришвин, Александр Блок, Вячеслав Иванов. В творчестве Николая Рериха образ «Голубиной книги» впервые нашёл воплощение в 1911 г. – в картине *«Помин о четырёх королях»*, прежде принадлежавшей княгине Марии Тенишевой, и в настоящий момент хранящейся в художественной галерее Смоленского государственного объединённого исторического и архитектурно-художественного музея-заповедника. В 1922 г. Николай Рерих снова вернулся к этой теме. «И голубиная книга с небес упала. И сокровище сверху пришло. И не сразу нашли мудрого для прочтения книги. И разные народы помнят об этих принесённых благовестях» – так писал Николай Рерих в очерке «Эрдени Мори» 31 марта 1935 г.[3] В очерке «Небесное зодчество» (1939) он упомянул и саму картину: «…Каждому от первых его дней уже предлагается несказуемая по красоте своей небесная книга. Была и картина “Книга голубиная”»[4].

THE GRAPHIC, March 19, 1927

A PAINTER OF BIBLICAL SYMBOLISM

Nicholas Roerich and his One-Man Museum



The Book of Doves

In the Roerich Museum, New York. An example of the artist's blending of the fantastic into a coherently significant design. Roerich is expert at conveying the essence of religious symbolism to his canvas

«Book of Doves». Воспроизведение картины в британском еженедельнике «The Graphic» (выпуск 19 марта 1927 г., с. 465)

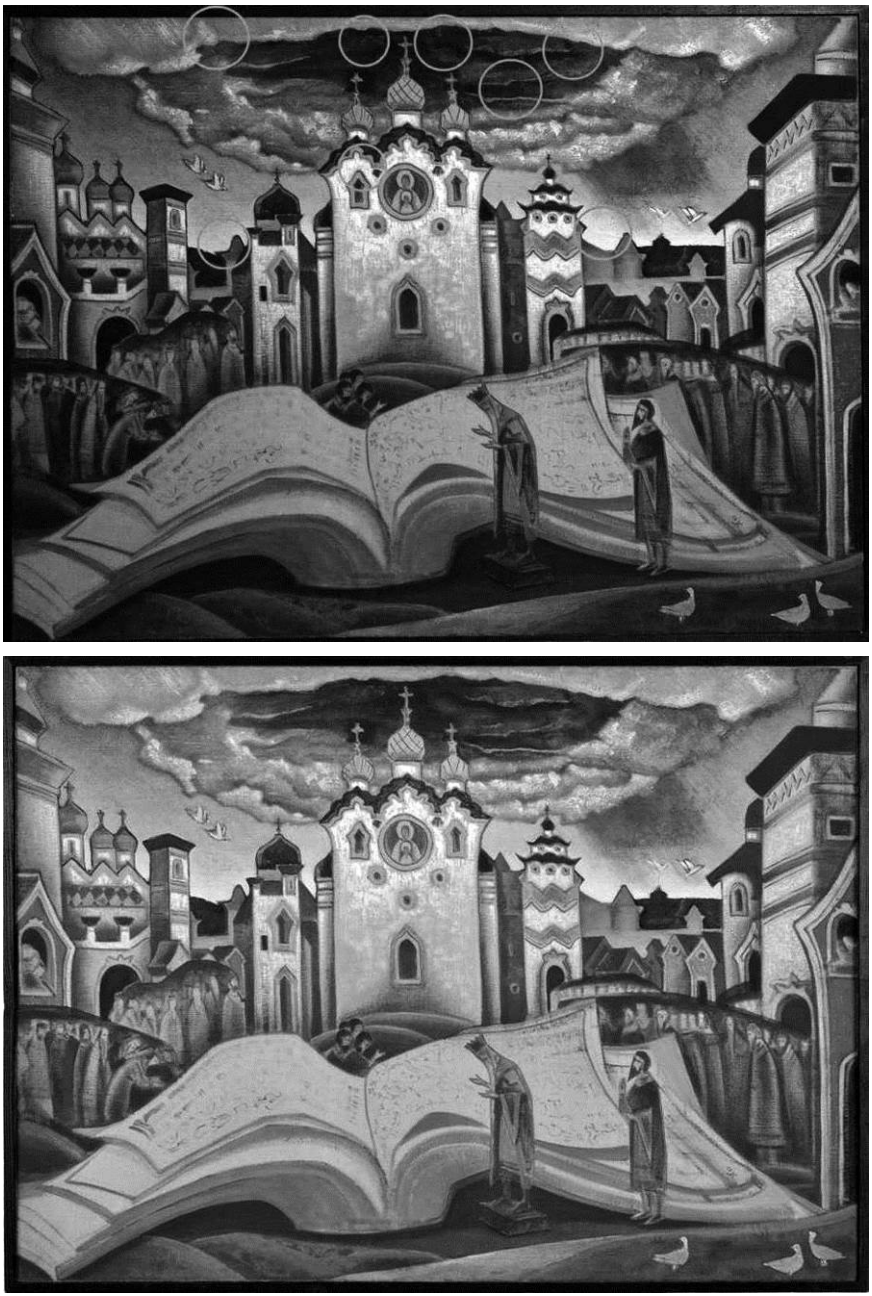
А вот как описывает упомянутый сюжет современник Николая Рериха Константин Бальмонт в своём произведении «Глубинная книга». Вот его начальные строки, воспроизведённые из первого издания[5]:

ГЛУБИННАЯ КНИГА.

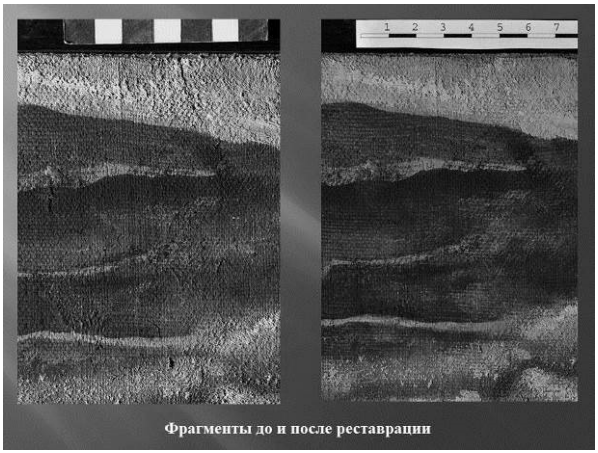
Восходила отъ Востока туча сильная, гремучая,
Туча грозная, великая, какъ жизнь людская—длинная,
Выпадала вмѣстѣ съ громомъ Книга Праотцевъ могучая,
Книга-Исповѣдь Глубинная,
Тучей брошенная къ намъ,
Растянулась, распростерлась по равнинамъ, по горамъ.
Долины та Книга будетъ—описать ее нельзя,
Поперечина - помѣряй, истомить тебя стезя,
Буквы, строки—чащи лѣса, расцвѣченные кусты,
Эта Книга—изъ глубинной безпричинной высоты.
Къ этой Книгѣ ко божественной,
Въ день великій, въ часъ торжественный,
Сходились сорокъ мудрыхъ и царей,
Сорокъ мудрыхъ, и несчетность разномыслящихъ людей.
Царь Всеславъ до этой Книги доступается,
Съ нимъ вѣдунъ-пѣвецъ подходитъ Свѣтловзоръ,
Передъ ними эта книга разгибается,
И глубинное писанье расцвѣчается,
Но не полно означается узоръ.
Велика та Книга—взять такъ не поднять ее,
А хотя бы и поднять—такъ не сдержать ее,
А ходить по ней—не выходить картинную,
А читать ее—прочесть ли тьму глубинную.

В начале 2012 г. картина поступила в реставрационную мастерскую после планового осмотра экспозиции. В результате был обнаружен разрыв и значительное отставание холста, в центре, по верхнему краю картины. Разрыв был хорошо заметен только при боковом освещении. Следует учесть, что указанная картина поступила в музей в соответствующем состоянии из коллекции Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, что прежде было зафиксировано в актах сохранности. Как известно, на протяжении многих лет произведение экспонировалось в экспозиции музея и на временных выставках.

В итоге для заделки прорыва было решено отправить картину в реставрационную мастерскую музея для проведения ряда необходимых мероприятий. В мастерской картина была размонтирована: удалены старое стекло, рама, крафтовая бумага, закрывавшая оборот и частично реечное обрамление. Рейки удалялись только с тех сторон, где прорыв выходил на край картины, для удобства последующей склейки холста. Затем было обнаружено, что авторский холст дублирован на оргалитную основу, без кромок (кромки обрезаны). С оборота к оргалиту приклеен подрамник, подвижной конструкции, а между оргалитом и подрамником натянута тонкая белая хлопчатобумажная ткань, закреплённая на торцевых частях подрамника с помощью степлера.

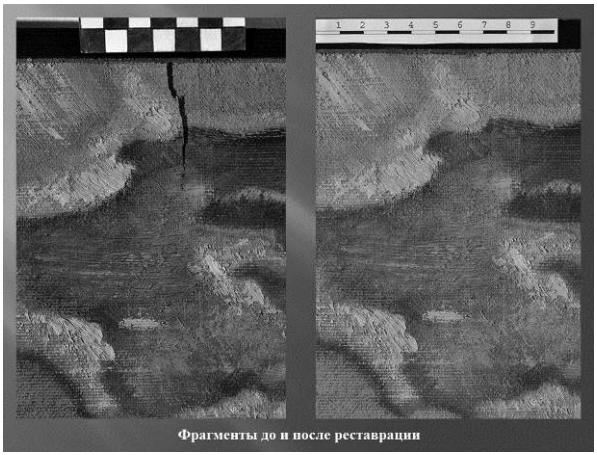


Общий вид картины Н. К. Рериха «Книга Голубиная» (1922) до (*вверху*) и после (внизу) реставрации. На верхнем снимке кругами отмечены участки, требовавшие реставрации. © ГМВ



Фрагменты до и после реставрации

Фрагменты до и после реставрации



Фрагменты до и после реставрации

Известно, что Н. К. Рерих часто использовал способ одновременной натяжки двух холстов, при этом более тонкий хлопчатобумажный выполнял не только эстетическую функцию, но и служил для дополнительной защиты оборота холста картины. В собрании нашего музея большое количество картин Николая и Святослава Рерихов натянуто на подрамник именно таким способом. Таким образом, была создана имитация авторской натяжки холста, скорее всего, сделанная во время реставрации, после дублирования. С какой целью была создана имитация – остаётся загадкой. Из деловой переписки директора МНР Зинаиды Фосдик к Кэтрин Кэмпбелл известно, что ряд картин из её коллекции прошли реставрацию весной 1968 г. Консервационно-реставрационные работы и обрамление картин из так называемой «Русской архитектурной серии» в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке поручили выполнить К. М. Каткову. Можно предположить, что *«Книга Голубиная»* могла быть дублирована именно в это время.

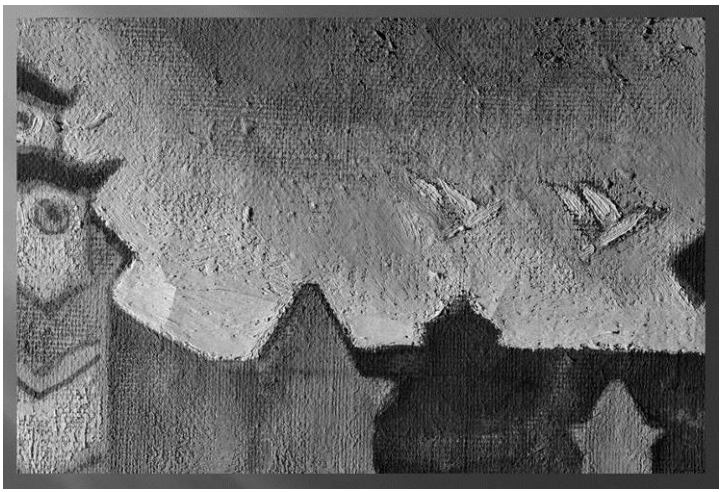
При более детальном осмотре в боковом свете и под микроскопом были выявлены множественные отставания холста от оргалитной основы, в том числе с микроразрывами холста, которых не было видно при первоначальном осмотре в залах музея. Со временем авторский холст «перегорел» и стал ветхим, по этой причине, вероятно, и был дублирован на новую основу (оргалит).

Из предыдущих реставрационных вмешательств, до поступления картины в ГМВ, кроме дублирования авторского холста на оргалит, можно отметить большое количество тонировок в местах склеек разрывов холста, предположительно, сделанных ранее, появлению которых в дальнейшем способствовало плохое сцепление авторского холста и оргалита. Если первоначальные повреждения, прежде всего, были связаны с нарушением технологии при написании и естественным старением, то последующие – с нарушением склейки двух основ после дублирования картины. Матовая поверхность красочного слоя свидетельствовала о том, что картина может быть выполнена в технике темперы, что соответствовало данным каталогов и отдела учёта музея. Известно также, что в зрелый период Н. К. Рерих постепенно отказывается от масляной живописи и всё чаще использует темперу. Здесь будет уместно привести «лист дневника» самого художника, затрагивающий эти моменты[6].

Н. К. Рерих. Живопись

Прежде всего потянуло к краскам. Началось с масла. Первые картины написаны толсто-претолсто. Никто не надоумил, что можно отлично срезать острым ножом и получать эмалевую плотную поверхность. Оттого «Сходятся старцы» вышли такие шершавые и даже острые. Кто-то в Академии приклеил окурок на такое острие. Только впоследствии, [когда] увидел Сегантини, стало понятно, как срезать и получать эмалевую поверхность.

Масло вообще скоро надоело своею плотностью и темнотою. Понравилась мюнхенская темпера Вурма. Много картин ею написано. Стенопись в Талашкине тоже вурмовская. Серову эти краски понравились, и он попросил меня для него их выписывать. С войною вообще прервалось, и сама фабрика закрылась.



Фрагмент картины Н. К. Рериха «Книга Голубиная» (1922) до реставрации. © ГМВ

В то же время привлекла яичная темпера. В нашей иконописной мастерской были всякие опыты. Были комбинации с клеевой темперой. Воздушность и звучность тонов дали свободу технике. С Головиным были беседы о темпере, но он часто предпочитал пастель. С маслом темпера несравнима. Суждено краскам меняться – пусть лучше картины становятся снами, нежели чёрными сапогами... Неоконченная картина Микеланджело в Национальной Галерее Лондона дала мысль о цветных фонах. Она была написана на зелёном фоне. От него «терра ди Сиенна» становилась не рыжей, а золотистой. Театральный маляр у Головина отлично готовил такие холсты.

Также работал и на цветных папках. Иногда примешивал и пастель, фиксируя её молоком или жидким столярным клеем. Над ванной производились сложные вымывания над небольшими картинами.

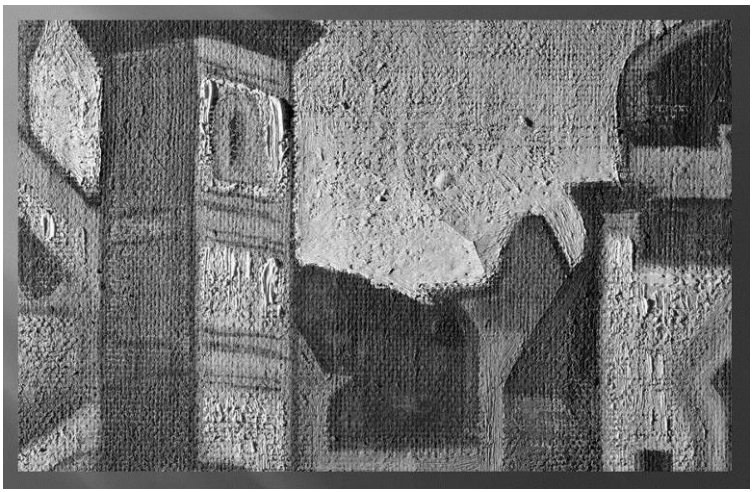
Холсты выписывались от Лефранка. Сперва пробовал брать уже подготовленные, но потом оказалось, что лучше всего готовить холсты дома, как в старину. Один такой синий холст Серов унёс для своей «Иды Рубинштейн».

Пробовал темперу в тюбиках от Лефранка и от Джоржа Роуней. Каждая имела свои особенности, но всё-таки не давала силы тона. А белила желтели, трескались. Я советовал В. А. Щавинскому заняться техникой красок, чтобы иметь доброкачественные русские. Он начал; мы мечтали открыть при Школе поощрения целую техническую экспериментальную мастерскую. Но Щавинский был убит своим племянником. Полезная мысль завяла.

[1937]

В плане изучения основ рериховской живописи, несомненно, интересны заметки и С. Н. Рериха. В одном из своих эссе художник писал:

«Техника темперы, которую использую я сам и которой пользовался мой Отец, основана на применении минимума связующего вещества, когда пигмент остаётся как



Фрагмент картины Н. К. Рериха «Книга Голубиная» (1922) до реставрации. © ГМВ

можно более чистым. Можно вымывать краску, пропуская поверх неё холодную воду, но нельзя растирать её во влажном состоянии. Это отнюдь не простой материал. <…> …Но при этом нужно подготовить подмалёвок, – принцип тот же, что и при употреблении лессировок в масляной технике. <…>

В темпере роль лессировки, применяемой в масляной живописи, играет размывка жидкими, сильно разбавленными красками»[7].

О масляной живописи Святослав Николаевич отмечал следующее:

«В моей живописи маслом я часто пользуюсь <…> именно французскими красками. Может быть, я к ним привык, они мне как-то ближе, ими также работал и Николай Константинович. Но приготовляю и замешиваю краски сам. Считаю, что гораздо лучше писать свежими красками»[8].

Для более точного определения техники и с целью подбора состава клея по решению Реставрационного Совета ГМВ до начала реставрационных работ были проведены физико-химические исследования состава связующего в красочном слое. Результаты технико-технологического исследования образцов живописи и холста показали, что: «Рыхлость и тусклость красочных слоёв живописи связана с двумя особенностями: сильным разбавлением масляного связующего красочного слоя органическими растворителями и большим количеством инертного наполнителя – барита – в нём. Разбавленное масляное связующее красочных слоёв легко мигрировало в холст, пропитало его и с течением времени оказало деструктирующее воздействие на льняные нити холста»[9]. Таким образом, можно говорить о том, что связующим в красочном слое является всё-таки масло. Однако нужно отметить, что в поисках идеального цветоносного материала художник, часто экспериментируя, смешивал краски с различным связующим, поэтому нельзя исключить использования смешанной техники и в данной картине.

В процессе реставрации был подобран способ склеивания разрывов, подклейки закрытых отставаний холста от дублировочной основы, уточнены старые тонировки. На отдельных участках старые тонировки удалены и сделаны новые; уложен кракелюр в красочном слое на участках с использованием белил.

После завершения реставрационных работ картина смонтирована под музейное антибликовое стекло «Schott Mirogard® Plus», существенно сокращающее проникновение ультрафиолета. Основным преимуществом этого стекла является невидимость и, как результат, естественные цвета живописи демонстрируются зрителю без потери их первоначального качества.

В настоящее время произведение *«Книга Голубиная»* возвращено в постоянную экспозицию «Творчество Николая и Святослава Рерихов» Государственного музея Востока. Исследований в процессе реставрации ждут ещё многие работы этих замечательных русских художников. Технико-технологическая экспертиза и дополнительные архивные поиски, в том числе в дневниках и публикациях художников, способны внести новый вклад в изучение и сохранение художественной части Рериховского наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В учётной документации ГМВ она значится под названием *«Голубиная книга»*. В настоящем издании название уточнено по авторскому списку: *Трепша Г., Борисов Ю.* Авторский список художественных произведений (картин) Н. К. Рериха за 1917–1924 гг. с параллельными данными из списка в монографии «Roerich. Himalaya» (1926) и перечня В. В. Соколовского (1978) // Рериховский век: Каталог выставки. I. Живопись и графика / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Золотой век, 2009. – С. 38, 49.

[2] Государственный музей Востока (другие официальные названия: Государственный музей искусства народов Востока; Музей Востока) является одним из крупнейших культурно-просветительских центров, в котором наиболее полно представлено искусство Дальнего и Ближнего Востока, а также Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Казахстана, Бурятии, Чукотки (всего свыше 147.500 музейных экспонатов). 18 декабря 1991 г. Указом Президента Российской Федерации музей отнесён к особо ценным объектам культурного наследия России.

[3] *Рерих Н. К.* Врата в Будущее. – Рига: Виеда, 1991. – С. 94.

[4] *Рерих Н. К.* Из литературного наследия: К 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха / Под ред. М. Т. Кузьминой. – М.: Изобразительное искусство, 1974. – С. 170.

[5] *Бальмонт К.* Жар-Птица. Свирель славянина. – Москва: Скорпион. – 1907. – С. 45.

[6] Текст приводится по изд.: *Рерих Н. К.* Из литературного наследия: К 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха / Под ред. М. Т. Кузьминой. – М.: Изобразительное искусство, 1974. – С. 92–93.

[7] *Рерих С. Н.* Искусство и Жизнь / Пер. с англ.: Т. В. Кожевниковой, И. И. Нейч. – 2-е изд., испр. – М.: МЦР, 2007. – С. 57–58, 73.

[8] Цит. по: *Тюляев С. И.* Святослав Николаевич Рерих // Н. К. Рерих. Жизнь и творчество: Сборник статей. – М.: Изобразительное искусство, 1978. – С. 244.

[9] Исследования проведены в лаборатории «АртКонсалтинг». См.: *Борисов А. Н., Киреева В. Н.* Отчёт по материалам исследования органических материалов картины Н. К. Рериха «Голубиная книга». – М.: АртКонсалтинг, 2012. – 10 апреля. – 2 л., 6 рис.

Е. П. ЯКОВЛЕВА
(Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Государственный Русский музей; Санкт-Петербург)

О ВОПРОСАХ РЕСТАВРАЦИИ И ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. К. РЕРИХА И ЧЛЕНОВ ЕГО СЕМЬИ *

Дорогие коллеги, приветствую вас, участников Круглого стола, посвящённого важным и актуальным проблемам реставрации и экспертизы произведений Н. К. Рериха и членов его семьи. Приятно видеть среди вас коллег из Русского музея, Эрмитажа, Музея истории религии, Художественно-промышленной академии имени барона А. Л. Штиглица, Художественного училища имени Н. К. Рериха и других музеев и учебных заведений нашего города. Рада приветствовать и Ксению Рудзите – хранителя рериховской коллекции Национального художественного музея Латвии. Все мы в большей или меньшей степени связаны с художественным наследием Николая Константиновича Рериха.

Только что прозвучали доклады, посвящённые реставрации его произведений – икон из «Пермского иконостаса» и картины «Книга Голубиная». Слушая доклады, невольно ловила себя на мысли о том, какой многогранный художник Николай Константинович и как велик спектр его художественного наследия, которое включает работы для церкви, театра, искусство книги, монументальные и станковые полотна, нередко составлявшие целые серии.

Замечательно, что усилиями наших реставраторов при поддержке благотворительных фондов эти произведения возрождаются и обретают экспозиционный вид. Нельзя не отметить и то, что благодаря труду реставраторов, исследователи искусства художника получают возможность «заглянуть» в его творческую мастерскую. Особое значение это имеет при проведении экспертизы художественных произведений. Скрупулёзная работа реставраторов, безусловно, расширяет экспертный опыт исследователей творчества Николая Рериха.

Сегодня мне хотелось бы сказать и о важности международных музейных выставочных проектов, таких, каким был в 2010 г. проект «Рериховский век», ведь благодаря ему и Международному благотворительному фонду «Рериховское наследие» была проведена реставрация «Пермского иконостаса». Радует также деятельность Музея-института семьи Рерихов, постоянно заостряющего внимание на обсуждении сущностных проблем Рериховского наследия. Сегодняшний Круглый стол – значимый шаг в этом направлении.

Материалы о реставрационной работе Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, изложенные здесь В. Л. Мельниковым, подсказали мысль о том, что, может быть, стоит одно из заседаний рериховских конференций посвящать вопросам реставрации и экспертизы произведений изобразительного искусства, приглашая на них про-

* Выступление на Круглом столе «Принципы реставрации художественного наследия семьи Рерихов», состоявшемся 10 октября 2012 г. в Зале Совета Государственного Эрмитажа. Приводится по стенограмме. – *Примеч. научного редактора.*

фессиональных реставраторов, экспертов, исследователей и хранителей работ Рерихов и других художников.

Как известно, антикварный рынок буквально наводнён фальшивыми работами Н. К. Рериха, что, во многом, обусловлено постоянно возрастающей стоимостью подлинных полотен художника на крупных мировых аукционах. Мне неоднократно доводилось встречать сомнительные вещи, и должна признаться, что далеко не всегда могла однозначно ответить, оригинал это, копия или подделка. К сожалению, не всегда знаю и о том, что думают об этом коллеги-эксперты. Поэтому важно выработать такой алгоритм профессионального общения, при котором можно было бы показать коллегам ту или иную работу, рассказать о ней, послушать мнение других экспертов, реставраторов и историков искусства, исследующих фактуру холста, технику исполнения или историю бытования произведения. Подобно тому, как представлялось это сегодня в докладах, следовало бы дать возможность высказаться реставраторам и учёным, которые могут добавить что-то новое из техники и технологии художественных материалов, малоизвестной периодики, дневников, воспоминаний. В конечном итоге, сообща, можно решать многие проблемы, касающиеся произведений Рерихов и других художников, требующие изучения, дополнения, уточнения, из самых разных музейных и частых коллекций.

Общеизвестно, что только в Санкт-Петербурге, в Русском музее, хранится свыше трёхсот произведений живописи Николая Константиновича Рериха, в Эрмитаже – буддийские танки и полотна «голландцев» и «фламандцев» из художественного собрания Рерихов. Активно стремится пополнять свои коллекции и Музей-институт семьи Рерихов. Таким образом, всем нам есть над чем работать.

А. А. БОНДАРЕНКО, В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – КРУПНЕЙШИЙ ЦЕНТР РЕСТАВРАЦИИ РЕРИХОВСКОГО НАСЛЕДИЯ

Прошедший 10 октября 2012 г. в Зале Совета Государственного Эрмитажа Круглый стол «Принципы реставрации художественного наследия семьи Рерихов» выявил целый ряд проблем и вопросов, которым в будущем необходимо посвятить не одно научно-практическое мероприятие.

Всех присутствующих порадовали крупнейшие хранители Рериховского наследия в мире. Никто не сидит, наблюдая сложа руки, как разрушается со временем то, что «необходимо хранить вечно».

Заведующая лабораторией научной реставрации восточной живописи Государственного Эрмитажа Елена Григорьевна Шишкова с большим интересом откликнулась на приглашение принять участие в нашем заседании. В своём кратком выступлении она обещала в будущем представить результаты своих работ, главным образом, касающихся коллекции тибетской живописи. Она отметила, что реставраторам бывает полезно послушать доклады о творческой деятельности семьи Рерихов и их взаимоотношениях с другими известными семьями, очень значимыми для

нашего общества и мировой культуры. Ещё она обратила внимание на то, что Государственный Эрмитаж в смысле перспектив научной реставрации Рериховского наследия – уникальное комплексное учреждение, поскольку здесь сосредоточены самые разные культурные сокровища, созданные или собранные Рерихами в самых разных техниках и материалах: масло, темпера, водоразмываемые краски, на холсте, на бумаге, на картоне и т. д. Это разнообразие, убеждена Елена Григорьевна, может служить основой для будущих обсуждений, конференций, лекций и семинаров.

Художник-реставратор высшей категории Государственного Русского музея Нина Исаевна Русакова также порадовала своим участием в нашем Круглом столе. Взяв слово, она рассказала об огромном опыте работы с Рериховским наследием, накопленном в её музее. Достаточно вспомнить работу по подготовке к экспонированию *«Богатырского фриза»* Н. К. Рериха. В своей деятельности Нина Исаевна часто сталкивается с темперой и с техникой клеевой живописи или смеси масел, поэтому ей было очень интересно послушать доклад коллег из Государственного музея Востока. С 1990 г., когда возникла как самостоятельное подразделение Государственного Русского музея мастерская реставрации живописи смешанных техник, где работает Н. И. Русакова, наработано достаточно много интересных методик, о которых, мы надеемся, ещё услышат будущие участники наших конференций. Выступая 10 октября 2012 г., Нина Исаевна рассказала о тяжёлой проблеме «ре-реставрации», то есть переделки предыдущих реставраций из-за того, что любые материалы имеют свой срок годности, со временем устаревают и нуждаются в обновлении. По её словам, коллекция Н. К. Рериха в Государственном Русском музее находится в благополучном состоянии. Такая ситуация сложилась ещё и потому, что петербургские реставраторы хорошо знакомы со взглядами самого Н. К. Рериха на природу реставрации, которую он воспринимал, прежде всего, как консервацию или «поддержание». Вот и Нина Исаевна старается использовать в своей практике самые щадящие методы.

На многих поднятых примерах мы увидели, что город на Неве – крупнейший современный центр реставрации, где выполняются работы самого разного профиля и сложности по поддержанию икон, предметов буддийского искусства, живописи и графики самих Рерихов, их книг, рукописей, археологических коллекций и многого другого, что входит в сложный комплекс Рериховского наследия. Ещё одним недавним достижением была подготовка к экспонированию в Константиновском дворце в Стрельне полотна Н. К. Рериха «*Сокровище Ангелов*», которому петербургские реставраторы, по существу, дали вторую жизнь. В Государственный комплекс «Дворец конгрессов» это масштабное произведение поступило в рулоне, с многочисленными утратами и повреждениями, но теперь полностью возрождено и украшает раздел экспозиции, посвящённый семейному собранию М. Л. Ростроповича и Г. П. Вишневской (инв. № КД Ж 125). Другой пример – икона «Преображение», написанная Н. Исаченко около 1910 г. под руководством Н. К. Рериха в Иконописной мастерской Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств, когда-то подаренная лично Николаем Константиновичем храму Перво-

го стрелкового Его Величества лейб-гвардии полка в Царском Селе. Она тоже была отреставрирована в Санкт-Петербурге, и сделано это было к выставке «Рериховский век» силами специалистов Государственного музея истории религии, где она хранится (инв. № Б-9101-1V, КП-37209).

Реставрационная работа Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по сравнению с перечисленными учреждениями имеет более скромные масштабы, но и наш музей старается поддерживать всё то, что всем нам досталось от нашей основательницы Людмилы Степановны Митусовой. За десятилетнюю историю через нашу Реставрационную комиссию прошли уже десятки икон, картин, документов, фотографий, предметов декоративно-прикладного искусства, включая мебель и ювелирные украшения, ткани и посуду, и т. п., но ещё многое предстоит сделать. Поэтому мы, конечно, очень нуждаемся в опыте состоявшихся музеев, в данном случае – в сфере реставрации и консервации художественных произведений. Мы благодарны всем коллегам за доброе отношение и помощь. Очень надеемся на продолжение дальнейшего сотрудничества!

К. И. НОВОСЕЛЬСКИЙ
(Русское Географическое общество; Москва)

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ РЕРИХОВ, ИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ, СОТРУДНИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРАКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-КАРТ

1. Современные коммуникативные технологии дают возможность более глубоко исследовать творческий путь человека и более наглядно и образно представить результаты работы. Одним из таких новых инструментов становится создание Интернет-карт детальной локализации всех известных точек Земли, где происходили важные события в жизни, на базе ресурса *Google Maps*. Ценность получаемых таким способом результатов – в первую очередь, для целей увековечения и организации мемориального туризма – трудно переоценить.

2. В качестве пилотного проекта нами разработана рубрикация таких карт, созданы и размещены в сети пробные варианты карт жизни и деятельности семьи Рерихов (http://g.co/maps/efgbd), Е. П. Блаватской (http://g.co/maps/2g8ja), П. Ф. Беликова (http://g.co/maps/pcwqp) и Н. Д. Спириной (http://g.co/maps/cgzyt). В легенде отражены: важнейшие события в жизни человека в хронологическом порядке; музеи и архивы, где хранятся результаты его творческой деятельности; названные в его честь географические объекты (горы, улицы, аллеи и т. п); маршруты его дальних поездок и другое (в зависимости от индивидуальности).

3. Каждая мемориальная пространственная точка должна быть локализована на детальном космическом снимке с точностью до первых десятков метров. К каждому пункту прилагается описание в виде всплывающего окна, содержащего следующие элементы: название события и его принятое условное обозначение, его

Print screen одного из разделов карты жизни и деятельности семьи Рерихов, созданной на основе технологии *Google Maps* (http://g.co/maps/efgbd)

участники, время и место, почтовый и электронный адреса, фото и видео иллюстрации, ссылки для дальнейшего изучения.

4. Самое полезное свойство внедряемой технологии – карта легко исправляема и никогда не примет окончательный вид. Автор на своё усмотрение устанавливает уровень доступа иных экспертов к редактированию документа и обеспечивает таким образом сотворчество.

5. Проект является саморазвивающимся: в ходе поиска и уточнения адресов объектов и событий часто неожиданно выявляются те, о существовании которых автор и не догадывался. Например, при составлении карты «Держава Рериха» «всплыли» Рериховский центр духовной культуры в Ульяновске, улица Рериха в Кривом Роге Днепропетровской области, улица Николая Рериха в Риге, аллея Рериха в Омске, Центр искусств «Карнатака Читракала Паришат» на юге Индии, Музей Знамени Мира в Бильбао (Испания), Дом Учителя в Нью-Йорке, городок Рерик в Германии и многое другое.

6. В качестве источников биографической информации для составления интерактивных карт используются как традиционные (монографии, энциклопедии, публикации в СМИ, фильмы), так и новые электронные (адресная база *maps.google.com*, географический справочный ресурс *wikimapia.org*, игра по любознательному навигационному ориентированию *geocaching.su* и многое другое).

7. В проекте предусмотрена привязка к разработанным электронным ресурсам уже много лет существующих центров Рериховского наследия, таким как *www.icr.su*, *www.roerich.org*, *www.roerich.spb.ru*, *www.orientmuseum-roerich.ru* и др.

И. С. ВОЗМИТЕЛЬ
(Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”»; Минск)

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА БИБЛИОТЕКИ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Процесс развития информационного общества подразумевает профессиональное владение навыками работы с Интернет-инструментами (термин, который появился недавно, но уже широко применяющийся). Критическое восприятие информации и оценку её точности и корректности необходимо воспитывать и развивать, используя интерактивные методы в работе библиотек с читателями. Общественная гуманитарно-эстетическая библиотека Белорусского фонда Рерихов (Минск) выступает как пример уникальной экспериментальной площадки новых методов и форм библиотечной работы.

Развивающаяся глобализация экономических, политических, социальных и культурных процессов в информационном обществе стремительно ускоряется с прогрессом Интернет-технологий. [**2**; **8**]. Приведём некоторые актуальные на данный момент статистические данные:

– объём информации, еженедельно публикуемой в газете «New York Times» (США), превышает объём данных, какой в XVIII в. человек получал за всю свою жизнь (из доклада компании «Cisco») [**6**; **7**];

– за 210 лет своего существования крупнейшая в мире Библиотека Конгресса США накопила более 29 млн. книг и периодических изданий, 4,8 млн. карт, 2,7 млн. записей и 57 млн. манускриптов; сегодня аналогичный объём цифровой информации генерируется за пять минут [**6**].

И далее – прогнозы на ближайшее будущее [**7**]:

– в 2015 г. всего за 12 месяцев будет создан объём информации, равный 92,5 млн. библиотек Конгресса США: корпоративный IP-трафик сгенерирует около 100 эксабайт; ещё 100 эксабайт сгенерируют загрузка фильмов и одноранговый пользовательский обмен файлами; видеокоммуникации и виртуальные миры сгенерируют около 400 эксабайт;

– к 2015 г. глобальное онлайновое видеосообщество вырастет на 500 млн. пользователей (в 2010 г. оно насчитывало более 1 млрд. участников);

– к 2015 г., по прогнозам компании Cisco, количество сетевых устройств может превысить 15 млрд., то есть вдвое превысит население нашей планеты, и ежесекундно в мире будет передаваться один миллион минут интернет-видео;

– к 2015 г. в мире будет около 3 млрд. Интернет-пользователей, что составит более 40 % населения нашей планеты.

Надо отметить, что прогнозы начинают осуществляться. Именно Интернет-технологии являются основой глобальной информационной системы Земли. Гражданин информационного общества всё больше и больше становится потребителем – пользователем компьютерных инструментов. Перечислим необходимые качества, которые имеют высокий ранг в перечне профессиональных компетенций

специалиста: (а) овладение способами непрерывного приобретения новых знаний; (б) умение учиться самостоятельно; (в) освоение навыков работы с любой информацией, разнородными и противоречивыми данными; (г) формирование навыков креативного типа мышления; (д) трансформация приобретённых «знаний, умений и навыков» в соответствии с изменившимися требованиями социума. Каждый из этих пунктов подразумевает грамотное и уверенное использование Интернет-инструментов для работы с информацией, которая остаётся причиной и следствием любого творческого процесса. В соответствии с предложенной Х. Лау схемой [**3**] этот процесс можно разделить на три этапа:

(1) *получение информации* – пользователь отбирает информацию рационально и эффективно;

(2) *оценка информации* – пользователь оценивает информацию критически и компетентно;

(3) *использование информации* – пользователь применяет / использует информацию точно и творчески.

Критическое восприятие информации и оценка её точности и корректности находятся в прямом соответствии с образованностью человека, с уровнем воспитанности его эстетического чувства. Каждый человек владеет своего рода фильтром, или, говоря словами А. Пуанкаре [**4**], «тонким решетом», действующим на уровне глубинных структур сознания, а именно – «специальной эстетической чувствительностью», то есть способностью воспринимать гармоничность и красоту получаемой информации. Воспитание эстетического восприятия красоты и гармонии получаемой информации и развитие кругозора – это две грани общего процесса создания нового человека информационного общества. Их гармоничное равновесие является сейчас сверхактуальным. Необходимость формирования навыков креативного типа мышления перекликается с утверждением А. Пуанкаре, который считал, что именно «это специальное эстетическое чувство играет роль того тонкого критерия», которое лежит в основании «способности творца единым чувственным взором схватить гармонию», из чего следует, что «тот, кто лишен её, никогда не будет истинным творцом» [**4**, 46].

Итак, будем надеяться, что новая мировая эпоха, эпоха информации как базиса, будет эпохой, императивом которой, как указывает Н. А. Бердяев, является «творить красоту во всём и везде, в каждом акте жизни», и будет началом вступления в «эпоху Духа, эпоху любви и свободы» [**1**, 457].

Ещё один аспект необходимо отметить. Каждый культурный памятник, а книги также относятся к этой категории, по мнению Н. К. Рериха, обладает не только исторической, но и неповторимой эстетической ценностью. «Клад захороненный» – то, что сокрыто в памяти народа, то, что составляет внутреннюю суть человека. «Клад захороненный» – наследие культуры, то, что соединяет пространство и время. Взаимодействие культур разных народов происходит различными способами, происходит в разных сферах, в том числе взаимодействие культур происходит и в виртуальном пространстве. Насущным в настоящее время является воспитание способности увидеть красоту и гармонию виртуального общения, воспитывать

умение творить в пространстве сети Интернет гармонично. Также умение создавать свои светлые подпространства в Интернет-реальности относится к качествам человека Нового времени.

Электронные источники знаний становятся основным поставщиком фактов, аналитики и разнообразных сведений. Однако актуально по-прежнему звучат слова Е. И. Рерих, сказанные в 30 июня 1934 г.: «Так пусть никто не думает, что чтение книг запрещается, – это ересь. Но пусть умеют разбираться в достоинстве их» [**5**, 221]. Что читать, каких авторов, какие книги выбрать во всё возрастающем потоке информации, как почувствовать истинную красоту и – соответственно – правду, как научиться грамотно и профессионально владеть Интернет-инструментами? Ответы на эти жизненно важные вопросы можно получить только от наставника, который и будет проводником, настоящим «лоцманом» в море информации.

Невзирая на то, что сейчас широко распространены электронные книги, ценность живой книги и живого общения не теряет своего значения, а только возрастает. Библиотека нового формата, формата информационного общества, необходимо должна учитывать изменяющуюся реальность. Интерактивность становится важным акцентом взаимоотношений библиотеки и читателей. Надо отметить, что многие методы и формы работы Национальной Библиотеки Республики Беларусь можно назвать присущими именно информационному обществу (конечно же, это и электронный каталог, и удалённый доступ, и разнообразные художественные выставки, и многое другое).

Ещё одна уникальная библиотека вот уже более 20 лет существует и успешно работает. Это Общественная гуманитарно-эстетическая библиотека Белорусского фонда Рерихов: *belfondroerichs.narod.ru*. Книжный фонд собран и по сей день пополняется на добровольных началах. Разнообразием он удивит и искушённых читателей, причём как самых старших, так и самых юных. Фонд библиотеки содержит поистине уникальные издания (прижизненные издания философов XIX в., редкие малотиражные книги, художественные альбомы). Особое место занимают книги, являющиеся драгоценным культурным наследием семьи Рерихов (представлены более полно, нежели во всех библиотеках Беларуси). Широко освещены в материалах библиотеки Пакт Рериха и Знамя Мира.

Но не только редкими изданиями интересна эта библиотека. Интерактивность – качество нового информационного общества. И именно это качество на протяжении 10 лет совершенствуется сотрудниками Общественной библиотеки посредством проведения различных культурно-просветительских мероприятий (вернисажи художников, театральные кружки для юношества и т. д.). Каждое второе воскресенье месяца за «круглым столом» собираются читатели. За эти годы свет знаний и красоты, таящихся в слове, рифме, образе, философском символе, проявил в каждом из участников «эстетическую чувствительность» [**4**]. Посредством анализа прочитанных книг происходит воспитание и развитие креативности мышления и, соответственно, развитие способности применять информацию точно и творчески, и далее – к развитию распознавания элементов манипулирования, распознавания некорректной информации и т. д.

Дополнительными Интернет-инструментами Общественной гуманитарно-эстетической библиотеки Белорусского фонда Рерихов являются также информационные странички *belfondroerichs.by* и *belfondroerichs.blogspot.com.*

Резюме. Интернет-инструменты как продукт нового информационного общества обладают двойственными характеристиками, то есть одновременно являются и сверхвозможностями, и сверхугрозами. Потребность предотвратить негативные последствия взаимодействия пользователей с виртуальным пространством приводит к пересмотру привычных способов функционирования библиотек, усиливая просветительские, образовательные, гуманистические аспекты.

ИСТОЧНИКИ

1. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с. – (Серия «Из истории отечественной философской мысли»). – Приложение к журналу «Вопросы философии».
2. *Игнатьев В. И.* Россия в информационной цивилизации: проблемы вхождения и национальная специфика // Социальная онтология России: Доклады II Всероссийских Копыловских Чтений (Новосибирск, 3–7 марта 2008 г.) / В. И. Игнатьев, Ф. И. Розанов. – Новосибирский государственный технический университет, 2008. – (Депонировано в ИНИОН РАН 21 апреля 2008 г., № 60543). – С. 103–121.
3. *Лау Х.* Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни. – М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 45 с.
4. *Пуанкаре А.* «Mathematical Creation» // Пуанкаре А. Наука и метод / Пер. с фр. Бориса Кореня под ред. Н. А. Гесехуса. – СПб.: Н. П. Карбасников, 1910. – [2], 238, [1] с.
5. *Рерих Е. И.* Письма: В 2 т. / Предисл. Л. В. Шапошниковой. – Минск: Белорусский фонд Рерихов; ПРАМЕБ, 1992. – Т. 1. – 442, [2] с.
6. *Эванс Д.* Как оседлать лавину информации // Интернет-портал *www.cisco.com*. – Режим доступа (22.08.2012): http://www.cisco.com/web/RU/news/releases/txt/2010/072110.html.
7. Cisco: к 2015 г. объём Интернет-трафика может вырасти в четыре раза. – Сан-Хосе (Калифорния). – 2011. – 1 июня. – Интернет-портал www.cisco.com. – Режим доступа (31.08.2012): http://www.cisco.com/web/RU/news/releases/txt/2011/060111b.html.
8. Information Age: Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell Publishers. – 1996–1998. – Vol. I–III.

В. Ю. ЖУКОВ
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет; Санкт-Петербург)

О ВОЗМОЖНЫХ АЛГОРИТМАХ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРЕДШЕСТВЕННИКАМ, СОТРУДНИКАМ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Историю делают люди, известные и неизвестные, знаменитые и простые. Познание их жизненного пути, творческих достижений и основных вех их биогра-

фии – важный способ изучения прошлого, той или иной научной проблемы через «человеческий фактор». **Биографический метод** незаменим при написании биографического очерка о жизни человека, внёсшего значительный вклад в развитие своей области деятельности, оставившего заметный след в науке, искусстве, политике, истории культуры.

Изучение истории семьи Рерихов, их предшественников, сотрудников и последователей тоже требует применения биографического метода. В нашем исследовании мы коснулись различных алгоритмов (схем) написания биографических очерков при творческом заполнении биографической анкеты.

1. Фамилия (для замужних женщин также девичья фамилия), имя, отчество персонажа. Псевдонимы (если были) и по возможности их расшифровка (смысл и происхождение).

2. Годы, даты (по старому и новому стилям) и место рождения и смерти.

3. Происхождение, семья (дед, бабушка, отец, мать, братья, сёстры).

4. Детство. Получил домашнее образование или где и какую гимназию (другое) окончил, как учился. Известные одноклассники.

5. Где, когда и в какой вуз поступил, как учился. Где, когда и какой вуз, факультет, отделение окончил, с каким результатом. Известные однокурсники и однокашники.

6. Учителя. Любимые учителя, давшие «путёвку в жизнь». Их отзывы о персонаже.

7. Творческие планы и мечты.

8. Черты внешности (словесный портрет), характера и поведения персонажа (манера общаться, говорить, одеваться).

9. Семья (жена, дети) и родственные связи. Профессия и карьера детей.

10. Источник средств к существованию.

11. Место жительства и переезды (адреса). Образ и условия жизни (черты быта).

12. Поездки по стране и выезды за границу (куда, с какой целью и продолжительностью). Был ли в эмиграции. Владение иностранными языками (какими, в какой мере).

13. Этапы и достижения служебной, научной и творческой деятельности (карьера): (а) место (места) основной службы и совместительства (годы поступления и окончания); (б) должности (годы пребывания в должности); (в) темы и годы защит кандидатской и докторской диссертаций (если были); (г) учёные степени (годы присуждения) и звания, почётные звания и награды (годы присвоения).

14. Участие в научных, общественно-научных, литературно-художественных, политических (партии) обществах и организациях; в периодической печати; в исторических событиях (войны, революции, государственные или политические кампании и мероприятия).

15. Круг знакомств: коллеги, друзья, знакомые. Встречи с историческими личностями (взаимные свидетельства и оценки встреч).

16. Отношение к персонажу современников: (а) властей; (б) начальства; (в) коллег; (г) друзей; (д) знакомых и незнакомых людей.

17. Подвергался ли репрессиям (аресты, высылки, ссылки, тюрьмы, лагеря)? Если да, – за что, когда, на какой срок, и с какими для себя последствиями. Реабилитация (когда?).

18. Отношение персонажа: (а) к религии; (б) к женщинам (мужчинам); (в) к детям; (г) к животным; (д) природе; (е) алкоголю; (ё) к революции; (ж) к власти; (з) к тем или иным существенным для его области деятельности и общественно значимым проблемам.

19. Индивидуальные особенности творческого метода, манера работать, распорядок дня, привычки.

20. Отвлечения от основной работы: научная (в других областях знания), художественная, общественная (включая благотворительную), политическая деятельность.

21. Отдых, увлечения (хобби) и развлечения (досуг): путешествия, охота, спорт, шахматы, книги (круг чтения, любимые авторы), собирательство и коллекционирование, рукомесло и прочее.

22. Счастливые или трагические случайности, подарки или удары судьбы.

23. Когда, от чего и при каких обстоятельствах умер; где похоронен; сохранилась ли могила; имеются ли надгробный памятник и эпитафия на нём.

24. Место в истории и профессиональной области деятельности; вклад в свою и другие области знания (деятельности) – основные профессиональные достижения: (а) проекты и их осуществление – постройки (их предназначение и архитектурные стили) (если имел отношение к архитектуре); (б) научные гипотезы, теории и методы; (в) изобретения; (г) книги; (д) картины и иные виды художественного творчества; (е) театральные роли; (ё) успехи на педагогическом поприще; (ж) и проч.

25. История профессиональных достижений и их оценки специалистами-профессионалами – современниками и потомками, отечественными и зарубежными; элементы новаторства (что нового по сравнению с предшественниками и уровнем своего времени привнёс); создал ли школу.

26. Что оставил после себя: (а) ученики, последователи; (б) научное (труды), литературное (беллетристика, мемуары, дневники) и эпистолярное (переписка) наследие (в том числе неопубликованное); (в) отложился ли (и где) архивный фонд; (г) используется ли, насколько актуально и как оценивается в настоящее время сделанное персонажем; (д) литература, документальные и художественные фильмы, музейные экспозиции о нём.

27. Памятники персонажу: (а) городская скульптура; (б) присвоение его имени местности (город, район, улица, элемент природного ландшафта на Земле и в космосе), учреждению, художественному стилю, научному изобретению, методу или эффекту; (в) благодарная (добрая) память потомков; (г) иконография персонажа, его родных и его достижений (фотографии, книги, картины, постройки, изобретения, приборы, механизмы и прочее); (д) его надгробия, кенотафы, мемориальные доски.

А. А. БОНДАРЕНКО, Н. В. КУКЛИК, В. Л. МЕЛЬНИКОВ, Д. Н. МЕЛЬНИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

КАРЕЛО-ФИНСКИЕ МАРШРУТЫ В ПРОГРАММАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА СЕМЬИ РЕРИХОВ

Глубокий интерес к истории и культуре скандинавских стран, прибалтийского региона, не ослабевающий на протяжении многих лет, характерен для творчества художника, путешественника, археолога, общественного деятеля Николая Константиновича Рериха.

Этому способствовало, в том числе, сознание своих скандинавских корней, и проникновение в особенности этнической и археологической карты местности северо-запада России в ходе научных исследований и поездок.

Известно, что история русского народа тесно связана с населявшими соседние области народами, а подчас и проживавшими на территории русских княжеств. Литовцы и латыши на северо-западе, на северо-востоке – финны. В крупных городах постоянно жили торговые иноземцы, как, например, в Великом Новгороде –

шведы и немцы. Территория современной Ленинградской области исторически являлась зоной контакта финно-угорских народов и славян. И до сих пор является местом компактного проживания отдельных малых народностей: ингерманландских финнов, ижоры, вепсов, води, карел.

В целом, исследовательская и общественная деятельность Н. К. Рериха стала ярким примером благотворного влияния на взаимопроникновение культур России, Финляндии, Эстонии, отчасти Латвии.

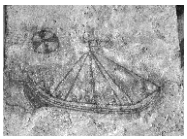
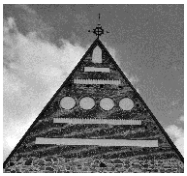
Одним из самых «красивых среди задач историко-художественных» Н. К. Рерих называет «скандинавский вопрос», затронутый им ещё во время путешествия в 1899 г. по великому водному пути «из Варяг в Греки». Он называл колонизацией проникновение на Восток с X в. скандинавских племён, окончательно осевших в западной части Финляндии. По его наблюдению, приморские и островные могильники говорят о нахождении скандинавов особенно в западной Финляндии. «Культура северных побережий, богатые находки Гнёздова, Чернигова, Волховские и Верхне-Поволжские, – всё говорит нам не о проходной культуре Севера, а о полной её осёдлости... Чувствуется... что внесена культура не случайными прохожими, она укреплена среди местной жизни, она сроднилась с общим бытом, принята населением не поверхностно» («Древнейшие финские храмы», 1908). Учёный утверждал, что «скандинавский век» оставил, несомненно, прекрасный след во многих сферах жизни славянских племён.

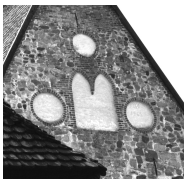
В ключе рериховских исследований проходит музейно-экскурсионный маршрут по Финляндии и Карелии, подготовленный сотрудниками Музея-института семьи Рерихов на основе статьи Н. К. Рериха «Древнейшие финские храмы» и ряда других его публикаций и писем 1907–1918 гг.

Приведём здесь в подробной росписи ту часть маршрута, которая находится на территории современной Финляндии. Эта часть была апробирована экскурсионной группой Музея-института семьи Рерихов 6–11 июня 2011 г. Основные пункты этого маршрута соответствуют упомянутым Н. К. Рерихом географическим названиям. Для удобства будущих путешественников мы приводим все названия в оригинальном местном написании, что соответствует и подходу Н. К. Рериха, который использовал в статье или названиях некоторых своих произведений именно оригинальные местные (карельские, финские, шведские) топонимы.

№	Символическое изображение	Название пункта на финском языке	Место на карте	Адрес основного объекта
1		Lappeenranta. Linnoitus. Pokrovan ortodoksinen kirkko.	61°03′30″N, 28°11′10″E	Kristiinankatu 3, Linnoitus, 53900 Lappeenranta

2		Imatra. Imatrankoski.	61°10′14″N 28°46′40″E	Imatrankoski, 55100 Imatra
3		Punkaharju. Naaranlahti (*www.naaranlahti.com*).	61°47′38″N 29°37′13″E	Kesälahdentie 1614, 58520 Hiukkajoki
4		Savonlinna. Olavinlinna.	61°51′51″N 28°53′55″E	Olavinlinna, 57130 Savonlinna
5		Hämeenlinna. Hämeen linna. Hämeenlinna Town Hall.	60°59′46″N, 24°27′54″E	Raatihuoneenkatu 15, 13100 Hämeenlinna (Hämeenlinna Town Hall)
6		Hämeenlinna. Ahveniston ortodoksinen kirkko	60°59′19″N 24°24′58″E	Ahvenistontie 20, 13500 Hämeenlinna
7		Hattula. Pyhän Ristin kirkko (1514–1516)	61°03′03″N, 24°23′25″E	Vanhankirkontie 41, 13720 Parola
8		Rauma. Ruandla (*www.oldrauma.fi*).	67°07′41″N, 21°30′39″E	Isokirkkokatu 9, 26100 Rauma
9		Rauma. Pyhän Ristin kirkko (1515).	67°07′47″N, 21°30′44″E	Luostarinkatu 1, 26100 Rauma

10		Taivassalo. Pyhän Ristin kirkko (1425–1440).	60°33′47″N, 21°36′27″E	Pappilantie 10, 23310 Taivassalo
11		Naantali. Pyhän Birgitta kirkko (1443).	60°28′16″N, 22°00′55″E	Nunnakatu 2, 21140 Naantali
12		Rymättylän kirkko (1510).	60°22′37″N, 21°56′32″E	Taipaleentie 4, 21140 Naantali
13		Harjattulan kartano (*www.harjattula.fi*).	60°22′18″N, 22°17′55″E	Harjattulantie 80, 20960 Turku
14		Nousiainen. Pyhän Henrikin kirkko (около 1430).	60°36′57″N, 22°07′42″E	Kirkkotie 214, 21270 Nousiainen
15		Turku. Räntämäki. Maarian kirkko (начало 1440-х).	60°28′24″N, 22°17′36″E	Maunu Tavastin katu 2, 20380 Turku
16		Liedon Pyhän Pietarin kirkko (1470–1480-е).	60°30′30″N, 22°27′00″E	Kirkkotie 14, 21420 Lieto
17		Sauvo kirkko (1460–1470-е)	60°20′33″N, 22°41′56″E	Sauvontie 50, 21570 Sauvo

18		Kemiön kirkko (1469) (посвящена Св. Андрею).	60°10′08″N, 22°44′43″E	Suomenkulmantie, 25700 Kimito (Kemiö, Kemiönsaari)
19		Perniö kirkko (1460–1480).	60°12′10″N, 023°07′37″E	Lupajantie 6, 25500 Perniö, Salo
20		Raasepori. Pyhän Marian kirkko (1400-e).	60°05′45″N, 23°31′22″E	Orkdalintie 6 10420 Pohjankuru
21		Lohja. Pyhän Laurin kirkko (1470–1490-e).	60°15′11″N, 24°04′04″E	Kirkkokatu 1, 08100 Lohja
22		Lohjan museo (*palvelut.lohja.fi/museo*)	60°15′23″N, 24°04′15″E	Rovastinkatu 4, 08100 Lohja
23		Siuntion Pyhän Pietarin kirkko (1460–1489).	60°10′37″N, 24°12′15″E	Suitiantie 51, 02570 Siuntio
24		Espoon tuomiokirkko, Espoo Cathedral (1480-e).	60°12′33″N, 24°39′07″E	Kirkkopuisto 5, 02770 Espoo
25		Tarvaspää. Gallen-Kallelan museo (*www.gallen-kallela.fi*).	60°12′22″N, 24°50′18″E	Gallen-Kallelan tie 27, 02600 Espoo

А. К. МАЗАЕВА-КАНЕНГА, В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МАРШРУТОВ МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА СЕМЬИ РЕРИХОВ

(ЕЩЁ ДВЕНАДЦАТЬ ПРЕДАНИЙ ИЗ АРХИВА Н. К. РЕРИХА)

Перефразируя одно из высказываний выдающегося учёного, востоковеда с мировым именем Ю. Н. Рериха[1], можно утверждать, что многие места Ленинградской области и смежных с ней регионов Севера Европы скрывают от современной цивилизации древние свидетельства культуры и верований, в которых и этнографы могут найти неисчерпаемые источники для исследования, и люди, далёкие от серьёзных исследований, но живо интересующиеся историей и культурой, могут получить множество новых впечатлений и знаний. Чего стоят костюмированные праздники, ритуалы, обычаи и символы, священные рощи и народные предания, которые представляют огромный интерес! В России необходимо не только изучать историю, фольклор, диалекты, языки и материальную культуру народов, живущих на её территории, но и делать максимально доступными и удобными для культурного ознакомления различные уголки страны. Говоря о работе в этом направлении Н. К. Рериха, мы отмечаем, что ещё во время учёбы в Санкт-Петербургском университете сформировались его историко-культурные взгляды, практические навыки обработки исторических источников, юридических документов, археологических памятников и памятников архитектуры и письменности. По окончании университета они сразу же нашли своё применение в стенах Императорского Петербургского Археологического института, куда Н. К. Рерих пришёл с подачи своих университетских преподавателей-историков, активно поддерживавших его научную работу. Став археологом, историком, этнографом, он понимал ценность той информации, которая заложена в фольклоре и во всех сопровождающих археологические памятники устных традициях. В архиве Археологического института, бывшем, по существу, учреждением дополнительного образования для выпускников высших учебных заведений, обнаруживается множество интересных материалов на эту тему. Это письма священников, земских учителей, уездных исправников, приставов, которые в 1899–1902 гг. присылали Н. К. Рериху по его просьбе разные сведения из близких и дальних уголков Санкт-Петербургской губернии[2].

Начав изучать и собирать в этот период различные полулегендарные и исторические сведения, он связывает их с искусством, с творческим процессом. Значительная часть материалов была подобрана по памятникам Северо-Запада России и вошла во вторую часть до сих пор остающегося уникальным курса «Художественная техника в применении к археологии». Исходя из задач нашего исследования, мы не будем здесь подробно описывать особенности данного учебного курса, который Николай Константинович начал преподавать в Петербургском Археологическом институте в

1898 г., но скажем, что вторая его часть представляла собой очерк истории искусств на Руси («Художники Древней Руси»). За рамками изданных частей курса осталась довольно интересная и обширная работа, которая была проделана Н. К. Рерихом в качестве редактора – руководителя группы составителей Археологической карты Санкт-Петербургской губернии. Собранная им документация уже была одним из авторов данной статьи классифицирована на двенадцать групп преданий по признаку отношения к тому или иному тематическому типу[3]. Были выявлены предания: (1) об особых возвышенностях; (2) о пустынниках, победителях и строителях; (3) о богатырских местах; (4) о древних крестах; (5) о шведских могилах и «Литовском разоренье»; (6) о святочтимых деревьях и заповедных лесах; (7) о древностях ингерманландских финнов, води и ижоры; (8) об особых древних камнях; (9) о кладах; (10) о городищах, погостах и городах; (11) о храмах и их святынях; (12) о монастырях. В связи с тем, что данные материалы остаются востребованными в процессе формирования культурно-образовательных маршрутов, приведём здесь по одному преданию из каждой группы – из тех, что ещё не были опубликованы.

1. Доломанова могила

Близ деревни Хреля[4], на юго-восток от погоста Доложского[5], в шести верстах от него, возвышается холм, называемый «Доломанова могила». По преданию, этот Доломан был страшный разбойник XVII столетия; шайка его гнездилась здесь в глубоком, на несколько вёрст протягивающемся овраге; он слыл волшебником, которого нельзя было убить пулею, и он был убит серебряною пуговицею.

Источники: **1.** *Полосухин Г. П.,* учитель Доложского земского училища. [Сообщение об окрестностях погоста Доложского Константиновской волости учителя Доложского земского училища]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 1. Л. 3; **2.** *Кильчевский* [Гдовский уездный исправник]. Сведения об археологических древностях по городу Гдову и Гдовскому уезду. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 2. Л. 2 об.

2. Карп Данилович Колека, победитель и иконописец

Из часовен замечательна часовня в деревне Кушеле, при Иванском ручье, устроенная там, где, по народному преданию, псковский посадник Карп Данилович Колека победил немцев, в 1340 г. Тут есть курган, под которым будто бы погребены убитые немцы. Победа произошла на 24 июня и потому здесь долгое время бывали на этот день игрища с кулачными боями. Игрища в XVIII в. были запрещены, образ Иоанна Крестителя, написанный будто бы самим посадником, перенесён в Гдовский Николаевский монастырь, а в погосте Рудне устроен предел в честь Иоанна Предтечи. Чрез несколько времени образ снова явился в Кушельской часовне и, по воле псковского и нарвского архиепископа Симона, снова перенесён в Гдов. По упразднении монастыря образ протоиереем Несвицким перенесён во Гдовский Дмитриевский собор, где находится и ныне. О победе посадника над немцами есть надпись на образе.

Источники: **1.** *Глазов В. Н.* [Об археологических древностях Гдовского уезда по разным известным автору источникам]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3. Л. 82; **2.** *Андреев, Ефим.* Краткие историко-статистические сведения о церквах и приходах Гдовского уезда // Историко-статистические сообщения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. X. – СПб.: Издание Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета, 1885. – С. 176–177.

Ил. 1. Часовня Святого Георгия Победоносца в селе Ложголово Сланцевского района Ленинградской области. 2004. Снимок Василия Шелёмина

3. Громаднейшие кости ног

По рассказу владелицы имения Стелёво в известных ей курганах[6] нашли: кости черепа, длинные кости пальцев, зубы; из вещей: два кольца без замка (один конец заходит за другой) и бусы стеклянные; вещи, кажется, предполагали дачники передать в музей.

По рассказу же копавшего крестьянина, видели там: трупы рядами, громадные кости ног, голову с длинными волосами и с надписью на лобных костях.

Ещё говорил Капитон Ильин, 49 лет, крестьянин деревни Большое Конезерье: лет сорок тому назад подобрался один большеконезерский крестьянин очень глубоко под сопки и вытащил оттуда кость ноги очень длинную.

И в деревне Пески[7] при обработке крестьянами земли около «Мóгил» попадались человеческие кости крупной величины.

Источники: **1.** *[Целепи Л. Н.]* Описание курганов, находящихся в Лужском уезде, Городецкой волости, Конезерском обществе. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 6. Л. 15, 15 об., 18 об.; **2.** *Антонов В.* [Сообщение Лужского уезда 4-го стана пристава о древностях Турской волости деревень Турская Горка, Пески и села Турская Горка указанного уезда]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 6. Л. 30.

4. Крест, на котором приплыл Святой Георгий

В ста саженях от церкви в селе Ложголово[8] есть каменная часовня во имя Святого Георгия [*ил. 1*]. В ней находится каменный крест 2½ аршин высоты [*ил. 2*]. О кресте говорят, будто на нём Святой Георгий приплыл сюда по ручью и остановился близ того места, где стоит часовня.

Источники: **1.** *Глазов В. Н.* [Об археологических древностях Гдовского уезда по разным известным автору источникам]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3. Л. 124–125; **2.** Историко-статистические сообщения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. X. – СПб.: Издание Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета, 1885. – С. 197.

Ил. 2. Крест из часовни Святого Георгия Победоносца в селе Ложголово Сланцевского района Ленинградской области. XV–XVI вв. Снимок 13 октября 2011 г. © regionavtica.ru

5. Шли Литейщики и секли всё

Происхождение Копытецких курганов[9] объясняют нашествием Литвы. Леонтий Матвеев, копытецкий крестьянин, рассказывал: «Шли Литейщики и секли всё, были они некрещёные. И шли они так до Новгорода, пришли они туда, а Софийская Божья Матерь и ослепила их, и друг друга перерезали, и так они там кончались, и Литейный год кончался. А когда Литва ещё шла, то всех забирала и тем усиливалась».

В селе Старополье[10] тоже повторяется предание о Литве, которая будто проходила через это село и Рогожск.

Источники: **1.** *[Целепи Л. Н.]* Описание курганов, находящихся в Лужском уезде, Городецкой волости, Конезерском обществе. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 6. Л. 15, 18; **2.** *Глазов В. Н.* [Об археологических древностях Гдовского уезда по разным известным автору источникам]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3. Л. 122–123; **3.** *Трусман Ю. А.* Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. Сообщение, сделанное в заседании Отделения этнографии 7 декабря 1884 г. // Известия Императорского Русского Географического общества. – Т. XXI. – Вып. 3. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885. – С. 177–199.

6. Заповедные ледины около озера Врево

Около озера Врево[11] на расстоянии саженей в пятнадцати и от Большого Конезерья приблизительно саженей в двадцать пять на север от реки Хвощанки, на юг от Большого Конезерья и от озера на северо-восток на правом берегу Хвощанки находятся могилы. На этих могилах растут громаднейшие сосны и ели, и можжевельники. Этот лес, да и вообще все леса здешние крестьяне называют *лединами*.

Все дерева заповедные; когда в 1896 г. бурей и молнией вырвало из земли четырнадцать сосен, то они больше года лежали не убранные. Но, наконец, всё-таки крестьяне продали одной женщине за ведро водки. Они ими починила себе избу в деревне Домкино[12] и теперь там живёт.

Говорят, был такой случай: один крестьянин вырубил потихоньку одно дерево, что-то сделал из него, кажется, столбы в кузнице, и в ту же ночь кузница сгорела.

Источник: *[Целепи Л. Н.]* Описание курганов, находящихся в Лужском уезде, Городецкой волости, Конезерском обществе. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 6. Л. 19 об., 20.

Ил. 3. Сопка у деревни Кшевы ночью. Снимок 3 ноября 2012 г. © regionavtica.ru

7. Водские деревни в Шелонской пятине[13]

В саженях ста на юг от деревни Брод, справа от дороги в деревню Кчера[14], видны следы бывших курганов, из которых не осталось ни одного целого. Свидетельствуют о них лишь большие валуны, лежащие по межам пашни.

По левой стороне дороги из деревни Кшевы[15] в деревню Невежицы[16] имеется громадное курганное поле из не менее ста курганов. Обложены они камнями, многие имеют головные и ножные камни. На всех холмах растёт орешник, очевидно когда-то насаженный, так как по свойству почвы он не мог иметь естественного происхождения и в окружающем лесу нигде не встречается [*ил. 3*]. Курганное поле это находится в пустоши Чуглево[17], принадлежащей на праве собственности крестьянам деревни Подберезье[18], расположенной от неё в 24 верстах [*ил. 4*].

Ил. 4. Часовня Казанской (?) иконы Божией Матери в деревне Подберезье Батецкого района Новгородской области. Снимок 3 ноября 2012 г. © regionavtica.ru

По правую сторону дороги из деревни Кшевы, не доезжая до деревни Великое Село[19] двух с половиною вёрст, в пустоши Ретили[20] имеется ещё более курганов, чем в пустоши Чуглево.

Источник: *Целепи Л. Н.* К Археологической карте Санкт-Петербургской губернии. Восточная часть Лужского уезда, Шелонская пятина. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 8. Л. 7 об., 10 об.

8. Камни в часовне имения Ильжо Второе

От имения Ильжо Второе[21] на расстоянии версты к востоку находится каменная часовня, построенная на месте старой деревянной, которая, по преданию, существовала более трёхсот лет.

Ил. 5

Часовня на небольшой горе, а кругом неё расположены курганы круглой, конусообразной формы, вышиною около полутора аршин. Большинство курганов стёрлись с поверхностью земли, а пять ясно сохранили свою форму.

Курганы обложены около оснований большими камнями, а на курганах растут большие вековые сосны и берёзы, толщиною в два обхвата.

Ил. 6

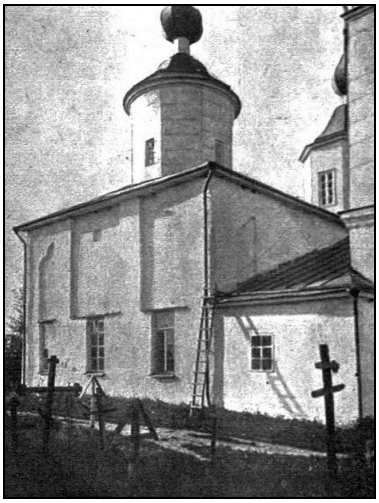
В часовне хранятся несколько камней, взятых из курганов. Камни эти по виду или крестообразные с какими-то непонятными надписями, например, форма камня с надписью [*ил. 5*], или круглые с дырочками, изображающими крест [*ил. 6*].

Источник: *Тэтэр Е.*, учитель Смердовского земского училища. Описание курганов, находящихся близ деревни Бараново Кологородской волости и близ имения Ильжо 2-е Городецкой волости Лужского уезда. 14 октября 1901. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 6. Л. 3.

9. Осьминские кладовые книги

По словам крестьянки Авдотьи Кузьминой, у её мужа была тетрадь, где были указаны места с кладами, но какой-то барин взял её почитать и не возвратил. Местный Алексей Иванов рассказывал, что в Осьмине[22] имелась такая рукопись, но где она находится, неизвестно, кажется, в архиве «Русской старины», а копия ещё у Бельского[23] духовенства. По словам дьякона Г. Георгиевского, у покойного управляющего Осьминской уездной конторою С. А. Галкина была кладовая книга, но она по официальному требованию была отослана в Петербург[24].

Источник: *Глазов В. Н.* [Об археологических древностях Гдовского уезда по разным известным автору источникам]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3. Л. 108.



Ил. 7 и *8.* Погост Ольгин Крест. Церковь Св. Николая Чудотворца. XV–XVI вв. Уничтожена в 1944 г. Виды с северо-запада (*слева*) и с северо-востока (*справа*)

Воспроизведено: *Покрышкин П. П.* Церкви псковского типа XV–XVI столетия по восточному побережью Чудского озера и на р. Нарове // Известия Императорской Археологической комиссии. – СПб., 1907. – Вып. 22. – С. 34

10. Ольгин крест

О названии «Ольгин крест»[25] рассказывают, что святая княгиня Ольга ездила сюда из Пскова, чрез Чудское озеро, раскидывала здесь шатры и занималась звериной охотой. И доныне место в трёхстах саженях к северу от церкви называется *Зверинцем*, а местность по другую сторону реки Наровы носит название *Князь-село*, будто здесь временно находились князья, сопровождавшие святую Ольгу.

Предание говорит, что Ольга, будучи уже христианкой, водрузила здесь святой крест в память спасения от гибели, угрожавшей её в Нарвских порогах.

Здешний храм каменный, из плиты, холодный[26]; построенный, по преданию, иждивением какого-то псковского купца [*ил. 7* и *8*]. На одном старинном колоколе написано, что его «вылил 1712-го года января 14 дня псковитянин посадский человек Фома Котельник».

При церкви – деревянная часовня в честь святой Ольги с каменным памятником в виде седалища. Тут, будто бы, отдыхала Равноапостольная княгиня[27].

Источники: **1.** *Яновский В.*, священник Кресто-Ольгинской церкви. Письмо в Санкт-Петербургский Археологический институт. Ольгин Крест. 8 октября 1901. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 1. Л. 16; **2.** *Глазов В. Н.* [Об археологических древностях Гдовского уезда по разным известным автору источникам]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3. Л. 26; **3.** Историко-статистические сообщения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. X. – СПб.: Издание Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета, 1885. – С. 190.

11. Две иконы, приплывшие на камнях

Крестьянин Антон говорил, что жители Карина[28] были монастырские крестьяне, приписанные к Новгороду, и только в царствование Николая I перешедшие в ведомство Департаментов Уделов. Это известие тем более правдоподобно, что здесь существует предание, что две иконы приплыли сюда на камнях. По нашему мнению, это указывает на связь жителей с Новгородом.

Источники: **1.** *Глазов В. Н.* [Об археологических древностях Гдовского уезда по разным известным автору источникам]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3. Л. 123; **2.** *Трусман Ю. А.* Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. Сообщение, сделанное в заседании Отделения этнографии 7 декабря 1884 г. // Известия Императорского Русского Географического общества. – Т. XXI. – Вып. 3. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885. – С. 193–195.

12. Никольский Польский монастырь

По преданию, некогда был Польский Никольский монастырь[29], и предки нынешних крестьян ходили туда для обработки «архиерейских полос».

Предание подтверждается подписью на Синодике: «Синодик церкви Никольского Польского монастыря, изо Гдова, а писан в 1686 г. от Рождества Христова». Ряд князей в Синодике, начатый князем Владимиров, кончается Алексеем Михайловичем. Предание добавляет, что монастырь разорён «в Литву» и что при этом один из колоколов был опущен в колодезь, а потом повешен на колокольню прежней деревянной церкви. Прежняя здешняя церковь, деревянная, во имя Святителя Николая, была построена по упразднении монастыря в 1736 или 1737 г. В 1799 г. она показана в описи ветхою.

Новый храм освящён в 1805 г. В храме хранятся древние набойчатые крашенинные ризы[30].

Источники: **1.** *Глазов В. Н.* [Об археологических древностях Гдовского уезда по разным известным автору источникам]. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 3. Л. 95–97; **2.** Историко-статистические сообщения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. X. – СПб.: Издание Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета, 1885. – С. 211–214.

* * *

Как видим, даже в этой единичной выборке – практически полный набор элементов культуры Древней Руси и её соседей на Северо-Западе – своеобразная энциклопедия «русского духа», весьма познавательная, в том числе с точки зрения характера интереса к историко-культурным вопросам современников Н. К. Рериха и его самого. Для нас особо значимо и символично то, что начальный этап его творческого поиска в области этнографии и археологии прямо связан с нашим ре-

гионом, и мы можем увязать его результаты с актуальными культурно-образовательными маршрутами.

Работа Музея-института семьи Рерихов по подготовке туристических маршрутов по Ленинградской области и в смежных регионах Севера Европы состоит в сравнительном изучении Рериховского наследия, дополнительных архивных материалов, приуроченных к пунктам его поездок и раскопок, исследовании жизни и творчества лиц из круга его общения. Сами маршруты обязательно базируются на музеефицированном материале, то есть они содержат отсылки к фондовым уникумам нашего музея и других учреждений науки и культуры.

Как правило, наши научно-экскурсионные поездки разработаны как «маршруты одного дня» в различных вариациях, хотя они могут быть распространены и на многодневный формат. И отправной – тематический ли, географический ли, хронотипический ли – «сюжет» каждой поездки основан на преданиях, сохранившихся в архиве Н. К. Рериха – редактора-составителя Археологической карты Санкт-Петербургской губернии. Эти до сих пор мало изученные документы ныне составляют фонд № 37 («Н. К. Рерих) в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН. Всё сохранённое в этом фонде ценно как с точки зрения археологии и этнографии региона, так и с точки зрения рериховедения, поскольку обнаруживает прямую связь с известными произведениями художника, будь то живопись, поэзия или проза. Кроме фонда № 37, другими источниками преданий являются ранние рукописи Н. К. Рериха в делах Императорской Археологической комиссии (фонд № 1 в РА ИИМК РАН), его статья «На кургане» (1898) и другие тексты в той части, которая соответствует преданиям фонда № 37.

Впервые о Н. К. Рерихе как учёном-этнографе в 2001 г. написал известный отечественный специалист по истории этнографии Александр Михайлович Решетов. В ней он, в частности, дал такие обобщения о вкладе Н. К. Рериха в этнографию:

«Как этноархеолог Рерих пытался найти следы древней води и понять этногенетические и этнокультурные процессы, протекавшие в древности на территории Санкт-Петербургской губернии. Изварский могильник он рассматривал как предполагаемое погребение древней води. 19 сентября 1897 г. на заседании Императорского Русского Археологического общества он прочёл реферат об итогах своих раскопок. <…>

Во время своих экспедиций Рерих занимался и этнографическими наблюдениями. Так, будучи в 1903 г. в Печорах, он обратил внимание на сету – православную народность, говорящую на эстонском языке <…>.

В отчётах о научных заседаниях, в которых принимал участие на рубеже веков Рерих, его нередко называли художник-археолог. Надо учесть, что термины археология, археолог в то время обозначали более широкое понятие, нежели теперь, и в той или иной мере включали сферы смежных наук – этнографии, фольклористики и т. д. Указание на то, что он был ещё и художником, как бы свидетельствовало о неразрывности его художественных и научных интересов. Рерих систематически и системно объединял в себе научное познание и художественное видение, и только так он мог работать»[31].

В формировании наших маршрутов за основу взят интерес к конкретным местам или темам («сюжетам») самого Н. К. Рериха. Следуя, что называется, «по стопам» Николая Константиновича, мы продолжаем обрабатывать полученные им и собранные уже нами сведения по этнографии и археологии региона: записи бесед и наблюдений, легенд и преданий, обычаев и обрядов; анализируем его археологические находки; отмечаем особенности быта, элементы костюма, архитектуры, игры на музыкальных инструментах и т. п., которые привлекли его внимание, и ищем им аналогии в нашем времени, по возможности, в той же местности. В таком ключе составляется маршрут, позволяющий участникам в своей культурно-досуговой части получить представление об историческом значении памятников материальной и духовной культуры, охватить всю панораму биографического, художественного, литературного, научно-обработанного материала. Попутно создаются хорошие условия для доступного, качественного, полезного и приятного пребывания в природно-ландшафтной среде и знакомства с достопримечательностями. Другая часть любого разработанного маршрута обязательно содержит образовательную и, в некоторой степени, научно-исследовательскую составляющие, которые позволяют принять участие в так называемых «этнографических практиках», ориентированных в первую очередь на различные учебные группы. В данных практиках заложены возможности фиксировать подробности увиденных памятников и праздников, отслеживать единство и различия фольклорных сюжетов, осуществлять сравнение обрядовой жизни различных культурно-национальных групп, проживающих в нашем регионе.

Для того чтобы очертить примерный круг возможных маршрутов, мы обращаемся к «Перечню преданий из архива Н. К. Рериха по областям бытования»[32], что даёт возможность опираться на научные изыскания самого художника-учёного. Тематические маршруты выстраиваются в определённых исследованиями Н. К. Рериха направлениях. Например, по различным волостям бывших Гдовского, Лужского, Петергофского, Царскосельского и Шлиссельбургского уездов, а также, в современных границах, по Волосовскому и Гатчинскому районам Ленинградской области. В зависимости от состава и профиля группы разрабатывается экскурсия, в ходе которой участники знакомятся с тематикой и историей исследований, проводившихся Н. К. Рерихом, с историей его поездок в данные районы бывшей Петербургской губернии, слушают определённые предания, бытовавшие или бытующие в тех или иных местах по маршруту. Во время поездки или пешего похода группа получает возможность «в живую» изучить природные и ландшафтные, историко-этнографические особенности местности, сохранившиеся памятники архитектуры, узнать о местных древностях и исторических событиях. Одним из результатов прохождения маршрута может быть задание учащимся сравнить современную этнокультурную ситуацию в регионе с тем материалом, который когда-то собрали Н. К. Рерих и его помощники по составлению Археологической карты.

Можно предложить путешествующим, помимо автобусной поездки, такие комплексные варианты маршрута, как путешествие на велосипедах, пешие прогулки; возможны автомобильные путешествия, поездки на внедорожниках и другие соче-

тания. Такие маршруты ориентированы на различные заинтересованные группы: на семейную аудиторию; на сотрудников образовательных учреждений; на художников; на учёных; на лиц, увлекающихся путешествиями по труднопроходимым и живописным местам на специальном транспорте; и т. д. Кроме того, может быть включён и оздоровительный момент. Все маршруты данного профиля не являются окончательно сформированными, они находятся в состоянии постоянного изменения и апробации, в соответствии с уровнем подготовки и интересов участников.

Одним из примеров произведённой апробации является организация в одном из образовательных учреждений высшей школы Санкт-Петербурга Образовательно-паломнического центра «Град Светлый» – исключительно силами сотрудников Музея-института семьи Рерихов. За три года существования, в 2011–2013 гг., центр «Град Светлый» провёл десятки экскурсионных поездок по Владимирской, Вологодской, Ивановской, Костромской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Тверской, Ярославской областям и в Республику Карелия. Были организованы творческие студенческие конкурсы, подготовлены аналитические обзоры и доклады на специальных научно-практических конференциях[33].

* * *

Таким образом, культурно-образовательная экскурсионная программа, предлагаемая Музеем-институтом семьи Рерихов в Ленинградской области и смежных с ней регионах Севера Европы, делится на две составляющие: **культурно-досуговую** и **образовательную**, или **научно-исследовательскую**.

Кроме того, эти маршруты, как упоминалось выше, являются **«сюжетными»**. Они могут быть составлены на основе одной темы – по названию любой из двенадцати групп преданий. Тогда «сюжет» поездки может иметь более широкий географический аспект. В случае необходимости, «сюжет» поездки может быть локализован не в пределах конкретной группы преданий, а в одной местности; это может быть экскурсия даже в одно место. Тогда участники получают возможность затронуть своим вниманием не одну группу преданий, а сразу две, три или даже больше, вплоть до всех, характерных для данного места. Наконец, самый сложный «сюжет» поездки может быть построен по хронотипическому принципу. Построенные таким образом экскурсии оказываются самыми интересными и запоминающимися. Хронотопический принцип способствует обогащению содержания экскурсии информацией о художественном времени и художественном пространстве героев произведений Н. К. Рериха. Посещая те или иные места, мы проникаем «здесь и сейчас» как будто «здесь и тогда» в содержательную глубину и эстетическую выразительность всего того, что нам оставил великий мастер. Так мы можем полнее сложить своё собственное восприятие художественной модели определённой эпохи на основе восприятия «гения эпохи» и «гения места», в данном случае – Н. К. Рериха. Это восприятие неизбежно приведёт к глубоким внутренним переживаниям не только эстетического, но и этического характера. После такой поездки каждый человек возвращается не столько «потрясённый», сколько в самом лучшем смысле этого слова «изменённый».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Горы Азии скрывают от современной цивилизации древние культуры и религии, в которых этнографы могут найти неисчерпаемые источники для исследования. Чего стоят костюмированные праздники, ритуалы, обычаи и символы, священные рощи и народные предания, которые представляют огромный интерес для любого этнографа! В долине Кулу постоянно ведётся изучение фольклора, диалектов, языков и физических особенностей народа, живущего у порога Гималаев» *(Рерих Ю. Н.* Вершина современной науки. – 1933 г. *// Рерих Ю. Н.* Тибет и Центральная Азия. Статьи. Лекции. Переводы. – Самара: Агни, 1999. – С. 200).
[2] См. об этом: *Мельников В. Л.* Предания Северо-Запада в научном архиве Н. К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 426–433; *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и Северо-Запад России: университетские традиции // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск: Издательство ОмГУ, 2004. – Ч. 3. – С. 186–19
[3] Предания в архиве Рериха: 1894–1902 гг. / Составитель, автор введения, вступительной статьи, комментария и примечаний В. Л. Мельников. – СПб., 1994. – 133 л. – Репринт в РДФ СПбГМИСР.
[4] Деревня в Константиновской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии (бассейн озера Долгого). Находится в современном Сланцевском районе Ленинградской области.
[5] **Доложский**, он же **Михайловский**, **погост** находится в селе Заручье Сланцевского района Ленинградской области. На погосте восстанавливается церковь Успения Пресвятой Богородицы, в которой некогда хранилась чудотворная икона, явленная в Доложских пещерах. В нескольких километрах от села Заручье, не доезжая до деревни Лужки, на реке Долгой находятся развалины Свято-Успенского скита на месте явления Богородицы. Возле скита в русле реки находится камень со следом стопы Богородицы. (Благодарим за эти сведения Андрея Дёмкина, автора статьи «Погост Доложск (Заручье): печерский источник и камень следовик “стопа Богородицы”». Режим доступа: http://www.town812.ru/dolozsk-zaruchie.html. См. также: *Будько В. И.* Статьи и краеведческие статьи о Доложске // *Будько В. И.* Север Гдовщины. – Псков, 2005. – С. 322–335).
[6] «Курганы находятся в Лужском уезде Городецкой волости деревне Копытец в двух верстах от озера Врево и почти в версте от реки Хвощенки, и находятся на левом её берегу, на север от деревни Копытец и на юг от реки. От курганов до Копытца полверсты и от курганов до другой деревни Ростово тоже полверсты» (*[Целепи Л. Н.]* Описание курганов, находящихся в Лужском уезде, Городецкой волости, Конезерском обществе. Без даты. Автограф. РА ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 6. Л. 15).
[7] В Турской волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. Ныне на территории Новгородской области.
[8] В Ложголовской волости Гдовского уезда (бассейн реки Долгой). Ныне в Сланцевском районе Ленинградской области (Ямбургское благочиние).
[9] У деревни Копытец Городецкой волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. Ныне это место в Лужском районе Ленинградской области.
[10] В Старопольской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии (бассейн реки Долгой). Ныне в Сланцевском районе Ленинградской области.
[11] Находится в современном Лужском районе Ленинградской области. Озеро вытянулось параллельно Черменецкому озеру на 14 км. Оба озера образуют многочисленные полуострова и косы, огибают поросшие лесом живописные холмы, богаты рыбой. От находящейся вблизи озера Врево деревни Стелёво идёт дорога в большой лес, известный у местного населения под названием Волчинец. Н. К. Рерих в статье «На кургане» (1898) имел в виду и это озеро, когда писал, что «в южной, более возвышенной части [Санкт-Петербургской], занятой не только новгородцами и пскови-

чами, не мало удобных для поселения мест в системе озёр Вердуга, Сяберское, Черемецкое и др.». Об этой же местности упоминал и А. А. Спицын в «Обозрении некоторых губерний и областей России в археологическом отношении». См.: *Рерих Н. К.* Собрание сочинений. – Кн. I. – М.: Издательство И. Д. Сытина, 1914. – С. 5.

[12] В современном Лужском районе Ленинградской области. Во времена Н. К. Рериха здесь находилась усадьба Глазенапов. В 1886 г. имение в Домкино приобрела жена выходца из лифляндских дворян шведского происхождения **Сергея Павловича Глазенапа** (1848—1937) – Татьяна Захаровна, урождённая Васильева. Глазенапы не были обижены потомством – один за другим родились пятеро сыновей и четыре дочери. Удивительно разнообразны были интересы С. П. Глазенапа – действительного статского советника, профессора и деканата физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Окончив в 1870 г. физико-математический факультет университета, он начал изучать астрономию, затем поступил на службу в Пулковскую обсерваторию и в 1882 г. защитил диссертацию и получил степень доктора астрономии и геодезии. При его активном участии было создано Российское Астрономическое общество, председателем которого он избирался с 1890 г. В начале XX в. помещичья усадьба Домкино стала его научной лабораторией. Наблюдение за звёздами учёный не мог прерывать даже на летнее время и потому построил небольшую домашнюю обсерваторию в домкинской усадьбе. В 1929 г. он получил звание почётного члена Академии наук СССР, а в 1932 г. стал Героем Труда. См.: *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. – СПб., 2001. – С. 175–181.

[13] Речь идёт о местности в восточной части Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии, часть которой ныне в Ленинградской области, а часть – в Новгородской.

[14] Ныне населённые пункты в Батецком районе Новгородской области. Автор сообщения об этих местах Л. Н. Целепи также приводит следующие сведения. Как считает Г. А. Немиров (автор статьи в газете «Новое время» в № 8758 от 16/29 июля 1900 г.), слово «Кчерá», быть может, происходит от *унче* (по-тунгусски – лебедь) и *ра* – окончание некоторых рек на языке, которого он определить не может, но родственного санскриту. Или от *качэр*, по-венгерски – селезень. То же по-польски – *качор*, а также по-вендо-сербски и по-русски – *качур*. Общий смысл – лебединая река или местность. Однако деревня Кчера не стоит ни на какой реке и даже не имеет ручья.

[15] Также находится в современном Батецком районе Новгородской области.

[16] Ныне в Лужском районе Ленинградской области.

[17] Л. Н. Целепи добавляет, что Чуглево, по сообщению Г. А. Немирова, это *чукля* – «кривой» по-зырянски.

[18] Находится в современном Батецком районе Новгородской области. Неподалёку от этой деревни находится знаменитая Шум-гора – сакрально-погребальный древнеславянский памятник, расположенный на левом берегу реки Луги. Сооружение датируется VIII–X вв. и является одним из самых больших средневековых курганов Европы.

[19] Ныне в Лужском районе Ленинградской области.

[20] Л. Н. Целепи добавляет, что **Ретили**, по сообщению Г. А. Немирова, это *retelli* – решётка, лестница по-фински.

[21] **Ильжо** – легендарная усадьба в Лужском районе Ленинградской области, история которой уходит корнями ещё в средневековье, – достигла своего расцвета в XIX в. Сельцо Ильжо упоминается ещё в писцовых книгах Шелонской пятины, а с самого начала XVIII в. оно принадлежало фамилии Скобельцыных. С 1781 г. его владельцами были гвардии поручик Андрей и сержант Алексей Ивановичи Скобельцыны. Их наследники продали Ильжо по частям. Так образовались два имения – Среднее и Верхнее Ильжо. Было ещё и Нижнее Ильжо, по названию деревни, расположенной на берегу озера Лисичкино, и принадлежавшее в XVIII–XIX вв. Милюковым и Колокольцевым. **Ильжо Второе**, упомянутое в приводимом здесь тексте Евграфа Тэтэра, это усадьба Ильжо Сред-

нее. С 1846 г. этой усадьбой владела большая ценительница искусств Мария Александровна Снарская, у которой в начале 1870-х гг. снимали комнаты художники И. И. Шишкин, К. А. Савицкий и И. Н. Крамской, чьи заветы с юности хранил Н. К. Рерих. Иван Иванович создал здесь такие известные картины, как «Полдень», «Пруд в старом парке», «Лесная глушь». Иван Николаевич, по свидетельству друзей, «катал тут по два-три этюда в день». Он подробно и с любовью описал Ильжо в своих письмах: однажды ему пришлось выгонять из усадьбы цыган, которые, расположившись неподалёку табором, хотели поживиться в доме какой-нибудь едой и утварью. Следующий владелец усадьбы, почётный гражданин Яков Яковлевич ван дер Флит, завёл в ней образцовую молочную ферму, которая славилась в Петербурге и окрестностях. Парное молоко ежедневно доставляли в столицу по железной дороге: практичный Я. Я. ван дер Флит даже выстроил неподалёку от своих угодий специальную платформу для поездов. Сейчас дом и пейзажный парк влачат жалкое существование, хотя все ещё сохраняют следы былого великолепия. А некоторые постройки, вроде охотничьего домика и молочной, сохранились почти в первозданном виде. В конце XIX – начале XX в. у имения Ильжо Второе было уже два владельца: титулярный советник Нестор Александрович Теребенев (405 десятин) и Я. Я. ван дер Флит (2572 десятины). См.: *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Указ. соч. – С. 182–191; Официальный сайт муниципального образования «Серебрянское сельское поселение Лужского муниципального района Ленинградской области». – Режим доступа: http://серебрянское.рф/?p=155.

[22] В настоящее время **О́сьмино** – посёлок в Лужском районе Ленинградской области, административный центр Осьминского сельского поселения. В 1675 г. в селе Осьмино впервые упоминается деревянная церковь Св. Георгия, после пожара она была заново отстроена в 1709 г., полностью перестроена в 1747 и 1896 гг., в 1937 г. церковь закрыта. Подверглась разрушениям, к настоящему времени практически утратила облик храма. Возвращена общине в 1995 г., действует. На карте Санкт-Петербургской губернии Ф. Ф. Шуберта 1834 г. упоминаются два смежных села: *Осмино*, состоящее из 85 дворов, и *Осмино Гора*, из 52 дворов. К 1838 г. в Осьмино появилась деревянная церковь во имя Тихвинской Иконы Божией Матери, в 1862 г. была выстроена первая часовня, в 1885 г. – вторая. В XIX – начале XX в. село административно относилось к Осьминской волости 1-го стана Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии.

[23] По данным на 14 октября 2010 г., в населённом пункте **Бельское** Осьминского сельского поселения Лужского района Ленинградской области проживает один человек. Храма в настоящее время не существует.

[24] Ср. с тем, что пишет Н. К. Рерих в статье «На кургане» (1898): «…И клады знакомы воронам! Не найдёшь их, коли тебе не ведомы древние книги и записи, что о них говорят. Писали те книги старые люди. Клады лежат по укромным местам. Знают наказы о кладах не только вороны, но и многие старые люди, а кладов всё не найдут. Верно, положен на них кровавый зарок». Здесь же примечание: «Такие записи кладов действительно ходят в народе. Мне один мужичок предлагал купить такую книжку, купленную им от старого нищего. Рукопись была писана на русском, польском и эстонском языках. Внешние даты, по-видимому, списаны с натуры» (*Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 20– 21).

[25] **О́льгин Крест** (**погост Ольгин Крест** или **Наровская церковь**) – историческое место в Загривском сельском поселении Сланцевского района Ленинградской области на берегу реки Нарова, недалеко от упразднённой деревни Скарятина Гора, где ранее располагалась церковь Святого Николая Чудотворца. Здесь находился один из древнейших погостов Северо-Запада Руси. В XIX – начале XX в. погост административно относился к 1-му стану Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. В 1920–1944 гг. находился на территории Эстонии. На месте развалин Никольской церкви в наши дни установлен металлический поклонный крест, почитаемый паломниками. В день Святой Ольги 24 июля здесь ежегодно традиционно проводится торжественный

молебен и народный праздник. См.: *Будько В. И.* Наровские церкви в Ольгином Кресте // *Будько В. И.* Север Гдовщины. – Псков, 2005. – С. 293–298.

[26] **Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая**, однопрестольная; в 1887 г. пристроен придел Св. благоверной великой княгини Ольги. До революции в приходе церкви числилось 8 часовен, в нём состояли: погост Ольгин Крест, деревни Степановщина, Омут, Скарятина Гора, Мокреди, Большое Загривье, Малое Загривье, Большой и Малый Кундуш, Радовело, Заборовье, Дюк Переволока, Переволока, Князь-село, Верхнее село. См.: Историко-статистические сообщения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. X. – СПб.: Издание Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета, 1885. – С. 190–194; *Кутепов Н. М.* Памятная книжка по Санкт-Петербургской епархии. – СПб., 1899. – С. 306–307.

[27] В 1913 г. Н. К. Рерих опубликовал заметку «Памятник Св. Ольге», в которой есть и такие слова: «Разве может отвечать широко думавшей княгине Ольге памятник-фигура, конечно, вовсе не схожая с оригиналом? Только памятник-музей, который в будущем запечатлеет всю жизнь родного края, может быть достойным памяти Св. Ольги» (*Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 191).

[28] Деревня **Карино** находится в современном Сланцевском районе Ленинградской области, в 5 км от старинного села Старополье. Исследователь чудской истории Г. Г. Трусман предполагает, что название Карино произошло от финского *karinen* – каменистый.

[29] В деревне **Большие Поля** в Выскатской волости Гдовского уезда (бассейн реки Кушолки). Старейший монастырь к северу от Пскова, основанный в 1424 г.

[30] Такие ризы носили все первые святые Русской Церкви, включая преподобных Сергия Радонежского и Зосиму Соловецкого.

[31] *Решетов А. М.* Н. К. Рерих как этнограф. // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 449–450.

[32] Предания в архиве Рериха: 1894–1902 гг. / Составитель, автор введения, вступительной статьи, комментария и примечаний В. Л. Мельников. – СПб., 1994. – Л. 118–119.

[33] *Мельников В. Л.* Частные усадебные музеи прошлого как объекты культурного туризма // Музей и проблемы «культурного туризма»: Материалы 10-го Круглого стола 12–13 апреля 2012 года / Государственный Эрмитаж. – СПб.: ГЭ, 2012. – С. 90–95; *Бондаренко А. А., Куклик Н. В., Мельников В. Л.* Программы этнокультурного туризма и общее культурное наследие народов Северо-Запада Европы в работе Музея-института семьи Рерихов // Культура и сервис: Культурный туризм и экскурсионная деятельность. Сборник материалов IV Межрегиональной научно-практической конференции. 28 сентября 2012 г. / Сост.: М. И. Васильев, Н. М. Мышьякова. – СПб.: Издательство СПбГУСЭ, 2012. – С. 118–127; *Мазаева-Каненга А. К., Мельников В. Л.* Народные предания и карта древностей Петербургской губернии из архива Н. К. Рериха как основа культурно-образовательных маршрутов Музея-института семьи Рерихов // *Там же*. – С. 136–142; *Мельников В. Л., Мельникова Д. Н.* Этнокультурное наследие води и ижоры как база для развития этнографического туризма на Северо-Западе России // *Там же*. – С. 142–158; *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Инновационный характер партнёрства Музея-института семьи Рерихов и Университета сервиса и экономики // Инновационные технологии в сервисе: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 18–19 октября 2012 года. Санкт-Петербург / Под научной редакцией Т. И. Безденежных. – СПб.: Издательство СПбГУСЭ, 2012. – С. 269–270; *Мельников В. Л.* К вопросу об изучении «Фотоальбома семьи Рерихов», хранящегося в Музее-институте семьи Рерихов // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 56–72.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. ... 5
Приветствия. ... 6
Иерей отец Н. Н. Мочалкин. ... 6
Е. П. Яковлева. ... 8
Н. Г. Скворцов. ... 10
А. А. Бондаренко. ... 11
В. Л. Мельников. ... 12
Ю. Ю. Будникова. ... 20
И. О. Лебедева. ... 20
А. Н. Трегубова. ... 20
Организационный комитет конференции. ... 22
Программный комитет конференции. ... 23

I. НАЧАЛО РУСИ. СЛАВЯНЕ И ВАРЯГИ

В. А. Шуршина. Круг тем выставки «Начало Руси. Славяне и варяги». ... 24
Е. П. Маточкин. Н. К. Рерих: Варяжское море. ... 35
А. А. Савкина. «Славянская симфония» Н. К. Рериха. ... 45
О. В. Киреева. Варяги и начало городов русских. ... 49
И. В. Савосина. Могилёв на пути «Из Варяг в Греки». ... 54
Ю. Ю. Будникова. «Русская тема» в творчестве Н. К. Рериха. ... 60
А. А. Азизян. «Бес» Онежского озера и древнейший прототип Бабы-яги с Древнего Востока. ... 62
Н. Г. Краснодембская, Н. Е. Мазалова. Велесова книга в свете Рериховского наследия. ... 99
Е. С. Соболева. Вклад Музея антропологии и этнографии в организацию археологического изучения России в конце XIX – начале XX века. ... 103

II. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ВЫСОКОГО РУССКОГО СТИЛЯ

В. А. Булкин. Заметки о национальном стиле в архитектуре. ... 121
А. К. Крылов. Врата Русского стиля. ... 124
Приложение. Каталог работ Мастерской церковно-исторической живописи Российской Академии художеств на выставке «Врата русского стиля». ... 127
М. П. Капралов. Н. К. Рерих и Фёдоровский городок в Царском Селе. ... 136
Г. И. Аверина. Мой Феодоровский Русский городок. ... 140
Г. Б. Майорова. Планируемая роспись Феодоровского Государева собора по архивным материалам. ... 142
О. В. Савченко. Феодоровский Государев собор в Царском Селе. Особенности иконографической программы праздничного и местного рядов иконостаса. ... 160
В. Л. Мельников. Н. К. Рерих и возрождение русских традиций культуры. ... 165
Здесь же. **Н. К. Рерих.** Стража у врат. 1916 г. ... 169
Н. К. Рерих. Письмо художника. 1914 г. ... 186

А. А. Савкина. Об университетском выпускном сочинении Н. К. Рериха, посвящённом художественным древностям Руси. 206

Ю. Ю. Будникова. Образ Белого Града в творчестве Н. К. Рериха. 212

Е. А. Боровская. Вклад Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств в утверждение высокого Русского стиля. 220

И. В. Тупицын. Создание и деятельность Комитета попечительства о русской иконописи. 226

Н. А. Подвинцева. Традиции древнерусского иконописания в контексте Нового времени (на примере Невьянской иконы и творчества Н. К. Рериха). 229

И. Б. Васильянов. Воссоздание иконостаса церкви Покрова Богородицы в Невском лесопарке. ... 235

П. И. Кутенков. Единство переходов души русского человека. 239

С. С. Левошко. Поиски «современности» в православном зодчестве Русского зарубежья. Чехословакия, тридцатые годы. 247

III. РЕРИХИ И ИХ СОВРЕМЕННИКИ

М. Н. Чеснокова. Выставка «Голенищевы-Кутузовы. Военная доблесть и творческий гений». Живая связь поколений и сохранение наследия. 251

П. И. Крылов. КФР и ДФР, или Константин Фёдорович Рерих и Добровольный флот России. 259

Л. Д. Шехурина. Н. К. Рерих и А. Ф. Мантель. 263

А. П. Соболев. Художественные произведения Н. К. Рериха в русских и зарубежных изданиях. Новые открытия. 276

В. Л. Мельников. Н. А. Рубакин и Рерихи. 288
Здесь же. **Н. А. Рубакин.** Приветствие И. Д. Сытину. 1916 г. 294
Н. К. Рерих. Приветствие И. Д. Сытину. 1916 г. 295

В. В. Кострюкова. Мемориальная библиотека семьи Митусовых в Музее-институте семьи Рерихов. 300

В. Л. Мельников. Документы Ю. Н. Рериха в личном архиве Л. С. Митусовой. 304
Здесь же. **Ю. Н. Рерих.** Письмо Л. С. и Т. С. Митусовым. Москва. 26 апреля 1958 г. 306

П. И. Крылов. Ю. Н. Рерих и Институт тибетологии в Гангтоке (Сикким). 311

П. Н. Шумкова. Тибетский учёный Гедун Чойпхел и Ю. Н. Рерих. 320

Т. В. Пугинская. Монгольский этап Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха: Юм-бейсе кюрен и Шара-Хулусун булаг. 330

И. С. Аникина, В. Л. Мельников. Памяти Софии Сигизмундовны Рерих и Лидии Константиновны Озеровой. 332

В. В. Монастырский. О том печальном дне, когда мы провожали в последний путь Людмилу Степановну Митусову. 345

Е. В. Бакалдина. Хибиногорский период жизни и деятельности С. С. Митусова (по материалам СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов»). 349

У. Е. Гапоненко, В. Л. Мельников. Собрание графических работ Р. В. Тронина в фондах СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов». 364

А. А. Игнатьев. Хранитель карты рериховских раскопок в Боровичском крае. 374

А. А. Азизян. Семья Рерихов в новых поступлениях в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. 379

Б. В. Вершинин, В. Л. Мельников. Солнышко на Плющихе. 393

IV. РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

В. В. Вихров. Пьер Кюри и исследование психических феноменов. 398

А. П. Чернеевский. Естествознание – познание природы или управление природой? 404

А. В. Гогин. В преддверии глобального культурно-экологического кризиса: ценности жизни на весах культуры. 406

С. Ю. Ключников. Духовная энергия человека и законы финансовой вселенной. 411

Ю. Ю. Будникова. Использование представлений о психической энергии в работе современных психологов. 427

А. И. Херсонов. Эверест человечности. 428

А. В. Левичев. О нескольких естественнонаучных гипотезах и математических конструкциях. ... 435

Н. Аувал, А. В. Левичев. Проективное пространство-время $S^1 \times SO(3)$ как подстилающее компактного космоса Сигала. 445

N. Awal, A. Levichev. The projective world $S^1 \times SO(3)$ as underlying Segal's compact cosmos. 447

А. К. Гуц. Мир как интерференция исторических эпох. 448

И. Ю. Александров. Концепция становления европейской науки К. А. Свасьяна. 452

V. ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕРИХОВСКОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ, НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ДРУГОЙ РАБОТЕ

С. А. Севастьянова. Реставрация «Пермского иконостаса» Н. К. Рериха и С. И. Вашкова. 476

В. В. Никишин, И. Ю. Соловьёва. Практика исследования и реставрации картины Н. К. Рериха «Книга Голубиная». 477

Здесь же. **Н. К. Рерих.** Живопись. 483

Е. П. Яковлева. О необходимости дальнейшего рассмотрения вопросов реставрации и экспертизы художественного наследия Н. К. Рериха и его семьи. 487

А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников. Санкт-Петербург – крупнейший центр реставрации Рериховского наследия. 488

К. И. Новосельский. Изучение жизни Рерихов, их предшественников, сотрудников и последователей с помощью интерактивных Интернет-карт. 490

И. С. Возмитель. Интерактивность как характеристика библиотеки современного информационного общества. 492

В. Ю. Жуков. О возможных алгоритмах биографического метода применительно к предшественникам, сотрудникам и последователям семьи Рерихов. 495

А. А. Бондаренко, Н. В. Куклик, В. Л. Мельников, Д. Н. Мельникова. Карело-финские маршруты в программах этнокультурного туризма Музея-института семьи Рерихов. 497

А. К. Мазаева-Каненга, В. Л. Мельников. К вопросу о развитии культурно-образовательных маршрутов Музея-института семьи Рерихов (Ещё двенадцать преданий из архива Н. К. Рериха). 502

Иллюстрированное научно-художественное издание
«Рериховское наследие»
Труды конференции
Том XII

Цитаты из «Учения Живой Этики» (Агни-Йоги) даны по тексту, размещённому на сайте Общества Агни-Йоги (Нью-Йорк) в сети Интернет: http://agniyoga.org/ay_ru/ay_ru_downloads.html.

В оформлении издания использованы концовки из журнала «Искусство и художественная промышленность» (1898–1899 гг.).

Художник Т. А. Обатнина

Подписано в печать 16.11.2014 г. Формат 70 × 100 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 52. Тираж 500 экз. Заказ 1031.

Отпечатано в типографии
«К-8», Санкт-Петербург
Измайловский пр., д. 18-д

ISBN 978-5-906782-06-9

